

Вера Викторовна Камша Кровь Заката

Хроники Арции – 3

«Кровь Заката»: Эксмо-Пресс; Москва; 2006
ISBN 5-04-010307-7, 5-699-17965-8

Аннотация

Смерти нет, есть дорога в иные миры и вечное расставание с теми, кто остается оплакивать ушедших. Но если призывают долг и любовь, некоторым из них суждено вернуться. Герика, Рене, Роман, однажды принешие себя в жертву во имя жизни Тарры, снова приходят на ее землю. Потому что идет война, льется древняя кровь в междоусобной бойне, развязанной потомками Арроев, потому что искажена история и забыта правда, и герои названы врагами, а предатели – святыми. Потому что вот-вот рухнет последняя преграда на пути Зла, готового затопить Тарру.

Вера Камша Кровь Заката

Моим друзьям Николаю Аверкину, Веронике Алборти, Майку Гончарову, Илье Виниченко и Артему Хачатурову.

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Домогарова, Юрия Нерсесова и Павла Шульженка.

СИНОПСИС, ИЛИ ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ

В изначальные времена Таррой владели создавшие ее боги во главе с Великим Оммом. Населяло этот мир несколько разумных рас, в том числе и люди, но любимыми детьми богов были гоблины. И случилось так, что Ройгу, бог тумана, лжи и снов, замыслил единолично

править миром, но был повержен и развоплощен, а его дух заточен под Корбутскими горами. Однако было предсказано, что рано или поздно бог-отступник освободится, соберет бесчисленные рати и вновь сразится с воинством Омма.

Задолго до назначенного срока в мир Тарры вторглись силы Света, победившие и уничтожившие прежних богов и большинство их слуг. К счастью для Тарры, кровь Омма уцелела – один из сыновей Отца Богов провел ночь накануне битвы со смертной из рода людей по имени Линета. Девушка первой узнала об исходе боя, но не бежала. Ей удалось пройти на Поле Смерти, охраняемое пришедшими вместе со Светозарными эльфами. Залиэль, Лебединая королева, пропустила Линету к умирающему возлюбленному, и она унесла с собой его меч, откованный для битвы с ордами Ройгу. Затем Линета укрылась в горах у гоблинов, единственной из рас Тарры, сохранившей верность прежним богам.

Время разбросало потомков Инты (так называли гоблины возлюбленную сына Омма) по всей Тарре. Старая кровь смешалась с эльфийской в жилах владык Эланда, государства маринеров¹ на северо-западе Арцийского материка. Эландцы не молились никому, но считали своими покровителями Великих Братьев, принимавших облик огромного орла и золотого дракона.

К этому времени Светозарные, предполагая свое поражение и гибель Тарры, покинули ее, взяв с собой эльфов и уничтожив нарождающееся племя магов. Однако двое из семи, Ангес и Адена, Воин и Дева, пошли против братьев и сестер, не желая бросать на произвол судьбы мир, защитники и хранители которого были уничтожены.

Ангес и Адена сделали так, что в Тарре остались два эльфийских клана – клан Лебеда и клан Серебряной Луны, владыкам которых Воин и Дева передали свои талисманы. Эльфы должны были помочь Тарре взрастить собственных магов-защитников, но далеко не все согласились променять жизнь в Свете ради отринутого ими мира. Между «Лебедами» и «Лунными» вспыхнула братоубийственная война, в которой уцелели немногие.

А медлить было нельзя. В своем заточении начинал шевелиться Ройгу, но не это было самым страшным. Сопоставляя реальные события с сурианскими преданиями и тем, что удавалось узнать с помощью магии, Ларэн Лунный король пришел к выводу, что еще до прихода Светозарных и бунта Ройгу в Тарре объявилась некая чужеродная сила, не обладающая божественной природой и могуществом, но странным образом влияющая на мысли и поступки других, в том числе и богов. Ларэн полагал, что Ройгу был не более чем игрушкой в руках укрывшегося в Сером море пришельца, дожидającego своего часа.

Во время своих странствий Ларэн, поддавшись чувству жалости, спас и вылечил молодого повстанца Эрасти Церну, обреченного на смерть собственным побратимом. Для людей Эрасти погиб и был причислен к лику святых, на деле же он стал учеником Лунного короля, угадавшего в спасенном задатки великого мага. Эрасти не обманул ожиданий Ларэна. Он превзошел по силе своего учителя, став первым истинным магом Тарры. Знамения, предвещающие возвращение Ройгу, были все явственнее, и Эрасти начал действовать. Правда, то, что он проповедовал, шло вразрез с учением Церкви Единой и Единственной. Эрасти был предан анафеме и наречен Проклятым, против него предприняли Святой Поход, но церковное войско было разбито. Однако Проклятый все же был побежден и заточен за Последними горами. Это сделала возлюбленная Эрасти Циала, которая в награду за свой подвиг, на деле являвшийся величайшим предательством, была избрана Архипастырем Церкви.

После смерти Циала была объявлена святой, а учрежденный ею циалианский орден (единственный из церковных орденов, в который вступали женщины) стал одним из самых сильных и влиятельных. По иронии судьбы наиболее почитаемыми святыми в землях, входящих в лоно Церкви Единой и Единственной, стали равноапостольная Циала и

¹ Маринер – вольный моряк, иногда – торговец, иногда – наемник, иногда – пират. Маринеры имели свой кодекс чести, нарушитель которого приговаривался к смерти Советом, куда входили самые уважаемые вольные капитаны. Местом сбора Совета была Идакона, столица Эланда.

великомученик Эрасти.

После поражения Эрасти остатки клана Серебряной Луны покинули Арцийский материк и укрылись на Лунных островах. Ларэн хотел познать природу таящегося в Сером море зла и вместе с горсткой соратников отправился на поиски, откуда никто не вернулся. Уцелевшие эльфы клана Лебеда, которых возглавил старший сын Залиэли Эмзар Снежное Крыло, еще раньше ушли в болота на юго-востоке Арции. Для людей эльфы, гоблины и чудовища прежних эпох стали сказкой, а Первые боги и Светозарные и вовсе были забыты, уступив место понятной людям религии, умело поддерживаемой Церковью. Почти тысячу лет Тарра, мир без богов, жила своей жизнью, ни о чем не вспоминая и ничего не опасаясь.

В 2228 году от Великого Исхода некоронованный владыка Эланда герцог Рене Аррой и бард Роман Ясный (он же Нэо Рамиэрль из Дома Розы, внук Залиэли, эльфийский разведчик в мире людей) оказываются втянуты в круговерть странных событий. Одни еще можно было списать за счет совпадений и политических интриг, но другие объясняет лишь пробуждение древней страшной магии. Рене и Роман понимают, что причиной осязаемых бед является господарь Тарский, Михай Годой, связавшийся со служителями культа Ройгу.

Идя по следу древнего Пророчества, Роман догадывается, что святой Эрасти и Проклятый – одно и то же лицо, и становится обладателем Черного кольца, талисмана, оставленного Проклятым тому, кто сможет понять его послание. Кроме того, эльф-разведчик разгадывает смысл хранящейся в Святом городе Кантиске картины-Пророчества, нарисованной Эрасти.

Оно предупреждает, что судьба Тарры скоро окажется в руках Эстель Оскоры, Темной Звезды, женщины, в чьих жилах течет Старая Кровь. Она даст жизнь младенцу, который после прохождения ряда магических ритуалов станет новым воплощением бога Ройгу. После рождения младенца Эстель Оскора обретет силу, равную силе, которой в этот момент обладает ее супруг и его прислужники.

Вступая в сговор с ройгианцами, Михай Годой поставил условием, что избранницей Ройгу, Эстель Оскорой, будет его дочь Герики, которую он с раннего детства готовил для этой цели. Кроткая и забитая Герики должна была стать послушным орудием в отцовских руках, но жизнь распорядилась так, что полубезумная Герики ускользает от ройгианцев и Годоя и встречает Романа. С помощью эльфийской магии и кольца Эрасти Рамиэрль уничтожает чудовищного младенца и возвращает Герику с порога небытия. Однако вмешавшиеся в игру Великие Братья сделали так, что в тело дочери Годоя вселяется иная душа. Новая Герики, обладая памятью и внешностью прежней и магической силой Эстель Оскоры, по сути является совсем другой женщиной, сильной и гордой, достойной соперницей Михаю Годую.

Еще одной надеждой Тарры остается Эрасти Церна. Роман убежден, что тот жив и его можно освободить, а силы и знаний Проклятого достаточно, чтобы дать бой не только Михаю и Ройгу, но и самому источнику разъедающего Тарру Зла. Но когда Роман добирается до места заточения Эрасти, дорога оказывается перекрытой ройгианскими заклятиями.

Начавшаяся в окраинных королевствах Таяне и Тарске смута постепенно захватывает всю Тарру. Перед лицом смертельной угрозы примиряются, казалось бы, непримиримые враги. Калиф Эр-Атэва Майхуб протягивает руку герцогу Эланда Рене Аррою, эльф Рамиэрль находит союзников среди гоблинов Южного Корбута, а уцелевшие слуги Первых Богов Тарры становятся плечом к плечу с эльфами.

Схватка Годоя и Рене, вошедшая в историю Тарры как Война Оленя, подробно описана в двух предыдущих хрониках. И в жилах Михая, и в жилах Рене текла смешанная кровь. Оба были потомками Омма и эльфов, оба были более чем людьми, хотя долгое время не догадывались об этом. Целью Михая была власть, ради которой он не жалел никого и ничего. Рене же никогда не желал власти, но судьба уготовила ему сначала роль вождя, а потом и императора.

Жизнь сталкивает герцога Рене и Герику Годойю, и Эстель Оскора понимает, что

любит Рене и ее место рядом с ним. Именно вмешательство Герики, разрушившей ройгианские боевые заветы, решает исход войны.

Магия гасит магию, все зависит теперь от силы мечей и искусства полководцев. Несмотря на значительное численное превосходство, армия узурпатора побеждена в генеральном сражении, Михай с помощью магии бежит в Таяну, где находит смерть от кинжала собственной супруги. Под скипетром Рене Арроя объединяются Арция, Эланд, Таяна и Тарска. С гоблинами и атэвами заключен вечный мир, по всем признакам Благодатные земли ожидает золотой век, но самые прозорливые – Рене, Роман, Эмзар, кардинал Иоахиммиус, калиф Майхуб – понимают, что Тар-ра получила не более чем отсрочку, так как не Годой и даже не ройгианцы являются корнем зла. Опасность по-прежнему прячется в Сером море.

Вопреки дурным пророчествам Рене и Роман на корабле «Созвездие Рыси» уходят на поиски врага. Герика следует со своим возлюбленным. По пути, на Лунных островах они встречают эльфов и покинувшую когда-то свой клан и ставшую возлюбленной Ларэна Залиэль. Она предлагает Рене план, с помощью которого появляется возможность победить. Рене соглашается, хотя и понимает, что шансов на победу и возвращение у него практически нет. Однако Залиэль не открывает Рене всей правды. Ее главная цель отнюдь не победа над их таинственным противником, которую Лебединая королева почитает невозможной. Она хочет отослать как можно дальше от Тарры Герику, так как, пока одна Эстель Оскора не нашла упокоение в земле Тарры, другой нет и быть не может, а значит, Ройгу никогда не обретет стойкого материального воплощения.

Залиэли удастся обмануть и Герику, которая, полагая, что спасает этим возлюбленного, бросается в магический огонь и покидает Тарру.

По погасшему магическому пламени Роман понимает, что Залиэль погибла, и Рене, вероятнее всего, тоже, но Эстель Оскора теперь недоступна для сил, намеревающихся овладеть Таррой. Эльф не может даже предполагать, сколько времени продлится ее скитания по иным мирам, но рано или поздно Герика, обретя силы и знания истинного мага, вернется, и он должен ее встретить.

Готовятся к будущей войне и другие. Кардинал Иоахиммиус, опасаясь чрезмерного усиления циалянского ордена, убеждает Архипастыря Феликса в необходимости сохранить для будущих поколений правду о Войне Оленя. Союзником Иоахиммиуса становится калиф Майхуб, по приказу которого в пустыне Эр-Гидал строится более похожая на неприступную крепость обитель, в тайниках которой надежно укрыты реликвии, в том числе и Пророчество Эрасти. В горах Корбута южные гоблины клянутся в своей верности «крови Инты», соратник Рене великий герцог Таяны Шандер Гардани заключает с ними вечный союз, а старый маринер Эрик решается в присутствии Архипастыря Феликса принять Агва Закта, яд, наделяющий умирающего пророческим даром. Старому маринеру не дает покоя проклятие, выкрикнутое ненавидящей Рене старухой перед отплытием «Созвездия Рыси», предрекающее потомкам Арроя кровавую междоусобицу, а самому Рене участь худшую, чем просто смерть. Эрик ценой своей жизни хочет открыть правду тем, кто остается.

Феликсу удастся расслышать и записать последние слова Эрика: «Нужно ждать, – ждать, даже когда это будет казаться безумием. Ждать и помнить. В землю упали зерна. Им нужно время. Придет год Трех Звезд, и поднимет меч Последний из Королей. Голубая Звезда канет в море, Алая вернется на небо, Темная не погаснет. Она зажжена Избранным, но озарит путь Последнему, предвещая победу. Не бойтесь Ночи, не бойтесь Дня. Тьма защитит от Тьмы, Свет от Света. Не плачьте об уходящих в бой. «Созвездие Рыси»... Темная звезда... Им не сойтись, но сияние их вечно...»

ВСТУПЛЕНИЕ

Серебришь, бубенчик, на шее вола...

– Девушка из снега, зачем ты пришла?
– На лугу зеленом ищу я цветок,
Всходит ночь по склонам, а дуг мой далек.
– Губ твоих сиянье – не свет ли небес?
– То звезда, с которой любимый воскрес.
– Что прижмешь ты к сердцу, в саду покружив?
– Меч, хранимый милым. Он умер, но жив!
– Не любовь ли ищешь, вверяясь судьбе?
Не любовь ли ищешь, Бог в помощь тебе.
Сыщешь ты едва ли того, кто приник
К омуту печали под сном звездик.
Серебрись, бубенчик, на шее вола...
Девушка из снега, зачем ты пришла?
Серебрись, бубенчик, на шее вола...
Родниковой кровью душа изошла.

Ф. Г. Лорка

Ярко горели восковые факелы, заливая светом пиршественный зал. Ольгерд Длинный праздновал совершеннолетие единственного сына – в третьем часу пополуночи Зигмунду исполнился ровно двадцать один год и двадцать один день. Юноша стал мужчиной и отныне должен не только отвечать за себя перед богами и людьми, но и быть готов принять бремя власти, буде отец не сможет его нести. Увы, король не верил, что его отпрыск сможет удержать вожжи, слишком уж тот был изнежен и слаб. Где ему повелевать тысячами суровых воинов, знавших только войну, давать отпор Нижним, глядеть в глаза Горной Ведьме, когда придется просить ее и впредь помогать исскам.

Суровый и подчас жестокий Ольгерд рано потерял жену, и страх за здоровье наследника не позволял ему брать с рождения слабого ребенка в походы, заставляя его часами бегать взапуски с гончими и стоять на камнях с поднятым мечом, пока усталость не заставит опустить оружие. Король боялся потерять сына – и потерял его. Зигмунд вырос капризным и пугливым. При помощи учителей с Низа юноша выучился читать толстые книжки с пестрыми миниатюрами, бренчать на лютне и слагать непонятные Ольгерду и его воинам вирши, но не был способен заменить на троне отца, к которому относился с приторным почтением, бесившим сурового и прямого исска. Даже Олайя, юная жена короля, которая, как надеялся венценосный супруг, вскоре осчастливит его многочисленным потомством (а что, его собственному отцу Вольфгангу Медвежьей Лапе в год рождения Ольгерда сравнялось полсотни и еще четыре года, а ему нет и сорока пяти!), почитала принца ничтожеством. Стоило тому появиться на отцовской половине, как девочка уходила к себе, презрительно передернув точеными плечиками.

При мысли о жене сердце владыки потеплело. Он и вообразить не мог, что дочь одного из Нижних, отданная ему в заложницы, покорит его сердце. Тем паче Олайя совсем не походила на его первую жену, наделенную богами внешностью валькирии. Дочь рагайского короля Меридита была грациозным миниатюрным созданием, резвым и горячим, как огонь в камине. А как она его любила! Уж в этом-то Ольгерд не сомневался, недаром, когда переговоры с Меридитом и его союзниками были благополучно завершены и заложники могли вернуться, девушка ударилась в слезы и, нагрубив присланному за ней вельможе, выскочила из комнаты. Отправившийся за ней по долгу гостеприимства Ольгерд не поверил своим ушам, когда среди всхлипываний и жалоб, перемежаемых яростными нападками на собственного отца, сначала отдавшего ее, а потом забирающего, прорвались слова любви.

Решенье созрело немедленно. Ему нужен еще один сын, а то, что рагайка еще и знатна, лишь прибавит веса исскам, владыки которых войдут в круг венценосных семей Двадцати Королевств. И потом, девушка была красива, куда лучше его последней любовницы, чьи прелести королю начинали приедаться. Правду сказать, Олайя сначала слегка испугалась его слишком варварского проявления чувств, но через мгновение она, забыв о слезах, всю хохотала, прижимаясь огненной головкой к груди Ольгерда. То, что жена едва доставала ему

до воротника, умиляло, хотя король всегда думал, что любит рослых женщин. Наверное, потому, что до появления в своей постели рыжего котенка никого не любил. Ильда, подарившая ему неудачного сына, была дочерью отцовского соратника и подругой детства, они слишком рано узнали, что предназначены друг другу. Отчаянья это не вызвало, но и радости тоже. Ильда была хорошей женой и достойной королевой, но она умерла семнадцать лет назад. Больше он не женился: ночных подруг хватало, но ни любви, ни государственной надобности не было. И вот теперь Олайя. Только бы у девочки все прошло благополучно, уж слишком узкие у нее бедра... Надо же! Он, похоже, боится расплескать еще не наполненный кувшин, ну да рано или поздно он наполнится. Может быть, даже этой ночью.

Король, сглотнув, отвернулся от жены, одетой в золотисто-зеленое платье, красиво оттеняющее безупречно белую кожу и огненные волосы. Он должен сегодня пировать до зари и остаться на ногах, провожая последнего гостя. Чтобы никто, не приведи боги, не сказал, что Длинный сдает или, того хуже, обабился и держится за женину юбку. Что ж, пить так пить! Для начала ему предстоит в одиночку осушить рог, поданный наследником. Король, слегка поморщившись – не о таком сыне мечталось, поднялся во весь свой немалый рост. Принц, от волнения побледнев (о боги, какая бестолочь!), обеими руками поднял оправленный в золото рог и, улыбаясь словно бы приклеенной улыбкой, подошел к отцу. По традиции, как только король выпьет, бочка, из которой налито вино, будет выплеснута в огонь в честь богов, после чего в зал внесут зажаренного целиком горного кабана, и начнется настоящий пир.

Ольгерд легко одной рукой поднял тяжеленный сосуд, подождал, когда стихнет одобрителный гул, и поднес ко рту. Выпить он не успел. Намертво запертые Черные Двери, ведущие на галерею, распахнулись, как распахиваются ставни крестьянской халупы от порыва ветра, хотя сдвинуть с места огромные, обитые позеленевшей бронзой створки было под силу разве что урагану, а на улице стояла тишь позднего лета. И хозяева, и ошалевшие гости с удивлением и ужасом уставились на высокую женщину в черном, чья рука опиралась на холку огромной снежной рыси. Горная Ведьма почтила своим присутствием пиршественный зал!

Ее узнали все, хотя видели немногие. Вопреки титулу Облачных Владык, вот уже шесть поколений передававшемуся в роду Ольгерда, истинной владычицей Черных гор была именно она. Никто не знал, кто она и откуда пришла, но когда согнанный со своих земель немилосердными соседями и взбесившимся морем народ иссков был прижат к горам, к ним вышла женщина со снежной рысью и указала дорогу. Преследователи же оказались погребены под снежными лавинами. С тех пор люди и Ведьма жили рядом.

Исски не забыли добра и, хотя она ничего и никогда не требовала, считали своим долгом в День Спасения устраивать в ее честь празднование с плясками между костров и сбрасыванием в ревущий горный поток подношений. Чтили Ведьму и Облачные Владыки. Когда новый король принимал Венец и Меч из рук жрецов, он поднимался по едва заметной каменистой тропе к Рысей горе, в одной из бесчисленных пещер которой, по слухам, она и обитала. Иногда Ведьма показывалась сразу, иногда приходилось ждать несколько дней, но она всегда появлялась. Даже Слуги Ветра не знали, о чем она говорит с наследником, но лишь после встречи с Ведьмой он становился Облачным Владыкой.

Исские жрецы попытались ставить в ее честь храмы и собирать десятину, но она воспротивилась этому весьма решительно. Здания и жертвенники, не успев подняться, оказывались расколоты молниями или сброшены в пропасть. Наиболее ретивые, присвоившие право говорить от имени Ведьмы, лишались языка или сходили с ума и начинали лопотать вздор. Исски поняли, что Ведьма не терпит посредников и не желает поклонения. С этим смирились. Ее побаивались и вместе с тем на нее надеялись.

Случалось, отчаявшиеся отправлялись в горы в поисках защиты или помощи; чаще всего эти походы заканчивались впустую, но некоторым везло. И тогда случалось всякое. Ведьма не была доброй, но она была справедливой, и если уж вмешивалась, то наказание часто превышало провинность. Чаще всего она приходила под утро к дому виновного, никто

не видел, как это было, но серые утренние лучи высвечивали две цепочки следов – женских и рысьих, а на двери появлялся словно бы выжженный отпечаток узкой ладони. Это было предупреждение, после чего клеветник брал свои слова обратно, нелюбимый жених расторгал помолвку, вор возвращал краденое. Сначала так поступали не все, судьба невнятных была страшной и странной. Вот уже двести сорок весен никто не осмеливался перечить Ведьме, но никогда еще она не появлялась в Облачном Замке, никогда не вмешивалась в дела исских владык.

В огромном переполненном зале воцарилась тишина, прерываемая лишь треском сгоравших в камине огромных бревен. Все смотрели на Ведьму, а она смотрела на короля. Это была высокая женщина с бледным, совсем еще молодым лицом. Голову ее несколько раз обвивала светлая коса, из которой выбивалось несколько разноцветных прядок, словно бы колеблемых несуществующим сквозняком. Рука с длинными тонкими пальцами бездумно перебирала серебристый рысий мех, крупный чувственный рот был плотно сжат, а слегка прищуренные серые глаза смотрели жестко и спокойно.

Король опомнился первым и решительно шагнул навстречу незваной гостье с древним приветствием.

– Моя жизнь принадлежит той, кто спасла иссков. Скажи мне умереть, и я умру.

– Мне не нужна твоя жизнь, владыка, – голос Ведьмы был хрипловатым и негромким, – но она нужна исскам. Я пришла предупредить тебя. Те, кто живут внизу, но любят горное золото и ищут дорогу к морю, на рассвете подойдут к Серой Стене. Их много, они долго готовились и уверены в победе.

– Этого не может быть! – Чудовищность известия заставляла забыть о том, кто его принес.

– Это так, король, их видели орлы, их чуют рыси, а они не ошибаются. И я тоже их видела. Они идут ущельем эдельвейсов.

– Меч и доспехи! – загремел Ольгерд.

– Не спеши, – Ведьма улыбнулась, став похожей на свою четвероногую спутницу, – время терпит, сейчас они не выше Рысьего Когтя. Я не хочу, чтобы они здесь были, и горы помогут тебе. Те, кто все же поднимется, твои, сколько бы их ни было. Но сначала тебя ждет другое дело, куда менее приятное, чем честная битва. Речь идет, – глаза Ведьмы холодно блеснули, – о предательстве.

Шестеро твоих предков дарили мне свои жизни, они были мне не нужны, но верность вызывает взаимность. Я не хочу, чтоб твою жизнь прервали те, кому ты доверяешь. Я пришла за предателями, Ольгерд. Им не место в твоём доме. Отдай их мне.

– Карать предателей – долг короля, но... – Он осекся. – Я клялся служить тебе. Они твои, но кто они?

– Я не обретаю счастья, карая, король, но ты нравишься мне. Ты мне кого-то напоминаешь, кого-то, кого я некогда знала... Я не хочу, чтоб ты оказался между молотом и наковальней. Не понимаешь? Оглянись.

Ольгерд рывком обернулся и встретился с сотнями побледневших лиц. Одно лицо было особенно белым, и это было лицо его собственного сына...

– Зигмунд! Ты...

– Он, – спокойно кивнула Ведьма, – в кубке яд, который подействует на рассвете. Воспользовавшись суматохой, он хотел открыть ворота.

– Ты, – повторил король, глядя в перекошенное лицо сына, – ты вправе ненавидеть меня и желать короны. Ты знал, что я не хотел оставлять ее тебе! Ты мог убить меня, но впустить в свой дом рокайцев?! Выродок! Пей! Пей свою отраву!

Король сгреб сына за шиворот, сунув ему в лицо кубок. Наследник извивался всем телом, как нашкодивший кот, которого тычут мордой в его безобразия, но Ольгерд был неумолим.

– Венд, Ораг, держите его! – Двое дюжих воинов кинулись вперед.

– Стой, владыка иссков, – Ведьма говорила все так же ровно. – Ты отдал его мне.

– Прости, – король перевел дух, – ты заберешь его?

– Обоих. И его, и ее...

– Ее?

– Твою королеву.

– Олайя!! Это неправда!

– Правда, король. Спроси сам.

– Отец, – принц заговорил хриплым баском, сорвавшимся на визг, – отец! Это все она! Она всегда хотела меня... Я не хотел, но она угрожала мне... Она заставила меня... Заставила...

– Олайя!

– Он лжет. – Королева владела собой. – Ты должен мне верить, Оле, – большие глаза глядели с чарующей искренностью, – я люблю тебя. Только тебя. Твой сын лжет, это он хотел меня, но я отвергла его. Я виновна, что не сказала об этом, но я не хотела причинять тебе боль.

– Это она! – визжал принц. – Первый раз ЭТО было, когда ты уезжал к Сосновой вершине. Она сказала, что, если я не возьму ее, она скажет тебе, что я ее изнасиловал... Она заставляла меня водить к ней гонцов ее отца, она дала мне яд...

– Ничтожество, – женщина гневно сдвинула брови, – тебе не удастся оклеветать меня. Король справедлив.

– Да, король справедлив, – хриловатый голос Ведьмы поражал спокойствием, – но вы оба принадлежите мне.

– Госпожа! – В возгласе короля слышались все муки ада. – Госпожа, ты ошибаешься!

– Я не ошибаюсь, король, – вздохнула Ведьма, – Олайя виновна, она была конем, а твой сын – лишь телегой. Но хватит. Я забираю обоих.

– Прости, – король склонил голову, – заberi мою жизнь, но верни мне их. Я покараю их, страшно покараю, но я не могу их отдать...

– ...ведьме, – за него окончила она, – что ж, я хотела облегчить твою совесть, но, если хочешь нести эту ношу сам, неси.

– Взять их! – В голосе Ольгерда звучал металл. – Мы выступаем немедленно. Хватит прятаться за Стеной! Пусть Нижние узнают силу наших мечей, а эти... Пусть выпьют свой яд поровну. Влейте им его в глотку.

Принц продолжал вырываться и что-то блять, затем его вытошнило прямо на мозаичный пол, и он безвольно повис на руках стражников, но королева была из другого теста. От ее лица отхлынула кровь, яркие рыжие волосы лишь подчеркнули бледность кожи. Женщина с ненавистью, невероятной для столь хрупкого и изнеженного существа, глядела на короля.

– Варвар! Грубый варвар! Животное! Я презираю тебя... Насильник, ублюдок. – Поток оскорблений не оборвался, даже когда стражники выволокли осатаневшую женщину вон, ее затихающие вопли еще долго доносились с лестницы. Когда же все стихло, Ольгерд оглядел замерший зал и рявкнул:

– Все вон! Собираться во дворе с мечами.

Воины и придворные, толкаясь, бросились из зала. Вскоре в нем остались лишь король и Ведьма.

– Я должен благодарить тебя, – с трудом произнес он.

– Но ты меня ненавидишь, – закончила она, – не будь ты королем, лишившимся сегодня наследника, ты мог бы умереть или позволить себя убить, но права на это ты больше не имеешь.

– Не имею, – согласился он. – Кто ты, госпожа? Ты странно говоришь и еще более странно делаешь.

– Неважно. – Ведьма опустила в одно из кресел и замерла, словно прислушиваясь. – Если ты хочешь битвы, то тебе пора выступать. Скоро к Когтю подойдет рокайский отряд. Его вождь оказался слишком глуп и самовлюблен, он не повернул, хотя его предупреждали.

Ты должен его встретить.

– Встретим, – кивнул король, – я еще помню, кто я. И я помню свои клятвы. Я виноват перед сыном, виноват, что вырастил из доброго семени ядовитую траву. Но перед ней я чист. Клянусь тебе, она лжет. Я любил ее.

– Я верю, – серьезно кивнула Ведьма.

– Клянусь, – повторил король, – я НИКОГДА НЕ НАСИЛОВАЛ ЖЕНЩИН.

В устремленных на него серых глазах вспыхнула ослепительная искра. От бесстрастности его странной собеседницы не осталось и следа. Горная Ведьма смотрела вперед невидящим взглядом только что разбуженного человека. Затем ее губы шевельнулись, и король разобрал: «...никогда не насиловал женщин... Великий Орел! Тарра... Рене!»

ПРОЛОГ

Все выше, все выше – высот

Последнее золото.

Сновидческий голос: Восход

Навстречу Закату.

М. Цветаева

Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango²

– Вы посмели?!

– Вот как ты заговорил, милосердный и всепрощающий, когда дело коснулось тебя? Впрочем, брат меня предупреждал...

– Оставь ее!

– Кого?

– Не лги! Ты знаешь, о ком я говорю...

– Знаю, а вот знаешь ли ты? Впрочем, она в любом случае свободна в своем выборе и сделает то, что считает нужным!

– Что ты сделал с ней?!

– С кем?

– Прекрати изворачиваться.

– Я не изворачиваюсь. Да, я знаю, кем стала та, о ком ты говоришь, но ни я, ни ты, ни кто другой никогда не узнает, та ли это, о ком ты думаешь. Но кто бы она ни была, я с ней ничего не сделал, только дал ей право вернуться...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Vim vi repellere licet³

Одна из всех – за всех – противу всех!

М. Цветаева

Эстель Оскора

Я вдыхала холодный горьковатый воздух, пропитанный запахом осенних костров и полыни. Вечерело, по усыпанному крупными звездами небу порывистый ветер гнал редкие неопрятные облака. Звезды свидетельствовали – это Тарра. Или почти Тарра. Я узнавала

² Зову живых, оплакиваю мертвых, сокрушаю молнии (лат.).

³ Насилие разрешается отражать силой (лат.).

очертания созвездий, но с ними было что-то не так, они изменились, как меняется проволочный узор, если его немного растянуть.

Послышался топот, и я поспешно отступила в темноту. Конечно, бояться мне было не то чтобы нечего (и в мирах, через которые я прошла, и в междумирье хватало чудищ, с которыми мне бы не хотелось встречаться), но лошадиный топот уж точно не нес ничего такого, что могло бы причинить мне неприятности. Другое дело, что сначала следовало оглядеться. Я не знала ни времени, ни места, в котором очутилась, а изменившиеся созвездия наводили на тревожные размышления. Хотя чего следовало ожидать, если в последнем из миров, где я чуть было не осталась навсегда, устав от бессмысленных скитаний, перед моими глазами прошло шесть колен Облачных Владык, а сколько всего было до этого...

И все равно я надеялась, сама не знаю на что. Я должна была вернуться. Чтобы найти Рене, какова бы ни была его судьба, или узнать, что его больше нет. Нигде. В конце концов, его могло точно так же вышвырнуть за пределы Тарры, как и меня, но поиски следовало начинать здесь, в Арции. Даже если все окажется бессмысленным, прежде чем покончить со всем разом (а это, судя по всему, для таких, как я, дело непростое), придется довести до ума то, что начали Рене и Залиэль. А потом я отыщу и прикончу ту тварь, которая его погубила, если она все еще здесь. Прикончу и умру.

...Из-за поворота вырвалось несколько конных с факелами, за ними попарно проскакало десятка полтора воинов, за которыми следовали карета и две закрытые повозки, а замыкали процессию еще несколько десятков вояк. Все это безобразие, немилосердно грохоча и лязгая, быстро удалялось на юго-запад. Меня не так уж и занимало, куда торопится честная компания, пусть их едут, хотя, если они не дадут через час-полтора лошадям роздых, те начнут падать. Поражало другое: воины были в доспехах, весьма напоминавших железяки, бывшие в ходу при Анхеле Светлом, когда самым страшным оружием был арбалет. И эти изменившиеся звезды! Неужели я попала в прошлое?! Но этого не могло быть: по всем Законам, явным и тайным. Время не имеет обратного хода, в него нельзя войти снова, как нельзя войти в одну и ту же реку. Да, где-то оно течет быстрее, где-то медленнее, где-то и вовсе почти стоит, но нигде не идет вспять. Это невозможно, как невозможен дождь, идущий снизу вверх. Но откуда тогда эти нагрудники, налокотники, шлемы, которых в той Тарре, которую я знала, не носили уже лет двести?

От размышлений меня отвлекло мягкое, прохладное касание. Еще веселее! Меня искали, и искали с помощью магии. Заклятье было сильным и умелым... Впрочем, каким бы сильным себя ни полагал искавший меня маг, я была сильнее. Много сильнее. Я могла поймать нить его волшбы и выдернуть его сюда, как затягивает в воду нерадивого рыбака хитрая рыбина. Я не сделала этого только потому, что пошел бы такой астральный звон, что мое присутствие стало бы очевидным всем синякам Тарры. Я же чем дальше, тем больше не желала себя обнаруживать. По крайней мере, пока не пойму, что здесь творится и не ошиблась ли я, не попала ли в мир, невозможно похожий на Тарру, но отстающий от нее лет на триста...

Но сначала следовало разобраться с унюхавшим мое появление колдуном. Вряд ли он искал именно меня – о том, что я вернусь, не знали даже Великие Братья, но мое появление вызвало, не могло не вызвать изрядного астрального возмущения. Неудивительно, что кто-то пытается выяснить, что же произошло на этой дороге. Ну что ж, играть так играть. Оставаясь на месте, я довольно легко удерживала вокруг себя мельчайшие магические корпускулы, надолго прилипающие к тому, кто возмутил сей мир спонтанным появлением. Теперь оставалось ждать, а ждать я могла долго. Однако не прошло и пары ор⁴ (созвездие Агнца над горизонтом не успело смениться созвездием Иноходца), как тишину вновь разорвал стук копыт – на сей раз всадник был один и ехал крупной рысью, как нельзя лучше подходящей

⁴ Ора – единица времени, одна двадцать шестая суток (половина времени, за которое над горизонтом поднимается одно из созвездий Звездного круга).

для ночной дороги. Вскоре появился и сам наездник, лунный свет засеребрился на его шлеме. И этот туда же! Они что тут, про мушкеты вовсе позабыли, только стрел берегутся? Ладно, посмотрим, но сначала следует заняться путешественником. Возможно, я причиню ему большие неприятности, но чем-то или кем-то всегда приходится жертвовать. Я приготовилась и, когда путник (отчего-то мне подумалось, что это гонец) поравнялся со мной, мысленно произнесла Слово.

Как всегда, вокруг меня что-то стремительно обернулось и встало на свое место. Бедняга, так ничего и не почувствовав, проследовал своей дорогой, унося с собой приклеившийся к нему намертво мой астральный хвост, я же направились в противоположную сторону. Теперь я могла спокойно разузнать, что же здесь творится. Пока я не захочу, меня не обнаружит никто...

2850 год от В.И.

26-й день месяца Зеркала .

Арция. Мунт

– Не люблю Мунт, – сероглазый всадник обернулся к своему спутнику, темноволосому атлету, – как попаду сюда, так хочется бежать куда глаза глядят. Суета, вранье, взгляды какие-то липкие...

– А что ты хочешь, Шарло? Столица, одно слово...

– Наверное, – названный Шарло пожал плечами, – не понимаю, как кому-то нравится здесь копошиться, тут и дышать-то нечем!

– Сейчас ты заговоришь об Эльте, – хмыкнул темноволосый, – уж с тамошними ветрами точно не задохнешься.

– Да я и в Ифрану не прочь вернуться, – Шарло весело и открыто засмеялся, – там хоть и юг, но все просто. Война, мы, враги... Если грязь, то только под ногами.

– Повезло с тобой Лумэнам⁵, – атлет вздохнул и комично развел руками. – Другой бы на твоём месте...

– Рауль, друг мой, я тысячу раз все слышал. Я знаю, что мне скажешь ты и что думает твой отец, но это бессмысленно. Я не собираюсь выдергивать трон из-под Пьера.

– Пьера, – хмыкнул Рауль, – да Пьер тебя от своего любимого хомяка не отличит... Можно подумать, ты не знаешь, что всем Фарбье вертит.

– А можно подумать, ты не знаешь, что я знаю, что ты скажешь, – отмахнулся Шарло. – Ладно, хватит об этом. Раз уж нас занесло в этот город, давай хоть отдохнем. К королю я сейчас точно не пойду, устал!

– Я так и вовсе бы к нему не ходил...

В словах, сказанных Раулем, был свой смысл, так как спутником его был не кто иной, как Шарль Тагэре⁶, герцог Эльты и дважды правнук короля Филиппа Третьего Арроя, имевшего счастье или несчастье пережить своего старшего сына, так и умершего наследником короны. Престол перешел к внуку коронованного старца Этьену. Второй сын короля, Лионэль, герцог Ларрэн, пережил это довольно спокойно, зато третий, Жан Лумэн, счел, что на троне пристало сидеть его собственному отпрыску, а не племяннику. Этьен был свергнут и вскоре умер, то ли сам, то ли с помощью заботливых родичей, и на престоле обосновались Лумэны.

Первый Лумэн, правивший под именем Пьера Четвертого, был хоть и не самым приятным человеком, но сносным правителем. Его сын, опять-таки Пьер, полагал себя

⁵ Лумэны – королевская династия, берущая начало от третьего сына короля Филиппа Третьего Арроя. Сигна – золотые нарциссы на красном поле.

⁶ Тагэре – герцогский род, владеющий землями на севере Арции. Тагэре происходят от четвертого сына Филиппа Третьего. Сигна – серебряные нарциссы на синем поле.

великим воином, но, прежде чем погибнуть при очередной осаде Авиры, довел страну до нищеты. Наследник горе-полководца Пьер нынешний, а по счету Шестой, унаследовал корону еще в колыбели, но оказался слабоумным. Арцией, по сути, правил незаконный дядя короля Жан Фарбье⁷ Второй, а дела на затянувшейся почти на сто лет войне с отделившейся от Арции Ифраной шли хуже и хуже. И не потому, что арцийцы не умели воевать, а потому, что в самой стране творилось Проклятый⁸ знает что. Неудивительно, что и знать, и купцы, и крестьяне все чаще и чаще посматривали в сторону Шарля Тагэре, «дважды Арроя» и к тому же отменного воина и человека, думающего сначала об Арции, потом о друзьях и лишь затем о себе.

Именно поэтому Рауль имел все основания говорить, что Шарлю Тагэре нечего делать в Мунте. Под стрелами ифранских лучников красавцу герцогу и то было безопаснее, но Шарль, носивший титул лейтенанта всей Ифраны, счел уместным принять приглашение короля. Отказ означал бы открытое неповиновение короне. Вообще-то, многие арцийцы только бы обрадовались, заяви Тагэре о своих правах, но сам Шарль пока подобных стремлений не выказывал. Да, в Мунт он не хотел, но развязывать гражданскую войну не хотел еще больше. И герцог поехал, взяв с собой всего две дюжины всадников и оруженосца.

Рауль ре Фло, один из друзей герцога, увязался с ним чуть ли не насильно и всю дорогу отговаривал Шарля от визита. Не помогло. Вечером 26-го дня месяца Зеркала они въехали в столицу некогда простиравшейся от Последних гор до Старого моря империи, а ныне раздираемого на части интригами и склоками королевства. Город, впрочем, выглядел мирно и благополучно. Из открытых дверей харчевен вырывался вкусно пахнущий пар, по улицам сновали укутанные в теплые суконные накидки горожане, на многочисленных иглециях⁹ звонили к вечерней службе.

Тагэре никогда не любили столицу и так и не озаботились построить собственный дворец. Эльта, город на суровом северном берегу, недалеко от покоящейся нынче на дне Сельдяного моря Гверганды, и для деда и отца Шарля, и для него самого была лучшим местом на земле. Первый Тагэре, отказавшись поддержать брата-узурпатора, покинул Мунт добровольно, а его сыновья и единственный выживший внук отнюдь не стремились вернуться в столицу. А раз так, зачем им особняк, тем паче Тагэре всегда могли отдохнуть под крышей Мальвани. Нынешний маркиз был ближайшим другом Шарля и Рауля и, как и все в этом роду, прирожденным полководцем. Анри, получивший в прошлом году, после смерти своего отца, титул маршала¹⁰ Арции, порывался ехать вместе с друзьями, но Шарль встал на дыбы. Тагэре полагал, что нельзя оставлять армию на милость Конрада Батара, который, возможно, и неплохой военный, но слишком много думает о маршальском жезле и слишком мало об Арции. Мальвани скривился при упоминании бывшего приятеля, а теперь соперника, как от зубной боли, но остался в армии, предоставив друзьям в полное распоряжение родовое гнездо, помнящее еще героев Войны Оленя¹¹. Впрочем, строить с той

⁷ Фарбье – имя, данное вторым сыном Филиппа Третьего Жаном Лумэном своему незаконному сыну от связи с Катрин Суэль.

⁸ Проклятый – темный маг, побежденный и заточенный святой Циалой, упоминание Проклятого равноценно упоминанию черта в земных языках.

⁹ Иглеций – небольшой храм, посвященный церковному празднику или одному из святых.

¹⁰ Маршал Арции – звание командующего арцийской армии. Маршал назначается королем и утверждается Советом нобилей и Генеральными Штатами (последнее является пустой формальностью). Маршал подчиняется только королю и особам королевской крови, если кто-то из них назначается главнокомандующим во время военной кампании. В 2844 году по настоянию Совета нобилей и маршала Сезара Мальвани командующим на арцийско-ифранском театре стал двадцатипятилетний Шарль Тагэре.

¹¹ Война Оленя(2228—2230 гг.), о ней подробно рассказано в двух первых Хрониках.

поры в Арции лучше не стали, скорее наоборот.

Шарль и Рауль намеревались провести вечер вдвоем за стаканом атэвского вина, но не вышло. Не успело стемнеть, как с черного хода постучали. Наладившийся было прогнать не понимающего благородного обхождения ремесленника, мажордом склонился в почтительном поклоне перед командором¹² Мунта бароном Обеном Трюэлем, явившимся засвидетельствовать свое почтение герцогу. Нельзя сказать, чтобы Тагэре был от этого в восторге, но деваться было некуда. Трюэль, хоть и играл с упоением роль недалекого солдафона, был умен и прекрасно осведомлен о том, что творится во вверенной ему столице. Ни господин начальник Тайной Канцелярии, ни канцлер Арции, ни всемогущий королевский родственничек Жан Фарбье, не сомневаясь в способностях барона, вынужденно принимали его игру. Трюэля это, видимо, забавляло, но как выглядит командор славного города Мунта без своей обычной маски, знала разве что его сестра.

Увидев визитера, Шарль поднялся ему навстречу:

– Не скажу, что так уж рад видеть вас, барон. Мы только что с дороги, как вы, вероятно, знаете, и очень устали.

– Не сомневаюсь, – Обен, крупный, чтобы не сказать толстый, мужчина лет сорока с лицом обжоры и выпивохы пожал могучими плечами, – но лично я посоветовал бы вам промучиться в пути еще ночь. Чем дальше вы будете к утру, тем лучше для вас, да и для меня. Ловить Шарля Тагэре мне не улыбается, потом по улице не проедешь, тухлыми яйцами забросают.

– Вы хотите, чтоб я уехал? – Шарль поднял темную бровь, странно контрастирующую со светло-золотистыми волосами.

– Хочу, – не стал отпираться барон, подходя к столу и самочинно наливая себе вина, – вы даже не представляете, как хочу.

– Иными словами, – встрял в беседу Рауль ре Фло, – герцогу грозит опасность.

– Хуже, – изрек Обен, – опасность грозит мне. Поддерживать порядок в городе во время покаяния Шарля Тагэре? Увольте! Легче сразу пойти и удавиться.

– Вот даже как? – Герцог не казался ни удивленным, ни встревоженным. – Значит, Бэррот все же решился...

– Бэррот-то как раз ни при чем, это Жан с Дианой разыгрались. Ну и сволочная же баба, я скажу... Хоть бы кто ее прикончил, я бы Проклятому за это душу отдал. А Вы бы, монсигнор¹³, прежде чем в Мунт соваться, справились бы о здоровье кардинала! Он, между прочим, совсем плох.

– Сочувствую, – нагнул голову Шарль Тагэре, – мне Его Высокопреосвященство нравится, не хотелось бы, чтоб кардиналом Арцийским стало какое-нибудь надутое чучело, но при чем...

– А при том, что Евгений никогда не позволил бы схватить Тагэре и тем более не отдал бы его в руки Скорбящих, но сейчас бедняга лежит в занавешенной комнате, к нему никого не пускают. Короче, мерзко все, Ваша светлость, так что прикажите седлать коней!

– Пойду распоряжусь. – Ре Фло сделал попытку подняться.

– Садись, Рауль, – махнул рукой герцог, – никуда я не поеду. Благодарю, барон, но Тагэре от королей не бегает, тем более от таких. Тагэре вообще не бегает.

– Ну, хозяин – барин, хочет – живет, хочет – удавится. – Командор выдул еще кубок и поднялся. – На всякий случай запомните. Улица Сэн-Ришар этой ночью совершенно безопасна, а привратника в ее конце зовут Гийом-Прыщ. Ну а я, само собой, вас не видел. Если вам хочется лезть в это болото змеиное, лезьте, но я бы подождал, пока гадюки друг

¹² Командор – высокое воинское звание, которое носят командующие армиями и комендант столицы.

¹³ Монсигнор – обращение к особе королевской крови или к главе независимого герцогства.

дружку не пережальят.

– Спасибо, – снова улыбнулся Тагэре, протягивая Обену руку, которую тот и пожал с недовольным видом, пробурчав: «И все же нечего вам делать во дворце. Атэвы говорят, что гиены, если их много, могут загрызть льва, а гиен сейчас в Мунте о-го-го...»

Рауль дождался, пока слуга доложил о том, что Трюэль покинул дворец, и только после этого повернулся к Тагэре:

– Я был прав, Шарло, но сейчас не до этого. Ты должен бежать.

– Я уже сказал, что не побегу!

– Да слышал я, но это твое благородство здесь не к месту.

– Это не благородство, Рауль. – Герцог задумчиво посмотрел бокал на свет. – Надо же, какое красное, я и не замечал раньше. – И повторил: – Это не благородство и не смелость, потому что я боюсь, очень боюсь того, что творят в Замке Святого Духа. Только выхода у меня нет. Я ДОЛЖЕН завтра пойти к королю.

– Должен? Ничего не понимаю.

– Тут и понимать нечего. Согласен, я свалил самого большого дурака в своей жизни, когда сунулся в Мунт, но мы уже здесь. Не знаю, пришел ли Обен сам по себе или его кто-то послал, но то, что мы в столице, знает не только он и его люди. Синяки¹⁴, те наверняка следили за нами с самой границы. Нас или убьют при попытке к бегству или схватят, но тайно, и объявят, что мы подались за Проклятый перевал¹⁵. Может быть, ты был не так уж не прав, когда советовал поднять восстание, войска бы пошли за нами, только вот Жозеф¹⁶ под шумок оттяпал бы от Арции еще кусок. Не хочу и не могу превращать войну с самым мерзким врагом, который был у Арции за последние шестьсот лет, в смуту. Да и что я сказал бы людям? Что хочу стать королем? Но я не хочу...

– Лучше быть королем, чем покойником, – Рауль ре Фло нехорошо улыбнулся, – но ты прав. Живыми уйти трудно, даже если Обен не станет нас ловить, а я ему отчего-то верю.

– Я тоже. Этот винный бочонок нам не враг. Но нам от этого не легче. Мой единственный шанс, Рауль, – делать то, чего от меня не ждут. Если Трюэль подослан, от меня не ждут, что, узнав обо всем, я все же пойду завтра к королю, а я пойду.

– А если не подослан, и о его визите никто не знает?

– Нас выследят в любом случае. А если меня схватят, то пусть это будет при всем честном народе. От меня ждут буйства, а я сопротивляться не стану. И попытки к бегству не будет. А вот ты уедешь, но не сейчас, а утром. В ливрее одного из твоих людей, якобы с письмом в Эльту.

– Если они поднимут на тебя хвост, я запалю такой пожар...

– Хорошо бы обойтись без этого, мне отнюдь не хочется изображать из себя жертву.

А барон Обен Трюэль был недоволен. В порядке исключения он не преследовал никакой далеко идущей цели, а просто хотел, чтобы Тагэре убрался из Мунта. Герцог ему не поверил и имел на то веские основания. Обен и сам бы себе не поверил, и все же, все же Тагэре нравился ему много больше полоумного короля и его обнаглевшего родича. Фарбье

¹⁴ Синяки – презрительная кличка сыщиков из Тайной Канцелярии, в ведении которой находятся дела о государственной измене и оскорблении Величества. Согласно подписанной в 1659 году нотации (договору), Тайная Канцелярия Арции действует совместно со Скорбящими Братьями, адептами ордена святого Антония, расследующими дела о ереси и недозволенном колдовстве. Главой Скорбящих является кардинал, формально назначаемый Архипастырем и назначающий своих епископов в странах, находящихся в лоне Церкви Единой и Единственной. Синяки и Скорбящие при ведении дознаний пользовались особым рода магией.

¹⁵ Проклятый перевал, ранее именовавшийся Гремихинским или Гордой. Перевал через Лисьи горы, отделяющий Благодатные земли от впавшей в ересь Таяны.

¹⁶ Жозеф-Луи – король Ифраны.

вел себя так, словно у него на гербе не кошачьи следы¹⁷, а, самое малое, Великий Тигр¹⁸, это не могло не бесить.

Трюэль был человеком циничным и равнодушным, но Шарль его чем-то тронул, и барон, посмеиваясь над своей чувствительностью, написал сестре в Фей-Вэйю. Он не собирался рисковать собой и своим положением, но и не предпринять вообще ничего отчего-то тоже не мог.

2850 год от В.И.

26-й день месяца Зеркала.

Арция. Постоялый двор «Веселый горшок»

Эстела ре Фло со вздохом отодвинула тарелку с истекающими маслом пирожками. Есть не хотелось, ей вообще ничего не хотелось, даже жить. Все, что было хорошего, все надежды, все радости остались в родном Фло, а ее продали. Продали. Чтобы спасти владения и обезопасить братьев, племянников, сестер, кузенов. Воспитанница! Ха! Ей никогда не выйти из монастыря, уж циалянки¹⁹ об этом позаботятся. Она примет постриг, и ее жизнь мало чем будет отличаться от заключения. Эста и раньше слышала, что Лумэны при помощи бланкиссимы²⁰ Дианы берут в заложницы девушек из знатных семей, но не представляла, что именно ей уготована подобная участь. Сначала воспитанница, через два года – послушница, затем – монахиня, которой если и разрешат увидеть родичей, то лишь через решетчатое окошечко в монастырской приемной. Эстела помнила, как много лет назад они навещали сестру деда, и бледная женщина в белом тихо и монотонно говорила внучатой племяннице, что нужно молиться святой Циале и слушаться папу с мамой, а Эсте отчего-то было страшно.

А ведь когда Вивьен увезли из дома, ей было столько же лет, сколько сегодня самой Эстеле. Уж лучше сразу умереть, чем заживо гнить всю жизнь, без солнца, без родных и... без Шарля Тагэре. При мыслях о внуке первого герцога Тагэре Эстела вовсе расклеилась, и доселе сдерживаемые слезы вырвались наружу. Девушка разрыдалась, уже не заботясь о том, что на нее смотрят и ее эскорт, и все, кто находился в зале придорожной гостиницы.

Валентин Рузо, сопровождавший Эстелу ре Фло в Мунтскую обитель святой Циалы, не был злым человеком, к тому же у него тоже были сестры. Белый рыцарь понимал, что девушкам всегда тяжело отрываться от дома, эта же, по мнению Валентина, вряд ли приживется в монастыре. За свои сорок с лишним он повидал немало благородных девиц,

¹⁷ Кошачий след – в Благодатных землях на гербах незаконнорожденных, в случае, если их права признаны монархом и Церковью, к фамильному гербу (сигне) добавлялся отпечаток кошачьей лапы. Если бастард не был признан, но есть четыре свидетеля, готовые подтвердить его происхождение, он может использовать герб того же цвета, что и фамильный, где в правом верхнем углу помещается уменьшенное изображение родового символа (золотого – для мужчин, серебряного – для женщин), а через весь герб наискосок изображаются отпечатки кошачьих лап.

¹⁸ Тигр Мальвани (Великий Тигр) – изображение лежащего Тигра на фоне башни – родовая сигна Мальвани.

¹⁹ Орден святой равноапостольной Циалы – единственный, но очень влиятельный церковный орден, в котором состояли исключительно женщины. Циалянки сестры владели специфической магией. Во главе ордена стояла Наместница святой Циалы, носящая титул Ее Иносенсии. Главная резиденция ордена находилась в монастыре в Фей-Вэйе, где хранилась основная циалянская реликвия – рубиновый гарнитур, некогда принадлежавший святой. Представительства ордена играли заметную роль в жизни всех стран, находящихся в лоне Церкви. В подчинении ордена находились Рыцари Оленя (называемые также Белыми рыцарями) – воины, давшие обет безбрачия и служения. Белый рыцарь при желании мог отказаться от своего обета, вступить в брак или перейти на службу какому-либо сигнору или монарху, для этого нужно было лишь поставить в известность сестринство и дать клятву не разглашать орденских тайн. Но вернуться единожды ушедший не мог.

²⁰ Бланкиссима – титул циалянки высокой степени посвящения.

поначалу плакавших, затем молчащих, а в конце концов решительно поднимавшихся вверх по ступенькам циалянкой иерархии.

Такой была нынешняя Предстоятельница²¹ ордена Виргиния, такой будет и юная Моника Бэррот, весной принявшая обет послушания, но вот эта темноволосая девочка, задыхающаяся от страха и обиды на судьбу... Рыцарю было жаль Эстелу, но помочь он не мог, да и права не имел. Ре Фло были могущественным семейством, а явная дружба нынешнего графа и его младшего сына с Шарлем Тагэре, столь выгодно отличавшимся от сидящего на престоле слабоумного Пьера, была занозой для всех, кто сделал ставку на Лумэнов. Тагэре в отличие от родоначальника новой династии не запятнали себя свержением законного короля и братоубийством. Лумэнов терпели, потому что на их стороне была Церковь, и потому что у баронской оппозиции не было головы, но наметившийся союз двух могущественных фамилий мог стать для них роковым. В лице Шарля Тагэре и Старого Медведя²², Этьена ре Фло, оппозиция получала сразу двух вождей. Если же Эстела станет герцогиней Тагэре, то ее дети, особенно если наследуют отвагу и красоту Тагэре и честолюбие и ум владетелей Фло, могут не только потребовать корону, но и завоевать ее. Нет, бланкиссима Диана права, девушка должна стать циалянкой, это, возможно, удержит ее отца и братьев от мятежа.

Валентин подозревал, что заложниками Лумэны не ограничатся, и в глубине души был рад, что его миссия – только доставить девочку в монастырь. Куда печальнее, если бы его заставили поднять меч на Тагэре. В глубине души циалянский рыцарь не то чтобы сочувствовал Шарлю, но слишком уж тот выигрывал в сравнении с жалким полоумным юнцом, превратившим арцийскую корону в шутовской колпак. И это он, Валентин, не один десяток лет верой и правдой служащий бланкиссиме Диане и в ее лице равноапостольной Циале! Что же тогда говорить о других нобилях²³. Пьера большинство нобилей презирает и за глаза называет не иначе как дурачком, а Тагэре любят, а от такой любви до гражданской войны один шаг. Нет, бланкиссима правильно поступила, потребовав юную Эстелу, хоть и жаль ее, но покой в государстве и святое дело дороже.

Рыцарь покачал головой и потребовал старого чинтского. Несвоевременные мысли лучше всего запить. Скоро ему придется позабыть о вине – рыцарям Оленя пить не то чтоб запрещалось, но замеченные в этом могли забыть о продвижении вверх, сегодня же он еще не в обители, а в дороге, причем среди его людей, как ему кажется, доносчики отсутствуют.

Трактирщик принес кувшин и поспешно ретировался: простолюдины недолгоблюдали Белых рыцарей, хотя те и служили божьему делу. Нобили тоже предпочитали по возможности не иметь дел с теми, кто посвятил себя святой Циале, так что в уютной комнате с Эстелой и ее эскортом оставались лишь трактирщик с подавальщиками да маленькая серая кошка, в отличие от людей и не думавшая бояться воинов в белом. Валентин с умилением наблюдал, как зверушка деликатно доедает предложенное ей угощение. Затем киска подняла головку, так что стал виден аккуратный белый треугольник на шейке, и, коротко мяукнув, вспрыгнула рыцарю на колени, несколько раз обернулась вокруг себя и улеглась. Грубая мужская ладонь коснулась мягкой шерсти, кошка прищурила желто-зеленые глаза и замурлыкала. Доверие слабого всегда умиляет, и рыцарь с сожалением ссадил разнежившееся животное на пол, когда пол-оры спустя его вызвали на улицу. Гонец от Ее Иносенсии молча передал свиток, и, развернув его, Валентин ахнул.

Им предписывалось везти девушку прямо в Фей-Вэйю, минуя Мунт. Значит, юная

²¹ Предстоятельница, Предстоятель – глава церковного ордена. Главы наиболее значимых орденов (кроме циалянок) имели статус кардиналов.

²² Изображение вставшего на дыбы медведя – родовой знак семейства Фло.

²³ Нобиль – дворянин, ноблеска – дворянка.

Эстела понадобилась самой Виргинии! Что случилось, посланник не объяснил, возможно, сам не знал, но Валентин родился не вчера, объяснение могло быть лишь одно: Ее Иносенсия не намерена оставлять в руках арцийской бланкиссимы, слишком часто заглядывающей на рубины Циалы, такой козырь, как дочь Рауля ре Фло.

Скрипнув зубами, рыцарь отдал необходимые распоряжения воинам и поднялся в зал расплатиться. Хозяин гостиницы, узнав, что гости его покидают, с трудом скрыл вздох облегчения. Теперь предстояло забрать девушку. Та, к счастью, немного успокоилась, чему поспособствовала все та же трактирная кощенка. Валентин был, в сущности, незлым человеком и ничего не имел против, когда его подопечная захотела взять киску с собой. Трактирщик и вовсе лишь плечами пожал, но от дополнительной серебряной монетки, на которую можно было купить и прокормить дюжину мурок, не отказался. Вскоре опасные гости покинули гостиницу «Веселый горшок», и сразу же общая зала наполнилась смехом и разговорами.

2850 год от В.И.

27-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Обычно в эту пору в Мунте было теплее, но на этот раз осень взялась за дело раньше, чем обычно, до срока сорвав с деревьев разноцветную листву. Канцлер Луи Бэррот был человеком смелым, но иссиня-черные скрюченные стволы каштанов, лишившихся пышного летнего убранства, с детства вызывали у него безотчетный страх. Впрочем, для мерзкого настроения нынче были куда более серьезные основания, чем просто плохая погода. Жан Фарбье, заклятый друг и фактический правитель, не посоветовавшись, захватил Шарля Тагэре. Бэррот считал это чудовищной ошибкой, но он был в одной лодке с Лумэнами и бланкиссимой Дианой и понимал, что тонуть придется всем вместе, а тонуть сорокапятилетний нобиль ну никак не хотел. Он только весной закончил постройку нового особняка на Собачьей улице и поселил там очаровательную рыжую кошечку, чьим родичам пришлось дать хорошего отступного. Бэррот собирался провести осень и зиму в милых развлечениях, а эти уроды сделали все, чтобы страна заполыхала!

— Он не сопротивлялся? — Канцлер с трудом сдерживал раздражение, но командор Мунта, одновременно являющийся и начальником городской стражи, был не виноват в том, что получил идиотский приказ, а ссориться с ним было себе дороже.

— Нет, Тагэре не только не трус, но и не дурак. Вырваться из Мунта он все равно не смог бы. Я знаю, что его предупредили, но он решил, что ему не уйти. И правильно решил, между прочим, — маленькие глазки барона задержались на лице Бэррота, и тому стало не по себе, — синяки и капустницы²⁴ караулили на всех дорогах, его бы прикончили, разве что Проклятый бы помог...

— Кому он отдал шпагу? Вам?

— Никому.

— То есть?

— Красавчик Шарло переломил клинок о колено, бросил обломки за спину, скрестил руки на груди и, насмистывая, направился за синяками. Мое участие не понадобилось, чему я донельзя рад. Этот парень мне нравится. И не только мне. Молодые нобили, ошивавшиеся в королевской приемной, от его выходки были в восторге.

— Этого еще не хватало. Он в Замке²⁵?

— Где же еще... Диана с этим поганим Домиником добычу из рук не выпустят. Они

²⁴ Презрительная кличка циалианок, возникшая, видимо, из-за их белых одежд, напоминающих расцветку бабочек-капустниц.

²⁵ Замок Святого Духа — совместная резиденция Тайной Канцелярии и ордена святого Антония Скорбящего.

хотят, чтоб Шарло сказал на площади то, чего он на самом деле знать не знает.

– Я бы предпочел быть в курсе всех дел.

– А как они могут обстоять? Жан с Дианой как тот чудак из притчи, который хотел и яичницу слопать, и цыплят осенью продать. – Обен разразился довольно-таки неприятным смехом. – Если им нужна правда, герцога следовало бы отдать палачам. Может, он что и сказал бы, хотя вряд ли... Заговоры не по его части, тут скорее нужно старика ре Фло потрясти, а Шарло, тот все больше воевать любит да к женщинам в окна лазить. К тому ж беднягу придется предъявить народу, так что калечить его нельзя, а то мунтские бабы Лумэнов в клочья разорвут.

– Не паясничайте, Обен. Что сделано, то сделано. Вы не хуже меня знаете, что, пока Тагэре жив, спать нам не придется, так что нужно спешить.

– Ну и глупо, – махнул лапищей Обен, – красавчик не сделал ничего такого. Его любят, особенно на севере, это да, ну и что с того? Его отца тоже любили, а тот взял да и помер. И никто не виноват. А тут такого нагородили: и подложное письмо, и обвинение в измене, и публичное покаяние или чего там еще удумали. Тут недолго и голову сломать, причем свою...

– Это не ваше дело, – резко оборвал барона Бэррот.

– Вот уж нет, – Обен не собирался уступать, – дело самое что ни на есть наше, потому что королек ни хрена не поймет, даже если его вверх ногами повесят, эта чертова баба отсидится в монастыре, Фарбье не жалко, прибьют и ладно, а мне и вам, между прочим, по улицам ходить и по дорогам ездить. Вам нужно, чтобы какой-нибудь ополоумевший баронский сынок влепил нам в спину по стреле просто потому, что на наших плащах золотые нарциссы? Мне – нет!

Бэррот сжал зубы. Барон Обен Трюэль слыл хамом, пьяницей и взяточником, но знавшие его давным-давно убедились, что командор куда как не прост. Вот и сейчас проклятый пьянчуга смотрел в корень. Луи Бэррот был полностью с ним согласен: затея с захватом Шарля Тагэре была опасной и глупой. Однако ни его, ни Трюэля не спросили, все устроил Фарбье, заручившись согласием слабоумного короля и помощью своей любовницы. Ненависть всемогущего бастарда к Шарлю была общеизвестна, а недавний отказ ре Фло поженить единственную дочь Жана и одного из сыновей графа стала последней каплей. Старый Медведь заявил, что не собирается родниться с аганским²⁶ боровом, от которого за весу²⁷ разит кошками. Это была правда, но не вся. Хитрый ре Фло спал и видел свою дочь женой Тагэре, а внука – королем. Оскорбленный и встревоженный Фарбье начал действовать с грацией слона в посудной лавке. И как после всего этого прикажете обеспечить покой в столице?

– Ты прав, – угрюмо бросил Бэррот, – я говорил Диане и Жану, но они уперлись, как мулы. Ладно, что сделано, то сделано, а наше дело, чтобы в Мунте было тихо. Если Старый Медведь зашевелится, мы должны об этом знать.

– Мы? Ну, нет.... Когда дело дойдет до драки, на меня и моих кабанов можно рассчитывать. А подслушивать, подглядывать и шарить под кроватями – на это синяки есть.

– Хорошо, – устало вздохнул Бэррот, – но чтоб с сегодняшнего дня патрули ходили в два, нет, в три раза чаще и чтобы все улицы, примыкающие к Льюфере и ратуше, были освещены. Деньги для людей получите у казначея.

– Деньги это хорошо, – заржал толстяк, – но лично я предпочел бы получить их за другое. Связываться с Фло я злому врагу не пожелаю... Хоть бы кто вправил мозги этой Диане. Да там и мозгов-то нет, один гонор. Ну, прощай, монсигнор! – От могучего удара по спине Луи чуть не свалился, но ничем не выказал своего недовольства. Хорошими

²⁶ Жан Лумэн носил титул графа Аганского.

²⁷ Мера длины, приблизительно равная расстоянию, которое за одну ору рысью проходит лошадь.

отношениями с Обеном нужно дорожить.

А насчет Дианы старый хитрюга прав, но циалянку может унять только циалянка. Жаль, Елена тут ему не помощница, напротив. Попробуй она вмешаться, Диана только бы укрепилась в своем решении. Если он хочет переиграть эту парочку, он ни в коем случае не должен до поры до времени обнаруживать связь с ифранской бланкиссимой. Но и сидеть сложа руки больше нельзя.

Отец нынешнего Пьера был еще тем подарком, но он был королем и думал о том, что его потомки станут и дальше править Арцией, а вот сын, похоже, и вовсе не знает, зачем ему голова. Идеальный король для умного министра или духовника, но пока вокруг бедняги сплошные стервятники, которые думают о будущем не дальше чем на месяц вперед. Похоже, единственный способ выгнать взашей эту стаю – найти Пьеру подходящую невесту. Правда, бедняга не нуждается в женщине, но это и к лучшему. Он найдет королеву... для себя. И с ее помощью покажет, как нужно управлять государством. И хорошо бы, чтобы Жан со своей бланкиссимой поначалу считали, что это они выбрали подходящую девушку. Решено, именно этим он и займется, когда расхлебает историю с Шарлем.

2850 год от В.И.

29-й день месяца Зеркала.

Арция. Фей-Вэйя

– Говори все как есть, ты меня знаешь, делать при мне хорошую мину при плохой игре не стоит, – покачала головой полная женщина лет тридцати с небольшим, – так что натворили эти ублюдки?

– Шарль Тагэре явился в Мунт по приглашению короля, при нем была охранная грамота, подписанная Пьером. Сейчас он в Замке Святого Духа. – Загорелый воин с упрямым подбородком с наслаждением взял с подноса посыпанную корицей булочку, закрученную наподобие раковины улитки – Фей-Вэйя славилась своими стряпухами.

– Да ты не стесняйся.... Все только из печи, я бы с удовольствием к вам присоединилась, но я и так больше похожа не на лань²⁸, а, прости святая Циала, на свинку...

– Если сигнора простит мне такое, то пышки куда приятнее сухарей. – Вообще-то Агриппину Трюэль, сестру-наставницу в Фей-Вэе, полагалось называть «бланкиссима», но Антуан знал и ее, и ее брата с детства. Да и сама Агриппина, когда они оставались наедине, с готовностью откликалась на мирское обращение, тем паче новости, о которых сообщал Обен, не оставляли времени для этикета.

– Спасибо, Антуан, но приличия требуют, чтобы циалянская сестра не походила на жену трактирщика.

– Как глупо!

– Не спорю, но я привыкла. Какие обвинения предъявили герцогу?

– В заговоре против короны.

– Доказательства?

– Доказательств нет, если не считать свидетельств людей, которым бы я не поверил, даже скажи они в месяц Вепря, что на улице снег.

– Даже улики не подготовили? Это неразумно... Именно неразумно...

– Вот и сигнор Обен говорит то же, что и вы, сигнора Агриппина.

– Значит, Обен согласен со мной... Это и радует, и огорчает. Радует, что брат думает так же, и огорчает, потому что такую ошибку легче совершить, чем исправить... Как вы думаете, Антуан, они оба рехнулись, Фарбье и Бэррот? Или кто-то один? Что они думают делать и что говорит Диана?

– Все затеял бастард. Бэррот вне себя и думает, как выскочить из горящего курятника,

²⁸ Белый Олень – символ ордена святой равноапостольной Циалы, одно из канонических изображений которой представляет святую, возложившую руку на голову лежащего у ее ног оленя.

не подпалив хвост. Диана довольна. Она считает, что смерть Шарля Тагэре окончательно обезопасит трон Пьера.

– Дура, – не выдержала собеседница Антуана. – Самый страшный враг Лумэнов – сами Лумэны, вольно им было сотворить все глупости, которые только можно удумать. Их распрекрасный Пьер – слабоумный. Это даже мунтским тараканам известно, а слабоумный король – вечное искушение для любого сильного нобилия. Пока Тагэре на свободе, но не посягает на трон, другие поневоле сидят тихо, так как у Шарля поболее прав, чем у всех остальных, вместе взятых. Если его убить, объявится толпа мстителей с прицелом на корону. Лично я при таком раскладе за Пьера гроша ломаного не дам, они и оглянуться не успеют, как на троне окажутся ре Фло или Мальвани...

– Вот-вот, – Антуан запил угощение вином и блаженно улыбнулся: – Шарль Тагэре не больно хочет усесться на трон, но кошкин хвост в это не верит.

– Каждый судит по себе, дорогой... Ты когда возвращаешься?

– Как только бланкиссиме, – в устах Антуана титул прозвучал как-то интимно, – будет угодно меня отпустить.

– Я еду с тобой.

Антуан пожал плечами. Он и не сомневался, что она поедет. Антуан Кроасс не первый год варился в мунтской грязи, он знал, что делал его молочный брат и господин, когда посылал отвезти сигноре письмо, сообщающее, что у ее третьего племянника режутся зубки. Разумеется, тетушка Агриппина, узнав новости, не останется в стороне, но решение ехать в столицу – только ее решение. Обен ни при чем.

2850 год от В.И.

6-й день месяца Волка.

Арция. Фло

Сквозь щель в занавесках можно было видеть кусок луны, через которую неслись похожие на гончих облака. Было ветрено, и ветки огромного клена назойливо скреблись в окно, воскрешая в памяти веселые истории об оживших мертвецах и прочих прелестях.

– Отец, что мы будем делать? – Рауль ре Фло старался говорить спокойно.

– Ничего, разумеется... Пока ничего. – Немолодой мужчина, вполне достойный иметь своей сигной медведя, задумчиво потер переносицу. – Бедняга Шарль угодил в ловушку, тут уж ничего не поделаешь. Взять Мунт я пока не могу, если бы мог, крысеныш не просидел бы на троне и недели.

– Но не можем же мы бросить Шарло?

– Разумеется, не можем, – Старый граф подошел к столу, зачем-то тронул бронзовую чернильницу в виде спящего медведя и отошел к окну. – Проклятье! Надо же было такому случиться именно тогда, когда я был в отъезде. Ты не должен был пускать его в Мунт, хотя бы ему привезли не одну, а дюжину охранных грамот. Пьер подписывает все, что ему подсовывают, хоть пустой лист, хоть непристойные вирши... Я думал, в свои двадцать девять твой друг научился хоть чему-то, а он... Или ты чего-то недоговариваешь?

– Да нет, все так и было. Король писал, что его уговаривают заключить мир с Ифраной, но что он хочет выслушать не только тех, кто сидит в столице, но и тех, кто воюет. Разумеется, это было изложено иначе, но смысл таков.

– И вы не учуяли ловушки?

– Мы долго думали, отец... Но Пьер, он же блаженный, он действительно мог такое написать. А если так, мешкать было нельзя.

– Да кто б ему дал это написать?! Эта лиса Жан или его капустница? Не смешите меня! Да и сам королек... Я отнюдь не уверен, что он и читать-то умеет. И вы с Анри пустили Шарло одного?!

– Ну, он взял с собой охрану и оруженосца.

– А собак и кадку с геранью не прихватил случайно?! Если уж вы решили поверить, то ехать в Мунт должен был ТЫ. Случись с тобой что, у меня останется еще два сына и пятеро

твоих оболтусов-племянников, не говоря уж о девчонках, а Шарль Тагэре один! Ты с ним так спелся, что забываешь, какой он крови, а вот Лумэны помнят.

– Ты прав, отец, но что теперь делать?

– Не знаю! – отрезал старый граф. – Мы можем сделать вид, что нас это не касается, а можем поднять восстание. Если сговориться с Мальвани, закрутим такое, что Лумэны удержат впереди своего визга в Авиру и дальше. Только вот Шарлю это не поможет... Да и я, как бы ни гордился своей родословной, помню, что Фло не Аррой.

– Но неужели ничего нельзя сделать?

– Во имя Проклятого! – рявкнул ре Фло-старший. – Для того чтобы что-то делать, нужно быть в Мунте, а ты все еще тут торчишь!

– Отец, значит, мне... Значит, я...

– Значит, ты одеваешься попроще, состригаешь эти проклятые лохмы и отправляешься. Этой же ночью. Возьмешь с собой Жака и Эдгара. Да, пускай этот плут тебе волосы и брови осветлит. Золота бери, сколько сможете увезти, пригодится. Чем только Проклятый не шутит, когда Циала спит. Жак в свое время кое с кем в Мунте знался, ты его слушай, но решай сам. И запомни: лучше смерть, чем дюз²⁹... Для всех ты тут с девицей загулял, и я даже знаю с какой.

– А Эста?

– А о ней придется забыть. Да не дергайся ты! Пока ей косы отрежут, три года пройдет, за это время много чего случиться может.

2850 год от В.И.

6-й день месяца Волка.

Фей-Вэйя

Ее Иносенсия с любопытством рассматривала невысокую девушку с темно-каштановыми волосами. Красива, ничего не скажешь. И, похоже, неглупа. Хотя чего в этом удивительного? Быть ре Фло – это почти наверняка быть красавицей и к тому же незаурядной личностью. Эстела совсем молода, из нее можно вылепить что-то полезное. Эта надутая гусыня Диана видела в юной графине только заложницу, а зря. От девчонки, если ее приручить как следует, может быть прок.

Диана с Еленой уже полагают Рубины своими, причем каждая обманывает другую. Ну и пусть им. Она намерена прожить еще лет пятьдесят, если кто-то из наследниц не укоротит ее жизнь, а это вряд ли: обе крысы понимают, как за ними следят. Но с помощью Эстелы ре Фло можно перетянуть на свою сторону ее отца и братьев. Совсем уж ломать их не стоит, пусть думают, что играют свою игру, пусть даже выигрывают, но в самом крупном выигрыше будет она... Она добьется того же, что святая Циала, и будет Архипастырем всех Благодатных земель³⁰.

– Я рада видеть тебя, дитя, – Ее Иносенсия поцеловала Эстелу в лоб, – тебе следует с дороги переодеться и отдохнуть. Утром я поговорю с тобой и дам тебе наставницу, которая подготовит тебя к Вопросам³¹. Дениза... – Юная девушка в белом бесшумно склонилась

²⁹ Дюз – в Арции небольшой монастырь-тюрьма, где содержались узники, обвиненные в недозволенном колдовстве, богохульстве, государственной измене и оскорблении властей.

³⁰ Благодатные земли – с 2613 года «земли, осиянные светом Церкви Единой и Единственной» (Арция, Ифрана, Эскота, Фронтера, Оргонда, Элл, союз вольных дарнийских городов). Ранее так называли все земли, населенные людьми. После 2613 года это было запрещено Церковью, полагающей слово «благодатный» по отношению к иноверцам (атэвы, хаонгцы), язычникам (жители Дальнего Сура) и еретикам (таянцы) неуместным.

³¹ Вопросы числом семь и четыре задаются воспитаннице, вступающей в обитель. Семь касаются ее знаний в области Священной Истории, а четыре, которые вернее назвать испытаниями, имеют целью выявление и оценку магических способностей, буде таковые окажутся. Последнее является строжайшей тайной ордена, и

перед бланкиссимой. – Отведи свою новую подругу в ее комнату и позаботься о ней.

Дениза почтительно наклонила головку: слушаю Ее Иносенсию.

– Вот и хорошо, идите, дети мои. Я еще должна поговорить с нашим рыцарем.

Аудиенция была окончена, Эстеле оставалось только поклониться и выйти. Вроде бы все было хорошо, ее никто не обижал, Ее Иносенсия была ласкова, а другие сестры добры и внимательны, но девушка отчего-то чувствовала себя так, словно ее, обнаженную, привязали к позорному столбу, как уличенную в прелюбодействе. Эста была не робкого десятка, да дочь старого Этьена и не могла вырасти трусливой дурочкой, но Виргинию она боялась, боялась до безумия, до дрожи. Она скорее согласилась бы оказаться среди сотни разбойников, чем рядом с этой женщиной, красивой и холодной, словно вылепленной из снега. Только добравшись до своей комнатки и тщательно затворив дверь – засовов воспитанницам не полагалось, – Эстела ре Фло немного перевела дух. Святая Циала, как же она хотела домой, к отцу, к маме, братьям...

Сейчас они наверняка сидят в большом зале у камина. Отец маленькими глотками пьет из своего любимого кубка подогретое вино, мама вышивает очередной покров для замкового иглеция, Леон и Морис, по обыкновению, препираются, а Марион пытается читать, но нет-нет да и вставляет пару реплик. А может быть, во Фло приехали Рауль и герцог Тагэре. Тогда они заперлись с отцом в его кабинете, и папа наверняка убеждает Шарля заявить о своих правах на корону, а тот смеется и говорит, что не хочет.

Эста знала, что отец прочит ее в жены красавцу герцогу, но пока дальше намеков дело не шло. Девушка так и не поняла, любит ли ее Тагэре или просто относится к ней как к дочери своего старшего друга и союзника. Впрочем, Эстела не сомневалась, что папа все уладит, и тут за ней приехали. Сначала она надеялась, что ее не отдадут, но, увы, даже ре Фло не могли отказать бланкиссиме Арции. Она совсем уже впала в отчаянье, но оказалось, что ее привезли не в Мунт, а в Фей-Вэйю. Эстела-Ангелина-Рамола ре Фло была истинной дочерью своего отца и знала, что бланкиссима Диана и Ее Иносенсия отнюдь не одно и то же. Но вспыхнувшая было надежда погасла. Кто его знает, какой была Диана, но Виргиния оказалась очень страшной. Девушка не могла понять, почему она так думает, она просто знала. Если бы она могла бежать, она бы бежала, но из Фей-Вэйи, охраняемой не только высокими стенами и рвом с водой, но и магией, выйти было невозможно...

Мягкий удар отвлек девушку от невеселых размышлений. Привезенная с разрешения рыцаря Валентина трактирная кошечка бесцеремонно вскочила ей на колени и всячески старалась потереться о лицо. Эста прижала мурку к груди и разрыдалась.

2850 год от В.И.

6-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Камера была небольшой, но чистой и, если бы не решетки на окнах и тяжелая дверь, вполне бы сошла за комнату в третьеразрядной гостинице. С тех пор как Скорбящие Братья окончательно сговорились с судебными магами, заплочных дел мастера, гнилая солома и железные цепи стали уделом воришек, фальшивомонетчиков да контрабандистов. Тех же, кто оказывался достаточно смел, чтобы затевать интриги, и достаточно глуп, чтобы попасться, ожидала участь куда более мерзкая.

Шарль Тагэре не верил, что сила, которая подчиняется синякам, от Творца, но откуда бы она ни шла, она была, и против нее считались бессильными любая воля и любой меч. Он слышал, что здешние маги каким-то образом подчиняют тела узников, заставляя делать и произносить все, что хотят допросчики. К счастью, те не умели развязывать языки своим жертвам и тем более читать мысли. От Старого Медведя Тагэре знал, что синяки неустанно совершенствуются в своем искусстве, надеясь овладеть не только телами, но и душами. Шарло надеялся, что он этого уже не увидит.

испытываемые и не догадываются об истинной цели ритуала.

Герцог постарался поудобнее раскинуться на кровати: что толку метаться по комнате, радуя тюремщиков. Этого удовольствия он им не доставит. Если бы только вырваться! В глубине души Шарль не верил, что он, никогда и никого не боявшийся, словно глупая птица папагалло из южных краев, станет повторять чужие слова о собственной вине. Он всегда считал себя сильным, вот и посмотрим, чего он стоит. Самое малое, что можно сделать, это публично отрицать свою вину, тем паче он действительно не злоумышлял против этих ублюдков, и, право слово, зря!

Полоумный король, пляшущий под дудку мерзавцев и выжиг, это не то, что нужно Арции. Святой Эрасти не зря наградил Пьера Пятого таким сыном: Лумэны преступили все законы божеские и человеческие и должны уйти. Если он вырвется, он таки сделает то, в чем его обвиняли: поднимет восстание, и еще вопрос, за какими нарциссами³² пойдет Арция. Но сначала выжить. Проклятый! Из Замка Святого Духа не убежишь, по крайней мере без посторонней помощи. В магии же он, увы, не силен. Скорбящие и синяки не подпускают простых смертных к своим тайнам, даже печатных волшебников и тех подмяли. Оно и понятно, без волшбы эти уроды как гадюки без яда. Впрочем, циалианки тоже хороши, в их монастырях, говорят, всякое творится.

Интересно, где сейчас Рауль? И вернулся ли старый граф? Они что-то должны предпринять, но, сильные на севере, в Мунте ре Фло почти что изгои. А Анри в Сарриже. Каким он был дураком, отговорив его ехать с ними. А может, Рауль догадается взбунтовать войска? На радость Жозефу! Куда ни кинь, везде клин! Да и Мунт, как назло, принадлежит Лумэнам, хотя простолюдины, конечно, и не питают к ним особой любви. Но достаточно ли этого, чтобы вспыхнул бунт? Пожалуй, да, если за дело возьмется Старый Медведь! Его могут попытаться освободить в момент покаяния, беда в том, что Лумэны это тоже понимают...

2850 год от В.И.

8-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

«Помяни, Творец, равноапостольную Циалу и всю кротость ее...» Бланкиссима Агриппина сдерживалась из последних сил. Кварт³³, проведенная в Мунте, окончательно открыла глаза на всю бездну глупости и гордыни, в которую скатились арцийская бланкиссима и ее соратники, управляющие от имени слабоумного короля. То, что Диана мысленно на себя нацепила Рубины Циалы, новостью ни для кого не было, но все же следует соблюдать хоть какие-то приличия. Агриппина не любила Виргинию, считая ее самоуверенной, жестокой и равнодушной, но Ее Иносенсия хотя бы не была дурой. Да, Виргиния, безусловно, не была дурой, потому-то она и поставила во главе самой значимой резиденции ордена одну из двух своих основных соперниц. В Фей-Вэйе Диане могло прийти в голову все, что угодно, а в ядах и магии она разбиралась превосходно даже по орденским меркам.

На первый взгляд Виргиния могла отделаться от излишне предприимчивой сестры куда проще. Можно было отправить ее в какое-нибудь второразрядное герцогство, а то и к самой равноапостольной Циале, но это означало бы усиление засевшей в Ифране тихони Елены, которая была не меньшей змеей, чем Диана, разве что не гремучей, а подколодной. Догадаться, как и когда укусит авирская бланкиссима, не взялась бы даже Агриппина, хоть она и выросла в доме не последнего из мунтских интриганов.

Сажая в Арции Диану, Виргиния стравливала ее с Еленой. Пока ни одна из них не

³² Нарцисс – символ принадлежности к роду Арроев, символ Лумэнов – желтые или золотые нарциссы, Тагэре – белые или серебряные.

³³ Время, за которое Луна проходит одну из своих фаз, приблизительно равное семи суткам.

съела другую, Ее Иносенсия могла спать спокойно. Ее Иносенсия, но не Агриппина, которая, в отличие от всей троицы и своей подруги и покровительницы бланкиссимы Генриетты, настоятельница обители в Фей-Вэйе, думала не о том, как заполучить и удержать Рубины Цялы, и даже не о том, чтобы повторить успех святой, до сих пор оставшейся единственной женщиной-Архипастырем, но исполнить то, ради чего в свое время и создавался орден. Агриппина верила в опасность, нависшую над Благодатными землями, и понимала, что встретить ее следует во всеоружии. Именно для этого власть духовная и светская должна соединиться в одних руках, а любая магия, даже самая простая и незначительная, должна исходить либо от самого Ордена, либо от полностью ему подотчетных печатных и судебных магов. И уж, само собой, ни одна волшба, даже самая пустячная, но чужая, не должна укрыться от Фей-Вэйи.

По расчетам астрологов, Благодатные земли в самом недалеком будущем ждут тяжелые времена, а с учетом того, что говорится в древних книгах, о которых сегодня из всех сил стараются забыть, можно ожидать худшего.

Агриппина была уверена, что книги не лгут, и Проклятый может вернуться, но у Тарры больше нет святой Цялы, способной остановить его. Арцийская империя развалилась, и ее обломки грызутся друг с другом, как бродячие псы. Церковь раздирают склоки, Архипастырь слаб, а кардиналы и, что греха таить, святые сестры заняты своими делами. Они не смотрят на небо, со страхом ожидая появления Темной Звезды... Агриппина давно поняла, что рассчитывать может лишь на себя самое.

Женщина не заблуждалась на свой счет: природа не наделила ее ни магическими способностями, ни красотой, ни умением вести за собой других. Ради нее не совершали ни подвигов, ни преступлений, Белые рыцари не посвящали ей сонетов, они занимали у нее деньги и с аппетитом поедали всяческие вкусности, которыми она их угощала. Плотная круглолицая сестра не могла стать ни владычицей, ни прекрасной дамой, и она становилась наперсницей, утешительницей, советчицей. Ей не завидовали, ее не боялись, ее не принимали в расчет, а она знала и запоминала все, что происходит в Фей-Вэйе, а ее брат сообщал ей об арцийских делах.

Постепенно в голове бланкиссимы стал вырисовываться план, который был ей по силам. Она принимала воспитанниц и послушниц, возможно, ей удастся найти и вырастить новую Цялу, а пока следует делать все, чтобы Елена и Диана грызли друг друга и не могли догрызть до конца. Пусть Виргиния следит за ними и только за ними, а Генриетта за Виргинией. Тогда все на первый взгляд мелкие и скучные дела будут в руках недалекой, но невероятно трудолюбивой и ни на что не претендующей Агриппины, а уж она постарается.

Именно поэтому Агриппина сейчас в Мунте. Ей не нравится то, что затеяли Диана со своим любовником, а то, что незаконный дядюшка короля – любовник бланкиссимы, круглолицая сестра знала наверняка. Вообще-то за любовные шашни циалянку ждало суровое наказание, но не пойман – не вор, а ловить Диану за руку было рано.

Занятно, что в истории с Тагэре смерть герцога была нужна всем. Елену устраивала гражданская война в Арции, которая неминуемо разразится, если Шарль Тагэре будет предательски убит. Диана хотела уничтожить единственного законного претендента на арцийский трон и тем обезопасить короля, а точнее своего Фарбье и собственную власть. Виргинии было нужно ослабить обоих, Генриетта ждала ослабления Виргинии, и только Агриппина загадывала дальше, чем на шаг вперед. Она слишком хорошо помнила пророчество о том, что придет год Трех Звезд и поднимет меч Последний из Королей.

Если Блаженный Эрик, прозревший будущее, говорил об арцийской династии, то последним из королей мог быть либо Пьер Лумэн, либо Шарль Тагэре. Пьер был жалок и вряд ли способен поднять не то что меч, но даже ложку, а Шарло... Агриппина еще раз вспомнила то, что знала про герцога. Этот МОГ стать защитником Света и Веры, за ним бы пошли. Да и прав на корону у него больше, чем у Лумэнов. По Коронному Праву тот, кто отобрал у законного наследника титул, владения, имущество или что другое, принадлежащее тому по праву первородства, подлежит наказанию. Захваченное же должно быть возвращено

законному владельцу или его потомкам, а в случае отсутствия таковых ближайшему родственнику по мужской линии, не являющемуся прямым потомком захватчика. Лумэны – узурпаторы, а значит, трон принадлежит Тагэре. Неудивительно, что Диана и Жан хотят избавиться от герцога до того, как тот женится и обзаведется потомством, тем паче ему предложил союз граф ре Фло. Диана постаралась прибрать к рукам и Эстелу, но тут уж Агриппина пустила в ход все свое умение, благо брат вовремя сообщил о планах мунтской бланкиссимы.

Виргиния узнала все и, разумеется, приняла меры. Сейчас юная ре Фло в Фей-Вэйе. К сожалению, Агриппина отнюдь не была уверена, что у Ее Иносенсии хватит терпения и ума потихоньку привязать к себе юную ноблеску. Только бы она не испробовала над девушкой одно из тайных заклятий, которые хороши с теми, кто, сделав свое дело, становится не нужен и может спокойно отправляться, скажем, к святой Циае. Эстелу ре Фло следует сделать не орудием, а союзницей, дело это хлопотное, но нужное. Агриппина не сомневалась, что ей удастся поладить с девушкой, если только Виргиния не вздумает гнать коней, но сначала нужно решить с Шарлем. Его следовало спасти, но как? Проклятый знает, каким он будет, после того как проведет несколько ор в Цепи Раскаяния.

Агриппина не слишком хорошо понимала, как работает этот артефакт, сотворенный три сотни лет назад Старшим Судебным Магом, унесшим тайну своего детища в могилу, но те, на кого надевали Цепь, теряли всякую волю к сопротивлению и действительно ощущали себя ничтожнее и презреннее роющегося в навозе червя. Бедняги чуть ли не с наслаждением каялись и кричали о своей скверне и ничтожестве, заодно признавая любые грехи, действительные или мнимые. Агриппине не хотелось видеть Шарля Тагэре в таком состоянии, но отменить экзекуцию было не в ее власти. Увы, она не кардинал и не король. Король? Пьер безумен, но необыкновенно добродушен и жалостлив, и он должен присутствовать при церемонии. Его Величеству вряд ли понравится вид человека в рубище и на коленях, палача в красной маске и плахи с топором. Если подсказать нужные слова, то монарх, словно ребенок, увидевший возможность увернуться от неприятного зрелища, непременно помилует мятежника! Это единственный способ сохранить Тагэре рассудок и честь.

Правда, это укрепит Лумэнов, хотя бы потому, что Шарль никогда не поднимет меч на спасшего его человека, даже если это безумец, но Пьер не вечен. Возможно, он умрет несколько раньше, чем ему предназначено природой, умрет и, безусловно, окажется в царстве Божиим, ибо невинен, как дитя. Ну, и хвала святой Циае...

– Бланкиссима...

Агриппина вздрогнула от неожиданности. Надо же так задуматься в чужой приемной. Циалианка подняла голову. Перед ней стояла совсем юная девушка, вернее, девочка в белом с синей полосой по подолу платье и белой косынке. Воспитанница!

– Что тебе, дитя?

– Бланкиссима Агриппина, бланкиссима Диана задерживается во дворце и велит передать свои извинения и просьбу обязательно ее дождаться.

– Разумеется, я подожду. Как тебя зовут, дитя мое?

– Соланж. – Девочка опустила глаза, и Агриппина невольно залюбовалась длинными загнутыми ресницами. У нее самой реснички были короткие и светлые, как у поросенка, в юности это печалило, сейчас стало безразлично.

– У тебя темные брови и синие глаза. В Арции это встречается нечасто.

– Моя матушка из Эскоты, бланкиссима.

– Из Эскоты? Но почему тебя не отдали в Данлейскую³⁴ обитель?

– Моя матушка вышла замуж за нобиля из Эстре.

– Я бывала там когда-то... Как зовут твоего отца?

³⁴ Данлея – столица Эскоты.

- Раймон ре Ноар. Он умер в прошлом году от красной лихорадки.
- Странно, что матушка отпустила тебя. После такой утраты семьи стараются держаться вместе.
- Матушка умерла годом раньше. – Синие глаза заволокли слезы.
- С кем же ты осталась?
- С сестрой отца...

Бланкиссима сама не понимала, зачем расспрашивает эту девочку о ее делах, но Соланж казалась такой одинокой и потерянной, что Агриппина, привыкшая вытирать чужие слезы, просто не могла пройти мимо этого создания. Да и делать ей в приемной Дианы было нечего, так почему бы не расспросить воспитанницу с северной границы о том, как и почему она оказалась в столичной обители.

2850 год от В.И.

8-й день месяца Волка.

Арция. Фей-Вэйя

Виргиния откинулась на спинку резного кресла, смакуя свою победу. Она все же разгадала древний секрет! Разгадала без Утраченной Вещи³⁵ и древней Крови, то есть сделала то, что считалось невозможным! Только ум, воля и ее собственная Сила, которая ей тоже не просто так досталась. Сегодня она поднялась еще на одну ступень. Жаль, наслаждаться победой можно лишь в одиночестве, слишком драгоценны обретенные знания, чтобы доверить их кому бы то ни было, даже лучшей подруге Генриетте и этой толстой курице Агриппине.

Да, сам фокус не нов, синяки давно практикуют нечто подобное, но зачем тащить груз волоком, если его можно везти на тележке? В Мунте судебные маги втроем надевают на одного узника Цепь, а потом валяются без задних ног. И это при всех их артефактах, без которых они что змея без зубов. А вот она в одиночку заставит любого СДЕЛАТЬ то, что она хочет. Убить, украсть, изнасиловать, опозорить себя и других. А потом... Потом этот человек станет ее рабом, так как доказательства его вины будут у нее.

Без этого не обойтись, заклятье подчинения действует только в непосредственной близости от наложившего и ограниченное время. Говорят, некогда умели удерживать «взнузданных» и издалека, но это умение утрачено вместе с талисманом, который не отыщут вот уже шестьсот лет. Синяки полагают, что без него не обойтись, но она обошла некоторые запреты, почитавшиеся непреложными, и ничего! Хотя, правду сказать, если б не синяки, она бы не сумела отыскать верную дорогу. Сначала она разобралась, как действуют господа судебные маги, а потом пошла дальше. Но и это лишь начало...

Ее Иносенсия не находила себе места, до того хотелось немедленно испробовать новое умение. Начинать лучше с кого-то неискушенного, сестры же обладают кое-какими знаниями. Разумеется, ее основная цель – Елена и Диана, а затем – Генриетта. Подруги имеют обыкновение предавать, так пусть наперсница будет чем-то запятнана, тем паче после поражения основных соперниц Гета может вообразить о себе больше чем нужно. Пожалуй, она начнет с кого-то из воспитанниц, которые ничего не понимают в магии.

В том, что новая волшба не принесет им физического вреда, она уверена. Чтобы убивать или калечить, у нее есть другие заклятья, а это просто заставляет любую тварь делать то, что хочет заклинатель, причем делать с удовольствием.

Предстоятельница ордена равноапостольной Циалы мысленно перебрала всех служанок и воспитанниц и, припомнив одно имя, улыбнулась! Вот оно! Она совместит приятное с полезным. Игрой в стенах ордена мир не исчерпывается, чтобы стать Архипастырем, нужна поддержка не только клириков, но и светских владык. Старый

³⁵ Утраченная Вещь – так циалианки называли мощнейший артефакт, принадлежавший герцогу Михаю Тарскому и исчезнувший во время Войны Оленя.

Медведь любит свою дочь, он опытный интриган и сильный воин. С него и начнем, вернее, не с него, а с маленькой Эстелы.

Жаль только, если подтвердится ее догадка о зависимости силы полученного заклятия от крови. Виргиния, к несчастью, изначально была напрочь лишена магических способностей. То, что Ее Иносенсия стала сильным магом, было результатом железной воли, изощренного ума и некоего средства, о котором ей посчастливилось узнать. Если б в ней была хотя бы капля Старой Крови, она бы горы своротила, а так приходится довольствоваться не то чтобы малым, но меньшим, чем хотелось бы. Она как человек, лишенный слуха, который все же научился играть по нотам на клавикордах, но никогда не напишет своей песни... Впрочем, отыскать кого-то, изначально способного к высшей магии, нынче трудно, а уж к магии Оленя и подавно! Да и откуда им взяться?

Виргиния прочла достаточно, чтобы понять: если не считать свалившегося из ниоткуда Проклятого, лишь святая Циала и ее отдаленный родич Рене Аррой, да, пожалуй, Эрасти Церна обладали магическим даром. Природных магов нужно искать либо в семействе мирийских герцогов, либо потомства Тарских господарей, в свое время смешавшихся с таянским королевским домом, а через него с эландскими Арроями. Эти, пожалуй, смогли бы устоять перед ее заклятьем, если, разумеется, достанет силы воли. Но в Эстеле Силы ни на грош, так что неожиданностей не предвидится...

Ее Иносенсия встала, поправила и без того безупречно лежащее покрывало, посмотрела в зеркало. Она себе нравилась. Именно такой и должна быть наместница святой Циалы. Красивой и холодной. Конечно, еще лучше было бы походить на свою великую предшественницу. Теперь она могла бы подправить свою внешность, но это было бы несерьезно. Все знают ее такой, какая она есть, пусть такой и остается. В конце концов, каштановые волосы и светло-карие глаза тоже неплохо...

Виргиния вышла из своих покоев, и дежурившая в приемной сестра торопливо поклонилась.

– Цецилия, – она знала по именам всех обитателей Фей-Вэйи, даже самых незначительных, – я намерена посетить воспитанниц. Возможно, некоторых придется наказать, и сильно. Не обращайтесь внимания и не мешайте мне.

– Слушаю Ее Иносенсию...

Но Ее Иносенсия ответа не слышала, зачем? Приказание будет исполнено, потому что иначе не может быть. Теперь всплески магии, которые уловят Кристаллы³⁶ дежурных сестер, будут списаны на наказание нерадивых. Виргиния, придерживая рукой белое платье, спустилась на этаж, где жили воспитанницы; прошла низким сводчатым коридором, тускло освещенным единственным окном, выходящим на двор. Комната Эстелы ре Фло была в самом конце. Предстоятельница нажала на медную ручку и вошла.

Девушка сидела в обнимку с серой кошкой. Это было послабление, за которое сестра Агриппина, когда вернется, будет наказана. Животные не должны заходить в комнаты, их место на улице, в подвалах, на худой конец в кухнях, но сейчас не до кошки.

Виргиния оценивающе смотрела на забившуюся в угол дочку могущественного Этьена. Она сегодня же подчинит ее. Эстела ей нужна, но не как узница, а как добровольная помощница. Можно, конечно, вбить девчонке в голову, что она на поводке, но это риск. То, что бланкиссима слышала про Старого Медведя, не обнадеживало. Он уже в двадцать с небольшим водил за собой испытанных ветеранов и ни разу не проигрывал по-крупному. Если граф как следует надавит на дочь, та нарушит любую клятву, а наказания не последует. Тут даже последняя дурочка поймет, что ее обманули! Нет, Эстелу нужно повязать чем-то позорным, только тогда она станет надежным орудием. Но сначала она убедит ее в своем могуществе, вызовет в ней животный страх. Это не столь уж и трудно... Затем – два или три

³⁶ Кристалл Поиска – магический инструмент, изготовленный из кристаллов дымчатого кастеора, применяемый для того, чтобы узнать, не творится ли рядом волшба. Недостатком К.П. являлось то, что они не чувствовали заклинания, произносимые в непосредственной близости от держащего их.

Приказа, поход в подвал – и готово. Она никогда не расскажет, что видела и что делала, и, чтобы утаить это от близких, пойдет на все!

Виргиния сосредоточилась, очищая разум от всего лишнего. Сейчас она проверит новое заклятье, а юная Эстела станет первой, на ком будет опробован результат многолетних поисков. А дочка грозного Этьена начинала что-то понимать. Она судорожно сглотнула и крепче прижала к груди свою кощенку. Было видно, что ей страшно, очень страшно, но у девчонки хватило мужества выдержать взгляд Предстоятельницы. Что ж, это не так уж и плохо. Если она в состоянии сопротивляться, значит, будет в состоянии испытывать стыд.

Виргиния холодно улыбнулась и приказала: «Выбрось эту тварь в окно!»

– Нет, – с усилием выдохнула девушка, – я не сделаю этого.

– Почему? – Голос циаалианки был холоден, как зимняя луна.

– Потому что я люблю ее! – выдохнула Эста. – А она любит меня.

– Любишь? Сейчас я покажу тебе, чего стоит эта любовь. – Предстоятельница пренебрежительно махнула рукой в сторону кошки. – Ты любишь ее, кормишь, ласкаешь, говоришь с ней как с человеком. А она сейчас вцепится тебе в лицо. Смотри!

Губы Ее Иносенсии шевельнулись, свет свечей стал молочно-белым. Эстеле стало еще страшнее, хотя, казалось, такое было невозможно. Ее глаза, не отрываясь, смотрели на маленькую серую кошечку, а та... та и не думала нападать. Она легко высвободилась из вдруг онемевших рук девушки, прыгнула на пол и, усевшись на полу, занялась интимным туалетом, не обращая никакого внимания на Предстоятельницу. С трудом заставив глаза повиноваться, Эста перевела взгляд на свою мучительницу и увидела на холеном лице досаду. Виргиния вновь что-то пробормотала, мертвенно-белое пламя вытянулось вверх чуть ли не на длину самой свечи, стены комнаты словно бы скрылись в тумане, но кошка не повела и ухом.

– Мерзкая тварь, – прошипела циаалианка. И тут девушка не выдержала. Весь ужас, все унижение последних дней вырвалось в истерическом хохоте. Взгляд, брошенный на нее Виргинией, поверг бы в ужас закаленного воина, но Эстела была в таком состоянии, когда уже ничего не боялся. К счастью, Ее Иносенсия владела собой лучше и помнила, какую роль должны сыграть ре Фло в ее игре. Ярость Предстоятельницы излилась на животное.

Последовала белая вспышка, Эстела инстинктивно зажмурилась, а когда открыла глаза, на месте серой кошечки стояла светловолосая женщина в черном, а на обычно бесстрастном лице Виргинии застыл смертный ужас. Женщины о чем-то говорили, но дочка старого Этьена не понимала ни слова. В каком-то жутком экстазе она смотрела на искаженные черты циаалианки, на ее ставшие умоляющими глаза. Она, без сомнения, знала, кто перед ней, ненавидела ее, но была совершенно беспомощна, беспомощней, чем сама Эстела мгновение назад. Сколько продолжалась чудовищная беседа, юная графиня так и не поняла. Светловолосая что-то сказала, и страшное слепое пламя свечей с двух сторон рванулось к Ее Иносенсии, окружив ее голову мерцающей опаловой короной. Девушка видела, как выражение ужаса на лице Предстоятельницы сменилось бессмысленной улыбкой идиотки, глаза больше ничего не выражали, из полукрытого рта потекла слюна. Циаалианка хихикнула, почесалась, опустила на четвереньки и отползла к стене.

– Ты собираешься оставаться тут или пойдешь со мной? – негромкий хриловатый голос оторвал Эстелу от созерцания того, во что превратилась глава сильнейшего в Арции ордена. Девушка подняла голову и столкнулась взглядом с молодой сероглазой женщиной.

– Кто... вы?

– Неважно. Нам нужно уходить, пока остальные думают, что эта красотка занята тобой.

– Что с ней?

– Ничего... Она даже счастлива по-своему. По крайней мере, в таком виде она больше никому ничего не сделает. И не расскажет. Так ты идешь?

– Иду...

Эстель Оскора

Первый раз я стала кошкой во время скитаний по иным мирам. Тогда я еще допускала, что, принимая облик той или иной твари, ты в какой-то мере перенимаешь и ее суть. Кошки не знают ни любви, ни стыда, ни тоски по несбывшемуся, и я надеялась, что мне станет легче. Куда там! Трансформация тем и характерна, что затрагивает все, кроме сознания. Я могла видеть, слышать, ощущать запахи, как кошка, но я оставалась самой собой, существом, которое должно ВСПОМНИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ.

К счастью, никакой опыт не бывает излишним, я очень быстро поняла преимущество кошачьего облика перед каким угодно другим. Во-первых, кошки обладают легкой магической аурой, в которой проще простого укрыть не самые сильные заклятья, от которых тоже остается след или след следа, а опытный маг или любой дурак, но с Кристаллом, их обязательно учует. Во-вторых, кошка пролезет везде, где пролезет ее голова, их пруд пруди в любом городе любой реальности, на нее никто не будет пялиться и показывать пальцем. В-третьих, эти хвостатые твари подмяли под себя почти всех женщин и половину мужчин. При желании кошка может обосноваться чуть ли не в любом доме, а уж во дворцах, где полным-полно прислуги и крыс, их и вовсе десятки. Лучшего обличья для того, чтобы, не привлекая к себе внимания, разузнать нужное, не придумаешь.

Лично я неоднократно убеждалась, что надеть на время кошачью шкуру проще и безопаснее, чем творить сложные заклятья вроде того же двойного зеркала или невидимости. Принять облик кошки просто, а оставаться в нем можно сколь угодно долго, это заклятье не требуется поддерживать, и снимается оно молниеносно. Догадайся кто, что за ним охотится оборотень, толку-то! Попробуй перелови и проверь ВСЕХ кошек в округе, от этого сам Творец и тот рехнется. Конечно, если ты физически СТАНОВИШЬСЯ кошкой, а не заставляешь других себя видеть таковой, возникают определенные неудобства, например, запахи, которые делаются отвратительно сильными и от которых потом очень трудно избавиться. Но это не самое страшное.

Я неоднократно пускала в ход эту уловку, и она меня еще ни разу не подводила. Вот и на этот раз я не только узнала то, что хотела, но и вывела из строя достаточно сильного врага. Виргинию с ее отвратительной магией нельзя было оставлять за спиной. Жаль, ее разум выгорел раньше, чем я узнала, как женщина, в которой не было и капли Старой Крови, достигла таких высот. Признаю, тогда это вызвало у меня лишь досаду, но не более. Мыслями я была уже в другом месте, к тому же мне на голову свалилась девчонка, с которой нужно было что-то делать.

Что до циалианок, то главное я все же поняла. В их магии отчетливо проступал след Ройгу, но без него самого. Циалианская волшба была тоньше и на первый взгляд слабее и питалась из какого-то иного источника. Это не могло не беспокоить. В Тарре вообще творилось что-то не вполне понятное и на редкость пакостное. Я хорошо помнила ту Арцию, которую покинула. Тогда тоже все было куда как непросто, но, по крайней мере, можно было разобраться, кто на чьей стороне. Сейчас все запуталось окончательно, и мне предстояло решить, нырнуть ли в хитросплетения местной политики или попробовать пробиться к Эрасти и перевалить все на его плечи, а самой искать Рене. Я знала, что это безумие, что даже звезды и те изменились за тот чудовищный срок, пока меня носило по иным мирам, но логика диктовала одно, а сердце – другое. Я верила, что Рене жив и что он здесь...

– Куда мы идем? – Голосок моей спутницы вернул меня к действительности. Она была мужественной девочкой, эта Эстела ре Фло. Я помнила это имя. Ре Фло были сторонниками Луи, а за прошедшее время их влияние только возросло. Не знаю, каковы отец и братья Эсты, но она сама мне нравилась. Когда мы, прикрытые тенью магии Виргинии, шли через обитель, брали лошадей, ввали приворотницам, неспешным шагом выезжали со двора, она молча исполняла все, что я ей приказывала. К вечеру наш магический покров рассеялся, но, пока я не пущу в ход собственную Силу, нас не найти даже с помощью Кристалла. Для окружающих мы всего лишь две женщины – совсем молоденькая и чуть постарше, в которых при всем желании не учуять ничего запретного.

Я очень хорошо вывела из себя Виргинию, и Силы, обрушенной ею на бедную

маленькую кошечку, хватило с избытком и для допроса, и для побега. Совесть меня не мучила, ибо подобные бабы счастливы чужими мучениями и унижениями, уничтожить такую означает спасти многих от участи худшей, чем обычная смерть. Хотя лучше было бы, если б она продержалась подольше.

Тем не менее я теперь знала про циалианок достаточно. Подумать только: это мы с Рене сделали их тем, чем они стали, отдав им Рубины. Эту дрянь следовало утопить где-то в Сером море. Но что сделано, то сделано. Отбери я сейчас проклятые камни – ничего не изменится. Могущественный, опирающийся на собственную магию орден, подмявший под себя изрядное количество владык светских и духовных, существовал. Властолюбие же, жестокость и, чего греха таить, Сила его высших адептов делали их непростыми противниками даже для меня, тем паче я не должна была до поры до времени пускать в ход все, что имела. Прежде следовало разобраться, каким боком циалианская магия связана с ройгианской, где обретается пресловутый Белый Олень и что слышно о том, из Серого моря. Что это за пакость, наверняка мог рассказать Эрасти, а я знала, где его искать. Только сначала отвезу домой мою случайную спутницу, все еще терпеливо ждущую ответа.

– Куда мы идем? – я старалась говорить спокойно и равнодушно. – Я провожу тебя к отцу, а дальше – твое дело.

2850 год от В.И.

10-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Значит, завтра... Шарль Тагэре налил себе вина и выпил. Осужденному полагался ужин с королевского стола, этой традиции в Арции еще придерживались. Есть герцогу не хотелось, но упрямство, которое родилось раньше его, заставляло дразнить тюремщиков до последнего. Шарлю заставил себя сесть и слопать половину роскошных кушаний, а затем с блаженным видом развалился на кровати. Те, кто подглядывают (а что подглядывают, он не сомневался), должны видеть: ему море по колено. Это был единственный способ не уронить себя.

Внешне герцог сохранял полное спокойствие, но внутри его все было напряжено до предела. Если завтра ему не помогут, все будет кончено. В дюз он не хотел, лучше умереть. Он не слишком хорошо представлял, что именно творят с людьми Скорбящие, но он видел тех, кто побывал у них в руках. Дюз означал медленную и унижительную смерть или жизнь, но жизнь не более достойную и осмысленную, чем у назначенного на убой кабана. Шарлю было всего девять, когда на коронации нынешнего нескладного королишки он увидел тогдашнего герцога ре Эстре, прошедшего три года в Аганском дюзе. Буквально накануне того, как Эстре схватили по обвинению в измене, он приезжал к отцу Шарля, чтобы убедить его подняться против Лумэнов. Это был высокий стройный силач с веселыми глазами, в которого влюбилась вся Эльта от мала до велика. После Аганы Шарль узнал ре Эстре лишь по сигне на необъятном брюхе. Прежний герцог исчез. Появилось тупое животное, с трудом таскавшее огромное расплывшееся тело. Его сопровождали два вооруженных синяка, но это, видимо, была лишь дань обычаю, так как единственным желанием некогда умного и гордого человека было набить и без того огромный живот.

Потом Шарль Тагэре понял, что владетеля Эстре привезли, дабы устроить других нобилей, недовольных Лумэнами. И тогда же Шарль решил, что лучше смерть, чем такая жизнь. Теперь ему предстояло исполнить свое решение. Если на эшафоте он сможет опровергнуть возведенную на него напраслину, обвинители будут вынуждены провозгласить Высший Суд, в котором неправая сторона сгорает в огне святого Антония. Шарль не сомневался, что игра ведется нечестно, и сгореть придется ему, но это лучше, много лучше того, что сотворили с красавцем ре Эстре.

На первый взгляд умереть очень просто. Нужно только ответить обвинителю «нет», а еще лучше оскорбить и его, и Лумэнов. Но сможет ли он? Шарля Тагэре никогда не считали слабаком, но, возможно, именно поэтому его будут «держат» до конца. Правда, там, рядом с

осужденным, может быть лишь один синяк... Он должен с ним справиться! И потом, должен же хоть кто-то помочь ему! Неужели Рауль или Анри не догадаются хотя бы пристрелить его из арбалета! Мальвани, тогда еще виконт Малве, тоже видел герцога ре Эстре, он должен понять...

Шарль Тагэре потянулся сильно и красиво, как молодой тигр, и, соскочив с койки, налил себе еще вина. Большие серые глаза в обрамлении черных ресниц смотрели спокойно и даже чуточку лениво, а руки, когда он поднял кувшин, и не думали дрожать.

— А он красив. — Бланкиссима Агриппина со знанием дела рассматривала через потайное оконце высокого светловолосого человека, вновь раскинувшегося на постели. — Даже жаль. Народ любит красивых королей, а бедняжка Пьер... Он даже в храме вызывает смех.

— Безусловно, сестрица, — барон Трюэль пожал плечищами, — но красота Тагэре вряд ли ему поможет.

— Кто знает... — Циалианка загадочно улыбнулась. — Он положительно мне нравится. Не спит, это точно. Никто, кроме дурачка-короля, не смог бы спать, оказавшись в таком положении, но как притворяется! Можно подумать, валяется в гостинице в ожидании встречи с местной красоткой. А Жан все же не рискнул его прилюдно казнить! Понятно, зачем Лумэнам еще один мученик? Другое дело дюз... Правду говорят, что славу смерть не убивает, славу убивает только позор. Если судебники взнуздают нашего красавца, можно считать, что дело сделано. Вряд ли в Арции найдутся люди с волей посильнее, чем у этого Тагэре.

— Похоже, он тебе здорово понравился, — хохотнул барон, — может, запретить тебя с ним на ночку-другую?

— Глупости, Обен, — Агриппина шутливо стукнула брата по лбу, — мне мужчины ни к чему, даже такие красивые. Я себя от всех слабостей заговорила, иначе у меня ничего не выйдет... Но вот другим наш герцог очень даже может приглянуться, и от этого может быть и вред, и польза. В любом случае он должен жить и оставаться в здравом уме и твердой памяти.

— Ты права, но дело зашло слишком далеко. Тагэре опасен.

— Для кого? Для Лумэнов? Не спорю. Но НАМ он ничем не угрожает. Тагэре на троне предпочтительнее дурачка.

— Сестрица! Пьер, конечно, не в себе, но не без вашей помощи. Покойный король позволил сестрам влиять на ребенка, пока он еще был в чреве матери. Вы обещали, что позаботитесь о нем.

— У всех бывают ошибки. Впрочем, Регина, виновная в случившемся, наказана. Диана от Лумэнов не откажется, но Диана не есть Циала, и ошибиться может, и согрешить... И что будет, если бедняга Пьер умрет бездетным? А так и будет, если Фарбье не понравится девице, которую назовут супругой нашего бедного монарха. Нет, положительно неплохо посадить на престол Шарло Тагэре. Или, на худой конец, кого-то из его сыновей.

— Шарль не женат и, если его отправить в дюз, таковым и останется.

— Пожалуй. А все-таки жаль.

— И мне жаль, — внезапно признался Обен, — но пора идти. Если синяки узнают, что я разгуливаю по их замку да еще девушек вожу, они такое устроят... По крайности беднягу Клода, который нас сюда провел, точно в таракана превратят.

— Это невозможно, брат. По крайней мере, нынешние маги никого ни в таракана, ни в осла превратить не в состоянии, но ты прав. Нас не должны заметить.

Эстель Оскора

Вот когда я пожалела, что не осталась в кошачьем облике, кошки каким-то образом ухитряются выглядеть равнодушными, всезнающими и отрешенными от всего земного, человеку же сохранить лицо куда труднее. Если бы я предполагала, что встреча с Мунтом станет для меня такой пыткой, я бы обошла столицу Арции десятой дорогой. Увы,

способность мановением руки обрушить гору вовсе не означает, что ты можешь спокойно взглянуть в глаза своему прошлому, а это прошлое смотрело на меня отовсюду – из серых вод Льюферы, из окон императорского, а ныне королевского дворца, с башен Замка Святого Духа. Не знаю, что бы я учудила, не болтайся у меня на шее Эстела ре Фло, каковую нужно было сдать с рук на руки родичам, заставив забыть то, что произошло в Фей-Вэе. Я еще не решила, что сделаю – заклятье забвения одно из самых тонких, если ты, разумеется, не хочешь причинить человеку вред и обречь его на вечные муки, когда кажется, что вот-вот вспомнишь что-то важное, а оно всякий раз ускользает... От этого один шаг до безумия, я не раз видела, как люди, которых заставляли забыть какую-то совершенную ерунду (чье-то лицо или имя, случайную встречу или происшествие), через несколько лет сходили с ума.

Подвергать такому Эсту я не хотела! Да и пускать в ход мою магию было слишком рискованно, в центре королевства синяки прямо-таки кишмя кишели. Видно, нынешние хозяева Мунта сидели на троне как на гвоздях, иначе зачем им было заводить такое количество прознатчиков и судебных магов? Эстела говорила, что чем дальше на север, тем этой публики меньше, так что наложение заклятия в любом случае откладывается на несколько дней. А пока не мешает посмотреть на город, который я не видела шесть с лишним сотен лет.

Мунт оставался большим, шумным и красивым, я узнавала некоторые здания и памятники, но нового тоже хватало. Сигны на фасадах особняков нобилей по большей части были мне незнакомы, хотя я с какой-то внутренней дрожью узнала и крылатого змея Батаров, и лежащего тигра Мальвани. Я с трудом заставила себя оторвать взгляд от трехэтажного особняка, в котором обретались родичи Сезара. Ум твердил, что здесь никого и ничего не осталось и что своих друзей я могу найти разве что на кладбище, а сердце шептало – а вдруг! Ты постучишься, и к тебе выйдет маршал Арции, человек, которому можно рассказать все, спросить совета, при ком не зазорно плакать, будь ты хоть тысячу раз Эстель Оскора. Я все еще смотрела на особняк, когда рядом провыла труба. Люди с любопытством оглядывались, поворачивали на звук. Я последовала их примеру. Трубили с коронного помоста, расположенного посередине площади, а рядом стоял человек в алой куртке с золотыми нарциссами. Без сомнения, герольд. Ну что ж, слушаем.

Трубач протрубил еще дважды, после чего зачитали указ, в котором говорилось, что завтра на площади Ратуши состоится публичное покаяние Шарля Тагэре, бывшего лейтенанта всей Ифраны, каковой Тагэре злоумышлял против Его Величества Пьера Шестого, был уличен, во всем сознался и, лишенный титула и владений, будет препровожден в Аганский дюз. Синяки всегда честно отработывали свой хлеб, но ко мне и Рене завтрашняя церемония никакого отношения не имела. К этому времени нас с Эстелой уже не должно быть в Мунте. Ее место в отцовском замке, мое – в Последних горах, где я или найду Эрасти, или пойму, что это безнадежно.

Народ, отвлекшийся на глашатая, постепенно вернулся к своим делам, и я не была исключением. Пора было подобрать гостиницу, где можно спокойно переночевать. Я обернулась к Тэле, чтобы спросить, где, по ее мнению, лучше всего остановиться двум не очень знатным и богатым путешественницам, и поняла, что сейчас мне мало не покажется. Девушка стояла соляным столбом и была бледна, как сорок ройгианцев. Я еще не знала, что случилось, но чутье услужливо подсказало, что на мою голову свалилось очередное приключение. Так и вышло. Этот самый Шарль Тагэре, приговоренный к публичному покаянию и так далее, для Эстелы был светом в окошке.

Более того, когда дурочка пришла в себя, она потребовала, именно потребовала, чтобы я вытащила его прямо с эшафота, несмотря на орды стражников, синяков и просто любопытствующих. В противном случае моя очаровательная спутница собиралась или сделать это сама, или разделить его судьбу. Я смотрела на расхोлившуюся девушку с какой-то смесью грусти и веселья. Каким простым и понятным был для нее мир, она знала, что есть добро, а что – зло, и что кому надлежит делать. Это было бы смешно, если бы я сама не прорвалась сюда через тридевять пределов, чтобы отыскать одного-единственного человека,

бывшего для меня важнее гибели миров и воссияния негасимых светов. Мне помочь не мог никто, а вот вернуть Эстеле ее возлюбленного я была в силах, нужно было лишь исхитриться и проделать все так, чтобы синяки не учуяли Эстель Оскору...

2850 год от В.И.

10-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Рауль в который раз обходил пока еще пустую площадь. Коронный помост уже был обит алым сукном, плаха и топор лежали где положено, а несколько дюжих стражников бдили, чтобы какой-нибудь предприимчивый воришка не утащил атрибуты правосудия. Молодой ре Фло был в Мунте пятый день, он тайком наведася к барону Обену и Его Высокопреосвященству, а его спутники обошли своих сомнительных знакомцев. Увы! Все сходились на том, что вытащить Шарля Тагэре невозможно. Обвинители никогда не возьмут своих слов назад, кардинал все еще без сознания, а случая, чтобы человек, оказавшийся в цепях на коронном помосте, отрицал свою вину, еще не было. Обен полагал (и Жак это подтверждал), что синяки держат свои жертвы с помощью магии, перед которой любая воля бессильна. У Рауля мелькнула безумная мысль попробовать освободить Шарля по дороге на эшафот, но почтенное сообщество городских грабителей и нищих решительно отказалось участвовать в столь безнадёжной затее даже за золото.

Оставалось три выхода, вернее, два, так как первый – предоставить Тагэре его участи – Рауль отменил сразу. Можно было забраться с арбалетом на какую-нибудь крышу и оборвать мучения друга. Он бы так и поступил, не будь призрачной возможности отбить или похитить его по дороге в дюз.

– Сигнор слишком часто возвращается на это место. – Голос был женским, слегка хрипловатым. Рауль решил, что с ним заговорила уличная девка, и уже приготовился дать ей пару аргов³⁷, чтоб она отстала, но следующие слова буквально пригвоздили его к месту. – Если сигнор хочет помочь Шарлю Тагэре, ему лучше пойти со мной.

Это могло оказаться ловушкой, но Рауль беспрекословно последовал за высокой женщиной в темно-синем плаще без сигны. Вскоре они сидели за заменяющей отдельный стол здоровенной бочкой в таверне «Развеселый Жак». Ре Фло заказал легкий ужин и кувшин белого вина. Женщина спокойно откинула капюшон, позволив виконту рассмотреть ее лицо. Молодая, светловолосая. Милое лицо с высоким лбом и пухлыми губами, только вот с глазами что-то не то. Глаза большие, серые, но вот взгляд... Ну не смотрят так молодые женщины, даже прошедшие через ад войны и плена. Раулю на мгновение стало зябко, но он взял себя в руки.

– Откуда сигнора меня знает?

– Вы похожи на свою сестру.

Так, похоже, он все-таки попался, это наверняка циалянка, потому и взгляд у нее такой.

– На сестру? – Жалкая попытка выкрутиться. – Я не понимаю...

– Я не принадлежу к ордену, – губы женщины тронула нехорошая улыбка, – напротив, у меня к капустницам свой счет. Так уж вышло, что ваша сестра оказалась свидетельницей моей, скажем так, беседы с Папессой³⁸. После этого оставлять Эстелу в обители было бы бесчестно, на нее могли взвалить мою вину.

– Вину?

– Ее Иносенсия лишилась рассудка, перед этим пустив в ход магию. – Сероглазая

³⁷ Арг – общая серебряная монета Благодатных земель.

³⁸ В прямом смысле Папесса (в других вариантах Повелительница демонов, Повелительница Кошек, Великая Жрица) – одна из самых сильных фигур при игре в Эрмет.

пожала плечами. – Я ей вернула то, что предназначалось Эстеле и мне. Правда, гадюка не предполагала, что я это я.

– Где Эста? – Рауль уже ничего не понимал и, пожалуй, не хотел понимать.

– Через дорогу, вон в той гостинице с малиновой вывеской. Ей отчего-то пришло в голову, что я должна вытащить еще и Тагэре.

– И...

– Я думаю, как это сделать. Лучше всего, если вы мне расскажете об этом обряде все, что знаете и предполагаете. Мне кажется, синяков можно ударить их собственным оружием, но для этого я должна знать все.

2850 год от В.И.

10-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

В комнате бланкиссимы Козимы было душно и жарко. Тощая и изжелта-бледная, словно снедаемая изнутри каким-то недугом, Козима даже летом куталась в шаль и зажигала камин, осенью же и зимой ее покои и вовсе превращались в подобие преисподней. Не хватало только сковородок да жарящихся на них грешников, впрочем, под тяжелым взглядом наставницы воспитанницы чувствовали себя не многим уютнее, чем души в преисподней.

Соланж Ноар преклонила колени перед комнатным алтарем, облобызала перстень циалянки и замерла, опустив глаза. Козима кашлянула, поплотнее закуталась в белую шаль и обратила свой пугающий взгляд на девочку.

– Мы слушаем тебя, Соланж. Сегодня ты должна рассказать нам о Войне Оленя.

Сола судорожно сглотнула и молитвенно сложила руки.

– Война Оленя началась в 2228 году. В те времена светоч Церкви Единой и Единственной освещал Арцийский материк до Последних гор, но в Таяне и Эланде уже прорастала ересь. – Сола запнулась, испуганно вздрогнула и торопливо продолжала: – Однако Творец не желал гибели Благодатных земель. Своим орудием он избрал непорочную деву той же крови, что и равноапостольная святая Циаля. Это была дочь тарскийского герцога Мишеля...

– Надо говорить «благочестивого тарскийского герцога».

– ...благочестивого тарскийского герцога, – послушно повторила Соланж.

– Как было ее имя?

– Ее имя было Мария-Эрика.

– Так, дальше.

– Благочестивый герцог Мишель выдал свою дочь за престарелого таянского короля Марка, который не мог сделать ее своей женой. И тогда свершилось чудо. Юная Мария понесла по воле Божией и разродилась младенцем мужского пола, который должен был стать спасением Благодатных земель. Но у короля Марка была дочь Илана...

– Упомянув ее, – перебила наставница, – следует всякий раз осенять себя Знаком и добавлять: «Да будет ее имя проклято во веки веков».

– Да будет ее имя проклято во веки веков.

– Арде³⁹, – веско произнесла Козима.

– Принцесса, желая после смерти отца единолично владеть Таяной, вознамерилась погубить мачеху и брата и обратилась за помощью к богомерзким тварям, именуемым гоблинами и обитавшим в Последних горах. Твари эти испокон века поклонялись Антиподу и почитали Проклятого и были весьма искушены в черном колдовстве. Среди них находили приют и маги людского племени, предавшиеся Запретному. С одним из них, именуемым Романом Черным, и сошлась Илана, да будет проклято ее имя во веки веков.

– Арде!

³⁹ «Арде!» – «Да будет так!», заключительное слово некоторых молитв.

– С его помощью дочь короля Марка убила брата, призванного стать спасением Благодатных земель, но Мария-Эрика была спасена святой Циалой. Босая и одинокая, она прошла зимой через леса, горы и болота, и дикие звери не трогали ее, а лютые морозы не причиняли ей вреда. Ведомая святой Циалой, она вышла к святому городу Кантиске, где и нашла приют. Илана, да будет проклято ее имя во веки веков, сказала своему отцу и благочестивому герцогу Мишелю, что не ведает, где их супруга и дочь. И те поверили.

Мишель отправился на поиски дочери. По дороге ему явилась святая равноапостольная Циала и поведала, что Мария в Кантиске и что грядет поход Тьмы против Света, а он, Мишель Тарский, избран, дабы встать на пути вражеских ратей. Благочестивый герцог Мишель Тарский отправился в Мунт, предстал пред мудрым императором Базилеком и сказал то, что открыла ему святая равноапостольная Циала. И выслушал его император и повелел собирать воинство. Но племянник императора Луи не захотел принять сторону Света и предался Тьме, потребовав у богомерзких за помощь арцийскую корону. И те ему обещали. И соединилось войско Луи Арцийского с нечестивым воинством, приведенным с Последних гор магом Романом. И оскверняли они храмы и иглеции, и приносили жертвы человеческие Антиподу, и желали они освободить Проклятого и править его именем. Многое множество народа погубили они, и среди всех прочих благочестивого кардинала Таянского Тиберия, который перед смертью постиг, что Илана, да будет проклято ее имя во веки веков, и есть та, кого именуют Темной Звездой, погибелью Тарры.

И все, что было в Благодатных землях темного и порочного, принимало сторону Луи Арцийского и чернокнижника Романа, а все, что было доброго и светлого, вставало под знамена благочестивого герцога Мишеля. И пришел срок. И сошлись два воинства под стенами святого города Кантиски...

Соланж перевела дух и робко взглянула на наставницу.

– Продолжай, дитя мое.

– Герц... Благочестивый герцог Мишель сражался как лев, но был убит. Непорочная дева Мария-Эрика видела со стен святого города гибель отца. В отчаянье она воззвала к святой Циале, и ее мольба была услышана. Святая послала на поле боя Белого Оленя, который поразил чернокнижника Романа и остановил полчища мерзких тварей, именуемых гоблинами, которые в ужасе бежали. Но Илана, да будет ее имя проклято во веки веков, избежала кары, воззав к Антиподу, и тот укрыл ее до поры до времени. Если Тарра вновь погрязнет во грехе и Свет ослабеет, именуемая Темной Звездой вернется, дабы сеять смуту в душах и готовить возвращение Проклятого. Это об Илане, да будет ее имя проклято во веки веков и да защитит нас святая Циала.

– Арде! Чем же закончилась битва?

– После бегства чудовищ открылись ворота Кантиски, и оттуда выехало Святое воинство, обрушившееся, как меч карающий, на головы таянских еретиков, ведомых предавшимся Тьме арцийским принцем Луи. Меч ударял о меч, – монотонно шептала Сола, – ломались копья и сокрушались щиты. Но у Луи было много богопротивного зелья, именуемого порохом, и исход битвы не был ясен. Но тут подошли войска эландского герцога Рене, который, увидев великую сечу, заколебался.

Эландский герцог Рене был смел и честлюбив, но душа его была далека от Света, хотя в те поры еще не погрязла во Тьме. Душой эландский властелин тянулся к власти, а телом к разврату, но, подобно двум крыльям, удерживающим птицу над бездной, удерживали Рене Эландского от грехопадения благочестивая жена его Ольвия и кардинал Максимилиан...

– Обычно, – вмешалась Козима, – первым называют духовную особу, но в данном случае надлежит говорить так, как ты и сказала. Ибо благочестивая Ольвия впоследствии стала Предстоятельницей ордена равноапостольной Циалы. Итак, что же сделал Аррой Эландский?

– Он, – выдохнула трясущаяся Соланж, – он... Он колебался, и, видя это, кардинал Максимилиан посулил ему корону Арции, если он сразит впавшего во Тьму принца Луи. Так извлечен был мед из львиного чрева, и властолюбие герцога Рене подвигнуло его к

подвигу... К подвигу подвигнуло... И он свершил во имя короны, что не желал свершить во славу Творца нашего. Рене Эландский бросил свои полки на полки безбожного Луи, и вновь закипела битва, и вновь Свет не мог одолеть Тьму, а Тьма Свет.

И тогда во всех храмах и иглециях святого города Кантиски воззвали к Творцу, и Творец услышал и послал свое воинство на помощь воинству церковному. И узрели люди сверкающую рать на дивных конях, и за плечами всадников вздымались белые, как снег, крылья. И при виде их в ужасе бежали полки безбожного принца Луи, а сам он погиб в битве, и даже тело его не удалось найти. Так была одержана великая победа у Святого холма, на котором позднее был воздвигнут храм.

– А что было дальше? – Немигающие глаза продолжали буравить девочку.

– Дальше корона Благодатных земель была вручена эландскому герцогу, как и обещал ему Максимилиан. Но герцог захотел большего. Он увидел Марию-Эрику и, пленившись ее красотой, возжж... возжж... возжелал ее. Дочь благочестивого герцога Мишеля с негодованием отвергла домогательства старого императора, который уже был женат на достойнейшей из женщин. И тогда Рене Аррой предался Тьме. Он воззвал к Проклятому, и тот ответил ему из бездны. При помощи Тьмы, которой Аррой предавал свою душу и свою кровь во веки веков, император совратил Марию-Эрику и вместе с ней бежал за Запретную Черту. С тех пор никто никогда о них не слышал. Однако благочестивой Зенобии, наперснице супруги герцога Рене благочестивой Ольвии, перед смертью было видение, что святая равноапостольная Циала послала бурю, утопившую корабль нечестивцев. Сама же Ольвия, дабы искупить грехи, совершенные тем, кто был избран ей в мужа, вступила в орден, и не было в те времена женщины достойнее, добродетельнее и мудрее ее. Ее молитвы умиливали святую Циалу, и она послала Благодатным землям золотой век, а с сына Ольвии и Рене Сгинувшего не было спрошено за грехи отца, и он царствовал долго и мирно. – Сола замерла, с опаской глядя на наставницу.

Темные губы тронуло нечто напоминающую улыбку, и Козима еле заметно кивнула.

– Иди, дочь моя. Сегодня ты отвечала удовлетворительно. На завтра подготовь житие святого Анхеля.

2850 год от В.И.

Вечер 10-го дня месяца Волка.

Арция. Мунт

Королевский желудок отчего-то совершенно не переносил слив. Сладкие темно-синие ягоды, которые Пьер обожал, через несколько ор доводили его до самого жалкого состояния. Его Величество, разумеется, знал, что ему следует избегать слив, да и много чего другого, но сила воли отнюдь не числилась среди достоинств девятнадцатилетнего короля Арции, к тому же ему всякий раз казалось, что в этот раз обойдется. Сначала воспитатели, а потом придворные поняли, что самый верный способ сберечь королевский желудок и простыни – это не допускать во дворец опасные лакомства. И тем не менее Пьер каким-то непостижимым способом умудрялся их находить, или, вернее, они находили его.

Вот и сегодня после скучного вечера, когда король под бдительным присмотром дяди Жана нарисовал свое имя под кучей бумаг, он обнаружил целое блюдо вожделенных слив, забытое на окне в комнате, где стояли клетки с королевскими хомяками. Пьер Шестой с детства любил этих маленьких неопасных существ, которые забавляли его, бегая в специальных колесах и желобках и лазая по решеткам.

В первый раз малолетний король увидел хомяка на портрете, изображающем какую-то древнюю королеву, и пролепетал «дай». Заботливый дядюшка тут же отрядил за зверьками доверенного нобилия, который, несмотря на зиму, сумел разыскать на покрытом снегом поле норку и вытащить из нее меховой комочек. Оказавшись в тепле, хомячок быстро пришел в себя и стал любимцем пятилетнего Пьера. С тех пор привязанности короля не изменились. Он боялся собак и кошек, научить его ездить на лошади стоило больших трудов, но вот хомякам был предан всей душой. Не было дня, который бы не начинался с высочайшего

визита в комнату, где обитали королевские любимцы, спешил он к ним и покончив с государственными делами. Чем скучнее и неприятнее был день, тем больше времени король проводил с хомяками. Его Величество предпочитал заниматься со своими зверьками лично и в одиночестве, поэтому слуги, подготовив все необходимое, покидали помещение, как только король выходил из кабинета.

Так было и на этот раз. Наутро и лакей, и специальный человек, отвечающий за чистоту клеток, клялись, что злополучные ягоды появились после их ухода. Так ли это было, никто не знал, но король, дорвавшись до излюбленного лакомства, за вечер съел все, что лежало на немалом блюде. Ночь прошла спокойно, но утром стало ясно, что ни о каком участии в церемонии покаяния Шарля Тагэре не может быть и речи. Канцлер Бэррот, злой, надоедливый и непонятливый человек, предложил было все отложить до выздоровления Его Величества, но дядя Жан сказал, что ничего интересного там не будет, но что, когда желудок короля успокоится, можно будет съездить к бланкиссиме. Впрочем, если Пьер хочет сидеть на площади, где очень холодно, и смотреть на неинтересное зрелище, его туда отведут.

Разумеется, он не хотел. Король не любил холод, его пугали толпы на улицах и шум, а вот бывать у Дианы ему нравилось. После хомяков и вкусных вещей Пьер больше всего любил молиться, так как почти всегда получал то, о чем просил доброго боженьку. Диану он тоже любил, она не заставляла его ничего подписывать или долго сидеть на одном месте, когда чужие люди с неприятными голосами читали и говорили что-то непонятное, и нельзя было ни повернуться, чтобы устроиться поудобнее, ни заснуть, ни даже вынуть и съесть запасенные сласти. Правда, у бланкиссимы не было хомяков, но зато была очень красивая картина, где женщина, похожая на Диану, кормила из рук белого оленя, а вокруг росли цветы и летали бабочки.

Бабочек Пьер тоже любил, в его спальне ими была украшена целая стена. Бабочек привозили со всего света, жаль только, что они не летали. Дядя Жан объяснил, что они не могут жить во дворце, как хомяки. Кроме картины, у Дианы хорошо пахло, там всегда угощали чем-нибудь вкусным, и он еще ни разу не ушел оттуда без подарка. К сожалению, ездили туда только по праздникам и после долгого и утомительного дня среди чужих и шумных людей. А тут можно поехать прямо с утра, если это дело с кем-то на площади сделают без него. И Его Величество король Арции Пьер Шестой решительно сказал: «Пусть все будет сегодня, а мы поедem к Диане...»

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Вообще-то, кающемуся полагалось идти пешком, но не было бы счастья, да несчастье помогло. Шарля спас страх Фарбье. Временщик опасался, что друзья Тагэре избавят того от унижения, пустив с какой-нибудь крыши стрелу. Уследить за каждой трубой или чердачным окном не взялся бы никто, и Шарля загнали в карету с занавешенными окнами. Он смиренно сел напротив обвинителя, ненавидя в первую очередь себя, а во вторую синяка. Герцог раз за разом переживал те мгновенья, когда сначала один, потом два, три и, наконец, шестеро Скорбящих надевали на него Цепь. Это было унижительно, отвратительно, мерзко, но его руки и губы в какой-то момент стали слушаться не его, а шестерых мерзавцев в белом, четверо из которых стояли по четырем углам камеры, а еще двое у двери и окна.

Самым мерзким было то, что он оставался в сознании все время, пока его везли на площадь Ратуши. Проклятая Цепь, с виду такая тоненькая и легкая – дерни и разорвется, давила, как хороший удав из сурианских лесов. Герцог понимал, что это конец, против магии такой силы ему не выстоять. Он послушно взойдет на помост и при всем честном народе разденется донага, чтобы показать, что его никто не пытал, а потом станет на колени и расскажет о своих мнимых преступлениях, будет умолять о прощении, целовать руки и сапоги судей, затем с благодарностью натянет рубище... Если ему повезет, то проклятый ошейник с него снимут, поскольку антонианцы не могут надолго расставаться с этой вещью,

и тогда он, возможно, успеет разбить голову о какой-нибудь камень, прежде чем окончательно превратится в животное. Но о добром имени придется забыть, разве что Рауль или Анри успеют его убить еще до позора.

Синяк, похожий на мокрого галчонка (Шарль, будь он свободен, мог бы прикончить такого одним ударом), шевелил губами, наверное, репетировал обвинительную речь, а Тагэре смирно сидел напротив, сложив руки на коленях, и, чтобы хоть как-то отвлечься, тщательно считал повороты, угадывая дорогу, которой их везли. У него была слабая надежда на перекресток перед въездом на Рыбный мост. Если бы он захотел освободить узника, то напал бы именно здесь, но карета благополучно миновала и это место, и еще два более или менее пригодных для засады.

Человечишко в лиловом перестал жевать губами и принялся стряхивать с мантии волоски и перхотинки. Значит, они вот-вот приедут, вернее, уже приехали.

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

– Едут! – заорали повисшие на деревьях и фонарях мальчишки, и Агриппина безнадежно вздохнула. Она ничего не смогла сделать! Евгений по-прежнему без сознания, а король, разумеется, заболел. Просить же Жана или Диану бессмысленно. Правда, бланкиссима, прослышавшая, что Агриппина хочет о чем-то говорить с королем (уж не потому ли бедный Пьер слег?), очень любезно поинтересовалась, не может ли дорогой Агриппине помочь монсигнор Фарбье. Но фейвэйская гостья умела держать удар и вводить в заблуждение самых ловких. Она мило улыбнулась и сказала, что ее растрогала история юной воспитанницы. Девочка показалась ей смышленной и приятной, и она хотела просить Его Величество проследить, чтобы, пока Соланж проходит обучение, ее приданое не перекочевало в сундуки ее кузин. Если же у самой Дианы нет особенных видов на юную Ноар, Агриппина была бы рада увезти ее в Фей-Вэйю, где гораздо больше воспитанниц ее возраста.

Диана предполагала, что толстая сестра врет, а Агриппина знала, что та ей не верит, но игра имела свои правила. Арцийская бланкиссима с нежнейшей улыбкой обещала проследить за имуществом Соланж, ее же саму она с удовольствием препоручает заботам дорогой гостьи. Что ж, нет худа без добра, девочка и вправду приглянулась Агриппине какой-то пронзительной беззащитностью и доверчивостью. К тому же она была удивительно хороша – синие глаза и черные волосы среди жителей Эскоты встречаются, но, как правило, у тамошних обитательниц черты грубоваты, а личико Соланж было точеным. Да, с такой внешностью она вряд ли станет желанной гостьей в доме, захваченном родственниками, у которых взрослый сын и дочери-невесты.

Агриппина не жалела, что взяла девчушку под свое крыло. В Фей-Вэе та, по крайней мере, не станет добычей какого-нибудь рыцаря из окружения Жана. Кто знает, вдруг Сола найдет себя в циалянстве. А нет, так выйдет из обители не жалкой бесприданницей, а богатой невестой. Но она приехала сюда вовсе не для того, чтобы приглубить синеглазую эстрийку. Бланкиссима собиралась разузнать всю подноготную мунтского двора и не дать свершиться непоправимой глупости. В последнем она не преуспела, и вот теперь вынуждена наблюдать за уничтожением человека, жизнь и смерть которого была, если она правильно разобрала откровения Эрика, жизнью и смертью Арции. Оставалось надеяться на чудо, но за свои тридцать четыре года Агриппина привыкла к тому, что чудес не бывает, а бывают умные и неожиданные ходы в игре, которую ведут сильные мира сего.

А они здорово боятся Тагэре. Даже безоружного, униженного, скованного пресловутой Цепью. Привезли в закрытой карете, стражники и шпионы и в толпе, и на крышах... Агриппина носила с собой Кристалл Поиска и легко отличала тех, у кого были такие же. Похоже, синяки выгнали на площадь всех, кого могли, чтобы пресечь в зародыше любую попытку хоть как-то помочь герцогу. А ведь она бы сделала это, обладай достаточной силой

и ловкостью. Нужно лишь пригасить действие Цепи. Остальное сделала бы воля самого Тагэре, но, увы... Циалианка обернулась к дрожащей Соле.

– Холодно?

– Нет. – Девочка с доверчивым обожанием посмотрела на свою покровительницу, и на сердце у Агриппины стало теплее. – Мне страшно.

– Страшно?

– Вы не чувствуете? Небо ясное, а словно гроза идет...

Вот это новость! Соланж, совершенно необученная, без Кристалла, способна чувствовать магическое напряжение! Неужели она, Агриппина, наконец-то случайно нашла то, что искала всю жизнь?!

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Сквозь занавески он слышал шум толпы. Карета остановилась. Кто-то распахнул дверцу, и синяк неуклюже полез наружу. Шарль Тагэре остался сидеть, ожидая, когда за ним придут. Вернее, ожидало его тело, а душа билась, как птица о стекло. Из последних сил герцог постарался успокоиться и собраться. Нужно еще раз попробовать стать самим собой. Он должен сказать «нет»! Его губы не разжимались с той самой минуты, когда, сломленный шестью магами, он повалился на четвереньки в своей камере и на его шее защелкнули ошейник, казавшийся символической игрушкой. Он в прямом смысле ползал на брюхе и лизал сапоги укротителей; затем ему велели встать и замолчать, и Шарль Тагэре встал и замолчал. Прошло две оры, может быть, его воля немного приподняла голову? Герцог собрал все свои силы и попробовал прошептать: «Нет!» Навалилась жуткая тяжесть, захотелось взвыть в голос, но губы шевельнулись. Получилось!

«И получится, – прозвучало то ли в его мозгу, то ли рядом. Он готов был поклясться, что никогда не слышал этого чуть хриловатого женского голоса. – Хорошо, что ты борешься. Успокойся и соберись. Это твой бой и ничей больше...»

Шарло оглянулся. Никого. Но давление не то чтобы совсем исчезло, но стало терпимым. Он приподнял руки, вновь положил их на колени, поправил волосы, одернул одежду. Его тело ему повиновалось! Проклятый ошейник стал простой железкой. Ну, что ж, позора, по крайней мере, не будет.

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Судебный маг Иаков Эвгле не без опаски взошел на обитый сукном помост. Нет, Шарля Тагэре он не боялся, взнуздать его было куда как непросто, но теперь он смиреннее ягненка. А вот дружки герцога, которые наверняка окажутся в толпе... А ну как попробуют пристрелить своего предводителя, чтоб избавить от покаянья, а попадут в стоящего рядом?! Иаков хотел жить, и жить хорошо, но для успешной карьеры порой приходится делать что-то опасное, тем паче его наконец оценили по достоинству! Не зря именно ему, человеку сугубо мирскому, предложили вести церемонию покаяния.

Маг-недоросток не догадывался, что решающую роль сыграла его, мягко говоря, неприглядная внешность. Диана и Фарбье хотели унижить Тагэре как можно сильнее, а чем смешнее и незначительнее тот, перед кем гордый герцог будет ползать на коленях, тем лучше. Смешнее же и незначительнее Иакова Эвгле в Мунте не нашлось никого.

Самому же Эвгле ужасно хотелось увидеть свой звездный час, но еще никто не научился одновременно находиться в двух местах. Правда, синяк через вторые руки нанял мазилу, обещавшего запечатлеть церемонию в максимально выгодном для обвинителя свете, но как все-таки жаль, что магия не позволяет видеть себя со стороны!

Судебный маг еще раз отряхнул мантию, медленно и, как ему казалось, величественно

поднялся вверх по тринадцати – по числу месяцев года – ступеням и занял отведенное ему место справа от плахи с воткнутым топором, рядом с которой стоял палач в красном.

Площадь была запружена народом, и дальнотзорный брат Иаков заметил, что люди выглядят угрюмыми и настороженными. Синяк вслушался в довольно-таки жидкие крики, поносящие всех Тагэре вообще и Шарля в частности. Однако крикуны вопили как-то неуверенно, с одной стороны, отрабатывая полученные деньги, а с другой – опасаясь получить по шее от стоящих рядом. Иаков поднял руку и возгласил самым громким и солидным голосом, на который был способен.

– Приведите обвиняемого!

Стражник с желтыми нарциссами на красной тунике, надетой поверх кирасы, торопливо скатился по ступеням и направился к карете. Обвинитель принял значительный и скорбный вид, глядя вниз, туда, откуда должен появиться преступник. И он появился. Странно, но Тагэре шел уверенно, с гордо поднятой головой, ничем не напоминая раздавленного страхом человека. Увидев это, люди на площади радостно загудели, а кто-то даже завопил здравицу в адрес Шарля. Безобразие! Неужели измотанные небывалым поединком магии и воли антонианцы позабыли сказать «взнузданному», как вести себя на эшафоте? Что ж, за этот промах они поплатятся, особенно несносный брат Серж, не так давно унизивший Иакова при самой бланкиссиме! Но сначала дело.

– Признаешь ли ты себя виновным? – Эвгле, трепеща от наслаждения, задал узнику вопрос, на который мог быть лишь один ответ. Обвиняемые подробно рассказывали о своих злодеяниях и коварных замыслах, каялись в грехах, получали отпущение и либо клали голову на плаху, либо в рубище под улюлюканье зевак навсегда уходили в дюзы. Случая, когда кто-то посмел отвести обвинение, не было и быть не могло, но Шарль Тагэре ответил ясным и чистым голосом, далеко разнесшимся в осеннем воздухе:

– Я ни в чем не виноват перед Арцией и тем, кого называют ее королем. Меня схватили по наущению Жана Фарбье, попытались обманом и угрозами вырвать признание, а когда не вышло, прибегли к магии.

Иаков потерял дар речи. И было от чего: судебная магия делала подобное просто невозможным. Человек говорил лишь то, что ему велели, его желание или нежелание не имели никакого значения, но Тагэре каким-то непостижимым образом сорвался с магической цепи. Что ж, значит, он умрет, и умрет страшно. На подобный случай предусматривалось специальное заклинание. Правда, его еще прилюдно не применяли, хотя знать его был обязан каждый Скорбящий, которому приходилось присутствовать при публичном покаянии. Они и знали, тренируясь в подвалах Духова Замка на тех, кого не обязательно было показывать народу.

К истине как таковой это заклятие не имело никакого отношения. Просто человек, на которого указывал перст Обвинителя с «Кольцом скорби» (после церемонии или «тренировки» артефакт возвращался брату-казначею), заживо сгорал в ослепительном белом огне, не оставалось даже костей. Иаков Эвгле вытянул руку в направлении Тагэре:

– Да разрешит наш спор Кастигатор⁴⁰!

– Арде! – дерзко ответил эльтский герцог, с вызовом потрянув золотистой гривой. С пальцев Иакова потек пока еще невидимый огонь. Сейчас он коснется ослушника, и все будет кончено! Однако случилось невозможное. Заклятье отскочило от Тагэре, как мяч от стены, и понеслось к тому, кто его сотворил. Синяк даже не успел ничего понять. Колдовское пламя охватило его, он зашелся в жутком, визгливом вопле, и все было кончено.

– Оправдан, – закричала какая-то женщина, и ей ответил грубый мужской бас, проревевший: «Виват Тагэре!» На глазах потрясенной толпы с герцога сами собой спали, вспыхнули и рассыпались пеплом оковы, и Шарль с удивлением, еще не веря спасению, размял затекшие кисти. Кто-то бросил на эшафот цветок, золотистая хризантема ярким

⁴⁰ Кастигатор – Всезнающий Судия, одна из ипостасей Творца Триединого.

пятном легла на алую обивку, герцог хотел ее поднять, но голова у него закружилась, и он мешком свалился на руки подоспевшего Рауля.

Простолюдинки в умилении плакали, вытирая глаза белыми фартуками, мужчины, радостно улыбаясь, хлопали друг друга по плечам, и никому не было дела до серой кощенки, устроившейся на одной из балок, поддерживавших страшную конструкцию. А зверушка, потянувшись, сиганула на каменную балюстраду, ограждавшую фонтан, оттуда перелетела на крышу лавки цирюльника, спрыгнула вниз и затерялась среди узких улиц.

Эстель Оскора

С моей стороны было большой глупостью влезать в арцийскую междоусобицу, но я на старости лет стала сентиментальной. Ну не могла я бросить свалившуюся мне на голову девчонку на произвол судьбы, пришлось тащить ее с собой, а дальше все пошло по вечному принципу: дайте напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде. У Эстелы, как и положено в ее возрасте, оказался возлюбленный, умудрившийся угодить в ловушку, которую обошел бы и слепой. Правду сказать, мне следовало передать свою подопечную братцу, а самой наконец заняться действительно важным. Я же полезла в пасть синякам, и не моя вина, что те оказались настолько тупы, что не поняли происшедшего у них под носом.

Но я ни в коем случае не жалела, что спалила этого воцерковленного крысеныша с его амулетом. Когда я случайно зацепила его ауру, у меня возникло ощущение, что я босыми ногами прошла по какой-то гадости. Арция докатилась, если суд в ней вершат подобные людишки! А вот герцог мне понравился, ничего не могу сказать. Дрался до конца, хотя был обречен: человек, каким бы сильным он ни был, не мог противостоять таким артефактам. Но Тагэре мне все же помог. Сломайся он, я была бы вынуждена себя раскрыть, а так я лишь поддержала рывок самого герцога, к слову сказать, для человека, да еще измотанного схваткой с синяками, очень сильный. Помогло и то, что в его жилах текла капля той же крови, что и в моих, когда я еще не была Эстель Оскора. Мне удалось так слить свою Силу с его, что сам Ройгу не разобрал бы, где начинается одна и кончается другая. Это было красиво. Не спорю, артефакты Скорбящих были сработаны с выдумкой, но мы видывали и не такое!

Впрочем, было бы нелишним докопаться, кто и когда сработал Цепь и пламенное Кольцо. Вот уж что я сделала с удовольствием, так это их разрушила. Это был риск: к Силе, выплеснутой крысенышем на Шарля и отброшенной мной назад, пришлось добавить изрядную долю моей собственной. Умей эти ублюдки разделять поражающее и отражающее заклęcia, они бы поняли, что вторичное было раз в двенадцать сильнее первичного. К счастью, тем, кто делал Кристаллы, было далеко до умника, создавшего Цепь. Страшно было подумать, что бы стало с тем же Шани Гардани или Стефаном, окажись в руках моего покойного отца подобная штука. Зато теперь судебные маги остались без своих главных «аргументов» в споре. Правда, герцогу тоже досталось. Я, как могла, его прикрыла, но как шлем не полностью гасит удар, если тот достаточно силен, так и мой щит, хоть и спас от магического огня, не защитил от откатной волны. Что ж, придется красавцу Шарло денек полежать, а потом походить с большой головой, зато он жив и свободен.

Все закончилось хорошо. Справедливость восторжествовала. Тагэре оправдан, Цепь разрушена, Кольцо тоже, Эстела свободна, и никому и в голову не придет, что она бежала. Возможно, кое-кто решит, что Виргиния, отдавая приказ дочери ре Фло немедленно покинуть обитель, уже была не в себе, но это не наша забота. Насколько я поняла этих бледных поганок, они будут сохранять лицо, старательно делая из пускающей слюни идиотки мудрую и благочестивую правительницу, а значит, Эсте ничего не грозит. Ну и славно! Пора было приниматься за настоящее дело. И все же сердце у меня было не на месте.

Глупо, но Эстела, ее братец и особенно герцог Тагэре не отпускали меня. Я уже поняла, что благородство в Арции нынче не в почете и, в конце концов, мы в ответе за тех, кому единожды помогли. Да и что случится, если я уверюсь в том, что дети благополучно выбрались из этого змеиного болота? Ну, потеряю день или два, что это в сравнении с

Вечностью?

Уходя в бой, я не должна оглядываться, гадая, не случилось ли чего, а я уже поняла, что не найду себе места, пока не уверюсь, что моя троица в безопасности. Что ж, эти провожания будут моей последней глупостью. Никаких войн я для них выигрывать не стану, пусть сами справляются. Я изрядно тряханула циаианок и вырвала зубы у синяков и Скорбящих. Надо думать, на какое-то время бледная магия ослабнет, и многое может быть решено с помощью честного меча. Ну и интриг, конечно, как же без этого, но тут уж пусть сами выкручиваются. Из Тагэре, сразу видно, интриган еще тот, а вот Эстела, когда подрастет и поумнеет, возможно, и научится играть. Выдержка у нее есть, а в бытность ее воспитанницей она довольно ловко скрывала свои чувства. Да и отец у нее вроде бы неглупый, авось приглядит... Решено, подожду, пока Шарль придет в себя, на что уйдет несколько дней, а потом провожу их до городских ворот. Или лучше до границ Тагэре.

Нет, хорошо все же, что я под магический шумок, поднятый в Замке Святого Духа (Шарль сопротивлялся не хуже, чем в свое время Шандер), сменила обличье, а эти дураки и не заметили. Они совершенно не береглись, подняли сильнейший магический трезвон, не поставив самой простенькой защиты вдоль стен. Не знаю, может, им нравилось, что другие обладатели Кристаллов или собственной ненаведенной Силы чувствуют их мощь, но в этом потоке можно было утопить сотню небольших, но действенных заклятий, в том числе и трансформирующих.

Если бы мне не нужно было хранить инкогнито, я бы запросто спалила ползамка, развернув энергетический поток, но, во-первых, там был Шарль, а во-вторых, корень зла находится в совершенно другом месте. Мне еще предстоит с Эрасти или в одиночку его найти и вырвать. Я удержалась от искушения устроить большой шум и просто стала кошкой, подождала, покуда из Замка выедет карета, и пристроилась между кузовом и кучерским сиденьем. Дальше было и вовсе просто. По дороге я окончательно убедилась, что герцог человек сильный и очень любящий жизнь (мне такие всегда нравились), а его тюремщик – редкостная мразь, которую я и прикончила чуть ли не с удовольствием. Теперь в моем распоряжении была пара дней, которые можно потратить на разведку. Потом, чтоб не пропустить отъезда моих подопечных, придется засесть в бывшем дворце Сезара (уж не знаю, как зовут нынешнего Мальвани), так что времени лучше не терять.

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт. Резиденция ордена

– Ты уверена, что толстуха здесь ни при чем? – Жан Фарбье с негодованием посмотрел на свою любовницу. Временщик имел обыкновение во всех неудачах винить кого угодно, но не себя. Диана нашла бы, что ему ответить, но она была слишком подавлена случившимся и не склонна затевать ссору. Ссориться можно, когда дела идут на лад, но, если что-то не сварилось, надо отбросить лишнее и действовать.

Женщина чуть помолчала, подбирая слова, одновременно понятные и необидные, и, вздохнув, сказала:

– Агриппина – псина Виргинии, а та спит и видит от меня избавиться... Именно потому я уверена: Фей-Вэйя ни при чем. Я следила за толстухой с самого начала. У нее есть Кристалл, чего и следовало ожидать, но она ничего не предпринимала, только вынюхивала.

– Тогда кто? – Фарбье сорвался с места, едва не своротив столик с молитвенником и фруктами, и заметался по комнате. – Такого просто быть не могло!

– В то, что за Тагэре вступился святой Антоний, ты не веришь? – поинтересовалась Диана, отщипнув от кисти винограда пару ягод.

– Ты что, издеваешься?

– Нет, что ты! Просто это расставило бы все по местам. Тагэре не виноват, а посему оправдан судом горним вопреки суду земному. Но я в это не верю!

– Но должно же быть какое-то объяснение! Как он смог разомкнуть Цепь, а потом

спалить ее вместе с этим недомерком, как бишь его звали?

– Иаков. Судебный магик четвертой ступени Иаков Эвгле, и хорошо, что он. Паршивый был человечешко, вечно на всех доносил, чтобы их место занять, и при этом ни одной юбки пропустить не мог, – Диана нервно рассмеялась, – причем чем крупнее была девица, тем выше подпрыгивал наш малыш. Прямо как мопс, пытающийся на борзую заскочить...

– Хм, – неожиданно для самого себя улыбнулся и Фарбье, – а я видел такое однажды... У матери всяческие псеныши на каждой подушке валялись, так один как-то раз за медвежьей гончей припустился, вот смеху-то было... Ладно, ну его, этого Иакова, хорошо, что кто-то путный не сгорел. Но ты хоть представляешь, как это было сделано?

– Пожалуй, да, – бланкиссима больше не смеялась, – по крайней мере, второе заклетье. Его отбили и направили на того, кто его наслал. Такое никакой Кристалл не учует: оба заклятья сливаются в одно, а засекается только первое. Но как Тагэре сорвался с Цепи, не представляю. Воля у него, конечно, бешеная, но у ре Эстре она вряд ли была много меньше... Помочь не мог никто. Карету вели и маги, и стражники, Тагэре с Иаковым были вдвоем, потом Иаков вышел, Тагэре остался.

– А когда на него надевали Цепь, не могли напутать?

– В таких вещах Доминику можно доверять, Его Преподобие скорее перебдит, чем недобдит, Тагэре взнуздывали шестеро, правда, даже они справились не сразу.

– А с Эстре сколько было?

– Четверо... Но Доминик клянется, что все прошло как надо.

– А не мог герцог как-то сам, без помощи?

– Ты что, с ума сошел, – вскинулась циаианка и внезапно оборвала самое себя. – В этом что-то есть... Тагэре – Аррой...

– Мало ли Арроев, – пробурчал Жан.

– Мало, – отрезала Диана, – я прекрасно знаю, что дело в крови, а не в благословенном церковью браке, и что ты такой же правнук Шарля Третьего, как Шарло, но почему в ком-то Непонятное поднимается, а в ком-то нет, никому не ведомо.

– Непонятное?

– Да, врожденная способность к высшей магии без артефактов и обучения, хотя и то и другое эти способности усиливает.

– Ты могла бы сделать то, что сегодня произошло?

– Нет, Жан, и ни один из известных мне магов на это не способен, разве что у него есть соответствующий артефакт.

– Значит, ты знаешь не все!

– Значит, не все, – не стала спорить Диана. – Но разум подсказывает, что Тагэре освободился самостоятельно. И не спрашивай, как. Он, похоже, и сам не знает. Как не умеющий плавать человек, которого бросили в воду, а он выплыл...

– Диана, а разве в нашем роду... То есть кто-то из Арроев был магом?

– Об этом не принято говорить, но сгинувший Рене мог многое. Церковь объяснила победу в Войне Оленя вмешательством Творца, но в хрониках есть намек на то, что эландец обладал Силой. Правда, в его потомстве это вроде бы не проявлялось. Но другие объяснения еще хуже.

– Тогда Тагэре тем более нельзя отпускать.

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Шарля унесли к Мальвани, благо их дворец выходил окнами на площадь Ратуши. Моложавый медикус с благородными сединами осмотрел все еще пребывающего в глубоком обмороке герцога и сообщил, что ничего страшного нет. Просто шок, вызванный (тут врач оглянулся по сторонам) магическим ударом, ставшим следствием разорванного заклетья. Нужен покой, приглушенный свет и тепло. Обморок перейдет в сон, и к утру Тагэре будет

здоров, хоть и слаб.

Поскольку Мальвани испокон века собирали все лучшее из имеющегося в Арции, то и медикус у них был отменный. Успокоившись насчет Шарля, Рауль попал в лапки сестрицы, вцепившейся в него мертвой хваткой.

– Я пойду к нему!

– Зачем? Он спит.

– Я все равно пойду.

– Эста, ему нужен покой, он проспит до вечера. Что, так и будешь в темноте сидеть?

– Буду.

Она направилась к спальне, но Рауль решительно встал на пороге:

– Его нельзя трогать, а я тебя знаю. Пять минут посидишь, потом начнешь за руки хватать или по голове гладить. Вот проснется, и делай с ним что хочешь. Скажи лучше, эта твоя ведьма не объявилась?

– Нет. Как ушла, так и пропала, а потом ты пришел.

– Ничего не скажешь, повезло нам. – Рауль увидел, что опасность покою Шарля миновала, и с удовольствием опустился в мягкое кресло.

– Да, – плечики Эстелы вздрогнули, словно она вспомнила что-то очень неприятное, – если бы не Геро, я бы... Ты бы видел, как испугалась Ее Иносенсия!

– Как ты думаешь, кто она?

– Может, из-за гор? Она циалянок не любит...

– Я догадался, – улыбнулся Рауль. – О, Анри!

Анри Мальвани, высокий и красивый, как и все в его роду, бросил мокрый плащ на кресло и протянул руки к огню. Маркиз был свеж, словно бы не провел три ночи в седле.

– Как наш болящий?

– Спит без задних ног... Эста к нему рвется, а я не пускаю.

– И правильно делаешь, ему целую ночь скакать, пусть поспит.

– Ночь? Ты что, нас выгоняешь?

– По мне, хоть до Темной Звезды живите, но я по дороге домой заехал к Обену. От него и узнал, что, во-первых, я опоздал... тебя убить мало, что ж ты мне сразу не сообщил?! А во-вторых, что Фарбье с Дианой получили по ушам. Но об этом потом. Барон вам советует в Мунте не задерживаться, а его советы на вес золота. Будь Шарль на ногах, я бы вас выпроводил прямо сейчас.

– Анри, неужели они после всего посмеют?

– Уже посмели... Нет, разумеется, никаких арестов больше не будет, но яд, стрела или нож к вашим услугам. Они даже виновного нашли.

– И кого?

– Не поверишь! Канцлера. Милейшего Бэррота обвинили в том, что, «воспользовавшись доверчивостью короля, он вызвал Шарля Тагэре подложным письмом и обманом добился его ареста». Умный Бэррот, не дожидаясь визита синяков, исчез, а не менее умный Обен его якобы ищет. Разумеется, безуспешно. Но теперь они запросто могут прикончить Шарло, да и тебя с Эстелой, и свалить на беглого канцлера.

– Весело!

– Можно, конечно, переждать у меня и послать за войсками. Или уезжайте сегодня, или ждите, но с завтрашнего дня я меньше чем с армией вас не отпущу. Пробраться в дом тайком трудно, а гостям скажем, что Шарль болен...

– И тем самым подольем воды на их мельницу. Раз болен, значит, и помереть может, а потом, от простых убийц ты, допустим, остережешься, а ну как они магию в ход пустят.

– Сегодня им это не помогло...

– Такое не повторится.

– Погоди-погоди, – Анри Мальвани вплотную подошел к Раулю, – выходит, ты знаешь, ЧТО там произошло?

– Что не знаю, а вот КТО... Но чтоб дальше тебя не пошло! Обен уж точно без этих

знаний обойдется. Сестренка где-то подцепила самую настоящую ведьму в кошачьем обличье, которая для начала расправилась с Ее Иносенсией и вывела Эсту из Фей-Вэйи. О Шарле они узнали случайно, просто ехали через Мунт и услышали. Эстела собралась изобразить из себя Флориану⁴¹, а эта ведьма... Уж не знаю, что было у нее на уме, но она сначала вытрясла из меня все, что я знал о синяках и покаянии, а потом велела ни о чем не беспокоиться. Я ей не поверил, но Эста настояла, чтоб я сидел тихо и ждал, и оказалась права. Кошка сделала свое дело и исчезла. Сначала я не слишком огорчился, не люблю я магии, но сейчас помощь нам бы не помешала.

– Вряд ли обычная ведьма совладала бы с Виргинией и целой стаей синяков, не говоря уж про всякие магические штучки.

– Ну, не знаю, как ее еще назвать. И хотел бы поверить, что святые заступники наконец-то обратили свой взор к Арции, но увы... На святую Циалу она не похожа. Скорее наоборот.

– Но хотя бы красивая?

– Не знаю! Вроде красивая, но у нее такие глаза, что ничего другого не видишь. Может, Эста лучше рассмотрела...

2850 год от В.И.

11-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Гонец из Фей-Вэйи застал Агриппину за столом в доме ее брата. Бланкиссима смаковала вишневую наливку, не забывая подкладывать Соланж всяческие вкусности, которые в доме барона Трюэля не переводились. Узнав гонца, циалианка вздохнула:

– Судя по всему, что-то случилось. Садитесь и угощайтесь...

– Бланкиссима...

– Давайте письмо и берите ложку. На вас смотреть страшно. Что бы там ни произошло, конца света через пол-оры не будет. Соланж, накорми сигнора⁴² рыцаря. Это наша новая воспитанница, я ее выпросила у Дианы, у нас ей будет лучше.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Жерве, искренне любивший толстушку-бланкиссиму, не обдававшую, как прочие сестры, зимним холодом. – Девочка вернется в мир или примет послушание?

– Рано загадывать, но такие глаза не для обители. Ну, где письмо?

Агриппина была истинной сестрой своего брата. От прочитанного у нее закружилась голова, но она ничем не выдала своего потрясения, только окликнула Соланж: «Девочка моя, собирайся, нам нужно ехать».

Да, она должна срочно вернуться и попытаться понять, что случилось после того, как Виргиния спешно отправила домой дочку ре Фло. Просто так с ума не сходят, особенно Предстоятельница. Или Ее Иносенсия, бывшая, с точки зрения Агриппины, излишне самонадеянной, взялась за заклатья, которые были ей не по силам, или кто-то взялся за нее. Это необходимо выяснить. Что ж, придется оставить Шарля Тагэре на попечении друзей и брата Обена. Сейчас герцогу ничего не грозит, а потом она найдет способ поближе узнать повелителя Эльты и выведать, что же с ним произошло. Бланкиссима склонялась к мысли, что напряжение сил душевных и физических разбудили в герцоге скрытые способности и он, сам не понимая как, сначала разорвал сковавшую его магическую Цепь, а затем парировал направленное против него заклатье. Интересно, осознает ли Шарло, что сотворил, и сможет ли при необходимости повторить? В любом случае Жан с Дианой теперь трижды подумают,

⁴¹ Флориана – героиня легенды, пожелавшая разделить судьбу своего возлюбленного, обвиненного завистниками в недозволенном колдовстве. Потрясенный мужеством девушки, король отпустил обоих.

⁴² Сигнор (от сигнала) – потомственный дворянин.

прежде чем поднимать руку на Тагэре.

Агриппина была умной женщиной, и она не могла угадать, что может прийти в голову людям ограниченным, к тому же брат так и не успел ей рассказать ни об обвинениях, выдвинутых против Бэррота, ни о своих подозрениях.

2850 год от В.И.

Ночь с 11-го на 12-й день месяца Волка.

Окрестности Мунта

Из города они выбрались благополучно, хоть и не в полном составе. Оруженосец Шарля остался у Мальвани сообщать навязчивым визитерам, что «его светлость плохо себя чувствует и отдыхает», а Жак с помощью своих приятелей должен был проследить, у кого интерес к герцогу вызван сочувствием или любопытством, а кто узнает об этом, преследуя свои цели. Пришлось оставить и лошадей, и небольшой эскорт, взятый Шарлем и размещенный не в резиденции Мальвани, а в гостинице. На своем коне был только Эдгар, а остальным одолжил лошадей Анри. Они выехали в одежде простых путешественников. Трое мужчин и одна женщина в темных дорожных плащах без кареты и запасных коней не должны были привлечь чужое внимание, тем паче разбойники, весьма многочисленные в Приграничье, в окрестностях столицы появлялись редко. И все равно на них напали. Именно тогда, когда вернуться в Мунт стало невозможным.

Тревогу поднял Эдгар. Эстеле, ехавшей между братом и герцогом, не было дела ни до чего, кроме Тагэре, с которым ей так и не удалось поговорить. Шарлю было слишком плохо, чтоб он мог думать о чем-то, кроме того, выдержит ли он ночь в седле, а Рауль прикидывал, что сказать отцу. Неудивительно, что лишь Эдгар заметил смутные силуэты у мостика через неглубокий ручей. Добрым людям прятаться в тени незачем. Ветеран сдавленно выругался и осадил коня. Рауль и чуть замешкавшийся Шарль последовали его примеру. Эстела не успела ничего сообразить, но брат схватил ее лошадь под уздцы и завернул. Тех, у моста, было много больше, и лучше было не рисковать, но возвращаться оказалось бессмысленно: сзади на дорогу высыпали лучники...

Шарло наблюдал за происходящим с каким-то отстраненным любопытством, словно оно его не касалось. Он понимал, что оказавшиеся и впереди и сзади вооруженные люди собираются их убить, но никаких эмоций это у него не вызывало. Будь герцог здоров, он бы уже действовал, но схватка со Скорбящими словно бы высосала у него всю волю и к жизни, и к победе. Тагэре понимал: единственное, что может дать им хоть какой-то шанс, это смешаться с теми, впереди, попытаться прорваться через ручей и ускакать. И делать это нужно немедленно, иначе их просто расстреляют! Их единственное преимущество – кони, а значит – быстрота и сила удара. Будь он в себе, он бы уже вел маленький отряд на прорыв, велел Раулю позаботиться об Эстеле, а Эдгару прикрывать тыл...

К счастью, это понимал не только Шарль. Эдгар многое повидал за свои сорок пять и до глубины души был предан дому ре Фло. Своей семьи у него не было, и дети сгнора для него стали светом в окошке. Рауль был занят сестрой, Шарль пребывал в состоянии лунатика, но Эдгар головы не потерял и сделал именно то, что должно, а именно бросился вперед, крикнув остальным держаться рядом. И тут не было бы счастья, да несчастье помогло. Анри Мальвани дал им лошадей своих сигурантов, привыкших соблюдать строй, и жеребец Шарля самочинно занял место рядом с лошадью Эстелы.

Четверка бросилась вперед. У них был один шанс против сотни, но он все же был.

Убийц (а в том, что это наемные убийцы, охотящиеся именно за ними, сомнений не было: Эдгар узнал в главаре здоровяка, в приснопамятный день несостоявшегося покаяния болтавшегося у эшафота) на первый взгляд было около пяти десятков. Вооружены подлецы были отменно, а по тому, как слаженно и уверенно, чтоб не сказать нагло, они действовали, видно было, что это далеко не первый их «подвиг».

Главарь со странной алебардой, острие которой имело два разветвления, заканчивавшихся крюками, без сомнения предназначавшимися для спешивания всадников,

стоял чуть впереди остальных. Верзила наверняка владел своим оружием мастерски, но Эдгар выбрал противником именно его. И у разбойничьих шаек, и у небольших военных отрядов самое уязвимое место – вожак. Убить его равноценно тому, чтобы разорвать нитку, на которой нанизаны бусы. Люди пусть на мгновение, но перестанут быть единым целым, начнут бестолково метаться, совершать глупости. Но потерявшие главаря бандиты теряются чаще воинов регулярного отряда, у которых погиб офицер. Чтобы добиться и сохранить первенство в шайке, нужно не только быть сильнее и хитрее остальных, но и держать их в руках, вовремя устраняя возможных соперников. Замены убитому вожаку сразу не найти, и Эдгар решил попытать счастья.

Всадники были в нескольких шагах от нападающих, сноровисто сооружавших многорядовое кольцо, которое должно было замкнуться за спинами жертв, когда ветеран, издав дикий атэвский клич, послал буланого в высокий длинный прыжок. Это было неожиданностью не только для бандитов, но и для спутников Эдгара: четверка разделилась на две линии, а сам он оказался рядом с главарем, одновременно выхватывая свой любимый катласс⁴³. Старинный эландский клинок был покрыт затейливой резьбой, а гарда была шире обычной и закрывала руку почти до середины предплечья, что было весьма кстати: вряд ли убийцы были бы столь любезны, чтоб дать своим жертвам надеть доспехи.

Первый удар главарь ловко принял на один из крючьев, и тотчас же его странное оружие пошло очерчивать широкий полукруг. Здоровяк намеревался одновременно выкрутить оружие из рук противника и подсечь ноги его лошади. Это явно был его коронный прием, но Эдгар не зря провел в походах и стычках три десятка лет. Северянин резко вздыбил коня, за счет его силы «вытянув» соперника на себя. Копыта ударили бандита в грудь, и тот, глухо выругавшись, отлетел назад и упал на спину. Все произошло настолько быстро, что Рауль и наконец очнувшийся Шарль не успели догнать вырвавшегося вперед. Впрочем, без дела они не остались. Как ни печально, потеря вожака почти не сказалась на остальных, они не растерялись и не отступили.

Убийцы прекрасно понимали, что конным нельзя оставлять простора. Да, неожиданность и разгон сделали свое дело, какое-то время четверке конь о конь удавалось продвигаться вперед, буквально прорубая себе дорогу, но разбойников было слишком много, и они были недурными бойцами. Теперь они пытались прижать всадников друг к другу. Шансов вырваться и ускакать оставалось все меньше, по крайней мере всем четверым. Эдгар это понял, понял он и то, что должен опередить Рауля, который тоже мог вспомнить этот прием. Мальчишка должен жить, а он... Что ж, сорок пять не так уж и мало!

Выхватив из-за спины длинный кинжал, ветеран прыгнул вниз, одновременно с силой всадив клинок в конский круп. Обезумевшее от боли животное рванулось вперед, смяв сразу же четверых. Буланому не суждено было уйти: кто-то очень удачно подсек ему сухожилия на правой ноге, конь дернулся, и, не удержавшись на ногах, рухнул, придавив подвернувшегося разбойника, предсмертный вопль которого завершил прорыв бедного жеребца. Благодаря маневру Эдгара в гуще схватки образовалось пустое пространство. Шарль с Раулем не замедлили направить туда коней, но самому ветерану было некогда смотреть по сторонам. Он яростно отбивался от наседавших бандитов, нанося удары поочередно катлассом и кинжалом и моля то святого Эрасти, то Проклятого о том, чтобы все было не зря. Занятый схваткой, он не видел, как сразу трое убийц грудью и гардами на полном скаку остановили коня Рауля. Это было явным самоубийством, но, похоже, бандиты ценили головы Тагэре и ре Фло дороже собственных. Жеребец остановился, словно налетев на каменную стену, и всадник по инерции вылетел из седла. Но Эдгар не зря учил виконта: падая, тот успел сгруппироваться и вслепую выставить перед собой меч. Это и спасло ему жизнь. Рауля швырнуло через головы остановивших коня бандитов, и он приземлился прямо на древко

⁴³ Катласс – специально утяжеленная шпага для абордажного боя, впрочем, нередко применявшаяся для конных схваток.

тяжелого копья разбойника, стоявшего в последнем ряду оцепления. Приданного полетом импульса хватило, чтобы меч, как тростинку, перерубил толстое древко и разрубил несостоявшегося убийцу чуть ли не до пояса.

Шарлю чудом удалось не только остановить своего коня, но и лошадь совершенно потерявшей голову Эстелы, буквально в ладони от спины друга. Но строй был сломан. Впереди, на волоске от спасения, оказался пеший Рауль, затем двое всадников и сразу за ними отчаянно рубящий направо и налево Эдгар, который все же оглянулся. Этим не преминул воспользоваться невысокий, но кряжистый, как дубовый пенек, разбойник, зацепивший ветерана крюком за левое плечо и резко рванувший на себя. Это было плохо, но все ж не смертельно! Эдгар прыгнул назад, выставив под невероятным углом руку с кинжалом. Цепь, на которой крепился крюк, провисла, и клинок погрузился в сердце убийцы до самой гарды, но ветерану это не помогло. Бандиты не упустили шанс, данный им убитым товарищем, и сразу несколько мечей пронзили тело Эдгара. Он еще смог в последнем броске ударить одного из нападавших в шею и, заливаясь вражеской и своей кровью, упал на тело человека с крюком. Смерть, которую он дурачил тридцать с лишним лет, наконец взяла свое.

Теперь все зависело от Шарля, единственного из мужчин, оставшегося на коне. К счастью, воля Тагэре опять взяла верх и над магией, и над болью. Подняв жеребца на дыбы и чудом удерживаясь в седле, герцог рубил направо и налево, заставляя коня чуть ли не танцевать вокруг Рауля и отчаянно крича Эстеле, чтобы та скакала прочь. Рауль, переложивший меч в левую руку, орал им обоим то же самое, а к нападающим присоединялись замеченные на дороге стрелки, которым лишь свои же товарищи да еще небывалая сноровка герцога в управлении конем мешали прикончить уцелевших. Однако главарь, не убитый, а только оглушенный, пришел в себя и вовсе не собирался зазря терять людей. Изрядно прихрамывая, он протискивался сквозь напиравших друг на друга бандитов, крича Шарлю, чтобы тот бросал оружие. Тагэре молчал, продолжая яростно отбиваться, но ответ вожак все-таки получил.

— Оставьте их. — Холода, прозвучавшего в хрипловатом женском голосе, хватило бы на парочку вьюг.

Несколько мечей молниеносно развернулись на звук. В сгущающихся сумерках еще можно было рассмотреть женскую фигуру, закутанную в плащ. Женщина была одна.

— Оставьте их, — повторила она устало и презрительно, — и можете проваливать.

— Хо! — махнул рукой главарь. — Вот и еще одна. Пять лучше, чем четыре...

— Иногда и одним подавишься, что ж, я предупреждала. Стоять!

Люди и кони замерли в самых немыслимых позах, напомнив украшения на фронтонах канг-хаонских храмов. Женщина отбросила капюшон, и последний оранжевый луч блеснул на светлых косах. Не спеша она проходила мимо замерших бойцов, вглядываясь в лица.

— Ты! — Она положила руку на плечо мощному воину, замершему в низком выпаде, и тот неуклюже шлепнулся на землю, выпустив меч, но потом сразу же схватил его вновь, а женщина уже коснулась высокого светловолосого человека и его коня, а затем всадницы, судорожно сжимавшей поводья.

— Геро, — прошептала Эстела.

— Вот и оставляй вас, — хмыкнула та, — хотя эти, похоже, выставили караулы у всех дорог. Ладно, вам пора.

— Сигнора, — Шарль почтительно склонил голову, хотя по рассеченной щеке сбегала струйка крови, — я знаю, это вы спасли и меня, и Эстелу. Мой дом — ваш дом, и моя кровь — ваша кровь.

— Не надо, — голос Геро дрогнул, — сохрани свой дом для себя и для тех, кому ты нужен, этого будет довольно. А кровь... Я перевяжу Рауля, а потом и тебя, а то останется шрам.

— Шрамы это не то, чего должен бояться мужчина. — Тагэре попытался улыбнуться. — Надеюсь когда-нибудь вернуть вам долг. Если вы собираетесь сражаться, можете рассчитывать на наши мечи.

— Сначала я должна отыскать... Словом, когда война начнется, вы о ней узнаете. А

сейчас нужно бежать.

– А эти?

– Эти? – Губы ведьмы тронула полуулыбка. – Я позабочусь о том, чтобы они больше никогда не убивали. Езжайте, незачем вам это видеть.

– А вы?

– У меня своя дорога, – тихо сказала женщина, – и по ней я пройду одна. Да помогут вам Великие Братья.

– Великие Братья?

– Вы не помните о них? Хотя откуда вам... Как бы то ни было, пора.

Эстель Оскора

Герцогу явно хотелось продолжить разговор, но у него хватило такта поклониться и уехать, забрав с собой Эсту и Рауля. Великие Братья! Этот светловолосый порывистый человек прапрапраправнук Рене, и Рене мог бы гордиться таким потомком, хотя среди его наследников попадались всякие. Шарло Тагэре заслуживал того, чтобы жить, так что я оказалась права, решив проводить их. Занятно, эти бездельники чуть было меня не провели, удрав среди ночи и на чужих лошадях. Если бы не магический хвост, все еще тянущийся за Шарло, я бы до сих пор пребывала в полной уверенности, что герцог спит и видит сны в доме своего друга. Да, похоже, от него решили избавиться всерьез. Не вышло!

Я долго смотрела им вслед, таким молодым и полным жизни. Может быть, отправиться с ними? Нет, это никуда не годится, у каждого свой бой, не могу же я все время прыгать вокруг Тагэре и его невесты. Они доберутся до своей Эльты, а дальше все зависит от их ума и, чего скрывать, удачливости. Я дважды удержала под уздцы их судьбу, пусть теперь заботятся о себе сами.... И все равно я расставалась с Шарлем, Эстелой и Раулем как с родными, может быть, потому, что других близких у меня не осталось.

Судьба или те, кого мы называем этим именем, вступили в игру, подсунув мне отдаленного потомка Рене. Только сейчас я поняла, через какие бездны мы смотрим друг на друга. Шестьсот сорок лет! Тех, кого я знала, помнила, любила или ненавидела, давно нет на свете, хотя эльфы-то должны были где-то остаться! Должны-то должны, но о них ничего не слышно. Похоже, Эмзар нашел-таки дорогу домой, или же дети Лебеда присоединились к своим Лунным братьям, а может, и те и другие сгинули в Сером море, как Рене. А я... я, как воин из старой исской песни, вернулась домой с заветным мечом и поняла, что защищать и спасать некого. Человеку из легенды было легче: он бросился на меч, разом покончив со всем, а мне предстояло действовать. Если все сгинули, если не осталось никого, кроме меня, придется драться в одиночку.

Чтобы отогнать чудовищную тоску, я постаралась разложить по полочкам все, что узнала от Эстелы и Рауля и вытянула из Виргинии. То, что дело неладно, я поняла сразу же, как проникла в Фей-Вэйю, буквально пропитанную отвратительной магией. Ройгианство без Ройгу во славу Творца, который, может, есть, а может, нет... Это было чем-то извращенным, неправильным, диким! В Тарре⁴⁴ забыли Старых богов, забыли сменивших их Светозарных, выдумали некоего Единого в Трех Лицах и теперь во имя этой выдумки творят незнамо что. Кто-то полагает, что и вправду угоден Высшей Силе, но большинство, уж в этом-то я была уверена, заботятся о себе, да и как же иначе...

Я постаралась забыть о том, что вернулась в Тарру, и попыталась взглянуть на свой родной мир глазами странницы, как до этого смотрела на десятки других реальностей. Да и так ли уж я была далека от истины, пытаюсь почувствовать себя чужой? Те, кого я знала, исчезли, изменились очертания морей и границы государств, даже звезды и те кажутся другими. Что же осталось? Несколько названий и капля крови Рене в высоком светловолосом человеке, в которого влюблена темноволосая девушка, готовая броситься за ним хоть в

⁴⁴ Тарра – весь мир.

костер. Разумеется, я спасла их, но вот что делать дальше?

Самым мерзким в новой Тарре, как я поняла, были Скорбящие и циалианки. Женщины, дорвавшиеся до власти и почитающие себя высшей инстанцией, что может быть гаже? Мужчин, даже фанатиков, порой сдерживает понятие чести и мужской дружбы. Женщины дружбы не знают, они могут или любить, или ненавидеть, или любить и ненавидеть одновременно. Если они не любят мужчину, они любят власть или бога и, в любом случае, ненавидят соперниц и тех, кто выбрал для себя другой путь. «Не такая» – такой же враг, как и та, что может перейти дорогу. Сестры же (если Виргиния не была вырождением, а она, к сожалению, не была – об этом увиденное мной прямо-таки криком кричало) совмещали в себе все самое жуткое, что есть у клириков, каковых я на своем веку немало повидала, у женщин и у магов, черпающих свою силу в жестоких ритуалах. Сочетание вышло чудовищным.

Я не сомневалась, что тот, кто прятался в Сером море, направлял и этот орден, и Лумэнов, и ифранского Жозефа. Эта тварь была куда страшнее не только моего отца со всеми его «рогатыми», но и самого Ройгу. Это же надо! Незаметно прибрать к рукам чуть ли не всю Арцию, не прибегая к «Наполнению Чаши»⁴⁵ и прочим прелестям. На первый взгляд все шло как обычно. Ну, воевали, ну, убивали и свергали, так это было всегда. Развалилась некогда большая империя, забыли порох и собственное прошлое, вспомнили доспехи, уверовали в новые сказки, поменяли местами правых и виноватых. По отдельности все это могло случиться, но вместе мне ужасно не нравилось.

Я уж не говорю о том, что проклятье старой Зенобии сработало: кровь Рене восстала друг на друга. В Тарре шла нешуточная заваруха. Того, что я успела увидеть, хватило, чтобы понять: потерпев неудачу с древним богом, наш неприятель сделал ставку на людей, прежде всего на Скорбящих и циалианок (впрочем, Лумэны и ифранские короли были немногим лучше), и те успели натворить дел. Если все они были руками того заморского зла, которое сгубило Рене, то оно здорово продвинулось вперед.

Похоже, оно в состоянии добиться своего и без Белого Оленя, которого я не слышу, хотя переполняющая меня сила свидетельствует, что тварь жива и здорова, и, значит, я должна ее найти и остановить. Так что войны и интриги придется отложить, хотя моя душа, или что там у меня было, болела и за Тагэре, и за Эстелу. Я должна освободить Эрасти. Не выйдет – займемся чем-то другим, но начинать следовало с этого.

Где искать Проклятого, я знала: вряд ли Корбутские горы и Место Силы куда-то делись, горы стоят долго, особенно такие. На мгновение я задумалась. Проще всего было перенестись туда с помощью магии, но кто знает, как она сработает рядом с тем чудовищным искажением, которое видел Роман, да и синяки не могут не учуять такое возмущение, а я бы не хотела сообщать им о своем возвращении. Они, похоже, считают меня сказкой, и пусть считают. Увы. Я не столь всемогуща, как та Темная Звезда, которой сегодня в Тарре пугают детей, но я есть, и с этим им придется считаться. Даже если я не найду ни Романа, ни Эмзара, даже если Рене погиб или исчез и я НИКОГДА его не увижу, я сломаю хребет этой погани. А для этого нужна тайна и ясный и трезвый рассудок. Именно поэтому я не стану рыскать по Арции, выискивая следы тех, кто мне дорог, а направлюсь в Последние горы. Или я найду Эрасти, или нет, но любой ответ – это определенность.

Рене не заставлял меня клясться, что я закончу его войну, что бы ни случилось с ним, но я сделаю это. Сейчас осень. Если отправиться пешком, не прибегая к высшей магии, я окажусь у Места Силы не раньше весны, да и то если повезет.

Поискать Тайные Пути? Думаю, я нашла бы их, но я слишком долго не была в Арции и не знаю, кто сейчас ходит тропами Ушедших. Если ройгианцы, я получу войну раньше, чем нужно. У меня оставался лишь один способ, простой и надежный. Правда, если тот, кого я

⁴⁵ Наполнение Чаши – магический ройгианский обряд, когда собирается жизненная сила умерщвляемых особым способом существ, которая впоследствии преобразуется в магическую энергию.

позову, не придет, это будет знаком того, что и другие друзья далеко или мертвы. Именно поэтому я тянула, глядя, как на западе догорает оранжевая полоска. Месяца не было, только холодные звезды. Я отыскивала созвездие Рыси, мысленно обращаясь к Рене, а потом опустилась на колени над речонкой и, резанув по руке эльфийским кинжалом – еще одна память, – опустила окровавленную руку в воду. В моих жилах по-прежнему текла красная кровь, и пусть не кто угодно, но я сама еще могла ее пролить. Глупо, но отчего-то это успокаивало.

Если тот, о ком я думаю, жив и здесь, он меня узнает и придет, а пока следовало заняться новоявленными статуями. Конечно, можно было и так оставить, через несколько дней они бы умерли от жажды, и с жизнью кончилось бы и заветье, но такое «украшение» возле столицы вызовет нездоровое любопытство. Заклятью неподвижности я научилась далеко от Тарры, здешним магам его никогда не распутать, да и сил у них не хватит, но шум пойдет немалый, и как бы это не повредило Тагэре. Все мало-мальски сведущие в волшбе наверняка пришли к выводу, что раз на эшафоте не было никого постороннего, то всему виной разбуженная внешней магией кровь Арроев. Лично я бы так и подумала, а если еще и те, кто на него напал, оборотились в соляные столбы, то на герцога повесят всех магических собак. Нужно было срочно что-то придумать, и, скажу без лишней скромности, у меня это вышло.

Убийц оставалось десятка три, я прикинула, кто из них был самым сильным, и придала ему внешность Шарля, после чего отступила в сторону и сказала: «Свободны». Разумеется, все бросились на одного. Мой выбор оказался неплох, бандит защищал свою жизнь бешено, прежде, чем его свалили, он уложил двоих или троих. Тот же, кто его убил, в награду получил... лицо Тагэре и смерть. Они убивали друг друга, а я стояла и смотрела. Не могу сказать, что это было приятным зрелищем. Мне пришлось дважды увидеть, как падает пронзенный мечом человек, вызывающий у меня какую-то осеннюю нежность. Отвернуться я не могла – нужно было успеть сменить заклинание.

Наиболее удачные боевые заветья растут из слабых и подлых сторон тех, против кого они направлены. С такими, как Шарло, этот прием не сработал бы, но для наемных убийц он был в самый раз. Они предавали и предавали, били в спину и чужих и своих, обо всех судя по себе. Мой герцог верил тем, кто дрался с ним бок о бок, и потому для этого заветья был неуязвим. Другое дело – бандиты. Придавая одному из них черты Тагэре, я заставила остальных на него наброситься. Разумеется, «жертва» вообразила себя преданной. Предсмертной ярости, страха и злобы, направленной против своих же, хватило на полноценную Печать Ненависти. Теперь каждый в каждом видел врага, каждый дрался против всех, полагая себя жертвой предательства со стороны других. Я смотрела на жуткий, безумный, воющий ком, истекающий кровью. Это были даже не звери, а что-то извращенное, жестокое и бессмысленное.

Разбойники истребляли друг друга, а я стояла рядом, держа заветье и сохраняя барьер, так как заваруха началась слишком близко от города, а вызванное моим появлением в Тарре магическое возмущение учуяли даже на отдаленной дороге.

Наконец все было кончено, пауки пережрали друг друга. Остался только один, и тот едва держался на ногах. Я могла бы его прикончить, но решила «повесить» на него все, что можно и нельзя. Магическая грязь, налипшая на меня во время моих таррских походов, и жизненная сила убитых бандитов были превосходным материалом, а жаль мне этого человека не было. Раз ты стал наемным убийцей, будь любезен проглотить то, чем угощал других. Я подошла к нему и положила руки на его плечи. Он попробовал вырваться, но мир уже стремительно оборачивался вокруг нас двоих, вливая в последнего из убийц силы всех, погибших здесь, и одновременно желание бежать, бежать и бежать... Когда силы иссякнут, он упадет и умрет, но будет это нескоро, сначала беглец оставит такой магический след, что самый заваливающий магик поймет: здесь прошел кто-то, сотворивший заповедную волшбу. Я убрала руки, и убийца, даже не оглянувшись, торопливо вскочил на лошадь и поскакал на юго-восток: я прикинула, что лучше, если след приведет в Канг-Хаон. Если разбойника

настигнут живым, еще можно будет догадаться, что он обманка, но, если он успеет умереть, у преследователей не возникнет сомнений: дорогу им перешел хаонский волшебник. И пусть гадают, зачем это ему понадобилось!

Дело было сделано, и я присела на берегу ручья. Отчего-то судьба вечно подстерегала меня у воды. Время шло, я ждала, не позволяя себе даже думать о том, что жду напрасно. И он пришел. Клубящиеся облака налетели с северо-запада, закрывая звездное небо, вдали загремело. Поздняя гроза приближалась, а вместе с ней и тот, кого я звала. Окружившая меня угольная чернота не мешала чувствовать каждое движение древнего создания. Спутник первых богов Тарры, участник нашей с Рене войны и свидетель нашей любви появился быстрее, чем я думала, и я со стоном приникла щекой к прохладной шее. Гиб! Старый друг! Как же я была рада его видеть!

2850 год от В.И.

12-й день месяца Волка.

Окрестности Мунта. Морской тракт

Шарль едва держался в седле, но признать это было выше его сил, а Эстела никогда бы не позволила себе запросить пощады при герцоге. Передохнуть предложил Рауль, хотя он был единственным, кто мог продолжать путь. Виконт внутренне улыбнулся и заявил:

– Все! Или мы останавливаемся в той деревушке, или мы умираем у того холма!

– Хорошо, – кивнул Тагэре и замолчал, видимо, ему было тяжело даже говорить.

В большом доме у дороги горел свет: хозяева уже встали. Рауль постучал, и всклокоченный дядька в холщовом фартуке поверх тяжелой куртки, оказавшийся – на ловца и зверь бежит – местным трактирщиком, с готовностью принял предложенный ему аур⁴⁶, радуясь удачно начинающемуся дню. Комнат у него оказалось как раз две, и обе пустовали. В одну Рауль водворил притихшую Эстелу, от усталости забывшую даже о герцоге, а во вторую буквально втащил Шарля. Тот, когда Рауль принялся стаскивать с него сапоги, попытался сопротивляться, но быстро смирился и вскоре уже спал. У ре Фло еще хватило сил умыться, позавтракать лепешками с парным молоком и выяснить, что деревенька зовется Броды, стоит на земле, принадлежащей графам Койла, и что благородные сигноры могут жить здесь хоть до Темной Звезды.

Рауль заметил, что они, вероятно, проведут здесь пару дней, но лучше будет, если об этом никто не узнает. Трактирщик с готовностью согласился, по его глазам было видно, что он подозревает любовную интрижку. Вот и славно, скрывать еретиков он, возможно бы, и не решился, а вот удравшую дочь от назойливого родителя... Почему бы и нет! Рауль сдержанно хмыкнул, укрепляя хозяина в его догадке, и поднялся наверх.

Шарль спал, разметаив руки, видимо, ему что-то снилось, потому что он улыбался совсем по-детски. Рауль сбросил куртку и с удивлением уставился на то место, где была рана. На смуглой коже белел рубец, которому на вид было никак не менее полугода. В другое время виконт был бы потрясен до глубины души, но сегодня он слишком устал и для того, чтобы думать, и для того, чтобы удивляться. Он еще немного посидел, глядя прямо перед собой и веря и не веря, что все произошло именно с ними, а потом стащил со второй кровати одеяло и улегся у двери, положив рядом меч и кинжалы. Спустя мгновение спал и он.

2850 год от В.И.

15-й день месяца Волка.

Фей-Вэйя

– Вот мы и дома. – Агриппина ласково улыбалась, хотя на душе у нее скребли кошки. Кто знает, что здесь творится, но зачем загодя пугать Солу. Девочка только-только начала

⁴⁶ Аур – золотая монета, имеет хождение во всех Благодатных землях.

оттаивать, да и не понять ей того, чего опасается Агриппина. Пока не понять! – Видишь дом, увитый виноградом? Ты будешь жить там, на втором этаже.

– А вы, бланкиссима?

– Я? Рядом. Мы будем видеться каждый день. Я старшая наставница, а ты к тому же моя крестница. Ничего не бойся, я о тебе позабочусь.

– Спасибо, – опустила ресницы Соланж, и Агриппина которой раз подумала об удивительной красоте юной ноблески. Даже теперь вряд ли кто пройдет мимо и не оглянется. А что будет года через три, когда Сола закончит обучение!

– Ты уже ответила на Вопросы?

– Нет, бланкиссима... Бланкиссима Козима меня еще только готовила.

– Хорошо, завтра этим и займемся. – Разумеется, Диане, затеявшей авантюру с Тагэре, было не до девчонок-послушниц!

В Мунте в резиденции ордена вообще творится что-то непотребное. Сестры чуть ли не в открытую живут не только с рыцарями Оленя, что время от времени случалось даже в Фей-Вэе, но (что вовсе никуда не годится!) с арцийскими нобилями, и тон задает Диана, спевшаяся с мерзавцем Фарбье.

Воистину, от орла орленок, а от кота – кощенок. Фарбье славились любвеобильностью, которая уступала разве что их честолобию. Потомки любовницы Жана Лумэна, прозванного Двоеженцем, они старательно карабкались вверх, пытаясь с помощью некрасивых, но знатных жен и честолубивых любовниц отмыть с герба кошачьи следы... Жан Второй, незаконный кузен убитого во время очередной военной авантюры Пьера Пятого, с помощью развратной бланкиссимы совсем подмял слабоумного короля. Диана же ведет себя в Арции как королева. Агриппине было противно на все это смотреть, но пока Рубины Циалы не украсят ту, кто сможет в эти поганые времена спасти Арцию от гибели, придется терпеть и блудниц, и интриганок. Можно, конечно, покарать арцийку, но это усилит Елену-тихоню, а Агриппина была уверена, что в ифранской змее яда еще больше. Позволить же кому-то из них захватить Рубины сестра барона Трюэля не могла. Заболевшая Виргиния, та хотя бы видела дальше собственного носа.

Выбежавшие служители принимали лошадей, снимали с них баулы. Сестра Теона увела присмирившую Соланж. Девочка несколько раз оглянулась на Агриппину, и та ободряюще помахала ей рукой. Сложись ее судьба иначе, ее собственной дочери могло бы быть столько же, хотя с такой внешностью, как у нее самой, девочек лучше не рожать. Агриппина вздохнула и повернулась к одной из сестер:

– Что, бланкиссима Генриетта у себя?

– Да, она просила привести вас немедленно.

– Хорошо, я только переоденусь.

– Бланкиссима сказала, чтобы вы сразу же шли к ней.

Так, значит, письмо не врет, и случилось что-то из ряда вон выходящее. Агриппина сбросила влажный тяжелый плащ – дождя не было, но все прямо-таки пропитала холодная сырость – и поднялась к Генриетте.

– Слава святой Циале, Грина. Наконец-то!

– Неужели все так серьезно?

– Не знаю, что и думать. Ты в этом разбираешься лучше меня.

– Так что случилось?

– Сначала проведем Виргинию.

– Что с ней произошло?

– Это я и хочу узнать. Я такого никогда не видела. В дюзах обрабатывают иначе, но на обычное помешательство тоже не похоже.

На помешательство это действительно не походило, хотя бы потому, что для того, чтобы сойти с ума, требуется ум, а у Ее Иносенсии его не осталось. Перед потрясенной Агриппиной сидело животное не умнее морской свинки.

– Грина! В уставе сказано, что Предстоятельница становится таковой пожизненно, что

она не может ошибиться или согрешить.

– Значит, не может... Что ж, придется обучить ее делать несколько нужных жестов, а остальное ляжет на тебя. Ты настоятельница Фей-Вэйи, и здесь твои распоряжения, кроме тех, что отменит Ее Иносенсия, – закон. Но я сомневаюсь, что она станет что-то отменять.

– Грина!

– Гета! Тебе никогда при живых Елене и Диане не удастся стать Предстоятельницей. А теперь, если не будешь душой, ты получишь все, кроме Рубинов.

– Ой, как я рада, что ты вернулась!

– А вот я не очень. Виргиния могла бы и подождать кварту⁴⁷ или две, пока я управлюсь с делами. То, что я видела в Мунте, мне не понравилось, и дело не в любовных похождениях Дианы.

Эстель Оскора

Гиб остановился на краю самой мерзкой цветочной поляны, которую я когда-либо видела. Собственно говоря, до сего эпохального момента я не представляла, что цветы могут быть мерзкими, и потому увиденное перевернуло все мое нутро. Высокие, по грудь коню, с жирными стеблями и широкими зелеными с белесоватым налетом листьями, увенчанные мясистыми соцветиями, испускающими приторно-сладкий аромат, эти, с позволения сказать, растения стояли сплошной стеной, а над ними вились достойные их бледные бабочки... Я поняла, что дальше Гиб не пойдет. Водяной конь был смел и искренне предан Рене, любовь к которому частично перенес и на меня, но даже мой адмирал вряд ли заставил бы Гиба сделать хоть один шаг. Эти цветочки были границей, за которой все словно бы сходило с ума. Роман рассказывал, что ему удалось перейти цветущее поле и добраться до центра этого безумия, но, похоже, за прошедшие столетия очаг заразы разросся. Эльф говорил о каком-то провале, куда он спускался, я же обнаружила цветочное кольцо, едва переправившись через широкую степную реку. Что ж, терять мне в любом случае нечего! Со мной Кольцо Эрасти и моя сомнительная Сила. Если мне удастся продраться к Проклятому, то, может быть, я получу ответы на все вопросы, в том числе и на тот, который был для меня важнее всего. Эрасти МОГ знать, что скрывается в Сером море, и я не колебалась.

Гиб, совсем как настоящий конь, ткнул меня зеленоглазой мордой и вздохнул. Моя единственная связь с прошлым! Я провела рукой по лоснящейся прохладной шее и, больше не оглядываясь, шагнула в проклятый цветник.

Идти по нему было не так уж и трудно, хоть и противно. Стебли, на которые приходилось наступать, с чавканьем переламывались, брызгая мутным соком. Полагаю, для любого нормального существа это было смертельным ядом, но у меня вызывало лишь брезгливость. Бабочки окружили меня и нахально порхали вокруг лица, то и дело задевая белесыми крылышками, в воздухе стоял густой запах парфюмерной лавки, но эту беду пережить было можно. Луг казался бесконечным, я не знала, сколько я прошла. Все те же бабочки. Все та же сладкая жара и мясистые пупырчатые цветы у лица. Наконец я догадалась посмотреть на небо, и мне, впервые за время разлуки с Рене, стало страшно. Неба не было, была какая-то клубящаяся муть. Я попробовала привстать на цыпочки и оглянуться. Бесполезно. Только цветы, бабочки, опаловая пелена сверху и переломанные, истекающие соком стебли, отметившие мою дорогу. Я поднесла к глазам руку с Черным кольцом и увидела, что оно изменилось. Раньше это был просто слегка выщербленный сверху очень темный полупрозрачный камень с какими-то точками и разводами внутри. Теперь внутри кольца, словно костер на ветру, билось невиданное черное пламя, и ветер дул чуть в сторону от того направления, которое избрала я.

Я знала, что именно Кольцо в свое время привело Рамиэрля туда, где исчез Эрасти, видимо, и мне следовало повернуть туда, куда указывал язык темного огня, и я повернула.

⁴⁷ Кварта – арцийский эквивалент недели, соответствует одной фазе Луны.

Теперь я, по крайней мере, получила хоть какой-то знак, подтверждающий мои догадки. И я шла, стараясь думать о чем угодно, кроме того, что и эта дорога может оказаться бесполезной. Мое упорство было вознаграждено, я бы даже сказала, слишком.

Роман не преувеличивал, наоборот. А может, за прошедшее время виденное им безобразие окрепло и заматерело. ЭТО, толстое, полупрозрачное, мутное, больше всего походило на студенистый след чудовищного слизняка, отделенный от земли и намотанный на огромное веретено, верхний конец которого терялся в белесой хмари, заменяющей здесь небо. Я стояла на окраине наконец-то закончившегося луга, где цветы едва достигали колен, а бабочки и вовсе исчезли, и смотрела на то, не знаю что. В нем не было ни входа, ни выхода, вообще ничего. Приглядевшись, я все же разглядела в сером сгустке какие-то черточки и кляксы, но от этого легче не стало. Что ж, идти так идти, и я шагнула вперед.

Ничего не произошло, меня не скрутило в бараний рог, в меня не ударила молния, я не провалилась в зыбучие пески. Что ж, раз нас подпускают поближе, подойдем.

Я хорошо помнила рассказ Романа, но со мной не происходило ничего похожего. Я просто медленно шла вперед, а поганое веретено отступало. Когда-то я так же бежала по мокрому полю за радугой, а она уходила от меня дальше и дальше, потом стала гаснуть и наконец исчезла, а я поняла, что пробежала немалое расстояние. Эта же штука исчезать не собиралась, она по-прежнему маячила вдали, не приближаясь, но и не удаляясь, а потом я оказалась на краю обрыва, взявшегося буквально ниоткуда. Конечно, будь это обычный обрыв, он вряд ли мог бы мне повредить, даже свались я с него, но в этом месте я не чувствовала в себе совершенно никакой Силы. Мои ноги болели, как у любого человека, который долго шел пешком, мне хотелось пить, было жарко и тоскливо, а тут еще эта яма. Я заглянула в нее: глубоко. Серые пыльные камни, серая пыль внизу. А впереди этот чертов столб, который...

Сначала мне в очередной раз показалось, что я схожу с ума, но, приглядевшись, я уверилась, что если глаза мне не врут, то веретено похудело, и изрядно, после чего я сделала то, что должна была сделать много раньше, а именно – оглянулась. За мной, сколько хватал глаз, расстилалась серая неприглядная пустыня. В своих скитаниях я не раз видела земли, которые так назывались, но там были какие-то барханы или каменистые россыпи, там росли кактусы или саксаул, а здесь было именно пусто. Ничего, только плоская, как стол, поверхность, покрытая пылью, в которую ноги проваливаются по щиколотку.

Я снова вгляделась в похудевшее веретено и обругала себя последними словами: смутные пятна, проступающие сквозь серую слизь, изменили свои очертания. Какой же дурой я была! Я все время ждала, когда что-то начнется, когда на меня обрушится магический удар, а все было просто и глупо. Тот, кто наматывал этот чудовищный кокон, делал это с таким расчетом, чтобы некто, скорее всего он сам, мог его размотать и добраться до того, что скрыто в середине. Пользовался он силой Ройгу, а значит, то, что было по силам ему, мог сделать кто-то из его собратьев-ройгианцев высокой степени посвящения и, разумеется, Белый Олень и Эстель Оскора. И делалось это просто до противности. Нужно было просто идти вперед. Каждый мой шаг разматывал этот кошмар, как разматывает ковер каждый шаг дворцового служителя, катящего перед собой скатку. Мне нужно было лишь идти вперед, и больше ничего. Поняла я и другое: мерзкие цветочки не имели никакого отношения к этой магии, это был гной, вытекающий из раны. Уроду-ройгианцу удалось ранить сам мир, и рядом начали твориться всяческие безобразия. Эту гниль еще нужно будет как-то выжечь, но сначала я должна дойти до Эрасти. Я посмотрела вниз: да, овраг, но неужели я, прошедшая десятки миров, не смогу туда спуститься?! Смогу, Проклятый меня побери!

2850 год от В.И.

21-й день месяца Звездного Вихря.

Святой город Кантиска

Святой Эрасти отрешенно и скорбно взирал на собравшихся клириков. Архипастырь⁴⁸ Иакинф, благообразный старец с иконописным лицом и бледно-голубыми, как у младенца, и столь же пустыми глазами, торжественно опустил в свое кресло и высоким надтреснутым голосом объявил, что конклав собран, дабы выслушать легата Иллариона, по настоянию кардинала Арцийского Евгения, расследовавшего то, что произошло в Мунте.

Кардиналы важно наклонили благообразные головы, хотя в глубине души у многих таился страх. С тех пор, как Архипастырь Максимилиан настоял на окончательной передаче всех дел, связанных с Запретной Магией, в руки Церкви и для ведения их основал орден святого Антония-Молчальника⁴⁹, Скорбящие набрали немалую силу. Идти против них осмеливались разве что такие неумные и отчаянные люди, как нынешний арцийский кардинал. И надо же было такому случиться, что именно в Арции из рук антонианцев вырвался Шарль Тагэре. Даже те члены конклава, которые не имели никакого отношения ни к Арции, ни к делам Скорбящих, чувствовали себя неудобно, а Евгений спокойно сидел в первом ряду, поблескивая колючими глазами на Предстоятеля антонианцев Ореста, и прямо-таки рвался в бой.

Больше всего клирики боялись, что дойдет до голосования и придется прилюдно принимать чью-то сторону. Ореста ненавидели, ему желали всяческих неудач и неприятностей, но выступать против него было себе дороже. С другой стороны, если он сломает Евгения, его уже не остановить. Архипастырь откровенно слаб, Предстоятель эрастианцев давным-давно ушел в себя, а о других и говорить не приходится. Клируики понимали значение происходящего, лихорадочно прикидывая, что говорить, если их спросят. Пока же все шло своим чередом.

После короткой молитвы во славу Творца в его Трех Ипостасях Создателя, Судии и Спасителя и обращения к святому Эрасти Архипастырь дал слово легату. Иеромонах Илларион, еще молодой, с красивым, жестким лицом, более похожий на воина, нежели на клирика, легко опустил на колени перед Архипастырем. Глава Церкви Единой и Единственной пожевал губами, вздохнул и велел рассказать все, что тот обнаружил в Кантиске. Евгений и Орест подались вперед, не отрывая взгляда от невозмутимого лица легата. Илларион поднялся и заговорил спокойно и обстоятельно. Он напомнил, как три кварты назад был послан в Мунт, дабы разобраться в беспрецедентном случае, и какие ему были даны полномочия.

– Я провел расследование настолько тщательное, насколько мог, – перешел наконец к делу клирик. – К сожалению, я не говорил с самим герцогом Тагэре, в настоящее время находящимся в Эльте. Это бы потребовало поездки на север, мне же был назначен срок в две кварты. Полагаю, в будущем для создания полной картины есть смысл выслушать исповедь Тагэре и исповедь его исповедника, но это вряд ли повлияет на сделанные мной выводы. Я считаю, – Илларион перевел взгляд на Предстоятеля антонианцев, – виновным в случившемся епископа Доминика.

Слова легата повисли в полной тишине. Такого не ожидал никто. Даже Евгений, чьи претензии не шли дальше того, что Тагэре заманили в Мунт и схватили, воспользовавшись его, Евгения, болезнью и невозможностью использовать право вето. Первым опомнился Орест. Ледяным тоном он осведомился, чем именно обоснованы подобные выводы.

– Многим, – невозмутимо сообщил Илларион. – Если конклав меня выслушает...

Конклав, разумеется, выслушал, и легат все так же спокойно и обстоятельно сообщил, что не нашел никаких доводов в пользу того, что Шарль Тагэре виновен в кощунстве и

⁴⁸ Архипастырь – глава Церкви Единой и Единственной.

⁴⁹ Антоний-Молчальник – юноша по имени Артур из знатной арцийской семьи, узнавший, что его отец и старшие братья впали в ересь Проклятого, и донесший на них Архипастырю Октавиану. После этого подвига Артур, любивший свою семью, принял постриг под именем Антония и дал обет вечного молчания. Причислен к лику святых.

запретной магии. Что касается оскорбления величества и государственной измены, то есть обвинений, находящихся в ведении Тайной Канцелярии, то они не дают права ведущим следствие применять магические артефакты для получения признания иначе, как с согласия Церкви в лице арцийского кардинала, какового не было получено. Более того, Илларион установил, что епископ Доминик и ранее использовал магию в интересах отнюдь не Церкви Единой и Единственной, но в интересах светских властителей Арции в лице Жана Фарбье. Он, Илларион, обнаружил неопровержимые доказательства того, что делалось это отнюдь не бескорыстно.

По мнению легата, Доминик злоупотреблял своим положением, сообщал в Кантиску ложные сведения, использовал доверенные ему артефакты не должным образом. К тому же, полагаясь на рекомендации все тех же Фарбье, епископ поручал мирским служащим Тайной Канцелярии деяния, на которые имели право лишь клирики.

– Я, – Илларион слегка возвысил голос, – остаюсь в глубочайшем убеждении, что некоторые обвинения минувших лет, против которых в свое время выступал Его Преосвященство кардинал Арции, были сфабрикованы епископом Домиником и его мирскими единомышленниками. Герцог ре Эстре, граф Койла-старший, бароны Ло и Лерма были приговорены на основании вырванного магическим насилием признания, и остается лишь сожалеть, что уже тогда не было проведено должного расследования. Канцелярия Его Святейшества была удовлетворена объяснениями, данными Его Преосвященством Орестом, и лишь событие в Мунте, бросившее тень на орден и его методы, заставило нас взглянуть на происходящее собственными глазами. Я кончил.

Его Святейшество какое-то время переводил испуганные глаза с Ореста на Евгения и обратно, а потом все же выдавил из себя:

– Хочет ли кто-то из уважаемых членов конклава задать вопросы и высказаться? Прошу вас, Андроник Оргондский.

– Я не оспариваю выводы, сделанные легатом Его Святейшества в отношении оплошностей и злоупотреблений, творящихся в Арции. Но я хотел бы услышать его мнение о том, что же все-таки произошло?

– Я согласен, – подал голос и Орест, – прежде чем принимать решение, следует узнать, что за магией владеет герцог Тагэре, магией, оказавшейся сильнее Цепи и Перстня.

– Их утрата, к несчастью, невосполнима, – констатировал Илларион, – теперь в Арции много труднее вести дела, связанные с истинной, а не мнимой запретной волшбой. Если, разумеется, Святой Престол не сочтет уместным восполнить потери за счет имеющихся у него реликвий.

– Это невозможно, – коротко бросил Орест, а Его Святейшество согласно наклонил голову, – но вы все время уходите в сторону от главного.

– Ваше Высокопреосвященство! Я не имею обыкновения уходить от чего бы то ни было, – вскинул голову Илларион, – я исследовал с помощью усиленного Кристалла камеру, в которой содержался Тагэре, карету, которая доставила его к месту покаяния, дом маршала Мальвани, где он находился, прежде чем бежать.

– Так он все-таки бежал? – уточнил один из кардиналов, известных своей близостью к Оресту.

– И был прав. Потерпев поражение на площади Ратуши, недоброжелатели герцога (мне не были даны полномочия на расследование обстоятельств покушения, хотя у меня и есть предположения) подослали к нему убийц. Но я возвращаюсь, как тонко заметил Его Высокопреосвященство, к главному. Я не нашел ни одного свидетельства использования Шарлем Тагэре запрещенной магии или же того, что его освободили при помощи оной. Зато я нашел свидетельство того, что Иаков Эвгле, назначенный Обвинителем, был судебным магом, но не членом ордена. Я не уверен в том, что он обладал знаниями, достаточными для работы с доверенными ему артефактами. Происшедшему, на мой взгляд, можно дать лишь два объяснения. Первое, о котором кричали горожане на улицах. И второе, представляющееся мне более вероятным.

Не следует забывать о происхождении Цепи, не исключено, что ее создатель, современник и, по некоторым сведениям, ближайший друг королевы Гортензии, мог сделать ее безопасной для представителей арцийской династии. Я беседовал с заклинателями, взнуздывавшими Арроя, и я уверен в добросовестности их показаний. Все они уверены как в том, что герцог Эльтский совершенно не владеет активной магией, так и в том, что сопротивление такой силы со стороны обычного человека невозможно. Один из них, брат Серж, докладывал епископу Доминику, что не считает возможным проводить церемонию покаяния, не разобравшись в причинах этого явления. Он же поставил вопрос и о познаниях и умении Иакова Эвгле, но к нему не прислушались. За время, прошедшее между взнуздыванием и покаянием, Шарль Тагэре мог оправиться от полученного им магического удара. Цепь же не только не сковала его волю, но и могла стать неким охранительным талисманом. Не исключено, что этот талисман инициировал врожденные магические способности Тагэре-Арроя. В результате или он сам непроизвольно отразил направленное на него при помощи Кольца заклятие, или, что представляется более вероятным, это сделала Цепь. Два артефакта взаимно уничтожили друг друга. В пользу этого говорит то, что Тагэре получил магический шок, которого бы не было, действуя он осмысленно. Я полагаю, герцог Эльты никоим образом не может считаться магом, в этом смысле он совершенно безопасен.

– Безопасен? – с сомнением протянул фронтерский кардинал Бартоломей. – Но вы только что говорили о его происхождении.

– Эта кровь течет не только в жилах Тагэре. Все здесь собравшиеся знают, что родоначальник династии Арроев Эландских Рене был сильным и реально действовавшим магом, но в его потомстве активных склонностей к волшебству отмечено не было. Да, Шарль Тагэре оказался неуязвим для некоторых артефактов, как находятся люди, неуязвимые для мерного поветрия или мышьиной чумы, но это не значит, что они насылают эту чуму. Вот мое мнение.

– Кардинал Арции, – Иоакимф явно чувствовал себя неуютно, – согласны ли вы с выводами легата Иллариона и имеете ли что добавить?

– Ваше Святейшество, – Евгений и не скрывал, сколь он доволен, – я полностью согласен с прозвучавшими здесь словами и могу лишь выразить благодарность брату Иллариону и просить Святейший Престол об отзыве из Мунта епископа Доминика и последующем суде над ним.

– Предстоятель ордена святого Антония, что имеете сказать вы?

– Брат Илларион, – глаза Ореста не предвещали ничего хорошего, – весьма убедительно рассказал о провинностях епископа Доминика. Думаю, конклав единодушно признает его виновным, и он будет должным образом наказан, однако теперь в полный рост встает вопрос о его преемнике. Достойный легат принадлежит к ордену никодимианцев, однако, исполняя ответственные поручения Его Святейшества, он обрел должные знания в судебной магии, что и доказал с блеском. В присутствии конклава я предлагаю ему вступить в антонианский орден и стать преемником Доминика. Если, разумеется, Его Святейшество его отпустит, а Его Высокопреосвященство Евгений не наложит вето.

Илларион был по-прежнему совершенно спокоен.

– Если Его Святейшество меня отпустит, а Его Высокопреосвященство кардинал Арции не наложит вето на мою кандидатуру, я согласен принять этот пост и обещаю, что буду действовать, исключительно руководствуясь церковными канонами и мирскими законами.

2850 год от В.И.

1-й день месяца Копьеносца.

Арция. Тагэре. Эльтова скала

Берег был белым, а небо и море, раз за разом с ревом бросающееся на камни, черными. В такую пору торчать на продуваемой всеми ветрами скале мог только безумный. Впрочем, даже летом в самую лучшую погоду Эльтову скалу обходили десятой дорогой. Никто не

помнил, почему туда не стоит ходить, но даже подвыпившие храбрецы и те выказывали свою отвагу иными способами. Однако ледяной лунной ночью на плоскую, словно срезанную, вершину поднялись двое.

Один, высокий и стройный, кутался в плащ с капюшоном, второй был чуть пониже, его темное платье явно не годилось для подобных прогулок, но он, казалось, не чувствовал ни холода, ни пронизывающего ветра, то и дело налетающего порывами с моря. Лунный свет, усиленный сиянием выпавшего утром снега, играл на серебристых волосах, заставлял переливаться таинственными зелеными огнями камни на груди. Человек был еще не стар, с красивым, волевым, но очень бледным лицом, хотя, возможно, причиной бледности была луна. Поигрывая кинжалом, он задумчиво слушал собеседника.

– ... я бросился в погоню, но она меня опять обманула. Это был какой-то мерзавец, охваченный ужасом. Я догнал его у Хаонгской границы, он не знал и не понимал ничего, кроме того, что должен бежать и бежать.

– Ты уверен, что это именно она?

– Больше никому. Уже первое возмущение было слишком сильным для любого другого создания. Несомненно, в мир Тарры что-то вошло, но что? Только не принадлежащие Тарре могут ее покинуть, и только Эстель Оскора, плоть от плоти этой земли, может вернуться.

– Но были и другие...

– Правильно, но никто не подходит под подобный след. Очередные боги, ищущие мир, которым можно править, вели бы себя иначе, да и шума было бы больше. Беглый маг вроде нашего заморского друга или затаился бы, или, наоборот, немедленно стал действовать, и я бы его нашел. Нет, это была она, и она очень ловко научилась замечать следы. Пока я гонялся за тем, на кого она перебросила свой астральный хвост, пока возвращался назад, она успела исчезнуть. Потом объявилась в Мунте, спасла Тагэре и вновь сгинула.

– Но почему она не попыталась... – Седой оборвал фразу на полуслове, но второй его понял.

– Почему она не попыталась найти нас? А с чего ты взял, что она не ищет? Но разве это просто? Когда началось все это безумие, я исчез и, видимо, проделал это слишком хорошо, а о тебе и вовсе ничего не известно, спрашивай не спрашивай. Геро не хочет, чтобы о ее возвращении проводили чужие, и это понятно. Не удивлюсь, если она почувствовала мое заклятье и, не зная, кто ее ищет, затаилась.

– Ты прав, – человек с кинжалом встал, – я об этом не подумал. Но мне пора, я и так задержался...

– Ты был в Эльте?

– Да, две ночи, – он улыбнулся, но как-то натянуто. – Для меня это победа.

– Зря ты рискуешь.

– Я всю жизнь рисковал, но больше двух дней мне пока не выдержать, впрочем, раньше и этого не было. И все же, все же я хотел бы ее увидеть.

– Я найду ее, даже если понадобится перевернуть всю Арцию.

– Я знаю, – еще раз улыбнулся седой, – раз она вернулась, значит, хотела этого и, значит, помнит...

– Как сказал бы твой отсутствующий друг: «Если ты не сомневаешься в себе, почему ты сомневаешься в других?» Конечно, помнит.

– Да, он много бы чего сейчас наговорил. Как он, кстати?

– А что ему сделается? Учит жить всех, кто ему под руку, то бишь под лапу, попадается.

– И много таких?

– Достаточно. Хотя он не прочь все бросить и взяться за старое, только это вряд ли получится, слишком уж он переменился.

– Все мы переменялись, кроме тебя.

– Не скажи. Если бы у меня не было зеркала, я поклялся бы, что я уже давно не я. Слушай, тебе не кажется, что мы слишком сильно стали себя жалеть?

– Ты прав, – седой тряхнул головой, словно бы прогоняя неприятные мысли, – пора с этим кончать. Эстель Оскора вернулась, значит, началось.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Mea culpa, mea maxima culpa...⁵⁰

*Я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.*
Н.Гумилев

Эстель Оскора

Когда-то тут было изумительно красиво, но ройгианские ублюдки превратили окрестности башни в покрытую пылью пустыню. По очертаньям местности можно было предположить, что раньше башня стояла на острове посередине довольно большого озера. Теперь от него осталась лишь большая котловина, в центре которой возвышался холм удивительно правильной формы, увенчанный высокой башней. Ее шпиль рвался к небу, синева которого на фоне серой пыли казалась особенно чистой. Проклятое веретено исчезло, как только я достигла «берега», и вместе с ним исчез и застывший небо туман. Что ж, по крайней мере, с одной бедой я покончила без особого труда, если, конечно, не считать стертых ног и пропыленной одежды. Я усмехнулась и произнесла простенькое заклятье, снимающее усталость. Получилось! Видимо, «разматывание» веретена требовало напряжения всех сил, но, когда работа была сделана, мои способности ко мне вернулись. Что ж, очень хорошо.

Я подошла к башне, сложенной из розоватого мрамора, и обошла ее кругом. Так вот какова обитель Адены, сестры и подруги неистового Ангеса и покровительницы клана Лебедей! Оставалось туда войти. Я постаралась представить себе озеро заполненным водой, а берега – заросшими цветущими кустами. Лично я бы сделала вход как можно ближе к воде... О, кажется, тут когда-то были пологие ступени, сбегające вниз. Я тронула рукой кладку. Роман проник внутрь обители Ангеса, случайно опершись о нее рукой с Кольцом. Я сделала то же самое, и ничего! Ну, разумеется, если что-то кажущееся непреодолимым оказалось легче легкого, то, что представлялось простым, окажется неподъемным. Кольцо Ангеса не позволяло войти в башню Адены. Попробовать проломиться силой? Но при этом поднимется такой магический вой, что здешние маги, будь они трижды за горами, не преминут понять, что в Тарре орудует кто-то очень сильный.

До этого мне удавалось прятать свою волшбу в чужой, но тут-то я была одна-одинешенька. Ни циалянок тебе, ни синяков, ни магического свинства, устроенного ройгианцами. Конечно, те, кто приглядывает за этим проклятым местечком (а таких просто не может не быть), скоро обнаружат, что заклятью конец. Возможно, даже догадаются, в чем дело, но вот где Эстель Оскора – снаружи или внутри, им не узнать. Если же я начну ломиться в обитель Адены, меня могут застать за этим предосудительным занятием, и еще вопрос, кто это будет.

Самым умным, наверное, было бы вернуться и с помощью Гиба поискать эльфов, если они еще здесь. Уж повелителя-то Лебедей башня впустит. Но где их искать? В Пантане? На Лунных островах? Где-нибудь еще? То, что я успела услышать в Фей-Вэе, не обнадеживало. Дивный народ давно забыт, даже про Романа и того ничего не слышно, если не считать идиотской выдумки Ольвии (в том, что о Войне Оленя церковь судит с ее слов, я не сомневалась).

От лихорадочных раздумий меня оторвало теплое прикосновение. Нет, за прошедшие

⁵⁰ «Моя вина, моя большая вина...» (лат.) – начало покаянной молитвы.

столетия я положительно поглупела! Сначала не сообразила, как обстоят дела с «веретеном», а потом забыла, что ношу с собой талисман Астена, который сейчас буквально бился у меня на груди. Я вытащила фигурку лебедя, от которой исходило мягкое серебристое сияние, и молча протянула вперед на раскрытой ладони. За эти годы я привыкла думать, что у меня нет сердца, зато теперь оно отыгралось, пытаюсь выскочить из моей груди. Неужели не поможет? Помогло... Розоватый мрамор пошел волнами, в стене появилась изящная маленькая дверь, я толкнула ее, но она не подалась.

Приглядевшись, я увидела что-то в замочной скважине, что-то, явно не бывшее ключом. Кольцо! Кольцо, вставленное камнем внутрь. Так вот что сделала Циала Благословенная. Она воспользовалась кольцом Адены как ключом, но не отпирающим, а запирающим. Что могло быть проще и надежнее?! Пока ключ в замке, из башни не выйти, а вынуть его может либо тот, кто вставил, либо, будем надеяться, обладатель лебединой магии, магии Адены. Я протянула руку вперед и почувствовала легкое прикосновение защитного заклятья. Меня признали своей. Я дотронулась до золотого ободка, и Кольцо словно бы само прыгнуло мне в ладонь. Овальный прозрачный камень вспыхнул ослепительным синим светом, напомнив мне глаза Астена.

Если бы не ройгианцы, Роман бы вошел сюда пятьсот с лишним лет назад, и, может быть, не понадобилось бы ни похода к Лунным островам, ни нашей с Рене жертвы. Дверь открылась, но я медлила, уж слишком страшным было бы узнать, что мы опять опоздали и Эрасти здесь нет. Изначально смертный, за полторы тысячи лет он мог погибнуть или, став величайшим магом Тарры, отыскать дорогу наружу, но в другие миры. Я стояла на пороге, убеждая себя не отчаиваться, если мы опять вытащили пустышку, и понимая, что пережить новое разочарование будет очень трудно.

2854 год от В.И.

23-й день месяца Сирены.

Арция. Мунт

Замок Святого Духа почитался местом гиблым и страшным, куда более страшным, чем Речной Дворец, в котором принял смерть низложенный супруг королевы Гортензии. Если несчастного мужеложца и прикончили, то сделали это люди. Это было понятно, а значит, не так уж и страшно. Даже тень незадачливого короля, уныло бродившая по галереям дворца в канун дня мученика Фернана, никого особо не пугала. Правду сказать, видел ее мало кто, разговоры ходили, но многие полагали их бреднями подвыпивших стражников и их веселых подружек. Нет, Речной Замок если и был опасен, то только для тех, кто перешел дорогу королю, или самим королям. Другое дело антонианцы и синяки. Конечно, в Арции они не забрали такой власти, как в той же Мирии, но нужно было быть очень смелым, чтоб пойти им наперекор. Жители Мунта с плохо скрываемым страхом косились на мрачную громаду Замка, которую не делал веселее даже золотистый кантский известняк, пошедший на облицовку стен. Девять башен были увенчаны Стрелами⁵¹, десятая, обвалившаяся в незапамятные времена, казалась уродливым пнем. Ее несколько раз пытались восстановить, но она упрямо падала, едва только рабочие начинали устанавливать Стрелу. После четвертого обвала Предстоятель ордена приказал оставить попытки и из какого-то извращенного фатализма повелел переделать нижние этажи под епископские покои, что и было исполнено.

Вопреки ходившим по Мунту слухам, внутренности замка отнюдь не казались страшными. Чистые безликие помещения, квадратные, мощенные плитами дворы, узкие переходы, освещенные масляными светильниками. Ничего особенного. Что до комнат Его

⁵¹ Стрела, обвитая плющом, – символ Скорбящих Братьев, этот символ, видимо, родился из символа Церкви Единой и Единственной, представлявшего собой увитый плющом посох, и обычая Божьего суда, когда обвиняемого расстреливали стрелами, окропленными святой водой. Считалось, что невиновного такая стрела не поразит.

Преподобия, то покойный Доминик любил уют и аляповатую роскошь. Илларион же предпочел, чтоб его апартаменты не выбивались из общего ряда замковых помещений: опрятно, просторно и серо. Однако начинать с переделки собственных покоев новый епископ не хотел, равно как и жить среди изображений юных мучениц, весьма смахивающих на куртизанок, и вычурных бронзовых светильников. Илларион устроился в бывших комнатах секретаря Доминика, и только недвусмысленно выраженное недовольство Ореста заставило Иллариона взяться за переделки, оказавшиеся куда более монументальными, чем предполагалось вначале. Пришлось отдирать резные панели корбутского дубца, снимать бархатные и парчовые драпировки и шпалеры, на которых языческие воины в странных доспехах, защищающих явно не те части тела, с вожделием сдирали одежды с явно ничего не имеющих против дев.

Вытканые распутницы были приговорены к сожжению на замковом дворе, когда же их убрали, взору Иллариона предстала оштукатуренная стена, по которой змеились трещины от костылей, на которых висели непотребные изображения. Оставалось решить, чем их заменить: другими шпалерами, простым серым ковром без узора или же просто оштукатурить стену. Илларион задумчиво провел рукой вдоль змеящейся трещины, и внезапно большой кусок штукатурки отпал. Окна комнаты выходили на запад, и ласковые вечерние лучи неожиданно выхватили огромный глаз, светло и строго глянувший в душу епископа. Илларион застыл, как громом пораженный, а затем дрожащими руками бросился расчищать проступившее изображение. Куски штукатурки и сухая дранка словно только и мечтали, что осыпаться. Не прошло и полутора ор, как Его Преподобие, замерев от благоговейного восторга, стоял пред суровым мужским ликом.

Это был Кастигатор-Судия, строгий и неумолимый, скорбящий по тому, кому вынесен приговор, но уверенный в своей правоте. Изображение было слишком велико для этой комнаты, к тому же явно было неполным, и Илларион догадался, что некогда это помещение являлось частью храма и лишь затем было приспособлено под земные нужды ордена. И еще Его Преподобие понял, что должен восстановить святыню и сделать ее доступной для всех. Он переедет в другое здание, ибо негоже смертному жить в храме, тем более в таком. Но сколько же лет этой фреске?! Наверняка она была написана задолго до Анхеля, а краски даже не потускнели...

2855 год от В.И.

26-й день месяца Влюбленных.

Ифрана. Авира

Авира была красивым городом и, если уж на то пошло, ненамного младше Мунта. Раскинувшаяся на двух берегах не слишком полноводной, но отнюдь не захудалой реки Хары, она с 2502 года являлась столицей Ифраны, самочинно отложившейся от Арции. Впрочем, бывшая империя продолжала упрямо считать Ифрану своей провинцией. При Шарле Длинном и Франциске Грубом было не до возвращения потерянного, но, когда сначала Пьер Третий, а затем его внук Филипп покончили сначала с бунтовщиками, а потом и с голодом, взгляды Мунта вновь обратились на юг.

В 2747 году Филипп Третий, приведший остатки империи в порядок, счел уместным взяться за возвращение утраченных земель. С Фронтерой проблем не случилось. Тамошний герцог, находящийся в постоянной склоке с Таяной, не пожелал воевать еще и с Арцией и с готовностью принес вассальную присягу. Другое дело, что для фронтерцев, живших между двух огней, клятвы не имели никакого значения, особенно если тот, кому она была дана, ослабевал. Филиппа Третьего Фронтера тоже не слишком заботила, с тех пор как по требованию Церкви были разорваны все связи с таянскими еретиками (а может, это таянцы захлопнули дверь перед носом соседей), северо-восток Арции превратился в отпетое захолустье, служащее источником вечных, но не смертельных неприятностей. Другое дело южные провинции с их виноградниками, апельсиновыми рощами, умелыми ремесленниками и выходом к морю. Удовлетворившись обещанием господаря Зенона воздержаться от

набегов на арцийские замки (слово фронтерцы сдержали, потому что как раз в это лето у них произошла очередная неприятность с Таяной и им стало не до бесчинств на западных рубежах), Филипп перешел Табит и вступил в Ифрану. Война шла успешно.

Проживи король еще лет пять или же не умри в сравнительно молодом возрасте его старший сын и наследник, Ифрана скорее всего вернулась бы в лоно Арции, но Филипп умер, а его потомство оказалось не в состоянии довершить начатое. И все из-за того, что наследство распределилось наихудшим для Арции способом. Корона и власть достались внуку короля Этьену, тихому, нерешительному человеку, воинский талант унаследовал младший из принцев, Эдмон Тагэре, успешно командовавший армиями, но абсолютно не владеющий даром интриги, к чему был склонен его брат Жан Лумэн. Оказавшийся же старшим в роду герцог Лионель Ларрэн больше всего на свете хотел покоя и закрывал глаза на творящееся у него под носом. В результате Этьен лишился сначала трона, а потом и жизни. На престоле обосновались Лумэны, озабоченные не столько тем, чтобы вернуть Арции былую славу, сколько тем, чтобы удержать им не принадлежащее. Когда же Пьер Пятый, хоть как-то разбиравшийся в военном деле, погиб и власть по сути перешла к Фарбье, которых волновали лишь собственные дела, стало вовсе худо. Речь шла уже не о том, чтобы вернуть потерянное, а о том, чтобы не допустить новых потерь.

Конечно, были в Арции и воины, и полководцы – те же Тагэре и Мальвани, которые не только не уступали ифранийским военачальникам, но и превосходили их на голову. Но сам Тагэре о своих правах не говорил, за него это делали другие, первым из которых был старик ре Фло. Жан Фарбье заставил безумного короля подписать акт, согласно которому сын Фарбье Жиль объявлялся вопреки всем законам наследником престола. Но Арция знала, кто имеет право на корону, а армия настойчиво требовала вернуть в армию Тагэре и Мальвани, которые смогли бы исправить положение. На это Фарбье пойти не мог, не мог он и удержать в повиновении множество озлобленных неудачами вооруженных людей, презирающих безумного короля и ненавидящих временщика. Единственным выходом было добиться мира и распустить армию, набрав для обеспечения собственной безопасности наемников во Фронтере и Эскоте.

К несчастью, мир с Ифраной означал войну с Дианой, так как для арцийской бланкиссимы ее ифранская сестра была тем же, чем для Фарбье – Тагэре. Фарбье боялся своей любовницы, но Шарля боялся больше, потому и решил тайно написать ифранскому королю Жозефу, в первый раз назвав его «Величеством». Именно это письмо, с тщанием завернутое в промасленную кожу и помещенное в специальный нагрудник, привез в Авиру переодетый простым нобилем младший брат Фарбье Эдвар.

Теперь следовало решать, к кому направиться. Выбор был небогат. Просить помощи у бланкиссимы Елены не следовало: она-то поможет, но как бы Диана за это голову не свернула. Можно было попробовать пробиться к королю Жозефу, но тут предстояло раньше времени раскрыть карты, и не было никакой уверенности, что кто-то из придворных не озаботится донести тем, кому до поры до времени о затее Фарбье знать не обязательно. И Жан, и сам Эдвар склонялись к третьему варианту: поговорить с кузеном короля герцогом Эркюлем Саррижским, у которого была дочь Агнеса, три года как вступившая в брачный возраст. Саррижи были слишком знатны, чтобы позволить себе мезальянс с кем-то ниже герцога, но недостаточно влиятельны, чтобы рассчитывать на партию с принцем крови и тем более с королем. Именно поэтому выбор Фарбье и остановился на Эркюле. Он должен проглотить приманку.

Герцогский дворец находился на самом берегу Хары, и флаг с двумя перекрещенными на малиновом поле павлиньими перьями лениво трепыхался под легким ветерком. Хвала святой Циаде, Сарриж был дома.

2855 год от В.И.

26-й день месяца Влюбленных.

Эр-Атэв. Пустыня Гидал

– Ты звал меня, Владыко, – инок в темно-зеленой эрастианской рясе смиренно, но не заискивающе склонил голову.

– Входи, чадо, – Никодим, настоятель обители святого Эрасти Гидалского, приветливо кивнул, – входи и садись. Впереди у нас долгий разговор.

Инок сел, всем своим видом выразив готовность внимать. Владыка Никодим молчал, пристально разглядывая лицо человека, избранного им своим преемником. Иеромонах Иоанн был среднего роста и крепкого сложения, красотой не отличался, но лицо имел хорошее, а в небольших темно-серых глазах светился недюжинный ум. Правда, в обители Иоанн пробыл не столь уж и много, всего одиннадцать лет, другие могут не понять. И все же владыка был убежден, что поступает правильно.

Иоанн явился в Гидал с отягченной сомнением душой. Будучи родом из Срединной Арции, он с отроческих лет не видел себе иной судьбы, кроме служения Творцу в лоне Церкви Единой и Единственной, но, приняв постриг и оказавшись одним из пастырей, постепенно стал сомневаться если не в Книге Книг, то в ее толковании. То, что он видел, едва не отвратило душу Иоанна от Церкви. Он почти решился сложить с себя сан и бежать в Проклятые земли, но вспомнил об обители святого Эрасти Гидалского и решил совершить паломничество, дабы во время его решить для себя, остается ли он в лоне Церкви Единой и Единственной или нет.

Не сразу снизошел мир в душу пришельца, который имел обыкновение не только молиться, но и думать, не только читать Книгу Книг, но и самому искать ответы на многие вопросы. Никодим говорил с арцием не раз и не два и лишь уверялся в собственном мнении, что и в Благодатных землях, и в самой Церкви творятся дела нехорошие и малопонятные. Никодим и его паства были в безопасности под защитой атэвских калифов, свято выполнявших завет великого Майхуба. Но обитель в самом сердце пустыни была воздвигнута не только и не столько во славу Творца, сколько в защиту истинной Памяти о былом. Читая же новые, написанные в Кантиске книги, слушая рассказы паломников, Никодим все больше убеждался, что грядут времена, предвиденные святым блаженным Иоахиммиусом, первым Держателем Вечноцветущего Посоха⁵². Сам Никодим, зимой разменявший восьмой десяток, понимал, что успеет упокоиться с миром, прежде чем зло, отступившее во время Войны Оленя, вырвется наружу, но вот его преемника скорее всего подхватит грядущая буря. Именно поэтому старый клирик не имел права на ошибку.

В обители было много достойных. Теодор был знатнейшим целителем, Онуфрий умелой рукой вел немалое хозяйство и принимал паломников, а Василий лучше всех знал и трактовал Книгу Книг, и от его проповеди уверовал бы и покаялся в грехах даже камень. И все же никто из них не пытался перейти черту, за которой начиналось Неведомое. А Иоанн пытался. Было в этом спокойном и обстоятельном человеке что-то, заставляющее предполагать в нем не просто подвижника, но бойца. И Никодим решился на разговор.

– Знаешь ли ты, чадо, почему калифы, исповедующие учение своего безумного пророка, оберегают нашу обитель?

– Я долго думал об этом. – Иоанн говорил медленно, каждое слово падало веско, как камень в пустой колодец. – Речь идет о каком-то договоре, некогда заключенном калифом Майхубом и святым Иоахиммиусом. То, что нам дал Эр-Атэв, видят все, что даем или должны отдать мы, никто не знает. Но это что-то важное, как для нас, так и для иноверцев. Возможно, мы храним нечто, относящееся к эпохе Войны Оленя, ведь именно после победы в ней была основана обитель.

– Хвала святому Эрасти.

Никодим торжественно встал, опершись на знаменитый Посох, ради созерцания которого тысячи арциев ежегодно переправлялись через Пролив, дабы в канун Светлого

⁵² Посох, обвитый плющом, – символ Церкви, символизирует опору, которая необходима всем – и людям, и растениям. Вечноцветущий посох, увитый неувядающими живыми цветами, – реликвия святого Иоахиммиуса, основателя монастыря Эрасти Гидалского.

Рассвета преклонить колени перед Священной Реликвией. Более шести сотен лет Посох святого Иоахиммиуса был увит живыми цветами дивной красоты. Несколько раз Архипастыри хотели перенести реликвию в Кантиску, но настоятели обители отвечали, что святой Иоахиммиус велел им находиться в пустыне, сохраняя чистоту помыслов до времени, когда они будут призваны. Возможно, этот отказ и не остался бы безнаказанным, но руки Святого Престола не могли дотянуться до Эр-Атэва, а воевать с калифатом было себе дороже. Посох оставался в Гидале и передавался настоятелем избранному им наследнику. Но прежде чем Иоанн примет Вечноцветущий, иноку предстоит узнать немало того, что может смутить даже светлый и сильный ум.

– Чадо Иоанн. – Иоанн поднялся, хоть еще и не понимал, что сейчас произойдет. – Знаешь ли ты наш обычай: настоятель избирает своего преемника из числа иноков, и до самой смерти предшественника тот становится его правой рукой? Мой выбор пал на тебя.

Иоанн побледнел, губы его дрогнули, но он сдержался. Ни благодарностей, ни вопросов, ни сомнений в своих силах, ни лицемерного отказа. Так. Очень хорошо, он с успехом прошел и это испытание. Испытание неожиданным взлетом.

– Возложи руку на Посох, чадо, и повторяй за мной: «Я, нареченный Иоанном, клянусь сохранить доверенное мне в тайне, пока святой Эрасти не разрешит меня от этой клятвы...»

2855 год от В.И.

12-й день месяца Собаки

Арция. Мунт

Агнеса Саррижская старательно не показывала вида, что потрясена великолепием Мунта. Несмотря на то, что Ифрана уже три с лишним сотни лет считалась независимым государством и довольно успешно воевала с прежней метрополией, ее жители в глубине души продолжали ощущать себя провинциалами. Особенно когда попадали в Мунт. Агнеса гордо выпрямилась, старательно глядя перед собой, не хватало еще, чтобы арцийцы увидели, что она озирается по сторонам, как какая-нибудь деревенщина!

В конце концов, она теперь их королева. Во всяком случае принимают ее по-королевски. Саррижи были влиятельными людьми, но их земли были расположены у самой границы и изрядно пострадали во время войны. Разумеется, они не бедствовали, но и позволить себе купаться в роскоши не могли, а король Жозеф Третий, дядюшка Агнесы по матери, был феерически скуп. Даже его придворные дамы, особенно те, которых Его Величество дарил своим вниманием, сетовали на то, что тот неделями не меняет белье, а сапоги донашивает до дыр. Если же кто-то из нобилей одевался дорого и красиво, то Жозеф расценивал это или как личное оскорбление, или как знак того, что у одного из его подданных завелись лишние деньги, которыми следовало поделиться с Его Величеством. О балах же и охотах и вовсе говорить не приходилось. Король их не устраивал, потому что это было дорого, а нобили – потому что это не нравилось королю. Разумеется, с таким сюзереном жизнь в Ифране более напоминала существование никодимианской⁵³ общины, нежели двора второго по величине государства Благодатных земель.

Неудивительно, что кортеж суженой Его Величества короля Арции был более чем скромным, как и наряд самой невесты. Когда на границе ее встретили доверенные лица жениха, Агнеса была готова со стыда сквозь землю провалиться, настолько ее украшенное скромной вышивкой кремовое платье выделялось на фоне невообразимых туалетов арцийских дам и кавалеров, отделанных золотом, драгоценными камнями, мехами и кружевом. Девушка с душевным трепетом рассматривала струящиеся женские туалеты и высокие головные уборы, к которым крепились тончайшие вуали. Впрочем, мужчины, носившие похожие на тюрбаны головные повязки из атэвских шелков, короткие куртки со стоячими воротниками, в разрезах рукавов которых виднелись шелковые рубашки,

⁵³ Никодимианцы – нищенствующий монашеский орден, известный строгостью устава.

обтягивающие штаны-чулки и башмаки с загнутыми носами, выглядели едва ли не наряднее дам.

Разумеется, шло это не всем. Кое-кто из придворных щеголей выглядел не лучше разрисованного подвыпившим мазилой краба, но некоторые казались рыцарями из сказки. Интересно, какой из себя ее жених? Агнеса про него не знала ничего, кроме того, что ему двадцать шесть лет, он мужчина и король. Вообще-то ее прочили в жены наследнику мирийского герцога, но хозяин процветающего островного государства настаивал на соответствующем приданом, а его величество Жозеф, хоть и был не прочь увидеть свою племянницу мирийской герцогиней, отнюдь не спешил раскошелиться. Переговоры затянулись, а за это время молодой Энрике Кэрна умудрился тайно обвенчаться с незначительной ноблеской. Из-за скупости дядюшки Агнеса оказалась посмешищем всей Ифраны. Надежды на мало-мальски достойный брак таяли с каждым годом, так как своих средств у потерявших почти все земли Саррижей не было. И вдруг такая удача! Супруга арцийского короля! Правда, про Пьера поговаривали всякое, но Агнеса гнала от себя неприятные мысли, в конце концов, не хуже же он Жозефа с его грязными сорочками и сальными волосами?!

Девушка с волнением ожидала встречи, выслушивая любезности арцийских нобилей, самым приятным из которых был Жан Фарбье. Конечно, он был не первой молодости, но весьма недурен собой в своей золотистой, расшитой богомольниками и жемчугом куртке и коричневых штанах, обтягивающих сильные мускулистые ноги. Это именно он вручил Агнесе золотой нарцисс, который она, якобы из вежливости, а на деле за неимением ничего другого приколотла к своему платью. Да и советы Фарбье всякий раз приходились весьма кстати. Он несколько раз удерживал ее от явных ошибок, подсказывал, как к кому следует обращаться, отвечал за нее, когда она не знала, что сказать, и всячески давал ей понять, как он рад ее приезду.

Агнеса никогда не обольщалась насчет своей внешности. У нее были слишком резкие черты лица, большой нос, широкие черные брови, а волосы на подбородке и щеках приходилось по утрам выщипывать. Однако этому изысканному вельможе она как будто бы нравилась больше лилейных томных красавиц, и Агнеса испытала к нему за это острую благодарность.

«Обратите внимание, моя принцесса, – Фарбье грациозно наклонился к окошку кареты, в котором ехала ифранка, – это знаменитый Замок Святого Духа, им пугают людей, но все далеко не так страшно, как рассказывают. Нынешний епископ обещает вскоре открыть его для желающих. А сейчас мы выезжаем на площадь Ратуши, где вас поприветствуют отцы города Мунта и где к нам присоединится Его Величество. Я должен вас попросить, дорогая принцесса, не показывать, если что-то в поведении Его Величества покажется вам, скажем так, странным. Его Величество рано потерял отца, он рос очень замкнутым и не любит шумных церемоний. Обычно мы его от них оберегаем, но свадьба, как вы понимаете, бывает только раз в жизни...»

Речь Фарбье журчала как ручеек, но Агнеса ее почти не слышала, пытаясь взять себя в руки. Сейчас она увидит человека, которому отдала свою руку, даже не видя его. Она увидит короля, она будет приветствовать своих подданных. Процессия вошла в увитые цветами арки, Агнеса не видела, как идущие впереди процессии девушки в розовом разбрасывали цветы, но карета ехала по фиалкам и ландышам, и племянница Жозефа понимала, что это для нее и из-за нее. Приветственные крики сливались со щебетом многочисленных птиц в клетках, которых выпускают, как только ее рука коснется руки короля, и звуками гитар и мандолин, на которых играли сопровождающие королевскую невесту менестрели. Из раскрытых окон свешивались флаги и ковры, на перекрестках здоровенные стражники охраняли бочки с вином, которые будут открыты вечером, дабы жители славного города Мунта выпили за здоровье жениха и невесты.

Наконец карета остановилась. Фарбье галантно распахнул дверцу и подал Агнесе руку. Белые туфли невесты ступили на розовую ковровую дорожку, ведущую к ратуше, на

ступеньках которой стояло несколько человек. Агнеса пыталась рассмотреть и узнать короля, но солнце било в глаза, и она была вынуждена отвести взгляд. Опираясь на руку Фарбье, девушка дошла до лестницы, затем спутник ее оставил, и она пошла одна, стараясь держаться прямо. На верхней площадке она буквально налетела на одетого в белое и голубое молодого человека примерно одного с ней роста с бледным одутловатым лицом, с интересом на нее уставившегося.

Агнеса тоже остановилась, не зная, идти ли вперед или остаться на площадке. А молодой человек, добродушно улыбнувшись, сунул руку за пазуху и вытащил оттуда зверька, похожего на пушистого бесхвостого мышонка, и сказал: «На» – протянул ей. Больше всего Агнесе захотелось с визгом отшвырнуть эту гадость, но она подумала, что, возможно, это какой-то здешний обычай, о котором ей забыли рассказать, и, сжав зубы, взяла меховой комочек.

– Правда, хороший? – спросил молодой человек. – Это тебе. Жан сказал, что ты добрая. Правда, он часто врет. Меня зовут Пьер, а как тебя? Мне говорили, да я забыл. Ты теперь будешь жить с нами, да? А ты любишь землянику? Я люблю, но от нее потом все чешется, а у тебя?

Агнеса слушала эти слова, ничего не понимая, и только в глубине ее души билась одна мысль: «Это не он! Святая Циала, сделай так, чтоб это был не он!»

2855 год от В.И.

23-й день месяца Собаки

Арция. Тагэре

От Эльты до замка Тагэре было немногим более трех вес, всего ничего, но Этьену ре Фло в последние годы путешествия давались все с большим трудом: кости, застуженные еще в юности (граф во время охоты провалился под лед и потом был вынужден провести весь день в мокрой одежде), к шестидесяти годам отыгрались за все. Если во Фло, где солнце так прогревает толстые каменные стены, что даже в месяце Зеркала они остаются теплыми, он ходил и ездил верхом, как все люди, то стоило ему оказаться на севере, как старые болячки брали свое. Потому-то при всей своей любви к дочери, зятю и внукам Старый Медведь выбирался к ним редко и только летом, но на этот раз дело было неотложным, и Этьен пустился в дорогу, заранее смиряясь с неизбежным.

Владелец ре Фло был человеком незаурядным, все в нем – и величественная внешность, и горделивая осанка, и пронизательный взгляд – выдавало натуру властную, сильную и целеустремленную до жестокости. Под стать старику были и наследники, но даже среди них граф отличал двоих: старшего внука Рауля, названного в честь дяди, и дочь Эстелу, герцогиню Тагэре, подарившую мужу двоих сыновей: Филиппа и Эдмона. Дед твердо рассчитывал увидеть на голове одного из них корону.

Старый Медведь не сомневался, что с Лумэнами они справятся, куда сложнее было уломать Шарля. Как всегда, когда он вспоминал зятя, в сердце старого нобиля подняли голову досада и гордость. Этьен восхищался герцогом, но его бесило упорное нежелание того объявить о своих правах на престол и возглавить нобилей, недовольных засильем законных и незаконных Лумэнов. Шарль же уперся, как стадо ослов, и ни доводы тестя, ни слова любимой жены (а Шарло любил Эсту), ни очевидное желание северян на него не действовали. Он, в пятнадцать лет доказавший свою храбрость в бою, в восемнадцать командовавший полком, а в двадцать шесть – армией, не хотел гражданской войны.

Конечно, все эти годы Тагэре не бездельничал. Именно он держал в узде эскотских нобилей, взявших скверную привычку грабить приграничные земли. С возвращением в Эльту Шарля Тагэре налетчикам пришлось поджечь свои полосатые⁵⁴ хвосты. Шарло стал настоящим хозяином северо-запада Арции, доказав, что может не только воевать, но и

⁵⁴ Намек на полосатые плащи, которые носили вожди эскотских кланов. Каждый имел свою расцветку.

править.

В Мунте герцог больше не появлялся, но о нем все равно говорили. Особенно теперь, когда Лумэны спелись с Жозефом, все бывшие победы и удачи были пущены коту под хвост. Мужеподобная ифранская девка не только не принесла в Арцию приданого, но за право уложить ее в постель слабоумного короля, который, похоже, вообще не знает, чем женщины от мужчин отличаются, пришлось заплатить с таким трудом завоеванным островом Ро и провинцией Сарриж, возвращенной мечом Тагэре Арции и отданной Лумэнами новоявленному тестю. Уж это-то должно побудить Шарля к действию! Ре Фло насупился и пошевелил губами, ведя мысленный разговор с зятем. Он не понимал Шарля с его дурацким миролюбием, хотя, возможно, тот оказался прав в том смысле, что последняя выходка Фарбье показала всем, что арцийские короли об Арции не думают и не собираются думать. Новоявленная королева, судя по всему, скоро сядет всем на голову. Если Шарло наконец очнется, лучшего времени для восстания не найти.

Граф улыбнулся и подозвал внука. Раулю было девятнадцать, но он уже сейчас давал фору тридцатилетним и как воин, и, что самое удивительное, как политик. Не так давно он победил в учебном поединке и дядю, и отца, а значит, среди нобилей у него практически нет соперников. Разве что Мальвани и, конечно же, Шарль.

– Вы меня звали, дедушка?

– Да, дружок, – Этьен с удовольствием оглядел ладную фигуру внука, малыш пойдет далеко, очень далеко. – Я хочу оставить тебя в Эльте. Ты не против?

– Я?! – Темные глаза сверкнули. – Я всю жизнь мечтал учиться у Шарля!

– Ну, значит, твои мечты сбылись, но ты не только будешь с ним мечом махать. И Арции, и нам, и самому Шарло нужно, чтоб он наконец вспомнил, кто он такой. Шарль Тагэре не имеет права отсиживаться на севере, когда эти ублюдки продают Арцию Жозефу. Я поговорю с ним, но не уверен, что он согласится сразу, а капля и камень точит, ты знаешь, когда и что говорить, так что я на тебя рассчитываю.

– Я постараюсь...

2855 год от В.И.

12-й день месяца Волка.

Арция. Фей-Вэйя

– Девочка моя, ты уверена в своем решении? – Агриппина испытующе смотрела в синие глаза Соланж. – Если ты скажешь «да», обратной дороги у тебя не будет. Ты и так все знаешь, но я должна тебе сказать это еще раз. Вступая в орден, ты отказываешься от многого, во имя чего Творец создал женщину. У тебя никогда не будет ни мужа, ни детей, ни своего дома. Это такие, как я, на которых смотреть тошно, больше находят в ордене, чем теряют, а ты ведь красавица, на тебе любой с радостью женится. Зачем же хоронить себя заживо?

– Я подумала, матушка.

– Она подумала, – хмыкнула Агриппина, – не верится что-то! А ты подумала, что будет, если завтра или послезавтра ты встретишь человека, которого полюбишь ты и который полюбит тебя? Ты или наступишь себе на горло, или станешь преступницей, которую, если ее разоблачат, ожидает страшная участь. Ты не только себя погубишь, но и своего возлюбленного! Это ты понять в состоянии?! Если циалианку изобличают в прелюбодеянии, она отправляется в Шильскую обитель, и даже я не знаю, что творится в ее подвалах! А если ты осмелишься забеременеть, то тебя после рождения ребенка заживо замуруют в склепе, а твое дитя отдадут в приют Святого Христофора. Если это мальчик, из него сделают убийцу во славу Божию, если девочка – куртизанку, с помощью которой Скорбящие будут прибирать к рукам нобилей. А если будет доказано, что отец ребенка, то, кем бы он ни был, он понесет наказание как за изнасилование.

– Зачем вы мне об этом говорите, матушка?

– Потому что не хочу, чтобы ты губила себя и других. Ты слишком красива для

обители, Соланж. Ты должна жить той жизнью, для которой созданы красивые женщины. Доб-ро, была бы ты честолюбива, такие еще могут обходиться без любви...

– Но мне не нужны мужчины, матушка. И что я буду делать, если выйду из обители? Куда я пойду?

– Куда-куда, да в поместье своего отца! А твою тетку мы приструним. Это твои земли, это твой дом. Хорошего управляющего мой брат тебе подберет, ты уже совершеннолетняя, станешь выезжать... Уверяю тебя, у твоих ног будет весь Мунт. Ну, чего молчишь? Сола! Я тебя спрашиваю, отвечай, безобразница ты этакая.

– Матушка... Я... Я боюсь! Я была дома, тетушка меня ненавидит... Они уже привыкли, что Ноаре принадлежит им.

– Как привыкли, так и отвыкнут! Боишься, что они попробуют причинить тебе вред? Глупости, на моего братца, хоть он и пьяница, можно положиться. Да с твоей головки и волоска не упадет. Так что забудь о своих страхах!

– Матушка, я не тетушку боюсь...

– А кого?

– Вы не будете смеяться?

– Нет, конечно же... Говори!

– Я боюсь своих снов. Пока я здесь, все хорошо, но как только я выхожу из обители... Матушка, я всякий раз вижу, как иду по нашей обители, вернее, мне кажется, что это наша обитель. А потом я начинаю понимать, что это какое-то другое место, недоброе и мерзкое. Все и так и не так, те же самые фрески, но... Матушка, это ересь!

– Мы не вольны в своих снах, девочка, а я твоя наставница. Рассказывай дальше.

– Матушка, там... Там... Знаете нашу главную икону в храме равноапостольной? Ту. С оленем...

– Конечно же, знаю, Сола. Ты не волнуйся. Мало ли что кому приснилось...

– Это... Это мне снилось каждый раз, когда я была не в обители.

– Ну, пусть будет так, – Агриппина вздохнула, – но не думаю, чтобы это было чем-то таким уж страшным. Говори дальше. Что там случилось с фреской?

– Издали все, как и всегда... Святая с оленем попирает Проклятого, а там... Лицо то же, но это не святая равноапостольная Циала, матушка, а блудница. А у оленя клыки, как у волка, и нет глаз, вместо них что-то такое белое, как туман... нет, как пар, когда грязное белье стирают. А под ногами у них не Проклятый, а святой Эрасти! И они начинают оживать, словно бы вырастать из стены, и я понимаю, что сейчас они меня схватят. Я поворачиваюсь и бегу, бегу, бегу и чувствую, что за мной гонятся, а я бегу, бегу... Матушка, я не могу об этом рассказывать.

– Нет, девочка, – Агриппина обняла Солу за плечи, – ты должна рассказать мне все до конца, а потом мы с тобой подумаем, что делать дальше. Говори, я слушаю.

– Я бегу, бегу...

– Я уже поняла, что ты бежишь. Дальше.

– И вдруг впереди свет, и я слышу голос и знаю, что это святой Эрасти. Он меня зовет к себе, я вижу дверь, на которой изображен божий Лебедь, дверь открывается, там сад... Таких садов не может быть на самом деле. Это рай, наверное...

– Очень может быть. Дальше.

– Те, сзади, уже совсем близко, я бросаюсь вперед, из сада мне навстречу идет святой Эрасти, я его вижу. И вдруг! Вдруг все исчезает, и передо мной Проклятый! А сзади те двое... Они меня гонят к нему, а он смотрит на меня и говорит, что я сама его выбрала и что теперь я его...

– И ты это видела каждый день?

– Да.

– А когда ты в обители, ничего такого не происходит?

– Нет... Но...

– Что за «но», девочка. Я должна знать все! – Я видела святую Циалу. Настоящую.

- Один раз?
- Да, в первый день, как вернулась. И она мне сказала, что, пока я с ней, Проклятый меня не получит.
- Что ж, – Агриппина выглядела искренне расстроенной, – беру все свои слова назад. Тебе действительно лучше остаться здесь. И, наверное, кое-что узнать. Я сама буду с тобой заниматься. Жизнь длинна и непредсказуема. Может быть, тебе придется покинуть обитель, и кто знает, послужит ли покрывало⁵⁵ вне стен монастыря достаточной защитой. Поэтому ты должна овладеть магией святой Цялы и узнать все, что известно, о Проклятом, его слугах, адептах Темной Звезды, Рене-Сгинувшем и других... Об этом мало кто знает, даже в стенах ордена, но ты имеешь на это право. Хотя жаль...
- Вы о чем, матушка? Чего жаль?
- Тебя жаль, дурочка ты моя... Но после того, что ты рассказала, я не имею права тебя отпускать. Я сама приму твой обет.
- Спасибо, матушка...
- Ох, дорогая... Лучше бы ты меня благодарила за что-то другое.

Эстель Оскора

После отвратительного «веретена» и мертвой серой пыли великолепие цветущей сирени! Только что прошел дождь, и на сердцевидных листьях блестели и переливались капли воды. Я шла по узкой дорожке, извивающейся между цветущими кустами, с любопытством разглядывая прихотливые горбатые мостики, притаившиеся среди зелени статуи, потаенные беседки... Это был сад для двоих, сад, созданный богиней любви и искусств. Я не удивлялась, что Эрасти привел сюда Цялу, поражало другое: то, что она ушла, оставив все это и своего возлюбленного, хотя сад Адены в чем-то свидетельствовал в пользу этой дамы. Она бросила Эрасти не в пустыне или глухом лесу, а в месте, прекраснее которого не создать даже эльфам, во всяком случае, убийством в прямом смысле этого слова ее поступок не был. Другое дело, что человек в любом раю может устроить себе преисподнюю, но одержимая Рубинами красавица-тарскийка вряд ли об этом задумывалась.

Я уже довольно долго бродила среди причудливых островов и павильонов. Сад жил своей собственной жизнью. Тянулись к солнцу цветы, журчали фонтаны и ручейки, порхали бабочки, заливались птицы, и нигде не было следа Эрасти. Роман был удачливее меня, он сразу же встретил Воина... Я не знала, сколь далеко простирались владения Адены и существовал ли из них другой выход. Роман говорил, что она была прозорливее своего возлюбленного, возможно, она предусмотрела возможность исхода и не через Светозарное или Тарру. Я проходила тропинку за тропинкой, налетая то на нежашуюся на солнце тигриную семейку, то на играющих чуть ли не на глазах хищников оленят, и в который раз после моего возвращения не знала, что мне делать. Странно, но за пределами Тарры, лишенная памяти, я была умнее и проворнее, наверное, страх совершить ошибку, страх, что ничего не выйдет, делает нас уязвимее и слабее.

Впереди блеснула большая вода, то ли огромное озеро, то ли очень спокойное море. Нет, озеро, вода в нем была пресной. У причала, как и положено, стояло несколько изящных лодочек, а вдоль берега вилась тропинка. Немного поколебавшись, я решила пройти именно по ней. Должен же тут быть какой-нибудь замок или дворец! Если это место любви, значит, тут должен быть и соответствующий приют. Конечно, любить друг друга среди роз и лилий вещь, безусловно, приятная, но иногда хочется уединиться в четырех стенах, особенно ночью или в дождь, а тут наверняка бывают и ночи, и дожди, вон какие капли на листьях.

Я прошла мимо купы пиний, перешла ажурный мостик над форелевым ручьем, обошла живописные развалины – и тут наконец его увидела! Эрасти стоял на самой оконечности вдававшегося в озеро мыса и смотрел на копошившихся у берега разноцветных уток. Меня

⁵⁵ Белое покрывало – символ циалянства.

он заметил не сразу: то ли я шла очень тихо, то ли он был слишком погружен в свои мысли. Я подошла совсем близко, когда он, наконец, обернулся. На тонком нервном лице промелькнуло удивление, счастье, разочарование и, наконец, чуть ли не неприязнь.

– Кто вы и как сюда попали?

Думать мне было некогда, и я выпалила:

– Я пришла за вами. – И для пущей убедительности протянула ему оба Кольца.

Проклятый

Это была другая женщина. Светловолосая, высокая, с серыми глазами, ничем не напоминающая оставившую его возлюбленную. Она протянула ему оба Перстня, и это было концом. Циа не придет. Она ушла навсегда, а он надеялся, что она одумается. Она и раньше, случалось, злилась и убегала, а потом возвращалась, еще более страстная и пленительная. Он сам виноват, он не должен был подвергать ее такому испытанию: отдать ей Кольцо Адены и сказать, что он отказывает ей в такой малости, как корона. Но как он мог даже ради нее зачеркнуть всю свою прежнюю жизнь? Да, он виноват, но не перед Циалой, а перед Ларэном, которого подвел, хотя, возможно, еще не поздно. А может, эта женщина пришла от Ции? Может, та не смогла прийти? И он спросил, презирая самого себя: «Где Циала?» – спросил, хоть и не должен был это делать, – если знает, скажет сама, а если нет, то зачем спрашивать. Эрасти не думал ни о том, как эта женщина здесь оказалась, ни о том, что означают ее по меньшей мере странные слова. Она назвала себя, но он уловил лишь слово «Тарска». Циа родилась именно там, хотя выросла в Мунте. Женщина молчала, и Эрасти, презирая самого себя, повторил свой вопрос. Светловолосая могла ничего не знать, могла сказать, что Циа его оставила, что она сейчас с другим, но то, что он услышал, оказалось еще страшнее.

– Циала умерла, – назвавшаяся Герикой, похоже, жалела его, но лгать сочла излишним.

– Умерла? Как? Когда? Она просила вас разыскать меня... – Не она, а вы сами... Мы нашли Черное Кольцо...

В любое другое время эти слова его бы потрясли. Найти талисман Ларэна можно было, лишь если мир окажется на пороге самого страшного, но в этот миг Эрасти Церна был только мужчиной, потерявшим возлюбленную, ничего другого он просто не слышал. И светловолосая это поняла. Больше она о Кольце не говорила.

– Эрасти... – Он поднял сразу ставшие пустыми глаза. – Я понимаю, что для вас она умерла сейчас, но для внешнего мира прошло полторы тысячи лет. После того, как она... заперла вас здесь, она вернулась в Арцию и была избрана Архипастырем. Циала правила Церковью более пятидесяти лет, потом умерла и была причислена к лику святых, так же, как и вы...

Сказанное не сразу дошло до него. Полторы тысячи лет? Но ведь прошло не больше года. Циа ушла от него поздней весной, а сейчас как раз зацветает сирень... Правила и умерла? Более пятидесяти лет... Но этого не может, не должно быть... Эта женщина сумасшедшая, а возможно, это он сошел с ума, или ему снится страшный сон, хотя снов он не видит уже давно, с того самого мгновенья, когда очнулся на руках у высокого золотоволосого незнакомца, сказавшего ему, что его срок еще не настал...

Эстель Оскора

Больше всего я ненавидела свою беспомощность. Нет, речь отнюдь не шла о том, что я не могла создавать и уничтожать миры и ниспровергать богов и чудовищ, без этого вполне можно обойтись. Беспомощность – это видеть то, что ты не можешь исправить, что тебя не касается, но от чего тебе мучительно грустно. Я не могла помочь Эрасти. И никто не мог. Ни боги, ни эльфы, ни люди. Он любил Циалу, какой бы недостойной она ни была. Любил, несмотря на предательства, на очевидную лживость и жестокость. Любил и ждал. А вместо нее пришла я, отобрав последнее, что у него оставалось, – надежду и это самое ожидание. Для Эрасти прошло около года, откуда он мог знать, что снаружи время стремительно мчалось вперед, что за это время успели загореться новые звезды, что его любимая Арция

стояла на пороге гибели, а отыскать его стало вопросом жизни и смерти миллионов живых существ.

Наверное, он был великим магом, куда более сильным, чем я или Эмзар, но в этот момент он был всего лишь человеком, на которого свалилось горе. Я понимала его, потому что любила. Мне повезло, Рене не знал, что значит предательство и подлость. И мне не повезло, потому что он пожертвовал собой ради Тарры...

Раньше мне казалось, что главное – найти Эрасти, и я нашла его, но чем дольше я на него смотрела, тем пасмурнее становилось у меня на душе. Мои слова, похоже, его сломали, он превратился в какой-то комок боли и недоумения. Я была рядом, но Церна меня не видел, он вообще ничего не видел, утонув в страшном открытии. предавшая его женщина умерла полторы тысячи лет назад, и даже боги, даже те, кто рискуют играть с миром мертвых, не в состоянии ее вернуть. Время беспощадно. Если в первые мгновения, даже годы можно схватиться и со Смертью (я сама как-то вытащила с Серых Равнин человека, которому было еще рано уходить), то по прошествии стольких лет Циала для него потеряна навсегда. Он даже отомстить ей не сможет, хотя непохоже, чтоб он и раньше мог на это решиться. Эрасти был одержим этой женщиной, а она одержима своими камнями, вернее, самой собой. Потому что Рубины не могли из ничего создать зависть, властолюбие, ненависть, бессердечность. Они могли лишь усилить эти качества, ускорить превращение человека в холодное существо, видящее только свою цель и ради нее идущее по чужим жизням и сердцам...

Циала или не умела любить, или любила и потерпела в этой любви поражение, став смертельно опасной для всех, кто оказался на ее пути. Теперь ее нет, но даже память об этой женщине и та превратилась в угрозу для Тарры, она словно бы вернулась и встала у меня на пути. Потому что пока Эрасти одержим Циалой, он не вспомнит ни о Тарре, ни о Пророчестве...

2862 год от В.И.

26-й день месяца Сирены.

Морской тракт

Анастасия ехала в Эльту не без волнения. И дело было не только в том, что она впервые за несколько лет покинула Фей-Вэйю. Девушка была назначена наперсницей герцогини Тагэре, а на севере к циалианским сестрам относились, мягко говоря, настороженно. Сама же Эстела даже не считала нужным скрывать свою ненависть, но Архипастырь сказал, а конклав подтвердил. Отныне все владетельные сигноры должны иметь сестру-наперсницу, это освобождает их от необходимости исповедоваться священнику-мужчине. Бланкиссима Агриппина не говорила об этом вслух, да и зачем говорить о том, о чем все и так знают. Слишком часто духовные дочери становились близки со своими пастырями!

Это ли послужило последней каплей или что другое, но Архипастырь (а вернее, кардинал Орест) был непреклонен. И вот теперь сестра Анастасия, почти забывшая, что некогда она носила имя Соланж Ноар, ехала на север к Эстеле Тагэре.

Бланкиссима Агриппина полагала, что Анастасия, которая была всего на несколько лет младше герцогини и которая росла в отцовском замке, сможет переломить упорное недоверие герцогини к сестрам. Как оно возникло, Сола не знала. Что-то произошло между дочерью графа ре Фло и Ее Иносенсией, что-то, из-за чего Эстелу спешно отослали из обители. Было в этой тайне нечто неприятное и постыдное.

Как бы то ни было, во всем заменившая впадшую в идиотизм Виргинию бланкиссима Генриетта Анастасии скорее нравилась. Изумительно красивая, она двенадцатый год, по сути, возглавляла сестринство, так как считать все еще крепкую телом Виргинию человеком не взялся бы никто. Уж кто-кто, а Сола, помогавшая Агриппине ухаживать за Предстоятельницей, это знала. Наставнице как-то удавалось на некоторое время приводить Ее Иносенсию в божеский вид. Издали та выглядела вполне разумной, а потом ее уводили в покои, но Сола сопровождала ее туда и видела, как величественная и холодная красавица на глазах превращается в очумевшую от мяуна кошку. Вдоволь наоравшись и накатавшись по

полу, Виргиния засыпала и просыпалась тупым и равнодушным животным, озабоченным лишь естественными потребностями. Разумеется, другие сестры предполагали, что с Предстоятельницей что-то случилось, но всей правды не знал никто.

Несмотря на это, орден за последние годы преодолел вожденную ступеньку, почти сравнявшись по влиянию и с антонианцами, и с находящимися в явном упадке эрастианцами. Почти, потому что кардиналов по старинке выбирали лишь из числа мужчин, однако Генриетта в чине настоятельницы Фей-Вэйи вошла в конклав и приобрела там заметное влияние. Это требовало времени, немалых сил и постоянного пребывания в Кантиске, поэтому дела ордена все больше сосредотачивались в руках Агриппины.

На первый взгляд совершенно незаметная, Агриппина уверенно держала бразды правления. Поговаривали, что еще не известно, кто при ком: Агриппина при Генриетте или Генриетта при Агриппине. Сола эти хитросплетения пока что не касались, равно как и затянувшаяся война между ифранской Еленой и арцийкой Дианой, каждая из которых мечтала унаследовать Рубины Циалы и прикладывала немало усилий, чтобы заполучить сторонников среди владык мирских и светских.

Сестра Анастасия старалась держаться подальше от этой склоки, и не только потому, что не хотела оказаться между молотом и наковальней, но и потому, что ей, как и Агриппине, были неприятны обе соискательницы. Сола-Анастасия твердо уяснила, что она не сможет служить Творцу и святой Циале, интригуя и пробиваясь наверх. Она хотела покоя и свободы. Когда четырнадцатилетней девочкой родственники упрятали ее в монастырь, она неделю проплакала, потом смирилась. Потом в ее жизнь вошла Агриппина, и Соланж обрела, казалось, навсегда утраченные дом и тепло. Фей-Вэйя стала ее родиной, ее никто не трогал, не поучал, не распекал. Сестры относились к ней хорошо, а наставница и вовсе стала родным человеком. Так Соланж и жила, все реже вспоминая дом, рано умерших родителей, двоюродную тетку, прибравшую к рукам наследство, ее подслеповатых дочек. Родственница зря боялась, что хорошенькая кузина перейдет им дорогу, Сола не собиралась возвращаться в Ноаре.

Она не принадлежала к числу виднейших аристократок, да и способностей, на которые проверяли всех новеньких, у нее не оказалось. По прошествии трех лет она могла или принять постриг, или вернуться в мир. Девушка честно, как того требовал устав, съездила домой, убедилась, что дома у нее нет, и с радостью отправилась обратно. Агриппина выслушала ее и решила, что ей лучше задержаться в монастыре до совершеннолетия. Послушание – это еще не постриг, зато по достижении совершеннолетия она получит право сама решать свою судьбу. Бланкиссима не хотела оставлять ее в монастыре навсегда, а Соланж как-то не задумывалась о том, что будет потом. Она исправно молилась, исправно шила бисером, трудилась на кухне и в саду и обучалась целительству, а вечерами вела душевные беседы с Агриппиной. Свободное время, если оно вдруг появлялось, Анастасия предпочитала проводить в библиотеке, изучая старые трактаты и особенно стихи древних поэтов, почему-то оказавшиеся в монастырском собрании.

Через три года ее послушание закончилось, но странные сны, смысл которых был неясен и самой бланкиссима, вернули девушку в обитель. Даже Агриппина и та больше не настаивала на ее уходе. Бланкиссима собственноручно обрезала новой сестре смоляную челку. Так Соланж Ноар исчезла и появилась сестра Анастасия. Вместе со старой жизнью исчезли и тревожные сны. Спустя год Агриппина взяла девушку с собой в Кантиску, Сола с некоторым страхом ждала ночи, но кошмар обошел ее стороной. Спустя еще полгода бланкиссима отправила ее на несколько месяцев ухаживать за одинокой сигнорой, отписавшей ордену все свое немалое состояние. Соланж было строго-настрого велено немедленно возвращаться, если ночной ужас вернется. Обошлось. После этого обе уверились, что непонятный кошмар исчез навсегда. Агриппина думала, что они поторопились с постригом, а вот Анастасия не жалела ни о чем.

Годы текли, как вода, пока в первый день прошлой кварты ее не пригласила бланкиссима, объявившая, что отныне ей предстоит жить на севере. Анастасия знала, что в

Тагэре сестринство не жаловали, да и к самой Церкви относились с меньшим почтением, чем в прочих провинциях. Потомки еретиков, северяне, хоть и исполняли основные обряды, предпочитали, чтобы клирики не лезли в их дела. В этом смысле вырванное у герцога согласие, чтобы его жена, так же как и жены других владетельных сигноров, приняла наперсницу, выглядело победой.

Бланкиссима немного рассказала Анастасии про властителей Тагэре, под крышей которых ей предстоит жить. Будущая наперсница узнала, что отец герцогини, ее братья и старший племянник склоняют герцога заявить о своем праве на престол, но он пока колеблется. Север Арции не признает власти Лумэнов, и достаточно одной искры (бланкиссима это подчеркнула), чтобы заполыхала гражданская война, к которой арцийское сестринство не готово. Анастасии нужно вести себя очень осторожно, главное, чтобы жители Тагэре к ней привыкли. Она должна помогать всем, кто попросит у нее помощи, кому явно, а кому (особенно женщинам) и тайно. Про семейство Тагэре Агриппина рассказала не так уж много. Брак, задуманный отцом Эстелы как политический, обернулся любовью. Герцогиня чуть ли не каждый год радуется мужа очередным ребенком, правда, некоторые умерли в младенчестве, но Филипп, Эдмон, Марта, Жоффруа и Лаура здоровы и духом и телом. В Тагэре часто бывает брат Эстелы Рауль со своим племянником, тоже Раулем. Анастасии следует как можно больше узнавать обо всех этих людях и передавать собранные сведения в Фей-Вэйю через личных посланников Агриппины. Возможно, в будущем ей предстоят более серьезные дела, но пока она должна просто жить и смотреть по сторонам, а не в книги и не на звезды.

Бланкиссима говорила о вещах, которые Соле были не интересны и не нужны, но она их честно запоминала. Оказывается, ее отсылают из ставшей ей родной обители потому, что в Генеральных Штатах вовсю заговорили о том, что государству нужен наследник, а поскольку, кроме сына и дочери меченного кошачьей лапой временщика, в семействе Лумэнов детей не наблюдается, корона должна перейти к Шарлю Тагэре – «вдвойне Аррою». Герцог молчит, но почему? Не хочет? Выжидает? Или его нежелание – лишь хорошая мина, а на деле он при помощи тестя готовится стать сначала наследником, а потом и королем? Сола должна это понять, так как будет жить в доме Тагэре, а слуги всегда знают все, что знает подушка их сигнора.

Соланж обещала исполнить наказ наставницы, хотя и не была уверена, что справится. Она смутно вспоминала Мунт, площадь Ратуши, высокого светловолосого человека на эшафоте, вспышку света, восторженные крики. Тогда девочке было не до удивительных событий, происходивших перед ее глазами, ее отчего-то охватило чувство страха, рассеявшееся, только когда ее увели в дом Трюэлей. Молодая циаианка честно пыталась вспомнить, как выглядел герцог, но у нее не получалось.

2862 год от В.И.

1-й день месяца Агнца.

Арция. Тагэре

Весна и зима все еще тянули друг на друга снежное одеяло. Днем ясное солнце заливало Эльту и герцогский замок горячим весенним светом, по ночам зима брала свое. В результате их совместных усилий крыши, стены и балконы родового гнезда Тагэре украсили причудливые ледяные наплывы и сосульки, которые приходилось сбивать, чтобы они не свалились кому-нибудь на голову. Сосульки плакали от жалости к самим себе и вновь вырастали, нестерпимо сияя на солнце. Им склока между зимой и весной шла на пользу. Так же, как некоторым людям шла на пользу вражда Тагэре и Лумэнов.

Шарль ухмыльнулся мелькнувшему в голове сравнению – и почему только он не поэт – и, свесившись из окна почти до пояса, рубанул мечом особенно наглую сосулицу.

– Что с тобой? – Эстела с удивлением воззрилась на мужа.

– Так, – неопределенно махнул рукой Шарло, – захотелось...

– Лучше бы тебе захотелось наконец заняться делом, – улыбнулась герцогиня, но темно-синие глаза оставались серьезными.

Это был их давний спор. Эста и ее родня от седого старого Этьена до горячего, порывистого Рауля-младшего настаивала на том, чтобы Шарль наконец заявил о своих правах, но в ответ получали лишь туманные отговорки и доводы, что «не время». Эстелу это и злило и восхищало: немногие могли так спокойно и вместе с тем жестко противостоять ее грозному отцу. Но Шарло должен стать королем или, по крайней мере, отцом короля. В этом герцогиня была уверена. Это было нужно Арции, и это нужно было клану Тагэре – ре Фло. Но сейчас она поднялась к мужу не поэтому.

– Шарль.

– Да, дорогая, – рассеянно откликнулся герцог, прикидывая, как убедить магистрат забыть о нелепом суеверии и поставить наконец на Эльтовой скале сигнальный маяк.

– Шарль, зачем ты согласился принять в нашем доме эту ведьму?

– Потому что ссоры с Церковью слишком муторное занятие.

– В моем доме ноги этих тварей не будет.

– Это не только твой дом, Эста, – губы герцога плотно сжались, – это дом, на который смотрит вся Арция, и не только Арция. Нам не нужны обвинения в ереси. А если благочестивая сестра будет смотреть не только на небо, но и в замочные скважины, что ж... Пусть смотрит. Она увидит только то, что ей покажут.

– Ты хочешь ее использовать? Но ведь циалянки балуются магией.

– Балуются, – не стал спорить Шарло, – но в доме есть Кристалл, так что незамеченной эта магия не останется. Зато мы получим полное право прогнать навязанную нам ханжу. Впрочем, сестрицы не дуры, не станут колдовать там, где их схватят за руку. Вот в обитель их я бы точно ни за какие сокровища не сунулся.

– Хорошо, – вздохнула Эстела, – только не заставляй меня облизывать эту капустницу.

– И не подумаю, – тряхнул золотой гривой герцог, – ты у меня умница, делай как хочешь.

После такого аргумента Эстеле оставалось лишь сменить тему. Впрочем, доводы Шарля ее почти убедили. Удастся использовать циалянку для того, чтобы водить Фей-Вэйю за нос, – прекрасно, попадется она на колдовстве – еще лучше. И герцогиня вернулась к бесконечному спору.

– Бедняга Пьер, похоже, до сих пор жену с хомьяками путает. Неужели тебе не противно видеть на троне Арции такое... такое...

– Такое что, Эста? – Серые глаза Тагэре лукаво блеснули.

– Неужели ты не видишь, что Пьер не король?! А эта его Агнеса... Она погубит Арцию, Шарло. Мы не должны этого допустить.

– Ну, пока еще до гибели далеко, – герцог больше не улыбался, – по крайней мере хочется так думать... Эста, я не хочу, чтобы арцийцы убивали арцийцев только потому, что одним больше нравится ходить в красном, а другим в синем.

– Ты дождешься. Убивать все равно начнут, и начнут с тебя и с наших детей...

2862 год от В.И.

1-й день месяца Агнца.

Арция. Мунт

Жан Фарбье готовился к этому разговору долго. Когда стало ясно, что Пьер никогда не станет мужем собственной жены, а значит, и отцом наследника, кузен короля понял, что нужно действовать. Впрочем, он с самого начала предполагал, чем кончится, но не сделать хорошую мину при плохой игре было нельзя.

Принц Гаэльзский⁵⁶ должен родиться, иначе и Генеральные Штаты, и совет нобилей заставят Тагэре принять титул наследника, и все они окажутся заложниками слабоумного короля. Случись что с Пьером, и Лумэнам конец. Даже если Тагэре не станет мстить за то,

⁵⁶ Титул наследника престола.

что с ним чуть было не сделали, за него это сделают другие. А Пьер не так уж и здоров. Не говоря о том, что Диана не простила, а затем... быть отцом наследника и фаворитом вдовствующей королевы не так уж и плохо.

Короны ему все равно не видать даже в качестве принца-консорта. На троне Волингов не может сидеть бастард и даже потомок бастарда, на этом Арция стоит и стояла. Но ведь не обязательно пробивать стену лбом, если ее можно обойти. Пьер не может иметь детей, похоже, он вообще не понимает, откуда они берутся и чем женщины отличаются от мужчин, кроме юбок и длинных волос. Но жена у него есть, и жена совершенно законная, значит, ее сын не будет считаться бастардом. Вот и все. Нужно только уговорить ифранку, на которую он поглядывает с якобы нежностью уже три года, хотя она совершенно не в его вкусе. Слишком низкий голос, слишком резкие черты лица, да еще эти темные волоски на лице, и, видимо, не только... Но любовью можно заниматься и в темноте, а дело того стоит.

Жан еще раз оглядел свое отражение. Для его лет более чем достойно. И куртка эта ему идет... Неужели Агнеса еще девица? Здесь у нее любовников нет, он знает точно. Но с чего же ему начать? С необходимости иметь наследника, с рассказов о Тагэре или же с объяснений в любви? Проклятый, эта южная девка какая-то непонятная, не знаешь, где найдешь, где потеряешь. А может, мужчины ей с ее-то басом нужны так же, как Пьеру женщины? Хотя на девочек она вроде тоже не заглядывается. И все равно начать лучше с Тагэре, даже не с Тагэре, а с врагов, угнездившихся здесь, в Мунте, с тех, которые спят и видят на троне это северное отродье... Имя Мальвани для ифранской аристократки, что лиса для курицы, потом, Диана... Эта никогда не простит, любой союз с Жозефом для нее сговор с Еленой. Епископ Илларион – тот никогда и никому не поможет. Не человек, а оружие, направленное против колдунов и еретиков. Ему дела нет ни до политики, ни до войны, пока в ход не пущена запретная магия, можно подумать, что кто-то посмеет это сделать на глазах у эдакого пса! Ну а про Евгения и говорить не приходится. Фарбье давно устал ждать, когда дышащий на ладан кардинал отправится наконец к святому Эрасти. А вредный Евгений, похоже, собрался пережить всех и помазать на царство своего любимчика или его сына. Ему шестьдесят четыре, а кашель, который, по расчетам медиков, должен был давно свести кардинала в могилу, только делает его злее. Еще немного, и Его Высокопреосвященство во весь голос заявит о том, что Агнеса не жена Пьеру, а Пьер недееспособен...

Если ифранка не законченная дура, а дочь Эркюля вряд ли может быть таковой, она поймет: то, что он ей предложит, – единственный выход.

2862 год от В.И.

1-й день месяца Агнца.

Тагэре. Эльта

В Тагэре еще лежал снег, и Сола с благодарностью вспоминала бланкиссиму, подарившую ей подбитый мехом плащ. Вообще Агриппина позаботилась обо всем, вплоть до того, что монастырские швеи сшили для наперсницы герцогини Тагэре новую одежду из самой лучшей материи, разрешенной уставом. В ответ на недоумение Анастасии бланкиссима с тонкой улыбкой заметила, что обитатели Тагэре далеки от идеала и что их оскорбит, если наперсница их герцогини будет выглядеть уродливой нищенкой. Анастасия обещала не ронять достоинства ордена, и теперь несколько выносливых мулов везли с собой сундуки с одеждой, постелью, небольшой разборный иконостас тонкой работы и множество книг и снадобий, которые могли пригодиться для врачевания чужих душ и тел.

Сопровождающий наперсницу эскорт рыцарей Оленя также выглядел весьма внушительно. Впервые оказавшись в мужском обществе (Агриппина не позволила взять с собой даже послушницу), Анастасия чувствовала себя неуютно, хотя рыцари обращались с ней с подчеркнутым уважением, а во взгляде некоторых из них мелькало что-то еще, притягательное и отталкивающее одновременно. Особенно рьяно служил сестре сигнор Мулан, высокий красивый юноша, только-только надевший серебряную цепь с Оленем. Его назойливая услужливость даже немного пугала, и девушка предпочитала общество рыцарей

постарше, вроде старого вояки Валентина Рузо, развлекавшего ее историями о поездках в Авиру и Гер-Эрасти. Как бы то ни было, путешествие было скорее приятным, и к концу его Анастасия вполне освоилась и с красивой серой лошадкой, и с одежаниями из мягчайшей белой шерсти.

В Эльту они въехали после полудня. Сильный морской ветер полоскал развешанное белье, рвал в клочья дымы из множества труб, и Анастасия поплотнее завернулась в свой белый плащ.

– Вы замерзли, сестра? – озабоченно спросил Валентин.

– Нет, – улыбнулась Анастасия, – тем более, мы у цели.

– Не совсем еще, – уточнил рыцарь Оленя, – замок Тагэре расположен в нескольких весах от города.

– Несколько вес я выдержу, – заверила спутника Анастасия, чувствуя невольное волнение. Как ее встретят люди, с которыми ей отныне жить? Местные жители смотрели на них настороженно, а то и со злобой... – Похоже, нам не слишком-то рады, сигнор Рузо.

– Северяне, – вздохнул Белый рыцарь, – хоть Идакону Творец и утопил, ересь всплыла. Говорят, местные до сих пор клянутся своими демонами. Вам не позавидуешь, более глухого места не найти, да еще герцогиня готова всех нас передушить.

– Вы это точно знаете? Откуда?

– Знаю, – буркнул ветеран, – осиное гнездо эта Эльта, Святой поход бы против них объявить, да не до этого сейчас, атэвы вовсе обнаглели... Правду скажу, сестра, боязно мне вас здесь оставлять, как бы беды не было.

Соле тоже было боязно, но она храбро улыбнулась.

– Ничего страшного, ведь бланкиссима считает, что я справлюсь.

– Конечно, – торопливо сказал старый рыцарь, но убежденности в его тоне не чувствовалось.

2862 год от В.И.

1-й день месяца Агнца.

Тагэре

Шарль Тагэре возвращался из Ланже довольным: в замке, предназначенном в подарок старшему сыну в день десятилетия, все было в порядке. Собственно говоря, можно было бы поездку и отложить, но ему захотелось проветриться, насладившись сначала мерным конским бегом, ветром, пахнущим морем и соснами, видом скал и неба, а потом возвращением домой. После поездки на исходе зимы огонь в очаге кажется особенно ярким, а подогретое вино согревает не только тело, но и душу.

Когда из-за поворота дороги показались башни замка, серый в яблоках иноходец самовольно ускорил шаг, и Шарль не стал его сдерживать. Он любил уходить из дома и любил возвращаться. Оруженосец и два десятка воинов, следовавших за сигнором, тоже прищипорили лошадей. Жеребец капитана стражи весело заржал, и какой-то конь впереди ему ответил.

– Кажется, у нас гости, Луи, – герцог улыбнулся юному оруженосцу, – кто бы это мог быть?

– Может быть, сигнор Рауль? – предположил юноша, обожавший старшего племянника Шарля.

– Не похоже, он никогда не сел бы на лошадь, способную его выдать. Может быть, гонец?

Но это был не гонец. У замкового рва топталась группа из пары десятков всадников. Света еще хватало, и Тагэре понял, что это рыцари Оленя. Надо полагать, прибыла наперсница его супруги. Что ж, теперь придется жить со шпионкой в собственном доле. Мерзость-то какая! Однако открыто пойти против Ореста герцог не рискнул, хотя северяне бы его поняли. Он согласился принять у себя в доме циалянку, хотя до сих пор не мог забыть ужас, пережитый в мунтской тюрьме. Будь в Арции все в порядке, Тагэре и близко бы

не подпустил к собственному дому эту нечисть, но на троне сидел слабоумный король, а Эстела и ее родня спали и видели, чтобы он поднял знамя с белыми нарциссами. Это означало войну, а брать грех на душу Шарло не хотел. Отважный, когда дело касалось лично его, герцог не считал себя вправе сталкивать арцийцев с арциями. Он готов к бою, но никогда не нападет первым! Во имя мира Тагэре был готов вытерпеть многое, в том числе и новоявленную наперсницу.

Если он выставит навязанную «сестру» из Тагэре, и север и юг воспримут это как объявление войны, а он пока не уверен, что война нужна. У них одна страна, один язык, одна вера, в конце концов! Хотя лично он, Шарль Тагэре, и не в восторге от Церкви нашей Единой и Единственной и тем более антонианцев и циалианок. Но если уж вынимать меч, то для защиты, а не для нападения. Пусть начинают Лумэны, но как же не хочется принимать в собственном доме ханжу, да еще умеющую колдовать!

Правду сказать, герцог просто боялся, боялся вновь пережить тот ужас, который свалился на него двенадцать лет назад. Если бы не взявшаяся невесть откуда ведьма, его давно бы уморили в каком-нибудь дюзе, а до этого он бы прилюдно каялся в несуществующих грехах и рвал на себе волосы. Шарль дорого бы дал за то, чтобы рядом с ним оказалась Геро, но женщина-кошка с тех самых пор не давала о себе знать и вряд ли будет столь любезна, чтобы объявиться именно сегодня. Вздохнув, герцог изобразил на лице нечто, отдаленно напоминающее любезную улыбку, и подъехал к циалианцам.

– Судьбе было угодно, чтобы я встретил вас еще за пределами замка. Надеюсь, дорога была легкой?

– Благодарю вас, монсигнор Тагэре. – Женщина в белом, откинув капюшон плаща, серьезно и немного испуганно посмотрела на герцога, и он утонул в огромных синих глазах.

А Сола-Анастасия, как ни силилась, не могла отвести взгляд от хозяина замка. Сердце билось в груди, как бьется о стекло залетевшая в комнату бабочка, а вот пошевелить языком девушка была не в силах. К счастью, властитель Тагэре не ждал от нее ответа. Герцог спешился и, как того требовали приличия, взял лошадку знатной гостии под уздцы, чтобы провести ее по опущенному наконец мосту. Анастасия видела широкие плечи герцога, выбивающиеся из-под берета светлые волосы, точеный профиль. Казалось бы, ничего не произошло, но жизнь Соланж Ноар, во иночестве Анастасии, разделилась на две части: ту, которая была до этой встречи, и новую, страшную и стремительную.

2862 год от В.И.

Вечер 15-го дня месяца Медведя.

Арция. Мунт

Красотка Пепита уже не первый раз поглядывала на седого нобиля, сидевшего в углу таверны. Он пил, не закусывая, и, похоже, не пьянел. Деньги у него водились. Пепита сама видела, как он бросил хозяину «Щедрого нобиля» полновесный аур и не взял сдачи, но, даже не будь у седого денег, Пепита с удовольствием бы разделила его одиночество. Иногда можно и для себя пожить, не все деньги зарабатывать. Девушка взъерошила и без того буйные кудри и подсела к приглянувшемуся ей гостю.

– Монсигнор скучает?

– Скучаю? – Седой поднял глаза, голубые и невероятно огромные. – Нет, красавица, я не скучаю.

– Ну, вот, – надула губки Пепита, – а я думала, сигнор угостит девушку вином.

– Почему нет? – Гость, слегка усмехнувшись, махнул рукой трактирщику, подлетевшему с быстротой молнии.

– Монсигнор...

– Найдите красавице столик поудобнее и принесите ей все, что она захочет, – седой бросил на стол еще один аур, да не нынешний, а полновесный, старинный, – для начала вина и от меня букет роз, что ли....

Окрыленный трактирщик (еще бы, недельная выручка за вечер!) умчался исполнять

заказ, а Пепита привычно блеснула зубами и вдруг почувствовала, что вот-вот расплчется.

Незнакомец вновь поднял на нее чудные глаза:

– Спасибо тебе, красавица, но я останусь один. Так надо, а ты живи и радуйся... И возьми вот на память.

Упавшее на стол жемчужное ожерелье подошло бы и королеве, но Пепиту оно отчего-то не обрадовало. Она только молча покачала кудрявой головой.

– Бери, – повторил седой, вкладывая жемчуг в руку девушки.

Жар, исходивший из его ладоней, буквально прожег ее насквозь, она сжала зубы, а потом выпалила:

– Может, потом? Я подождать могу. Сколько нужно...

– Столько не живут, не только не ждут. – Голубые глаза были серьезными и спокойными. – Уходи, прошу тебя.

Пепита ушла. Столик был готов, но она не захотела остаться, только взяла охапку роз, которую притащил спешно отряженный за цветами поваренок. Седой проводил девушку взглядом и снова уткнулся в свой кувшин. Люди входили и выходили. Несколько раз подходил хозяин, спрашивая, не нужно ли чего монсигнору, и, клянясь, уходил, получив за труды еще монету. Кувшин сменили два раза, но незнакомец и не думал пьянеть, взгляд удивительных глаз оставался все таким же ясным и отрешенным. Около полуночи дверь открылась, пропуская человека средних лет в одежде странствующего менестреля. Прищурясь, вошедший оглядел полутемный зал и решительно направился в угол. Хозяин насторожился, полагая, что седой спровадит певца точно так же, как до этого Пепиту, но они вроде бы поладили, во всяком случае гость потребовал еще вина, мяса и второй кубок. Нечего и говорить, что все появилось тотчас же. За таких гостей мэтр Тома готов был душу Проклятому заложить.

2862 год от В.И.

Вечер 15-го дня месяца Медведя.

Арция. Мунт

Агнеса волновалась. Очень волновалась. Еще бы, сегодня она станет женщиной. На четвертый год замужества, сказать бы кому, не поверят, но это так... Отец и мать держали ее в ежовых рукавицах, да, правду сказать, ее благосклонности никто особенно и не добивался. Брак с ней еще мог устроить некоторых нобилей, желающих породниться с королевской фамилией, но о любви, тем паче запретной, и речи не было. Ей, впрочем, никто тоже особенно не нравился. Она куда чаще думала о троне, чем о поцелуях украдкой в розовом саду, потому-то, когда ей объявили о том, что ее руки просит король Арции, она не раздумывала. Про Пьера Агнеса знала только то, что он старше ее, но ненамного. Последнее радовало, иметь в мужьях старика Агнесе не хотелось, равно как и бедного родственника, польстившегося на ее положение, тем паче приданое у нее было не ахти какое. Однако, как выяснилось, возраст – это еще не самый большой недостаток, который может быть у мужчины. Ее, с позволения сказать, муж оказался полнейшим чучелом, над которым открыто смеялись на улицах и тайно во дворце, который жил своей жизнью.

Ифранка ничего не понимала в арцийских делах, ей все казалось чужим, непонятным и неприятным. Женщины были слишком красивы и роскошно одеты, кавалеры говорили малопонятно, читали дамам вирши, состоявшие из сплошных намеков, и все это блестящее и шумное сборище молодую королеву словно бы не замечало. А она была слишком гордой и неловкой, чтобы в него войти и занять причитающееся ей место. На приемах и балах она получала положенные по этикету знаки внимания, но и там все портил противный Пьер, которого приходилось держать за руку и одергивать, когда он принимался распахивать по карманам сласти. Агнеса проверяла, не сунул ли он за пазуху одного из своих отвратительных крысят, следила за тем, чтоб он не переел и не сказал чего-нибудь особенно глупого. Она прекрасно танцевала, но Пьер не мог сделать в танце ни одного па, а пригласить королеву мог только король или придворный, который догадался бы спросить у

него разрешения. Но разрешения никто не спрашивал.

Конечно, ве́ди Жозеф себя иначе, было бы другим и отношение к его племяннице. Но, увы... Ифрана не только не дала за ней ни гроша, но и не пошла ни на какие уступки, стычки на границе продолжались. Она была не вестницей мира и даже не заложницей (родственнички пожертвовали бы ею и не чихнули), а бесплатным приложением к слабоумному королю. За три года Агнеса успела возненавидеть и Арцию, и Пьера, и всех своих новых знакомых. От вспышек гнева ее удерживала лишь шаткость собственного положения. Брак фактически так и не состоялся и мог быть расторгнут в любое мгновение, а возвращаться к отцу опозоренной было еще хуже, чем прозябать в Мунте.

Правда, был человек, который к ней относился с постоянной ласковой почтительностью. Именно он рассказывал о том, что творится в стране, пытался повлиять на Пьера и сделать их брак чем-то большим, чем сон в одной постели. Это было мучительно, потому что у короля была отвратительная привычка вставать ночами, есть и пить в кровати, от чего там оставались крошки, таскать с собой своих крысят и говорить совершенно отвратительные вещи, вроде того, что у нее такие же усы, как у его распрекрасных хомяков, и что у нее самые большие ноги при дворе.

У Агнесы совсем уж было опустились руки, когда Жан Фарбье решился на серьезный разговор с ней. Граф был круглым дураком, выжидая три года и пытаясь свести ее с муженьком. Оказывается, из ее положения есть выход. Очень простой. Стать матерью наследника. И это будет настоящий наследник, так как в жилах Фарбье течет кровь Арроев, а то, что его герб раньше был отмечен кошачьей лапой, то это не волнует никого, кроме герольдистов. Агнеса согласилась сразу же. Ее не устраивало, чтобы все досталось каким-то Тагэре, заклятым врагам Ифраны, которые даже не сочли нужным приехать в Мунт, дабы поцеловать руку новой королеве. И потом, за три года безысходности она заслужила право на настоящую жизнь! Фарбье недурен собой, он держит Арцию в руках, для своего сына он, разумеется, сделает все. А ей можно не бояться быть пойманной на измене королю, что в лучшем случае закончилось бы разводом, а в худшем – публичным позором и пожизненной ссылкой в отдаленный дюз. Если б не это, Агнеса постаралась бы разнообразить свою жизнь и раньше, но ее отношения с Пьером были слишком очевидными, чтобы можно было спрятать концы в воду. Другое дело, когда ее союзником становится всемогущий Фарбье. К тому же, похоже, она ему нравится.

Королева придирчиво оглядела свое отражение. Конечно, будь это в ее власти, она бы сделала нос поменьше, а губы попухлее, но волосы и глаза очень даже неплохи. Смугловата? Не беда! Платье цвета спелого абрикоса это скроет. И потом, можно задернуть портьеры и зажечь свечи, при их свете все становятся красивее. Жан не будет настаивать на ярком освещении, иначе ему придется признать, что он носит парик, а мужчине легче признаться в пяти убийствах, чем в одной лысине. Королева защелкнула на шее ожерелье из крупных гранатов, подмигнула своему отражению и, набросив на плечи атэвскую шаль цвета слоновой кости, вышла из комнаты.

2862 год от В.И.

Вечер 15-го дня месяца Медведя.

Арция. Мунт

– Ты сошел с ума, – пожилой менестрель залпом осушил кубок лучшего вина мэтра Тома и налил себе еще, – что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты, полагаю, – сверкнул глазами седой, – не думаю, что меня здесь кто-то вспомнит, разве что ты... А вот тебя точно не признать.

– Так выглядел мой учитель... Давненько это было.

– «Давнее видится как наяву, а «сегодня» нам кажется сном» – так, кажется, писал... как же его звали...

– Ты помнишь?

– Я помню Проклятый знает что! Никак не могу понять, почему одно остается в голове,

а другое куда-то уходит. Ну, будь здоров и по возможности счастлив.

– Обязательно буду, а тебе разве...

– Я могу пить, друг. Я много чего могу... Да не бойся ты за меня, я должен дожждаться, и я дождусь. На это меня хватит.

– И все равно не стоит!

– Стоит, эмиго, – седой засмеялся, откинув рукой со лба белую прядь, – ой как стоит. Ты это знаешь не хуже меня. Есть дела, которые за нас никто не сделает. Тут даже ты мне не помощник, хоть я и чертовски рад тебя видеть не на этой дурацкой скале. Как ты меня отыскал?

– Ну, отыскать тебя не проблема, по крайней мере для меня... Я понял, что ты в Мунте, а дальше... Видел, как собака идет верхним чутьем? Так и я. А лошади этой твоей голову мало отвернуть.

– Оставь животное в покое, он не хотел, я его уговорил.

– Ты кого хочешь уговоришь. И все же, что ты затеял?

– Да так, нужно кое-кого разбудить. Время пришло, Проклятый бы побрал эту старуху, накаркала!

– Я с тобой? – Нет. Это только мое... У тебя и своих дел хватает. Ты был там?

– Да. Все тихо, разве что трава начала расти. Степь, она быстро раны затягивает. Но они не выходили.

– Могу тебя успокоить, тишины этой надолго не хватит. Начнется с чего-то простенького, а потом понесется. Да чего я тебе это говорю, можно подумать, сам не знаешь. Меня, наверное, теперь долго не будет, так что ты о них не забывай...

– Куда я денусь? А тебя с твоими выходками убить мало, неужели не мог дожждаться меня, сам полез! Я же не слепой, вижу, во что тебе это обходится.

– Меня убить действительно мало, – голубые глаза сверкнули как-то особенно ярко, – или, наоборот, много. Ладно, раз уж ты тут и с гитарой, спел бы, что ли...

– Народ же сползется.

– Ну и бес с ними, ты бард, вот и пой. А я плачú, все как положено...

– Как прикажете, монсигнор. – Менестрель пожал плечами и, расчехлив старенькую гитару, провел руками по струнам. – Что спеть-то?

– Что хочешь, только чтоб выть не хотелось.

– Тяжелый случай, – усмехнулся бард. – Может, про море...

– Да пой, о чем поется, – седой положил руку на плечо приятелю. – Даже если и взвою, ну и что? Лишнее доказательство, что живой.

Певец еще раз кивнул, задумчиво перебирая струны. Ни он, ни седой не обращали внимания на подтянувшихся поближе посетителей трактира, предвкушавших дополнительное развлечение. Менестрель прижал струны, заставив их замолкнуть, мгновение помолчал, а потом решительно взял первый аккорд.

2862 год от В.И.

28-й день месяца Иноходца.

Тагэре. Эльта

Анастасия погасила свечи и легла лицом к стене, стараясь не слышать доносившегося через окно шума. Что за нелепый обычай – выставлять с уходом зимы рамы! Девушка натянула на голову одеяло, в глубине души понимая, что дело не в открытых окнах и не в том, что она в обители привыкла к ночной тишине. Причиной ее бессонницы был отнюдь не пир в честь десятилетия старшего сына герцога, а в самом герцоге, занимавшем все мысли циалианки. Она не могла с собой ничего поделаться, ни молитвы, ни самоуговоры не действовали. Конечно, можно было пустить в ход магию, сестер учили отвращающим заклинаниям, но для этого нужно вернуться в обитель и покаяться в своем грехе, а вот этого-то она делать и не хотела. Анастасия лежала с открытыми глазами и вновь и вновь вспоминала каждую свою встречу с герцогом, начиная с самой первой.

Шарль был с нею всегда вежлив, хоть и имел обыкновение подсмеиваться над некоторыми циаалианскими обрядами. Впрочем, Тагэре подсмеивался над всеми, включая самого себя. Герцогиню это явно раздражало, но бурные ссоры и примирения супругов, видимо, придавали их отношениям особую остроту.

Анастасия находила какое-то странное удовольствие, узнавая из самых разных источников подробности личной жизни властителей Тагэре. Чему-чему, а доверительной беседе с людьми ее обучили как следует. Она знала, как дать толчок, как свернуть разговор в нужное ей русло, а потом сделать вид, что сказанное ей совершенно неинтересно и слушает она только из вежливости и чувства долга. Однако сейчас она была во власти горькой злости, которая навалилась на нее после разговора с бывшей кормилицей наследника, а нынче нянькой младших детей герцога. Мария была женщиной добродушной и болтливой, но при этом отличалась наблюдательностью. Сегодня она с радостью сообщила наперснице госпожи, что скоро в детской появится новая кровать. По всему выходило, что ребенок появится в месяце Зеркала, и это ранило Анастасию особенно больно. Получалось, что еще нерожденное дитя зачали чуть ли не в день ее приезда!

Девушка и сама бы не взялась объяснить, почему это обстоятельство было для нее столь мучительно. В конце концов, бланкиссима ей говорила, что Эстела и Шарль любящие супруги. Герцогиня со своими каштановыми кудрями и темно-синими глазами все еще хороша. Конечно, девичьей ее фигуру теперь не назовешь, но это, видимо, мужчин только распаляет. Анастасия мысленно поставила себя рядом с Эстелой, впервые в жизни сравнивая себя с другой женщиной. На ярком свету она выглядит лучше, но в освещенном факелами пиршественном зале ей в ее белых одеждах и особенно в проклятом покрывале с разряженной в бархат герцогиней не тягаться... Уж не поэтому ли она ушла, а вовсе не оттого, что святая Циала не одобряла шумных хмельных сборищ? Эх, нужно было еще днем запарить корень мяуна⁵⁷, ведь могла бы догадаться...

Шум внизу постепенно затихал, видимо, гости расходились, а Анастасия все еще лежала, устремив глаза в невидимый потолок, и думала о том, о чем ей думать совершенно не полагалось. Именно поэтому она не обратила никакого внимания на шорох у окна и, только когда шум раздался у самой кровати, сделала неудачную попытку закричать; однако рот зажала сильная рука, а голос, который она узнала бы из тысячи, прошептал:

– Дорогая сестра, мне нужно с вами поговорить, я не сделаю вам ничего плохого, но не поднимайте шума.

Она издала какое-то сдавленное мяуканье, которое можно было расценить как согласие. Тагэре так и расценил.

– Извините за позднее вторжение, – в его голосе чувствовалась привычная ирония, – но вы, вероятно, заперли дверь изнутри, а я не хотел, чтобы кто-то заметил, как я ночью ломлюсь к наперснице своей жены. Так что пришлось воспользоваться окном.

– Вы в своем замке, монсигнор, к тому же я уверена, что под крышей Тагэре мне ничего не грозит, – холодно произнесла Анастасия, но вся ее кровь бросилась в лицо. Если бы в комнате было светло, герцог бы это непременно заметил, но благословенная темнота скрыла ее замешательство. Интересно, о чем собрался тайно говорить властитель Тагэре с циаалианской сестрой? Наверняка в дело замешана политика. И девушка мысленно немедленно предала и бланкиссиму, и свой обет. Она в меру своих сил поможет герцогу и, уж конечно, никому его не выдаст. Может быть, с этой тайны, с этого ночного разговора начнется их если не дружба, то хотя бы общение наедине.

– Так-таки и ничего? – Голос Шарля звучал весело, но в нем чувствовалось некоторое напряжение. – Не скажу, что мне так уж лестно слышать такое о своей скромной персоне. Но в таком случае, почему вы меня избегаете? Почему ушли сегодня с пира? Уверю вас, он не

⁵⁷ Мяун – трава, отвар или настойка корня которой обладает успокоительным и легким снотворным действием, а также помогает при болезнях сердца. Видимо, растение получило свое название из-за того, что, успокаивая людей, оказывает сильнейшее возбуждающее влияние на кошек.

мог превратиться в разнузданную оргию, так как на нем были не только мои воины, но и моя жена со своими дамами. Все было не менее пристойно, чем у вас, ведь, если мне не изменяет память, циапианки по праздникам трапезничают вместе со своими рыцарями.

– Это так, – подтвердила Анастасия, – но я никогда не любила подобных забав.

– Потому что вы ненавидите мужчин, – поинтересовался герцог, – или же потому что слишком их любите?

– Потому что, – начала Анастасия и замолкла, поняв, что любой ответ на этот вопрос будет глупым.

– Так почему? – повторил герцог. – Жаль, мы сидим в темноте и я не могу видеть выражения вашего лица, оно наверняка прелестно. В довершение всего вы молчите. Что ж, если нельзя пустить в ход зрение и слух, придется пустить в ход то чувство, которому темнота не помеха.

Соланж хотела что-то ответить, но не успела, почувствовав на своих губах губы Шарля Тагэре. Он был немного пьян, но отвращения и страха это не вызывало. Девушка сама не понимала, что с ней творится, но ни вырываться, ни кричать ей и в голову не пришло. В каком-то странном оцепенении она позволяла герцогу ласкать себя, не отвечая ему, но и не сопротивляясь. Он что-то ей говорил, Сола пыталась понять, однако новизна ощущений и какой-то непонятный ужас, захвативший ее с головой, превратил ее в безвольную куклу.

Она не пыталась протестовать даже тогда, когда он со смешком толкнул ее на постель и, отбросив в сторону спасительное одеяло, улегся рядом, как был – в бархатном костюме и сапогах.

– Это уже становится интересным, сгнор, – хриловатый шепот над самым ухом сводил с ума, – вы умеете говорить, я это знаю... наверное, вы не хотите оскорблять свою святую словом? А как насчет действия? – Герцог с силой прижал ее к себе, а потом внезапно отпустил и встал. Она дрожала, ничего не понимая, а потом все же повернула голову на шорох. Даже в темноте было件нятно, что Шарль торопливо раздевается. Анастасия не столько видела, сколько угадывала его быстрые движения. Затем он снова бросился на кровать, бесцеремонно притянув ее к себе.

– Вы предпочитаете, чтобы вас раздевали, не так ли? Я к вашим услугам. – Сдернуть с нее простенькую рубашку труда не составляло, сердце Сола бешено стучало, она дрожала, но так и не смогла разлепить губ. Мысли лихорадочно сменяли друг друга, с ней что-то делали, и она не могла ничего понять, а потом пришла боль, и она не выдержала и слабо вскрикнула, но ее, похоже, не слышали. Наконец все закончилось, и герцог ее отпустил. Она дрожала от холода, боли и возбуждения, но не решалась перегнуться через него и поднять сброшенное на пол одеяло. Она чувствовала себя грязной и удивительно несчастной. В носу защипало, и Сола с силой закусилa губу, пытаясь не расплакаться.

О человеке, занимавшем последний месяц все ее мысли, она словно бы и забыла и пришла в себя, только когда герцог с силой сжал ее плечо.

– Проклятый! – В голосе слышались одновременно бешенство и удивление. – Почему ты мне не сказала?

– Ч-ч-что? – выдавила из себя Анастасия.

– Что ты девственница.

– Сгнор не спрашивал.

– Но ты ведь... Или мне показалось? – Он был явно растерян. – Ты ведь ничего не имела против...

– Я ничего не поняла, – прошептала девушка, – я... так вышло...

Он тихонько провел ладонью по ее лицу:

– Плачешь? Конечно, плачешь...

– Холодно, – не к месту сказала Сола.

– Какой же я дурак. – Шарль наконец поднял одеяло, а потом привлек ее к себе, но на этот раз совсем иначе, осторожно и ласково. – Меня убить мало за то, что я натворил. Я ведь был уверен, что у тебя была куча любовников-рыцарей... Меня просто бесило твое

ханжество, а оказывается, ты и вправду была боговой невестой... Сделанного не исправишь, но что я должен сделать, чтоб хоть как-то искупить? Что?

Анастасия всхлипнула и прошептала:

– Стань моим богом!

2862 год от В.И.

Вечер 29-го дня месяца Медведя.

Северная Тагэре

Проехать здесь было нельзя, слишком низко свисали ветви, слишком густо переплелись стелющиеся понизу побеги ежевики и ядовитых ползунов, не позволяя всадникам покидать немногочисленные тропы. Даже пешеход в высоких, по бедра, воловьих сапогах и тот проклял бы все на свете, пробираясь через Живучку, как называли это место местные. Здесь ходили и ездили только по дорогам, где по весне, дабы обуздать растительное буйство, местные жители гоняли туда-сюда коров и быков, чтобы тяжелые копыта повыбили дурь из молоденьких побегов. Без этого живая колючая паутина быстро залатала бы прорехи в зарослях, и немногочисленные села до зимы оказались бы в зеленой осаде, которая в месяце Волка сменилась бы белой. Да, проехать здесь можно было лишь торными тропами, но двое всадников легко пробирались сквозь чащу, причем сами ветви, казалось, расступались перед головами изящных, не чета рыцарским боевым битюгам, коней. На наездниках были темно-зеленые плащи с капюшонами, полностью скрывавшие фигуры и лица. Ехали они молча, иногда останавливаясь и прислушиваясь. Было тихо, если не считать гудения комаров, к слову сказать, не покушавшихся на странных наездников, и щебета лесных пичуг. Однако путники, похоже, обладали рысьим слухом.

Тот, что ехал первым, внезапно придержал коня. Второй, в точности как отражение в зеркале, повторил его движение. Замерев среди зарослей, они словно бы исчезли, растворившись в пронизанной солнцем зелени.

Первый вопросительно повернулся ко второму, и тот кивнул. Спешившись и более не заботясь о лошадях, немедленно потянувшись к спускавшимся чуть ли не до земли ветвям, двое тенью скользнули между березами. Они знали, кого ищут. Те тоже пробирались достаточно тихо, но нет-нет да наступали на высохшие ветви, да и раздвигать колючие, переплетенные ползунами кусты было делом непростым, не оставить здесь следов было невозможно. Было их одиннадцать человек, все высокие, плечистые, в суконных кожаных куртках и таких же шляпах, а лица до половины были прикрыты черными шелковыми платками. Они пробирались вдоль тропы так, чтобы оставленный след был с нее незаметен. Старший, чью куртку украшала богатая, хоть и потрепанная перевязь, наконец кивнул, указав на место, где тропа делала крутой поворот, обходя чудовищного вида огромный дуб, и шла под уклон к ручейку с топкими берегами, вдоль которых вдохновенно цвели золотые калужницы.

Что-то шепотом приказав спутникам, главарь змеиным движением проскользнул под спутанными ветками и, выбравшись на тропу, начал прилаживать самострел. Работа близилась к концу, когда в горло человека с перевязью впиалась белооперенная стрела и он, даже не вскрикнув, опрокинулся на спину. Его товарищи заметались, лихорадочно озираясь. Кто-то бросился на землю, двое к жожаку, а остальные – в лес. Не повезло никому. Выскочившие на тропинку упали, пронзенные стрелами, оставшиеся в лесу захрипели, обвитые ожившими ползунами, которые проявили проворство хаонгских удавов. Вскоре все было кончено. Ползуны-убийцы так и не разжали объятий, напротив, они затянули свои жертвы во влажную лесную почву, словно в насмешку тут же выпустившую стрельчатые побеги редкого в этих краях могильника. Двое вышли из-под прикрытия кустов и, подойдя к лежащим на тропинке, равнодушно выдернули стрелы, а затем, подняв убитых за ноги и за руки, легко спустили на болотистый бережок, где их постигла та же участь, что и их товарищей, с той лишь разницей, что вместо не растущего совсем уж в болоте могильника над убитыми поднялись бело-зеленые лапчатые листья лягушатника.

Первый из путников вздохнул, как человек, хорошо и быстро выполнивший нужную, хоть и не самую приятную работу, откинул капюшон, и пробившийся сквозь густую листву луч блеснул на золотых волосах. Золотоволосый улыбнулся светло и радостно, словно не отправил только что к праотцам несколько человек, потом встал на колени и что-то сделал с прилаженным самострелом, причем на изумительно красивом лице скользнула плутовская улыбка, от чего оно стало еще красивее. Его товарищ, так и не снявший капюшона, легонько коснулся плеча приятеля и кивнул в сторону ручья. Первый улыбнулся еще раз, и оба растворились в лесу. Не прошло и четверти оры, как на берегу появились всадники. Эти ехали по тропинке не таясь. Впереди на высоком сером в яблоках иноходце сидел светловолосый нобиль, отдаленно напоминавший первого из лесных путников, но черты его были резче, а плечи шире, да и был он явно старше, хотя вряд ли миновал возраст, когда мужчину называют молодым. Идущим рядом гнедым управлял юноша с дерзкими темными глазами и стриженными в кружок каштановыми волосами, чем-то напоминающий горного медведя. Сзади виднелись пара десятков воинов в синих с серебром туниках, надетых поверх легких доспехов.

Неожиданно серый иноходец налетел на какое-то препятствие, и тут же раздался свист арбалетного болта. Всадник успел поднять коня на дыбы, а затем послать его в сторону, в заросли, заодно схватив за узду коня своего товарища. Воины торопливо выхватили оружие, но просвистевшая стрела оказалась первой и последней. Нобиль, остановив властным жестом темноволосого, склонился над тропинкой.

– Ага, есть, – он, не обращая внимания на возмущение своих людей, нырнул в чащу, – не рассчитали немного, иначе или ты, или я ночи точно бы не увидел.

– Лумэны! – Юноша произнес это имя, как выплюнул. – Убийцы заугольные...

– Не докажешь, – откликнулся золотоволосый, – Проклятый, по своей земле теперь придется в кольчуге ездить...

– Ты давно уже грозишься это делать, – отозвался «медведь».

– Тяжело же, – засмеялся его товарищ, – лето идет, жарко... а потом, сдастся мне, так просто я не помру...

Дальше лесные гости слушать не стали. Первый вскинул руку в странном жесте, то ли прощальном, то ли благословляющем, и повернул к оставленным лошадям. Его молчаливый спутник тронулся следом.

2862 год от В.И.

Вечер 9-го дня месяца Влюбленных.

Арция. Мунт

Жан Фарбье сидел, уставившись на разостланную на столе роскошную атэвскую шаль цвета слоновой кости с разложенными на ней одиннадцатью кинжалами и потрепанной, хоть и дорогой перевязью. Там же лежало несколько побегов могильника и сидела, подрагивая горлом, живая жаба. Последнее обстоятельство повергло временщика в полный шок, хотя в сравнении с неоспоримым доказательством гибели Бонифация и его людей это было ерундой. Итак, покушение сорвалось, Бонифаций или погиб, или, что было бы еще хуже, оказался в лапах у Тагэре, который, прислав этот подарок, без сомнения, дает понять, что знает все. И не только о неудавшемся покушении. Да, пожалуй, все погибли, потому-то тут и могильник, а жаба... Жаба, похоже, напоминание о... любимой присказке барона Обена: «Как жаба ни старайся, дальше лошади не прыгнет». Да, красавчик Шарло всегда любил пошутить. Неужели на него нет никакой управы?! Ни магия, ни мечи, ни стрелы с хаонгским ядом. Все нипочем... А может, пусть его! Сидит в своем Тагэре, гоняет эскотских разбойничков, и ладно. На корону он, вроде, не заглядывается... Скоро родится, скажем так, наследник Пьера, и Шарло перестанет быть опасен.

Зря он все это затеял. Дал врагу такой козырь, хорошо хоть Тагэре не потребовал у Генеральных Штатов суда. Может, до лучших времен приберег и доказательства, и, вполне возможно, самого Бонифация? А как ловко подкинули ему подарочек. Прямо в кабинет, да

еще на столе разложили, на шали Агнесы! И еще жаба эта...

Фарбье в сердцах искал глазами, чем бы прихлопнуть мерзкое земноводное, не голой же рукой; и, наконец, остановился на толстенной Книге Книг, лежавшей на столе из показного благочестия.

Жаба, не предполагая грозящей ей опасности, сидела враскорячку и тарасилась на Фарбье. Легкая добыча, не то что быстрые и осторожные тараканы! Тяжеленный том с силой обрушился на ни в чем не повинную тварь. Фарбье с брезгливой миной поднял его, но на столе ничего не было. Он перевернул Книгу Книг, и ему показалось, что он сходит с ума.

На тисненой обложке рядом с символом Церкви Единой и Единственной и Оленем святой Циалы виднелось выполненное с необычайным искусством изображение жабы, причем жабы, ухмыляющейся нагло и цинично, а ниже шло начертанное замысловатой вязью изречение: «Уловляя, уловлен».

2862 год от В.И.

18-й день месяца Медведя.

Тагэре

Природа словно сошла с ума, никогда еще Тагэре так не цвела, а может быть, Анастасии так казалось потому, что впервые за свои двадцать семь лет она была счастлива. Женщина любила мужчину, и в нем весь мир – от высоких легких облаков до последней слабенькой травинки в углу замкового двора. Сола уже не вспыхивала от бессильной ярости при мысли о беременности герцогини. Напротив. Это подарило им свободу. Эстела проводила все время или в постели, или в лучшем случае в креслах. Разумеется, ни о каком супружеском долге не могло быть и речи. Шарль дважды в день заходил к жене и оставался с ней около оры, большего он сделать не мог, да и сама Эстела, похоже, не очень радовалась этим визитам, как и два прошлых раза обвиняя супруга в своем недомогании. Анастасия была так счастлива, что любила даже герцогиню, совесть циалианку не мучила, ее вообще ничего не мучило. И вместе с тем она была хитра, как змея или женщина, оберегающая свое счастье.

Никому и в голову не могло прийти, что закутанная в белое скромница бледна отнюдь не потому, что провела ночь в молитвах. Анастасия защищала свою любовь от чужих глаз, а Шарля от циалианок. Она уже поняла, что Диана караулит герцога, как кошка мышь. Арцийская бланкиссима спала и видела руками Тагэре поднять Арцию против Лумэнов и ордена, дабы поставить на место предателя Фарбье и его ифранку, а в их лице Елену. Елене же, напротив, было необходимо, чтобы в Арции было спокойно, а если Шарль Тагэре станет представлять угрозу интересам Лумэнов, а значит, и ее, авирская змеища постарается тихонько, не вызывая подозрений, отправить герцога к праотцам. Генриетту же устраивало противоборство между мунтской и авирской обителями. В этой круговерти Шарло оказался заложником страстей, раздирающих орден, и Анастасия делала все, чтобы в Фей-Вэе не желали герцогу зла.

Женщина сама удивлялась своей изворотливости, сообщая наставнице только то, что шло на пользу владельцу Тагэре, но делала она это таким образом, что со стороны должно было показаться: сестра Анастасия тяготится своим пребыванием в Эльтском замке и не испытывает к его хозяину ничего, кроме умеренного осуждения, столь уместного по отношению к закоренелым, хоть и не опасным грешникам.

Что до остальных обитателей Тагэре, то циалианка так тщательно избегала сильного пола, что все без исключения уверовали в ее непорочность и отрешенность от мирских страстей. Мужчины пожимали плечами, сетуя, что такая красивая девушка заживо себя хоронит, старухи и почтенные замужние женщины приводили ее в пример молодым кокеткам, и особенно хорошенькой чернокудрой жене Рауля-старшего, ожидающей в Эльте возвращения супруга из очередной поездки. Делия с трудом ладила со свекром и предпочитала в отсутствие мужа во Фло не оставаться. Злые языки поговаривали, что юная женщина не слишком крепко запирает на ночь свою спальню, но подтверждений этому,

кроме безудержного стреляния глазами направо и налево, не было. Особенно бурно Делия заигрывала с герцогом, и тот с удовольствием перешучивался с прелестницей, но Анастасию это не волновало.

Циалианка уже поняла, что, если Шарло прилюдно флиртует с женщиной, у него с ней ничего не было, нет и не будет. Ни Делии, ни Лоре, ни Марианне он никогда не скажет того, что говорит ей, а ее никогда не коснутся те фривольные замечания, которые он отпускает в адрес заигрывающих с ним красавиц.

Утром Шарль случайно встретил ее у иглеция и сказал, что у его Сола (герцог не терпел ее церковного имени) глаза как колокольчики в утренней росе. Этих слов и еще его улыбки Анастасии хватило до вечера. Она улыбалась детям и старикам, помогала садовнику, выкапывающему луковицы цветов, ходила на кладбище кормить птиц и приводить в порядок заброшенные могилы. Годилося все, что занимало руки и голову и позволяло скоротать день. После ужина циалианка поднималась к себе и запирала дверь. К ее вечернему уединению привыкли, раньше она в эти часы действительно молилась, думала, составляла письма в Фей-Вэйю и Мунт, теперь она предавалась приятнейшему в мире занятию, а именно – ожиданию возлюбленного.

Герцог появлялся примерно через ору после полуночи, как и в первый раз, перепрыгивая с заколоченного балкона на ее подоконник, – заметить стремительно мелькнувшую тень снизу было невозможно. Анастасия всегда ждала его в полном циалианском облачении, правда, волосы под покрывалом были тщательнейшим образом расчесаны и перехвачены так, чтобы сразу же «случайно» рассыпаться по плечам. В эту весну циалианская сестра самостоятельно постигала извечную женскую науку, радуясь каждому новому открытию. Любовь ее подхватила и понесла, ради Шарля она без колебаний и солгала бы, и убила, и умерла. Самого герцога иногда это пугало, но чаще завораживало, никогда еще его не любили так безоглядно, и никогда у него не было такой красивой возлюбленной. Анастасия тянула к себе так, как никто до этого. Об Эстеле Шарль вспоминал лишь дважды в день, когда навещал ее, о других, которых ранее было немало, позабыл вообще.

Проклятый

Он всегда был еретиком и спорщиком, судившим себя по своим собственным законам. Ни к кому Эрасти Церна не относился строже, чем к себе, и никогда не брал больше, чем мог отдать. Он не верил ни в божью милость, ни в Божий суд, только в свою и чужую совесть и еще в тех, кого любил. За другими он еще признавал право на ошибки, на сомнения, даже на слабость, но не за собой. Совесть не позволила ему оставаться рядом с Анхелем, а дружба – восстать, и он ушел, на прощанье все же высказав все, что наболело. Анхель его не удерживал, им давно стало тесно под арцийскими небесами. Он попробовал начать все сначала. Казалось, это удастся, но потом резестантов⁵⁸ прижали к горам. Эрасти не любил вспоминать то, что было дальше. Отчаянье, безумная надежда, предательство, плен...

Его не решились прилюдно казнить, палачи, поняв, что он не станет ползать перед ними на коленях, отрубили ему кисти рук и, связанного, бросили умирать в предзимних горах. Южный отрог Варты, спускавшийся к заболоченным низинам озерного Эртруда, почитался местом нечистым, люди там не селились. Эрасти грозила медленная и мучительная смерть от холода и ран, либо более легкая в звериных когтях. Из врожденного упрямства он боролся до конца, пытался куда-то ползти, то и дело теряя сознание. Наконец у большого пестрого камня силы оставили его окончательно. Он думал, что умирает, а потом очнулся на руках у дивного древнего существа.

Выздоровливал он долго и трудно, Ларэн (так звали его спасителя) возился с ним, как с ребенком, старался не оставлять надолго одного. По вечерам Церна слушал невероятные

⁵⁸ Резестант – повстанец, участник вооруженного восстания против власти или захватчиков.

истории о былых богах, их избранниках эльфах (к которым принадлежал и сам Ларэн) и прочих вещах, поверить в которые было столь же невозможно, как и не верить. Эрасти казалось, что эльф готовит его к какому-то разговору, одновременно пытаясь побольше разузнать о том, кого же он спас.

Сам же Церна не мог понять, рад ли он своему спасению, или для него было бы лучше, чтобы все уже кончилось. Как жить без рук, он не знал, не нищенствовать же! Да и нищенствовать в одиночку он не сможет, разве что найдет безногого или слепого сотоварища, который сможет его одевать и кормить, за то что он будет его таскать на себе или за собой. Такая жизнь казалась страшной, но умирать тоже не хотелось. Странное дело, даже ползущий по листку пятнистый жучок или свесившаяся с дерева любопытная белка вызывали в сердце неистовую жажду жизни. Лес словно бы кричал о том, каким бесценным даром она является... И Церна сдался. Он ни о чем не думал, просто дышал, смотрел на небо и слушал Ларэна, ожидая, что рано или поздно тот скажет, какая судьба его ждет. И тот сказал.

Он никогда не забудет этот день, день величайшего счастья и величайшего потрясения. День, до которого Эрасти не представлял, на что способна магия. Ларэн вернул ему руки! Этого не могло быть, но это было. Именно этот миг стал мигом его второго рождения.

2862 год от В.И.

26-й день месяца Лебеда.

Тагэре. Эльта

Утро началось удачно. Проклятая тошнота наконец отпустила, в окно весело светило солнце, ветер с полей доносил запах цветущих лип. Эстела долго стояла у окна, глядя за реку, где под солнцем перекатывались волны созревающих трав, а потом велела прислать медикуса. Сутулый и худой Корнелиус остался доволен состоянием пациентки и торжественно объявил, что лично он, Корнелиус, не намерен в такую погоду запираť сигнору в четырех стенах. Слова врача упали на благодатную почву, Эста соскучилась по небу, солнцу, траве. Если все в порядке, почему бы ей немного не проехаться, совсем чуть-чуть... Корнелиус не возражал, поставив условием, лишь чтобы сигнору сопровождали и чтобы она ехала исключительно шагом. С последним герцогиня не спорила, что касается первого, то она так давно никуда не ездила с Шарлем. Проехать бок о бок с ним по цветущим лугам было бы восхитительно, тем более в последнее время она обращалась с мужем не лучшим образом. Он стоически переносил это, но более трех месяцев спать одному, каждый день выслушивая придирки больной жены, для этого нужно воистину ангельское терпение. Камеристка была отправлена на поиски герцога и вернулась с известием, что монсигнор велел оседлать Пепла и куда-то уехал. Такие отлучки за Шарлем водились и раньше, он мог отправиться куда угодно, окрестные крестьяне, обожавшие своего господина, ужасно гордились его привычкой разъезжать по своим землям без сигурантов. Тагэре мог запросто попросить напиться у крестьянской девушки, остановиться у кузницы и помочь мастеру раздуть мехи или же прокатить на своем жеребце какого-нибудь пастушонка. Герцога любили, и он знал это. Эстела улыбнулась. Если Шарло завоевывает своих людей бездумно, то ее старший племянник Рауль Тарве, во всем подражающий знаменитому родственнику, заигрывает со своими крестьянами, чтобы добиться их любви. Рауль далеко пойдет, хотя она его и не очень любит. В юноше чувствуются сила и недюжинный ум.

Именно поведение Рауля окончательно убедило Эстелу в силе ее мужа. Север пойдет за Шарлем в огонь и в воду, а полоумный Пьер на троне вполне может и потесниться. Эстела сама не знала, что для них будет лучше: отделиться от Арции, став властителями пусть не очень большого, но суверенного государства, или же попробовать получить все. Но что-то делать было нужно, даже если Шарль предпочитает ни во что не вмешиваться, ему этого не позволят другие... Она не позволит.

Эста задумалась. Пожалуй, тянуть с разговором не стоит, день с утра задался, а она знала: то, что хорошо начинается, должно хорошо и закончиться. А пока она немного

проедется по окрестностям замка. Одна. Если удастся встретить Шарля, а она отчего-то в этом уверена, ей лишние уши не нужны. На первый взгляд в Эльте шпионов нет, даже присланная циалианка и та занята лишь своими молитвами. Анастасия оказалась тихой, целомудренной и равнодушной ко всему. Да, пожалуй, правильно, что они согласились исполнить волю Архипастыря, отказ принять наперсницу могли бы использовать как повод к травле, но лучше напасть первыми.

Птичку наконец оседлали, и Эстела, в последний раз прикрикнув на навязчивого слугу, выехала за ворота. В небе не было ни облачка, звонко стрекотали кузнечики, в зелени трав пестрели цветы. Герцогиня, немного подумав, куда мог отправиться Шарль, свернула на тропинку, ведущую вдоль реки, а затем пустила лошадь по лугу, примыкавшему к светлому березовому лесу. Некошенная трава доходила Птичке до груди, одуряюще пахло звездчаткой и кашкой, над которыми сновали деловитые пчелы и легкомысленные бабочки, и Эста внезапно почувствовала себя до невозможности счастливой.

Она уже не искала Шарля, а просто ехала куда глаза глядят. Именно поэтому она и позволила Птичке свернуть на еле заметную тропинку между деревьями. Они выбрались на небольшую уютную поляну, заросшую луговой геранью. И тут она увидела Пепла. Серый в яблоках иноходец скосил на герцогиню огромный фиолетовый глаз, дружелюбно фыркнул и потянулся к Птичке. Что ему делать здесь, у небольшой крытой соломой хижины, вероятно, принадлежавшей пастухам? Эстела спешила и, подобрав юбки, пошла к домику. Окно было открыто, и герцогиня заглянула внутрь.

Она не видела лица той, которую ласкал ее муж, но вырвавшаяся вороная прядь казалась знакомой. Эста узнала Делию. Это было слишком! Крестьянская девчонка, подвернувшаяся под руку сигнору, супруга которого четвертый месяц нездорова, это еще туда-сюда, но жена Рауля... Черномазая кошка не первый год добивалась Шарля и наконец получила! Эстела быстро подавила желание ворваться в хижину и вцепиться ногтями в проклятое лицо. Это недостойно герцогини. Судя по всему, любовники только начали, Шарль сказал, что вернется не раньше шестой оры, значит, у нее останется времени съездить за слугами и Анастасией. В присутствии циалианки прелюбодеям не отвертеться, даже если Рауль и Шарль не захотят выносить сор из избы.

Эстела тихонько отошла от окна, но топай она, как болотник, те, внутри, ее бы не заметили. Птичка нервно перебирала копытами, когда женщина забиралась в седло, то ли ей передалось волнение всадницы, то ли дело было в поднявшемся ветре, принесшем огромную фиолетовую тучу. Обычно смирная кобылка до ужаса боялась грозы, но наездницу будущий дождь только обрадовал: теперь уж Шарль и Делия точно никуда не денутся. Женщина осторожно отъехала на безопасное расстояние от проклятой хибары и пустила лошадь в галоп.

2862 год от В.И.

26-й день месяца Лебеда.

Тагэре

– Ты сумасшедшая, – засмеялся Тагэре, играя локонами подруги, – сумасшедшая, как кошка в месяц Агнца. И ведь это я тебя разбудил!

– Ты, – подтвердила женщина, придвигаясь поближе.

– Знаешь, я почти благодарен той свинье, которая мне написала.

– Что? – В васильковых глазах мелькнуло удивление. – Тебе кто-то обо мне написал?

– Иначе бы я на тебя не накинулся. Твоя бланкиссима сообщила мне, что отсылает тебя из Фей-Вэйи, потому что ты даришь свое расположение слишком многим рыцарям, и что она надеется, что в Тагэре ты станешь вести себя более пристойно.

– Это написала Агриппина?!

– Тогда у меня не было повода сомневаться. Ее печать, ее бумага, я не очень хорошо знаю ее почерк, но подпись видел...

– Бланкиссима знала, что я никогда...

– Не сомневаюсь. Возможно, это месть кого-то, кому ты отказала. Признайся, ведь такое было?

– Отказала? – Анастасия была искренне удивлена. – Но меня никто... меня до тебя... я никому...

– «Никто», «никому», – передразнил герцог, к которому, казалось, вернулась его природная ирония, – можешь мне не объяснять, что «у меня до тебя никто». Я это, умирать буду, не забуду. Но ведь кто-то на тебя наверняка заглядывался, те же рыцари, с которыми ты путешествовала.

– Рыцари? Валентин?.. Нет! Никогда, ой...

– Что? Вспомнила? – подался к ней Тагэре.

– Я боялась Мулана, – прошептала Сола, – не знаю почему, но боялась, а он все время мне попадался, потому я с сигнором Рузо все время и ехала рядом.

– Ну, все ясно, – засмеялся герцог, – Мулан этот тебя взревновал. Раз ты его побаивалась, в нем наверняка было что-то пакостное. Бланкиссиму он знает, подпись ее видел... Встреться мне только этот мерзавец! Хотя, не будь его, мы бы до сих пор только о святой Циале и говорили. Ладно, пусть живет.

– Пусть, – легко согласилась Анастасия, – о, что это?

– Ветер, похоже, – герцог легко соскочил с убогого ложа и подошел к окну, – ты смотри, какая туча! Собирается гроза, да какая сильная.

Словно в подтверждение его слов, вдали прорычало, и ветер швырнул в окошко пригоршню камешков. Тагэре быстро оделся.

– Нужно завести Пепла под навес, я быстро... Нет худа без добра, теперь у нас в запасе оры три, не меньше.

– Ага, – кивнула Сола, принимаясь разбирать спутавшиеся волосы.

2862 год от В.И.

26-й день месяца Лебеда.

Тагэре

Эстела гнала Птичку, позабыв о своем обещании ехать только шагом. Делия в объятиях Шарля все еще стояла у нее перед глазами, она больше десяти лет была его женой, и увиденного вполне хватило, чтобы понять: эта встреча не первая и не последняя. Он не просто спутался с податливой бабенкой на время болезни супруги, он влюблен, и сильно влюблен. Эста привыкла думать, что Шарль принадлежит ей безраздельно, ее восхищенное преклонение давно уступило место не то чтобы чувству превосходства, но уверенности в том, что она лучше знает, что им нужно, а Шарль, оказывается, великолепно обходится без нее. Все было ложью, и его ежедневные визиты, и то, что он всегда спрашивал ее совета, и даже бесконечные шутки на тему, что бы он без нее делал. Это была игра, подлая, холодная и бездушная!

В лицо швырнуло пригоршню земли и мелких камешков, и это было весьма кстати. Эстела не то чтобы пришла в себя, но хотя бы поняла, где она и что происходит вокруг. Она находилась примерно на полпути к замку, в месте, где тропа, шедшая вдоль обрывистого речного берега, поднималась на высокий холм, на котором стояла изглаженная ветрами статуя, более напоминающая валун, нежели изваяние, а затем круто спускалась вниз, огибала рошу и устремлялась к Тагэре. И все было бы хорошо, если б не свинцовые тучи, казалось, несущиеся над самой головой. Эстела повидала немало вот таких летних гроз, налетавших, изливавших на землю моря воды и, грохоча, уносившихся прочь. Не было ничего хуже, чем в это время оказаться в скалах, названных Грозовыми, потому что небесные стрелы норовили попасть именно в них.

Никто, будучи в здравом уме и твердой памяти, в преддверии грозы не рискнул бы свернуть на короткую речную дорогу, но герцогине не пришлось в голову вовремя посмотреть на небо. А теперь было поздно, возвращаться не менее опасно, чем двигаться вперед или стоять на месте, ожидая, когда сверху хлынет поток смешанной с камнями и глиной воды.

Даже обида и горечь отступили перед страхом, но Эстела не зря принадлежала к роду ре Фло, она была из тех, кто борется до конца. Она выберется из ловушки, в которую себя загнала, хотя бы для того, чтобы Шарль и Делия ответили за предательство. О, она не умрет, не доставит им такой радости!

Ветер вновь обдал ее холодом, Птичка испуганно захрапела, первые дождевые капли, еще редкие, но крупные, упали на тропинку, на лошадиную шею, на лицо всадницы. Что ж, единственное спасение – быстрота. Нужно миновать опасное место, в конце концов, не всякий, застигнутый грозой у реки, погибает, и Эста послала лошадь вперед. Охваченная ужасом кобылка полетела, как арбалетный болт, ветер неся рядом, швырялся мусором и пылью, норовил залепить глаза, прическа Эстелы растрепалась окончательно, но она все свое внимание сосредоточила на лошади. Все остальное: страх, месть, обида – потом. Когда выберется.

Дорога пошла в гору, и лошадь помимо воли сбавила скорость, впереди ослепительно сверкнуло, и сразу же сухо и резко рывкнул гром. Кобылка присела на задние ноги, выправилась, а затем вскинулась на дыбы. Ударил еще одна молния. На сей раз сзади, и Птичка обезумела окончательно. Эста изо всех сил пыталась обуздать очумевшую от ужаса лошадь, дождь хлестал, как бичом, мокрые волосы залепляли глаза, вокруг непрерывно грохотало, после вспышек мертвенно-белого света сумерки казались непроглядной темнотой. Затем что-то хлестнуло женщину по щеке, и тут же Птичка сделала резкий прыжок и понеслась вперед. Эстела отшвырнула бесполезный обрывок ремня и изо всех сил вцепилась в гриву вскидывающей зад лошади. Казалось, это продолжается бесконечно, тьму сменял свет, рычал гром, хлестал дождь, а сверху с горы неслись реки желтой жидкой грязи. Камень под копытом Птички обрушился вниз, к реке, увлекая своих собратьев, и несчастная лошадь не удержалась на ногах...

2862 год от В.И.

26-й день месяца Лебеда.

Тагэре

Шарль ссадил Соланж с коня у маленькой кладбищенской часовни. Еще весной девушка начала ухаживать за заброшенными могилами. Тогда ей и в голову не могло прийти, что это пригодится. А вот теперь она всегда могла сказать, что была на кладбище. Конечно, безопаснее было встречаться по ночам ближе к утру, но на крыше замка летом ночевали мальчишки-пажи, а ждать до конца месяца Дракона Сола и Шарло были не в состоянии.

Анастасия легко скользнула внутрь изящного зданья (отсюда до замка пол-оры пешком, даже по таким лужам), а герцог направился в объезд. Гроза унеслась, и в небе и на душе было спокойно, возвращаться не хотелось, замковая суэта, настырные вопросы управляющего, вечерние посиделки с Эстелой, письма от тестя, на которые наконец нужно ответить, прорва других важных дел вызывали оскмину. Неужели нельзя забыть обо всем, уйти, стать листом дерева или камнем в реке? Сола что-то говорила об одной циалианке, лет пятьдесят назад бежавшей с возлюбленным в Проклятые земли. Как же они были правы!

Герцог усмехнулся своим кощунственным мыслям и, наказывая себя за лень, послал коня рысью. Он сейчас же займется делами, тем паче что с Солой удастся увидеться лишь за ужином. А потом придется выжидать квартиру, а то и две. Проклятый, как же ему надоела эта осторожность, эта политика, эти камни на шее, с которыми ему никогда не расстаться. Разве что когда подрастет Филипп и сможет удержать знамя Тагэре. Может быть, тогда, если Сола его не разлюбит, он и уедет с ней на край света. Сыну сейчас десять, в девятнадцать на него можно будет оставить Тагэре... Девять лет – кошачья жизнь, да и для человека немало. Но что тут делают его воины?

– Что-то случилось?

– Монсигнор...

– Говори, Вернон.

– Герцогиня... Она до сих пор не вернулась...

- Она уехала? Куда?! Она же не может...
- Сегодня ей стало лучше, она решила проехаться по окрестностям. Жак предлагал ее сопровождать, но она запретила.
- Какую лошадь она взяла и когда уехала?
- Птичку. А уехала оры за две до грозы.
- Проклятый!
- Мы хотели проехать до Эльты, но раз монсигнор оттуда и никого не видел...
- Никого...

Шарль лихорадочно соображал, куда и, главное, зачем понесло Эстелу. Она что-то заподозрила? Не может быть, он хитер, как хаонец. По крайней мере десяток местных прелестниц полагают, что могут его приручить, но пока он лишь снисходительно наблюдает за их усилиями. Ну а о Соле даже самые отпетые юбочники Эльты отзываются не иначе как о ледышке, которой нравится гробить собственную молодость. Поверенных у них нет, писем друг другу они не пишут, а на все его попытки подарить ей хоть что-то Сола отвечает отказом. Ей нет дела ни до чего, кроме него самого. Шарль не сомневался, что, если нужно, она солжет не только словами, но и взглядом, улыбкой и даже плачем. Нет, с этой стороны им ничего не грозит. Скорее всего Эста просто решила прогуляться, ее настигла гроза, она где-то переждала ненастье и скоро будет. Людей и деревушек здесь куда больше, чем ему иногда хочется, а уж герцогиню каждый примет с радостью. Возможно, она у Лагаров или Катто...

– Мы посылали к Катто и Лагарам, – виновато прервал молчание Вернон, – сигноры там не было...

– Думаю, она скоро вернется, – улыбнулся герцог, – но давайте для очистки совести съездим на Грозовой.

Грозовой кряж был последним местом, где следовало искать человека, пропавшего во время бури, и это было единственным по-настоящему опасным местом в округе. Но не заметить приближение ненастья мог разве что мертвецки пьяный, а за то время, пока темная полоска на небе превратится в свинцовую плиту над головой, можно три раза миновать гряды.

– Монсигнор, не думаете же вы....

– Не думаю, – подтвердил Тагэре, – но, если мы убедимся, что на Грозовом все в порядке, можно смело возвращаться в замок и ждать, пока сигнора вернется из Эльты или Ланже. Поехали.

Воины с готовностью направились за герцогом, и в самом деле, нечего им делать недалеко от эльтского кладбища. Конечно, вряд ли кто-то даже спяну связал бы герцога и циалянку Анастасию, но береженого и судьба бережет, к тому же проверить Грозовой было нелишним. Существовал ничтожный шанс, что там попал в беду какой-нибудь несведущий путник.

2862 год от В.И.

26-й день месяца Лебеда.

Тагэре

Соланж спокойно вошла в ворота замка, циалянку никто не искал, не до того было. Герцог еще не вернулся, не вернулись и отряды, отправившиеся на поиски сигноры. Женщину это не слишком заинтересовало, но она с подобающим вниманием выслушала подробнейший отчет от добродушной жены капитана гарнизона. Сигнора Аугуста была из тех, кто слышит только себя. Толстуха то и дело вставляла в свой монолог слово «понимаешь», но ответа ей не требовалось, и Сола думала о своем. В своей любви она дошла до такого состояния, что все, не связанное с властителем Эльты, для нее не существовало. Он тоже ее любил. Переживая вновь и вновь их сегодняшнее свидание, она находила бесконечные подтверждения этой любви. То, что Шарло до сих пор не заявил о своих правах на корону, хотя его к этому подталкивала вся знать севера во главе с тестем, означало только

одно: власть ему не нужна, так же как и ей. Так почему бы им обоим не разорвать путы? Она забудет о сестринстве, он о Тагэре. В мире есть земли, где их никто никогда не найдет.

Конечно, просто так бежать нельзя. И не только потому, что это опасно, но и потому, что от этого пострадают другие люди. Агриппине не простят, что она покровительствовала прелюбодейке и предательнице, да и дети Шарля не должны знать, что отец их бросил, к тому же право на титул Филипп получит только после смерти отца. Так почему бы им не разыграть несчастный случай?

Поглощенная этой мыслью, Анастасия перестала замечать окружающий мир, благо гудящая капитанша ей не мешала, но внезапно казавшийся неиссякаемым словесный поток прервался. Что-то случилось, и Сола вместе с сигнорой Аугустой поспешили во двор, откуда доносились шум и крики.

В каком-то странном оцепенении циаианка наблюдала, как Шарло куда-то несет бесчувственную, перемазанную глиной женщину, а за ним семенит медикус с совершенно белым лицом. То, что это была герцогиня, Сола поняла не сразу, а поняв, вся обратилась в слух, и, право слово, ей было что услышать.

Эстелу нашли на тропе возле утеса. Она то ли упала, то ли успела в последний момент прыгнуть с обреченной лошади. Кости у графини вроде целы, но она сильно ударилась, в том числе и головой, короче, ничего хорошего.

Сердце Анастасии было готово выпрыгнуть из груди. Умом ей было жаль герцогиню, которая не сделала ей ничего плохого, но куда больше женщину мучила предательская мыслишка: если Шарль сегодня овдовеет, она могла бы стать его женой. Но возненавидеть циаианское покрывало Соле не пришлось. Как всегда, толстая Аугуста разузнала все новости и разнесла их по замку.

Во-первых, герцогиня пришла в себя, и ей лично ничего не угрожает. Во-вторых, медикус боится за ребенка, полагая, что ему мог быть нанесен серьезный вред, и предлагает прервать беременность. В-третьих, Эстела сошла с ума, так как, придя в себя, набросилась на герцога, обвиняя его в измене, чему она якобы сама была свидетельницей. Глупость, конечно, потому что Делия ре Фло, которую герцогиня «застала» со своим супругом, не выходила из замка. Но Эстела никому и ничему не верит, и то, что происходило в ее опочивальне, не поддается никакому описанию. Женщина рвалась убить и мужа, и Делию, выкрикивала жуткие оскорбления и проклятия, и в конце концов Корнелиусу пришлось прибегнуть к магии и заставить ее выпить снотворное.

– Не позавидуешь монсигнору, – заключила Аугуста, – если беременная что в голову вобьет, ее не убедишь. Понимаешь? А эта еще и головой ударилась! Да она всегда сумасбродкой! И гордая, как Проклятый. Если герцог и грел бы чужие постели, уж я бы его не осудила, понимаешь?

Еще бы Сола не понимала!

Проклятый

– Что ты собираешься делать? – Вопрос Ларэна вырвал его из потока бессмысленной животной радости.

– Что делать? – переспросил Эрасти, разглядывая свои руки. – Не знаю... Я хотел бы остаться здесь еще немного.

Эльф молчал, и человек добавил:

– Если это невозможно, я уйду прямо сейчас.

– Это возможно, – обронил Ларэн, – ты уйдешь, когда и куда захочешь, но я должен знать, куда и когда. Сейчас можешь не отвечать...

– Отчего же, – вскинул голову Эрасти, – я уйду зимой, когда можно будет пройти через болота, а пойду я в Эртруд.

– Не в Арцию?

– В Арцию? – Эрасти удивленно поднял темную бровь. – Почему я должен идти в Арцию? Что я там позабыл?

– Разве ты не хочешь отомстить?
– Я не стану мстить Анхелю.
– Почему? Ты не веришь в его предательство или по-прежнему любишь его и потому прощаешь?

Он задумался. Иногда выразить словами то, что кажется очевидным, труднее, чем скрыть незнание в потоке витиеватых фраз. Эльф ждал ответа, было ясно, что он его не отпустит, пока не поймет. Эрасти поднял голову.

– Я попробую объяснить. Я не верю, что меня предал Анхель, я это знаю. Знал и раньше, до того, как ты мне об этом сказал. Кольцо...

– Его можно украсть.
– Можно украсть Кольцо, но не слова, с которыми мне его передали.
– А во-вторых, хотя довольно и первого довода.
– Во-вторых? – Церна кривовато улыбнулся. – Анхель не может жить спокойно, пока жив я. Понимаешь... – Ну как объяснить вечному и прекрасному созданию, наивному даже в своей мудрости, то, что может понять лишь смертный?

– Не понимаю, объясни.
А эльфы, оказывается, умеют шутить. Отчего-то это открытие поразило его больше, чем собственное чудесное спасение и осознание того, что в Тарре живут не только люди и что многое из того, что он почитал сказками, существует или существовало.

– Я жду, Эрасти.
– Может, это прозвучит глупо, но Анхель хотел того же, что и я, – справедливости и милосердия для тех, кто не может позаботиться о себе сам. Ради этого он пошел против семьи, был готов на все, даже на смерть. Это он открыл мне глаза...

– Ты прощаешь его из чувства благодарности?
– Я не прощаю его. Ларэн, ты сам завел этот разговор, так выслушай меня до конца, мне и так трудно говорить, мысли расползаются, как котята из корзинки. Если я сейчас не смогу объясниться, я этого никогда не смогу.

Эльф больше не перебивал, только смотрел огромными синими глазами. Похоже, этот разговор был ему очень важен.

– Понимаешь, Ларэн, – Творец, как же мало слов в арцийском языке! – Анхель верил в то, что делал. А я поверил ему. Я не верил ни в Творца, ни в Антипода, но Свобода стала моим богом. Свобода для всех и Милосердие для тех, кто в нем нуждается. Мы двадцать раз были готовы за это умереть, но мы не умерли, а победили. И все пошло не так. Нам казалось, что стоит выкопать сорняки, и тут же мир зарастет лилиями и виноградом. А вместо одного большого зла из земли полезли десятки малых, каждое из которых хотело стать большим... Наверное, я говорю глупо?

– Отнюдь нет. Продолжай.
– Анхелю было труднее, чем мне. Он был первым, я – вторым. Решал он, и решения эти часто были не такими, как мне хотелось, как когда-то нам обоим виделось из Мирии. Он все больше и больше становился императором, а я оставался резистантом.

В конце концов мы перестали понимать друг друга. Он считал, что по-другому нельзя, а я считал, что нельзя делать то, что делает он. Иначе зачем было нужно городить огород и свергать Пурину? Чтобы стать такими же, ну, разве что чуток лучше? Наша дружба была очень крепкой, она выдержала два года власти, но потом мы все же рассорились. Когда он приказал подавить голодный бунт. Да, голодных на улицу вывели сторонники Пурины, предварительно выкатив им вина. Да, не брось Анхель на усмирение тяжеловооруженных всадников, пьяная толпа разнесла бы не только императорский дворец, но и всю столицу. Но ведь они действительно были голодными, им было плохо.

Во времена Пурины в Мунте жили лучше, чем в провинциях, а после нашей победы всем стало одинаково худо. Анхель считал, что он справится с голодом и нищетой, но для этого ему нужно было остаться у власти. А я видел, что ему, прежде всего, нужно сохранить власть. Он, конечно, постарается накормить и защитить своих подданных, но для него они

стали уже не целью, а средством, что бы он ни говорил.

Мы поссорились, это было ужасно. Мы орали друг на друга, как торговки на базаре. В конце концов я хлопнул дверью. Анхель крикнул мне вслед, чтобы я образумился. Утром мы встретились и заговорили о делах, но все это было враньем. Я думал несколько месяцев, а потом все же вернул подаренное кольцо и сказал, что ухожу.

Я решил все начать сначала. Товиус Эртрудский не лучше свергнутого нами Пурины. Я подниму восстание, а потом... В Эртруде все должно быть иначе, чем в Арции. Если мне повезет, люди увидят, что можно жить без зла, лжи, ненависти. Свобода для всех и милосердие к слабым, что еще нужно человеку? Ты молчишь?

– Я слушаю. Мне кажется, я понимаю, чего ты хочешь, но почему ты решил, что Анхель тебе враг?

– Если у меня получится, он поймет, что зря предал сам себя. Анхель – гордец, он не смирится с тем, что я смог то, что не удалось ему. Победи я, жизнь Анхеля окажется зачеркнутой им самим. А вот если я погибну, он будет прав, по крайней мере в глазах других. Значит, и вправду есть только один путь, путь меньшего зла, по которому он и пошел.

– Ты тоже так полагаешь?

– Нет. Пусть я проиграю, но покажу дорогу. Рано или поздно, но кто-то докажет, что власть может быть сильной без жестокости, а властелин оставаться человеком.

– Значит, ты все-таки простишь?

– Может быть, и так, – Эрасти пожал плечами, – по крайней мере, я не хочу платить Анхелю его же монетой. Эртруд нас рассудит... Я уничтожу Товиуса, и, если в Эртруде забудут, как бояться солдат и кланяться сильным, это и будет и моим ответом Анхелю и, если хочешь, мстью.

– Нет, Эрасти, – рука Ларэна коснулась его плеча, – ты не поедешь в Эртруд. Возможно, люди потом и поймут то, о чем ты говоришь, но не ты и не сейчас это им расскажешь. Тебя ждет другая участь, и ты сам ее только что избрал...

2862 год от В.И.

Утро 2-го дня месяца Собаки.

Арция. Тагэре

Графиня Койла шумно чмокнула сестру в осунувшуюся щеку и защебетала обо всем и ни о чем. Эста равнодушно слушала болтовню Марион. Она не сомневалась, что та приехала по приказу отца, которого многочисленные члены семейства Фло не осмеливались ослушаться. Когда Старый Медведь исчерпал силы и аргументы, он велел Марион покинуть своих многочисленных отпрысков, отправиться в Тагэре и «вставить своей сестре мозги». Эстела прямо-таки слышала низкое отцовское рычание. Отец на стороне Шарля, он ее никогда не поймет. Делия как-то сумела доказать свою непричастность, Шарль же поклялся, что с женой Рауля у него ничего не было и быть не могло, и эти мужчины поверили ему, а не ей. Но она еще не сошла с ума, она знает, у кого в замке густые черные локоны и каких усилий стоит это Делии. Дурак Шарль не знает, что его любовница каждую ночь наматывает пряжки на привезенные из Канг-Хаона глиняные валики, она бы тоже могла это делать, но она не терпит лжи даже в малом. Ее красота – это ее собственная красота. До последнего лета ей казалось, что этого достаточно, но Шарля привлекла похотливая кошка, фальшивая и внутри, и снаружи. А теперь ей, Эстеле Тагэре, предлагают поверить, что ничего не произошло.

Она не знала, как Делии удалось подкупить таких верных и честных людей, как жена капитана крепости Аугуста и медикус Корнелиус. А может, они покрывают не Делию, а Шарля? Ведь то, что герцога не было в замке, знали все, вот они и сказали, что видели в это время его любовницу в ее собственной комнате. Да, разумеется, так оно и было.

Эста раздраженно прервала сестру.

– Мара, я знаю, зачем ты приехала. Но я не сумасшедшая. Если тебе хочется верить

этой крученой твари, верь, но не пытайся мне внушить, что приехала сюда, потому что соскучилась. Отец велел тебе помирить меня с Шарлем. Успокойся, сор из избы я выносить не стану. Я передумала. Я останусь герцогиней Тагэре и матерью наследника рода, а может быть, будущего короля. Я буду вести себя как должно при людях, но Шарль никогда не переступит порога моей спальни.

– Даже когда будешь рожать? – лукаво осведомилась сестрица.

– Это к делу не относится, – отрезала Эстела, – герцог должен увидеть свое дитя, прежде чем его унесут, и он увидит. Никто больше не посмеет сказать, что я забываю обычаи и этикет. Но в той жизни, где я не герцогиня, Тагэре места нет.

– Ну, хорошо, – неожиданно легко сдалась Марион, – спасибо и на этом. В конце концов, у вас и так пятеро, будем надеяться, с шестым тоже все обойдется. Отцу главное, чтоб ты не путала его игру. Лумэнихе незачем знать, что в доме Тагэре нет мира. Кстати, ифранка беременна.

– Вот как? Значит, Пьер наконец понял, для чего нужна жена?

– Боюсь, что нет, – засмеялась графиня Койла, – поговаривают, что Фарбье мало быть дядей короля и он решил стать отцом наследника.

– Кто поговаривает? – Эстела с готовностью поддерживала разговор.

– Проклятый! Да все! И первый Его Высокопреосвященство. Странная вещь выходит. На престоле Арции не должен быть бастард, доказать, что ребенок Агнесы – сын Фарбье, трудно, доказать, что он сын короля – и вовсе невозможно. Что делать?

– Ну, – протянула Эста, – может, еще девочка родится.

– Может, – кивнула сестра, – но лиха беда начало. У тебя тоже старшая девочка.

– Марион, – в голосе Эсты прозвучал металл, – давай не будем об этом.

– Хорошо, я не стану говорить о Шарле, хотя, моя дорогая, ты просто дура. А если ты права, то дура двойная. Неужели ты думаешь, что есть хотя бы один мужчина, который прожил двенадцать лет с женой, ни разу не глянув на сторону?

– Я же тебя просила...

– Успокойся. Хочешь, я тебе погадаю?

– Зачем?

– Ну, тебе же раньше нравилось.

Ей действительно раньше нравилось. Мара была младше на два года и с детства воображала себя колдуньей, варила какие-то травы, что-то шептала, дарила всем сделанные ею амулеты, в которых магии было не больше, чем волос у лягушки. Все, даже замковый клирик, смотрели на забавы графской дочки с улыбкой, в том числе и на нарисованные ею самой карты, долженствующие изображать давным-давно забытые и проклятые О⁵⁹. Марион же относилась к своим занятиям очень серьезно. Она была убеждена, что именно ее магия защищает семейство Фло от всяческих бед, а чудесное возвращение Эстелы и спасение Шарля приписала своим амулетам. Родственники девчонку не разочаровывали, по их стопам пошел и муж, души в жене не чаявший. Счастливая и всем довольная Мара, обладавшая к тому же удивительно легким и незлобивым характером, жила в глубочайшей уверенности, что является хранительницей семьи. Неудивительно, что она взялась мирить сестру с мужем. Наверняка наговорит ей сейчас с три короба всяких глупостей, сунет под подушку какую-нибудь заговоренную щепку и уедет с чувством выполненного долга.

Эстела с вялым интересом наблюдала, как сестра вытаскивала из бархатного мешочка завернутую в расшитый странными символами платок колоду.

– А у тебя другие карты...

– Да. Мне нарисовал один человек. Он ЗНАЕТ, – таинственно сообщила Мара, и Эста

⁵⁹ О – старинные гадальные карты, состоящие из 156 карт так называемой Малой Судьбы (12 мастей по 13 карт) и 13 карт Великой Судьбы. Были запрещены Церковью и утрачены. На основе легенд об О несколько раз создавались гадальные колоды меньшего объема, которые люди, сведущие в предсказательной магии, полагали шарлатанством.

невольно улыбнулась, приготовившись слушать малопонятную, но складную ерунду.

Марион, как и в детстве, заставила Эстелу подержать в руках отчего-то показавшуюся ей ледяной колоду и начала одну за другой выкладывать на инкрустированный перламутром столик карты. Эста рассеянно за ней наблюдала. Сестра со значительным видом вглядывалась в красивые картинки. Кем бы ни был тот шарлатан, который сделал Маре колоду, рисовать он умел. Интересно, сколько аргов содрал он с нее за свой труд. Впрочем, получилось действительно изумительно красиво. Пожалуй, возмись этот «знающий» за портреты, он бы купался в золоте. Интересно, кого он изобразил в виде всех этих королей и королев, вряд ли «из головы». Такие лица не придумаешь.

– Вот ты, – жизнерадостно провозгласила Марион, показывая на меднокудрую всадницу на красивой золотистой лошади, похожую на Эстелу, как кошка на чайку, – а вот и Шарло, – темноволосый человек с окровавленным клинком в руке прижимался спиной к крепостной решетке, от кого-то обороняясь, – это у нас ифранка, это – папа, это – Рауль...

Дальше Эстела не слушала, пораженная одной из картинок. Высокая женщина с разноцветными волосами положила руку на холку огромной рыси...

– Мара! Что это за карта?

– Папесса, а еще ее называют «Темная Звезда». Успокойся, она не рядом, хоть и близко. Вот если этот паж окажется твоим сыном, то она через эту вот «Большую утрату» еще может его затронуть, но это когда еще будет, если будет... Расклад так далеко не показывает, а ты и Шарло никак с ней не связаны. А ты была права, рядом с ним действительно какая-то королева, но их разделяет Сердце Осени и Глубокая Вода. Можешь не бояться, никуда он не денется...

– Мара, а что означает папесса?

– Ну, точно никто не знает. Она редко выпадает. Вроде судьбы, от которой не уйдешь, дорога во Тьму, высшая магия, смерти всякие... Но она же далеко, ты слушай, что я тебе про королеву говорю. Странно с ней как-то, вроде она есть, и вроде ее нет. О, поняла! Она есть только у тебя в голове... Осенью родишь, и вся эта глупость кончится.

2862 год от В.И.

Утро 3-го дня месяца Собаки.

Большой Корбут

– Мы были правы, за ними действительно наблюдают все, кому не лень, – золотоволосый красавец раздраженно оттолкнул бокал красного вина, – они наблюдают, мы наблюдаем, и целая толпа местных интриганов в придачу, а уж злобы... На десяток Михеев! Когда все это кончится, не могу я больше!

– Излишние эмоции провоцируют на опрометчивые поступки. А ошибка – это хуже, чем предательство, – скрипучий, назидательный голос принадлежал черной каменной жабе размером с хорошее ведро, выглядевшей в изысканной, выдержанной в золотистых тонах комнате более чем неуместно.

– А ты бы мог и помолчать, хотя бы иногда! – Золотоволосый швырнул бокал о стену. – Я действительно больше не могу! Любоваться, как все летит в тартарары. У меня на глазах последнюю надежду убивают, а я смотри и не вмешивайся!.. Даже безнадежный бой, и то счастье...

– Ты знал, на что шел, – невозмутимо ответила жаба, вернее жаб, – и ты прекрасно знаешь, что сейчас главное – выдержка. Обнаружив себя, ты можешь только бездарно и бессмысленно погибнуть, результатов же твое деяние не принесет никаких. И при этом совершенно очевидно, что ожидание подходит к концу. Налицо все признаки. Да, эти люди, судя по всему, достойны сочувствия и уважения, и это очень хорошо. Сейчас их время, и от того, смогут ли они повести себя адекватно, зависит многое. В том числе и наше поведение, но прикрывать их ты не должен. Ты и так несколько раз поступал весьма неразумно. И не ты один.

– Ты прав, извини, но я не каменный.

– Да, – подтвердил жаб, – и в данном случае это очень неудобно, – хотя, в отличие от меня, ты не ограничен в передвижении и можешь лично наблюдать за процессом. Во всем есть свои плюсы и свои минусы. Я охотно извиняю тебе твой срыв, но ты должен взять себя в руки. У того, кто спасает мир, должно быть не только горячее сердце, но и холодная голова и чистые руки. Прежде чем ты вернешься к исполнению своих обязанностей, нам предстоит многое обсудить. Сейчас придет Клэр, и начнем... О, вот и он, – жаб поднял лапу, приветствуя высокого рыцаря в золотистом.

– Жан-Флорентин, друг мой... Роман, я и не знал, что ты приехал.

– Твои карты попали туда, куда должны, – Роман налил бокал и протянул хозяину, – и подтвердили то, о чем мы догадывались... Ладно, за встречу!

– Чтоб она не была последней, – живо откликнулся Клэр.

– И чтоб скорее настал Срок.

– Арде!

Эстель Оскора

Мало кого мне до такой степени хотелось убить, как Эрасти. И при этом я не могла назвать никого, к кому бы испытывала такое сочувствие, разве что к Шани, который, хотелось бы думать, прожил свой век счастливо. Но Шани, даже когда узнал про Лупе, остался самим собой, а Эрасти сломался, как ломаются только очень сильные люди. Сразу и, я очень этого боялась, навсегда.

С моим присутствием он, похоже, смирился. Более того, я стала ему необходима, чтобы изливать душу, а потом гордо уходить со словами «тебе этого не понять». И я ничего не могла с ним поделать. Не знаю, как бы я повела себя на его месте, что бы запела, брось меня человек, бывший для меня всем. Но у меня была другая беда, и мне мог помочь только Эрасти, он же был способен лишь сидеть, глядя куда-то то ли вдаль, то ли вглубь себя и время от времени поднимая на меня свои, не буду врать, изумительно красивые глаза и вопрошая «почему?» и «за что?».

Ответить я не могла, так как вообразить себя на месте Циалы у меня не получалось, слишком уж мы были разные, начиная от цвета волос и кончая цветом души, если таковая у моей прапрапатетки имелась, в чем лично я сомневалась. Я попыталась свалить все на проклятые Рубины, но Эрасти не был ни глупцом, ни новичком в магии, он прекрасно знал, что камешки прихватывают только тех, кто к этому готов. Скрипнув зубами, я признала, что у меня не возникло ни малейшего желания нацепить на себя эту красоту. Потом мы целый день проговорили о камнях, и оставалось только догадываться, сколько месяцев и лет пролетело за это время в Арции.

Эрасти было все равно, столетием больше, столетием меньше, но я-то ждать не могла. Рене был жив, и я хотела его найти, а для этого требовалось вытащить Проклятого за волосы из его страданий и заставить спасать Арцию. Был у меня и еще один долг. Я мучительно хотела знать, что случилось с Шарло и Эстелой, все ли с ними благополучно. Мне отнюдь не улыбалось вернуться и услышать, что герцог Тагэре мирно скончался в возрасте девяноста пяти лет, оставив после себя прорву наследников, которые, не сменилось и семи поколений, принялись рвать друг другу глотки... Но в такое я отчего-то не верила. Если честно, я боялась за этого сероглазого красавца, было в нем что-то, что не позволяло дожить до девяноста пяти лет и скончаться на руках у любимой правнучки.

Я помнила, как они уезжали и как я смотрела им вслед. Я много чего знала и помнила, а потому должна была вырвать Эрасти из этой его слезливой спячки, заставить вновь стать самим собой. Он был силен, Великие Братья, как же он был силен. Да, он не был богом, так как не был изначальным сгустком осмыслившей себя силы, он шел к осознанию своих способностей медленно и страшно, но теперь он мог смело бросить вызов самым сильным магам иных миров, – миров, которые никогда не бросали на произвол судьбы высшие силы. Но мне от этого было не легче. Эрасти Церна, Святой и Проклятый, великий маг, бунтарь и защитник справедливости упивался своими страданиями, как какой-нибудь увядающий поэт,

и я ни лаской ни таской не могла оторвать его от этого занятия.

Он не мешал мне говорить, слушал молча и внимательно, склонив голову к левому плечу, но когда я ловила его взгляд, то понимала, что он далек и от Арции, и от Пророчества и все еще пытается понять, что и когда сделал не так. Хотя что бы он ни делал (кроме, разумеется, захвата Тарры), он вряд ли бы удержал свою подругу, она его не любила, хотя он и был ей нужен. Но Эрасти не пожелал идти у нее на поводу, и началось...

Нет, она не сломала его до конца, то высокое и гордое, что было в нем, за что его и избрал Ларэн, не позволило ему предать все и всех ради женщины. Он, подчинившийся ей почти во всем, в главном был непреклонен. Он хотел спасения Тарры, а не власти над ней. Циала же хотела власти и блеска. Наверное, она напоминала Эанке, но не была столь уверена в собственных силах, да и сил-то у нее не было никаких. Ей повезло влюбить в себя единственного истинного мага Тарры, это была ее великая удача, но никоим образом не заслуга. Эрасти она не стоила, впрочем, она не стоила никого из тех, с которыми сплеталась моя судьба, за исключением моего недоброй памяти батюшки. С ним бы она поладила, но Михай не смог завоевать Тарру, а Эрасти мог, но не захотел. Он поклялся Ларэну ее спасти, но и без этой клятвы не предал своей сути, как не предали бы Рене, Астени, Роман... И Циала проиграла, хотя вряд ли это поняла. Она проиграла и то, что могла понять – вечную молодость, красоту, истинное могущество, – и то, что оценить была не в состоянии, как не в силах свинья оценить красоту заката и аромат цветов. Эта дура потеряла любовь!

Есть души, которые нельзя предавать. Терпеть не могу рассуждения о Добре и Зле, греховности, святости и прочей ерунде, которыми пичкают паству клирики всех миров и которая особенно любезна адептам тех, кто величает себя светом, спасителями и прочими красивыми, но ничего не значащими словами. Но предательство Циалы было грехом. Подлостью. Тем, чему нет и не может быть прощения. Если не любишь – уйди. Но уйди сразу и навсегда. Да, можешь потребовать то, что хочешь, попытаться убедить, вынудить, заставить. Не получилось, значит, не получилось. Исчезни. Не мучай возвращениями, примирениями и новыми ухищрениями.

Раньше я думала, что у Циалы и Эрасти все было очень просто. Он полюбил. Она тоже, потом она стала его толкать к власти, он не захотел, она его предала и в меру своих сил и понимания насладились плодами предательства, показавшимися ей вкусными. На деле же все оказалось еще горше. Циала была с Проклятым несколько лет, и каждый год для него стоил тысячелетия на Дне Миров. Я не знаю, как он не сошел от этого с ума и не возненавидел всех и вся. Потом она его предала окончательно, а он все равно ждал, но вместо Циалы пришла я, в которой течет... Только Великий Дракон знает, какая часть крови Циалы течет во мне. Для Эрасти я была чужой и далекой, но только от меня он узнал, что все кончено. Потому что считал ее предательство очередной уверткой, ждал, что она опять вернется, чтобы предъявить новые требования. И он хотел этой встречи. Он молился на эту дрянь, а я стала вестницей ее смерти. Вместо пусть злой, пусть жестокой, но богини – известие о кончине пожилой женщины, причисленной к лику святых за свое предательство.

Зря я ему рассказала все и сразу. Поглупела, видимо! А что было бы, если б я ждала Рене, а пришел Шарль и рассказал о том, что... Да ничего бы не было! Постыдного и подлого Рене не совершил бы никогда, а, узнав о его гибели, я бы вряд ли впала в летаргию. Я бы или отомстила, если б было кому, или исполнила то, что не сделал он, а потом не мытьем, так катаньем отделалась бы от своего бессмертия. Собственно говоря, так я и поступлю. Если Эрасти не очнется, я уйду из этого сада и скорее всего сложу свою разноцветную голову, только вот толку никакого не будет.

Я должна разбудить Проклятого, вырвать его из лап давным-давно умершей стервы, но это куда труднее, чем прикончить присосавшихся к Шани Гардани финусов. Те были настоящим, а совладать с настоящим проще, чем с прошлым. И потом... Потом я не хотела бросать его среди цветущей сирени и отчаянья. Рене бы точно не бросил, он бы смог найти слова, дал бы ему пощечину, в конце концов, не знаю что, но сделал бы... Астени тоже бы достучался. По-другому, спокойно, ласково, но заставил бы выслушать, очнуться, вновь

стать самим собой. А я могла только злиться и при этом бессловесно плакать вместе с ним. И конца этому не было...

2862 год от В.И.

Вечер 11-го дня месяца Зеркала.

Тагэре

За высокими березами погас последний луч, небо на западе еще отливало тревожной желтизной, но над головой уже проступили фигуры созвездий. Сола ждала, хоть и понимала, что Шарль придет не раньше полуночи. Все было готово. Ее искать не станут – она возвращается в монастырь по приказу бланкиссимы, а в Тагэре отныне будет другая сестра. Если бы не письмо, привезенное невозмутимым Муланом, герцог вряд ли бы решился на побег, но Сола не могла больше оставаться в замке и не могла возвращаться в обитель, потому что была беременна.

Когда она это поняла, ее охватил ужас, связанный с восторгом. Она была счастлива, что родит Шарло ребенка, но не знала, что ей делать. Сола тянула, сколько могла, к счастью, плохо ей не было, наоборот, она стала еще прелестней. Люди Шарля не уставали ворчать на того негодяя, который загнал такую красоту в монастырь, она же, как всегда, терялась и краснела, чем доставляла огромное удовольствие местным юбочникам и кумушкам. А ночами их любовь становилась все неистовей. Соланж знала, что в ее положении предписано воздерживаться, но не хотела превращаться в еще одну Эстелу, тем более ни на ней, ни на ребенке ее ночные безумия не сказывались. В конце концов Шарль все понял сам. Свободный монашеский балахон с верхними накидками скрывал бы ее тайну еще пару месяцев, но герцог видел ее без балахона, и у него уже было пятеро детей.

– Нет, ты меня в гроб вгонишь. – Сола вжала голову в плечи, не смея даже дышать, а Тагэре отстранил ее от себя, внимательно рассматривая, и, убедившись в правильности своих подозрений, добавил: – Сначала не сказала, что ты девица. Теперь скрываешь, что, скажем так, толстеешь. Сколько месяцев? Четыре, пять?

– Четыре с половиной.

– Так, и что делать будем?

Если бы она знала...

В эту ночь Шарло был с ней удивительно нежен, а когда пришла пора расставаться, попросил ни о чем не беспокоиться. Это его дело, это его ребенок, и он что-то обязательно придумает. И придумал. Он отвезет ее в Ланже, где комендант женат на его кормилице, они обо всем позаботятся. Он будет приезжать, надо только устроить так, чтобы ее исчезновение никого не удивило и не заинтересовало, и он это сделает. Старая Жанна, если что, выдаст ее за свою вдовую племянницу, а смена одежды и прически, не говоря уж о беременности, меняют любую женщину. Ну, а когда ребенок родится, придется решать уже все сразу.

Сола с облегчением вздохнула. Ей уже становилось тяжело вести прежний образ жизни, да и иметь рядом опытную женщину, на которую можно положиться, очень хотелось. Казалось, все налаживается, по крайней мере на год вперед. Как бы то ни было, из циалианок она уйдет, сестра Анастасия исчезнет, появится милая мешаночка из Небли, Шарль будет рядом, а дальше она не загадывала. Но наутро в замок въехало два десятка рыцарей Оленя во главе с Муланом, который был нагл и самоуверен и явно намеревался лично доставить сестру к наставнице.

Придумывать причину ее исчезновения стало некогда, нужно было бежать, тем более Шарлю очень не понравился взгляд, которым рыцарь окинул девушку. Человек, устроивший подлость с письмом, не задумается сделать еще что-то подобное. Он может попробовать в дороге добиться расположения красавицы, благо на этот раз на хребте у него не висит добряк Рузо, а если Анастасия не согласится, в ход пойдет все что угодно, от магии до сонного зелья. После этого она в его руках. Беременность для циалианки означает, самое малое, пожизненное заключение в монастырских мастерских, а то и кое-что похуже, если будет доказана дополнительная вина.

Отъезд Анастازии был назначен на завтра, а ночью она должна была исчезнуть, причем навсегда. Оставлять ее поблизости было нельзя, так как Мулан, как и все циалянцы, мог разбираться в магии. Богоугодной, разумеется. Они решили, что девушка оставит письмо, в котором сообщит, что опасается путешествовать вместе с сигнором Муланом, который испытывает к ней отнюдь не братские чувства, и отправляется в обитель самостоятельно. В это поверят, а они в это время поскачут на запад, чтобы перейти до холодов Лисьи горы, и будь что будет. Оставлять Анастазию в Арции нельзя, спасти ее может только герцог, и он этому даже рад. Они будут свободны. Они будут вместе далеко от интриг и волшбы.

Даже совесть Шарля, которая не переставала его мучить с момента болезни Эстелы, успокоилась: из двух его женщин опасность грозила именно Соле, и он решился. Завтра они уже будут далеко отсюда, какими бы ни были эти еретики-таянцы, спевшиеся с нелюдями, они вряд ли страшнее рыцарей Оленя, по крайней мере для них... Сола поежилась: осень в этом году была теплой, но ночь брала свое. Оранжевая полоска на западе погасла, и женщине показалось, что на свете нет никого – только она и звезды, внимательно ее разглядывающие. Созвездие Рыси взошло уже высоко, и ее зеленоватое око словно бы высасывало из девушки тепло и надежду. Рядом с Рысью дрожали другие созвездия осени – Палач и Белка... Небо неспешно вращалось на запад, над горизонтом поднялся Сноп, затем Блудница, а Анастазия все ждала. Холод пробрался даже под теплый плащ, подбитый мехом, а ноги в легких сапожках для верховой езды и вовсе заledenели. Анастазия ждала, а его все не было.

2862 год от В.И.

Ночь с 11-го на 12-й день месяца Зеркала.

Тагэре

Когда одна из дам Эстелы ворвалась к Шарлю с сообщением, что роды начались и сигнора призывает супруга, тот уже был одет для путешествия. Пришлось бросить плащ и подняться к Эстеле, которой уже было не до него. Герцог мерял шагами приемную жены, понимая, что что-то не так. Слишком долго в сравнении с тем, как это было с младшими детьми, да и лица бегавших туда-сюда медикуса и его помощников были нерадостными. Шарль не мог не думать об Эстеле и рождающемся ребенке, но герцог, прежде всего, видел перед собой другую женщину, несколько ор ожидающую его на условленном месте. Он не мог ничего ей сообщить, надеясь лишь на то, что, устав ждать, она поймет, что ему что-то помешало, и вернется. Что ж, они уедут следующей ночью, даже циалянцы не посмеют уклониться от участия в пире по поводу рождения ребенка из рода Тагэре или от... поминальных торжеств. Уж слишком долго все тянется, неужели это проклятое падение? Как же так вышло?! Эстела не могла видеть, это ее выдумка, но он все равно виноват. Да, своими заигрываниями с Делю он отводил подозрение от Соле, но его жене от этого было не легче. И вот она вообразила, что он изменяет ей с Делией, а полученный при падении удар закрепил эту выдумку в ее сознании.

Как бы то ни было, если Эста или ребенок умрут, то их убийцей будет он, а если он не вытащит Солу из ловушки, в которой она оказалась по его вине, то он будет вдвойне убийцей. Но, случись что с Эстелой, он не сможет оставить Тагэре. Даже ради спасения Соле. Филипп слишком мал, чтобы стать владыкой севера.

Герцог с радостью бы дал жене и свободу, и власть, к которой та отнюдь не была равнодушна. То, что он бросал все и, по сути, умирал, оставаясь живым лишь для Соле, в какой-то степени примиряло его совесть с бегством. Он с собой не берет ничего, даже имени, он отрывает себя от прошлого, так же как Анастазия. Она жертвует Богом, он – домом и своим долгом. Да, они оба совершают страшный грех, но они готовы за него расплачиваться...

2862 год от В.И.

Утро 12-го дня месяца Зеркала.

Тагэре

Сола прождала до восхода, хотя понимала, что все бесполезно. Если честно, она вообще не верила, что Шарль исполнит обещанное. Вслух она мечтала о том, как они перейдут горы и встретятся с такими же изгоями, он будет охотиться на горных медведей и черных лисиц, а она его ждать у огня. Осенью за шкурами будут приезжать купцы, и вырученного хватит на самое необходимое. Она научится собирать травы, прясть, белить холстину, у них будет трое или четверо детей и большая горная овчарка. Утром внизу будет стелиться туман, а вершины уже будут залиты солнцем, как в ее родной Эстре... Она говорила об этом Шарло и знала, что ничего этого не будет, так как она не рождена для счастья. Безумие этого лета заставило ее забыть о том, почему она оказалась в монастыре, она была счастлива, а теперь за четыре месяца света придется платить вечной тьмой. Тагэре не пришел, он и не мог прийти. Она ему больше не нужна, раньше она приносила наслаждение, а теперь стала камнем на шее. Как она могла подумать, что ради беременной циалианки он оставит Тагэре, семью, корону, привычную жизнь?!

У герцога были любовницы и до нее, наверняка скоро появятся новые. Та же Делия. А что, если Эстела не ошиблась? И все это время Шарль развлекался с несколькими женщинами и всем говорил одно и то же. Да, наверное, так и было. Герцогиня увидела его не с ней, а с другой, а она так была уверена в своем Шарло, что ей и в голову не могло прийти, что он обманывает не только ее. Конечно, не появившись так некстати Мулан с дружиной, Тагэре ее бы не бросил... Знатные сигноры вообще редко бросают своих бастардов, тот же Жан Лумэн сделал для Фарбье и возможное и невозможное. Вот и Шарло поблагодарил бы ее за любовь, за ласку и постарался бы куда-нибудь пристроить или просто бы перестал замечать, занявшись кем-нибудь еще.

Но появление Мулана спутало все карты. Герцог предложил ей бежать, справедливо решив, что это единственный выход, но сам и не собирался покидать Тагэре. Ему нужно было, чтобы она собралась, написала записку и исчезла. Недаром он настоял, чтобы она взяла с собой полтысячи ауров, спрятанных в седельных тайниках. Он ее отправил куда глаза глядят, снабдив деньгами, конем и теплым платьем. А сам трусил. Как трусят мужчины, когда нужно сказать женщине, что все кончено. А куда ей идти? В Тагэре? Там наверняка уже нашли записку, и там Мулан... К бланкиссима Агриппине? Но наставница слишком строга в своих убеждениях, к тому же она ее предупреждала и насчет герцога, и насчет нарушения обета. Она не простит... Сделать так, как хочет Шарль? Исчезнуть? Тихо жить в каком-нибудь уголке, сказавшись вдовой, растить сероглазого ребенка, выйти замуж за ремесленника, который соблазнится остатками ее красоты? Смотреть, как сын герцога Тагэре будет ломать шапку перед каким-нибудь захудалым нобилем? Лгать всем и себе... Она этого не хочет! Вернее, она этого просто не вынесет. Может, просто покончить со всем сразу? В реку вниз головой или повеситься? Тело найдут, будут доискиваться, кто она... Она будет опозорена, но посмертно, добавив к нарушению обета и прелюбодеянию еще и самоубийство.

Если бы ничего не было! Если бы она могла вернуться в монастырь, оставив Тагэре с ее красавцем-сюзереном и его вечно беременной женой сестре Аквилине. Ну почему она была так неосторожна? Почему это приключилось именно с ней? Хотя такое случалось и раньше и будет случаться потом. Все женщины, когда влюблены, становятся безнадежными дурами, с которыми можно делать все, что угодно... Если бы только она никогда не встречала Шарля или знала, чем все кончится. Она могла не подпустить его к себе или хотя бы не попасться, ведь есть же средства!

Она сама видела когда-то у Агриппины старинную книгу по медицинской магии, которую та ценила за редкость и дельные советы по исцелению болезней, но к которой относилась с очевидной брезгливостью. Правда, то, что писал умерший шестьсот лет назад почтеннейший Симон Геланский, не шло ни в какое сравнение с тайным знанием, о котором Агриппина не могла говорить без содрогания. Больше всего бланкиссиму пугало, что это заклинье, безумно простое, когда-нибудь перестанет быть тайной. По ее мнению, прибегнуть к нему – значит совершить тягчайший из возможных грехов... Сола прекрасно помнила их

разговор два года назад, когда доброе круглое лицо наставницы стало багровым от возмущения...

Именно тогда она и рассказала воспитаннице о заклатье, принесенном с Корбутских гор. С его помощью женщина могла за один день избавиться от будущего ребенка, причем не оставалось никаких следов. Даже опытейший медикус и тот никогда не смог бы определить, что произошло. Беда, однако, была в том, что решившаяся применить это заклатье, навсегда отказывалась от своей женской сути. Ей оставалась ее красота и молодость, но душа навсегда предавалась поздней осени, а тело становилось смертельно опасным для мужчины, который поддался бы его очарованию.

Последнее обстоятельство, видимо, вызвало у так и не познавшей любви Агриппины особый ужас... И это действительно было страшно, но что Соле оставалось делать? Что? Она никогда в жизни больше не потянется ни к одному мужчине. Шарль Тагэре стал первым и последним. Так что гори все синим пламенем. Душу она и так погубила, преступив обет, а тело и имя спасет, хотя бы от позора. Если жить станет совсем неведомо, она найдет способ со всем покончить, но так, что никто и никогда не поймет, почему и как все произошло. Сейчас же ей следует вернуться в Фей-Вэйю, вернуться в одиночку и свободной.

Решение было принято, и женщина, в последний раз взглянув на пустую дорогу, направилась к кладбищу. Спрятала коня в зарослях лещины у небольшого ручейка – не зная, так нипочем не найти – и тихо побрела между могил, отыскивая нужную. Так и есть, память ее не подвела. Мария Тамье, двадцати одного года от роду, умерла в родах, произведя на свет мертвого младенца. Анастасия взяла с могилы пригоршню земли. Какой же сегодня лунный день? Третья четверть! Лучше не придумаешь. Нужно найти корневище ядовитого вежа и листья борщевника, они здесь попадались.... Отлично! Теперь в иглечий. Взять четырнадцать огарков от свечей и вниз, в подвал, откуда есть проход в пустой склеп семейства Клижу. Вдоль одной из стен на полках стояло несколько освинцованных ящиков, другая сторона была незанята.

Странно, как это она запомнила сложный ритуал, описание которого видела всего один раз? Неужели уже тогда в глубине души она поняла, что это может понадобиться?! Или память человеческая обладает свойствами в нужный момент вытаскивать из глубин знания, о которых их обладатель и не догадывался? Еще вчера Сола под страхом смерти не вспомнила бы, что и как следует делать, а теперь она деловито расставляла свечи на концах Рогов⁶⁰ в ногах и в изголовье. Хорошо, что она, собираясь в дорогу, собрала все необходимое, в том числе и огненный камень. Теплые огоньки на концах свечей на мгновение заставили Солу заколебаться, но только на мгновение. Шарло ее бросил, и идти ей было некуда. Она никогда бы не подумала, что осмелится на такое, что у нее хватит умения и сил довести до ума заклатье, ведь до этой страшной минуты она никогда не занималась магией всерьез, хотя ее, конечно, чему-то учили, как и всех, вступающих в сестринство.

Женщина бросила на предназначенную для гроба каменную полку охапку привядшего борщевника, быстро скинула одежду и осторожно села на хрустнувшие стебли. Вдохнула, вынула нож и слегка порезала кожу у щиколоток и под левой грудью. Показавшаяся кровь была смешана со взятой с могилы землей и соком вежа, которым она смочила и губы. Вот и все, теперь лечь на спину и ждать, повторяя про себя четырнадцать непонятных слов. Было тихо, сквозь тонкий слой травы чувствовался вековой и равнодушный холод могильного камня, Сола дрожала как в лихорадке, на губах застыла едкая горечь, затылок стянула резкая, отвратительная боль, но она продолжала твердить странные слова, глядя на колеблемые подземным сквозняком свечи у себя в ногах. Странно, но цвет пламени постепенно стал

⁶⁰ Рога, правильное рога Оленя Цялы, – магическая фигура, применяющаяся в циалянских и ряде других магических ритуалов (последнее почитается кощунством и жестоко карается) и представляющая собой схематическое изображение оленьих рогов с шестью отростками каждый. Обычно либо совершающий действо, либо какой-то ритуальный предмет помещается между двух Рогов, на концах которых ставятся зажженные свечи из белого воска.

светлеть, становясь из оранжевого светло-желтым, кремовым и, наконец, серовато-белым, как осенний туман над болотом. Боль и холод словно бы растворялись в белесой мерцающей дымке.

Соланж перестала чувствовать жесткий холодный камень и колючую траву, подхваченная зыбкими опаловыми волнами. Ее несло вниз по белой, клубящейся реке. Впереди слышался шум водопада, она видела далекие, почти скрытые в тумане темные берега, но ей было все равно, ведь на всей земле не было никого, кому бы она была нужна, разве что бланкиссиме, да и та без нее прекрасно обойдется. Гул водопада доносился все отчетливее, но Солу это не пугало, поток повернул в сторону, и ее вынесло на широкий плес. До водопада оставалось всего ничего, но его не было видно из-за высокого каменистого острова, который вырос прямо на пути. Взбесившаяся река обтекала его с двух сторон, а он высился, высокий, обрывистый, не подвластный белым клубящимся волнам. Длинный узкий мыс выдавался высоко вперед, и Солу несло к нему. Она вздрогнула, увидев знакомую фигуру, стремительно бегущую по берегу ей навстречу. Шарль протягивал к ней руки, и она невольно рванулась к нему. И тотчас волны перестали быть ласковыми и теплыми, в лицо и глаза ей ударило множество острых, едких брызг, ледяной смертельный холод спутал ее по рукам и ногам, она не могла даже крикнуть, только из последних сил пыталась плыть к берегу, а Шарль протягивал ей руки и никак не мог дотянуться...

2862 год от В.И.

12-й день месяца Зеркала.

Тагэре. Эльта

– У вас сын, монсигнор. – Герцог вздрогнул и непонимающе уставился на медикуса:

– А что герцогиня?

– Сигноре ничего не угрожает, я дал ей средство, и она уснула. – Врач, казалось, был не рад этому обстоятельству, так как сообщил его, глядя в пол.

– Корнелиус, – Шарль Тагэре взял медикуса за плечи, заставив смотреть себе прямо в глаза, – ты принимал всех моих детей, так что я тебя знаю... Говори прямо, что не так?

– Правду сказать, – буркнул Корнелиус, – ничего хорошего. Я предупреждал, что после такого падения лучше не рисковать... Ваш сын, монсигнор, родился горбатым, и я не поручусь, что он выживет...

– Горбатым? – Герцог сжал кулаки. – Что ж, могло быть и хуже, если б это оказалась девочка. Мужчина может проложить себе дорогу и не будучи красавцем. Что-нибудь еще?

– Сейчас остается только ждать. Сделано все возможное, но...

– Что ж, да смилостивится над ним святой Эрасти.

Добряк Корнелиус так и не понял, о какой милости просил монсигнор Заступника. То ли сохранить ребенку жизнь, то ли, наоборот, избавить его от земных страданий. На всякий случай медикус заговорил о другом.

– Ваш сын родился точно в полдень, монсигнор, а все астрологи знают, что это знак особой судьбы. Позднее, если монсигнору угодно, я составлю более подробный гороскоп.

– Разумеется, угодно, – кивнул герцог, – а теперь иди отдыхать, у тебя была нелегкая ночь, да и у меня тоже. Если от тебя больше ничего не зависит... Я полагаю, твои помощники способны приглядеть и за роженицей, и ребенком.

– Разумеется, но...

Врач хотел сказать еще кое-что, но Шарль Тагэре уже вышел, Корнелиус слышал, как он сбегает по лестнице, как требует коня. Затем заскрипели ворота, простучали копыта по мосту. Что ж, понятно... Монсигнор не из тех, кто позволяет другим любоваться на свою беду и выражать сочувствие. Утопить горе во встречном ветре, растоптать конскими копытами – что может быть естественнее для воина? Через несколько ор Шарль вернется, будет улыбаться жене, прикажет готовиться к пиру по случаю рождения сына, делая вид, что ничего страшного не произошло... Что ж, к его приезду гороскоп будет готов, звезды уже вечером образовали весьма странную конфигурацию, а тут еще первый крик прозвучал

именно тогда, когда солнце было в зените, а на востоке как раз взошла Волчья звезда, соединившись со звездой Рас Эргаль, Сердцем Звездного Вихря. Похоже, маленького горбуна ожидает непростая судьба, если, конечно, он выживет, в чем лично он, Корнелиус, весьма сомневался...

Да, гороскоп гороскопом, но не забыть приготовить успокаивающую микстуру для герцогини, она ведь еще не знает. Корнелиусу очень не хотелось быть черным вестником, тем паче именно он предлагал Эстеле избавиться от ребенка, и, к несчастью, не ошибся. Медикус любил властителей Тагэре и был не из тех, кто радуется подтверждению своих слов такой ценой. Бедная женщина, теперь она будет всю жизнь себя винить в несчастьи сына... Хорошо бы проклятую новость сообщил ей сам герцог или, еще лучше, наперсница сигноры, ей все равно сегодня уезжать...

Добряк не мог знать, что Анастасия уже уехала и что неистовое желание ее найти, а вовсе не отчаянье заставило герцога броситься вон из замка. Шарло гнал коня, как будто пол-оры могло что-нибудь изменить. Если Сола решила дожидаться его во что бы то ни стало, она еще там, если нет – он встретит ее по дороге, так как после осенних дождей другого пути в Тагэре от Лисьего тракта нет.

Пепел красивым галопом летел навстречу идущим с востока тучам. Герцогу было жаль сына, родившегося в полдень ветреного осеннего дня, сына, которого он, вероятно, никогда не увидит, но мальчик, несмотря на увечье, остается Тагэре. Рядом с ним будет мать, братья и дядя, у него есть будущее, тем паче содеянного не исправишь. А у Сола только он и больше никого и ничего. Если девочка попадется в руки циалянкам, то смерть покажется ей избавлением...

2862 год от В.И.

Утро 12-го дня месяца Зеркала.

Тагэре

Потолок склепа был весь в трещинах, одна из которых изгибалась, подобно реке Льюфере, а вторая напоминала то ли лебедя с длинными ногами, то ли журавля с изогнутой шеей. Между двумя трещинами располагалось одно большое пятно, похожее на жабу, и несколько пятен поменьше. Вот и все, что могла видеть Сола со своего ложа. Холодно ей больше не было, страшно тоже, наоборот, всю ее переполнял какой-то странный, отрешенный покой, частью которого были и старый склеп, и пятно-жаба, и догорающие огарки... Она постаралась припомнить, что же с ней было. Сначала это было трудно, но потом воспоминания словно бы прорвали невидимую плотину и хлынули потоком. Она вспомнила все! И игривого рыжего котенка из далекого горного замка, утопленного за украденный кусок мяса много лет тому назад, и несостоявшееся покаяние Шарля Тагэре, и его самого, его слова, руки, губы... Она захотела очнуться, когда ей в ее бреду примерещился герцог. Или это был не бред, а что-то другое, она уже вышла из воды, он бежал к ней, протягивая руки, как это бывало не раз, когда они встречались за пределами замка. И она тоже побежала к нему. Сола вспомнила их объятие, казавшееся реальнее реального, а потом герцог исчез, она вышла из транса и очнулась одна-одинешенька в промозглом склепе между догорающими свечами. Раны на груди и ногах болели, лицо горело, словно она пришла с мороза...

Что делать дальше, Сола не представляла, заклятье не помогло, ребенок шевелился в ее чреве, напоминая о позоре и безысходности, о том, что Шарль не пришел. Может, все-таки встать и уйти? А ночью попробовать проскользнуть в замок и вызвать Шарло. Должен же он все-таки помочь ей! Должен же хоть кто-то ей помочь. Сола села, обнимая себя за плечи, но одеваться отчего-то не спешила, хотя ее тело и покрылось гусиной кожей. Ребенок вновь пошевелился, с потолка сорвалась тяжелая и холодная капля и упала на плечо. Сола вздрогнула и зашептала заученную в детстве молитву святой Циаде. Святая была строга, чиста и непорочна. А она погрязла во грехе и только что чуть не свершила самого страшного, и все-таки она молила равноапостольную о помощи. Словно услышав ее призыв,

догогорающие свечи вострепнулись, залив склеп опаловым светом, и Соле показалось, что на нее смотрит прекрасное женское лицо.

Циала была почти такой же, как на иконах, только глаза ее не были опущены долу, а смотрели в душу отчаявшейся женщине. Ей показалось, что безупречные губы святой шевельнулись, и она услышала те самые четырнадцать слов заклатья, которые она повторяла, прежде чем потеряла сознание. Сола вздрогнула, хотя, возможно, причиной этого послужила капля, на этот раз упавшая ей на лоб. Смутно послышался другой голос, голос герцога, который звал ее. Она робко протянула руку за своей одеждой, мысленно взывая к святой. И та вновь, уже громче повторила слова заклатья. Губы Сола шевельнулись помимо ее воли, повторяя за равноапостольной: «За мойрэ дека не каллон гобьердо...»

2862 год от В.И.

12-й день месяца Зеркала.

Тагэре

Вот и кромка леса... Странно. Почему осенью стволы деревьев кажутся черными? Возможно, потому, что они влажные, а может, все дело в цвете листвы... Высокая сосна, одинокая и красивая, словно бросавшая вызов осени своей строгой зеленью, указывала дорогу. Песок у ее корней был истоптан конскими копытами и женскими ножками. Сола здесь была долго, очень долго... Герцог крикнул сначала вполголоса: с рассветом женщина могла укрыться на опушке, затем громче, но в ответ раздалось только издевательское сорочье стрекотанье. Он поехал по кругу, но полегли от дождей травы не держали следов. Что ж, значит, не дождалась, на сколько же они разминулись и какой же дорогой она вернулась? Неужели дурочку понесло на Грозовой кряж, наверняка именно туда, иначе он бы ее встретил. Тагэре послал коня по малозаметной тропке. Так и есть, здесь не так давно проехал всадник. Мокрая от дождя могучая паутина сорвана как раз на уровне конской груди, а в глине отчетливо отпечатались эльтские подковы⁶¹. Дальше дорога становилась каменистой, и ничего различить было нельзя, но Шарло не сомневался, что найдет Солу в замке.

Как ни хотелось ему скорее нагнать беглянку, он не стал рисковать и опасное место миновал шагом. Осень уже вступила в свои права, небо было низким и серым, на его фоне желтые и оранжевые деревья и кусты казались принарядившимися перед казнью осужденными. А в Лисьих горах придется и вовсе солоно, он и так бессовестно затянул с отъездом, но ведь казалось, что опасности нет. Спрятать Солу в Ланже можно было без труда, и чего это бланкиссиме приспичило менять наперсницу? Видно, правду говорят, дела Виргинии совсем плохи, и Агриппине нужна помощница, на которую она может полностью положиться, но как же это было не вовремя.

Пепел, легко мотая гривой, вступил на мост, стражники с нарочито равнодушными и безмятежными лицами – знают, сочувствуют, но не желают навязываться – отдали честь, пропуская сюзерена. Тагэре бросил поводья кому-то из оруженосцев и, больше не заботясь о коне, пошел к дворцу. Разумеется, сначала нужно спросить о жене. Герцогиня, как он и надеялся, спала.

– Дана Аугуста, – Шарло казался уставшим и спокойным, – я хотел бы поговорить с сестрой Анастасией, прежде чем та уедет.

– Монсигнор, – толстуха была явно огорчена, но вместе с тем ее рапирала новость, – сестра Анастасия сегодня ночью бежала, оставив письмо. Я заходила к ней... – «Наверняка поделиться новостями», – брезгливо подумал герцог. – И вот что нашла.

Жена коменданта протянула записку.

«Монсигнор Шарль и сигнора Эстела, когда вам принесут мое письмо, я буду далеко от

⁶¹ В Арции на подковах коней из конюшен крупных феодалов изображались условные знаки, позволяющие определить принадлежность лошади по ее следам.

Эльты. Бланкиссима Агриппина приказала мне вернуться в Фей-Вэйю, и я повинуюсь, хотя успела полюбить север и его людей и хотела бы прожить здесь остаток своих дней. Но я решила путешествовать одна, так как не доверяю свою честь рыцарю, который привез приказ. Это тяжелое обвинение, я знаю, и ничем не подкрепленное, так как моим единственным доказательством могло бы стать лишь мое бесчестие, от которого я и бегу. Я уезжаю тайно, так как, зная вашу доброту, не сомневаюсь, что вы навязали бы мне эскорт, а это означало бы ссору Тагэре с орденом, чего я ни в коем случае не хочу. Надеюсь, святая Циала сохранит меня в пути. От рыцаря Мулана мое письмо не скрывайте, все равно он все узнает от бланкиссимы, перед которой я исповедуюсь в день своего приезда. Да хранит вас и Эльту святая равноапостольная Циала».

– Вот так, – шмыгнула и без того распухшим носом Аугуста, – бедный наш невинный ягненок. Видела я этого Мулана, ему девок из борделя и тех доверять нельзя...

Толстуха продолжала что-то говорить, герцог кивал, но в мыслях его была лишь Сола. Где она? Что с ней? Она должна была вернуться! Может, решила где-то переждать день и вернется вечером на условленное место? А вдруг она самочинно отправилась в Ланже? Или в Лисьи горы, надеясь, что он ее догонит. Единственное место, где она не может появиться, это Фей-Вэйя.

Вечером он вернется к сосне, а пока... Пока ему ничто не мешает разослать людей на розыски, все равно Аугуста разнесла содержание письма по всему замку, так что его решение никого не удивит. Напротив, не сделай он этого, люди бы заподозрили неладное.

Вскоре пятьсот всадников рассыпались по окрестностям, горя желанием найти и вернуть стройную синеглазую сестру, боявшуюся рыцаря Оленя больше осенних волков и Безногого Всадника⁶². Что до циалианских рыцарей, то и они приняли участие в поисках, но любезные хозяева навязали им в помощь три десятка воинов, знающих местность. Мулан ничего не мог поделать и отправился на поиски Анастазии под конвоем. Шарлю же пришлось передовериться своим людям. Если бы герцог бросил жену и умчался в даль светлую, его бы не поняли, к тому же у Тагэре хватило ума понять, что шанс, что именно его отряд найдет Солу, невелик, зато ее наверняка привезут в Эльту, и тут нельзя будет терять ни мгновения. Он еще не знал, что именно сделает, но готов был на все.

2862 год от В.И.

Утро 14-го дня месяца Зеркала.

Тагэре

«Звезды не указывают, а предостерегают, не указывают, а предостерегают», – твердил себе Корнелиус, глядя на разложенные на столе натальные карты⁶³. Старенький медикус, в свободное от занятий врачеванием время балующийся астрологией, был искренне предан герцогской семье и любимой науке, неудивительно, что результат расчетов поверг его в ужас. Пришлось заваривать себе «сердечную траву», стало полегче, но выписанные аккуратным почерком цифры никуда не исчезли. Корнелиус смотрел на гороскоп новорожденного и пытался успокоить себя теми же словами, которые обычно приберегал для других.

По всему выходило, что ребенок не должен выжить. С таким гороскопом не живут, странно, что он вообще родился живым. Волчья звезда⁶⁴ на горизонте, тау-квадрат Солнца,

⁶² Согласно эльтской легенде, между днем осеннего равноденствия и первым снегом ночью по дорогам разъезжает безногий всадник, встреча с которым означает скорую и страшную смерть.

⁶³ Натальная карта – представляет собой карту звездного неба в момент первого крика ребенка, на которую нанесена система Домов.

⁶⁴ Волчья Звезда, называемая также Ангеза, – одна из семи блуждающих звезд, обладает красноватым свечением. В гороскопе символизирует мужское начало, способность противостоять судьбе и вместе с тем

Арэны⁶⁵ и Арцеи⁶⁶. Все жребии⁶⁷ легли неудачно, кажется, нет такой беды, которая миновала бы родившееся вопреки воле звезд существо. Даже обычно добрая Луна рассорилась с Солнцем, лишая ребенка материнской любви и надежды создать семью. Хотя куда ему с его горбом....

Но любовь в его жизни, похоже, будет. Амора⁶⁸ стоит даже выше, чем у отца. Амора в соединении с Сердцем Лебеда в Доме Души поддерживает Ангезу, совпавшую с оком Волка в Доме Чести, а на вершине Дома Славы – Сердце Дракона. Он будет воином, он будет любить и будет любим... Око Дракона – звезда королей... И Великое Несчастье, одновременно отметившее Дом Славы, Дом Души и Дом Служения. Сколько же он проживет? Лет девять, в крайнем случае шестнадцать... Вряд ли мальчик перескочит через соединение Арцеи с жребием смерти, противостоящий Арэне, вставшей на жребий судьбы. Если же обойдется, тогда падения и взлеты, неизбывная боль, многие утраты. И предательство, предательство, предательство... Он предаст или же предадут его? Это решать ему самому, кто осудит калеку, если он возненавидит весь мир? Если он пойдет на поводу Дома Обмана и Дома Мести, он поднимется на небывалую высоту. Кто же победит? Ангеза в Доме Чести или Арцея в Доме Славы? Арцея проведет через все пороги, если он забудет о чести и долге. Но кому может быть должен горбун, если весь мир должен ему? А если он пойдет за Ангезой? Тогда удар за ударом, и так до тридцати трех, а потом и вовсе два года кромешного ада, который не пережить никому. А Арэна будет манить победами, славой, успехом. Такой зов Судьбы даже Анхель бы не выдержал... Кстати, гороскоп великого императора напоминал гороскоп новорожденного. Не во всем, конечно, но то же противостояние Ангезы и Арцеи, та же Арэна на жребии Судьбы... Анхель устоял, не пошел по пути зла и предательства, но ему было много легче, да помянет его святой Эрасти.

Самым же печальным было, что гороскоп сына странным образом дополнял гороскоп отца, время первого крика которого не удалось записать. Если верить гороскопу, то ближайшие двенадцать лет Шарлю предстояло прожить в преисподней, если вообще прожить. Но ведь сказано же, что звезды – это только полдела, остальное человек делает сам. Если Шарль круто изменит свою жизнь... Но не в монастырь же ему идти. Говорить или нет? Нет. Герцог не из тех, кто внемлет предупреждениям.

Тагэре все равно пойдет своим путем, так зачем же ему после каждой неудачи раз за разом возвращаться к мысли, что будет еще хуже. И потом, бывают же исключения! Шарля хранит сама судьба. Он должен был погибнуть уже раз пять, но всегда возвращался. Надо надеяться. В конце концов, ничего нового не произошло. Да, до сегодняшнего утра он не мог окончательно вычислить асцендент⁶⁹ Шарля, но ведь от того, что он не мог правильно построить гороскоп, он не изменился. Герцог постоянно попадал в переpleты, но пока все обходилось. Так чего же бояться теперь? Шарль Тагэре не из тех, над кем властна судьба. И

может давать вспыльчивость и жестокость. В гороскопе женщин означает возлюбленного.

⁶⁵ Одна из семи блуждающих звезд в гороскопе, также именуемая «Неотразимым ударом».

⁶⁶ Одна из семи блуждающих звезд в гороскопе, также именуемая «Большим несчастьем».

⁶⁷ Вычисляемые особым образом точки гороскопа, показывающие наиболее влиятельные факторы и наиболее значительные события жизни.

⁶⁸ Амора, Лебединая Звезда, Звезда любви – название одной из семи блуждающих звезд. В гороскопе мужчины Церида-Амора говорит, кого и как человек полюбит. Кроме того, эта звезда покровительница искусств и наслаждений.

⁶⁹ Асцендент – точка Звездного Круга, восходящая на востоке в момент первого крика ребенка, одна из самых важных точек гороскопа, от которой отсчитывают Дома.

все же Корнелиус впервые в жизни согласился с тем, что иногда знание есть зло.

2862 год от В.И.

Утро 28-го дня месяца Зеркала.

Арция. Фей-Вэйя

– Ну и напугала же ты нас всех... – Агриппина выглядела уставшей и осунувшейся, и Сола кольнула совесть, первое человеческое чувство после пережитого кошмара.

– Простите, бланкиссима....

– С какой это радости я стала для тебя бланкиссима?! Хотя я тоже хороша, послала за тобой этого, прости святая Циала, петуха шпорного! Но мне и в голову не пришло, что он до такого докатится! Ну, ничего, посидит в Эскоте, подумает о том, с кем можно, а с кем и нет... Хорошо, Тагэре – человек чести и с женой не разлей вода, а получи такое письмо кто другой, тебе бы проходу не было...

– Я вам нужна? – Сола старательно улыбнулась. Ей хотелось то ли завывать в голос, то ли хлопнуть дверью, а она должна была показывать, как она рада вернуться в обитель.

– Конечно, нужна. Иначе я бы тебя не вернула, за Виргинией нужен присмотр, я к ней чужого допустить не могу. Но ты зря не доверилась Тагэре, он места себе не находит, во всем себя винит.

– Винит? В чем, матушка?! – Неужели Шарль во всем признался?! Да нет, быть такого не может...

– Разумеется, в том, что не сумел тебя догнать и приставить к тебе надежную охрану... Мне и раньше было жаль, что он не король, а теперь и подавно!

– Почему? – жалко улыбнулась Сола.

– Да потому что настоящие короли даже в горе помнят о своих подданных, а красавец Тагэре доказал, что не станет упиваться личным несчастьем и забывать о долге перед другими.

– Несчастье? Матушка, что случилось?!

– Ах да... Герцог писал, что ты пропала в ночь с 11-го на 12-е Зеркала. Выбрала время, нечего сказать.

– Что случилось?!

– У герцогини начались роды. Думали, что умрут оба: и мать, и ребенок. Что с тобой?

– Ничего, матушка... Я слушаю... Надеюсь, герцогиня жива?

– Слушает она! Оба живы, я бы сказала, что это чудо, но вряд ли Тагэре будут за него благодарить Творца. Ребенок родился горбатым. Медикус говорит, что он никак не мог выжить, но выжил. Видимо, кровь сказала, Тагэре так просто не умирают. Да что с тобой такое?

– Ничего.... Просто... Просто я три дня не ела... У меня украли кошелек.

– А я с тобой о чужих делах болтаю! – Агриппина суетливо затрясла колокольчик, и незамедлительно появившаяся послушница получила подробнейшее наставление, как и какое питье приготовить и какие кушанья годятся для человека, три дня маковой росинки во рту не имевшего. Сола слушала и не слышала. Так вот почему Шарль не пришел. Он действительно не мог прийти. Когда жена рождает, муж должен быть в соседней комнате. Таков обычай. Какая же она дура! Как она посмела усомниться в его любви?! Она должна была понять: что-то случилось, – а не упиваться собственным горем. А если бы он упал в темноте с коня и сломал себе ногу? И никто не знал бы, где он и что с ним?! А теперь она собственными руками все разрушила, убила их ребенка и подарила жизнь маленькому горбуну, сыну Эстелы, которому вряд ли жизнь будет в радость.

Агриппина взволнованно кудахтала, совала в руки кружку с тягучим остро пахнущим пойлом, требовала принести грелки и одеяла. Сола заставляла себя благодарить, а ей хотелось только одного. Умереть. Немедленно. Или хотя бы потерять сознание, потому что жить и помнить, что она сотворила, было выше сил человеческих.

Проклятый

Нет, Ларэн его ни к чему не принуждал. Он просто рассказал правду и предложил выбирать. Он мог забыть обо всем услышанном и отправиться в Эртруд. Или же пойти с Ларэном и попробовать изменить предначертанное. Странно, но он сразу же поверил эльфу, хотя вещи, которые тот говорил, казались невозможными. И дело было не в том, что Ларэн спас его и вернул ему руки. Он чувствовал, что эльф любит Тарру и не хочет ее гибели. Так же как и он сам. Какими мелкими и вместе с тем трогательными оказались его чаянья в сравнении с открывшимися ему глубинами.

Беда была в том, что сам Ларэн толком не знал, ни какая именно опасность грозит Тарре, ни когда настанет срок. Это еще предстояло узнать им обоим, и всемогущих и мудрых советчиков не было и быть не могло. Эрасти же предстояло стать равным Ларэну в магии, а затем и обойти его. Изначальная магия Тарры была неподвластна пришельцам, а магия Света, которой они владели, значительно ослабела после исхода Светозарных. Эльфам остались лишь несколько мощных артефактов и Зеленая магия, которой вполне хватало, чтобы сохранить себя и избавиться от множества мелких и надоедливых забот, столь хорошо известных людям, но этого было мало для того, чтобы выиграть решающий бой за Тарру. Знать бы еще, с кем им предстояло схватиться! Ларэн говорил и о каком-то древнем зле, и о тех, кто мог затаиться за пределами Тарры, ожидая своего часа. Эльф знал много, очень много, но, к сожалению, это знание давало больше вопросов, чем ответов.

Пожалуй, больше всего Эрасти потрясло, что в его жилах течет кровь древних властителей Тарры и он может подчинить себе ее изначальные силы, создав собственную магию. Его спаситель полагал, что он, пройдя через страдания и отказавшись от мести ради дела, которому себя отдал, прошел первое посвящение. Как это произошло, Эрасти не понимал, ведь не он первый и не он последний рисковал головой ради того, во что верил. Ларэн в ответ лишь загадочно улыбался и предлагал меньше думать о себе и больше о том, что и когда должно произойти.

Эльфы теперь пожинали плоды своего высокомерия и уверенности в силе и мудрости тех, кто их некогда привел. То, что случилось до пришествия Светозарных, их не интересовало потому, что для детей Звезд древняя Тарра была оплотом дикости и беззаконий. Вещи же, происходящие за ее пределами, их не касались, это было дело Светозарных. Но боги ушли, и теперь Ларэн и его возлюбленная Залиэль, которую Эрасти отчего-то не то чтобы опасался, но по возможности избегал, пытались найти ответы на когда-то незадаанные вопросы.

Залиэль утверждала, что за ними пристально наблюдают чужие глаза. Порой Эрасти казалось, что он тоже чувствует на себе их взгляд и даже научился различать их. Одни смотрели именно на него, словно бы пытались оценить, чего же он стоит. Взгляд других, порой скользивший по нему, вроде бы преисполненный любви, вызывал в Эрасти бешеную ярость. Даже неприкрытая ненависть и та была лучше этого, исполненного собственной значимости, сострадания и убежденности в своем праве судить. И еще ему мерещились дальние костры, в их багровых отблесках двигались бесчисленные рати, которые, несмотря на свой чудовищный вид, отчего-то не казались ни страшными, ни враждебными.

Он пытался говорить об этом с Ларэном, но тот ничего подобного не чувствовал, хоть и относился к его словам серьезно. Они беседовали часто и о многом, в том числе и о знамениях, которые будут предшествовать Концу Света. Крупицы истины прятались то в древних легендах и откровениях, то в подслушанных Залиэлью словах умирающих от Агва Закта⁷⁰, за которыми она следила через водяное зеркало. Эрасти претило наблюдать агонии, но он понимал, что более надежного источника у них нет.

Эльфийка как-то обмолвилась, что этот страшный дар на деле есть великое благо,

⁷⁰ Агва Закта – сильнодействующий яд, используемый Церковью для казни еретиков и отступников из числа бывших клириков. Наделяет умирающих пророческим даром.

оставленное людям кем-то из Великих. Пророчества умирающих были неравноценны, случалось, несколько веков не было сказано ничего действительно важного. Нужно было среди этой шелухи не упустить единственную фразу, которая могла оказаться ключом ко всему. Однажды Залиэль увидела казнь молодого монаха, весь грех которого заключался в любви к молодой паломнице и желании покинуть обитель. Эрасти возмутило, что наказание было столь суровым, но Залиэль это не волновало, тем паче, когда зеркало отразило картину агонии, юноша был мертв уже несколько дней.

Присутствующие при казни клирики и высокий мужчина с проседью, в котором Эрасти, к своему удивлению и ужасу, узнал постаревшего Анхеля, ничего не поняли и были явно раздосадованы. У Эрасти даже мелькнула мысль, что несчастного влюбленного казнили только для того, чтобы услышать пророчество. Однако задуматься и об этом, и о том, что время сделало с Анхелем, он не успел, так как по воле Залиэли озерцо вновь отразило искаженное лицо с кровавой пеной на губах.

На этот раз Эрасти вслушался в слова умирающего. То, о чем он говорил, было столь чудовищным, что Церна позабыл обо всем, кроме Пророчества. Чужой предсмертный бред буквально овладел им. Два дня Эрасти ходил как больной, а на третий принялся рисовать. Он сам не понимал, откуда и как возникали смутные образы. Его несло, словно кто-то водил его рукой.

Да, к этому времени он уже знал и про воплощение Ройгу, и про Эстель Оскору, и про странную силу, по мнению Ларэна, укрывшуюся в море. Но почему на лист все ложилось именно так? Откуда взялись корабль и женщина, что за смутные тени и вихри блуждали вокруг центральных фигур? Самым странным было то, что слова, сказанные умирающим, к нарисованному не имели никакого отношения. Более того, когда Эрасти оставило лихорадочное возбуждение, он попробовал «вставить» услышанное в уже готовую вещь и понял, что не может. Картина была закончена, к ней нельзя было прибавить ни одного штриха, разве что подпись, да и та выглядела уместной только будучи вписанной в странную звезду, к которой протягивала руки подхваченная вихрем женщина. Такой он увидел Эстель Оскору, ту, которая сейчас сидела перед ним, глядя полными сочувствия глазами. Она его понимала и жалела, он чувствовал это. Более того, без этой ее жалости ему было бы еще хуже. И как же мучительно было осознавать, что она ему помогает, а он ей нет.

Эрасти понимал, чего она ждет, и знал, в чем его долг, но исполнить его было свыше его сил. Огонь погас, остался лишь пепел, и как бы он ни старался вновь разжечь костер, это было невозможно...

Эстель Оскора

Хвала Великому Орлу! Наконец-то Эрасти соизволил заговорить о чем-то, кроме Цялы, и заговорить о вещах действительно важных. Оказывается, пророчество Проклятого было лишь частью того, что было ему известно. То, что нарисовал Проклятый, мы хоть и с кровью и слезами, но поняли. То, что он скрыл, казалось совершенным безумием. Но точно таким же безумием выглядела и пресловутая гравюра для тех, кто не знал ни о Белом Олене, ни о загадочной Твари из Серого моря. Хотелось бы, кстати говоря, знать, осталась ли она по-прежнему там или перебралась поближе к Арции.

Если Эрасти не одумается еще несколько здешних дней, я уйду, и будь что будет. Гиб поможет найти тех, кто остался, а вместе мы что-нибудь да придумаем. Если не будет другого выхода, я расскажу правду Шарлю Тагэре, у него достаточно силы, чтоб не сойти с ума, а того, с чем он столкнулся на эшафоте, хватит, чтобы понять, что и я в своем уме. Что до Проклятого, то если он и дальше собирается оплакивать свою любовь среди цветочков, пусть хотя бы расскажет все, что знает. Чтобы он попробовал еще и думать, не говоря о том, чтоб действовать, я уже не мечтала. Потом я вернусь за ним, если, конечно, останусь жива, не бросать же его в таком состоянии на веки вечные. Но, кроме Эрасти, у меня есть и свои долги, которые заплатить некому. И у меня есть Рене. Он жив, и Гиб это знает. Водяной конь, хоть и не может говорить, бывает весьма красноречив. Погибни Рене, он вел бы себя

иначе. Мой капитан жив, но недоступен, иначе Гиб отвез бы меня к нему, хотя б я тысячу раз приказывала ему другое.

Но что все-таки означают услышанные Эрасти слова? Проклятая Залиэль, как она посмела их скрыть от всех нас?! А может, она доверилась Роману, а тот не сказал мне, чтобы не испугать?

Странные слова... Эрасти их не понял, Залиэль, видимо, тоже. А я пойму? Должна! Я помню Тарру спустя тысячу лет после того, как они были произнесены. Я достаточно много узнала о новой Тарре, да и в мирах, по которым меня носило, случалось всякое. Эрасти Церна старательно изучает ползущую по листу божью коровку? Его право. Что ж, я тоже делом займусь.

Для начала будем иметь в виду, что предсказание было заказано императором Анхелем, иначе зачем бы он присутствовал при казни, тем паче клирики всегда оберегают свои тайны. Видимо, для императора сделали исключение.

– Эрасти!

С таким же успехом я могла заговорить с кустом сирени или этой чертовой божьей коровкой.

– Эрасти, послушай!

Он поднял на меня глаза, исполненные такой муки, что мне в очередной раз стало стыдно. Что стоит какое-то Пророчество в сравнении с разбитым сердцем!

– Да, Герика?

Рыцарь есть рыцарь. Он был вежлив, хотя готов был послать меня к Проклятому... Нет, к самому себе он меня точно бы не послал, ну, словом, куда угодно, лишь бы подальше от его любимого страдательного куста.

– Эрасти, сколько лет было Анхелю, когда ты увидел его в зеркале?

Непонимающий, исполненный укора взгляд.

– Эрасти, постарайся вспомнить.

– За сорок. Ближе к пятидесяти.

Что ж, значит, с момента ухода Эрасти прошло лет пятнадцать. Что же такого произошло, что император Арции потребовал у клириков напоить первого попавшегося Агва Закта?!

2862 год от В.И.

Утро 23-го дня месяца Волка.

Фей-Вэйя

Было холодно и сыро, так холодно и сыро, как бывает только в месяце Волка, но Шарля трясло не поэтому. Здесь, в монастырском саду, куда его провела толстая циалианка с полными сочувствия глазами (неужели знает?!), он должен встретиться с Солой.

С того самого мгновенья, как он узнал, что она вернулась в Фей-Вэйю, Тагэре думал лишь о том, как к ней пробиться, не вызвав ни у кого подозрения. На первый взгляд все было просто. Светские владыки свободно допускались в циалианские обители, а бланкиссима Диана и вовсе сожительствовала сначала с герцогом Фарбье, а потом с каким-то Белым рыцарем, но ему было нужно свидание наедине, а в обителях имеют уши даже стены. Второй бедой герцога был новорожденный сын, выживший, вопреки глубокому убеждению медикуса и потаенному желанию многих обитателей замка. Эстела не желала о нем даже слышать, впрочем, она вообще замкнулась в себе, не подпуская к себе ни родичей, ни старших детей, а о муже и говорить не приходится. Несмотря на свидетельства десятков людей, женщина была убеждена, что он изменял ей с Делией, и повлиять на нее не мог никто.

Старших герцогиня выкормила сама, младший был отдан кормилице, и никакие доводы примчавшегося в Эльту Старого Медведя не помогали. Тесть жалел Эстелу и сочувствовал Шарлю. Сам герцог не сомневался, что старик провел собственное расследование случившегося и с горечью убедился, что всему виной неосторожность его собственной

дочери и удар головой, благодаря которому ее дурацкая ревность превратилась в нечто реальное.

Родственники-то поверили, а вот сам Шарль прекрасно знал, что виноват. Душа Тагэре рвалась в Фей-Вэйю, но он не мог оставить гостей, да и спешить было некуда. То, что случилось, уже случилось. Новорожденный сын мог умереть в любое мгновение, и уж проводить-то его в последний путь отец был обязан. И еще он был горд за старших детей. Жоффруа был еще слишком мал, как и девочки, но Филипп с Эдмоном переживали за маленького калеку, особенно Эдмон. Он родился здоровым и никогда ничем не болел, но несчастье с братом воспринял на удивление остро. Просыпаясь, он первым делом мчался в отведенные кормилице комнаты, отдавал ей причитающиеся ему самому сласти, до которых был большим охотником, приставал к медикусу с расспросами. Филипп был посуше, но и он от брата не шарахался, а вот самому герцогу каждый визит отдавался болью, которую удавалось скрывать лишь с большим трудом, а может, и не удавалось, просто и слуги и воины с уважением относились к чужому горю.

Как бы то ни было, ребенку следовало дать имя, причем до положенного срока. Если нет уверенности, что дитя проживет месяц и один день, следует его наречь сразу же, дабы безымянная душа навеки не затерялась на Серых Равнинах.

Праздник Приятия⁷¹ вышел невеселый. Эстела отказывалась взять ребенка, и только вмешательство Старого Медведя заставило герцогиню соблюсти приличия. Одетый в фамильные цвета герцог был бледен как полотно. Он с непроницаемым лицом принял сына из рук матери и держал его все то время, которое потребовалось старенькому замковому клирику для обязательных молитв. Когда же наступил черед именованья и отец Артур спросил герцога об имени, тот четко произнес: Шарль-Руис-Александр. Клирик беспрекословно повторил имена трижды, касаясь смоченным в благовонном масле пальцем лба, сердца и правой руки ребенка, но окружающие воззрились на Шарля Тагэре в несказанном удивлении. Согласно приметам, дать свое имя уроду, который к тому же может умереть, не прожив и месяца, значит чуть ли не добровольно передать себя в лапы смерти, причем лютой. Что до двух других имен, то святого Руиса потихонечку вытесняли из Книги Книг, да и Александр имя хоть и хорошее, но какое-то не арцийское. Однако сказанного не вернешь, и новорожденный отныне и навсегда становился Шарлем-Руисом-Александром.

Разумеется, Старый Медведь вечером не преминул спросить зятя, что означает его странный выбор, на что Шарль совершенно честно ответил, что своим именем решил поделиться с сыном, так как это то небольшое, что он может для него сделать. Что до двух других имен, то они сорвались с его губ чуть ли не помимо его воли, он не собирался их называть и не понимает, как это вышло.

– Бывает, – кивнул большой головой тесть, – ну что ж, назвал так назвал. Может, эти святые, в благодарность, что о них вспомнили, как-нибудь да помогут...

И святые помогли. Во всяком случае, мальчик выжил. Крепким его назвать было нельзя, но и умирать он не собирался. Родичи уехали, и Шарль понял, что никто его не осудит, если он съездит в Фей-Вэйю со вкладом для монастыря. Анастасию в Тагэре полюбили, а в сравнении с вновь прибывшей наперсницей синеглазая циалианочка и вовсе казалась ангелом господним. То, что Шарль Тагэре никогда не забывает своих людей, знали все, так что его желание съездить в Фей-Вэйю никого не удивило, тем паче, когда в дом пришла такая беда, поневоле начнешь жертвовать монастырям. Вообще-то, это должна была сделать Эстела, но герцогиня, по всеобщему мнению, была малость «не в себе», так что на Шарля свалились и ее обязанности. К тому же в замке полагали, что монсигнору неплохо бы развеяться, а дорога, она всегда дорога...

Герцог ускакал холодным предзимним утром, взяв с собой две сотни воинов. Дороги

⁷¹ Приятие – обряд, знаменующий приход человека в лоно Церкви Единой и Единственной. Начиная с 7 века в Благодатных землях обряду подвергают всех младенцев, достигших одного месяца и одного дня. Во время Приятия клирик дает младенцу имя.

Арции для Тагэре были опасны, и Шарло не собирался вновь оказаться в ловушке, однако на сей раз охоты не было. Фей-Вэйи достигли благополучно. Настоятельница отсутствовала, но замещавшая ее бланкиссима Агриппина, про которую Тагэре немало слышал, кудахча и причитая, провела его в сад.

Весной, когда цвели яблони, здесь было невероятно красиво, но сейчас выступающие из тумана приземистые растрепанные стволы казались больными и озлобленными. Герцог медленно прогуливался по аллеям. Туман гасил звуки, и он слышал легкие шаги, когда Сола была уже совсем близко.

Она была в таком же белом плаще с капюшоном, в каком он увидел ее впервые у ворот Тагэре. Сам не понимая, что делает, герцог стремительно обнял ее и привлек к себе. Она не сопротивлялась. Так они и стояли, прижавшись к друг другу, ничего не видя и не слыша. Женщина опомнилась первой и попробовала высвободиться, но Тагэре не разжал рук. Сола вздрогнула, но свои попытки прекратила, вновь спрятав лицо на груди Шарля. Из забытья их вывела наглая черная птица, слетевшая на стоящее неподалеку дерево и разразившаяся сварливыми скрипучими криками. Мужчина и женщина вздрогнули от неожиданности и отступили на шаг друг от друга. Капюшон Сола упал, и Шарль увидел бледное лицо, обрамленное черными прядками, которые в напоенном влагой воздухе завились колечками.

– Сола, – он заговорил первым, – прости меня, что я опоздал... Именно в тот день...

– Я знаю, – женщина кивнула, – бланкиссима показала мне письмо, – я дура... Как я могла тебе не поверить...

– Могла, – герцог взял ее руки в свои, они были ледяными, – ты была совсем одна, в голову могло прийти все, что угодно... Проклятый! Мы перерыли все окрестности, добрались до самых гор, и ничего... А ты оказалась здесь, в единственном месте, где тебя не искали... Сола, ты здорова?

– Да, – у нее еще нашлось силы кивнуть, а потом из глаз хлынули слезы, которые она клялась никогда больше не проливать.

– Ты не врешь? – Он рывком подтянул ее к себе и увидел в глазах неизбывную муку. – Врешь... Что-то случилось... Тебе плохо? Агриппина ничего не подозревает?

– Ей нечего подозревать, – с горьким смешком, удивительно ей неидущим, откликнулась Сола. – Я обезумела... Я думала, ты меня бросил, хотела умереть, но боялась позора и после смерти... Шарло... Я пустила в ход магию, чтоб избавиться от ребенка.

– Магию? – Теперь вздрогнул герцог. – Но разве ты... Разве ты что-то знаешь?

– Мало, – теперь Сола говорила быстро, словно боясь, что он с отвращением повернется и навсегда уйдет, – очень мало... Я даже не знала, что что-то могу, но, наверное, страх и... Я ненавидела тогда и себя, и тебя, это помогло... Это было заклятие смерти, я отдала ей еще не возникшую жизнь... Это было так страшно, Шарль, так страшно и так больно... Я хотела остановиться, правда, хотела. Но уже не смогла... А потом твое письмо... Ты не предал... Я – неблагодарная дрянь, Шарло... Убийца, ведьма, я...

– Ты – маленькая дурочка, – губы герцога коснулись синих глаз, – бедная маленькая дурочка... Святой Эрасти, сколько же ты перенесла, сотня рыцарей не выдержит... Что же нам теперь делать?

– Нам? Нам?!

– Но... Ты все еще любишь меня?

В ответ она вновь заплакала.

– Любишь?

– Да.

– Значит, мы с тобой уйдем, как и решили. Конечно, уйти из Фей-Вэйи труднее, чем из Эльты, но мы что-нибудь придумаем. Зиму придется перетерпеть, а в месяце Агнца.... Сола!!! Да что с тобой?!

– Шарло! Ничего не будет! Понимаешь?! Ничего и никогда!

– Сола!

– Выслушай, – в глазах Соланж плескалась мука, но голос почти не дрожал, – это не

простое заклятье. Я теперь хуже ядовитой змеи. Со мной ничего не будет, а для мужчины я теперь смерть. Моя любовь тебя убьет, а я... Я хочу, чтобы ты жил. И чтобы твой сын жил, потому что в нем теперь жизнь нашего ребенка. Вышло так, что я обменяла ее... Поэтому уходи. Навсегда уходи, я не переживу, если еще раз тебя увижу...

— Вот, значит, как, — он и на этот раз не оттолкнул ее, а продолжал гладить по темным волосам, — бедная ты бедная... И это не исправить? Ведь на каждое заклятье, наверное, можно найти другое...

— Что ты в этом понимаешь, — с горечью прошептала Сола, — ты воин, вот тебе и кажется, что любой удар можно отбить... Нет, Смерть это Смерть, с ней не поспоришь. А я теперь ее орудие. Самое большее, что я могу, это не причинить никому зла. Агриппина приставила меня ухаживать за Виргинией, это как раз по мне, но и все... Я бы умерла, но если я это сделаю сама и раньше срока, тогда Смерть заберет кого-то, кто мне дорог, тебя или Агриппину. Значит, я должна жить, и я буду жить... Долго буду. Постепенно все забудется...

— Ты сама в это не веришь. — Он все еще не выпускал ее. — Сола, а может, все это вранье? Ну, откуда, в самом деле, это известно? А потом, — он неожиданно улыбнулся, — умереть в твоих объятьях, что может быть прекраснее.

— Нет, — Сола упрямо сжала губы, — это правда, Шарло. Отсюда и все эти легенды о том, что насильники, дотронувшиеся до сестер, умирают. Я знаю и про Одиллию, и про Каролину. Они сделали то же, что и я, и это не их насильствовали, это они завлекали мужчин, которые потом умирали... Да и Виргиния... Но она хотя бы никого не убила... Я не могу, чтобы ты... Не могу! Ты — моя жизнь, как же я могу убить тебя. Уходи, Шарло, умоляю...

— Хорошо, но поцеловать-то я тебя могу?

— Можешь, — она вздрогнула, — но не надо.

— Надо...

Он целовал ее долго-долго, но ни один поцелуй не может длиться вечно. Герцог отпустил ее, хотел что-то сказать, и Сола с ужасом заметила, что губы у него дрогнули, как у человека, сдерживающего слезы. Больше он ничего не сказал, только низко поклонился, повернулся и ушел навсегда по петляющей между облетевшими яблонями тропинке.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Alea jacta est*⁷²

*Но когда под грохот чужих подков
Грянет свет роковой зари —
Я уйду, свободный от всех долгов,
И назад меня не зови.
Не зови вызволять тебя из огня,
Не зови разделять беду.
Не зови меня!
Не зови меня...
Не зови —
Я и так приду!*
А. Галич

2863 год от В.И.

16-й день месяца Агнца.

Арция. Мунт

Королю захотелось пить, и он проснулся. Слуги, уходя, оставили на ночном столике

⁷² Жребий брошен! (лат.) Слова, приписываемые Юлию Цезарю.

все необходимое, в том числе и кувшин с сахарной водой. Пьер с удовольствием напился и задумался. Спать не хотелось. Царившая за окном Луна отчего-то удостоила своим вниманием крышку от кувшина, превратив ее в сияющее чудо. Король взял стеклянную вещицу в руки, преградив дорогу лучам, и диво погасло... Жаль, но ничего не поделаешь! И почему только любая вещь, стоит только взять ее в руки, становится хуже?

Пьер выпил еще воды, задумчиво сжевал пару пирожков с абрикосами и решил сходить посмотреть на наследника. Это было страшно интересно. У него, Пьера Лумэна, появился наследник. Когда король узнал об этом, он очень обрадовался. Дитя, без сомнения, было зачато от Святого Духа, и это очень хорошо. Пьер не понимал, почему, когда он высказал столь очевидную мысль вслух в большой, красивой комнате, набитой людьми, которые наперебой его поздравляли, все замолчали, а дядя Фарбье ужасно разозлился. Но Пьер не жалел, что сказал правду, пусть все знают, что отец наследника Арции – Святой Дух! Это лишний раз подтверждает, что власть арцийских Волингов идет от самого Творца! Непонятно только, почему дядя Жан так рассердился. Наследник был нужен, об этом твердили все, наконец он с божьей помощью родился, радоваться надо!

Король надел теплый стеганный халат, правда, очень жесткий и неудобный. Вышитые на воротнике золотые цветы противно царапали шею, но Пьеру еще в детстве объяснили, что король должен терпеть много всяких неприятных и ненужных штук, и он честно терпел. В том числе и кусачий халат. Ходить по дворцу босиком и в одной ночной рубашке было нельзя. Когда дядя Жан застал его ночью в комнате с хомьями без халата, то сказал, что всякий раз, когда его увидят неглиже, будут убирать одного зверька. После этого Пьер, выходя из спальни, всегда одевался.

Для начала Его Величество прошел к любимым зверушкам. Те мирно сидели по своим клеткам, кто-то спал, кто-то грыз зерно и овощи, а один, с пятном на ухе, бегал в специальном колесе. Король посмотрел на своих любимцев и поднялся к наследнику. Стражники раздвинули копья, и Пьер вошел в обитую светло-зеленым шелком комнату, где коротали ночь кормилица и дежурный медикус. Открытая дверь вела в детскую. Вообще-то туда можно было пройти и из опочивальни королевы, смежной со спальней самого Пьера, но Агнеса стала запирается, так что пришлось идти мимо нянек, которые, к счастью, крепко спали. Однако радоваться было нечему. Прокравшись в детскую, король увидел, что вокруг колыбельки расселось несколько кошек.

Этих тварей Его Величество недолюбливал, хотя его матушка, вдовствующая королева, их обожала. Наглые раскормленные кошки и коты ходили и лежали там, где им хотелось. Если кто-то ненароком их беспокоил, злюки шипели и огрызались, а одна из них придушила любимого хомья Пьера, когда бедняга сбежал из клетки. Королю долго ввали, что Помпон вернулся в поле к родичам, он узнал страшную правду случайно и проплакал всю ночь. После смерти матушки кошки из дворцовых покоев были изгнаны, во всяком случае, ему говорили, что это так. И вот опять!

Правда, эти звери совсем не походили на курносых и пушистых материнских любимиц. Они были побольше, какие-то прилизанные и с острыми мордами, а их короткая черная шерсть блестела, словно они были сделаны из черного стекла. И все равно это были кошки!!! Даже более противные, чем те, что отравили королевское детство. И они посягнули на наследника, которого самому Пьеру трогать не разрешалось!

Возмущенный до глубины души король бросился к кровати, крича и размахивая руками, но негодные твари лишь ослабились и прижали уши. Пьер бестолково прыгал вокруг, не решаясь схватить агрессоров, так как всегда боялся боли, а остроту кошачьих когтей помнил с детства. Несмотря на громкие крики, на помощь никто не спешил, слуги словно оглохли, а кошки и не думали уходить. Они таранились на Его Величество нагло и вызывающе, а одна и вовсе зевнула и почесала за ухом, громко стуча лапой по дереву.

Наконец король Арции догадался снять ночную туфлю и замахнулся на большого черного кота, видимо, главного в этой отвратительной компании. Однако мерзкий хищник успел напасть первым. Он издал громкое шипенье и, выставив вперед лапы с ужасными

когтями, прыгнул в лицо королю, расправив при этом темные кожистые крылья. Пьер дико закричал, чувствуя себя таким же маленьким и беззащитным, как бедняга Помпон. Раскосые желтые глаза впились в обнаженную душу, и этот бездонный взгляд был последним, что запомнил Пьер Лумэн, прежде чем потерял сознание.

2863 год от В.И.

16-й день месяца Иноходца.

Арция. Тагэре

Старый Медведь готов был убить свою дочь. Ну, может, не убить, но хорошенько выпороть безусловно. Шарль и Делия были невиновны, в этом не было сомнения, и упрямство Эсты не лезло ни в какие ворота. Дочь упорно молчала, зять был спокоен и приветлив, хотя в глазах билась какая-то странная тоска. Этьен ре Фло списывал ее на разлад в доме и на беду с младшим сыном, Эстела же мальчика словно бы и не замечала. Старого графа подобное равнодушие просто бесило, тем более дочка была кругом виновата. Вольно же ей было в интересном положении тащиться верхом на Грозовой кряж, да еще в ненастье!

Этьен бы понял, если б Эста тряслась над больным ребенком, а она, она словно бы брезговала им. Но малыш-то чем виноват?! Другое дело Шарло, тот старался казаться спокойным, но скрыть свои чувства от тестя ему не удавалось. Что ж, сдержанная любовь отца в данном случае куда лучше сумасшедшей материнской опеки, жаль только, что маленький ребенок этого не понимает. Ре Фло чувствовал, что внуку плохо без матери, но что могли сделать они с Шарло, двое мужчин, рожденных для боя, а не для возни с больными младенцами?!

– Шарло, может, мне забрать Сандера с собой? Кормилиц и вообще баб и во Фло пруд пруди, а Изо старше его всего на два года, пусть вместе растут.

– Эста не согласится, – покачал головой Тагэре, – там же Делия...

– Проклятый! – проворчал Старый Медведь. – Вот уж точно, вбила себе в голову невесть что... Да гляди ты и вправду на сторону, и то...

– Сигнор Этьен, – улыбнулся Шарль, – я далеко не святой, врать не буду. Но ведь Делия – жена Рауля!

– Ну, хорошо хоть так, – буркнул тесть, – а то я было испугался, что ты в святые метишь. Не возжелай, прощай и так далее... Может, не пройдет и десяти лет, как ты не только на чужих баб, но и на свою корону соизволишь взглянуть?

– Но мы же договорились, – вздохнул Шарло.

Старый Медведь собрался ответить, но не успел. Вошел оруженосец Шарля, изо всех сил старавшийся выглядеть бравым воякой, хотя пятнадцать лет давали о себе знать.

– Что такое, Жанно? – Зять явно обрадовался возможности прервать бесконечный и явно ему неприятный разговор, но паж ответить не успел.

– Не «что такое», а кто такой. – Низкий веселый голос мог принадлежать только виконту Тарве. – Новости из Мунта, да какие!

– У Фарбье в душе расцвел тюльпан, – буркнул Этьен, – а ифранка подалась в циапианки.

– Почти, – жизнерадостно кивнул Рауль, наливая себе вина. – Хорошо, что вы сидите, а то бы упали. Вам как, все сразу или по порядку?

– По порядку давай, – потребовал Тагэре, – а то никакого удовольствия не будет.

– Угу, по порядку так по порядку. Наш дорогой Пьер окончательно спятил. Для начала он заявил, что принц Гаэльзский – сын Святого Духа!

– Ч-ч-ч-чего? – давась от смеха, переспросил Этьен.

– Святого Духа, – невозмутимо повторил виконт, – королек об этом при всех брякнул. Жаль, ифранка не слышала, потому как, дав жизнь означенному наследнику, была в постели.

– Жан Фарбье не похож на Святого Духа, – в серых глазах Шарля промелькнула тень былой ослепительной улыбки, – но не думаю, чтоб это имело какие-то последствия.

– Кроме того, что, если ты не образумишься, на престоле Волингов окажется двойной

бастард.

– Сигнор Этьен!

– Ладно, молчу. Давай, Рауль, дальше, что там?

– А дальше вовсе весело. Короля зачем-то понесло ночью посмотреть на наследника. Впрочем, оно и понятно, его к мальчишке и близко не подпускали. Что там точно произошло, никто не знает, даже Обен, потому что и нянька, и стражники уснули и проснулись только от вопля. То ли корوليшка чего-то испугался и сошел с ума, то ли сначала рехнулся, а разорался уже потом, но, когда туда вбежали, бедняга сидел, забившись в угол, и вопил, что его сейчас кошка съест.

– Кошка?! – в один голос возопили Шарль и Этьен.

– Именно, – подтвердил Рауль, – вообразил себя хомяком, трясется, кричит, чтоб к нему не пускали кошек. Смех и грех! Король Арции...

– И что дальше? – Шарль уже не смеялся.

– А дальше... Агнеса с Фарбье попробовали это скрыть, но бланкиссима не дала. Да и кардиналу ифранские прихвостни, видать, поперек горла. Созвали Генеральные Штаты... Я опередил посланцев на несколько ор. Шарло, тебя избрали регентом Арции!

2863 год от В.И.

16-й день месяца Иноходца.

Арция. Фей-Вэйя

Бланкиссима Агриппина сосредоточилась и замкнула невидимую цепь, соединившую Ее Иносенсию и сестру Анастасию. Теперь Сола на два дня станет умом и душой помешавшейся Предстоятельницы. Тело Виргинии будет ходить, говорить, улыбаться, и никому из съехавшихся в Фей-Вэйю сестер и в голову не придет, что Виргиния еще более безумна, чем несчастный арцийский король. Завтра, когда чужие покинут Фей-Вэйю, Агриппина отпустит Солу. Увы, пройдет несколько дней, прежде чем девочка полностью придет в себя. Подбирая и изменяя заклатья таким образом, чтобы подчинить тело, из которого не просто вырвана душа, но погашен последний огонек сознания, бланкиссима проверяла открытия сначала на себе и лишь потом на Соле, хоть и с ее согласия. Без девочки она бы ничего не смогла, так как кто-то должен разорвать астральную цепь, пока овладевшая Виргинией Пустота не впустила когти в связанного с чужим телом человека. Доверять же кому бы то ни было, даже Генриетте, сестра Обена не могла, слишком многое было поставлено на карту.

Знамения, ничего не значащие для других, для Агриппины имели страшный смысл. В мир скоро явится, если уже не явился, тот, кто откроет дорогу Проклятому. Бой неизбежен, но понимает это лишь она, немолодая толстая женщина, опирающаяся лишь на старинные книги да несчастную девочку, пусть талантливую, но неопытную. Агриппине было жаль Солу, но она не могла поступить иначе. Бланкиссима не могла ходить тенью за Ее Иносенсией, ее бы не поняли. Другое дело молоденькая сестра, посвятившая себя долго болевшей, но сейчас стремительно выздоравливающей Предстоятельнице. Место же Агриппины в приемных залах. Она должна принять, накормить, разместить приехавших сестер, а заодно понять, кто чем дышит, чья берет в вечном споре между Ифраной и Арцией, что думает Архипастырь и так ли велика ненависть Елены и Дианы к Генриетте, чтобы они оставили собственные распри, дабы сожрать соперницу, угрожающую обоим.

Собственно говоря, потому-то Агриппина и решила на чудовищный трюк с Солой – сестры должны видеть, что Виргиния поправляется и в ближайшее время о Рубинах Циалы лучше забыть, а раз так, незачем мешать Генриетте подниматься все выше и выше по церковной иерархии, ведь ее победы – это и победы ордена. Но выдержит ли девочка два дня безумия? Ощущать себя одновременно сестрой Анастасией и Виргинией, говорить, двигаться и думать за обеих, не забывая о том, кто ты сама, это слишком тяжело. А потом будет мучительное пробуждение, во время которого человек вспоминает все самое страшное, что было в его жизни.

Агриппина пыталась избыть это откатное явление, но, увы... Видимо, для того, чтобы вновь собрать насильно раздвоенную личность в единое целое, требуется воззвать к самым сильным потрясениям, через которые она прошла. Возможно, где-то живут люди, у которых сильнейшим чувством в жизни было испытанное некогда счастье, но лично она, Агриппина, с такими не сталкивалась. Бланкиссима глянула на сидящих рядом Виргинию в снежно-белом облачении и Солу, чье платье оживляла вишневая оторочка простой сестры. Еще год, и девочку можно будет возвести в ранг необланкиссимы, как наперсницы и помощницы Ее Иносенсии, но пока рановато. Сестры и так косо смотрят на «выскочку», завладевшую вниманием Предстоятельницы. Знали бы они, что никакого внимания нет и быть не может!

Агриппина с готовностью отдала бы половину отпущенных ей лет (при условии, что этих лет более пяти) в обмен на понимание того, что произошло с Виргинией. Она не сомневалась, что Предстоятельница стала жертвой собственных заклятий, но какие же силы она должна была потревожить, чтобы те полностью разрушили личность самой сильной волшебницы ордена, а ведь Виргиния, без сомнения, приняла все меры предосторожности. Она была невероятно хитра и предусмотрительна, на что же она замахнулась? Агриппина в свое время перерыла все бумаги Предстоятельницы, обнаружила там немало интересного, но не нашла ничего, что, пусть с натяжкой, могло сойти за последнее роковое заклятие. Возможно, она просто не там искала. Ну да ладно! Сейчас главное – ввести в заблуждение сестер.

Первой открыла глаза Виргиния. Все правильно. Сперва ведущий заставляет ведомого сделать то, что нужно, на себя же идут лишь остатки сил. Ее Иносенсия медленно встала, подошла к туалетному столику, распустила все еще прекрасные волосы и тщательно их расчесала. Затем приложила ладонь к шкатулке Циалы, и та открылась. Пока жива одна Предстоятельница, никогда кажущийся простеньким ларец не откроет другая рука. Сколько мучений было с этим, пока из «заклятья покаяния», открытого Скорбящими, не удалось создать заклятие единения. А до этого Ее Иносенсию приходилось чуть ли не волоком тащить к ларцу и открывать его ее руками, а та рычала и упиралась, как взбесившаяся пума. Хорошо хоть эту препону они теперь преодолели.

Виргиния медленно, словно во сне, доставала и надевала украшения. Диадема, серьги с подвесками, ожерелье, браслет, второе кольцо в дополнение к перстню, которое Предстоятельница не снимала с мгновения избрания и до самой смерти. Наконец Виргиния повернулась к Агриппине, и губы на мраморном лице шевельнулись.

– Бланкиссима, я готова...

Этого еще не хватало!

– Сола, девочка моя, ты сейчас Виргиния. Ты жестокая, равнодушная, сильная. Я для тебя только прислужница. Не более того. Не забывай об этом. Для тебя мы все пыль. Ты настолько всех сильнее, что даже ненавидеть нас не можешь. Тебя забавляет вражда между Дианой и Еленой, они тебе не опасны, а смешны. Ты к ним вышла, поговорила с каждой, дала понять, что знаешь все, протянула кольцо для поцелуя и ушла, предоставив мне приводить их оскорбленную гордость в порядок.

– Бланкиссима...

– Сола! Ты должна справиться. Я должна быть среди собравшихся, а больше я никому довериться не могу. Девочка, возьми себя в руки. Так надо!

И она взяла. Собравшиеся циалианки увидели спокойную, расчетливую стерву, которая знала все и про всех (недаром барон Обен был братом Агриппины!). Ее Иносенсия была бледной и слегка погрузневшей, но ума и силы в ней хватило бы на десяток. Агриппина чувствовала разочарование и досаду, охватившие соперниц, когда те поняли, что Предстоятельница им не по зубам. Виргиния небрежно расспросила Генриетту о делах в Кантиске (бедная Гета, она тоже решила, что Виргиния пришла в себя!), заметила Елене, что она пока еще бланкиссима Ифраны, а не Арции, Диане – что ее ненависть к ифранской королеве не должна мешать заботам о душах арциек, а мирийке Дафнии – что святая Циала полагала греховной любую плотскую связь, но связь женщины с женщиной более всего.

Сола, следовавшая за Ее Иносенсией с опущенными глазами, казалась бледной тенью, пораженные осведомленностью и жестокостью Предстоятельницы сестры ее просто не замечали. Девочка же помнила урок отлично, и не беда, что голос Виргинии был негромким и невыразительным, в зале Оленя было так тихо, что услышали бы и пробежавшего по стенке паука, если б тот, разумеется, посмел бегать в присутствии Ее Иносенсии.

Наконец все закончилось. Виргиния села в белое кресло перед иконой, изображающей святую. Сестры одна за другой преклоняли перед ней колени, лобызая кольцо и выслушивая тайное Слово, которое должны были исполнить. Затем Предстоятельница встала и удалилась в сопровождении безмолвной сестры Анастазии. Сола выдержала. Теперь ей придется несколько ор просидеть рядом с Виргинией, борясь со сном и наползающими кошмарами, ожидая, пока разъедутся гости и станет можно разорвать связь.

2863 год от В.И.

6-й день месяца Медведя.

Арция. Мунт

Мунт совсем не изменился, по крайней мере Шарлю Тагэре со спины коня казалось именно так. Все та же дружелюбная толпа на улице, жирные голуби на балконах и крышах, величественные здания и аляповатые вывески. Пережитый некогда ужас вкупе с засевшими на троне Лумэнами окончательно оттолкнул герцога от Мунта, который Шарль и раньше не любил. И вот теперь возвращение, возвращение тем более неприятное, что одному Проклятому известно, когда он сможет уехать и сможет ли. Даже жить ему предстоит во дворце рядом с безумным королем, который, если верить Раулю и посланникам Генеральных Штатов, забивается во все щели, прячась от несуществующих кошек. Бедный Пьер! Шарль Тагэре никогда не желал ему зла... Может, завести во дворце собаку и сказать королю, что она прогнала котов? Пусть хотя бы бояться перестанет, если уж король вообразил себя хомяком, то пусть это будет хомяк счастливый, а не насмерть перепуганный.

Кавалькада, состоящая из гвардейцев, нобилей, представителей Генеральных Штатов и воинов Тагэре и ре Фло (Рауль и Этьен настояли на том, чтобы взять с собой небольшую армию, а выборные не спорили, хорошо помня, как Мунт встретил Тагэре прошлый раз), выехала на улицу Святого Мишеля, повторяя дорогу к эшафоту. По спине герцога поползли отвратительные мурашки. Ерунда, теперь часто придется здесь ездить, нельзя позволить старому страху себя подмять, иначе чем ты лучше спятившего Пьера?

Тагэре повернулся к еще больше растолстевшему барону Обену:

– Говорят, после меня этой дорогой мало кого возили?

– Да, – кивнул командор Мунта, – Скорбящие больше не выносят сор из избы. Признавший твою правоту Творец оставил бедняг без инструментов, да и епископ нынешний сам в политику не лезет и своим не дает, а за чужими в три глаза смотрит. Так что синякам пришлось забыть об антонианских штучках и вновь палачей да шпионов развести. Колдовать они, конечно, продолжают потихоньку, но пыл уже не тот... Илларион шутить не любит.

– Ну и хвала святому Эрасти, – улыбнулся Шарло. Да, спасибо тебе, Геро, женщина-кошка. Спасибо за то, что ты спалила самое мерзкое, что только было в Арции, дав возможность мужчинам умирать по-мужски. Где бы ты ни была сейчас, спасибо тебе... Интересно, что за кошки мерещатся Пьеру... вдруг?! Да нет, не может быть. Геро не стала бы издеваться над беззащитным, вот Фарбье она могла бы показать зубы, хотя кто ее знает... Он так и не понял всего, что она говорила. – Барон, – Шарль обезоруживающе улыбнулся, – я надеюсь на вашу помощь.

– Надейтесь, – расплылся тот в ответной улыбке, – я готов ставить ваши интересы на второе место после собственных, и не верьте никому, кто пообещает вам больше. Что вы хотите знать?

– Все, что нужно, и немного больше.

– Всего-то? – заржал барон. – Договорились, помаленьку да с божьей помощью и с хорошим вином все и обсудим. Только не в ваших комнатах, сигнор.

– Ну отчего же, – серые глаза смотрели почти весело, – кое-что можно обсуждать и у меня.

– Да вы шутник, монсигнор. Ну, разве я похож на подсадную утку?

– Нет, барон. Вы похожи на подсадного кабана.

– Кабана, – огромное тело затряслось от хохота, – вот послал Творец регента на старости лет!

Они еще немного поболтали обо всем и ни о чем, и впереди показался дворец. Вернее, это был комплекс зданий, которые постоянно перестраивались. Похоже, не было в Арции ни императора, ни короля, который не внес бы свою лепту в сотворение причудливого мирка, называвшегося Дворцом Анхеля. Шарло доводилось бывать во многих замках и дворцах, но мунтский поражал своими размерами и какой-то бестолковостью. Впрочем, раньше Тагэре бывал лишь в парадных залах да в спальне сестрицы друга юности Конрада Батара. Как давно это было! Конрада другом теперь даже спяну не назовешь, а Жозефина воспитывает внуков где-то на юге, тогда же она была тридцатипятилетней красавицей, обучавшей семнадцатилетнего корнета искусству любви, как он потом обучил Солу.

Сола... Он же приказал себе не думать о ней, живущей в своей Фей-Вэе. Сделанного не исправишь, в конце концов, он почти рад случившемуся с Пьером, так как сидеть в Эльте, где каждый камень напоминал о его короткой и неистойвой любви, было слишком тяжело. Потому-то он едва не поддался на уговоры тестя и не поднял восстание. Спасибо, судьба уберегла его от жребия человека, поджегшего собственный дом. Гражданской войны не будет, будет худой мир в Арции и война в Эскоте и Ифране.

Без этого не обойтись. Джакомо должен забыть о своих притязаниях, а Жозеф убраться с торговых путей в Сур и Каон. Потом, дав старому пауку по лапам, он готов признать его суверенитет, готов даже подумать о династическом браке, но только когда Ифрана почувствует силу Арции. Сначала же надо навести порядок в собственном доме... Фарбье должны вернуть хотя бы часть украденного, а ифранские негоцианты потесниться. Агнеса думает только о себе и своей семейке, потому ифранцы в Арции чувствуют себя вольготнее, чем хозяева. С этим пора кончать!

– Только не говори, что ты продолжаешь злиться, – в карих глазах Рауля плясали чертики, – ставлю коня против кошки, что ты думаешь о том, что станешь делать.

– Конечно, думаю, – огрызнулся Шарль, – выхода-то вы мне не оставили...

Это была неправда. Он мог отказаться, Генеральные Штаты просили, но не приказывали. И согласился он отнюдь не под давлением семьи, хотя глаза и у Рауля, и у его деда горели, как у волков, заглянувших в овчарню. Принять ношу было его долгом, так как Шарль понимал, что в стране начинается совершеннейший кавардак. Да, он не хотел ни власти, ни короны, но и бежать в кусты от ответственности тоже было нельзя. Возможно, судьба отобрала у него Солу именно потому, что Тагэре не имел права на любовь, на то, чтобы ставить свои собственные чувства выше тех, кто на него надеялся.

Этьен и Рауль ошибаются, если думают, что он примется сводить счеты с врагами и покровительствовать друзьям, он будет думать только об интересах дела. Если для этого требуется назначить маршалом Арции Анри Мальвани, он сделает это не потому, что тот его друг, а потому, что лучшего военачальника нет. Возможно, лет через десять и появится в лице Рауля, но пока виконт слишком мало повидал.

И хорошо, что Эстела не с ним, хотя после того, как он согласился на регентство, они и помирились. Ему нужно вновь привыкнуть к этой женщине. Когда она, сменив наконец гнев на милость, пришла к нему, Шарль едва удержался от вопроса, чего ей нужно в его спальне. А ведь было время, когда ему казалось, что он любит жену. Без страстей и романтических выдумок, но любит. До встречи с Солой ему часто приходили в голову подобные глупости, зато теперь он знает о любви ровно столько же, сколько знает ослепший человек о том, что есть свет. Ну, вот и приехали...

Шарль соскочил с коня, отказавшись от услуг роскошного слуги, и взбежал по ступеням на террасу, где его ожидала королева. Ифранка была недурна собой, хотя ее губы

могли бы быть и не такими тонкими, а нос иметь более изящную форму.

Еще молодая южная женщина в красном и желтом, смотрит настороженно, но не со злобой, уже радуется. А вот дамы у нее все больше дурнушки или старушки, наверное, ревнует. Среди брюквы она, конечно, роза, а вот среди нарциссов и гиацинтов больше чем на гирасолу⁷³ не потянет.

Герцог изысканно поклонился королеве, которая протянула ему горячую, унизанную перстнями руку, каковую Шарль со всевозможным почтением (может, все же удастся не нажать себе нового врага) поднес к губам.

– Счастлив служить вам, Ваше Величество!

– Благодарю вас, герцог, надеюсь, в пути все было благополучно.

2863 год от В.И.

6-й день месяца Медведя.

Арция. Мунт

Королева ненавидела Шарля Тагэре, хотя никогда его не видела. Ненавидела, потому что он представлял угрозу власти и будущему ее сына и потому, что его ненавидели Фарбье. Однако деваться было некуда. Проклятый кардинал обратился со Словом к Генеральным Штатам, и выборные с готовностью сделали то, чего хотел клирик. А хотел он признать Пьера Шестого безумным и назначить регентом Арции дважды Волинга⁷⁴ Шарля Тагэре. Агнеса, узнав об этом, начала было бушевать, но Фарбье велел женщине заткнуться. И был прав. Регент еще не король и даже не наследник! Если зловредный Евгений заговорит о короне, а Диана его поддержит, будет хуже.

Нет, нужно со всевозможной любезностью принять Тагэре, нащупать его слабые стороны и воспользоваться ими. И Агнеса, стиснув зубы, надела столь идущее ей красное с золотой оторочкой платье и вышла на крыльцо. Она успела как раз вовремя, чтобы не показаться невежливой и при этом не уронить своего достоинства.

Шарль Тагэре неторопливо и вместе с тем стремительно поднялся по лестнице и склонился в почтительном поклоне. Королева милостиво протянула руку для поцелуя, они обменялись приличествующими случаю фразами, а потом регент поднял глаза, и Агнеса Ифранская поняла, что наконец-то пришел ОН. Ее мужчина! Не полоумный король, которого не смог сделать желанным даже титул, не наглый и расчетливый Фарбье, развлекающийся за ее спиной с пышными блондинками, а тот, единственный и настоящий, с которым она готова разделить и корону, и ложе.

В мозгу Агнесы начал складываться план. Она знала, что Тагэре не купишь, к тому же сейчас регент сильнее королевы, значит, надо бить на его рыцарские чувства. Она одинока и нелюбима. Жена смешного, жалкого и несостоятельного мужа, заложница политических интриг, чужеземка, которую презирают только потому, что она не родилась в бывшей метрополии. Она будет просить у Шарля совета, помощи и утешения, и она их получит. Уж в этом-то она не сомневалась. Тагэре станет ее другом, а от дружбы сильного мужчины с молодой женщиной до постели один шаг, если между ними не стоит такая глупость, как мужская дружба или верность супружескому долгу. Первого можно не опасаться, что до второго, то Агнесе рассказывали о том, как супруга Тагэре обвиняла мужа в измене. Ей ничего не удалось доказать, но, привыкшая верить худшему, Агнеса решила, что Эстела была права. Красавчик Шарло не без греха. Если он перестанет видеть в ней врага, они быстро поладят. И королева, изобразив самую грустную и кроткую улыбку, произнесла:

⁷³ Гирасола – крупный желтый или оранжевый цветок, из семян которого добывают масло. Имеет свойство поворачивать головку вслед за солнцем.

⁷⁴ Волинги – потомки Воля, легендарного короля древности, почитаемого родоначальником главных династических домов Арции. После Войны Оленя к таковым могли быть отнесены лишь Аррой Эландские.

– Вы, герцог, вероятно, хотите видеть Его Величество? Он не смог выйти вас встретить. Я провожу вас.

– Благодарю мою Вигнору. – В серых глазах не было ни недоверия, ни презрения, а ведь он наверняка слышал про Святого Духа, про это все слышали. Агнеса повернулась, и ее каблучок застрял в щели и обломился. Королева вскрикнула и пошатнулась. Она бы упала, но Шарль успел бережно, но сильно подхватить женщину под локоть.

– Благодарю вас, монсигнор, – Агнеса мило покраснела, – будем считать это добрым предзнаменованием. Рядом со мной появилась рука, на которую я могу опереться.

– Можете на меня рассчитывать, Ваше Величество, – твердо сказал Тагэре – и сердце королевы радостно забилося. Начало было положено, а туфли, что ж, она сейчас же закажет новые...

2863 год от В.И.

7-й день месяца Медведя.

Арция. Фей-Вэйя

– Значит, Виргиния все же пришла в себя. – Голос Генриетты звучал спокойно, подбородок был высоко вздернут, но Агриппина понимала, что подруга на грани истерики. Еще бы, она себя чувствовала почти Предстоятельницей, и вдруг такое...

– Успокойся, Гета, – толстая бланкиссима старалась говорить как можно убедительнее, – все не так уж плохо. Виргиния странным образом пришла в себя. Для нас ее выздоровление было столь же неожиданно, как и болезнь, но, исцелившись духовно, она очень сильно сдала физически. Поверь мне, она настоящая развалина и устраивать подобные выходы чаще раза в год и тем более заниматься делами в Кантиске она не может и уже никогда не сможет. Не знаю, сколько она проскрипит, может, год, а может, и два, но не больше трех. За это время ты должна доделать все и быть готова.

– Ты точно знаешь? – Настоятельница Фей-Вэйи явно не желала упускать свой шанс.

– Точно, – кивнула Агриппина, – я же ее и пользую. Она только мне и Соле и доверяет. Ну, а Сола, ты знаешь, мое второе я.

– Да, здорово ты ее приручила, – улыбнулась Генриетта, – это нам пригодится.

– Уже пригодилось. Ты нашла то, что я просила?

– Да, хотя это было непросто. Во всей Кантиске, похоже, сохранилось лишь два списка в личной библиотеке Его Святейшества. Мне удалось сделать копии, но это было непросто. Я просмотрела эти записи, по-моему, они не стоят тех усилий, которые я на них потратила.

– Если это так, я возблагодарю Творца, – Агриппина была серьезна и собранна, но небольшие темные глаза толстухи буквально горели. – Я сейчас же займусь сверкой текстов.

– Как знаешь, – красавица Генриетта с ухмылкой взглянула на подругу, – я тебе слишком обязана, так что, если доставила тебе удовольствие, я рада. Постарайся только, чтоб Виргинии не пришло в голову меня отзывать.

– Не придет, – заверила Агриппина, – ее вполне устраивает как твое возвышение, так и драка между Еленой и Дианой. Ты, кстати говоря, даже выиграла от выздоровления Ее Иносенсии, теперь эти змеи снова начнут грызть друг друга, а ты можешь есть не только крутые яйца.

– Пожалуй, ты права... Ты мне дашь знать, когда Виргинии станет хуже?

– Непременно, но на этот год не рассчитывай. Ты едешь прямо сейчас?

– Да, через кварту малый конклав.

2863 год от В.И.

7-й день месяца Медведя.

Арция. Мунт

Его Высокопреосвященство Евгений Арцийский давно разменял седьмой десяток, но выглядел еще старше. Глядя на этого постоянно кашляющего сухонького, седого как лунь старика, невозможно было предположить, что он вот уже двадцать лет противостоит

конклаву в Кантиске и Лумэнам в Арции. Евгений был стар и болен, но силы духа у него хватало на сотню здоровых. Разумеется, Шарль Тагэре видел кардинала и раньше, но никогда тот не достаивал его беседой тет-а-тет. Новоиспеченный регент усмехнулся, вспомнив бесчисленные рассказы о выходках Евгения, снискавших ему любовь простонародья и ненависть лумэновцев. Его Высокопреосвященство славился тем, что всегда брал быка за рога.

– Шарло, – старик и не подумал начинать с благословения, – почему ты шарахаешься от короны, как старая дева от капрала?

– Потому что меня тошнит от Жана-Двоеженца. Этьен был слабым королем, но от этого Лумэн лучше не стал.

– Принимаю, – кивнул клирик, – Тагэре не желают ни в чем уподобляться Лумэнам. Гордыня, конечно, но гордости без гордыни не бывает, а чести не бывает без гордости. Ты хорошо устроился на своем севере...

– Хорошо? – Серые глаза широко раскрылись. – Ваше Преосвященство что-то имеет в виду, но я не понимаю...

– Я имею в виду то, что я сказал. Тагэре живет хорошо. Джакомо сидит тихо, как мышь под метлой, разбойники не разбойничают. Зато пахари пашут, пастухи пасут, а мастеровые мастерят. Благодать. Простонародье обожает своего герцога, а герцог пьет парное молоко из рук крестьянок, а самых хорошеньких еще и целует. У герцога четверо сыновей и две дочери... Почему бы тебе, Шарль Тагэре, со всей этой благодатью не отделиться от Арции? Ни Лумэнов тебе, ни короны, живи да радуйся. Торгуй хоть с атэвами, хоть с дарнийцами, жени сына на дочери Джакомо или сына Джакомо на своей Лауре, заключи вечный мир с Эскотой и Фронтерой.

– Вы шутите!

– Отчего же?

– Я – арциец...

– Ах, ты арциец?! Тогда и веди себя как арциец, а не, прости святой Эрасти, Святой Дух, да не тот, что в штанах у Фарбье, а настоящий. С крылышками.

– Ваше Высокопреосвященство!

– Не перебивай, – рявкнул кардинал и зашелся в приступе кашля.

Шарль терпеливо ждал, пока старик отдышится и утрет слезы.

– Ты молчи, – наконец сказал Евгений, – молчи и слушай. Умру, и никто тебе такого не скажет. Знаю, что ты рыцарь, у тебя честь, кровь и все такое прочее. Так вот, Шарль Тагэре, пришло время, когда тебе, вернее всего, о чести придется забыть. О чести в ее дурацком понимании. Твоей честью будет спасение Арции, а может, и не только Арции. Даже если тебя проклянут, даже если от тебя дети отвернутся и жена уйдет, ты должен выстоять. Не понимаешь? Вижу, что не понимаешь. Ты книги читаешь, песни слушаешь?

– Иногда... Когда время есть.

– А думать у тебя время есть?

– О чем вы, отче?

– Все о том же. Четыреста лет назад Арция была империей, а теперь королевство, да и то на ладан дышит. Благодатные земли тянулись от Последних гор до середины Сура, а теперь огрызок какой-то, а того, что за Проливом и за Лисьими горами, которые теперь Заклятыми зовут, словно бы и нет.

– Но ведь Церковь...

– Церковь-то Церковь. Но вот сама ли? Святой Престол захирел, кардиналы, кто с мирскими владыками мирскими делишками занят, а кто со Скорбящими да капустницами Проклятый знает чем. Архипастырь – пустое место, эрастианцы на ходу спят, Орест из дюзов не вылезает, зато Генриетта в конклав пролезла. Видел я ее, кошке ясно, в Архипастыри метит! Все грызутся со всеми, и чем дальше, тем хуже, словно ржа какая все ест. Что было – забыли, что будет, не знаем и знать не хотим, только настоящим и объедаемся. Дурные времена, Шарло, очень дурные. Я за тобой давно слежу. Ты, как атэвы говорят, лев в стае

гиен. Пададь не жрешь, вшестером сзади на одного не нападешь... Только мало теперь просто чистым быть.

– И все-таки я не понимаю.

– И я не понимаю, – вздохнул клирик, – понимал бы, сказал. Только сдается мне, наступают предсказанные Эриком времена. Подумать страшно, если тот, кого назовут Последним из Королей, не сможет поднять меч, когда нужно будет. А ни Пьер, ни отродье Фарбье на это не способны. Что ты знаешь про Войну Оленя, кроме того, что она была?

– Про Войну Оленя, ну... То, что все знают.

– Нас заставили забыть правду, Шарло. Нас заставили перегрызться. То, чем владеют Скорбящие и циалианки, не от Творца, но сила у них есть, и немалая. Илларион тихо сидит, а по мне, уж лучше бы он интриговал и Жану хвост таскал, как недоброй памяти Доминик. Спокойнее было бы.

– Но разве плохо, что епископ занят только тем, для чего был создан орден?

– А ты знаешь, для чего он был создан? – Евгений ударил по столу сухоньким кулачком. – Я так не знаю! Но они стали тем, чем стали, и за все время лишь ты оказался им не по зубам. А ты и твои сыновья последние в династии, задумайся об этом. А теперь иди. Устал я...

2863 год от В.И.

20-й день месяца Медведя.

Арция. Фей-Вэйя

Агриппина вторую кварту смотрела на три свитка Откровений Блаженного Эрика и недоумевала. Первый, сделанный рукой Архипастыря Феликса, был самым коротким, второй, написанный изящным почерком с завитушками, чем-то напоминал первый, но был много пространнее и содержал уйму вещей и рассуждений, не имевших никакого отношения к первому. И наконец, третий, текст которого известен всем, чтящим Церковь Единую и Единственную. Он отличался от второго, до такой степени отличался, что Агриппина не поверила своим глазам, хоть и предполагала, что изначальный смысл со временем был слегка изменен. Самым же любопытным было, что первая запись практически полностью вошла в обе последующих, но, в зависимости от контекста, смысл ее полностью изменился.

Бланкиссима по-бабьи подперла кулаком щеку и задумалась. Что же случилось? Кто и почему около трехсот лет назад повсеместно заменил тексты, признанные каноническими? Новых пророчеств и откровений больше не было, а если и были, их сочли уместным выдать за старые. Все, что случилось до распада Арцийской империи, скрывал какой-то странный туман, словно бы в людской памяти оставили лишь то, что хотели оставить. Или не оставили, а вложили туда... Жадная до дел минувших, Агриппина давно поняла, что войны, перевороты, восстания не могут иметь одного объяснения, если даже рассорившиеся супруги имеют каждый свою правду.

Все, что произошло после того, как королева Гортензия с помощью любовника свергла своего супруга-мужеложца, было известно из многих источников. Каждый хронист высказывал свое мнение или же мнение своего сюзерена, и, прочитав десяток текстов, повествующих об одном и том же, можно было отыскать правду, пусть не ту, что была в душах почивших маршалов и королей, но правду событий. Если трое непредвзятых свидетелей утверждают, что некий сигнор погиб в битве, трудно доказать, что он был зарезан ночью неверной женой. Нет, с делами трехсотлетней давности Агриппина бы разобралась, но ее интересовали времена Блаженного Эрика, а о них было известно до безобразия мало.

Впрочем, в юности ей как раз казалось, что про Войну Оленя известно все. И в Комментариях⁷⁵, и в светских трактатах события описывались предельно просто и ясно. Это

⁷⁵ Комментарии – род хроник, ведущихся хронистами Церкви Единой и Единственной, где, помимо описания событий, находятся их объяснения при помощи канонических текстов.

потом, заинтересовавшись подробностями, Агриппина поняла, что неизвестно практически ничего. Не уцелело ни одной подлинной хроники, все было позднейшими списками, которые чуть ли не слово в слово повторяли друг друга. Агриппине же необходимо было знать правду. Именно поэтому Генриетта и оказалась в Кантиске. В том, что в Мунте не было ничего ценного, толстуха убедилась при помощи своего брата. Добраться же до Эр-Атэва или Берега Бивней было куда труднее, чем до архива Его Святейшества, ну а Таяна, хоть и была рядом, считалась местом зловредным и проклятым. Узнай кто, что бланкиссима поглядывает за Заклятые горы, быть ей у Скорбящих. Агриппина все свои надежды возлагала на Кантиску, и они частично оправдались.

Итак, Архипастырь Феликс записал:

«Нужно ждать, – ждать, даже когда это будет казаться безумием. Ждать и помнить. В землю упали зерна. Им нужно время. Придет год Трех Звезд, и поднимет меч Последний из Королей. Голубая звезда канет в море, Алая вернется на небо, Темная не погаснет. Она зажжена Избранным, но озарит путь Последнему, предвещая победу. Не бойтесь Ночи, не бойтесь Дня. Тьма защитит от Тьмы, Свет от Света. Не плачьте об уходящих в бой».

Рядом совсем другим почерком было дописано несколько фраз, некоторые шли просто так, над другими была пометка АР.

Первый записал: *«Она вернется, потому что любит, а он дождется, потому что поклялся»*, и еще: *«Круг замкнется, дорога кончится там, где началась, но сначала прольются реки крови. Они согласны заплатить. Да смилуется над ними Великий Лебедь!»* «АР был многословнее, но понять, какое отношение имели его заметки к Эрику, Агриппина не могла. Разве что „природа тех, кого почитают сверхъестественными существами, может быть непонятна, но действуют они исходя из побуждений, единых для всех разумных и чувствующих созданий. Потому ТОТ всегда ищет обиженных и ненавидящих, добавляя в их мысли яд. Так было и так будет, когда вновь сойдутся дороги. Битву Великих предвосхитит война смертных“.

Война смертных? Уж не та ли, на пороге которой сейчас стояла Арция? Или же АР имел в виду закончившуюся или, вернее, замершую склоку между Арцией и Ифраной, тянувшуюся без малого полторы сотни лет...

Агриппина задумчиво взгляделась в следующий текст, он был лет на двадцать младше предыдущего и написан рукой Максимилиана, одного из самых великих Архипастырей, при котором тем не менее подняла голову таянская ересь. Максимилиан объединил сами Откровения с Комментариями и расширил их, почему-то исключив слова о той, кто вернется, и том, кто ее ждет. И наконец, последний вариант. То же самое, и вместе с тем совсем другое... И где-то среди всего этого укрыта истина, которую необходимо найти, чтобы спасти этот мир от гибели. Кто он, Последний из Королей? На чьей он стороне? Голубая и Алая звезды – это Амора и Волчья? Или это метафора? Темная звезда – Эстель Оскора, проклятье Арции? Она осветит путь Последнему, значит Последний – враг?! Имеет ли он какое-то отношение к «Последнему из Королей»? Или «темная» тут означает «неизвестная», «неожиданная», в старину эти слова часто были синонимами. Кто назван «Избранным»? Почему не следует бояться Ночи и как можно бояться Дня?! Тьмой всегда называли Антипода, а Творец отождествлялся со Светом... Что же все-таки имел в виду Блаженный?! И кем он был?

В житии говорится о некоем раскаявшемся эландском грешнике, чудом спасшемся во время бури, разорвавшем с еретиками-соплеменниками и удалившемся в озерную Пантану, где его и посетило Откровение. Ставший блаженным, Эрик пешком в рубище добрался до Кантиски и предстал перед очами Архипастыря, который, убедившись, что устами пришельца возглашена Воля Творца, записал его слова... Но как он убедился? И не был ли Эрик кораблем Вагана?⁷⁶ Тем не менее два великих Архипастыря не усомнились в его

⁷⁶ Эпизод из Книги Книг, когда во время войны находящейся на территории нынешней Мирии Гаэтаны и

словах, да и последующие трактователи не оспаривали сами Откровения, но только объясняли их иначе. Но вот откуда взялось дополнение про Пособника? Кто и зачем его вписал? И не потому ли прежние тексты исчезли, что кому-то было выгодно объединить оба пророчества?

Бланкиссима пошевелила губами, повторяя вслух страшные строки. «В смерти родится Он, смерть отметит Его и через смерти пройдет Он, пожиная смерть. Смерть очистит дорогу Его и возвеличит Его, в смерти и смертью возродится Он, тьма станет мечом Его и ересь крыльями Его, и пойдет он за звездой Тьмы, и откроет путь Заточенному, и будет править Его именем».

Почему Эрик не сказал о Пособнике? Почему кто-то вложил эти слова в его уста? Но ведь разгадка есть, должна быть!

2863 год от В.И.

Вечер 20-го дня месяца Медведя.

Арция. Мунт

Золотистый тигр лениво шурился с каминного экрана. Даже сами маркизы Мальвани не помнили, откуда на их гербе взялась огромная полосатая кошка, обитающая в джунглях на юго-востоке Хаона. В юности Шарло Тагэре любил поддразнивать Анрио Мальвани, выясняя, не тигру ли его семейство обязано вошедшими в поговорку воинскими талантами и почти нечеловеческой красотой. При этом Мальвани, которых в шутку часто называли полукоролями, не проявляли ни малейшей склонности к интригам, их дворец стоял у площади Ратуши, но они словно бы жили выше страстей, кипевших в столице. Если, разумеется, не шла речь о войне. Тут Мальвани равных не было, по крайней мере до недавнего времени, когда прежний маршал, носивший традиционное для этого семейства имя Сезар, не стал отличать лучшего друга своего сына Шарло Тагэре.

Из пяти молодых нобилей, состоящих аюдантами⁷⁷ при персоне маршала, двое братьев ре Фло были истинными рыцарями, но вряд ли были способны вести за собой большую армию. Конрад Батар отличался умом и честолюбием, но не ощущалось в нем того скрытого огня, что делает из просто хорошего военачальника вождя. А вот Шарло и Анрио обладали таковым в избытке, и маршал Сезар сделал все, чтобы пламя разгорелось как следует, не превратившись при этом во всепожирающий пожар.

Именно Сезар Мальвани настоял, чтобы лейтенантом всей Ифраны назначили совсем еще молодого герцога Тагэре, который, в свою очередь, после неожиданной и странной гибели маршала добился назначения сына на место отца. Если Сезара Мальвани убили те, кто хотел заключить мир с Жозефом, для чего требовалось военное поражение, они просчитались. Да, Шарло и Анри были молоды, но ифранцам от этого легче не стало. Мир все же заключили, но не из-за того, что арцийцы стали проигрывать. Беда королевства была в том, что Пьер ничего не соображал, а всеильные Фарбье кормились из авирского корыта. Будь Тагэре или Мальвани почестолубивее, они давным-давно смахнули бы с эрметной доски и Фарбье, и Лумэнов, но ни Шарло, ни Анри не рвались к трону. Тагэре укреплял северную границу, благо дел там хватало, а Мальвани держал в узде фронтерскую вольницу. Теперь же, когда сумасшествие короля заставило Генеральные Штаты вручить верховную власть регенту, предстояло вновь повернуться на юг.

Каонгцы опасности не представляли, предпочитая не воевать, а торговать, а вот с Жозефом нужно было что-то делать. Это понимал Шарль, и это понимал вызванный из

Иссары иссарийцы сделали вид, что уходят и что один из их кораблей попал на мель и был оставлен. Святой Нигитий предупреждал, что не стоит прельщаться наследием еретиков, но его не послушали, сняли корабль с мели и привели в порт, однако на корабле были чумные крысы. В Гаэтане вспыхнула эпидемия, и уцелели лишь монахи обители, возглавляемые святым, и те, кто там укрылся.

⁷⁷ Аюдант – молодой дворянин, выполняющий приказания военного более высокого ранга.

Олецьки Анри Мальвани, назначенный маршалом Арции вместо лояльного Фарбье, но не преуспевшего в делах военных Конрада Батара. Шарль понимал, что честолюбию старого знакомого нанесен удар, но это было необходимо. К тому же первенство Анри было очевидно для всех. Одно то, что южной армией займется Мальвани, вызовет у Жозефа боль в животе, а не воевать было нельзя.

Разумеется, Шарло не собирался гнать время вспять и присоединять к метрополии отделившиеся четыреста лет назад провинции, но для прочного мира нужна была война. Южане должны понять, что Арция отнюдь не придаток Ифраны, которая может диктовать бывшей метрополии свою волю.

Для начала Шарло отменил все таможенные льготы для обнаглевших ифранских купцов, написал калифу Усману о желании торговать с Атэвом без посредников и обратился к союзу вольных дарнийских городов с предложением перевозить арцийские товары. Одновременно Тагэре потребовал пересмотра мирного договора с Ифраной, заключенного в ущерб интересам Арции. Земли, переданные Жозефу накануне заключения брака Пьера Шестого с Агнесой Саррижской, подлежали возвращению, а за пользование ими Ифране следовало выплатить круглую сумму. В противном случае регент обещал прибегнуть к аргументам, не являющимся дипломатическими.

Фарбье пробовали протестовать, но Шарль был непреклонен, тем паче и Генеральные Штаты, и большинство Совета нобилей, не говоря уж о Его Преосвященстве, были на его стороне. Даже бланкиссима, про которую Тагэре не слышал ни одного доброго слова, решительно поддержала регента, что, впрочем, не удивляло. От Сола Шарло знал о необъявленной войне Елены и Дианы. Это радовало, так как в противном случае от циапианок можно было ждать всяческого подвоха. Что ж, в Мунте все в порядке, теперь дело за Анри.

Хорошо хоть с ним можно не ходить вокруг да около. Для маршала, будь он хоть трижды регентом, он останется Шарло, так же как и маршал для регента всегда будет просто Анрио. И хвала святому Эрасти! Шарль еще раз подмигнул тигру с каминного экрана и налил себе вина. Эту комнату с золотистыми шпалерами он прекрасно помнил. Именно здесь сидели они с Раулем двенадцать лет назад накануне его ареста... Как давно это было!

– Ты опять пьешь без меня? – Анри вошел через дальнюю маленькую дверцу, которой, по идее, должны были пользоваться слуги.

– Сам виноват, незачем такое вино без присмотра оставлять, – засмеялся регент, – тебе налить?

– Разумеется... Никогда не доверял непьющим.

– Хуже их только те, кто пил да бросил, причем не по своей воле.

– Арде! Так что тебе от меня нужно, кроме вина и старой дружбы?

– Победа нужна, а лучше две или три, но малой кровью.

– Жозеф? Ох, соскучился я по нему!

– А я еще больше. Но шкуру с него, господин маршал, сдирать погоди...

– Нужна мне его шкура, у лишайного кота и то лучше, – засмеялся Мальвани и тут же посерьезнел. – То есть большой войны с захватом столицы и генеральным сражением не затевается?

– Нет, ты же видишь, в каком все состоянии.

– Да уж! Фарбье украли все, что можно, и что самое печальное, и то, что нельзя. Занимать, как я понимаю, ты не хочешь? У тех же дарнийцев?

– Нет. Долги платить надо. Иначе придется воевать с кредиторами, что нас не украсит.

– А то, что набрал Святой Дух, ты собираешься отдавать?

– Дарнийцам придется, нам их флот нужен, а Жозеф с его пиявками ни арга не получит. Что бы эти проглоты в нотации ни записали, это они нам должны, а не мы им. Анрио, ты сможешь взять Адану с суши?

– Смогу, – рассмеялся маршал. – Шарло, только я-то тебе тут зачем? Ты и сам ее в три дня раскатаешь.

– Мне надо сидеть в Мунте, по крайней мере пока. Я не могу быть сразу в двух местах. Да, ты видел сына Леона в деле?

– Рауля-маленького?

– Маленького, – подтвердил Шарло, – правда, он быка за рога свалит, но не это в нем главное. Я хочу сделать его капитаном Аданы.

– Он что-то понимает в морском деле?

– Не понимает, но парень может стать вождем, а с моряками он поладит. Я же его не в адмиралы прочу.

– Тебе виднее. А Батара куда?

– Пока будет здесь, а то совсем расстроится.

– Я бы на твоём месте ему не доверял. Видел я, как он с жезлом⁷⁸ расставался.

– Нужно забывать об обидах, когда речь идет о главном. Он соображает хуже тебя, и армия от него не в восторге.

– Это для тебя главное – Арция, а для Батара – собственная персона. И персона эта сейчас очень обижена.

– Перетопчется, – махнул рукой Шарло.

2863 год от В.И.

Вечер 11-го дня месяца Влюбленных.

Эр-Атэв. Эр-Гидал

«Теперь, чадо, ты знаешь то же, что знаю я, – Никодим тяжело поднялся с высокого резного кресла, – остается узреть сами реликвии, следуй за мной».

Настоятель отпер дверь висящим у него на шее ключом и прошел в небольшую молельню, где, как и по всей Арции, в глаза верующим смотрели великомученик Эрасти и равноапостольная Циала, однако рука атэвского мастера здесь все же чувствовалась. Канонические изображения были обрамлены причудливым орнаментом из переплетающихся разно-цветных линий, в местах пересечений которых блестили драгоценные камни, по атэвскому обычаю не ограненные, а лишь отшлифованные. Настоящим был и черно-фиолетовый камень, украшавший кольцо святого. Никодим его коснулся, и тяжелая панель беззвучно и мягко отошла в сторону, открывая узкий проход.

Иоанн, сам не понимая, почему его сердце бьется так сильно, вступил на узкую лестницу. Они не взяли с собой ни фонаря, ни хотя бы свечи, но темно не было, казалось, светится сам серебристый камень, которым была облицована потайная лестница. Они долго спускались, преодолев несколько промежуточных дверей, которые настоятель открывал прикосновением руки, затем шли по тесному коридору, несколько раз заворачивающему под прямым углом. Иоанн догадался, что они сейчас находятся под большими поварнями, то есть в противоположной покоям настоятеля и главному иглецию части обители, где никому и в голову не придет искать тайное хранилище. Наконец ход расширился. Никодим и Иоанн стояли на небольшой площадке перед каменной дверью.

– Сыне, попробуй открыть.

Иоанн попробовал. Силой он отличался немалой, но даже самый сильный человек не в состоянии сдвинуть гору. Настоятель тонко улыбнулся и слегка толкнул монолит, с готовностью повернувшийся вокруг своей оси и открывший проход.

– Вот то, во имя и ради чего строилась наша обитель. Здесь хранятся изображения святого Эрасти и Циалы, а также гравюра, именуемая Пророчеством.

2864 год от В.И.

Вечер 15-го дня месяца Лебеда.

Арция. Мунт

⁷⁸ Маршальский жезл, украшенный нарциссами, символ высшей военной власти.

Королева Арции сорвала восковую печать и развернула письмо. Этого следовало ожидать. Жозеф устами Эркюля Саррижа требовал немедленно отозвать Мальвани из армии в Мунт, прекратить военные действия и отказаться от денежных притязаний. Агнеса несколько раз перечитала разбегающиеся строчки и задумалась. От нее требовали невозможного. Она сейчас значит даже меньше, чем до рождения Филиппа. Фарбье, все трое, по сути дела, сидят под домашним арестом, Батар смещен и засел в своем особняке, Пьер признан невменяемым, сыну всего несколько месяцев, и надо молить святую Циалу, чтобы Генеральные Штаты не подняли вопрос о законности его рождения. Все в руках Шарля Тагэре, а он не остановится, пока не добьется, чего хочет.

Отец пишет, чтобы она предложила регенту долю Фарбье, а если тот не согласится, то в два, а то и в три раза больше. Жозеф готов объявить о помолвке своей дочери Женевьевы и наследника Тагэре Филиппа. Святая Циала! В этой Арции всего много, только нобилям имен не хватает. Если не Филипп, то Рауль. Если не Рауль, то Шарль или Жан...

Агнеса вздохнула и задумалась, механически перекладывая с места на место черепашьи шпильки. Для любого члена семейства Фарбье предложение ифранского короля было бы счастьем, но Тагэре дважды Аррой, а Ифрана для него – враг. Шарло денег не возьмет, отец может этого не знать, но дядюшка Жозеф?! Или ему жадность так застит глаза, что он не может поверить, что кто-то по своей воле откажется от золота? Ну а ей-то что прикажете делать?! Ссора с регентом для нее равнозначна самоубийству.

Пока Шарль Тагэре с королевой неизменно предупредителен, а разговоры об отцовстве Фарбье им беспощадно пресекаются, но почему? Потому что он и вправду не желает короны, или все не так просто, и герцог что-то затевает. А может, она ему все-таки нравится? Вчера Шарль провел в обществе Агнесы целый вечер, расспрашивал про Ифрану, про детство, про то, как ей после Авиры показался Мунт. Разумеется, она лгала, не признаваться же в том, что Арция и арцийцы ей непонятны и неприятны. Она была и осталась чужой. Ее здесь не любят, даже прислуга и та за спиной называет ее авирской дыней, так почему она должна платить добром за зло и насмешки? Она не чувствует себя никоим образом им обязанной, если на то пошло, то у нее есть только один долг: перед самой собой.

Агнеса брала деньги, которые ей давал любовник, с легким сердцем. Она, убившая лучшие годы на дурачка мужа с его хомьяками, имела право на достойные королевы туалеты и драгоценности. Королева и мать наследника должна и выглядеть соответствующе. Жан Фарбье это понял. За каждый заключенный договор или подписанный указ, на котором он зарабатывал, она получала четверть прибыли. У нее впервые в жизни появились собственные деньги, она только-только почувствовала себя хозяйкой своей жизни, и тут проклятый Пьер стал орать на каждом углу про каких-то кошек.

Сначала это удавалось скрывать, но кто-то из слуг донес Диане, которая ее ненавидит только за то, что она ифранка. И еще за Фарбье. Можно подумать, что он с его лысиной и утиным носом так уж ей нужен! Диана заявила к Пьеру и вытянула у него все. Этому ничтожеству, оказывается, по ночам являются кошки, да не простые, а летучие.

Разумеется, Диана пустила это в ход. Не прошло и кварталы, как собрались Генеральные Штаты и навязали им регента. Дурак Пьер этому только рад. Тагэре не мешает ему возиться с его драгоценными хомьяками, да еще сласти приносит. И как ему не тошно возиться со слабоумным?! Добро бы король хоть для чего-то был нужен, так ведь нет, а регент все равно его навещает. Впрочем, навещает он и королеву.

Агнеса сама не понимала, что в Тагэре ее бесит сильнее: бескорыстие или вежливость. Она бы не отказалась от его любви, даже если бы знала, что он лжет и она ему для чего-то нужна, но герцог галантно подавал ей обернутую плащом руку, присылал цветы и фрукты и говорил об ифранской поэзии и оргондской живописи, в которых она ничего не понимала. И все же... Все же он жену в Мунт не взял, нет у него и любовницы, хотя дамы и девицы на него только что не вешаются. Так, может, ей стоит добавить в свое поведение перца? Она добилась дружбы и сочувствия, играя в слабую и одинокую, а теперь нужно показать южный темперамент. Сейчас Тагэре в армии у Мальвани. Он вернется через кварту, и она покажет

ему письмо отца. Если его заинтересуют деньги или предложение Жозефа, все решится само собой, нет – она засмеется и скажет, что и воля отца не нарушена, и против их дружбы она не погрешила... А дальше... Королева очень надеялась на то, что после этого разговора ее дружба с регентом, мягко говоря, перейдет в другую стадию.

2864 год от В.И.

20-й день месяца Агнца.

Арция. Мунт

Мощные ворота открылись совершенно бесшумно, пропуская высокую гостью. В свое время бланкиссима Диана бывала в Замке Святого Духа довольно часто. Потом епископ Доминик был наказан за историю с Тагэре, а Жан Фарбье сговорился с ифранцами, и она вынужденно отдалилась от политики, хоть и продолжала наблюдать за происходящим, выжидая своего часа. Диана знала, что ее бывшему любовнику с новым преподобным договориться не удалось. Тот или был безумцем и фанатиком, или же играл, игру, в которой даже всесильный временщик казался мелочью.

Глава Тайной Канцелярии Арции барон Жиль Гарро в общении с Илларионом также не преуспел, хотя синяки и антонианцы согласно заключенной нотации числились союзниками. После нескольких неудачных попыток Жиль махнул рукой на оставленную синякам согласно договору жалкую судебную магию и пошел по тропинке, протоптанной Обеном Трюэлем. Диана знала, что Гарро предпочитал встречаться со своими прознатчиками за пределами замка, в который теперь доставляли только пойманных с поличным бражников, распевавших непристойные песни про королеву и Святого Духа.

В этом достойном деле Илларион синякам не помогал, но и не мешал. Он вообще ни во что, выходящее за рамки задач ордена, не вмешивался. Диану это пока устраивало, хоть и настораживало. Новый епископ был совсем из другого теста, нежели его предшественник. Доминик ел из рук тех, кому приходило в голову предложить преподобному кусок пожирнее, за что и поплатился. Илларион же прекрасно помнил, зачем Архипастырь Максимилиан в 2284 году добился передачи всех дел о Запретной магии в руки Церкви.

Да, сейчас Святой Престол ослабел, но зато орден силен, как никогда. Так зачем ему, епископу Иллариону, выполнять приказы какого-то временщика? Глава антонианцев кардинал Орест далеко не стар, Изье, вероятно, понимает, что Арция сейчас предел его возможностей. Он достаточно умен, чтобы не хватать больше, чем может проглотить, за что его и ценят. Диане не очень хотелось встречаться с Илларионом, но отказаться от приглашения было нельзя.

Его преподобие вышел встречать гостью, и Диана получила возможность рассмотреть антонианца вблизи. Что ж, при хорошем к нему отношении его можно назвать мужчиной в расцвете, он явно недурен собой, хоть и не годится в красавцы. Прямые темно-русые волосы еще не тронула седина, движения скупые и точные, а хищная худоба выдает в нем не аскета, умерщвляющего плоть, а воина, не дающего себе поблажки в тренировках. Если бы не его страшноватый титул, многие женщины сочли бы преподобного привлекательным и были бы жестоко разочарованы в лучших чувствах. Увы, епископ Илларион, урожденный Жорес Изье, никогда не интересовался женщинами.

Бланкиссима полагала, что именно это и определило судьбу будущего Скорбящего, в отличие от многих своих родичей почитавшего тягу к юношам греховной. Преступить же через себя, как сделал его отец, завести семью и окунуться в дворцовые интриги он тоже не хотел. Оставалась Церковь. Попав в нее, Жорес нашел себя. В двадцать пять он уже был доверенным секретарем Его Святейшества, в тридцать четыре его назначили расследовать историю с несостоявшимся покаянием Шарля Тагэре, последствием чего стала ссылка его преподобия Доминика и назначение Жореса-Иллариона на его место. Но чего ему нужно от нее?

Антонианцы и циалянки никогда не враждовали, но и союзниками их назвать было нельзя. Их объединяло разве что право на занятия магией и неприязнь к долгие годы

главенствующим в Церкви эрастианцам. В глубине души Диана побаивалась, что епископ узнал, что она в своих заклетах несколько перешла границу дозволенного. Но все оказалось гораздо проще и приятнее. Его преподобие пригласил ее осмотреть старинные фрески, найденные им под толстым слоем штукатурки. Диану никоим образом нельзя было обвинить ни в излишней чувствительности, ни в религиозном фанатизме, но, увидев обещанные изображения, она была потрясена.

К несчастью, сохранился лишь центральный триптих, изображающий Творца в трех его ипостасях Создателя, Судии и Заступника, части фресок «Великой Кары» и «Последнего Суда», полностью уцелел «Первый грех» и «Откровения», где заснувшему в пустыне праведному Амброзию открылся Свет Истины, каковую он, пробудившись, и понес к людям.

Илларион не торопился, дав гостю время прийти в себя. Наконец Диана с видимым усилием отвела взгляд от отрешенного лица Судии-Кастигатора и повернулась к епископу.

– Ваше преподобие, у меня нет слов...

– Вы согласны, что храм должен быть восстановлен?

– Безусловно, но...

– Я знаю, что недавно вы обновили росписи в главной базилике вашей обители. Конечно, никакой из ныне живущих художников не способен сотворить что-то подобное, но из того, что есть, вы нашли лучшее. Я хотел бы пригласить вашего художника восстановить недостающие фрагменты. Кроме того, эти фрески, хоть и великолепно сохранились, явно ровесники Мунта и святейшего Амброзия, теперь каноны несколько изменились. Храм необходимо дополнить изображениями наиболее чтимых святых Арции. Я рассчитываю на вашу помощь, бланкиссима.

– Ваше преподобие, Клемент будет здесь завтра же утром.

2864 год от В.И.

8-й день месяца Лебеда.

Арция. Тагэре

Письмо было вежливым и коротким, а чего она ожидала? Их примирение было не более чем договором, ночь, которую Шарль провел в ее спальне перед отъездом в Мунт, не оставила никаких иллюзий. Он и впредь будет выполнять супружеские обязанности, а у нее будет звучать в ушах его голос, обращенный к другой. Шарль обещал, что не будет встречаться с Делией, разве что на семейных сборищах, и Эста не сомневалась, что он сдержит слово, но это было слабым утешением. Он даже не пытается пригласить ее в Мунт, пишет раз в кварту, ссылаясь на обилие дел, и в основном о том, что должно быть сделано. Точно так же он отдает распоряжения капитану замка и эркарду Эльты. Раньше Эста гордилась тем, что наряду с мужем участвовала в управлении Тагэре, теперь она поняла, как ошибалась. Ее знания и заботы не шли дальше замковых кладовых или, в лучшем случае, устройства Зимних Празднеств⁷⁹, а все держалось на плечах Шарля, который успевал, кажется, везде.

Герцогиня помимо воли почувствовала гордость за мужа и одновременно злость на него. Она помнила, какими унылыми показались ей северные земли, когда она приехала сюда из плодородной Фло. Зброшенные поля, ожидание набегов из Эскоты, лесные разбойники, воюющие с контрабандистами... Теперь Тагэре процветает. Если Шарль победит, то же будет и по всей Арции, но она-то останется не у дел! Ей думалось, что она умнее и сильнее, а оказалось, он просто позволял ей так считать. Чтобы она ему не мешала... Она чувствовала себя королевой севера, направляющей своего пусть смелого и любимого народом, но не такого уж и далекого мужа, а была такой же женой по необходимости, как и другие ноблески, выданные родителями за политических союзников.

⁷⁹ Зимние Празднества – уцелевшая со Старых времен череда праздников, изначально включающих в себя кварту до дня Зимнего Солнцестояния и кварту после. Церковь лишь сдвинула их на одну кварту вперед, сделав кульминационной точкой день рождения святой Цялы.

Вот Анри Мальвани, тот свою Миранду любит, но он ее не только выбрал сам, но и от жениха увел. Маршал с женой частенько приезжали в Тагэре погостить. Они не выставляли свои чувства напоказ, но их взаимная привязанность была очевидной. Анри не брал Миранду только на войну, а вот она с Шарлем ездила лишь туда, где этикет требовал присутствия обоих. Если можно было без нее обойтись, Шарль обходился. Ну, неужели она и в самом деле ничего не стоит?! Эста решительно обмакнула перо в чернильницу и вывела: «Я не стану отвечать на ваше письмо, потому что оно ни о чем. Пока не поздно, нам нужно поговорить. И имейте в виду, если вы не приедете ко дню моих именин, то я приеду в Мунт...»

2864 год от В.И.

ночь с 23-го на 24-й день месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Шарль провел больше суток в седле и буквально валился с ног от усталости, но был доволен. Анри в очередной раз доказал, что воевать с ним – дело бесполезное. Не сегодня-завтра Жозеф пришлет парламентаров, и к этому времени регент должен находиться в Мунте. Тагэре не хотелось уезжать из армии, но в его положении о собственных желаниях пришлось забыть. По дороге он то и дело проезжал через земли, прибранные к рукам кланом Фарбье, все больше уверяясь в том, что с этим кошачьим отродьем нужно что-то делать, и немедленно. Но сначала следовало выспаться, что оказалось не так-то просто. Не успел Шарль слезть с коня, как в него вцепился король, по обыкновению излагавший свои мысли таким образом, что понять его и на свежую-то голову было непросто.

– Если ты уйдешь, они вернутся, – ныло Его Величество, умоляюще глядя на регента, – они всегда возвращаются.

– Кто они? – безнадежно переспросил Шарль.

– Кошки, – прошептал, оглянувшись, король.

– Пьер, они ничего тебе не сделают. – Тагэре хотелось лишь одного: добраться до постели, лечь и хотя бы до утра забыть про Арцию, Ифрану, Святой Престол и все остальное, в том числе и про возмнившего себя хомяком короля, но пришлось брать того за руку и вести в его покои. Однако на этом дело не кончилось.

– Не уходи, – Пьер трясся как в лихорадке, – они меня задушат. Как Помпона.

– Я сейчас позову слугу, – вздохнул герцог.

– Он уснет, – заныл король, – они всегда засыпают, и тогда они придут и меня найдут...

– Но, Пьер («Проклятый, как же хочется спать»), тебя ведь не задушили, и не задушат. Потому что ты никакой не хомяк, а человек. Хомяки не разговаривают, они маленькие, в шерсти... Ты не похож на хомяка. Ну, в зеркало на себя посмотри. Дай мне своего, как его там? Сюсю? Вот он у меня в руке, видишь? Вот он в зеркале, а вот ты в зеркале...

– Они не будут смотреть в зеркало, – заявил король, – им все равно, что там. Они меня считают хомяком. И меня, и наследника.

– Пьер, ну давай поговорим завтра.

– А если меня задушат сегодня? – Король вцепился в рукав Шарля и не отпускал. Регент попытался собраться с мыслями, но третья бессонная ночь этому не способствовала. Пьер продолжал цепляться за него, голова гудела, а в глаза словно кто-то сыпанул горячего песка.

– Хорошо, – сдался Шарло, – давай ляжем в одной комнате. Если они придут, ты меня разбудишь.

– А ты проснешься? – заволновался король.

– Проснусь, – отрезал Шарло, хотя был уверен, что его не разбудят не то что какие-то несуществующие кошки, но и дюжина живых львов и тигров.

Наскоро соорудив себе из кресел некое подобие ложа, Тагэре сбросил сапоги, отстегнул и положил рядом с собой меч и, как был в дорожной одежде, улегся лицом к стене, накрывшись плащом. Может, король что-то и говорил, но регент заснул, едва лишь его

голова коснулась подушки.

Проснулся Шарль так же внезапно, как и уснул. На башне пробило три оры с четвертью, можно было спать и спать. Герцог собрался было повернуться на другой бок и забыть обо всем хотя бы до рассвета, но что-то заставило его приподняться на локте и взглянуть в темноту. Он ничего не увидел, но возникла странная уверенность, что в комнате кто-то есть. Шарло нащупал меч и встал. Свечи отчего-то погасли, хотя воск был еще горячим. Вязкая тишина давила на уши, но Шарль Тагэре никогда не был суеверным. Предположить, что кто-то покушается на выжившего из ума короля, было глупо, а его самого проще отравить или пристрелить из-за угла. Шарло сносно видел в темноте, и глаза говорили ему, что все в порядке. Герцог тихо обошел опочивальню, касаясь рукой стен. Прятаться было негде, разве что за портьерами, но и там никого не оказалось. Лунные лучи ворвались в комнату, и Шарло окончательно убедился, что в комнате пусто.

Не обследованной оставалась лишь королевская кровать под балдахином. Тагэре, рискуя разбудить сюзерена, рывком отдернул полог и тут же их и увидел. Кошки! Хвостатые негодяйки расселись вокруг спрятавшегося под одеялами несчастного короля, и Шарлю показалось, что он слышит, как тот дрожит. Ну да нет худа без добра. По крайней мере, эти окаянные кошки существуют, раз он их тоже видит, а значит, Пьер не столь уж и безумен.

Герцог смотрел на взявшихся невесть откуда тварей, а твари, в свою очередь, таращились на него. Наконец одна, видимо главная, поднялась, выгнув спину горбом, медленно и с достоинством подошла к Шарлю и неторопливо потерлась ему о ноги, словно совершая некий торжественный ритуал. Это послужило сигналом. Кошки, соблюдая строгую очередность, подходили к Тагэре, свидетельствуя свое почтение. Наконец, последняя, шестая, привстав на задние лапы, ткнулась пушистой щекой в колени регента и вернулась к остальным.

Шарль буквально ошалел. Зверюги мало того, что никем не увиденные забрались в королевскую опочивальню и вусмерть застрашали несчастного Пьера, но и невесть с чего вспыхнули любовью к нему, Шарлю Тагэре. Герцог переводил взгляд с сидящих рядком кошек на мягкий горб из одеял, под которым прятался владыка Арции, и не знал, что делать. Старшая кошка, вернее, кот (герцог был готов поклясться, что мерзавец ухмыляется!) взгромоздился на верхнее одеяло. И тут Шарло понял, что в этих кошках было неправильного. Они не отбрасывали тени!

Звери выглядели абсолютно реальными и живыми, он сам ощутил их тела, когда они путались у него в ногах, но они не были существами из плоти, а если и были, то все равно их переполняла магия. Но его-то они за что возлюбили? Геро?! Неужели она на прощанье наложила на него какое-то заклятье, превращающее всяческую нечисть в его друзей? Или причина в чем-то другом?

Тварь на короле завожилась и, как самый обычный наглый кот, принялась драть когтями одеяло, из-под которого долетел сдавленный всхлип. Дальше Шарль Тагэре действовал по наитию. Смеясь над самим собой, он негромко (хотя слуги, похоже, не слышат, что здесь творится; кстати, как вышло, что все спят, а он – нет?), чтоб не поднимать шума, скомандовал.

– А ну, кошки, ко мне.

Звери подошли. Так, роскошно. Они еще и человеческую речь понимают. Что ж, поговорим.

– Садитесь и слушайте.

Кошки сели.

– Оставьте его и мальчишку в покое, ясно? Они вам не мыши и не хомяки. Пьер, а ну вылезай. Вылезай, кому говорю...

Куча дернулась, но король не рискнул расстаться со спасительными одеялами. Шарль, злясь и смеясь, буквально вытряхнул Пьера из вороха тряпок.

– Сядь и смотри. Вот твои кошки. Они тебе ничего не сделают. Они маленькие, а ты большой. Погладь их.

– Нет! – Пьер в ужасе попытался вновь замотаться в одеяло, но Тагэре был неумолим. Он хорошенько тряхнул сюзерена, но потом устыдился своей жестокости и приобнял беднягу за плечи.

– Кошки, подходите по одной и знакомьтесь.

Те, хоть и не слишком охотно, повиновались. Шарль брал вялую влажную руку короля и по очереди клал на дергающиеся, словно от отвращения, спинки подходящих тварей. Когда знакомство было закончено, герцог облегченно махнул рукой.

– Так, замечательно, вы прелесть. Но сейчас все спать. Уходите, и чтоб вас тут больше не было.

Пять кошек юркнули куда-то вниз, Тагэре не успел заметить куда, но главный остался. Не обращая никакого внимания на короля, он прыгнул регенту на колени и, встав на задние лапы, ткнулся прохладным носом ему в лицо. Раскосые глаза с узкими зрачками глядели с неожиданной теплотой и грустью, словно бы жалея.

– Ты мне друг? – Нет, он решительно сошел с ума, разговаривает с какими-то странными тварями, когда впору орать со страху и сзывать Скорбящих со всего Мунта.

Кот в ответ еще раз коснулся мордой герцогского лица.

– Значит, друг. Тогда пригляди, чтоб тут было все в порядке, когда меня не будет, ладно? – И зачем он только это сказал? Глупости какие...

Кот медленно наклонил голову. Проклятый, у него еще и крылья, оказывается, как у летучей мыши. И как он сразу не заметил! Странный зверь, однако, не улетел, а так же, как и его прайд, просочился куда-то вниз и словно бы растворился в темноте...

Непонятно почему вздохнув, Шарль повернулся к Пьеру:

– Никому не говори, что тут было. Тебе не поверят! Они больше не придут, а если и придут, то тебя не тронут. Понял?

– Почему не говорить? – возмутился король. – Давай расскажем. Пусть все знают, что кошки с крыльями есть. А то мне не верили... И ты не верил. А теперь видел? Ведь видел?

– Видел, – устало подтвердил Шарль.

Ну как ему объяснишь, что, если он не хочет окончить свои дни под опекой циалианок, нужно молчать. Иначе короля точно признают безумным. А его или поощряющим безумие в корыстных целях, или же виновным в недозволенном колдовстве. Заодно и дела минувшие припомнят, вряд ли синяки поверили в то, что его спас святой Антоний... Но что с этим дурачком-то делать?

– Слушай, Пьер, – Тагэре говорил веско и серьезно, хотя ему безумно хотелось рассмеяться, – если ты будешь вспоминать о кошках, они снова придут. Они слышат, когда о них говорят, и потому появляются. Так что молчи, а если тебя спросят, тверди, что тебе снились страшные сны, но теперь все прошло. Уразумел?

– Да, – торжественно кивнул арцийский король.

2864 год от В.И.

24-й день месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Барон Обен узнал о выздоровлении короля за завтраком. Толстяк пожал плечами и сообщил горячему пирогу с гусятиной и черносливом, что вообразивший себя хомяком Пьер ничуть не умнее Пьера, полагающего своим наследником отродье Святого Духа, а посему толку от его исцеления никакого. Спокойно позавтракав, мессир Трюэль оделся в новый костюм из светло-коричневого бархата и отправился во дворец, где узнал еще одну новость. В те мгновенья, когда барон доедал последний кусок пирога, Шарль Тагэре ставил в известность Совет нобилей о том, что Его Величество здоров, а посему в опеке над ним нет никакой нужды. Лично он, Шарль Тагэре, готов и дальше служить Арции в качестве советника, лейтенанта всей Ифраны или же наместника Севера, но...

Мысленно изругав себя за чревоугодие, Обен поднялся к Шарлю, который сосредоточенно что-то чертил на листе хаонгского пергамента. Напротив расположился

Рауль Тарве, восторженно глядя на значки и стрелки, выходящие из-под пера Тагэре.

– Доброе утро, барон, – Шарль ослепительно улыбнулся, – у нас хорошие новости.

– Ну, хорошими их разве что пьяный павиан сочтет, – махнул рукой толстяк, – не знаю, исцелился ли Пьер, но вы точно с ума сошли. Зачем вы это сделали? Виконт, как я понимаю, нас не выдаст, а послушать ему полезно. Вы сами понимаете, что натворили?

– А как же иначе, – поднял брови Шарло, – я исполнил свой долг. Генеральные Штаты назначили меня регентом на то время, пока король находился в помраченном состоянии. Сегодня он во всеуслышанье объявил, что кошки ему приснились, что он человек и король Арции, а не хомяк. Разумеется, я не мог об этом умолчать на Совете нобилей. И, в конце концов, что это меняет? Я по-прежнему буду делать то, что должен.

– Если вам это позволяют.

– Штаты согласятся, а нобили уже согласны. Пьер подпишет любой указ, если ему объяснить, зачем это требуется.

– Объяснить, – барон неприличным образом прыснул, – да скорее Жоресу Изье можно объяснить восемьдесят девять позиций Великого Наслаждения, ведомых хаонцам... Пьер подпишет все, что ему подсунут, а потому позвольте совет. Не уезжайте из Мунта и не оставляйте короля одного, раз уж вам так нравится его общество.

– Но это невозможно. Мы с Раулем должны быть в Адане. А я не могу показывать морякам ТАКОГО короля.

– Иногда, Тагэре, у вас бывают моменты просветления. Если вы понимаете, что Пьер «такой», какого Проклятого вы объявили его дееспособным?! Он же слабоумный, кем бы он себя ни считал.

– Вы правы, барон, и не правы одновременно. Его объявили невменяемым из-за этих фантомных кошек. Он признал, что это был сон, значит, его нужно либо признать вообще слабоумным, либо восстановить в правах.

– Золотые слова, – вздохнул Обен, – Генеральные Штаты можно собрать не раньше осени. Нужно поговорить с Евгением и габладором⁸⁰. С этой свистопляской нужно покончить раз и навсегда.

– Я собирался завтра выехать.

– Значит, не поедете. Вы хоть понимаете, что поставлено на карту? Сдается, что нет!

2864 год от В.И.

Вечер 28-го дня месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Пожилой, но все еще красивый менестрель отложил гитару и с шутливой галантностью поклонился хозяину таверны, поставившему перед ним вино и сыр. Мэтр Тома высоко ценил мастерство своего гостя и ничего не имел против того, чтобы навеки приютить его под крышей «Щедрого нобилия» в благодарность за песни. Анн был благодарен, но никак не мог навсегда распрощаться со своими странствиями, хотя всякий раз заверял трактирщика, что на старости лет с радостью примет его замечательное предложение. Старость, однако, никак не могла угнаться за шустрым певцом. Анн исчезал и появлялся, всякий раз привозя с собой новые песни. Дарнийские баллады о морском скитальце, от которых по спине бежали мурашки, страстные любовные серенады мирийцев, родившихся с солнцем в крови, томные ифранские, мрачноватые эскотские, разгульные оргондские песни – все, к чему прикасался менестрель, словно бы обретало новое рождение. Анн был находкой для любого трактира или корчмы, но он хранил верность «Щедрому нобилию», в котором его некогда приветили.

На этот раз певец порадовал собравшихся бархатными фронтерскими напевами, потом бережно убрал гитару в выдавший виды чехол и принялся за трапезу. Завсегдатаи «Щедрого

⁸⁰ Габладор – председательствующий на заседаниях Генеральных Штатов. Избирается из числа наиболее уважаемых выборных.

нобиля» знали, что заставить Анна петь тогда, когда он не хочет, невозможно, и постепенно вернулись к своим делам и разговорам. Сначала бард поглощал свой обед в сосредоточенном одиночестве, потом к нему подсел человек средних лет в запачканной красками блузе. Художник и менестрель всегда найдут, о чем поговорить, хотя разговор именно этих двоих многим показался бы странным, если не безумным. Впрочем, их никто не слушал, незачем было.

– Что случилось? – Безмятежное лицо Анна совершенно не сочеталось ни с его словами, ни с тоном, которым они были произнесены.

– Даже не знаю, что тебе сказать, – художник задумчиво уставился на свои руки, измазанные золотистой краской, – я не чувствую никакой магии, никакого зла, и вместе с тем ощущение, словно на моей спине лежит гора. Никогда с таким не сталкивался.

– Совсем не понимаешь, в чем дело?

– Совсем.

– Но хотя бы в чем причина? В людях, в поступках, в самом Замке?

– Люди там, сам понимаешь, обретаются не простые, но это люди. Со времен Куи они не слишком изменились, разве что стали еще хитрее. Замок... С этим сложнее. Он построен чуть ли не до Амброзия⁸¹. Потом его несколько раз перестраивали. Камень, штукатурка, дерево – все несет на себе следы человеческих рук. Все, кроме этих пресловутых фресок.

– Ты хочешь сказать, что их создали при помощи магии?

– Я хочу сказать, что их вообще не создавали. Они просто появились, и все.

– «Отражение песни»?

– Не совсем, хотя принцип, похоже, тот же. Однако они не принадлежат Тарре. Стены, потолки, полы принадлежат, а они – нет. Кстати, замазали их с применением магии, и не слабой. Сколько лет продержалось!

– А то, что они открылись именно сейчас, случайность или же нет?

– Не знаю, – художник все не мог отвести взгляда от своих длинных пальцев, – я готов поклясться, что епископ именно тот, за кого он себя выдает, а остальная братия тем более. Ни Кристалл, ни наши артефакты не показывают ничего. Даже обычной в любом месте ерунды. Вообще ничего, а это значит...

– ...что концы спрятаны так умело, что даже ты не можешь их найти. Если только мы не столкнулись с совершенно не понятной нам силой. Кстати, что мы знаем об этом так называемом Творце, кроме того, что написано в Книге Книг?

– Как можно знать о том, чего никогда не было? Когда ушли Светозарные, в душах стало пусто, вот люди и выдумали такого бога, который был им понятен. Ты об этом с нашим философом поговори. Он тебе много чего расскажет.

– Поговорю, все равно Корбута мне не миновать. А насчет Церкви Единой и Единственной... Раньше я об этом не задумывался, но уж больно быстро она подчинила всю Тарру.

– Не всю. Хаонцы, атэвы и гоблины до сих пор сами по себе.

– Но Арция-то сдалась сразу. И потом, ты же говоришь, что этот храм никто не строил.

– Храм-то как раз строили, но не расписывали.

– Ты-то сам ничего не чувствуешь, когда рисуешь?

– Чувствую. Огромное желание удрать подальше и еще большее – обрушить потолки. Будь это дерево, а не камень, я бы так и поступил. От этой тяжелой пустоты страшно становится.

– Хотел бы я знать, – раздельно проговорил бард, – такое место в Арции только одно или еще где-то есть? В той же Кантиске. И еще... Ты уверен, что эти фрески ровесники стен?

– Ты полагаешь?

– Я ничего не полагаю. Если все это старо как мир, то и пусть его, а если нет? Тебе

⁸¹ Амброзий – первый Архипастырь Церкви Единой и Единственной.

много еще осталось?

– Начать и кончить. – Живописец улыбнулся. – Я едва ли двадцатую часть сделал... Быстрее не могу, да еще епископ все время над душой стоит. И Кристаллы там у каждого третьего. Так что рисую, как положено...

– Тебя не торопят? Помощников не навязывают?

– Нет. Илларион знает толк в живописи. Он готов ждать. Мне кажется, он одержим этим храмом. Умей он рисовать, он бы туда вообще никого бы не пустил, сам бы делал... Не знаю, может, епископ безумен, хотя по виду и не скажешь, но я боюсь и его, и храма, и даже того, что делаю сам.

– Тебе очень не хочется туда возвращаться?

– Очень.

– Значит, не возвращайся.

2864 год от В.И.

Вечер 29-го дня месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Меньше всего на свете Шарлю хотелось разговаривать с Агнесой, но королева настаивала, и отказаться было невежливо. Тагэре вздохнул. Каждая встреча превращалась в пытку, главным образом из-за благовоний, которыми нещадно поливала себя ифранка. Густой, сладкий аромат вызывал у Шарля не просто отвращение, а чувство, близкое к тошноте. Всякий раз, покинув Ее Величество, регент подолгу простаивал у открытого окна. Не столь уж чистый столичный воздух после аудиенций, казалось, обретал элитскую свежесть. Впрочем, Агнеса и без благовоний была невозможна. Большой ценитель женщин, Шарло всерьез полагал, что столько царки⁸² не бывает. В том смысле, что лично он, Шарль Тагэре, не в состоянии напиться до такого состояния, чтобы прельститься прелестями Ее Величества. Ифранка же явно пыталась его соблазнить и делала это так топорно, что это понимали все, от Обена и Мальвани до последнего поваренка.

Бойкие на язык столичные жители уже полгода распевали песню о некоем красавчике, у которого болит живот от дынь. Шарло прекрасно понимал, о чем идет речь, но Агнеса была слишком глупа и высокомерна, чтобы слушать голос улицы.

Проклятый, опять ему целый вечер обонять этот ужас. Натереть нос чесноком, что ли, как это делают атэвы во время моровых поветрий? Герцог невольно хмыкнул, представив себя благоухающим, словно фронтерская колбаса.

– Что с тобой? – Рауль Тарве что-то читал, но это ему не мешало замечать все.

– Вот подумал, может, чесноком занюхивать...

– Не поможет, – покачал головой Рауль, – против этой дряни никакой чеснок не выдержит. Лучше просто не дыши.

Тагэре схватил со стола яблоко и со смехом запустил в племянника, который умудрился поймать фрукт на острие ножа для разрезания страниц.

– Если не можешь не дышать, попробуй уговорить ее помыться, хотя... – Тарве с сомнением покачал головой, – если смоемся краска, будет еще хуже. Так что терпи. Или знаешь что? Спроси у Святого Духа, может, у него какое-то средство есть?

– Ты – зараза, – проникновенно сообщил родственнику Шарло. Тарве не стал спорить и вернулся к своей книге, а мысли герцога свернули к другой женщине. Так отвечать ему на ультиматум жены или нет? Он сам не понимал, почему так мучительно не хотел ее приезда, хотя и скучал по детям. Наверное, все дело во лжи. Регент все время на виду, значит, придется разыгрывать счастливого отца и супруга, а потом Обен без всякой задней мысли отпишет об этом сестрице. Та, разумеется, покажет письмо Соле... Нет, нельзя допустить,

⁸² Царка – зерновой спирт, настоянный на дубовой коре и травах и вполнину разбавленный родниковой водой с небольшим количеством меда.

чтобы Эста перебралась в Мунт.

Выходит, ехать в Эльту? Но Трюэль не советует покидать столицу до созыва Генеральных Штатов. Может, он и прав, хотя летом заговоры составляют редко, летом одни воюют, а другие разъезжаются по имениям. Мальвани загнал Жозефа в границы столетней давности, предварительное перемирие подписано, да и внутри страны тихо. Лучше все-таки съездить... Взять Рауля, и вперед. К осени он как раз вернется. Один.

– Монсигнор, – кругленькая камеристка (худощавая черноглазая и чернокудрая Агнеса окружала себя исключительно бесцветными толстушками) присела в реверансе, – Ее Величество ждет вас в своем кабинете.

– Я к услугам Ее Величества, – заверил Шарло и, скорчив зверскую рожу ухмыльнувшись Тарве, последовал за посланницей.

Увы, все оказалось еще хуже, чем он думал, так как благоухала не только королева, но и ее апартаменты. Казалось, проклятый аромат источали сами стены. Сжав зубы, Тагэре отвесил изысканный поклон и сел поближе к приоткрытому окну. Честный сам с собой, Шарло понимал, что несправедлив к Агнесе, которая видела в жизни мало хорошего и отнюдь не была такой уж уродливой. Дело было в нем, вернее, в Соле, в ее пахнущих полынной горечью и осенними кострами волосах, в нежных губах, не знавших ядовитокрасных опиагов.

Тагэре прекрасно понимал, что охапки алых роз в золоченых вазах, розовый атлас, мирийские жемчуга, даже ненавистный аромат – все это для него. К несчастью, то, что делала Агнеса, стараясь его завлечь, действовало с точностью до наоборот. Будь она к нему равнодушна, он, возможно, заметил бы и роскошные волосы, и большие темные глаза, и белые зубы... Увы. В жизни Шарло был охотником, а не дичью, его раздражали женщины, назойливо пытающиеся его заполучить и подчинить. Скорее всего и с Эстой у него все пошло прахом именно поэтому. Агнеса же и вовсе вызывала одно глухое раздражение, но Шарль мужественно выслушал ее неуклюжую речь и с готовностью взял письмо Саррижа.

Это действительно было забавно. Ифранский король предлагал его купить. И заплатить готов был дорого. Бедные Фарбье небось думали, что сдирают с авирского скряги неплохие деньги, а тот, оказывается, готов отдать и больше. Сказать им, что ли? Пусть Святой Дух побесится...

Выходка ифранского монарха не вызвала у Шарля ни удивления, ни злости. Скряга, который, наверное, и молится-то деньгам, должен поступать именно так. Регент аккуратно положил листок на стол и поблагодарил королеву за столь дружественный шаг. Та в ответ как-то странно засмеялась.

– Что ж, монсигнор, я не нарушила волю отца и против нашей дружбы не погрешила. Мы ведь друзья, не правда ли, Шарль?

Такой вопрос подразумевал только один ответ. Пришлось подтвердить, что он и Агнеса, безусловно, друзья. Дальше все пошло как по-писаному. Королева еще раз засмеялась, показывая белоснежные зубы, заметила, что друзьям в такую жару не грех выпить по стаканчику охлажденного вина, не дожидаясь ответа, вышла и вернулась с подносом. Шарль, стараясь дышать пореже, разлил вино и поднял высокий узкий бокал с дежурными словами о красоте хозяйки. Агнеса вспыхнула, что ее отнюдь не украсило, и выпила до дна; герцогу осталось последовать примеру королевы. Вино было хорошим, разве что слегка терпким, и Шарль, уступая невысказанному желанию собеседницы, налил еще.

Он понимал, чего она от него ждет, более того, с точки зрения здравого смысла он должен был это сделать. В конце концов, в его жизни было множество женщин, без которых он вполне мог обойтись, а Агнеса была матерью наследника. Их союз означал мир, к которому он так стремился, и цена этого мира была до смешного мала. Ночь или две в кварту, а возможно, и реже. Сола для него все равно потеряна, жизнь с Эстой напоминала плохо склеенные черепки. Случайные подруги, в объятиях которых он топил свое одиночество, вряд ли станут упрекать, но Шарль Тагэре не мог себя заставить поцеловать эту раздушенную ифранку с черным пушком над верхней губой и голодными глазами. Не мог, и

все. Может быть, потому, что ни разу в своей жизни не желал от женщин ничего, кроме их самих, а этот союз, по крайней мере с его стороны, был сделкой.

Шарль лихорадочно прикидывал пути к отступлению, но Агнеса явно истолковала его молчание превратно. Она встала, нарочито медленно прошла к окну и задернула отвратительные оранжевые шторы. Вернулась назад, совершенно не к месту очередной раз засмеялась и глупо тряхнула головой, от чего высокий черепаховый гребень, поддерживающий волосы, выпал, и на костлявые плечи королевы выплеснулась густая, блестящая волна.

Это было красиво, но перед глазами Шарло встала другая женщина, локонами которой он так любил играть. Королева подошла поближе, принеся с собой облако сладкого аромата, и герцог, не выдержав, вскочил. Агнеса расценила его жест по-своему и буквально свалилась ему на грудь.

Если б он не подхватил ее, она бы упала, но несчастная дура, которую он готов был придушить, увидела в этом то, что хотела увидеть. Карминно-красные губы оказались у самого лица герцога, она шумно вздохнула и прижалась к нему всем телом. Несчастный Тагэре вздрогнул, как вздрагивает человек, нечаянно наступивший босой ногой на лягушку. В затуманенных глазах королевы читалось только одно: «Я твоя. Возьми меня!»

Шарло понимал, что уйти сейчас значит нажать себе смертельного врага, но остаться он не мог. Даже ради мира в Арции! Отвращение буквально захлестнуло его, но он все же сумел проявить деликатность, высвобождаясь из ненавистных объятий.

– Шарло... – Королева кокетливо смотрела на него, надув губки, словно маленькая девочка. Красная краска размазалась и растеклась, и Тагэре подумал, что и его лицо и воротник в предательских карминных пятнах. Захотелось немедленно вытереться, но он боялся оскорбить ее еще сильнее.

– Агнеса («Только бы придать голосу побольше мягкости и убедительности»), мне нужно идти. Королева Арции не может позволить себе то же, что обычная женщина.

– Шарло («Проклятый! Ну и голосок! Как у сержанта на плацу») ... Шарло, я не отпущу тебя. Я беру грех на себя...

Агнеса явно вознамерилась вновь в него вцепиться, и он, прекрасно понимая, что сжигает за собой все мосты, резко отступил назад и склонился в официальном поклоне:

– Сигнора, я не считаю себя вправе занимать место Святого Духа.

Утром Агнеса узнала, что регент и виконт Тарве ускакали в Эльту.

2864 год от В.И.

1-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

День начался просто ужасно. Глупый слуга не закрыл как следует клетку, и Дуся убежал. Беглеца искали семь человек во главе с королем и нашли только к вечеру, когда Его Величество впал в отчаянье и вновь принялся говорить про каких-то кошек, которые обманули и его, и Шарло. Дуся оказался в королевском кабинете. Бедняжка забился в самый дальний угол и совсем потерял голову от страха. Пьер попробовал взять своего питомца, но тот громко пискнул и впился хозяину в палец. Пошла кровь. Пьер вне себя от боли и обиды, высоко подняв окровавленный палец, заливался слезами, но не подпускал к себе спехом вызванного медикуса. Тот, разумеется, собрался налить ему на руку пахучую гадость, от которой щиплет. Так уже было, и не раз. Больше они его не обманут!

Воспользовавшись суматохой, виновник несчастья вновь скрылся за позолоченной гнутой ножкой бюро. Слуги, переглядываясь друг с другом, из последних сил сохраняли невозмутимость.

– Что здесь происходит? – низкий резкий голос принадлежал королеве.

– Ваше Величество, – с чувством произнес медикус, – Его Величество укусил хомяк, я должен обработать ранку, но Его Величество мне не позволяет.

– Какие глупости, – пожала плечами королева и повернулась к слугам, – выйдите все

вон. К тебе, Варше, это не относится.

Слуги поспешно ретировались. Связываться с ифранкой, да еще в отсутствие регента, не хотелось, а Агнеса подошла к супругу и властно потребовала:

– А ну замолчите и давайте руку!

– Не дам, – глотая слезы, взвизгнул король, – не смей меня трогать. Шарло! Где Шарло?!

– Шарло уехал, – отрезала королева, – и велел вам меня слушаться. Давайте руку!

– Неправда. – Лицо короля сначала залила бледность, а потом оно покрылось красными пятнами. – Шарло не мог... Он обещал... Кошки...

– Не смей говорить о кошках. – Агнеса нагнулась к Пьеру и тихо прошептала ему в лицо: – Еще одно слово про этих тварей, и я выброшу всех твоих мышей. Всех до единой! Понял? Руку!

Король всхлипнул, но послушался.

– Обработайте ему рану и уходите, – велела ифранка медикусу. – А вы не вздумайте дергаться и кричать.

Врач торопливо сделал свое дело и пуганым зайцем метнулся за порог. Ее Величество проводила его взглядом и повернулась к супругу:

– Где эта мышь, которая вас укусила?

– Под... под столом.

– Варше, – бросила Агнеса, – немедленно найдите эту гадость и уничтожьте. Она может быть больной.

– Нет! – закричал король. – Дуся не виноват! Он потерялся. Он испугался, он меня не узнал... Я не дам!

– Да кто вас спросит.

– Шарло...

– Шарло уехал, забудьте о нем. Если вы хотите оставить при себе своих мышей, вы должны забыть слова «Шарло» и «кошки». С сегодняшнего дня у вас будут другие слуги во главе с Варше, и вы будете говорить только то, что скажу вам я и дядя Жан. Понятно?

Король судорожно выдохнул:

– А малышоночки?

– Пока вы будете меня слушать, можете оставить их у себя. Для начала подпишите несколько бумаг, после чего забирайте свою мышь и уходите. Когда вы понадобится, за вами придут.

Король облегченно вздохнул и, старательно высунув кончик языка, нарисовал на пергаменте свою подпись. На какое-то время малышоночки спасены. А к осени вернется большой кузен и защитит его и от дяди Жана, и от жены. Шарло обещал вернуться, значит, вернется. Он всегда говорит правду, а пока надо быть послушным, очень послушным.

2864 год от В.И.

7-й день месяца Дракона.

Арция. Тагэре

Каштаны и клены уступили место соснам и березам, а красный кирпич – серому камню. Чем ближе была Эльта, тем резче менялось настроение у Шарля. То он дурачился, разгонял Пепла и заставлял его с ходу брать препятствия, то подолгу смотрел в небо, непонятно чему улыбаясь, а потом улыбка исчезала, и на лице читалась лишь плохо скрываемая досада или тоска. Рауль Тарве смотрел на герцога с пониманием. Тагэре был рад вырваться из Мунта, но дома его ждали не самые веселые разговоры... Виконт видел письмо Эстелы, и оно ему очень не понравилось. Не хотел бы он, чтобы жена когда-нибудь поставила такие условия ему, хотя этого вряд ли стоит опасаться. Хвала великомученику Эрасти, Магда напрочь лишена амбиций и властности. Именно мягкость и женственность и привлекли его в старшей дочери графа Ландея, а Эста... Вот уж нашла коса на камень! Рауль всегда думал о жене Шарля как о сестре, хоть она и приходилась ему теткой, да и сам Шарло для него очень

быстро стал старшим другом, а никак не сановным родичем.

Тарве знал и о сцене в королевской спальне, и об ультиматуме, предъявленном Эстелой. Шарль прав, эти две женщины должны быть разделены реками и лесами, иначе войны не миновать, причем войны женской, а хуже этого может быть лишь моровое поветрие. Рауль улыбнулся, вспоминая учение безумного Баадука. Что ж, атэвские мужчины защитили себя, по крайней мере, от ловушек вроде той, в которую угодил Шарло.

– Что смеешься? – Оказывается, не только он наблюдал за герцогом, но и герцог за ним.

– Про атэвов подумал, – честно признался виконт.

– Мудрые люди, – кивнул Шарло.

– Наверное, это от жары.

– Ну, не знаю... Лично я от жары тупею. Проклятый, хорошо-то как!

Пробивавшиеся сквозь сплетенные ветви солнечные лучи словно бы запутались в светлых волосах герцога. На дороге, возмущенно пискнув, шлепнулся желторотый скворчонок, и Шарль, со смехом придерживая коня, дождался, пока несмышлениш упорхнет в кусты. Остро и радостно запахло водяникой, и дорога побежала вдоль берега широкой, медленной реки, на поверхности которой белели водяные лилии. Крупные стрекозы то и дело присаживались на широкие кожистые листья и вновь взлетали. Пахнущий медом и речной свежестью ветер шевелил осоку и камыши, за рекой сгребали сено, люди и лошади казались игрушечными, а белые цветы и важно рассевшаяся на плавающем листе лягушка большими и значимыми.

Пройдет много лет, но Рауль Тарве не забудет ни эту сонную реку, ни людей на дальнем берегу, ни солнечные блики на золотистой дремотной воде...

Проклятый

Он сам не знал, что ждал от этого разговора. Прошло около тридцати лет. Анхель собрал-таки свою империю, доказав, что во многом был прав. Арция процветала, народ императора, по крайней мере, не ненавидел и не презирал. Голод и разруха первых лет отступили. Да, рая на земле не вышло, но и ада не было. Любой владыка мог гордиться такой державой, хотя на самом Анхеле грязи и крови было предостаточно, в том числе и его, Эрасти, крови. Впрочем, Церна не собирался мстить. Он давно перешел ту грань, за которой старые обиды не имеют значения. Что значит существование какой-то империи, пусть и могущественной, в сравнении с судьбой всего мира?

Эрасти не собирался ворошить прошлое. От бывшего друга ему было нужно совсем иное. Анхель никогда не был ни дураком, ни трусом. Он должен понять, что за угроза нависла над Таррой. Да, сейчас она еще далека, но император создавал империю не на год и не на век, а на тысячелетие, уж об этом-то Эрасти осведомлен. Анхель вложил в это дело все свои силы, пожертвовал, чем можно и чем нельзя. Так пусть защищает свое детище, а с ним вместе и весь мир. Церна долго думал, с чего начать, чтобы Анхель понял и поверил. Пожалуй, лучше всего с пророчества умирающего монаха. Это докажет Анхелю, что перед ним не сумасшедший. Но сначала придется доказать, что он это он. Тот самый Эрасти Церна, который был ему больше чем братом, а не его сын или просто кто-то невероятно похожий...

Он знал, что его объявили святым. Это было бы забавно и трогательно, если бы за канонизацией не стоял человек, пославший его на смерть и получивший в доказательство отрубленные руки. Анхель научился извлекать выгоду из всего, даже из памяти друга. Живой Эрасти ему мешал, святой Эрасти, наоборот, был весьма полезен. Что ж, раз его объявили святым, он им будет. Он явится лучшему другу и поведаст тому о грядущем Конце Света.

Император, особенно такой, как Анхель, может многое. Предусмотрительность и ум властителя Арции должны послужить всей Тарре. Эрасти был уверен, что поступает правильно, но святым он все же не был. Он ошибся в своих расчетах. Анхель не смог понять ничего, кроме того, что перед ним его бывший друг, избежавший смерти. Даже теперь

Эрасти с ужасом вспоминает ту встречу.

Это случилось ночью с одиннадцатого на двенадцатый день месяца Зеркала. Было ясно и холодно, высоко в небе сияла Ангеза, звезда, которой он отныне клялся. Он спокойно шел по улицам спящего Мунта. Городская стража не бездельничала, просто она не могла его увидеть. Впервые за все эти годы он вернулся в город своей победы и своего разочарования и долго бродил по улицам, вспоминая себя прежнего. Было хорошо за полночь, когда он наконец вошел во дворец. Почуяли его разве что горгульи на крыше да атэвские каменные львы, но для них он был хозяином, а не врагом.

Императора стерегли хорошо, очень хорошо, по крайней мере по людским меркам. Да и по магическим тоже. Эрасти невольно хмыкнул, увидев чуть ли не дюжину магов в лиловых одеяниях и с Кристаллами. Никакая людская волшба не осталась бы незамеченной, но цепная собака учует вора, но не ветер. Он мог уничтожить всех стражей, но зачем? Наследство Ангеса было неисчерпаемо, но Эрасти не намеревался тратить впустую доставшуюся ему мощь, и не потому, что так советовал Ларэн. Отдав Черное Кольцо, эльф стал много слабее своего ученика. Церна знал это, но ему и в голову не приходило воспользоваться этим обстоятельством. Сила ему дана для спасения Арции и не может быть использована ни на что другое!

Где искать Анхеля, он знал. Тот всегда любил жить высоко, и массивная угловая башня, без сомнения, была выстроена по приказу императора и для императора. Эрасти бесшумно поднялся вверх по узкой витой лестнице, мимоходом усыпив нескольких стражников. Он не опасался, что Анхель позовет на помощь, скорее не хотел, чтоб их разговор был кем-нибудь подслушан. На самой верхней площадке никого не было. Это показалось странным, но не более того. Дверь была закрыта изнутри, но двери люди предпочитают делать из досок, и еще не выросло дерево, не подвластное эльфийской магии. Белый дубец не помыслил ослушаться, и Эрасти тенью ветра скользнул в покои друга.

Вкусы Анхеля изменились мало. Мало золота, много стали. Приемная, стены которой завешаны роскошным оружием, из нее две двери: закрытая, очевидно в спальню, и распахнутая, в кабинет. Император сидел за столом и что-то писал, склонив поседевшую голову. Он ничего не чувствовал и ни о чем не догадывался. Странно, Эрасти и не думал, что эта встреча так его взволнует.

Рядом со столом стояло глубокое обтянутое кожей кресло... Такое же было во дворце Пурины, в той самой комнате, где они в последний раз выясняли отношения. Он тогда сидел на ручке и, чтобы не смотреть Анхелю в глаза, вертел подаренное тем кольцо, странным образом похожее на Кольцо Ларэна. Черный камень и сталь! Вот и говори после этого о случайностях, хотя что может быть общего у простенького таянского мориона⁸³ и Черного камня, найденного Ангесом на тропах, доступных лишь богам.

Анхель наконец отложил перо и поднял голову. Годы, хоть и не прошли мимо императора Арции, не были к нему строги. Он по-прежнему напоминал добрый двуручный меч. В каждой черточке сурового узкого лица читались сила и непреклонность, а руки, как и тридцать лет назад, могли гнуть подковы и завязывать узлом железные прутья. Император решительно отодвинул написанное, и тут Эрасти его окликнул. Анхель вздрогнул и оглянулся. Церна, в глубине души обругав себя последними словами, коснулся рукой лица, позволив себя увидеть. Лучше бы он этого не делал. Лучше бы он вообще никогда не поднимался в эту башню!

Лицо Анхеля побледнело. Он вскочил, выставив в странном, выпретенном жесте руку, словно плохой актер, пытающийся изобразить ужас или раскаянье.

– Я знал, что ты придешь за мной! Всегда знал... Я не мог иначе...

– Анхель, – Эрасти шагнул к нему, – успокойся! Нам нужно поговорить.

– Уходи, – налитые кровью глаза императора были безумными, – уходи... Я еще не

⁸³ Черный топаз.

готов отвечать. Я еще не сделал все, что нужно. Дай мне довести свое дело до конца! У вас в преисподней много времени.

– Да послушай же ты! – не выдержав, заорал Церна. – Ты мне нужен здесь и живым.

– Уходи! Во имя Творца! Я изгоняю тебя. – Он, никогда ни во что не веривший, кроме своего меча, торопливо пытался сотворить знак, отвращающий зло. Знак, по словам Ларэна, бывший не более чем изменившимся призывом милости Арцея, бога, бросившего этот мир, но оставившего в нем свое имя. И Эрасти неожиданно для себя самого рассмеялся. Это было глупо, но он ничего не мог с собой поделать. Но еще более глупым было то, что, когда Анхель, лицо которого из белого внезапно стало багровым, рухнул на пол, он не смог его удержать. Не смог, хотя овладел искусством целительства и не раз возвращал уходящих от самой Грани. Но здесь, глядя на лежащего у его ног императора Арции Анхеля, он растерялся.

Все, что он познал за эти годы, что, казалось, накрепко срослось с его сутью, куда-то исчезло, и Эрасти вновь стал человеком, немеющим перед ликом смерти. Он стоял, не в силах отвести глаз от поверженного гиганта, пока сзади не раздался шорох и тихий голос не окликнул: «Анхель!» Церна резко оглянулся: в дверном проеме стояла юная женщина в розовой шелковой рубашке, поверх которой была накинута атэвская шаль. Так он встретил Циалу...

2866 год от В.И.

22-й день месяца Влюбленных.

Арция. Мунт

Барон Обен был зол, как сто тысяч злобных демонов. Вообще-то после отъезда Шарля Тагэре злость и недоумение стали обычными спутниками барона, который не мог равнодушно смотреть на выходки захватившей власть ифранской бабы и ее разлюбезных Фарбье со чады и домочадцы, с которыми королева спуталась крепче прежнего. Жан умудрился хапнуть даже маршальский жезл, хотя полководец из него, что из Обена канатоходец. Оставалось благодарить Проклятого, что у Святого Духа всего два брата, а не восемь, впрочем, каждый стоил троих. Вконец затюканный Пьер чего только не наподписывал, а им все мало! К несчастью для Арции, урок явно пошел ифранке и ее любовнику впрок. Они ни на мгновение не оставляют короля одного и умудрились так запугать беднягу, что он открывает рот только по их приказу.

Все, что сделано Шарлем, отменено и загублено, вокруг трона опять вьются ифранцы и эскотские нобили, арцийцам же, если это люди, а не тараканы, наверх не пробиться. Страна разваливается, как подгнившая халупа. Даже честные люди берутся за арбалеты и идут на большую дорогу, так как разбой оказался чуть ли не единственным ремеслом, которым можно прокормить семью. Сам барон, правду сказать, с голоду не умирал, но ему нравилось жить в сильной стране, над королем которой не тянет издеваться. Сейчас же даже исполнять свой долг по ловле оскорбивших величество Обен был не в состоянии, так как сам это величество не ставил ни в грош. Да и не было в Арции человека, не смеявшегося над слабоумным подкаблучником, его якобы наследником и согрешившей со Святым Духом ифранской стервой, от которой все дружно плевались.

Если ничего не произойдет, вспыхнет бунт, его подавят, но через некоторое время вспыхнет еще один и еще... Рано или поздно те, кто огнем и мечом защищают негодную корону, получают за это или арбалетный болт в спину, или, если попадутся в руки бунтовщикам, кое-что похуже.

Обен хотел жить. Он мечтал об обеспеченной и спокойной старости с мягкой постелью, полными сундуками, вкусной едой и умными разговорами о делах минувших, а сейчас до этого было далеко. Мало того, что ифранская дура и кошкин сын привели страну на грань гражданской войны, они вознамерились убить Тагэре! Этого им точно не простят, а вместе с ними утонут все, кого держат за слуг Лумэнов, что бы те при этом ни думали.

О том, что затеяли Агнеса с Фарбье, барон узнал от одного из своих многочисленных

прознатчиков из числа дворцовых слуг, которых командор Мунта давно и щедро подкармливал. Якобы глуховатый и туповатый старый истопник услышал, как временщик отдавал странное приказание одному из командиров эскотских наемников, ошивающихся при дворе. Старик передал разговор почти слово в слово, и Обен понял, что те должны перебить некий отряд на дороге между Лагой и Мунтом.

Эскотец со своими головорезами исчез, и тут же Агнеса сменила гнев на милость и позволила дурачку Пьеру написать письмо, слезно умоляющее Шарля Тагэре приехать в Мунт, где его другу вовсе худо и одиноко. От себя же ифранка дописала, что разрешила Пьеру встречу, так как он вновь находится на грани помешательства.

Сопоставив полученные сведения, Обен сообразил, что приглашение – приманка и что Тагэре в пути поджидает банда разбойников. Ничего более умного Агнеса и ее «Святой Дух» не придумали. Барон так и не понял, как в прошлый раз полубольному Шарлю удалось вырваться из ловушки, но Фарбье, видно, об этом забыл. Самоуверенные уроды! Обен нахмурился, затем махнул рукой и отправился обедать.

Перекусив всего ничего – полпирога да утку, и то сказать, от таких новостей кусок в горло не пойдет, Трюэль, вздохнув, уселся за слишком маленький и изящный для такой туши письменный стол и написал виконту Тарве. Рауль его не выдаст ни нарочно, ни нечаянно. Барон нюхом чуял, что, случись что с Шарлем, сворачивать голову Лумэнам будет не кто иной, как его старший племянник. В парне уже сейчас чувствовались немалая воля и ум, да и бойцом Рауль был отменным. Чего один только последний турнир стоил! Барон Обен Трюэль расплылся в непроизвольной улыбке, вспомнив рожи Агнесиных любимчиков, выбитых из седла копьём виконта. Да, Рауль именно тот, кто нужен и ему, и Арции.

Шарль, говорят, стал каким-то осенним, погас, хотя делает то и так, как нужно. Может, болен, но скрывает? Если так пойдет, то через несколько лет партии Тагэре будет нужен новый вождь. Конечно, у герцога славные сыновья, по крайней мере двое старших. Из среднего еще непонятно, что выйдет, а младший – калека, его можно со счетов сбросить. Но Филипп и Эдмон еще мальчишки. Рядом с отцом они на высоте, а сами пока мало что соображают. Если брать сторону Тагэре в той игре, которая закручивается, нужно ставить на молодого Рауля, а сейчас великолепный повод завоевать его расположение. И в конце концов, он, барон Трюэль, не хочет, чтоб Шарло убили. Можете его назвать старым толстым дураком, но ему жаль красивого и грустного герцога...

Обен отбросил последние сомнения и старательно вывел левой рукой:

«Сигнор Тарве. Пишет вам человек, отягощенный многими годами и грехами, главные из которых чревоугодие, любопытство и болтливость. Здоровье у меня тем не менее отменное, и, если не произойдет со мной какой неожиданной беды, я надеюсь прожить еще долго и дожить до спокойных времен при сильном, молодом и умном короле. Пока же страну наводняют разбойники, особенно бесчинствующие на Лесном тракте между Мунтом и Лагой.

Не поверите, но эти наглецы вооружились, как воины, и нападают даже на крупные отряды. Однако, думаю, скоро им не поздоровится, так как в день святого Орельена из города исчез со своими людьми один из самых опытных, хитрых и жестоких эскотских капитанов. До меня дошло, что накануне он имел длительную беседу с маршалом, так что весьма вероятно, что он отправился очистить Лесной тракт от вооруженных людей, представляющих угрозу трону.

Радует также, что Ее Величество ныне в мире и согласии с Его Величеством, который с нетерпением ожидает приезда своего доброго друга Шарля Тагэре. Ее Величество, видимо, смирилась с этой дружбой, так как собственноручно написала по просьбе своего супруга приглашение нашему дорогому герцогу, которого здесь, безусловно, встретит с тем же радушием, что и в прошлые годы.

Вот и все наши новости. Как видите, дорогой виконт, в Мунте мало что меняется. Надеюсь, что когда вы закончите со своими делами, то найдете время разделить с болтливым стариком один из его скромных ужинов. В прошлый раз мы ели запеченную в белом вине

форель, на этот раз я намерен вас угостить парной телятиной со сливками и зелеными орехами из провинции Эж.

Прощайте, дорогой Тарве. Я надеюсь, что вы по-прежнему являетесь самым удачливым охотником севера, и жду от вас обещанной дичи».

Это письмо, даже попади оно в дурные руки, ничего не скажет о том, кем оно написано. А Рауль, осведомленный о гастрономических изысках сгнора Обена, догадается тотчас, у мальчика очень живой ум.

2866 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Арция. Лесной тракт

Обстоятельность, неторопливость и еще раз обстоятельность – вот что было девизом достопочтенного Флоримона ре Гога. Именно поэтому ему, не отличающемуся ни богатырской силой, ни лихостью, удалось сколотить и удержать в руках отряд молодцев, известный по обе стороны эскотской границы. Люди Флоримона всегда имели деньги и не имели неприятностей. Вояки накрепко уверовали в счастливую звезду своего худосочного предводителя и с готовностью отправились вместе с ним на службу королеве Агнесе, а вернее, Жану Фарбье.

Посланник временщика разыскал ре Гога через трактирщика приграничной деревни, снабжавшего банду Флоримона элем и новостями. Разбойничий вожак пришел на встречу, выслушал предложение и сделал вывод, что это именно то, что нужно. Жизнь разбойника опасна, недаром сказано, что как веревочке ни виться, рано или поздно она сохнет в петлю. Достаточно эскотским и фронтерским баронам прекратить грызню и заняться очисткой Приграничья от рыцарей большой дороги, и разбойникам при всей их тороватости не продержаться и года. Достаточно вспомнить Тагэре! А тут вольготная жизнь в столице, денежки из казны, прощение старых провинностей. Разумеется, Флоримон понимал, что это не за красивые глаза и что им придется выполнять довольно-таки скользкие поручения, но это его не смущало. Он был мужчиной обстоятельным и дальновидным и не сомневался, что справится. Так и вышло.

«Святой Дух», даром что кошацье отродье, оценил таланты Гога, и новая жизнь потекла как по маслу. Не прошло и полугода, как привыкшие спать на земле у костра молодцы превратились в заправских горожан. Толстопузый Жак заделался щеголем и юбочником, в Люсьене проснулась страсть к петушиным боям, а Ноэль и Тома стали копить деньги – один на трактир, другой на лавчонку заморских товаров. Но все они были готовы собраться по первому слову своего вожака, так как понимали, что за сытую, вольготную жизнь нужно платить.

Поручение, полученное Флоримоном на прошлой кварте, было шестым по счету и самым сложным. Впрочем, денег за него обещали столько, что ре Гог даже засомневался, не ослышался ли он. Двести ауров каждому, за полученную в деле рану еще по пятьдесят, а за тяжелую аж сотня. Если кого убьют, его деньги на усмотрение вожака, а сам Флоримон унес из дворца две тысячи, и еще столько же его ждет в случае удачи. За такие деньги эскотец убил бы самого святого Эрасти, не то что герцога Тагэре. Однако даром ничего не дается, наемник понимал, что добыча им выпала непростая, к тому же повернуть дельце нужно так, чтобы комар носа не подточил.

Все должно быть списано на разбойников. Придется оставить в живых нескольких свидетелей нападения, которые подтвердят, что всему виной грабители с большой дороги. Лучше всего, если герцог будет убит шальной стрелой. Ни в коем случае не должны догадаться, кто был истинной целью нападающих, а поэтому вещи убитых нужно всучить известным скупщикам краденого, чтобы ищейки Обена или Гарро их обнаружили. Сами же убийцы должны исчезнуть, якобы со страху, когда поймут, на кого напали.

Флоримон думал два дня и, кажется, не упустил ничего. Только бы Тагэре проехал именно там, где его ждали. Ему сказали, что с герцогом будет не более двух дюжин воинов.

У ре Гога было раз в шесть больше. Исход очевиден, но предусмотрительный Флоримон не успокоился, пока не облазил дорогу между Лагой и Мунтом вдоль и поперек, выбрав четыре подходящих для засады места. Главное, чтобы отряд задержался в пути до вечера, это можно сделать, обрушив, на выбор, один из четырех мостиков через речонки с топкими берегами. Люди ре Гога без возражений принялись подпиливать опоры. Они достаточно знали своего вожака, чтоб понять: он ничего не делает зря, и лучше потратить полдня на грязную работу, чем сложить голову или упустить добычу.

Убедившись, что все в порядке, Флоримон приказал разбить лагерь. Кто его знает, сколько им предстоит ждать, не сидеть же под открытым небом и без горячей пищи. Все, что от него зависело, охотник сделал, теперь дело было за добычей.

2866 год от В.И.

16-й день месяца Лебеда.

Арция. Северный тракт

Пепел недовольно фыркнул, отчего-то жеребец терпеть не мог запаха цветущей таволги, а вот Шарль Тагэре, напротив, его очень любил. Он вообще любил запахи лесных и полевых трав и ненавидел южные благовония, которыми поливали себя знатные дамы. Он не переносил Агнесу и любил Солу... Как давно это было, а он ничего не забыл. Ничего! Хоть и старался. Бедная девочка, каково-то ей сейчас в ее монастыре.

Больше Шарль ее не видел. Сола решила, что так лучше, возможно, она права. В монастырях с прошлым расстаются быстро, туда и уходят-то те, кому есть чего забывать. Молитвы, посты, опять молитвы, короткий сон, ранние службы... Смерть при жизни. Может быть, Сола теперь счастлива и спокойна. Если б не боязнь расшевелить ее горе, он бы навещал ее, а так... Зачем беречь чужие раны, которые, вполне возможно, затянулись. Не ее вина, что ему по-прежнему больно. Но как все же пахнет таволга! А может быть, все дело в предстоящей схватке? Такое с ним и раньше бывало. Перед боем краски становились ярче, запахи острее, звуки громче и четче.

Проклятый! Как же давно он не дрался по-настоящему! В последний раз он схватился с эскотскими разбойниками, посмеявшимися вторгнуться в Тагэре. Было это как раз после его поездки в Фей-Вэйю. Он был почти благодарен незадачливому головорезам, так как поход притупил боль потери. Странно, как ему тогда все удавалось. Тагэре была очищена в считанные кварталы, но он пошел дальше. Разбойники буянили в Арции с негласного соизволения эскотского короля, пришлось показать Джакомо, что, если он не приструнит своих землячков, его собственные подданные будут себя чувствовать очень неуютно.

Шарль улыбнулся, вспомнив свой неожиданный поход через покрытый снегом перевал и захват крепости Ксеты, в которой приходили в себя потрепанные душегубы, каковых он с надлежащим эскортом препроводил к королю с заверениями, что и впредь будет помогать северному соседу бороться с разбойничьей напастью. Загнанный в угол Джакомо был вынужден публично повесить пленников Шарля, после чего в Приграничье воцарилась божья благодать. Шарль же вернулся в Эльту, где его и его воинов встретили по-королевски. А потом были бесконечные разговоры с тестем и зятьями о короне, примирение с женой, от которого легче не стало, неудачное регентство, рождение мертвой и, видимо, последней дочери, а теперь вот это...

Он не собирался принимать приглашение Пьера, и не потому, что боялся ловушки, а потому что до кома в горле не хотел в Мунт. Эстела на сей раз была с ним согласна, но по прямо противоположной причине: она увидела в королевском письме западню. А потом в Эльту прискакал, загнав коня, Рауль, получивший предупреждение о заговоре. И тут Шарля понесло. Он немедленно отписал Его Величеству, что выезжает. Его немало позабавило озадаченное выражение на лицах жены и Рауля. Кажется, он им сказал, что тот, кто предупрежден, вооружен и что будет весьма занятно поймать охотника.

Рауль был не из тех, кому нужно объяснять дважды. Темные глаза виконта нехорошо вспыхнули. Если удастся прихватить засаду и заставить вожаков признаться, кто их послал,

это повод для ответного удара! Повод, который признает убедительным даже Церковь, тем паче Евгений, вопреки чаяньям Агнесы, умирать не собирается.

Шарль пожал плечами, Рауль был прав, но для себя он пока еще ничего не решил. Герцогу было жаль Пьера, он не собирался вытаскивать из-под несчастного короля трон, но то, что творилось в Арции, иначе, чем агонией, назвать было нельзя. Имея в руках серьезные козыри против Агнесы и Фарбье, можно попробовать их утихомирить с помощью того же Евгения. Как бы то ни было, сначала нужно поймать убийц. Это обещало хорошую драку, а возможность подразнить судьбу для Шарля оставалась единственным глотком свободы.

Он наотрез отказался от того, чтобы впереди небольшого эскорта в его доспехах ехал двойник. Его слишком многие знают, причем не только в лицо, но и посадку, и привычки. Герцог ездит только на сером в яблоках Пепле, которому следовало родиться не конем, а тигром. Жеребец не позволит сесть на себя никому, кроме хозяина. Если среди убийц, а в таком деле без разведчиков не обойтись, найдется кто-то, знающий Шарля Тагэре, его не провести. Тем паче, властитель Эльты надевает шлем лишь перед боем, значит, двойник должен ехать с непокрытой головой и быть как две капли воды похож на Тагэре, а такого не найдешь. У нападающих не должно возникнуть ни малейшего сомнения в том, что им противостоит горстка ничего не подозревающих, хоть и очень хороших воинов.

Шарль согласился лишь надеть латы. Впрочем, можно было обойтись и без этого. Отчего-то Тагэре не сомневался, что на этот раз ему ничего не грозит и что их затея увенчается успехом.

Кавалькада подвигалась вперед не быстро, но и не медленно, а сзади и сбоку по лесной тропе пробирался отряд Рауля в две сотни клинков. Виконту было труднее, он не мог идти открыто. К счастью, собаки из Фло славились своим чутьем, равно как и разведчики, вышколенные Старым Медведем. Этой ночью на постоянный двор в деревушке в полдья⁸⁴ от Лаги пробрался один из людей Тарве, передавший, что они нашли в лесу потайной лагерь и видели чужих разведчиков на краю деревни.

Шарля сразу же затопила странная легкость, которую он испытывал перед хорошо подготовленным сражением. Однако все еще молодое лицо герцога осталось бесстрастным, только на мгновенье неистово вспыхнули серые глаза. Спутники вряд ли заметили в его поведении какую-то перемену. Утром герцог долго умывался у колодца, перешучивался с воинами, щедро расплатился с глядевшим на него с обожанием хозяином. Выехали как обычно, но в полувесе от деревни пришлось застрять на несколько ор – ночью обрушился подгнивший мостик через речку Кицу, и крестьяне из окрестных сел как раз его чинили.

Воины принялись им помогать, но все равно пришлось задержаться. Герцог засмеялся и решил заехать в видневшуюся за полем деревушку пообедать, так что выехали ближе к вечеру. Мостик был в порядке, впереди виднелся лес, до схватки оставалось всего ничего. Все чувства Шарля были обострены до предела, он сам не понимал, как это ему удалось, но он словно бы почувствовал выпущенную в него стрелу и успел поднять коня на дыбы, с удовлетворением наблюдая, как на дорогу спереди и сзади отряда валятся подрубленные деревья. Началось! Началось, Проклятый побери!

Шарль никогда не получал удовольствия от охоты, но сейчас его охватило какое-то отчаянное бешенство, словно он выпил лишнего. Убить наемного убийцу дело благое, их много, и они напали первыми. Это не бессловесная добыча, а матерые хищники-людоеды. И поделом! Они выбрали свою судьбу. Шарль Тагэре рассмеялся, словно не было страшных и пустых последних лет, в этот миг он был свободен и молод.

Первые выстрелы были самыми опасными, но пропали впустую. Готовившийся к этому мгновению с утра оруженосец быстро надел на голову сгнора шлем атэвской работы, а вроде бы ничего не подозревавшие воины схватились за мечи и арбалеты. Они не стали бестолково топтаться на дороге, а сразу же развернули коней в сторону леса.

⁸⁴ Диа – мера длины, равная одному конному дневному переходу.

2866 год от В.И.

Вечер 16-го дня месяца Лебеда.

Арция. Лесной тракт

Рауль Тарве безумно боялся. Боялся, что разбойники или разгадают их замысел, или в последний момент струсят и передумают, а для виконта эта стычка была дверью в большую войну, которая сметет с тела Арции лумэновскую плесень.

С того самого мгновенья, как отряд Шарля Тагэре перешел через починенный мостик и углубился в лес, любимый внук старого Этьена дрожал от охотничьего азарта, как хорошая гончая. Когда же слева раздался голос неуместной в густом лесу кампанки⁸⁵, Рауль почувствовал себя заново родившимся. Виконт с дружинниками, стараясь не шуметь, двинулись к тропе. Тарве знал, что с другой стороны подходит его родич и тезка с эльтскими стрелками. Нет сомнений в том, что они одолеют разбойников и возьмут пленных, но все равно нужно спешить. Первой жертвой Рауля оказался худой рыжеволосый разбойник, якобы охранявший лошадей. Бедняга сидел под кустом лещины, яростно воюя с комарами и напрочь забыв о том, что случаются враги и покрупнее. Его можно было брать голыми руками, но Тарве от избытка чувств все-таки слегка придушил пленника и, поручив его вместе с захваченными конями заботам десятку возмущенных такой несправедливостью воинов, устремился вперед. Как бы ни был Шарло готов к бою, ему и его людям сейчас несладко. Не стоило все же так отделяться от дороги, эскотские наемники не рыси и не волки, а люди, они бы их не учуяли, можно было и поближе подойти. Несмотря на то что отряд шел быстро и тихо, Раулю казалось, что они не успевают и к тому же шумят, как стадо кабанов. Да еще ветер дует от них, а не к ним! Две десятинки затянулись до бесконечности, а потом он услышал возмущенное конское ржанье, звон металла, а затем и чью-то отборную брань. Успели!

В придорожных кустах вовсю кипел бой. По тропе металось десятка два лошадей, чьи всадники предпочли сражаться пешими. Люди Шарло группами по несколько человек умело отбивались от наседавших на них воинов в зеленых и коричневых туниках, надетых поверх легких доспехов. Тарве увидел Шарля, прислонившегося спиной к здоровенному ясеню. У ног герцога валялась пара бандитов, но сам он, похоже, был в порядке. Рауль испустил боевой кошачий вопль, обозначая свое присутствие, и бросился вперед. Они наступали четырьмя сужающимися кольцами, рубя тех, кто попроще, и стараясь взять живьем тех, кто хоть как-то походил на вожака. Эскотцы хорошо подготовились к схватке на дороге, но вот прикрыть спину они и не подумали, оказавшись, как это часто бывает с бандитами, излишне самоуверенными.

2866 год от В.И.

Вечер 16-го дня месяца Лебеда.

Арция. Лесной тракт

Флоримон участия в драке не принимал, он был неплохим стрелком и отличным наездником, но на свой счет не обольщался. Схватка с Тагэре и его воинами была не для него. Ре Гог с арбалетом остался на маленькой, заросшей таволгой прогалине, откуда было удобно наблюдать за происходящим. Ребята все сделали правильно, подрубленные деревья упали так, как было задумано, в воздухе засвистели стрелы... И все равно зря он в это впутался, ведь слышал же он еще в родных горах про этого треклятого герцога, который то ли чужие мысли слышит, то ли нюх у него волчий. Когда года три назад Тагэре взялся за «вольных людей», добывавших себе пропитание в Арции кинжалом и арбалетом, от них мокрое место осталось. Понятно, что Фарбье красавчика Шарло терпеть не может и за его

⁸⁵ Кампанка – певчая птица, гнездится в рощицах, небольших перелесках и садах, известна тем, что поет до осени.

голову готов золотые горы отвалить, но золото покойникам без надобности!

Разбойничий вожак видел, как герцог резко поднял на дыбы коня, одновременно заставив его шагнуть назад. Стрелы просвистели под бьющими воздух копытами, а Тагэре, в руке которого оказался меч, а на голове шлем, пустил жеребца в просвет между кустами. В ближнем бою герцог стоял десятка людей Флоримона, а стрелять в густом лесу получается плохо. Или плюнуть на все и расстрелять и своих, и чужих? Нельзя! Ребята идут за ним потому, что он их ни разу не подвел, а покажи он, что люди для него грязь, которой он, не задумываясь, жертвует, его власти конец. Но что же все-таки делать? Драка шла по обеим сторонам тракта. Люди Тагэре доказали, что их просто так не возьмешь. Обычные разбойники, нарвавшись на такую добычу, бросаются наутек, и Флоримон счел уместным поступить так же.

В конце концов, даже убей он сейчас герцога, никто не поверит, что это дело рук подавшихся в леса мелких нобилей и беглых крестьян, а «Святой Дух» ему настрого приказал, чтоб все было чисто. Так он ему и скажет, что, выбирая между убийством и тайной, пришлось выбрать тайну. А дальше пусть достает у хаонгцев яд и травит красавчика на каком-нибудь приеме, а потом сваливает на обманутого мужа или брошенную любовницу, а с него, Флоримона, хватит!

Ре Гог подозвал маявшегося рядом Жака и велел трубить отход. Толстопузый поднял рог и... свалился с арбалетным болтом в горле. Флоримон мгновение промешкал, не зная, то ли бежать к нему, то ли в кусты, а потом стало поздно. Кто-то со страшной силой обхватил эскотца сзади, и тот, задыхаясь, прохрипел: «Сдаюсь!»

2866 год от В.И.

Вечер 16-го дня месяца Лебеда.

Арция. Лесной тракт

К нападающим присоединился широкоплечий воин в очень неплохом доспехе, видимо, почитавшийся у разбойников первым бойцом. Шарля это вполне устраивало. Пока все складывалось отлично. Им удалось смешаться с нападающими, лишив их возможности стрелять, а дальше все пошло как по-писаному. Разбойники, еще не зная, что окружены, бросались на воинов Тагэре. Оружием они владели неплохо, их было больше в несколько раз, и они горели желанием заработать свои ауры.

Эскотцы всегда были очень неплохими воинами и честными наемниками, до конца отрабатывающими полученные деньги. В свое время Шарло не раз и не два дрался с северными соседями и знал их привычки. Ничего нового! Герцог немного волновался за Пепла, которого пришлось покинуть, но не за себя и не за исход боя. Спину ему прикрывал толстенный ствол, а лицом к лицу с Шарлем Тагэре справиться было ох как непросто. Уложив умелым ударом похожего на кабана разбойника с секирой, Шарло повернулся к шустрому коротышке с мечом и, не тронув суетящегося противника, со всей силы рубанул атэвским клинком по его мечу. Стальной обломок отлетел в одну сторону, а бандит, все еще сжимающий рукоять, в другую. Герцог засмеялся, чуть ли не с нетерпением ожидая очередного нападения. Рауль, надо полагать, уже поблизости и вот-вот замкнет кольцо, а пока можно и гусей подразнить.

Гуси оказались с секирами, но щитом Шарло всегда владел мастерски. Герцог предугадывал движения своих противников, не просто принимая их удары на щит, но в последний момент слегка отдергивая его назад, от чего размах терял силу. Тагэре то подавался вперед, то пятился, причем с такой быстротой, что уследить за ним и тем более упредить было невозможно. Затем он и вовсе увернулся от удара, лезвие секиры рассекло пустой воздух, и воин, не удержавшись на ногах, с грохотом свалился на землю. В образовавшуюся брешь устремился воин с мечом, но Шарло с такой силой отразил щитом его удар, что рукоять выскользнула из онемевшей руки, а разбойник, ошалело трясая головой, отступил.

И в это время из зарослей с шумом вывалились воины ре Фло.

2866 год от В.И.

Вечер 16-го дня месяца Лебеда.

Арция. Северный тракт

Флоримон ре Гог был человеком умным, а умный человек умеет проигрывать. Эскотец не собирался умирать во имя Жана Фарбье, тем паче что относиться к «Святому Духу» еще хуже арцийцы просто не смогут. Стоя перед Тагэре и Тарве, Флоримон говорил правду, одну только правду и ничего, кроме правды. Он был опытным разбойником и хорошим вожакom и прекрасно понимал, что на этих людей ни заперательства, ни показное раскаянье не подействуют. Зато слегка ироничная откровенность человека, которому терять нечего, может смягчить его участь, а повешенным Флоримону быть не хотелось. Его расчет оказался верным. Герцог внимательно выслушал сказанное и велел отвести разбойников в город, где и запереть под надежной охраной как ценных свидетелей. Флоримон понимал, что оказался между молотом и наковальней, но надеялся, что людям Тагэре он нужен живым и они постараются, чтобы с ним ничего не случилось.

Вожак бандитов был прав. Для виконта Тарве жизнь Флоримона была едва ли не дороже его собственной. Едва дождавшись, когда наемника уведут, Рауль повернулся к Шарло, блестя темными глазами:

– Теперь они попались!

– Пожалуй, – кивнул герцог. Угар битвы миновал, и Шарло почувствовал, что устал, в горле пересохло, да и шею здорово натерло. Миг свободы и полета прошел, все вернулось на круги своя. Он – владетельный герцог, бросивший вызов короне. Признания главара наемников обратно не вколотишь. Агнеса и Фарбье решились на убийство и были пойманы с поличным. Теперь у недовольных есть право на ответный удар, и они ударят, а вождем восставших будет он, Шарль Тагэре. Так нужно и потому, что он «дважды Волинг», и потому, что Арция на краю пропасти. Он еще сможет удержать в узде своих сторонников, если те забудут, что воюют с такими же арцийцами, как они сами; другие же вряд ли смогут вовремя остановиться. Кровь опьяняет, а победа опьяняет дважды...

Ты долго тянул, Шарль Тагэре, слишком долго, нужно было сделать первый шаг двадцать лет назад, и тогда все было бы иначе. Может быть, они бы с Солой и не встретились, а если б и встретились, все могло кончиться по-другому. А теперь все запуталось, как космы безумной старухи, которая их не расчесывает годами.

– Шарло, – виконт Тарве с беспокойством смотрел на него, – ты не ранен?

– Нет, – улыбнулся Тагэре своей знаменитой улыбкой, – шею немного натер, это да, а так ничего... А ты?

– Да что мне сделается, – отмахнулся Рауль, – а ведь здорово получилось?

– Здорово, – согласился Шарло, – а теперь куда?

– Домой, конечно. То есть во Фло. Там как раз гости, именины у Изабель.

– И кто там?

– Да весь Север. Потом, кое-кто из Приграничья, ну, старые друзья отца и деда...

– Короче, мы едем на совет заговорщиков.

– Каких заговорщиков? – возмутился Рауль. – Просто наши друзья исключительно порядочные люди и противники «Святого Духа». Кто ж виноват, что Лумэнов терпеть не могут?

– Пожалуй, никто, – подумав, согласился Тагэре, – но Пьера я трогать не позволю.

– Да кому он нужен?! Он будет рад-радешенек, если его с его хомьяками оставят в покое. А ты, если хочешь, можешь по вечерам приходить к нему в ладушки играть.

– Змеюка, – Тагэре не смог сдержать улыбки, – что ж, поехали...

2866 год от В.И.

22-й день месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Воробьи и голуби самозабвенно разгребали кухонные отбросы на заднем дворе королевской резиденции. Кроме них да кота, обожравшегося и обленившегося до такой степени, что ему было не до охоты, здесь никого не было. Человек в неприметном темном одеянии вышел из-за большой поварни и, подойдя, казалось, к глухой стене, нажал на один из кирпичей. В стене открылся узенький проход, которым пришелец не замедлил воспользоваться. Он не первый раз поднимался этой винтовой лестницей и научился обходиться без света. За все неудобства ему заплатят, и заплатят щедро. Наверху была небольшая площадка с одинокой тяжелой скамейкой. Человек уселся и приготовился ждать. Иногда его принимали сразу, иногда приходилось ждать ору, а то и две. К этому он тоже привык.

На сей раз ждать пришло недолго, видимо, Агнесе и Фарбье было не до того, чтоб выдерживать характер. Дверца приоткрылась, и человек в незаметном темном платье шагнул в обтянутую розовым шелком комнату в угловой башенке. Королева сидела за небольшой конторкой, инкрустированной перламутром. «Святой Дух» стоял рядом, нервно теребя рыцарскую цепь. Яркий предвечерний свет заливал комнату, подчеркивая желтоватую бледность Агнесы и темные круги под глазами ее любовника.

– Тебе удалось проникнуть во Фло, Габриэль? – Как бы ни относиться к временщику, он никогда не ходил вокруг да около.

– Да, хотя это было непросто.

– Кто там?

– Все.

– Все? Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что там собрались все, кого сейчас нет в Мунте. Тагэре, Фло, Бэрроты, Шады, ну, и нобили помельче, которые держатся за хвост лошади этих сигноров. Хуже времени для того, чтобы напасть на Тагэре, выбрать было нельзя.

– Что ты имеешь в виду?! – Фарбье был слишком ошарашен, чтобы скрывать свои чувства.

– То, что любители серебра⁸⁶ съехались на именины старшей дочери Рауля Тарве. Уж не знаю, что они привезли девчухе в подарок, – Габриэль, как и все хорошие прознатчики, мог позволить себе говорить с хозяевами без подобострастия, – но сами они подарок получили. Да какой!

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что во Фло при мне привезли какого-то разбойника, который имел наглость, во-первых, напасть на Шарля Тагэре, во-вторых, попасться, в-третьих, спасая свою шкуру, заявить, что он выполнял приказ королевы и монсигнора...

– Что?! – И без того бледная королева стала какой-то синюшной. – Что ты сказал, мерзавец?!

– Я не скажу ни слова, пока сигнора не успокоится и не возьмет свои слова назад.

– Ее Величество хотела узнать, что еще сказал пойманный мерзавец, – в устах Фарбье это прозвучало как извинение. По крайней мере, Габриэль решил, что это можно расценить именно так.

– Этот мерзавец, – прознатчик подчеркнул слово «мерзавец», – сказал, что ему велели убить герцога Шарля Тагэре, устроив все так, как будто это дело рук разбойников. Мерзавец, конечно, лгал, но собравшиеся сделали вид, что ему поверили.

– И что?

– К замку Фло спешно стягиваются войска. Думаю, их соберется не менее пяти тысяч.

Фарбье смерил Габриэля многозначительным взглядом, но тот сохранял полную невозмутимость. Жан вздохнул и протянул ему небольшой, но тяжелый кошелек.

– Возьми. Ты еще понадобишься. Будь здесь через два дня.

⁸⁶ Намек на то, что символом Тагэре были серебряные нарциссы.

– Я счастлив служить сигнору. Увы, когда я не вижу перед собой денег, мне трудно сосредоточиться. – Габриэль поклонился с неожиданным изяществом и вышел.

Теперь предстояло посетить барона Трюэля и рассказать толстяку то, что он рассказал королеве и Фарбье, и еще то, что он увидел во дворце.

Габриэль отнюдь не считал себя двурушником. Мириец по происхождению, авантюрист по складу характера и бывший вор и шулер, он уже несколько лет преданно служил толстому командору, спасшему его правую руку от топора палача. А то, что Обен позволял ему оставлять королевское вознаграждение и при этом добавлял от себя пару-другую ауров, лишь укрепляло в правильности сделанного выбора. К тому же вынужденный в юности покинуть Мирию, Габриэль уже давно считал Арцию своей родиной и не терпел высокомерную и визгливую Агнесу и братцев Фарбье.

По мнению бывшего вора, являвшегося большим поборником чистоты крови, на арцийском троне мог сидеть лишь настоящий Волинг, каковым являлся Шарль Тагэре. Мириец знал от своих мунтских приятелей, как герцог вел себя на эшафоте. Вряд ли, бросая смертельный вызов синяку, Шарло думал, что навеки покоряет сердца честных воров и разбойников, но это было именно так.

Габриэль был редкостным счастливчиком, жившим в ладу с самим собой, ибо делал то, что ему нравилось, для человека, который ему нравился, во имя дела, которому он симпатизировал, и к тому же за очень хорошие деньги.

Эстель Оскора

Я все-таки вспомнила, что случилось с Анхелем, когда тому было около пятидесяти. Возник заговор, который возглавил сын бывшей подруги императора, утверждавшей, что это ребенок Анхеля. Сам он это отрицал, заговор быстро подавили, зачинщик погиб, что случилось с женщиной, было неясно. И еще менее ясно, чем это могло мне пригодиться. История то ли с бастардом, то ли нет никоим образом не объясняла слова, сказанные принесенным в жертву клириком, говорившем о первом и последнем грехах.

Я не столь уж и хорошо знала Книгу Книг, но про первый грех, совершенный людьми, за что их навеки лишили полного счастья и изгнали с райского пастбища в открытый всем бурям мир, не слышал только глухой. Сыр-бор разгорелся из-за того, что подруга первого человека, желая ему понравиться, украсила свои волосы розами с запретного куста. Своего она добилась, но какой ценой! Умом эта сказка не блистала. Представить себе Высшую Силу с замашками скаредного горожанина я не могла, даже когда была человеком, чего уж говорить обо мне теперешней!

Книгу Книг явно писали в мире без богов и без высоких чудес, настолько небожители в ней походили на людей, причем далеко не лучших. Капризные, обидчивые, подозрительные, мелочные и мстительные, они только и делали, что устраивали никому не нужные испытания, наказывали за малейшие провинности и тут же прощали настоящие преступления, если преступник догадывался попросить прощения не у тех, кого он погубил, а у Творца и его слуг. Но среди кучи словесной шелухи порой прорывались вещи, весьма похожие на пророчества. Так, например, утверждалось, что мир людей будет существовать между Первым грехом и Последним и что после совершения одного земля будет отдана на семь месяцев, семь дней и семь часов Антиподу⁸⁷, после чего наступит Конец Света с последующим загробным судом.

Я даже припомнила мутноватые, но страшные строки: «И свершится Последний Грех, и отвернет Творец лицо свое от Тарры и предаст ее Антиподу. И назовет Антипод Свет тьмой, а тьму Светом и совратит он всех, в ком есть хоть след следа порока, и станет мир прибежищем мора, блуда, глада и войн, и все будут истреблять всех и пожирать трупы, подобно псам. И вскипят моря, и оживут древние чудища, и разверзнутся небеса, и вступит в

⁸⁷ Антипод – церковное название дьявола как противоположности Творца.

мир сам Антипод и утвердит царствие свое. Но сие противно воле Творца. И явится тогда Тарре Кастигатор, и будет плавиться под его стопами земля, и кипеть воды, и пылать ветер. И дотла выжжет он царствие Антиподово, и не останется ни людей, ни тварей, ни растений, ибо все они будут осквернены дыханием Антипода, но души праведные спасены будут и приняты в лоно Калватора, дабы вечно возносить хвалу Творцу. И силе Его, и гневу Его и милосердию Его!»

Однако Книга Книг замалчивала, когда и как будет свершен этот грех, а вот в словах умирающего монашка, похоже, скрывался ответ.

2866 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Кер-Оноре

Лумэновцы сидели за баррикадами, и выкурить их оттуда малой кровью было весьма трудно. Шарль Тагэре и не собирался этого делать, хотя людей у него хватало. Герцог мог привести под этот городишко в срединной Арции не семь, а двадцать семь тысяч человек, а при необходимости и еще больше, но счел это излишним. Ему не нужна большая война. Нельзя уподобляться собакам, рвущим друг друга на куски из-за брошенной кости, когда справа засел волк, а слева медведь.

Мальвани предлагал разбить королевские войска в генеральном сражении, и Шарло не сомневался, что им это по силам, но сколько при этом поляжет людей! Фарбье и Агнеса обдирали Арцию как могли, но наемникам платили щедро. Конечно, если битвы не избежать, он ее даст, но сначала попробует решить дело малой кровью здесь, в Кер-Оноре.

Тарве получил сведения о том, что именно этот городок Фарбье и союзные ему нобили избрали местом большого сбора. Сюда же должны были подойти отряды наемников. Нападения они не ждали, полагая (не без помощи командора Обена), что Тагэре точно так же собирают свои силы во Фло, где сейчас находится Мальвани, и что все решится в генеральном сражении.

Это было правдой, но не всей. Мальвани действительно готовил армию к войне. В лагере уже находилось тысяч двадцать. Ждали подхода северных нобилей, в этой суматохе исчезновение стрелков Тарве прошло незамеченным. Зато о появлении вблизи Кер-Оноре семи тысяч Шарля Тагэре Фарбье узнали вовремя и успели построить баррикады. Жан полагал, что, пока Тагэре будет их штурмовать, подойдут подкрепления и герцог окажется между двух огней.

План был вполне разумен, только вот Шарло не собирался раз за разом кидаться на баррикады, ему нужно было лишь вызвать у лумэновцев уверенность, что он поступит именно так. Герцог постарался на совесть. Утром глазам Фарбье предстало весьма живописное зрелище. На ветру гордо трепетали стяги, во все стороны скакали аюданты и оруженосцы, сам Тагэре в роскошном плаще с геральдическими нарциссами на виду у всех горячил Пепла, в нетерпении роющего копытами землю. Стороннему наблюдателю и в голову не могло прийти, что все решится мечами относительно небольшого, но отборного отряда виконта Тарве, пробирающегося обширными садами, прилегающими к городку с запада.

Раулю предстояло выйти лумэновцам в тыл и отрезать вождей от войска. Тагэре знал, что и Жан Фарбье, и несчастный Пьер сейчас в Кер-Оноре. Захватить их – значит выиграть войну малой кровью. Что он будет делать дальше, Шарло не гадал, хотя понимал, что мало ему не покажется. Фарбье и Агнесу ни нобили, ни жители Мунта просто так не отпустят, с Пьером и нынешним принцем Гаэльзским тоже придется что-то решать, и, уж конечно, начнутся очередные споры с нобилиями (в первую очередь с тестем), которые будут загонять его на трон. Из всех друзей и соратников его понимал разве что Анри. Мальвани давно известны как своей воистину королевской знатностью, так и нежеланием становиться чем-то иным, чем они являются по рождению. Но даже Анри и тот говорит, что без головы государство в такое время долго не протянет. В случае победы ему все равно придется

выбирать между короной и регентством, причем регентством, мало чем отличающимся от королевской власти...

Шарль в красивом панцире с богатой насечкой (насколько удобнее и легче его обычные доспехи!) и в шлеме с плюмажем подскочил к первой баррикаде, чтобы засевшие там лучники увидели в нем цель, но не так близко, чтобы стрелы могли причинить заметный вред. Пусть видят, что он тут, что он на взводе и вскоре сорвется в атаку. Шарло не сомневался, что за ним наблюдают и что Фарбье приказал взять его живым или мертвым и при всей своей скупости назначил за его голову хорошую награду. Что ж, пусть ждут.

Подъехал Рауль-старший, тоже в шикарном плаще с медведем. Запела труба, засуетились воины в ярких туниках, надетых поверх доспехов. Нападающие, не скрываясь, готовились к атаке, осажденные с нетерпением ждали ее начала, чтобы поставить зарвавшихся выскочек на место.

Тарве появится еще не скоро. Сначала лумэновцы должны увязнуть во фронтальной стычке и даже думать забыть о том, что у них за спиной. Дав противнику полную возможность налюбоваться собственной персоной, Шарло картинно послал рыцарей в атаку.

2866 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Кер-Оноре

Плети настурций, украшенных яркими цветами, перевешивались через забор. Пчелы, готовясь к не столь уже и далекой зимовке, торопливо собирали нектар с поздних цветов, где-то неподалеку квохтала курица, возвещая миру о снесении очередного яйца.

– Вот ведь дура, – с чувством сказал Рауль Тарве, – молчала бы, авось с цыпленком бы осталась, а так заберут.

– Что-то ты не похож на человека, способного что-то делать втихаря, – откликнулся виконт Иданны, наклоняя растущую у обочины багровую мальву. – Не пахнет...

– Если тебе нужно, чтоб пахла, ступай к Агнесе. А что до «втихаря», то что мы, потвоему, сейчас делаем?

– Отечество спасаем, – фыркнул Иданны. – Долго нам еще эту птицу слушать?

– Ору, самое малое...

– Неужели они и впрямь решат, что Шарло спятил?

– Батар бы не решил, а «Святой Дух» запросто. – Рауль опустил на жесткую осеннюю траву. Курица замолчала, пчелы продолжали свою работу, дорогу важно пересекала большая пегая свинья. В дремотном покое позднего лета с трудом верилось, что скоро придется идти в бой.

2866 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Кер-Оноре

Артур Гартаж с неудовольствием рассматривал физиономию Жана Фарбье. Гартажи традиционно стояли на стороне Лумэнов, с которыми были связаны родственными узами, но всему есть предел. Артур имел возможность наблюдать вблизи Шарло Тагэре в дни его недолгого регентства, а потом Фарбье с Агнесой во всей их красе. Временщик и чужеземка, которым плевать, что будет с оказавшейся в их руках страной!

Гартаж был арцийским графом, а не ифранским приживальщиком. Точно так же думали его деверь барон Эж и молодые Крэсси. Конечно, неприятно понимать, что зная, за которым шли ты и твой отец с дедом, завело в лужу, но сидеть в этой луже, воображая себя капитаном корабля, еще хуже. Артур долго думал, откликаться или нет на королевское письмо, но все же пришел с частью своих людей в Кер-Оноре и не жалел об этом. Увидев вблизи короля и его приближенных, граф окончательно понял, что с Лумэнами пора кончать. Шарль Тагэре думает об Арции, он человек благородный и совершенно не мстительный. И он дважды Волинг, признать его первенство не счел зазорным даже Мальвани.

Артур Гартаж принял решение, но он был не из тех, кто действует исподтишка. Граф ждал назначенного на 3-й день месяца Собаки большого совета, чтобы высказать в лицо Фарбье (принимать в расчет безумного Пьера просто глупо) все, что он думает, и объявить о своем переходе на сторону Тагэре. Он не сомневался, что Эж, Крэсси и еще пять или шесть фамилий его поддержат, а потом... Потом начнется война арцийцев против вцепившихся в трон узурпаторов, опирающихся на наемников. Артур хорошо продумал свою речь, но она не понадобилась. Разведчики донесли о приближении с востока войск Тагэре. Наемники и согнанные жители городка принялись сооружать баррикады, а Жан разливался соловьем о своих великих воинских замыслах.

Еще год назад Артур отвел бы Фарбье в сторону и посоветовал ему смотреть не вперед, а назад. Шарло не мог быть глупее кошкиного сына, если его заметили, значит, он того хотел. Гартаж был уверен, что им подстроят какую-то каверзу, но молчал, потому что... Да потому что, Проклятый побери, был на стороне Шарло! Вот и сейчас, сидя в боевом облачении (требование Фарбье, хотя сему великому воителю и в голову не пришло показаться на баррикадах, обороняемых наемниками) между бароном Эжем и Робером Крэсси, слушая глупости, изливающиеся изо рта Жана Лумэна, и созерцая плаксивую физиономию Его Величества, Артур прикидывал, когда Тагэре надоест валять дурака перед баррикадами и что же герцог приготовил на самом деле. Скорее всего, удар в обход.

Хорошо бы это словоблудие наконец прекратилось! Надо съездить на западную окраину и посмотреть, что там. Если туда и в самом деле вышли люди Тагэре, придется действовать немедленно. Лицо короля стало совсем уж творожным, и Его Величество громким шепотом объявил «дяде Жану» неприличную причину, по которой должен выйти. Фарбье скривился, но кивнул, и Пьер трусцой выбежал вон в сопровождении носатого слуги. «Святой Дух» сделал вид, что ничего не произошло, и начал развивать очередной блистательный план. Артур понял, что с него хватит. Сейчас он встанет и скажет, что...

Граф Гартаж не смог встать. Так же, как и другие. Бывают такие сны, во время которых люди перестают владеть собственными телами, словно бы их кости и мышцы превращаются в жалкие тряпки. Неимоверным усилием воли Артур повернул голову и увидел искаженное мукой и ужасом лицо Робера. В глазах мутилось, по спине тек холодный пот, но Артур все же сумел подняться и, держась за стену, потащился к выходу. Каждый шаг казался последним, но Гартаж заставлял себя сделать следующий, и еще один, и еще...

2866 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Кер-Оноре

Этот шум не походил на уже поднадоевший лязг шутовского сражения. Далекий и неясный, почти заглушенный лошадиным ржанием, взаимными оскорблениями и свистом стрел, он донесся не с баррикад, а из города. Шарло его разобрал только потому, что ждал, и кивнул Раулю ре Фло.

– Наши!

– Ты уверен?

– Да, тем более время.

Тагэре не ошибся, это стало ясно почти сразу же. На крайней баррикаде колыхнулось, а потом и вовсе упало знамя с желтыми нарциссами, и раздался пронзительный радостный вопль. Началась какая-то суета. Бочонки с землей, загруженные в телеги, перегородившие проходы между насыпями из камней и набитых землей корзин, полетели вниз, а потом со скрипом подались и сами повозки. Улицы шли вниз, и сооружения на колесах сначала медленно, а потом быстрее покатались к центру Кер-Оноре, освобождая проходы. Шарло засмеялся и, опустив на всякий случай забрало – не хватало получить шальную стрелу в глаз, – дал шпоры Пеплу. Жеребец, порядком подуставший от бессмысленного гарцевания, ринулся вперед, молнией пролетел между опустевшими баррикадами и ворвался в городок. За спиной Шарло слышал топот других коней, но оглядываться было некогда. Бой шел где-

то поблизости. Пепел перепрыгнул какой-то столб, валявшийся поперек дороги, и вылетел на маленькую площадь, на которой шла драка. На битву сие действие явно не тянуло.

Несколько кучек воинов в полосатых эскотских плащах и красных туниках вяло отмахивались мечами от эльтских стрелков. Судя по всему, сражения не получится, все свелось к мелким уличным стычкам, ну и ладно! Можно подумать, он хотел чего-то другого. А ведь хотел! Помахать мечом на старости лет, как тогда на Лесном тракте, испытать вновь опьянение боем, бросить на весы жизнь... Какое там! Ты сделал все, чтобы обойтись малой кровью, у тебя получилось, ну и радуйся. Шарло остановил Пепла и обернулся к подскакавшему Раулю:

– Похоже, собака сдохла еще до рождения.

2866 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Кер-Оноре

Погибших было на удивление мало, едва ли более сотни, и это казалось чудом. Фарбье не предполагал, что его ударят с тыла. Неудивительно, что именно «Святой Дух» и его сторонники горой стояли за позорный мир с Ифраной. Одни, потому что взяли деньги у Жозефа, другие, потому что боялись, но из собравшихся в Кер-Оноре по-настоящему воевать умели разве что граф Гартаж и несколько баронов, а полководцев и вовсе не было. Конечно, подоспей ифранские наемники, видевшие Тагэре в деле, они вряд ли бы поверили, что герцог станет тупо переть на баррикады, оставляя у их подножия раненых и убитых. Шарло всегда берег людей и был знаменит неожиданными и непредсказуемыми действиями. Ифранцы это знали, Фарбье – нет, что его и подвело.

И все же бой был хорош, Рауль получил истинное наслаждение, выйдя в тыл этим индюкам. Даже жаль, что все так быстро кончилось. Непонятно только, чего это Шарло такой хмурый, все прошло лучше не придумаешь.

Виконт Тарве подъехал к герцогу, задумчиво теребящему золотую рыцарскую цепь. Тагэре быстро повернулся.

– Рауль, ты знаешь, кто погиб?

– Откуда? – Тарве пожал плечами – Хотя «погиб» – это громко сказано, убитых всего ничего. Я проехался по городу, прибрано, как в праздник.

– Ты знаешь, кто именно убит? – В голосе Тагэре зазвучал металл.

– Да говорю тебе, что не знаю, – начал закипать Рауль, – а что случилось? А, понял... Пленные говорят, с ними был твой прекрасный Пьер, но он вроде как на улицу носа не казал, так что если поискать...

– Уже ищут. Рауль, скажи честно, это ты приказал всех перебить?

– Да кого «всех»?! – Тарве уже ничего не понимал. – Кто погиб в драке, тот погиб, но это слезы. А пленных никто не убивал.

– Точно?

– Прикажешь поклясться?

– Да нет, – махнул рукой Шарль, – я тебе верю, не хватало еще друг другу врать... Но вообще-то дело плохо. Убиты все пятеро.

– Кто?! – Рауль ошалело уставился на Шарля, и тот вздохнул с видимым облегчением.

– Прости, теперь вижу, что не ты. Жан Фарбье, герцог Лагский, оба Стэнье, Артур Гартаж.

– Все?!

– И вдобавок Лиффó, Пер, Эж и человек двенадцать их сторонников. Я не верю, что они убиты в битве. И никто не поверит. Всего погибло не больше сотни, и среди них пятеро наших злейших врагов. Они, как ты понимаешь, отнюдь не сражались в первых рядах. У всех у них есть родичи и прихвостни, а у Гартажа даже друзья. Нам не отмыться, не стоит и пробовать.

– Мы были готовы к войне.

– Да, но мы защищались. А теперь для всех мы убийцы. Да, некоторых покойников, мягко говоря, в Арции недолюбливали, но от этого не легче. Ну что там, Жанно?

– Монсигнор, – молодой нобиль не скрывал радости, – мы нашли Пьера. Он жив.

– Где он?

– В одном доме. Спрятался, его ранили стрелой.

– Кто ранил?! Серьезно?

– Царапина! Шальная стрела... Монсигнор, он зовет вас и боится выходить.

Это была истинная правда. Пьер Шестой, по своему обыкновению, забился в угол комнаты. Стрела, наудачу выпущенная кем-то из лучников, ранила его в ногу, но кость задета не была. Тем не менее король был испуган, и от этого страха в нем проснулась воинственность. Пьер нелепо и неумело махал чужим мечом и кричал, что не выйдет, пока за ним не придет Шарло.

Рауль с брезгливой усмешкой наблюдал, как Тагэре успокаивал дрожащего человека, который в свои сорок лет оставался семилетним ребенком. Сам Рауль с удовольствием возился со своими дочерьми и малолетними кузенами, но вид великовозрастного дядечки, размазывающего по обрюзгшим щекам слезы, вызывал у виконта мучительную неловкость. А вот Шарло, похоже, это не бесило, Тагэре очень быстро успокоил Пьера и занялся его ногой. Король попробовал раскапризничаться, но Тагэре на него прикрикнул, и бедняга застыл, закрыв глаза и приоткрыв рот. Раулю ужасно не хотелось помогать обрабатывать рану, но герцог справился сам.

Когда Пьер открыл глаза, Шарло улыбнулся и попытался уговорить его лечь отдохнуть. Не тут-то было. Король выплеснул на Тагэре целый поток упреков, главные из которых сводились к тому, что его оставили одного, ему было страшно... И вообще, почему это Шарля не было так долго?! По мнению Рауля, самое время было объяснить этому коронованному недоразумению, что во всем виноваты Агнеса и Фарбье, но Шарло отчего-то этого не сделал, а сказал, что у него были важные дела. Хорошо хоть обещал больше не бросать сюзерена на произвол судьбы.

– Ну и что ты думаешь делать? – поинтересовался Рауль, когда Пьер наконец уснул.

– Сегодня ничего, а завтра возьму его в Мунт. Пусть Генеральные Штаты услышат, что он хочет остаться со мной, а там посмотрим...

2866 год от В.И.

9-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

На этот раз Тагэре попросил аудиенции сам. На душе было мерзко и неудобно, но он пришел не за утешением и не за отпущением грехов, а за советом. Евгений принял его сразу, хоть и был болен, впрочем, здоровым арцийского кардинала не помнил никто. И тем не менее старик не сдавался, напоминая Шарлю искореженные ветрами северные сосны, веками цепляющиеся за голые скалы. Герцог очень надеялся, что Евгений протянет еще лет десять, и с удовольствием отметил, что тот явно не намерен сдаваться ни годам, ни одолевающим его болячкам.

Старик встретил герцога хмурым вопросом:

– Кто прикончил Жана? Рауль?

– Нет. В этом я уверен. Слово Тагэре.

– Плохо, – отрезал Евгений и, махнув рукой, зашелся в кашле. – Прошу прощения. Значит, Фарбье и иже с ним убил неизвестно кто.

– Да.

– Проклятый! – Его Преосвященство хрустнул пальцами. – Слово Тагэре – это слово Тагэре. Я верю, что твои люди эту мразь не тронули. Но тогда кто? Сама Агнеса? Братцы Жана, а то и его сынок? Что скажешь? «Святой Дух» в последнее время даже своих достал, а так... И от него отделались, и тебя грязью облили. Родичи убитых вас с Тарве вряд ли простят. Что скажешь?

– Нет, – покачал головой Шарло. – Вы не видели трупы, а я видел. Жан – ничтожество, но другие были воинами, они бы защищались до последнего. Я уж не говорю про Гартажа, тот мало кому уступит. Но доспехи не помяты, на каждом лишь одна рана, но смертельная... Впечатление, что их убили в поединке, причем чуть ли не первым выпадом.

– Ты бы мог это сделать?

– Пожалуй... Я, Тарве, еще Мальвани, но он во Фло... С другими Гартаж справился бы. Но мы с Тарве этого не делали. И еще. Если Агнеса или Жиль Фарбье подослали убийц, они должны были разгадать наш маневр и заранее подготовиться к поражению.

– Ты прав. Это не они, хоть они это наверняка используют. Кто же? Жозеф?

– Пауку выгодно междоусобица, это так. Но Анри Мальвани в Ифране ему не нужен, а убийство Фарбье – это назначение нового маршала, и кто им будет, даже вороне ясно.

– Ты прав, я надеялся найти другой ответ, но он, похоже, единственный. И не смотри на меня так, тебе его знать не обязательно! Скажи лучше, что делать собираешься?

– Я надеялся на ваш совет.

– А своей головой думать не пробовал?

– Пытался, – улыбнулся герцог. – Я решил вернуться в Эльту. Если я сейчас стану регентом или, того хуже, наследником престола, на меня всех собак повесят. А я не хочу воевать с родичами убитых. Мы собирались одним ударом покончить с Фарбье и договориться с остальными. Не вышло. Войны я не хочу, а она будет, если я воспользуюсь этими смертями. Послезавтра собираются Штаты, нужно, чтобы они, пока я здесь, приняли нужные нотации, а Пьер их подписал.

– Что ж, – Евгений раздумчиво поправил наперсный знак, – голова у тебя хоть и красивая, но не для красоты. Я бы посоветовал тебе то же самое. Сейчас действительно лучше уйти. Хорошо бы развести Пьера с ифранкой, но после этих убийств не стоит, и так вой поднимется. Будем надеяться на лучшее, на то, что нотации и королевские указы на какое-то время сдержат эту свору, но я в это не очень верю. Думаю, через несколько лет все начнется заново, так что от войны да от короны не зарекайся...

2866 год от В.И.

12-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

Агнеса узнала о смерти Фарбье сразу же по возвращении из храма, на который она пожертвовала немалую сумму. Вообще-то королева о спасении короны думала больше, чем о спасении души, но ненавидящая ее Диана принимала большое участие в начинании епископа Иллариона, и королева, боясь сговора между бланкиссимой и Его Преподобием, постаралась разрушить возможный союз с помощью золота. Удалось ли ей это, было неясно. Илларион оставался непроницаемым и холодным, как морской огурец, но королеве хотелось думать, что ауры потрачены не зря. Тем не менее, расставшись с епископом, она испытала изрядное облегчение, а вернувшись во дворец, обнаружила вошедшего через потайной вход Габриэля. Мириец изысканно поклонился Ее Величеству и сообщил о смерти монсигнора Фарбье и пленении короля. Отпустив прознатчика, Агнеса сначала в бешенстве швырнула в стену расшитую нарциссами подушку, а потом задумалась.

То, что победил Тагэре, которого она ненавидела, было плохо, но смерть единственного любовника королеву отнюдь не опечалила. Скорее наоборот. Она вернулась к Жану в тот же день, в который ее отверг герцог, и поняла, что Фарбье стал ей противен. Он был ей нужен, без него она ничего не могла, и вместе с тем ее бесила самоуверенность любовника. Вдобавок физиономия Жана напоминала всем и каждому, кто отец Филиппа. Теперь «Святой Дух» перестанет мозолить людям глаза, а она свободна от мелочной опеки и к тому же осталась единоличной хозяйкой золота Жана, с помощью которого можно купить целую армию и большинство Генеральных Штатов.

Только бы Тагэре не поставил вопрос о престолонаследии и разводе! Нет. Не посмеет! Герцог запятнан убийством, ему нужно, чтоб улеглись страсти. Что ж, она пока тоже

помолчит. Жаль, заодно не прихлопнули Пьера, она бы стала королевой-матерью... Нет, пожалуй, рановато. Встань сейчас вопрос о короне, Диана и Евгений подняли бы вой о происхождении наследника. Эти двое в убийстве не замешаны, им можно. Что же делать?

Вошедшая камеристка посмотрела на госпожу с сочувствием. Толстая дура! Но вообще-то она права. Королева притворится, что убита горем, не будет нигде показываться, распустил слух, что, когда сын подрастет, она вступит в сестринство. Пусть думают, что без Жана она растерялась и сдалась. Тогда ее наверняка не тронут. Как удачно, что она передала Иллариону деньги именно сегодня. Она скажет, что ее посетило предчувствие... Надо написать, и понежнее, родственникам всех погибших, особенно Гартажам. Ей нужны сторонники среди арцийцев. А хорошо смеется тот, кто смеется последним.

2866 год от В.И.

13-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

Несмотря на отвратительное настроение, не покидавшее виконта Тарве после того, как Шарль рассказал ему об убийстве, он не смог сдержать улыбку при виде истерики, которую закатил Пьер Генеральным Штатам. Королю показалось, что его хотят разлучить с его драгоценным Шарло и отдать жене и Фарбье, что вызвало череду диких воплей, перемежаемых судорожными рыданиями. О смерти «Святого Духа» король не знал, а узнав, безумно обрадовался, выплеснув на выборных и нобилей целую гору жалоб на почившего временщика, утеснявшего Его Величество и покушавшегося на жизнь хомяков. Даже самый ярый противник Тагэре не смог бы усомниться ни в безумии и недееспособности монарха, ни в том, что бедняга хочет видеть рядом с собой герцога Тагэре и никого иного.

Кто-то из выборных воспользовался этим, чтобы поднять вопрос о наследовании, но Тагэре заявил, что пока говорить об этом рано, тем паче он старше короля. В этом был свой смысл. Старший сын Шарло, похожий на отца как две капли воды, если не считать глаз, которые у Филиппа были голубыми, обещал со временем стать дельным человеком, но пока ему лишь тринадцать. Что ж, если Шарль Тагэре отказывается от титула наследника в пользу сына, его можно понять, но если он согласен терпеть на троне потомка «Святого Духа», то... То на троне будет потомок «Святого Духа», потому что Шарля легче убить, чем заставить пойти против своей совести.

Идя на заседание, Тарве уже знал, что герцог откажется. Виконт понимал, что после проклятого убийства это единственный выход, если они, конечно, не хотят объявлять войну родственникам погибших. И все же было жаль упущенной победы. Уломать Шарло, победить в бою, потеряв всего тридцать восемь человек, пленить короля и все потерять! Правду говорят, что задешево дорогую вещь не купишь! Анри был прав, настаивая на большом сражении...

Рауль вздрогнул, услышав собственное имя. Оказывается, Пьер все же уразумел, чего от него хотели Шарль и Евгений, а Генеральные Штаты поняли, что у них есть шанс приструнить ифранцев. Действия Тагэре были признаны необходимыми и обоснованными во имя освобождения короля из рук Фарбье, который был объявлен изменником. Над Пьером устанавливалась совместная опека старейшины Совета нобилей и, для приличия, жены, которая, говорят, совсем плоха. Шарло становился протектором северных провинций, а Рауль получал пост, о котором мечтал. Теперь он был капитаном Аданы.

Проклятый

Он никогда не думал, что можно так любить. Темноволосая тарскийка захватила его полностью, а ведь сначала она ему даже не понравилась. Он взял ее с собой только потому, что девчонка смертельно испугалась, что ее застанут в спальне мертвого Анхеля. Причем было непонятно, чего она боялась больше – того, что ее сочтут убийцей императора или же его любовницей. За то, чтобы незаметно выбраться из ловушки и добраться до своих покоев, она была готова душу продать.

Эрасти не мог воскресить Анхеля, но помочь Циале ему было по силам, и он провел тарскийку мимо спящей стражи и ничего не подозревающих придворных. У своей двери девушка настолько осмелела, что спросила его, не маг ли он, и он признался, что да, маг. Она на мгновение задумалась и юркнула к себе, а он забыл о ней на целых три года, промелькнувших как миг.

Сначала он пытался объяснить людям, что ждет их внуков, если они и впредь будут жить лишь днем сегодняшним, потом увидел, что это бесполезно. Теперь он лучше понимал Анхеля, строившего свою империю мечом и золотом, а не уговорами. Да, у него появились сторонники, но это были или сумасшедшие, или авантюристы, желавшие выловить в мутной воде побольше рыбы. Тем не менее Церковь его заметила и даже прокляла. И вовсе не потому, что поверила, что он прислужник Антипода. Иерархам не давал покоя пример Баадука, объединившего атэвские племена и лишившего Церковь надежды принять в свое лоно суриан со всеми их богатствами. В Эрасти конклав увидел еще одного соперника, собравшегося перегнуть паству со всей шерстью и потрохами на свое пастбище.

Кантиска подготовилась к войне по всем правилам, но все церковные магики, вместе взятые, не смогли одолеть его одного. При желании Эрасти мог их уничтожить, но он не собирался ни ниспровергать Церковь, ни окружать свое имя ужасом. Нападающие лишились своих артефактов, без которых они мало что могли, а заодно и одежды. Зрелище превращения осанистых самоуверенных волшебников в кучку дрожащих голых мужиков неопределенного возраста было весьма забавным. Он долго смеялся, вспоминая эту каверзу. Тогда он еще мог смеяться. Потом против него бросили армию, и это было уже совсем глупо. Эрасти просто не дал им дойти до лагеря, в котором собрались его сторонники, спустив на наступающих полчища мух и комаров.

Затем он снова и снова пытался объяснить человечеству, что его ждет. Это было мучительно трудно, и он пришел к мысли, что правду людям не проглотить, их нужно кормить сказками в стиле Книги Книг, где за туманными намеками прячутся древние страхи и чаяния, живущие чуть ли не в каждой душе. Если взывать не к разуму и совести, а к этим чувствам, людей можно заставить что-то делать или, наоборот, чего-то избегать. И он решил стать легендой. Сначала это было весело... Он творил чудеса, иногда смешные, иногда страшные, его слова, обращенные к его последователям, стали путанными и неясными, зато теперь они разлетались со скоростью зимней лихорадки ⁸⁸.

Проклятия Церкви с новой силой обрушились на его сторонников, но это лишь подливало масла в огонь. Все шло к тому, что в один прекрасный день он откроется людям как святой Эрасти. Он даже придумал, как это сделать, и все подготовил. Но тут к нему провели женщину, которая утверждала, что знает его. В первые мгновения он ее не узнал. Она была хороша, но отнюдь не той красотой, которая всегда его привлекала. Он спросил, как ее зовут и чего она хочет.

Она назвала свое имя. Циала. Это ему ничего не сказало, и тогда гостя, смело глянув ему в глаза, добавила: «Вспомни смерть Анхеля». И он вспомнил.

2869 год от В.И.

Вечер 10-го дня месяца Волка.

Арция. Эльта

Рауль впервые видел этот высокий, похожий на башню утес с моря. Эльтова скала дала название городу, в котором осели жители Эланда и Гверганды, не пожелавшие искать счастья за морями или в метрополии. Четыреста лет назад море медленно, но верно стало пожирать сушу, стало ясно, что Эландский полуостров и Побережье до Зимней гряды обречены. Правивший тогда Этьен Четвертый предложил эландцам и жителям Гверганды на выбор любые свободные земли, а калиф Вахид – Берег Бивней, некогда захваченный атэвами

⁸⁸ Заразная болезнь, вспыхивающая в конце зимы.

у черных племен. Именно туда и увели свои корабли последние паладины Зеленого храма, предпочтя союз с язычниками обществу изрядно усилившихся антонианцев.

Странный союз извечных врагов, ставших после Войны Оленя союзниками, оказался на удивление крепким. Вот уже три сотни лет Берег Бивней, превратившийся в настоящий бич для флотилий ортодоксов⁸⁹, сторожит южные моря от чужаков. На север потомки эландцев отчего-то смотреть избегали, редко заходя дальше Мирии, где продавали заморские диковины арцийским купцам. Болтали, что эландцы окончательно погрязли в ереси, то ли вновь вернувшись к своим старым богам, то ли вовсе вбили себе в голову, что их дело дожидаться своего сгинувшего за Запретной чертой вождя. В последнее Рауль Тарве, впрочем, верил с трудом. Клирики обожают обвинять в ереси всех, кто не желает платить церковную долю, которая, останься маринеры в лоне Церкви, была бы очень велика. Однако ни черных жемчугов, ни белого золота, ни перьев сиреневых птиц и коралловых ветвей, не говоря уж о китовом усе и изумрудах Дальнего Сура, церковники не видели, вот и злились. Ну и Проклятый с ними.

Рауль сам не понял, почему вдруг ему на ум пришли дела давно минувших дней, наверное, из-за встречавшей корабли похужей на башню скалы. Жители Эльты утверждали, что в новолуние там происходит что-то странное и лучше туда не соваться. Иногда на вершине утеса видели костер, не гаснувший даже в бурю. Кто-то заметил возле него две тени, кто-то слышал немыслимой красоты пение, а городской дурачок Кристиан Капустные Уши клялся, что на вершину скалы спускался сам Антипод в виде черного коня. Как бы то ни было, эльтцы старались смотреть на каменную башню пореже и, несмотря на все усилия своего герцога, наотрез отказывались ставить там маяк.

Последнее обстоятельство доставляло немало неудобств морякам, но Эльта была непреклонна. Скала стоит не для того, чтоб на нее залезали людишки и что-то там строили. Это особое место, и лучше не тревожить обитающие там силы. Вечная человеческая надежда на то, что спящее лихо не проснется, если ходить на цыпочках! Рауль Тарве на жизнь смотрел иначе. Лучше не уповать на то, что пронесет, а идти навстречу опасности с мечом в руке.

– Сигнор Тарве, что прикажете просигнализировать капитану порта?

Рауль, словно проснувшись, с удивлением взглянул на ожидавшего ответа моряка. Проклятый, надо же так замечтаться!

– Передайте, что эскадра Аданы под командованием виконта Тарве прибыла в распоряжение его светлости герцога Тагэре.

Для капитана порта этого достаточно. Все остальное он сначала расскажет Шарло. Тарве следил за удаляющейся шлюпкой. Четверть оры туда, четверть обратно, десятинка⁹⁰ на берегу... Проволочек не будет, его в Эльте знает каждая собака. Проклятый! Как же все-таки удачно вышло. Правду говорят, что удачи растут из неудач, потому что больше им не из чего расти.

Когда же он в последний раз был в Эльте? Неужели прошло четыре года?! Да, именно так, и годы эти были достаточно мерзкими. Собственно говоря, от Арции остался только север до Фло и Койлы, Мальвани и, с некоторой натяжкой, Гартаж и Босха, нобили которых хоть и поддерживают Лумэнов, но имеют и свою голову на плечах. Все остальное постепенно превратилось в придаток Ифраны, где хозяйничают эскотские наемники, недобитые Фарбье, и, разумеется, Ее Величество. Опекаемый супругой король тише воды ниже травы, зато и в селах, и в городах, не говоря уж о баронских замках, медленно и

⁸⁹ Ортодоксы – представители образованных равноапостольной Циалой воинских формирований Церкви, призванные следить за соблюдением Запретов, в частности за тем, чтобы корабли не пересекали Запретную черту.

⁹⁰ Десятинка – одна десятая оры.

уверенно зреет бунт. Не понимать это могли лишь законченные бестолочи, к каковым, без сомнения, принадлежали Ее Величество и прочая шатия, живущая лишь сегодняшним днем.

Во всех своих неудачах эта свора винила Тагэре, но у них пока хватало ума держаться от севера подальше. Зато с Аданой они решили покончить. Для начала королева пожелала сместить Рауля и назначить вместо него одного из Фарбье. К сожалению, родич «Святого Духа» лично в Адану не явился, прислав туда аюданта с королевским указом, каковой и был оглашен перед гарнизоном и моряками. Бедный малый храбрился изо всех сил, но было видно, что вернуться живым не чает. Однако все обошлось. Рауль улыбнулся, вспомнив сцену на Якорной площади, когда он заявил, что готов сложить с себя капитанские полномочия, если на то будет воля Аданы, на службе у которой он себя полагает.

То, что началось, описанию не поддавалось. Всю ночь гарнизонные офицеры и капитаны в присутствии толпы добровольных помощников составляли ответ Агнесе, в котором подробно излагалось их видение ее родословной и пребывания в Арции, а также высказывались пожелания определенных новшеств в личной жизни Ее Величества. Утром аюдонт ускакал в Мунт, провожаемый издевательским улюлюканьем. Но Тарве прекрасно понимал, что этим дело не кончится.

Взять Адану с берега не так уж и трудно. Мальвани это, по крайней мере, делал. Конечно, под зиму Агнеса и иже с ней вряд ли рискнут затевать кампанию, но летом схватки не избежать. Тарве решил, воспользовавшись последними погожими днями, увести корабли в Эльту, с тем чтобы по весне вернуться с подмогой.

Нравится Шарло это или нет, но на этот раз воевать придется по-настоящему. Чтобы в Арции наступил мир, нужна война...

2870 год от В.И.

Вечер 20-го дня месяца Копьеносца.

Арция. Мунт

Трудно было найти двоих столь несхожих и внешне и внутренне людей, как кардинал Арции и командор Мунта, однако Евгений и Обен неплохо ладили. Обен частенько исповедовался Его Преосвященству, тщательно перечисляя свои прегрешения. Особенно рьяно толстый барон каялся в своем любопытстве, подробно расписывая, какие неприглядные тайны ему удалось разузнать. Евгений сурово отчитывал грешника и отпускал, наложив на него суровую епитимью, в основном ущемляющую кулинарные запросы Обена. Правда, тот с помощью своих многочисленных поваров умело выходил из положения, но это Его Высокопреосвященства не касалось.

Приближенные Евгения знали, что после длинных исповедей Трюэля кардинал очень устает и надолго уходит к себе отдыхать. Как-то один молодой и ретивый клирик предложил Его Высокопреосвященству взять обжору-командора на себя, но Евгений, раздраженный тем, что ему намекнули на его старость и болезнь, решительно отказался, и Обен по-прежнему получал отпущение только у кардинала.

Близились зимние праздники, и богобоязненный барон вновь явился каяться. Отпустив грешника с миром, Евгений, как всегда, заперся у себя, но не лег, а взялся за перо. Он знал, что рано или поздно напишет такое письмо, и вот это время пришло.

Кардинал решительно вывел на бумаге: «Протектору Севера. Наступило время, когда я со всей ответственностью утверждаю, что промедление смерти подобно. Если Арция потеряет следующую весну, осени у нее уже может не быть...»

2870 год от В.И.

Вечер 12-го дня месяца Медведя.

Арция. Тагэре

Крупный орел сделал несколько кругов над замком и, величаво взмахивая крыльями, поплыл в сторону Эльты. Шарло проводил взглядом редкую даже в этих краях птицу. При желании это можно считать хорошей приметой. Хотя будь вместо орла в небе стая крыс на

земле, споткнись под ним на мосту конь или случись еще какая гадость, это бы ничего не изменило. Тянуть дальше было нельзя. Агнеса вконец распоясалась, и ее нужно остановить. Правда, севернее Фло ифранка и ее наемники не совались, зато в серединной Арции творили все, что хотели.

Шарль уже перестал считать письма и грамоты от нобилей, купеческих старшин, эркардов⁹¹ и просто отчаявшихся людей, а количество крестьян, бегущих с благодатных прильюферских черноземов на север стало угрожающим. Тагэре понимал, что так дальше продолжаться не может и что именно ему предстоит схватиться с людьми, ведущими себя на собственной земле хуже захватчиков. Оставалось решить, когда и как начинать. На первый вопрос ответил кардинал Евгений, а на второй Рауль Тарве, заявившийся по осени в Эльту с целой флотилией. Похождения племянника вызвали у Шарло белую зависть и тоску по собственной разухабистой молодости. Хотя войны на его век тоже хватит, только вот испытывать от этого радость он теперь вряд ли сможет. Филипп и Эдмон радуются, что едут с отцом, а он с удовольствием избавил бы их от участия в войне арцийцев с арцийцами.

Герцог вздохнул. Сколько ни смотри на небо, приходится вернуться на землю. Все готово, ждут лишь его. Две тысячи человек погружены на корабли, которые с приливом снимутся с якоря. Он же, как и положено сюзерену, последнюю ночь перед походом провел в своем доме. Так повелось с незапамятных времен, сам Шарло не слишком-то чтит обычаи, но людям это было важно.

Что ж, он сделал все, как надо. Проследил за погрузкой и, оставив на всякий случай в Эльте Тарве, вернулся в замок. Остался на ночь в спальне Эсты, сказал что-то умное младшим сыновьям, поцеловал дочерей, преклонил колена в замковом иглеции, выпил принесенного престарелым капитаном замка вина и в полном одиночестве поднялся на башню. Это тоже было традицией.

Шарло в последний раз обвел взглядом вьющуюся вдоль реки дорогу, юную зелень кустов, кладбище с тонущей в черемуховой пене часовней, лес, на опушке которого он должен был встретиться с Солой... Вот и все. Теперь нужно спуститься во двор, где уже выстроились все домочадцы, вскочить на коня и, больше не оглядываясь (дурная примета), в сопровождении аюдантов, оруженосцев и нескольких приближенных выехать из ворот.

Герцог Тагэре легко сбежал по ступенькам и вскочил в седло. Пепел был готов пуститься в путь немедленно, но у моста вышла какая-то заминка, и Шарль все же обернулся к вышедшей на крыльцо семье.

Эстела, чью зрелую красоту подчеркивал отделанный куницей золотистый плащ, стояла впереди, чуть сзади дочери и сыновья: Марта, Лаура, Жоффруа, Александр... Младший, как всегда, позади. Никто не думал, что он выживет, а он выжил. Чужой в собственной семье даже внешне. Странное дело, все – и девчонки, и старшие сыновья удались в Тагэре – крупные, светловолосые, только глаза у кого материнские, у кого дедовы, а Сандер словно подменыш, а вот глаза серые, совсем как у Шарло, и смотрит так, как не смотрят в восемь лет.

– Александр, – Шарль сам удивился своему порыву, – иди сюда.

Мальчик вздрогнул, словно не поверил, что его зовут, но подбежал сразу же. Шарль склонился с седла и, наверное, в первый раз поцеловал сына в лоб.

– Сандер, запомни. Не Арция для Тагэре, а Тагэре для Арции. – Проклятый, ну зачем он это говорит?

– Я понял. – Мальчик взглянул в отцовские глаза, отражение его собственных. Странно, похоже, малыш действительно понял. Надо побольше с ним бывать. Вот он вернется... Шарль выпрямился, помахал всем рукой и тронул коня.

– Что он тебе сказал? – крупный жизнерадостный Жоффруа ткнул братишку кулаком в бок.

⁹¹ Эркард – бургомистр.

- Сказал, что не Арция для Тагэре, а Тагэре для Арции.
– А... – протянул Жоффруа, – а я думал, он тебе что-то привезти обещал.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Qui tollis peccata mundi⁹²

*Я знаю, что меня ломает ваша сила.
Я знаю, что меня ждет страшная могила,
Вы одолеете меня, я сознаюсь...
Но все-таки я бьюсь, я бьюсь!⁹³*
Э. Ростан

*2870 год от В.И
Вечер 19-го дня месяца Влюбленных.
Арция. Адана*

Короткое злое ржание разорвало тишину, и Шарль Тагэре невольно улыбнулся. Пепел явно не доверял ни шатким сходим, ни конюхам. Герцог не сомневался, что сводить упряма на землю предстоит ему, но сначала пусть попробуют управиться сами. Иногда это забавно.

Проклятый, какая жара! Если так пойдет до самого Мунта, легче сразу удавиться, а ведь еще лишь начало лета. Пепел снова заржал. Вообще-то жеребец был прекрасно выезжен, но нахал не хуже красивой женщины понимал, когда и с кем можно капризничать.

– Что смеешься? – Рауль Тарве в белой полотняной рубашке походил на поселянина, а не на рыцаря.

– Да вот пришло в голову, что лошади, как женщины.

– Ну, не скажи, – засмеялся Рауль, – Агнеса, та больше на сумасшедшую козу смахивает.

– Ну, я же сказал «женщины», а не Агнеса, – пожал плечами Тагэре.

– Она, кстати, нам здорово помогла. Назначила маршалом очередного «Святого Духа».

– А Конрад?

– Опять погнали. Из-за тебя, между прочим. Агнеса решила, что Батар не устоит перед твоим обаянием и юношескими воспоминаниями.

– Ну и дура, – припечатал Шарло, срывая огромный лист лопуха, которым и принялся обмахиваться, – Конрад хоть чего-то от старого Мальвани набрался, а меня любит, как Агнеса Миранду.

– Да, с этим нам повезло... Хотя их тоже можно понять, когда на одного семеро приходится, можно и Фарбье маршалом поставить.

– Лучше уж сразу Пьеровых хомяков. Проклятый, и как только дамы с этими веерами управляются! Стану королем, заведу себе опахальщиков, как в Атэве.

– А куда ты их зимой девать будешь?

– Зимой, – задумался Шарло, – зимой не знаю... Может, дорожки в снегу будут протапывать. – И прервал сам себя. – Тоже мне вояки, с одной лошастью справиться не могут. – Тагэре засмеялся и пошел к кораблю вызволять запарившегося конюха. Пепел, увидев хозяина, не то чтобы совсем успокоился, но позволил свести себя на берег. Сходни вдруг оказались устойчивыми, а вода внизу и люди на берегу не такими уж и противными. Тагэре потрепал скакуна по лоснящейся шее. Отчего-то очень захотелось проехаться в

⁹² «Искупающий грехи мира» (лат.) . Слова из заупокойной молитвы.

⁹³ Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник.

одиночку вдоль берега, не видя пусть знакомых и дорогих, но внезапно надоевших лиц.

Море лениво лизало неостывший с вечера песок. Ночь обещала быть жаркой и душной, но все же была добрее раскаленного дня. Шарль сам оседлал жеребца, получая удовольствие от привычных неторопливых движений, и вскочил в седло. Тарве было дернулся за ним, но герцог махнул рукой, мол, наблюдай за разгрузкой, и поехал вдоль берега в сторону высокого мыса.

Пепел тихо брел по колено в почти пресной воде, лениво помахивая хвостом. Обоих, всадника и коня, окружала тяжелая беззвездная ночь, отрезая и от прошлого, и от настоящего. Наедине с затопившей все сущее тьмой герцог чувствовал себя свободным и сильным, словно сам был частью этой странной ночи. Они обогнули похожий на притаившуюся кошку мыс, пора было возвращаться, иначе Тарве вообразит Проклятый знает что и бросится на поиски. Шарло не хотелось, чтобы кто-то, пусть и из лучших побуждений, разрушил странное наваждение. Иногда одиночество – это свобода, по крайней мере другой свободы герцог Тагэре не знал уже давно.

Порыв прохладного ветра, неожиданный в вязкой жаркой тьме, как крик в ночи, взъерошил волосы, пелена туч развалилась на две части, словно разрубленная атэвским клинком перина, обнажив звездные россыпи. Над головой тревожно мерцала Ангеза, такой яркой герцог ее еще не видел. Он вообще не видел, чтоб звезды сияли столь неистово, а вдобавок и море начало светиться серебром, превратив ночь в сумерки. Свежий ветер приятно охлаждал лицо, играл гривой коня, манил смутными видениями невиданных стран и городов, гор, выдыхающих огонь, белокрылых парусников, взлетающих на пенные гребни. Сердце Шарля забилося, как в юности перед боем. Он всматривался в серебряный горизонт, сам не понимая, чего ждет.

Герцог ждал, но первым учуял гостя Пепел. Испуганно захрапев, жеребец попробовал развернуться и броситься назад; Шарлю не сразу удалось с ним справиться.

– Он боится Гиба, но тут уж ничего не сделаешь.

Тагэре показалось, что он бредит наяву, но перед ним, словно бы из ниоткуда, возник всадник. Огромный вороной конь рыл копытами воду, словно обычный песок. Света было довольно, и Шарло прекрасно видел бледное правильное лицо, сильные руки, небрежно перебирающие конскую гриву, странную цепь с зелеными, светящимися, словно кошачьи глаза, камнями. Тагэре никогда в жизни не встречал этого человека, если это, конечно, был человек, и вместе с тем ему казалось, что он знает его всю жизнь. Шарль сам не понял, как с его губ сорвался вопрос. Один-единственный.

– Что я должен сделать, монсигнор?

Красивые губы тронула улыбка.

– Ты должен только то, что ты должен, Шарль-Аларик Тагэре из рода Арроев. Твоя совесть и твоя кровь всегда при тебе, они подскажут. Я уверен в тебе... Мы уверены... Но одну вещь ты должен узнать. Идет не просто война. От того, кто победит, зависит, быть или не быть не только Арции, но и Тарре. Тебе выпала непростая судьба, Шарло. В юности многие мечтают удержать плечом небо, но это слишком тяжелая ноша... Я хотел бы сказать тебе больше, но и сам не знаю, кто и из какого окна бросит нож. Будь осторожен, если сможешь, конечно.

– Монсигнор, – Шарль с неожиданной болью взгляделся в огромные голубые глаза, – я и понимаю, и нет. Война с Лумэнами не первая, чем же она так важна?

– Внутри каждого мира спрятана его гибель, и разбудить ее может то, что кажется обыденным, – пожал плечами ночной всадник, и Тагэре почти равнодушно отметил, что на вороном нет ни седла, ни узды. – Знаешь притчу о войне, разгоревшейся из-за пролитой торговцем капли меда? Такой вот каплей стало то, что некогда сотворил первый из Лумэнов. Он думал, что действует сам, и, собственно говоря, так оно и было...

Не понимаешь? Наши поступки – это наши поступки, но они падают на общие весы. Когда их набирается достаточно, в игру вступают другие силы, и уже их победы и поражения становятся ступенями для других... Я не знаю, где кончается эта лестница и где начинается.

Тарру создали и владели ею великие. Они нынче мертвы или почти мертвы, но и до них было что-то. Надо полагать, с гибелью и этого мира, и других что-нибудь да останется, но я не хочу такого конца. Самое странное, что все в руках смертных. Все решается их выбором, а не волей высших сил, хотя тот, кто сдвинул камень, вызвавший обвал, может никогда не узнать о том, что сотворил.

– Похожее говорят в Книге Книг. О Последнем Грехе и Искуплении...

– Это так и не так, Шарло. – Незнакомец снова улыбнулся, хоть и с горечью, и внезапно лихо тряхнул головой, отбрасывая седую прядь, падающую на лоб. – Церковь пугает грехами и карой за них, заставляет чувствовать вину безвинных, а виноватых чуть ли не гордиться своими делами. Самый страшный удар Тарре нанесла Циала, а ее объявили святой. Антоний предал родных, а это зовут подвигом. Восславленным предательствам и оправданной злобе в Книге Книг просто числа нет... Не повторяй чужих слов, Шарло, и не верь им.

– Не буду. – Простые слова герцога прозвучали как клятва, и его невероятный собеседник это понял.

– Оставайся сам собой и береги себя и тех, кого любишь. Выстоять против подлости трудно, иногда легче умереть, чем убивать других. А иногда нужно убить одного, чтобы спасти многих. Тут никто не советчик. За Лумэнами стоит беда. Если победишь ты, к ним придет помощь, но и тебя одного не оставят. Но поражение Тагэре будет началом конца для всех. Как щель в плотине в канун дождей. А теперь прощай, и да хранят тебя Великие Братья!

Шарло так и не понял, куда и как он исчез. Просто вороной сделал огромный прыжок, потом еще один, взмыл на дыбы в прощальном приветствии и скрылся в сомкнувшейся тьме. Серебряное свечение погасло, звезды вновь скрылись за облачным одеялом, а на смену прохладному ветру пришла липкая стоячая жара. Тагэре глубоко вздохнул, пытаясь унять отчаянно колотящееся сердце. Кем был его странный собеседник? Богом? Призраком? Кем-то из героев полузабытых легенд? Но он БЫЛ, он приходил именно к нему, чтобы предупредить о том, о чем Шарль Тагэре и так смутно догадывался. Встреча с Геро, которая тоже помянула Великих Братьев, а теперь этот всадник... Судьба смотрит ему в глаза и ждет. Но чего?... Шарль Тагэре слегка сжал коленями бока Пепла, и конь послушно пошел назад. Что бы то ни было, а ему пора возвращаться и готовиться к бою. Свою войну он должен выиграть.

2870 год от В.И.

Ночь с 19-го на 20-й день месяца Влюбленных.

Эландское море

Скачи, Гиб, скачи! Ветер в лицо – то, что нужно, чтобы чувствовать себя живым, чтобы забыть о боли, об одиночестве, о том, что свалилось на твои плечи, и что, кроме тебя, никто не сделает. У каждого свой бой, и тебе еще жить и ждать. Ждать и жить, как бы больно и страшно ни было.

Он черпает силы в своей боли, потому что больше неоткуда, как бы его ни соблазняли живым теплом. Потому что, раз зачерпнув, не остановиться. Он жив вопреки всему, не потому что не хочет умирать, а потому что не имеет права. Смерть, небытие – это избавление, покой, вечная мечта моряка о пристани, но он должен терпеть и ждать урочного часа. Чтобы не дать вернуться тому, другому, заблудившемуся между бытием и небытием, для которого жить – значит пить чужие жизни. Так не даст же он ему этого! Он уничтожит это создание и освободится сам. А пока он жив своей болью, своей памятью, своей любовью и тем, что боги когда-то назвали волей, опрометчиво наделив ею и смертных. И правильно назвали. Он по-прежнему повелевает собой, а значит, ни соблазн свободы, ни соблазн забвения не собьют его с избранной дороги, как никакие посулы и угрозы не превратят Шарля Тагэре во второго Фарбье. Жизнь он скорее всего потеряет, но не самого себя и не честь.

Он хотел видеть этого человека, мучительно, неистово. Он должен был понять, кто

остался у Арции и кого спасла Геро. Слов, даже слов лучшего из друзей, было мало, и он решился на эту безумную встречу. И правильно сделал, хоть и не мог открыть прапраправнуку Ри всей правды. И не потому, что тот не понял бы или не поверил, а потому, что не стоит надевать доспехи на того, кто должен переплыть реку. Шарль Тагэре теперь знает то, что нужно, а остальное ему подскажет совесть. Станет ли он Последним из Королей или же это участь кого-то из его потомства, но ждать осталось недолго!

Там, на грани были и небыли, колокольчики рока звенят сильнее, чем в мире людей, где чувства и мысли глушат их, как пенье птиц глушит звук падающих капель. Серое море опустело, и на Арцию упала мгла забвения. Она росла, эта мгла, и сомкнулась с туманом Вархи. Волки чуют лесной пожар задолго до людей, прозревающих лишь при виде дыма над ближней рощей. Но Тарра уже тлеет. Он знает, что уже началось, и возврата нет. Давно знает. Он понял это раньше, чем почувствовал возвращение Геро, раньше, чем Роман вернулся от Вархи.

Эмзар из последних сил держит в узде забытое в Арции лихо, а еретики таянцы, истекая кровью, прикрывают проклявших их. И они будут держаться, пока не придет время и в месте, что пока неведомо даже Великому Дракону, не сойдутся дороги всех, смертных и бессмертных, защищающих и рвущихся к горлу этого мира, присвоивших себе право судить и посмевающих оспаривать приговор.

И чем ближе последняя встреча, чем туже связан узел судеб, тем больше он может. Он встретит неизбежное с мечом в руке. Но до этого еще нужно дожить, так как проиграть войну можно даже не начав. Сегодня он исчерпал себя до дна, но это не страшно, нет муки, которую нельзя перенести, если знаешь, что поставлено на кон. И поэтому он раз за разом будет возвращаться, какой бы болью это ни грозило. Его теперешней силы хватит, чтобы ее превозмочь и сделать хоть что-то для тех, чья битва уже началась.

Скачи, Гиб, скачи! Твой бег – это жизнь, это свобода, это надежда!

2870 год от В.И.

Утро 27-го дня месяца Влюбленных.

Тон Нуэрж

За ночь зной не спал, и солнце взошло в серовой пыли дымке, предвещая душный и долгий день. У реки звенели удилами кони, где-то коротко, словно прочищая горло, вскрикнула труба, в лагере топали и гремели доспехами латники. Люди сетовали на жару, подсмеивались над ифранской бабой, возмнившей себя Проклятый знает кем, ее полоумным муженьком и недоношенным сыном. Кто-то выпрашивал новый ремень взамен лопнувшего, кто-то в последний раз проходился точильным камнем по и так безупречному клинку. Многие что-то дожевывали или, наоборот, только собирались завтракать. Все было так буднично, что Эдмону Тагэре не верилось, что через ору или две эти люди пойдут в бой, от которого зависит судьба Арции. Юноше даже стало немного обидно, он-то ждал сражения с нетерпением, ночью не сомкнул глаз, придумывая, что и как говорить, чтобы никто не догадался, что это его первая битва, а его никто и ни о чем не спрашивал. Все занимались своими привычными делами.

Эдмон напустил на себя самый равнодушный вид из всех возможных и повернулся к худенькому Луи ре Тину, своему аюданту и приятелю.

– Ты немного бледен, плохо спал?

– Спал? – Луи от удивления заморгал большими светло-кариими глазами. – Разве в такую ночь можно спать?! Я писал стихи.

– А я, представь себе, спал как убитый, – соврал Эдмон и милостиво добавил: – Прочтешь?

– Не... не сейчас, – замялся ре Тин, – это я... на случай, если меня убьют. Для Беаты. Ты ей передашь?

– С чего это ты вообразил, что тебя убьют? – Природная жизнерадостность второго сына Шарля взяла свое. – Мы победим, это же ясно. Мальвани не проиграл еще ни одного

сражения, да и отец тоже.

– Я не сомневаюсь, что мы победим, – Луи казался растерянным, – но не все вернутся, и я предчувствую, что...

– А вот этого не надо, – стройный золотоволосый юноша подошел тихо, как кот, – братец, я бы на твоём месте задал этому меланхолику хорошую трепку. Ничего нет гаже, чем ныть перед битвой, от этого голова болит!

– Филипп, – с обожанием воскликнул Эдмон, глядя на старшего брата, уже побывавшего в нескольких стычках, – ты откуда? Вы же...

– Мы подошли ночью, – ответил Филипп, – ладно, бросай своего поэта, не до него, отец ждет.

– И меня?! – выдохнул Эдмон.

– И тебя, хотя не знаю, зачем ты там понадобился. Давай шевелись, все уже собрались.

Они действительно пришли предпоследними. Герцог слегка наклонил голову в ответ на приветствие и больше на своих сыновей не смотрел. Отец был таким, как всегда, спокойным и сильным в своих простых доспехах без насечек и позолоты, впрочем, в стане Тагэре красавица никогда не была в чести. На севере упрямо придерживались взгляда, высказанного четыре сотни лет назад каким-то менестрелем, заметившим, что лучшее украшение доспехов – это мужество их хозяина.

Эдмон стоял рядом с Филиппом и Раулем и с замиранием сердца слушал герцога, четко и коротко объяснявшего каждому его задачу. Все было ужасно просто и понятно, хотя сам Эдмон никогда бы до этого не додумался. Шарль Тагэре не намеревался устраивать бойню. И не только потому, что всегда ненавидел гражданскую войну, но и потому, что человек, защищая свою жизнь, дерется яростно и отчаянно. Если же у него есть возможность удрать или положить оружие и уйти живым и здоровым, то он уйдет. Если верит слову противника и если не защищает что-то более дорогое, чем жизнь. Тагэре надеялся, что желающих умирать за чужеземную королеву и ее бастарда не так уж много, ополченцы, согнанные чуть ли не силком, больше всего хотят вернуться домой, а арцийцы не любят ифранцев и эскотцев.

На сей раз Тагэре не собирался окружать противника, но несколькими мощными ударами расколоть армию Агнесы на куски и заставить одних сдаться, а других удирать в разных направлениях.

– И последнее. – Тагэре по очереди взглянул в глаза своим военачальникам. – Хорошо бы, чтобы вы и сами поняли, и своим объяснили. Простых солдат следует щадить. В войне виновны Лумэны и их прихвостни. С ними у нас будет особый разговор.

– Короче, агнцев не трогать, а козлиц за рога и в стойло, – весело кивнул Рауль ре Фло, – и правильно. Ополченцы нам еще пригодятся, когда за Жозефа возьмемся.

– Арде, – поднял очи горе Анри Мальвани, – но сначала гадюка, а потом паук. Что ж, мне пора. – Маршал встал из-за стола, и мальчик лет десяти с таким же точеным лицом подал ему шлем. Видимо, Мальвани решил взять в битву своего единственного сына.

Следом поднялись и другие офицеры. Эдмон думал, что он, как и Филипп, останется при кузене Тарве, но отец решил иначе.

– Эдмон, – герцог внимательно посмотрел на среднего сына, – будешь со мной. Твое дело держаться за моей спиной и не терять головы. С этого все начинают. Если ты сегодня никого не убьешь, не беда. В том, что арцийцы колотят друг друга, нет ничего хорошего. И вообще, если мы не разобьем эту, с позволения сказать, армию за ору, грош нам цена.

2870 год от В.И.

27-й день месяца Влюбленных

Арция. Тон Нуэрж

Пьер был вне себя. Сколько можно! Его вытащили из постели, не дав ни проснуться, ни позавтракать, посадили в противную гроыхающую карету и куда-то везли целую квартиру. Не было ни настоящих обедов, ни ужинов, отвратительно пахло лошадьми и пылью, на пирог с

вареньем, который он все же успел взять с собой, все время садились жирные, синие мухи. Было жарко, а его заставили надеть кусачую шерстяную куртку, а на нее еще и кирасу, которая терла на плечах и под которой чесалось. Его Величество был совершенно уверен, что глупые и безответственные люди, оставшиеся в Мунте, забудут нарезать хомякам свежих огурцов и поменять опилки. Он хотел все сделать сам, раз уж надо уезжать, но Поль не позволил и даже вытащил его из комнаты за плечо, которое с тех пор болит. Этот Поль еще хуже Жана, тот хотя бы понимал, что малышоночков нельзя надолго оставлять...

Выходка Поля послужила последней каплей, и Пьер решил бежать. Он должен вернуться в Мунт, оставить хомякам корму на кварту и убедиться, что все в порядке. Да, он так и сделает, а потом возьмет Сюсю, Лапу и Бела... Да, и Коко, разумеется! И уедет к Шарло. Агнеса с Полем говорили, что кузен вернулся, вот и хорошо. Он будет жить с Шарло, который его любит и которого даже кошки слушаются. Они запрутся от жены в замке, и все будет хорошо. Если Шарло попросить, он даже наследника к себе возьмет. Тот тоже любит хомяков и боится Агнесу и Поля.

Бежать Пьер собрался ночью. Пусть все думают, что он спит, но сначала нужно, чтобы им были довольны, и Его Величество старательно делал и говорил все, что ему велели. Даже надел тяжелый шлем, в котором было ужасно жарко и неудобно. Но в шлемах были все, и это было некрасиво, они стали походить на каких-то ящериц. Особенно Поль, у которого доспехи были зелеными, но он всегда был самым противным из всех, даже противнее дяди Жана, которого убил Шарло. И правильно сделал. Жан первый начал, он всегда был злым и никого не любил. Так ему и надо. Если Шарль и с Агнесой, и с Полем что-то сделает, он, Пьер, ничего против иметь не будет, а хомяков Шарло никогда не обидит.

Король сидел в красивой, но душной палатке и ждал ночи, чтобы убежать. Никого не было, потому что все воевали. Пьер видел, как они уходили. Его вместе с наследником заставили стоять с поднятой рукой, пока мимо шли солдаты. Он хотел им помахать, но Поль запретил, хотя это было очень глупо. Когда кто-то куда-то уходит, ему машут вслед, и рука так меньше устает... Интересно, они уже кончили или еще воюют? Король приподнял полог палатки. Никого нет, воюют, наверное. Когда Агнеса воюет, она всегда приходит очень поздно и еще более злая, чем обычно. Еще заставит его что-то подписывать, как в прошлый раз. Хорошо, кардинал тогда сказал, что он сделал плохо для Шарло, и дал ему другую бумагу. Жалко, Евгений с ними не поехал, но он может не слушаться Агнесу и потому остался в Мунте. Нужно было его попросить покормить хотя бы Сюсю, он бы не забыл, хоть и старый.

Король вернулся на свое место и задумался. Вдалеке что-то шумело, и это была битва. Пьер прекрасно помнил эти звуки, страшные и грубые, словно множество людей вдруг превратились в двух огромных собак, которые рвут друг друга на куски. Его Величество от страха и отвращения вздрогнул, люди не должны быть собаками, особенно злыми. Война – это плохо, Шарло не любит войну, и он тоже не любит. А жена любит, потому что может надевать на себя доспехи и ходить вместе с рыцарями. Служанки говорят, что она на них вешается и подстиляется. Пьер не понимал, как это. Агнеса была большой, чтобы висеть на ком-то, ей пришлось бы поджать ноги, да и зачем ей это нужно? А подстиляться в жестких доспехах и того глупее. Он однажды спросил об этом Поля, и тот сначала очень громко и долго смеялся, а потом кричал, чтоб он не смел повторять такие вещи. А зачем тогда смеялся, если ему это не понравилось? Но он его больше ни о чем и не спрашивал, раз он такой. Это Шарлю можно говорить все. Тот если не поймет, всегда спросит и никогда не станет злиться. И почему его только жена и Поль не любят? Глупость какая...

Пьер еще немного посидел, прислушиваясь к шуму, а потом выглянул из палатки. Люди в кирасах и красных плащах, обычно стоящие у входа, оживленно махали руками и вглядывались вдаль. Разговаривать с ними было бесполезно, уж это-то король знал. Они были злыми и глупыми и ничего не могли сказать или сделать без жены или Поля. Пьер еще немного на них посмотрел, а потом его осенило. Они все были тут, потому что тут был вход, значит, сзади их нет. Король нерешительно тронул рукоять меча, который на него надели

утром. Меч был острый, они несколько раз говорили ему, чтоб он его не вынимал, так как можно порезаться. Значит, им можно будет проткнуть тряпку, из которой сделана палатка. Решено, он не будет ждать до вечера. Когда о нем вспомнят, он будет уже далеко. И вообще, зачем ему идти в Мунт, ведь Агнеса приехала сюда воевать с Шарлем, значит, он рядом! Он его найдет, а потом они вместе убегут от Агнесы и запрут в Речном Замке...

2870 год от В.И.

27-й день месяца Влюбленных.

Арция. Тон Нуэрж

– Все, – Шарло с наслаждением стащил с головы шлем, сунул оруженосцу и подставил лицо слабенькому ветру, – летом я больше не воюю. Хватит с меня!

– С Лумэнов, похоже, тоже, – хихикнул Рауль Тарве, поглаживая своего иноходца, – такого даже у вас с Мальвани еще не было. Чтоб за пол-оры разгромить целую армию.

– Жара, – засмеялся Тагэре, – мы же северяне, больше просто бы не выдержали, спеклись бы в доспехах, как черепахи. Не ел, кстати? Зверюгу запекают на углях прямо в ее панцире. На Берегу Бивней это весьма уважают.

– Я сейчас и от чего попроще не отказался бы. – Рауль задумчиво потер висок. – А ведьма эта опять вывернулась, надо бы догнать...

– Надо бы, – согласился Шарль, – но вряд ли получится. Иданный, впрочем, пробует. Ладно, поехали к Мальвани. Он хотя бы возле речки устроился.

Несмотря на то что жители города Мунта преподнесли ему белого скакуна-четырёхлетку, герцог остался верен своему серому в яблоках. Пеплу тоже было жарко, и он ретиво поддержал намерения хозяина перебраться поближе к речке. Свита, оживленно переговариваясь и пересмеиваясь, двинулась следом. В самом деле, бой был таким стремительным и коротким, что никто не успел не только устать, но хотя бы избыть то напряжение, которое всегда охватывает перед схваткой.

Тагэре, Тарве и Мальвани атаковали клиньями, буквально разодрав армию Агнесы на три неравные части, причем таким образом, что ополченцы, оказавшиеся отрезанными от наемников и баронских дружин, немедленно бросали оружие, тем паче герольды Тагэре перед битвой обещали сдавшимся полное прощение. Половина королевских гвардейцев пошла еще дальше, повернув копыта против эскотцев и лумэновцев. В это время Мальвани и Тагэре, ненадолго соединившиеся в центре, резко повернули один на север, а другой на юг, вынуждая ифранцев улепетывать к границе, а эскотских наемников и вконец ошалевших арцийцев вырываться из якобы окружения мелкими отрядами, тут же попадавшими под обстрел конных арбалетчиков Тарве, чьей задачей было не позволить беглецам объединиться.

Не прошло и оры, как от двадцатитысячной армии осталось одно воспоминание да куча брошенного оружия.

Эдмон все еще следовал за отцом, с трепетом ожидая, когда тот скажет ему хоть что-нибудь. Все сражение для юноши слилось в какое-то странное мелькание цветных пятен, из которых внезапно вырывалась то оскаленная лошадиная голова, то валяющаяся под копыта красно-желтая сигна, то залитое кровью страшное лицо. Все промелькнуло стремительно и неправдоподобно, как во сне. Эдмон старательно направлял коня в гущу сражения, стараясь одновременно прикрывать спину отцу, как будто тот в этом нуждался, и приглядывать за оруженосцем, вздымавшим отцовскую сигну. Про себя юноша представлял, как Алан падает раненый и он подхватывает древко из слабеющих рук. На то, что он спасет самого герцога, воображения Эдмона явно не хватало. Отец казался существом бессмертным и неуязвимым.

Тагэре, наверное, почувствовал взгляд сына и оглянулся, весело сверкнув серыми глазами. Эдмон решил было заговорить, но ему помешал пронзительный вопль, раздавшийся из запыленных кустов.

– Шарло! Это ты?! Я тут! Как хорошо! А она нас не найдет? Ой! Ай!!! Шарло!!!

Эдмон оторопело наблюдал, как отец, давась от смеха, спрыгнул с Пепла.

Невозмутимый Рауль последовал за ним, к таинственным кустам бежали еще двое или трое рыцарей, но их помощь не понадобилась. Ветки несчастного боярышника расступились, и на дороге показался герцог, в руку которого вцепилась самая нелепая фигура из всех, которые Эдмон когда-либо видел.

– Господа, – с нарочитой строгостью провозгласил Шарло Тагэре, хотя глаза его лучились весельем, – поприветствуем Его Королевское Величество.

2870 год от В.И.

Вечер 27-го дня месяца Влюбленных.

Арция. Северный тракт

Агнеса Саррижская не знала атэвскую поэзию, но ее чувства вполне соответствовали стихам великого Сами Абдедина об умирающей змее, с ненавистью грызущей подкову раздавившего ее коня. И что толку, что ей и ее приближенным удалось бежать. Армии больше не было. Короны, владений, власти – тоже. Все досталось Шарлю Тагэре. Уставшие кони медленно плелись среди высоких деревьев, тяжело поводя боками. Сзади жалобно всхлипнул Филипп, и королева хмуро оборотилась на Жиля Фарбье, везшего в седле единокровного брата.

– Он устал, сигнора, – пожал плечами сын Жана, – как и мы все.

Они, видите ли, устали! Эти мужчины, проигравшие битву, изволили устать! Да на что они вообще годны?! Они обещали ей победу, а на деле... На деле даже не удосужились узнать, что Тагэре и Мальвани сговорились и ударят одновременно, причем отнюдь не отсюда, откуда их ждали. А теперь они разводят руками и, гремя своими железьяками, с умным видом говорят, что на Тагэре сработала внезапность, позиция была неудобной, Мальвани непревзойденный стратег, а ополченцы всегда ненадежны. Можно подумать, раньше всего этого не было!

Маркиза давно следовало казнить, она язык сломала, объясняя это Полю. Казнить и конфисковать его владения и его сокровища. Мальвани всегда был врагом, а врагов казнят. Или хотя бы убирают втихую, чтобы их проклятые таланты не стояли на дороге. Нужно было делать хоть что-то, а не сидеть в Мунте, ожидая, пока рак на горе свистнет. Вот и дождались!

Агнеса со злостью оглядела своих спутников. Усталые, потные, запыленные, они ничем не напоминали тех блестящих нобилей, которые утром говорили ей пустые выпренные слова. Да и она сама... Страшно представить, на кого она похожа после нескольких ор скачки по жаре на чужой лошади. У них даже не было времени забрать из своих палаток самое ценное. Проклятый! Они же забыли Пьера. Теперь он наверняка в руках у Тагэре, и, надо думать, Евгений выудит у него отречение, а то и требование о разводе. А у нее нет даже зеркала и гребня. Хорошо хоть она перед боем надела лучшие драгоценности, да и господа рыцари обвешались цепочками и перстнями, не мужчины, а какие-то Звездные Деревя! Хватит, чтоб добраться до Эскоты и снарядить гонцов к Жозефу и Джакомо.

– Вы что-то сказали, Агнеса? – подозрительно осведомился Поль Фарбье. Бездельник, мог бы и не подчеркивать при всех их близость.

– Сказала, герцог, – она старалась говорить надменно, и это ей удалось лишь потому, что она не видела себя со стороны – с лоснящимся лицом, темно-синими потеками под глазами и вздувшимся в углублении между носом и щекой гнойником.

Фарбье наклонил голову, то ли почтительно, то ли издевательски: «Простите, Ваше Величество, но я не расслышал».

– Мы едем в Эскоту, – бросила королева, борясь с искушением провести рукой по лицу, чтобы хотя бы на ощупь оценить причиненный скачкой и жарой ущерб, – там мы соберем новую армию.

– Эскотцы берут дорого, тем более за безнадежное дело, – буркнул Поль, – а у нас нечем платить.

– Найдется, – отрезала Агнеса, – они берут не только деньги.

2870 год от В.И.

Вечер 8-го дня месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Они были смешными и трогательными, эти горожане, расхаживающие по Мунту с оружием в руках. Почтенные упитанные отцы семейств натянули на себя кирасы и шлемы и вооружились алебардами и кинжалами, а некоторые щеголяли прицепленными к поясу мечами, от видавших виды ржавых железяк до великолепного оружия, которое молило небеса о другом хозяине. Бойкие подмастерья тоже вооружились кто во что горазд, и Шарль подумал, что те же мясники могли бы стать неплохими вояками, возьмись они за привычные топоры, но вот с мечами и пиками они вряд ли на что-то годятся. Да, появившись в городе Агнеса со своими эскотскими головорезами, почтенным горожанам пришлось бы солоно. Мунт вообще не принадлежал к тем городам, которые можно оборонять от жестокого и хорошо вооруженного врага. Лишенная какой бы то ни было природной защиты, разделенная на-двое широкой рекой, прожорливая и безалаберная, столица была идеальной добычей для жадных наемников.

Но возмнившим себя вояками горожанам повезло. В город входили войска Тагэре, и город ждали не грабежи, а пирушки. Все были рады и довольны, кроме Шарля, которого окончательно и бесповоротно загнали в угол. Пьер при всех кричал, что не хочет править и боится жены, которая его сажает на хлеб и воду и разлучила с его обожаемыми хомьяками и еще более обожаемым Шарло. Отцепить от себя всхлипывающего короля Тагэре удалось с большим трудом, только заверив его, что они больше не расстанутся, немедленно поедут в Мунт, разыщут всех хомяков и запрутся от Агнесы в замке посредине реки. От последнего Шарль пытался сюзерена отговорить. Речной Замок, хоть и считался одной из королевских резиденций, заодно являлся и самой надежной тюрьмой для знатных узников, столь опасных, что их не рисковали держать где бы то ни было еще. Увы! Пьер уперся. Хомяки и Речной Замок! Вот были условия, на которых он соглашался отпустить руку кузена. И происходило сие безобразие на глазах всего войска.

Теперь Пьер трусил на смирной лошадке рядом с герцогом и продолжал ныть о хомьяках, обижающей его жене и необходимости спрятаться. Жители доброго города Мунта, высыпавшие на улицы, видели, что их незадачливый король прямо-таки оторваться не может от своего якобы победителя. Когда же к встречающим присоединились глава мунтского ополчения достопочтенный мэтр Жарвье и Его Преосвященство кардинал Евгений, король и вовсе разбушевался. Оторвавшись наконец от Шарля, он переключил внимание на Евгения и завел свою волюнку о хомьяках, жене и кузене.

Кардинал был человеком в политике не новым и быстренько уточнил, хочет ли Его Величество и дальше сидеть на троне или же уступает сие нудное и неприятное занятие кузену Шарлю. Вопрос был задан таким образом, что подразумевалось: отказ от трона означает возвращение к любезным сердцу Его Величества хомьякам, сон до обеда, много всяких вкусоностей и полную свободу от злой жены. Простодушный Пьер угодил в нехитрую ловушку всеми четырьмя лапками, радостно подтвердив, что именно этого он и хочет. Евгений веско заявил, что принимает первичное устное отречение Его Величества в пользу герцога Тагэре, причем полагает сей шаг законным, мудрым и обоснованным.

Шарль про себя помянул Проклятого, но протестовать не посмел. После драки кулаками не машут, а перед смертью, как известно, не надышишься. Герцог поймал на себе умный и сочувствующий взгляд Евгения. Старик явно все понимает, но для него интересы того, что он полагает делом, явно выше желаний одного человека, из последних сил уворачивающегося от короны, в то время как для других трон является пределом мечтаний.

Мэтр Жарвье, гордо ехавший рядом с Тагэре, засвидетельствовал слова Его Высокопреосвященства и от себя добавил, что Генеральные Штаты собрались еще утром и ожидают Его Светлость. Что ж, Шарло всегда принадлежал к тем людям, которые стараются поскорее покончить с самым неприятным, если уж без этого не обойтись. Неким лучом света

в крошечной тоске, обуявшей герцога, оказался барон Обен. Неугомонный толстяк жизнерадостно приветствовал победителя, заметив, что ему будет гораздо приятнее пить старое атэвское с Тагэре, нежели жевать отвратительные сладкие ягоды, которыми его угощала Агнеса, после которых в зубах застревают противные маленькие косточки и ощущение, словно ты ненароком слопал какой-то крем, которым себя мажут престарелые красотишки.

Шарль усмехнулся и пообещал барону столько вина, сколько в него влезет.

– Да ну? – восхитился Обен. – Вы рискуете. Хотя, если я не выпью ваше вино, вы рискуете еще больше.

– Почему? – поднял бровь Шарло, предвкушая очередную шуточку.

– Да потому, – веско сказал матерый бражник, – что вы похожи на сынка промотавшегося нобилия, который, чтоб покрыть отцовские долги да наскрести дюжине сестричек на приданое, женится на богатой старухе, а после этого начинает пить. Так вот, спиться я тебе не дам, – заявил Обен, неожиданно переходя на «ты», за что Шарло чуть не облобызал старого греховодника, – я сам все выпью!

Шарло невольно хмыкнул, и барон довольно улыбнулся.

– Вот так-то лучше. И вообще все не так уж и плохо, в конце концов, моя богоданная сестрица передает, что за вас будут молиться.

Тагэре промолчал, но по сердцу словно бы скользнул солнечный зайчик. Неужели барон и ЭТО знает? Да нет, откуда... Скорее всего попробовал неудачно пошутить, а на самом деле... На самом деле, если за него молится Сола, он должен выдержать.

И он выдержал. Не прошло и оры, как Шарль Тагэре, одетый в алое, как истый Волинг, но в темно-синем плаще с серебряным нарциссами, стоял и слушал мэтра габладора. Господа выборные умудрились состряпать неопишемую речь, но никакие словесные завитушки не могли скрыть главного. Это был приговор окончательный и обжалованию не подлежащий.

Шарло сам не понимал, почему он, согласившись взвалить на себя все королевские заботы, до последнего отказывался от короны и откуда взялся в нем этот стойкий ужас перед титулом. В сущности, регент при безумном короле тот же король, а ведь поди ж ты. Но теперь они его сломали. Сейчас габладор окончит читать свой кошмарный свиток, и его сменит старейшина Совета нобилей, потом выпустят несчастного Пьера, а последний гвоздь в его, Шарля, гроб вколотит Книгой Книг Его Преосвященство. Пьер отрекся, его сына все держат за бастарда, каковым тот и является, Фарбье ненавидят, да к тому же их сигны прямо-таки истоптаны кошками. Все правильно. Наследник он, а потом – Филипп. Но, Проклятый, отчего же так страшно?!

Габладор закончил, но Тагэре, погруженный в свои мысли, этого и не заметил. К счастью, внимательно следившие за чтением выборные вскочили с мест и завопили нечто одобрительное. Герцог вздрогнул и вернулся с небес на землю. Нужно было что-то отвечать. Шарло подошел к краю возвышения. Он привык, что на него смотрит множество глаз, да и Генеральные Штаты были ему не в новинку, но сердце отчего-то сжалось. Впереди он увидел старейшину Совета нобилей графа Койлу со свитком еще более толстым, чем у габладора, бледное, опухшее лицо Пьера и седую голову Его Высокопреосвященства. Они ждали его слова, без этого не обойтись. Проклятый. Почему люди так много говорят именно тогда, когда все ясно?!

– Ваше Высокопреосвященство! Ваше Величество! Сигноры! Почтенные выборные! – «Кажется, назвал всех и в должном порядке». – Я благодарю вас за оказанное мне доверие. Клянусь сделать все, что в моих силах! Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре!

Восторженный рев господ гласных заставил Шарля замолчать, в общем гуде он различил чей-то выкрик: «Это вам не ублюдок!» И тут он вдруг понял, что сейчас сделает. Неуверенность исчезла. Шарль вскинул руку повелительным жестом, и все замолчали.

– Жизнь моя принадлежит Арции, но честь я не отдам никому. Нет и не может быть правды в том, чтобы надевать чужую корону. Пока жив помазанник божий, завладевший тронном будет узурпатором, кто бы его на трон ни возвел и что бы он ни обещал себе и

другим. Я готов наследовать Его Величеству Пьеру Шестому, я готов стать ему опорой в государственных делах, я готов, если это будет угодно, стать регентом Арции. Но я не могу принять корону при живом короле!

Ваше Величество, принимаете ли вы мою службу? Принимаете ли вы мою службу, сигноры и господа выборные? Благословляете ли вы меня на это, Ваше Высокопреосвященство? Вот я перед вами. Вы знаете про меня все, если б можно было читать в душе, я охотно бы распахнул ее перед вами. Мне нечего скрывать!..

Шарль стремительно выхватил меч и, опустившись на одно колено, протянул его на вытянутых руках вперед, словно бы вручая всем, кто находился в Львином зале.

Началось нечто невообразимое. Выборные орали и топали ногами в каком-то экстазе. Несколько уважаемых горожан вытирали слезы, старик Койла смотрел на Тагэре в каком-то нежном восторге. Испуганный Пьер, видимо, по подсказке кардинала, по-заячьи выскочил вперед и торопливо толкнул меч обратно Шарлю. Крики стали вовсе нестерпимыми. И только толстяк Обен, сидевший на удобном, хоть и не очень заметном месте, прошептал себе под нос: «Проклятый! Надо же быть таким дураком!»

2870 год от В.И.

8-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Поэты не зря наперебой воспевали арцийскую осень. Синь небес и золото могучих каштанов и буков отдавали воистину императорской пышностью, но Конраду Батару было не до красот. С точки зрения бывшего маршала Арции, а ныне вышедшего в отставку командора, главным достоинством «вечера года» в здешних краях являлось отсутствие дождей. В эту пору путешествовать было легко и приятно, пыль, жара, мухи и комары, столь портящие жизнь летом, исчезали, а будущие холода еще лишь угадывались в выпадающем по утрам инее да в том, что вода в родниках и колодцах начинала ломить зубы. Если уезжать, то сейчас!

Батар задумчиво прошелся по прибранным комнатам своего пусть не самого роскошного в Мунте, но любимого особняка. Если повезет, он еще сюда вернется. В большом зале, со стен которого смотрели суровые лица вельмож с крылатым змеем на груди, Конрад задержался подольше. Постоял перед зеркалом. Нет, он все правильно решил. За полгода он состарился на десять лет, а любимый оргондский пояс перестал сходиться на невесть откуда взявшегося пузе. Если так и дальше пойдет... Конечно, можно жениться и уехать в свои владения или же помириться со старыми друзьями, тем паче лично он с ними и не ссорился. Да, при Лумэнах маршалом был он, а при Тагэре – Мальвани, но Шарло с Анри всегда были выше должностей и званий, они могли себе это позволить. Дважды Аррой и полукороль! Для них титулы ничто, им не понять, как это больно – отдавать маршальский жезл!

Да, эти двое ему обрадуются, только вот он их видеть не может! Особенно герцога, над которым не властны ни годы, ни старое атэвское. Он недавно видел Тагэре, возвращающегося с какой-то пирушки, устроенной в его честь молодыми офицерами. Сам Конрад после ночи возлияний давно уже напоминал квашню с перекишим тестом, а Шарло был свеж и весел.

Если бы Конраду сказали, что он ненавидит регента, потому что завидует, Батар бы смертельно оскорбился. Ему казалось, что в нем говорит чувство справедливости. Почему одним все, а другим – ничего?! Ведь когда они начинали под крылом старого Мальвани, они были равны. Все пятеро! Отчего же его стрела уже упала, а их даже еще не на излете?! Можно подумать, он не смог бы разбить Жозефа, если б ему дали такую возможность! Но Фарбье и Агнеса требовали от маршала Арции совсем другого. Шарль же отстранил его, даже не извинившись. Просто отправил на фронтерскую границу отгонять «усатых». И это с его умом и с его опытом! Да и потом, когда вернулась ифранка со своим Фарбье... Эти ослы решили, что он ненадежен, потому что начинал с Тагэре! Глупцы. Именно поэтому он

никогда бы не пошел под начало к Шарлю! А тот тоже хорош. Даже не вспомнил о нем, хотя знал, что Лумэны его отстранили именно из-за близости к нему и Мальвани. Мог бы хоть чем-то да отдарить!

Агнеса вообразила, что с Тагэре справится сотня разбойников, а дурак Жан – что сможет совладать с человеком, которого старый маршал в двадцать пять сделал лейтенантом всей Ифраны. И где они теперь? Жан кормит червей, а Агнеса сидит у эскотских приграничных нобилей и выклянчивает у Джакомо войска! Так им и надо.

Батар раздраженно фыркнул, словно в происшедшем были виноваты его предки, отвернулся от портретов и уставился в окно, за которым буйствовал ясный осенний день. Теперь Агнеса, надо полагать, поняла свою ошибку. А не поняла, так поймет! Малыш Рауль расколотит ее эскотцев и остатки преданных Фарбье нобилей еще до холодов. Шарло с Анри даже не соизволили отбыть в Приграничье лично, отправили туда сына Леона. Носятся с молокососом, как Пьер со своими хомьяками! Им и в голову не пришло попросить возглавить северную армию его, Конрада Батара. Он бы, разумеется, отказался, но все равно... Они его не держат ни за врага, ни за предателя, значит, просто считают бесполезным. Для них Рауль Тарве умнее и талантливее, а мальчишке просто везет.

Еще немного, и они сделают его вице-маршалом, а потом, чего доброго, и маршалом! При живом Конраде Батаре! А Шарло нацепит на себя корону. Пьер не жилец, это ясно. Если не обожрется до смерти своих слив, то ему помогут. Тагэре станет королем, а он? Тот же Евгений смотрит на него, графа Батара, как на пустое место, словно его не существует. Он ушел, и всех это устроило, бывший маршал, он никому не нужен и не интересен. Что ж, он докажет всем, как они ошибаются! Сначала Агнесе, а потом и этим баловням судьбы. Они у него отняли все – славу, честь, даже Миранду, но в Книге Книг недаром сказано, что то, что было вверху, канет на дно, и что розы пышны и горделивы, но их срезает нож садовника, а скромные бархатники цветут столько, сколько им отмерено.

Конрад Батар решительно затворил окно и поднялся в свой кабинет. Он уедет ночью. Хотя нет. Это может выглядеть подозрительно, а в таких делах лучше не давать повода раньше времени. Тагэре-то плевать, где он и что с ним, но вот Обен и Евгений, эти не только в облаках летают, но и по земле ходят, а нюх у обоих, как у своры гончих. Лучше уехать завтра днем. Не поздно, но и не рано, со слугами и обозом, якобы в имение, а от Лаги повернуть на север, даже не на север, а на восток. Спешить ему особенно некуда. Пусть малыш Рауль повыдергает из хвоста у Агнесы последние перья...

2870 год от В.И.

5-й день месяца Волка.

Мирия. Кер-Эрасти

С утра зарядил дождь, и не какой-нибудь моросящий, а настоящий ливень, так что о горной охоте пришлось забыть самое малое на кварту. Для герцога Мирии Энрике Кэрны это означало не только плен в четырех стенах, но и неизбежную встречу с бланкиссимой Дафной, которая намеревалась провести годовалую дочь герцога. Узнав об этом из надежных источников в лице кормилицы маленькой Даро, Энрике постарался избежать общества ненавистной капустницы, но увы. Окаянный дождь спутал все планы герцога. Дафне никакое ненастье не помеха, супруга же во время утренней трапезы не оставила ему никакого пути к отступлению.

Глядя на изможденную женщину с фанатично горящими черными глазами, Энрике с болью вспоминал прелестное порывистое создание, любовь к которому заставила наследника престола пойти против родительской воли. Ему прочили в жены племянницу ифранского короля Агнесу, а он воспылил страстью к дочери незначительного Жоана Саринского. Эвфразии было пятнадцать, и ее хрупкая расцветающая красота сразила герцога наповал. Родители согласия не давали, и Энрике, которому в те поры море было по колено, решился на тайное венчание. Епископ Мирийский и Саринский отказался выполнить требование наследника, и влюбленные бросились в ноги бланкиссиме мирийской. Та помогла, кто же

знал, чем эта помощь обернется.

Впрочем, одной беды Энрике все же избежал. То, что творила его несостоявшаяся невеста в Арции, заставило легкомысленных и веселых мирийцев благословлять своего сюзерена, избавившего их от ифранской ведьмы. И все бы было ничего, если бы не Эвфразия, полностью попавшая под влияние своей наставницы и шестнадцатый год замаливающая несуществующие грехи. Религиозность жены сначала умиляла, потом раздражала и, наконец, стала пугать. Когда-то веселая и ласковая Эвфразия все больше и больше утопала в постах и покаяниях. Циалианский монастырь, выросший недалеко от Кер-Эрасти, словно бы высасывал из нее радость, и виной тому была похожая на бледную камбалу Дафна, полностью подмявшая под себя герцогиню. Сначала герцог пробовал бороться, потом махнул рукой, ища забвения в государственных делах и срывая зло на ни в чем не повинных горных козах.

В начале их супружества Энрике хотелось продлить до бесконечности каждое мгновение, проведенное с Эвфразией, теперь ежедневные свидания за трапезой стали для него пыткой. Он перестал быть хозяином в собственном доме, перестал понимать жену и хотел лишь одного, чтобы его оставили в покое. А потом появилась Рената, веселая, отважная, все понимающая. Между ними еще ничего не было, но оба чувствовали, к чему все идет. Сегодняшняя охота обещала стать последней каплей, и вот сначала дождь, а потом – Дафна.

Герцог с тоской поцеловал кольцо на широкой шершавой лапе капустницы (воистину циалианка была прямо-таки обречена на целомудрие!) и приготовился выслушать очередное нравоучение, как вдруг подоспело спасение в лице графа Альды, попросившего о срочной аудиенции. Дело было действительно важным, и герцог удалился, благословляя добряка Педро. Однако не прошло и оры, как в кабинет монсигнора с белым от ужаса лицом без стука вбежал учитель наследника.

– Что случилось, отец Пабло?

– Монсигнор!.. Сигнор Рафаэль...

– Что? – вскочил Энрике.

– Монсигнор наследник поссорился с бланкиссимой и кричит, что убьет ее.

Не дослушав, герцог бросился к двери, про себя восхищаясь родимым детищем, высказавшим вслух сокровенную мечту отца. Увиденная в приемной жены сцена пролила на душу властителя Мирии бальзам. Ненавистная капустница застыла посреди оранжевой лужи, возникшей на мозаичном полу. Облепленная мокрой, липкой одеждой, Дафна, как никогда, напоминала камбалу под померанцевым соусом. Сходство дополнял запах, видимо, восьмилетний Рито запустил в свою врагиню кувшином с оранжадом. Эвфразия от ужаса лишилась чувств, вокруг нее хлопотали две взволнованные камеристки, а побледневший от ярости виновник переполоха сжимал в руке охотничий кинжал. Пожалев в глубине души о том, что приходится смирять порывы, идущие от чистого сердца, герцог решительно взял сына за руку и увел. Тот покорно последовал за отцом. Следовало отчитать разбуянившегося наследника, но Энрике вспомнил, на что походила ненавистная Дафна, и неожиданно для самого себя расхохотался. Кэрна-младший глянул на отца с недоумением и упреком и молча сунул кинжал в ножны.

– Ты хоть понимаешь, что натворил? – насилу отсмеявшись, спросил герцог.

– Понимаю, – тряхнул кудрями Рито, – но я все равно ее убью!

2870 год от В.И.

12-й день месяца Звездного Вихря.

Арция. Мунт

Веверлей рыл копытами землю, выражая нетерпение. Его оседлали уже давно, а хозяина все еще не было. Наконец Анри Мальвани появился, разумеется, не забыв о лакомстве для своего любимца. Миранда, вышедшая проводить мужа, протянула ему руку, но тот, смеясь, наклонился и поцеловал ее в губы.

– Можно подумать, ты меня на войну провожаешь.

– На войну тебя, пожалуй, проводишь, – она засмеялась, поудобнее перехватив концы теплой шали, – на войну ты удираешь или по ночам, или вокруг шум, гам, аюданты, нобили, толком и не попрощаться... Хорошо, что все кончилось.

– Не совсем еще, Агнеса сама не успокоится. До свиданья, дорогая. К вечеру вернусь.

Белый атэвский конь, изящно перебирая ногами, вышел на площадь, явно гордясь красавцем-седоком. До дворца добраться можно было и пешком, но маршал Арции не желал получить нагоняй от Старого Медведя, которого не то чтобы боялся, но по привычке уважал. Этьену летом сравнялось семьдесят, и он стал еще упрямее, чем был в пору юности своих сыновей, вместе с которыми страстно познавали жизнь Шарло Тагэре, Конрад Батар и он, Анрио Мальвани. Юношеская дружба оказалась прочной, только Конрад пошел своей дорогой. Первым и даже вторым он быть не мог, а остаться просто другом не захотел. Анри покорило, что Батар уехал чуть ли не тайком. Скорее всего подался в свои земли. И все равно плохо вышло. Нужно будет в праздник его навестить... Впрочем, нет. Ему из-за Миранды неудобно, а вот братцы Фло вполне могли бы съездить. Война зимой сама собой затихнет, тем паче трепки, заданной Раулем, Агнесе хватит до весны.

Мальвани относился к выходкам королевы, как к плохой погоде осенью. Пока пора дождей не закончится, они будут лить. Пока Агнеса на свободе и хоть кому-то интересна, она будет вредить Тагэре и Арции. Будь она мужчиной, было бы легче, но бороться с женщиной всегда неприятно и унизительно. А уж для Шарля и тем более. Ненависть королевы выросла из попытки любви, она об этом уже забыла, а он – нет.

Анри спрыгнул с Веверлея у парадного крыльца чуть ли не в объятия барона Обена.

– Доброе утро, маркиз, – толстяк, жизнерадостно ослабившись, протягивал ему красную лапищу. От барона вкусно пахло вином, пряностями и дымком кедровых поленьев.

– Рад вас видеть, Обен. Вы всегда все знаете. Что за спешка?

– Агнеса просит о перемирии на время праздников.

– Зачем? – маршал недоуменно пожал плечами. – Зимой все равно никто воевать не собирался. Если они нападут, другое дело, но начинать кампанию... Не понимаю.

– И я не понимаю. И не люблю, когда чего-нибудь не понимаю. О, приветствую вас, сигноры...

Разговор стал всеобщим. В зале Совета нобилей былолюдно и весело, до праздников оставалось всего ничего, и собравшиеся уже предвкушали застолья, охоту, поездки друг к другу, объявленные помолвки. Анри сия чаша пока еще миновала, его сын и три дочери до ярмарки женихов и невест не доросли, а вот Шарло придется ухо востро держать. Маршал кивнул Раулю и Леону и подошел к Старому Медведю, восседавшему рядом с графом Койлой, старейшиной Совета.

– Ну что, сынок, – сверкнул глазами неукротимый Этьен, – просьба о перемирии – это почти признание поражения.

– Не всегда, – Анри покачал головой, – иногда это какая-нибудь каверза или кратковременная необходимость – похоронить убитых, подтянуть резервы и так далее.

– Глупости, – махнул рукой ре Фло, – ифранка выдохлась. Ее муженек при всем честном народе отрекся, сын признан незаконным, Жозеф денег не дает, в Арции ее терпеть не могут, а Джакомо она на дух не нужна. Сейчас о перемирии просит, а весной о мире заговорит. Чего башкой киваешь?

– Потому что не знаю, что ответить. Вроде вы, сигнор, все правильно сказали, но вы Агнесу мало знаете. Такую легче убить, чем заставить отступить.

– А ты слышал, что Конрад у нее?

– Нет, – Анри произвольно потер висок, – как его туда занесло?

– А очень просто, – рявкнул Этьен, – тварь завистливая! И еще за моим столом сидел! Зависть его и сожрала, вот и поставил на дохлую лошадь. А пригляделся, чай не совсем дурак, и понял, что натворил. Вот и пытается всех помирить, чтоб ему хоть командорство вернули.

– Ну, это-то ему зачем?! Батар хороший военачальник, его хоть Жозеф, хоть Джакомо с руками и ногами оторвут.

– Хороший, говоришь? Но ты-то получше будешь.

– Пожалуй, – честно признал Анри. – И уж точно Конрад хуже, чем Шарло, но все равно свое дело он понимает.

Старый Медведь ответить не успел. Вошли регент, кардинал и король с блаженной улыбкой на округлившемся лице. Евгений шаркал, опираясь на руку Тагэре, но взгляд клирика был острым, и выглядел старик вполне сносно. Шарль подвел его к зеленому креслу, выждал, пока тот устроится поудобнее, и только тогда занял свое место и обвел глазами присутствующих. Шумок затих, словно перепуганная кошка за дверь скользнула.

Регент неожиданно для всех и скорее всего для себя самого улыбнулся, в ответ получив волну таких же улыбок.

– Мои сигноры, я не думал, что мы еще раз соберемся до праздников. Вижу, многие уже покинули Мунт, желая присоединиться к своим подданным, а многие наверняка собираются в дорогу. Наш разговор будет кратким. Агнеса Саррижская просит о перемирии до конца месяца Вепря, и я не вижу причин отказать ей в ее просьбе. Тем не менее вопросы заключения мира может единолично решать король, но не регент. Я жду вашего совета.

– А чего советовать, – подал с места голос граф Дворга, – мы и так не собирались их трогать, пусть празднуют на здоровье. Да и мы тоже.

Одобрительный гул прервал речь графа, по всему, нобили не видели в перемирии никакой беды. Старейшина Совета огляделся и, скорее для порядка, спросил:

– Имеет ли кто-то из сигноров что-то против?

Анри переглянулся с Обеном. Им затея Агнесы не нравилась, но ни единого довода против не было. Обен был слишком осторожен, чтобы вслух заявить о своих сомнениях, а Мальвани, напротив, отнюдь не желал прослыть осторожным, к тому же его слова могли бы отнести за счет ссоры с подавшимся к Агнесе Батаром. Конец колебаниям маркиза положил Старый Медведь, шумно пригласивший всех, кто пожелает, сразу же после праздника во Фло на большую охоту. Этьен с присущей ему прямоотой отсоветовал думать накануне большого застолья о такой дряни, как ифранка, дабы не портить аппетит. Кардинал, тонко улыбнувшись, посоветовал все же не слишком предаваться греху чревоугодия и заметил, что милосердие к проигравшим является одной из главных добродетелей, но что весной Агнесе все равно придется или признать свое поражение, или вступить в еще одну войну. Койла предложил совместить заключение перемирия с ультиматумом, предлагающим мятежной королеве сдаться до начала месяца Агнца, на чем и порешили.

Шарль поднялся и собрался было выйти, но Старый Медведь его задержал.

– Монсигнор!

– Сигнор Этьен, не унижайте меня таким обращением.

– Не унижать, говоришь? Изволь тогда провести праздники у меня. Сколько ты не был во Фло?

– Три года.

– Вот и поехали, пока время есть. И Филиппа с Эдмоном возьми.

Шарло намек понял. Эстела с младшими детьми в Тагэре, и он может отправиться только с двумя сыновьями. Эсте не придется встречаться с Делией, а приличия будут соблюдены. Да и габладор и глава мунтского ополчения будут счастливы провести квартиру в гнезде самого ре Фло да еще в обществе регента.

– Конечно, я поеду, – заверил тестя Тагэре и тут же почувствовал ощутимый тычок в бок. Обернувшись, Шарль столкнулся с расстроенным взглядом короля.

– Шарло, не верь ей. Она врет. Она всегда добрая, когда чего-то хочет. А потом нам всем будет плохо. Не делай так, как она хочет.

– Не бойся, Пьер. – Шарль оглянулся и, увидев, что большинство нобилей разошлось, приобнял короля за плечи. – Она тебе ничего больше не сделает.

– Не сделает, – согласился король, – я же теперь живу в замке посреди реки. Если она

придет, я подниму мост. Она может сделать плохое тебе, а я этого не хочу.

– Пьер, МНЕ она уж точно ничего не сделает.

– Сделает, – упрямо повторил король, – она злая, а ты добрый. Ты не понимаешь.

2870 год от В.И.

14-й день месяца Звездного Вихря.

Арция. Мунт

Виконт Тарве дождался, пока тень от башни достигла плиты с изображением свернувшейся клубком кошки, и только после этого вложил меч в ножны. День выдался студеным, деревья и стены покрывал ослепительный иней, но разгоряченному Раулю было жарко. Конечно, после вчерашнего можно было себя и пожалеть, но Тарве во всем брал пример с Шарля Тагэре. Герцог мог пропустить утреннюю тренировку только ради настоящего боя или какого-нибудь неотложного дела, к каковым желание поспать подольше после пирушки ну никак не относилось. Филипп, тот, наверное, и сейчас дрыхнет как сурок. Тарве улыбнулся, вспоминая красавца кузена, о котором вздыхает та половина женщин Мунта, которая не вздыхает по его отцу, Филипп же готов платить взаимностью всем красоткам от четырнадцати до сорока.

Дед хочет, чтобы наследник Шарло женился на Изабель. С точки зрения интересов семьи это правильно, но Изо совсем ребенок, а Филипп еще не скоро перебесится и сможет выбрать из многих одну. Так что пусть идет, как идет... Хотя спорить с дедом хуже, чем быка за рога удерживать. Он и поездку-то эту затеял, чтобы сладить сговор. Рауль, хоть и был тогда маленьким, помнил, как после возвращения Шарло и Эстелы из Мунта дед при всем честном народе встал и поднял кубок за жениха и невесту. Тарве готов был поклясться, что для Тагэре это было полной неожиданностью, но после совместного путешествия и такого тоста он мог либо опозорить Эсту, либо преклонить колени перед ее отцом. Та-то была влюблена как кошка, даже он в свои двенадцать это понял. Дед был в восторге от того, что своего добился, всем казалось, что уж кто-кто, а Шарло и Эста друг на друга наглядеться не могут, а на двенадцатом году супружества все пошло прахом.

Рауль не сомневался, что у Шарля с Делией ничего не было, просто Эста любила Шарля сильнее, чем он ее, вот и вообразила невесть что. Людям свойственно искать причину чужой нелюбви не в себе, а в сопернике. Как бы то ни было, он Изо такой судьбы не желает. Да и не создана она, чтобы быть королевой, это уже сейчас видно, так что деда придется малость остудить... А может, ну его?! Просто взять да и не поехать и Филиппа не пустить, уж он-то точно не горит желанием оказаться в праздники под присмотром старших родственников. Что бы такое придумать?

– И долго ты собираешься так стоять?

– Шарло!

– Если уж ты тут и с мечом, грех не воспользоваться. Или устал?

– Что ты!

– Врешь, наверное. Ладно, передохни чуток, а потом я тебе погоняю. О чем думал?

– О деде.

– Не хочешь во Фло?

– А как ты догадался?

– А я тоже не хочу. Можешь смеяться, но меня Пьер из колеи выбил. Но я теперь себе не хозяин, придется-таки убить парочку ни в чем не повинных кабанов.

– Думаешь, Агнеса затеяла какую-то каверзу?

– Наверняка. Зачем просить о перемирии, если не собираться его нарушить. А может, не она, а Зенон или Жозеф. Мальвани остается в Мунте, если что, даст Пауку по лапам. А ты поедешь в Газльзу, фронтерцев пугать. Что смеешься?

– Я как раз пытался что-то придумать, чтобы и деда не сердить, и к нему не ехать. Филиппа со мной отпустишь?

– Считаешь, рано ему жениться? Я тоже так думаю. Отправляйтесь. Этьена я беру на

себя.

2870 год от В.И.

29-й день месяца Звездного Вихря.

Арция. Пантана

Зима превратила и без того дивные строения в оживший сон. Солнечные лучи играли в тысячах бриллиантиков, рассыпанных на нетронutom снегу. Серебряные ветви старой ивы обнимали сверкающие плечи мраморной девушки, выходящей из черной незамерзающей воды. Красногрудые снегири, копошащиеся среди ветвей, казались то ли кусочками утренней зари, то ли странными зимними яблоками.

Снегири, синицы и белки, вот и все. Когда-то тут жили, чувствовали, любили, ненавидели, а сейчас осталась лишь память, мираж, тень былого... Еще стоят причудливые дворцы и изысканные скульптуры, еще деревья, кусты, ручьи и озера помнят заветы хозяев и ждут их, но не дождутся. Пройдет еще лет двести или триста, и дикая природа возьмет свое, первыми позабудут травы, затем деревья и наконец камни...

– Ты тут? – тихонько произнес стройный мужчина в белом плаще.

– Да. – Ветви ивы расступились, пропустив высокого человека с отрешенным прекрасным лицом.

– Зря ты пришел. Прошное затягивает.

– Я его не боюсь. Моя беда со мной, но она никому не мешает. Что случилось?

– Не знаю. Какой-то странный звон. Очень далеко, на севере. Я еду.

– Мы едем.

2870 год от В.И.

29-й день месяца Звездного Вихря.

Арция. Мунт

Повар превзошел сам себя. Баранья нога, натертая мирийскими специями, была достойна богов, но Обен оттолкнул ее, словно кусок подгоревшей конины. Он сам не мог понять, что ему не нравится. В Мунте спокойно, никаких подозрительных чужаков. Народ уже празднует и немножко дерется. Пара пьяных дураков утонула в Льюфере, сгорела таверна «Лошадиный глаз», известный вор Жмаэль Заячья Губа забрался в особняк Бэрротов и утащил атэвское оружие. Короче, тишина и благодать. Тихо и на южной границе. Жозеф то ли холода боится, то ли тоже празднует. Мальвани выставил усиленные дозоры, а его людям можно верить даже в праздники. Рауль с Филиппом ускакали в Гаэльзу, если Джакомо и Агнеса попробуют что-то учинить, мало им не покажется. Рауль уже сейчас немногим уступает Шарлю и Анрио, а рвения у него по молодости и вовсе пруд пруди. Обен Трюэль старательно придумывал всевозможные неприятности, которые могли случиться, и отбрасывал их одну за другой по причине невозможности. Все было до неприличия благополучным.

Неужели все дело в том, что Тагэре вместе со Старым Медведем ускакал во Фло? Но что могло грозить Шарло в двух шагах от его любезной Эльты, в землях, всегда державших сторону Тагэре? Да и не один он там! С ним тысячи три нобилей, рыцарей и воинов. Конечно, от стрелы в спину и яда в бокале толпа не спасет, но в берлоге Фло такое вряд ли случится. Неужели он на старости лет совсем спятил и, как безумная мамаша, хочет, чтобы все детки были в куче и на глазах? Шарло Тагэре способен позаботиться не только о себе, но и о других, с ним, в конце концов, братцы Фло и Старый Медведь, так какого Проклятого!

Барон некоторое время с отвращением рассматривал остывающее мясо, а затем затряс колокольчик и проревел вбежавшему камердинеру:

– Разыщи мне Габриэля!!!

2870 год от В.И.

9-й день месяца Вепря.

Замок Ланже

Эдмону Тагэре было скучно. Дед третий день развлекал нобилей пирами и воспоминаниями о прежних деньках. Может быть, габладору и этому смешному мунтцу, которого с трудом уговорили снять так полюбившийся ему шлем, это и было интересно, но Эдмон-то слышал дедовы побасенки раз сто, а смотреть на дедовых гостей, угощающихся в замке Ланже, ему и вовсе надоело. Столько не едят! Однако северные нобили и столичные гости, похоже, и не собирались прекращать бесконечное застолье. Из тех, кто выехал во Фло, до Ланже добралась едва ли половина, остальные, хорошенько погуляв у Старого Медведя, разъехались по своим владениям. Отец тоже собрался в Эльту, и тут за ним увязалась целая стая. Эдмон любил деда, но тот мог бы и дома остаться! В который раз Эдмон пожалел, что не поехал с Филиппом и Раулем в Гаэльзу. Вот так всегда. Чтобы делать что-то интересное – маленький, чтобы сидеть за одним столом с нудными стариками – большой. Филипп старше всего на два с половиной года, и ничего. Себя бы в шестнадцать вспомнили...

Юноша с тоской посмотрел на лежащий перед ним кусок кабаньего мяса. Хоть бы охоту, что ли, затеяли. Да нет, об охоте на две кварталы придется забыть. Пролить кровь в дни равно-апостольной – дурная примета. Отчего-то в это время положено сидеть дома с родственниками, есть и спать.

– Эдмон, – голос отца вывел юношу из раздраженных раздумий о глупости зимних празднеств.

– Отец?

– Тебе, я вижу, скучно?

– Нет, но...

– Скучно, мне тоже скучно, но я хозяин. Ты здешние места хорошо помнишь?

– Конечно! Что я...

– Завтра мы выезжаем, даже если придется их из-за стола за ноги вытаскивать. А тут, как назло, разъезд Клода-Лошака застрял в Груоке. Должны были вернуться утром, но, видать, загуляли.

– Да, – жизнерадостно подтвердил Эдмон, – я знаю, у Клода в Груоке вдова есть, он всем про нее рассказывает.

– А ты больше слушай про вдовушек, – притворно нахмурился Шарло. – Короче, возьми десятка два латников и тащи этого обжору сюда. Они за фуражом посланы были, а не, – герцог задумался, – скажем, за грушами. Короче, бери ноги в руки. Можете заночевать в Груоке, но чтоб к полудню тут были, и сразу же выходим. Ужинать будем в Эльте.

Эдмон чуть не завизжал от радости, но сдержался и даже поклонился и, пробормотав «слушаюсь, монсигнор», выскочил из зала.

– Как посоланный, – беззлобно проворчал Старый Медведь, – давно его нужно было куда-то послать, а то извертелся весь.

– Думаешь, ему интересно в сотый раз слушать, как у тебя копьё на охоте сломалось и ты на кабана с мечом пошел? – шепнул Шарло. – Мне и то надоело.

– Тебе простительно, – заржал Старый Медведь, – ты на двадцать лет дольше слушаешь... Так вот, дорогие гости. Обложили мы эту свиньищу, все как положено....

2870 год от В.И.

9-й день месяца Вепря.

Арция. Груока

Вторую квартиру с моря дул влажный ветер, казавшийся ледяным, но на деле принесший оттепель. Снег намок, осел и начал отливать синим. Тяжелые слоистые облака, казалось, лежали на голове, делая и без того короткий зимний день еще короче. Когда они спустились с холма, Эдмон оглянулся на Ланже, над главной башней которого реяло отцовское знамя, и отчего-то захотел повернуть, но быстро подавил этот порыв. Еще не хватало! Так он еще десять лет будет слушать дедовы побасенки. Большое дело пригнать назад в замок пять десятков подгулявших стражников! Какими бы пьяными те ни были, слово отца для них

закон. И ведь он никогда ничего для этого специально не делал, так же как и Анри Мальвани. Интересно, что в Мунте? Неужели Жозеф и в самом деле рискнет напасть? Вряд ли. Отец считает его трусом, но трусом умным и хитрым, такой никогда не подставит собственное брюхо. А жаль, война с Ифраной – это то, что делает рыцаря рыцарем. Интересно, если с Лумэнами будет покончено весной, когда отец с Анри возьмутся за Ифрану? Летом или год подождут?

– Монсигнор!

Эдмон, словно проснувшись, уставился на рыжего сержанта.

– Что случилось?

– На дороге что-то неладно. Мародеры, похоже...

Бедняга Клод не загулял у подружки. Он честно пытался защитить фураж и лошадей, но силы оказались неравны. Обозников просто расстреляли из арбалетов и бросили на дороге. Несколько человек, не погибших сразу, пытались обороняться, но их задавили числом. Судя по следам, мародеров было человек сорок, и они совсем не таились. Видимо, по случаю праздников. То ли полагали, что пропавших не хватятся до завтра, то ли были малость подгулявшими и оттого наглыми. Как бы то ни было, убийцы, прихватив все подчистую, отправились прямо по эльтской дороге. Небо было чистым, и следы тяжело нагруженных саней четко виднелись на утоптанном снегу. Эдмон прикинул, что разбойники опередили их не больше чем на пару ор, и сержант с этим согласился.

Вообще-то бросаться в погоню не следовало. Лучше всего было выслать разведчиков, проверить, не болтаются ли в округе еще кто-нибудь, и отправить гонцов в Ланже, но Эдмон этого делать не стал. Разбойников не так уж и много, они явно не ожидают подвоха, и, в конце концов, ему уже давно пора попробовать на вкус настоящего боя. Отец был на полтора года младше, а уже участвовал в осаде Магженты, да и братец Филипп третий год при Рауле, а он чем хуже? И потом, Тагэре гордились тем, что на их землях добрые люди были в безопасности под охраной мечей своих сюзеренов, а тут прямо в разгар зимних праздников в сердце Севера какие-то мародеры грабят герцогский обоз! Эдмон не сомневался, что не пройдет и двух ор, как с негодьями будет покончено, а потом... Потом он уприсит отца отпустить его с Филиппом и Раулем в Гаэльзу и дальше, к фронтерской границе.

2870 год от В.И.

Ночь с 9-го на 10-й день месяца Вепря.

Эр-Атэв, Эр-Иссар

Причудливая вязь звезд начертала на темно-синей эмали мудрость Баадука, недоступную разуму смертных. Калиф Усман задумчиво тронул бровь кончиком пера. Воистину ночь дарована людям для раздумий, любви и разговоров о тайном, а день для всего остального, не столь возвышенного и потаенного, но необходимого. Жара спала, легкий ветер доносил ропот моря и дыхание роз. В эту ночь под полной луной зарождались сотня сотен новых жизней, что прочертят небо бытия подобно падающим звездам, прилетев из тьмы и канув в вечность. Смуглая рука потянулась к изящной песочнице, и золотистая струйка полилась на свиток с новыми газеллами, ведь благодатная ночь еще создана для стихов и песен, вянущих под беспощадным солнцем, подобно ночным цветам. Однако владыка атэвов не мог себе позволить тратить благодатные часы лишь на возвышенное. Нежный звон колокольчика, малиновый занавес раздвинулся, и перед калифом простерся подобный бледной жабе евнух.

– Приведи почтеннейшего Абуну, Малик, и проследи, чтобы то, что должно быть закрытым, было закрыто.

Евнух, пятясь, вышел, калиф вновь придвинул к себе свиток и чернильницу и углубился в чтение, время от времени касаясь остро отточенным пером хаонгской бумаги. Казалось, Усман полностью отдался этому занятию, однако застать его врасплох было не легче, чем кошку. Когда пухлая рука Малика коснулась занавеса, калиф стоял у окна, равнодушно глядя на звездное небо.

– Да пребудут ночи владыки владык исполненными соловьиных песен и аромата роз. Тот, кого повелитель пожелал видеть, тут.

– Пусть войдет, и горе тебе, если твое любопытство окажется длиннее твоего разума.

Евнух тенью скользнул за порог, и в комнату вступил высокий старик с непокрытой головой⁹⁴, чьи седины соперничали белизной с одеянием.

– Приветствую тебя, почтеннейший, – в голосе Усмана не было и намека на прежние лень и высокомерие.

– Да продлит Баадук дни повелителя. Ты звал, и я пришел.

– Абуна, твоя мудрость может сравниться лишь с твоей смелостью. Ты знаешь, зачем я оторвал тебя от созерцания звезд?

– Проследить путь мысли калифа труднее, чем след рыбы в воде и птицы в небе, я могу лишь догадываться. Лев Атэва хочет знать о волках Арции.

– Ты не ошибся. Но я хочу большего. Я хуже тебя понимаю язык звезд и не столь хорошо помню слова древних, но во мне течет кровь Майхуба. Будет то, что будет, но я должен знать, мой ли сын протянет руку названному «Последним из Королей»?

– Мой мозг и мое сердце открыты для повелителя, и он видит, что я не могу сказать больше, чем скажу. Звезды лишь предполагают, но не приказывают, и судьба каждого человека подобна дикой кобылице, иного она несет, не разбирая дороги, иному покоряется...

Небо и земля ополчились на тех, в ком течет кровь сгинувшего дея⁹⁵ Арраджа. Каждый новый день бросает горсть песка во व्यюки верблюдов их судьбы. Мне не дано знать, дойдет ли их караван до благодатного оазиса или последний дромадер упадет со сломанным хребтом, придавив собой наездника. Звезды сулят владыкам Севера войны, предательства, распри и ненависть. Нет испытания и искушения, которое бы отвратило от них свое мерзкое лицо, но и их звезды стоят высоко.

– Значит, – перебил ученого калиф, – их бой не безнадежен?

– Победа над своей бедой предвещает победу над всеми бедами, – склонил голову старый астролог.

2870 год от В.И.

Ночь с 9-го на 10-й день месяца Вепря.

Арция. Замок Ланже

Темно-синее небо с острыми стальными звездами, тяжелый снег внизу... Он сам не знал, зачем поднялся на башню. Внизу пировали гости, им было весело. Какое там весело, они были просто в восторге. Каждый по-своему, но в восторге. Этьен своего добился. Он умрет или тестем короля, или дедом. Рауль с Леоном... Ну, у братцев все просто. Отец всегда прав, а если отец не прав, тогда прав Шарль Тагэре. Теперь же, когда они со Старым Медведем перестали спорить, его сыновья пребывают в состоянии любви ко всему сущему и полном душевном согласии. Мунтские гости счастливы, потому что в гостях у самого регента и наследника, а местные нобили рады, что он не променял их на столичных хлыщей. Кажется, он угодил всем, аж противно... Интересно, видны ли из Фей-Вэйи звезды? То есть не из Фей-Вэйи, а из кельи Сола. Может быть, она тоже смотрит на небо, хотя вряд ли... Сейчас ей не до небес, ежегодный съезд сестринства, а Сола состоит при особе свихнувшейся Виргинии. Пока капуста не разлетится, ей и вздохнуть некогда будет.

Тот человек на коне говорил, что Циаала была злом, и Шарль ему верил. Не мог не верить. То заклятье, которое погубило Солу, родилось в ордене, и не только оно одно. Если б он мог вырвать ее из рук Церкви, но это невозможно, да и сам он не свободен. У него нет выбора, вернее, он его уже сделал окончательно и бесповоротно.

⁹⁴ В Атэве ученые имеют право не покрывать голову даже в присутствии калифа.

⁹⁵ Дей (атэв.) – король.

Становилось холодно, но герцогу не хотелось спускаться в жаркий, пропахший вином и жареным мясом зал. Ему вообще не хотелось никого видеть, впрочем, его желания никто не спрашивал. Слово «должен» для Шарля Тагэре давно заменило слово «хочу». Это Филипп с Эдмоном пока не понимают, что быть Тагэре – это не иметь права быть собой и при этом (извольте-ка это совместить!) никогда себя не предавать... Шарло невесело ухмыльнулся. Воистину, зимняя ночь располагает либо к пьянству, либо к философии. Впрочем, завтра он уже будет дома. Дома? А есть ли у него дом? Тагэре и Эльта – его владения, но дом – это то, куда хочешь вернуться. Он не хочет возвращаться.

Глаза регента Арции бездумно шарили по снежной поверхности. Стоявшие на других башнях дозорные, видимо, в эту ночь предпочли бы оказаться среди пирующих. Их не занимали вопросы о тщете бытия, поэтому первым всадника увидел Шарль. Кто-то нещадно гнал коня от леса к замку. Это было странным. Гонец? Но гонец мог прискакать либо из Мунта, либо из Фло, на худой конец из Эльты, но никак не со стороны тихой лесной дороги, где до самой Агаи нет ничего, кроме небольших деревень, видящих десятый сон.

Никакие предчувствия герцога не посетили, ему просто стало любопытно. Ночной гость отвлекал от дурацких мыслей и давал право не присоединяться к пирующим. Шарло успел к воротам, как раз когда стражники выясняли, кого принес Проклятый. Видимо, ответы их устроили. Заскрипели петли, дернулись и нехотя полезли вверх прутья органки⁹⁶, пропуская кое-как одетого всадника на дрожащем взмыленном коне. Шарль его не знал, но часовые сразу же назвали имя. Ги скоро год как служил в замке и был одним из тех, кого взял с собой Эдмон. Но в каком же он был виде!

2870 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Тагэре

Габриэль не понимал беспокойства барона, но приказ есть приказ. Хоть и неохота было выезжать в канун праздников из Мунта, где мириец присмотрел себе симпатичную мещаночку, но он был слишком многим обязан Обену. Взявшись же за что бы то ни было, Габриэль все делал на совесть и, хоть и полагал поездку зряшной, покрывал за день не меньше полутора дна и через полторы кварталы был в двух весах от Ланже, куда, как он выяснил в пути, занесло герцога Тагэре. Ехал прознатчик не скрываясь. В Арции было тихо, да и не боялся он разбойников. Он вообще мало чего боялся и поэтому, налетев на вооруженный до зубов разъезд, скорее удивился, чем испугался. Его заметили с холма, дорога вилась среди заснеженных полей, сверху было все как на ладони. До леса было слишком далеко, а драться бесполезно, да и глупо.

Габриэль немного подумал и, решив, что это скорее всего люди Тагэре, которым надоело пировать, в ответ на недвусмысленный жест начальника остановил коня. Поджидая стражников, мириец прикидывал, говорить ли о цели своего путешествия или же притвориться обывателем, едущим в Эльту по неотложному делу, но судьба преподнесла ему сюрприз.

Разъездом командовал Гийом, который не раз провожал его сначала к Фарбье, а затем и к Агнесе, а под светло-серыми зимними плащами виднелись алые лумэновские туники. Ничего не понимая, но стараясь выглядеть всезнающим и спокойным, прознатчик поздоровался так, словно был ужасно рад встрече. Самое удивительное, что Гийом отнюдь не удивился, увидев его, а лишь обронил, что он приехал вовремя. Ее Величество как раз ждет важных известий и весьма взволнована. Новости из Мунта ее немного развлекут. Тревожась все сильнее, Габриэль пошутил, что, хоть и надеялся на встречу, до конца в нее все-таки не верил.

– Мы сами не верим, – охотно откликнулся Гийом, – тут уж или в стремя ногой, или в

⁹⁶ Органка – подъемная решетка из полых металлических труб, напоминающих трубы органа.

пень головой. Маршал клянется, что все сойдет гладко, но я бы пока «виват» не кричал. Ваш конь устал, садитесь на запасного. Я провожу вас, тем более с этой стороны вряд ли можно ждать неожиданностей.

Габриэль молча перебрался на приведенного ему коня. Происходящее нравилось ему все меньше, но он слишком хорошо знал свое ремесло, чтобы это показывать. Лошади бежали крупной рысью, Гийом выспрашивал о том, что творится в Мунте, мириец отвечал. При известии о том, что Мальвани даже в праздники высылают разъезды, причем не только на юг, лицо сигуранта Агнесы скривилось.

– Что поделаешь, – вздохнул Габриэль, – маршал не любит праздновать.

– Да, это мы не учли.

Прознатчик промолчал, делая вид, что ему что-то попало в глаз. Гийом любил поговорить, что, с точки зрения мирийца, было величайшим благом. Сообщенные лумэновцем сведения были бесценны, но бесполезны. Как противозачаточное зелье, доставшееся готовой вот-вот разродиться девице.

В голове Габриэля билась одна-единственная мысль. Обен был прав! Он опять оказался прав, но от этого было не легче. Показался лагерь, укрытый между двумя перелесками, и лазутчику Обена стало страшно. Это была армия. Не менее десяти тысяч человек. Эскотцы, фронтерцы и арцийцы из числа сторонников Агнесы и родичей погибших при Кер-Оноре. В мгlistом свете зимнего утра палатки и флаштоки казались призраками, мириец дорого бы дал, чтобы они растаяли с первыми лучами солнца, но этого не происходило, да и не могло произойти.

Королевская палатка стояла в окружении целого леса сигн. Прознатчик узнал белого оленя Стэнье, борзую Тартю, орлиную лапу Гартажей и три звезды Крэсси, не говоря о полном собрании застиранных кошачьих тряпок⁹⁷ и королевском штандарте, хотя законный обладатель его мирно спал в Речном Замке. Но из множества цветных полотнищ Габриэль видел только одно. Ветер лениво трепыхал полотнище, и фантастический змей словно бы шевелил крыльями. Батар! А у Тагэре от силы две тысячи человек, правда, Ланже неплохая крепость, а привести подмогу из Эльты и Тагэре дело пары дней. Но неужели герцог до сих пор ничего не знает?! А откуда ему знать?! Ведь перемирие... Откуда же они пришли? Наверняка из Эскоты через перевал и дальше Старым трактом... Как же их не заметили? Магия? Лень? Предательство? Или просто несчастливое стечение обстоятельств?

Обен, какой же ты умница, но почему ты не оказался еще умнее?! Почему ты послал его вдогонку за Шарло Тагэре, а не по следам беглого маршала?! Конрад привык бить наверняка, он долго ждал и, похоже, дождался. Как же не вовремя! Ну да еще не вечер. Сейчас главное ускользнуть из лагеря. До Ланже не больше четырех вес, он успеет предупредить. Агнеса, похоже, подошла не раньше вчерашнего вечера, вряд ли они сразу рванутся на приступ. Скорее всего попробуют перехватить герцога в пути. Проклятый, хоть бы Дыня отказалась его принять... От Гийома он отвяжется запросто, подвоха от него не ждут, как же, свой, проверенный, семь лет проверяли, ни разу не солгал.

– Ее Величество примет вас прямо сейчас.

Так. Этого еще не хватало! При всем честном народе, значит, она уже ничего не скрывает и ничего не боится. Это глупость или уверенность? Если с ней Батар, уверенность. Вот уж кого нужно повесить вверх ногами. Мразь злокозненная!

Габриэль картинно рухнул на колени перед королевой, успев заметить, что та немного пополнела, нос у нее красный от мороза, а волосы под шлемом тщательно уложены. Вообще-то, не считая замерзшего носа, королева выглядела неплохо, но лазутчик был слишком пристрастен.

– Сигноры, – ну, конечно, усы растут, говорит басом, так теперь еще и доспехи

⁹⁷ Намек на клан Фарбье, с сигн представителей которого по специальному королевскому указу были убраны кошачьи лапы.

нацепила, – разрешите представить человека, хранившего нам верность семь лет и не рисковавшего жизнью. Сегодня Мы производим его в рыцари и жалует ему одно из северных баронств. А сейчас он расскажет о последних событиях в Мунте.

Так, шкуру неубитого волка они уже поделили. Значит, он будет арцийским бароном? Всю жизнь мечтал!

– Ваше Величество, эта награда не по мне. Я плебей, и не мне равняться с нобилиями. Разрешите мне служить вам так же, как и раньше.

– Встань, Габриэль. – Не иначе начиталась старых хроник, говорит как по-писаному. Иволгу⁹⁸ из себя корчит, Дыня перезрелая! – Благородство не всегда сопутствует знатности. – Точно начиталась! Он даже помнит этот свиток. – Ты заслужил титул и владения. Тем более твоя старая служба сегодня кончается. Мы больше не изгнанники, нуждающиеся в услугах лазутчика. Мы покончим с Тагэре. Наш супруг займет свое законное место, мы же будем его неустанно опекать до его кончины. Мы молим Творца и святую Циалу, чтобы они отдалили ее елико возможно.

«Как же, поверил! Ждите. Ты всегда ненавидела Пьера, если кто его и любит, это Шарло...»

– Ваше Величество, тогда позвольте мне первому пойти в бой с вашей лентой на рукаве, – кажется, в таких случаях говорят что-то похожее...

– Вы опоздали, барон Ланже, – милостиво улыбнулась королева, – бой уже идет. Мы ждем лишь знака, чтобы замкнуть кольцо. Но мы не отпускаем вас от своей особы. Пусть свою преданность доказывают молодые, а вы ее уже доказали. – Агнеса протянула ему руку с широким костлявым запястьем, которую никакие перстни и притирания не могли сделать соблазнительной, и мириец, ничего не чувствуя, коснулся ее побледневшими губами. Со стороны это выглядело совершенно верноподданнически, но прознатчик, впервые за двенадцать лет беспорочной службы, не подумал, на кого он похож. С трудом справившись с охватившей его паникой, он отошел на указанное место. Бой идет? С кем? Что там, за лесом? И, Проклятый, сколько же их здесь?!

Но школа барона Обена все же сказалась. Габриэль жадно поглощал сведения, хотя половина из них и казалась раскаленными угольями. К королеве подъезжали гонцы, она говорила с нобилиями, подошел маршал Батар, длиннолицый, надменный... Королева, жеманясь, оперлась на его руку. С ними все понятно, будь они прокляты во веки веков. Еще один гонец. От барона Лиффо, если он не ошибается... Они таки выманили Шарло в поле!

Подонки! Мало того, что перемирие нарушили, еще и в цвета Тагэре переоделись. И бога предали, и честь, ну да что им до этого, лишь бы по их вышло! А может, убить Батара? И королеву заодно? Нет, не выйдет. Они в доспехах, а вокруг толпа охранников. Да и не поможет это. Худшее уже случилось. Шарль Тагэре попал в западню, остается надеяться лишь на его меч и на то, что он не растеряется. В конце концов, это его земля. Он ее лучше знает. Только бы он догадался прорываться к лесу.

Сейчас он сцепился с арьергардом, как понял Габриэль. Их тысячи две, детки погибших в Кер-Оноре. Мстители, Проклятый их побери. А Агнеса выжидает, пока появится старик ре Фло. Ей, вернее Батару, нужно, чтоб не ушел никто. Но Мальвани и Филиппа с Тарве они не получают, даже если случится худшее. Габриэль мысленно себя оборвал. Нельзя заранее никого оплакивать. Тем паче Шарло Тагэре. Он всегда был умнее Батара, даже с поправкой на его подлость!

2870 год от В.И.

10-й день месяца Венря.

Тагэре

Заговорщиков выдал ветер, принесший отдаленный сигнал. Герцог его узнал и

⁹⁸ Иволга – прозвище, данное народом королеве Гортензии.

усмехнулся, хотя это и была смерть, а может быть, именно поэтому. Они все-таки заманили его в западню, заманили тогда, когда он ожидал этого менее всего. Победители великодушны, они не могли не заключить перемирие, а о том, что Старый Медведь потащит всех в гости, догадался бы любой, кто знал Этьена ре Фло, а Конрад Батар знал. Друг детства, вице-маршал Арции, всю жизнь мечтавший стать первым, но так и оставшийся третьим. Сегодня он станет вторым, если они не вырвутся.

Проклятый, как же все просто. Напасть на разъезд, подождать, пока Шарль очертя голову кинется на выручку, натравить на него родичей погибших в Кер-Оноре, дать увязнуть в бою и замкнуть кольцо. Для мальчишек он – убийца, что им перемирие, заключенное с Агнесой! Они считают себя судьями. Как просто втравить молодость в драку, нужно лишь вовремя шепнуть нужные слова...

Молодостью всегда жертвуют, она тот хворост, который бросают в болото, чтобы перейти через него. И ведь ничего не исправишь. Остается только ждать Этьена. Старик ничего не поймет и с ходу угодит в капкан. Его пропустят, ведь это входит в планы Батара. Погибнуть должны все, не только Тагэре, но и ре Фло и пришедшие с ними нобили. Даже смешной габладор и глава столичного ополчения в своем нелепом шлеме.

Как только Этьен увязнет, ловушка захлопнется и начнется избиение. Но Конрад все же третий, а не первый! Только бы старик прорвался, а дальше не его дело. Шарль Тагэре сумеет вывести своих. И Анри бы сумел, а возможно, и малыш Рауль. А вот Леон с Этьеном слишком рыцари, они смогут лишь красиво умереть. Что ж, будем драться и ждать, ждать и драться, Конрад обязательно кого-то пошлет во Фло, чтобы выманить сюда всех, кого можно и нельзя...

Рыцарь в золоченых дарнийских доспехах горделиво вышел вперед, и Шарло узнал сигну. Золотое дерево на зеленом поле. Барон Лиффо, сын одного из убитых в Кер-Оноре. Надо полагать, вознамерился отплатить убийце своей рукой.

Проклятый, какой дурак! Он же ничего не умеет, ничегошеньки. Шарло легко отвел меч противника в сторону. Следующий удар герцога был бы смертельным, но Тагэре отступил. Парень не понял, что был на волосок от смерти, и опять полез вперед. Отец слишком рано погиб, чтобы обучить сына хоть чему-то, хотя Лиффо, помнится, никогда не был в числе лучших. Опять нарывается, прости господи! Так легко убить, но... Рука не поднимается, зачем ему еще и эта смерть! А барончик еще и вояк своих остановил, своей рукой хочет... великий воитель!

Шарль отбил бездарный выпад. Еще один. И еще! Мальчишка махал мечом, как палкой. Даже хуже. Если с ним ничего не делать, у него рука через десятинку онемееет. Один удар глупее другого. Заговорить с ним? Хотя он вряд ли способен слышать, ишь как распетушился, но не убивать же его. Оглушить, что ли... Попробовал достать снизу, да знает ли он вообще, как это делается?! И еще что-то кричит, сам себя подбадривает. Тагэре перебросил меч в левую и перехватил правой руку юного барона.

– Уймись, парень, и без тебя тошно!

– Убийца, – взвизгнул мальчишка.

В конце концов, в бою все равны. Полез – сам виноват, и все равно... Как же зовут этого осла? Они же с Филиппом одногодки, а этот, кажется, еще и последний в роду. Тагэре с силой отшвырнул от себя юношу. Тот грохнулся на спину и задергал руками и ногами, как пытающаяся перевернуться черепаха. Латы мешали, но ярость и молодость взяли свое. Еще больше освирепев от унижения, барончик бросился вперед, Тагэре, чертыхнувшись, приготовился отбить выпад, но мальчишка поскользнулся и сам насадил себя на меч, который Шарло не успел отвести.

2870 год от В.И.

10-й день месяца Венря.

Тагэре

Старый Медведь не мудрствовал лукаво. В таких делах все решают внезапность и сила

удара. Те, кто заманили Шарло в ловушку, не думали, что к нему подоспеет помощь, да еще так скоро. Даже заслонов со стороны дороги не выставили, одно слово, щенки бесхвостые! Глядя из-под латной рукавицы на кипящий впереди бой, Этьен наспех просчитывал ситуацию. Понятно! Шарло вцепился в холм перед озером, а эти недоноски пытаются его оттуда скинуть. Их больше раза в три, небось уже руки потирают. Ну, сейчас он им задаст! Сначала вызволим Шарло, ну а потом развернемся и покажем этим предателям, где раки зимуют. Оттепель стоит вторую квартиру. Загнать мерзавцев на лед, пускай поплавают!

Ре Фло был почти доволен тем, что случилось. Теперь даже Шарль и тот не заикнется о всяких там перемириях и прощениях. Давить, и вся недолга, одна беда – Эдмон! Вспомнив о внуке, Этьен помрачнел. Шарло-то он вытащит, но вот что с мальчишкой?! Если с ним, не приведи святой Эрасти, что-то произошло, он этим пащенкам самолично головы поотворачивает, ну да будем надеяться на лучшее. Не попав в хорошую передрыгу, настоящим рыцарем не станешь. Скорей всего Эдмон уже с отцом и Раулем, а те за ним присмотрят.

Оторвав взгляд от свалки, Старый Медведь с удовлетворением оглядел своих молодцев, выстроившихся клином.

– Отец, – Леон уже опустил забрало, – все готово.

– Вижу.

Сердце старого вояки билось сильно и ровно. Не было ни сомнений, ни неуверенности в себе. Впереди еще один бой. Еще одна победа. Не такая впечатляющая, как при Эдане или Тон Нуэрж, но необходимая и, возможно, последняя в этой войне. Этьен ре Фло махнул рукой в стальной рукавице, и клин, состоящий из пяти десятков рыцарей, острием которого были сам Старый Медведь и следующий за ним как пришитый Леон, врзался в строй невесть откуда взявшихся в сердце Тагэре лумэновцев. Знаменитая секира ре Фло взлетела, обрушилась на шлем какого-то незадачливого вояки и вновь поднялась, обагренная первой кровью. Громко и грозно провыли боевые трубы. Противник, застигнутый врасплох, заметался по равнине, но Старый Медведь рвался только к одной цели – невысокому холму, над которым реяло знамя с серебряными нарциссами.

2870 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Тагэре

Ветер принес зов трубы. Этьен! Сколько понадобится ему, чтоб пробиться? Пол-оры? Не больше. Рука затекла, ну да ничего, продержимся. Шарль уже не смотрел, с кем дерется, было не до жалости. Он убивал как можно проще и быстрее. За спиной слышались шум, вскрики, звуки падения. Может, Рауль и не был великим стратегом, но в здешней своре равного противника ему не находилось. Равных-то не было, но как же их было много! Что ж, Шарло Тагэре, теперь ты знаешь, что чувствует медведь, когда его рвет стая гончих. А это еще что такое? Шарль даже не увидел, а почувствовал кого-то сбоку, молниеносно нанес удар и, даже не оглянувшись на того, кого убил, повернулся еще к двоим.

Трубы Фло запели ближе. Кажется, все случится намного быстрее! Или щенки выдохлись, или им велено пропустить старика ре Фло... Да нет, вряд ли. Батар умен. Он никогда не назовет кошку кошкой. Просто придет на помощь несчастным детям, атакованным армией Тагэре. Ничего, сейчас они развернутся и ударят со всей силы в сторону от дороги. Даже если там засада, тем, в лесу, не успеть замкнуть кольцо. Батар наверняка решил, что они станут добивать нахалов, а не бросятся наутек. Фло не отступают. Тагэре тем более. Но сейчас отступление – это единственный выход. От бешеной собаки можно лишь бежать. Ни Тагэре, ни даже Ланже с ходу не взять. Вряд ли Агнеса собрала больше десяти тысяч, у нее просто денег не найдется, а на обещания клюнет разве что самое отребье.

Шарль продолжал рубить направо и налево, прислушиваясь к приближающемуся лязгу и топоту. Он еще никогда не уступал Лумэнам в битвах, он бы выстоял и сейчас. Вдруг что-

то липкое и бестелесное словно спеленало его ноги. Затем холод рванулся вверх, к руке, к сердцу... Шарль Тагэре неуклюже повернулся, открываясь перед противником, еще одним сыном погибшего в Кер-Оноре, и тот возможности не упустил... Это был барон Эж. Сигна – две гончие, бегущие по алому полю...

Так вот как были убиты Жан Фарбье и остальные! Мальчишки ни при чем, хотя те, кто выживут, будут хвастать, что отомстили за отцов. Но Этьен их не выпустит... Несчастные дураки, нарушившие перемирие. У них и жен-то еще нет, а они уже мертвецы. Или вот-вот ими будут.

Боли Шарло не чувствовал, смертельные раны редко болят. И слов, срывающихся с перекошенного рта торжествующего барончика, сразившего самого Шарля Тагэре, он не слышал, хотя и догадывался, что тот кричал. Шарло оставался в полном сознании. Если б рядом были свои, он бы успел сказать то важное, что могло помочь тем, кто оставался, но единственным другом в этом аду был Рауль де Фло, которого теперь наверняка убьют в спину. Если уже не убили. А враги не поймут, не захотят понять, не позволит глупость и гордость. Им хочется считать себя победителями, а не куклами в руках бледного зла.

Шарль Тагэре Аррой, герцог Эльты, регент Арции и наследник престола, умер молча. Его последняя мысль была не о похоронившей себя в монастыре Соланж и не о семье. Шарло мысленно выкрикнул совсем другое имя, имя, которого в Арции не называли много лет. Умирая, он звал Геро, женщину-кошку, спасшую его в юности. Звал, потому что в последние свои мгновенья увидел наползающее на Арцию зло, от которого уже не мог никого защитить.

Эстель Оскора

Не знаю, что на меня нашло, но я не могла больше здесь оставаться. Солнышко светило, бабочки летали, цветочки пахли, Эрасти сидел, обхватив колени руками, и смотрел в небо, меня же охватило какое-то неистовое бешенство. Я возненавидела и этот сад, и могущественного мага, изображающего из себя раздавленную жабу. Все! Хватит! Я возвращаюсь, и будь что будет, но сначала я выскажу Эрасти все, что думаю.

Он повернулся ко мне без особого желания, но на этот раз мне не было дела до его высоких чувств.

Проклятый

Геро что-то сказала, и он с усилием вернулся в настоящее. Странно, такой он ее не видел. В серых глазах не было ни сочувствия, ни понимания, только ярость и боль.

– Что с тобой? – Он попытался взять ее за руку, но женщина с неожиданной злостью ее отдернула.

– Ничего, кроме того, что я чуть не превратилась в такую же самовлюбленную бестолочь, как и ты!

– Геро...

– Я уже и сама не знаю, сколько лет как Геро. Правда, не знаю, потому что, пока я прыгала вокруг тебя, в мире, который ты поклялся защищать, прошло Проклятый... Тьфу ты... Прошло неизвестно сколько лет. Когда ты соизволишь забыть о своей утрате, в Арции и спасать-то нечего будет.

Он словно бы во сне слушал ее злые, резкие слова и постепенно начинал понимать и то, о чем она говорит, и то, что она права. Во всем права!

– Ах, тебя предал друг! – Лицо Геро было белым от бешенства. – Тебя предала подруга! А ты сам?! Разве ты не предал Ларэна? Не отдай он тебе Кольца, он, может быть, и справился бы с этой тварью из моря. Он понадеялся на тебя, а ты все забыл ради этой... Циалы! Правильно она сделала, что тебя бросила!

– Геро!

– Не хочешь, не слушай. Сад большой. Я за тобой по кустам гоняться не буду. Мне пора возвращаться. Сделаю, что могу. Мне до тебя далеко, но мне не наплевать, что там

происходит. Ты думаешь, ты один способен любить? Да что ты знаешь о любви?! Что ты сделал во имя своей любви? Носился с ничтожной бабенкой, во всем ей потакал, хотя мог взнудать ее, она бы и пикнуть не смела, а потом не дал ей самую главную цапку. И в придачу забыл о том, ради чего ты должен был жить. Пока я тебя не знала, я злилась на Рене, который бросил все и ушел с Зализью. Он меня любил и лгал, что вернется, но любовь не превратила его в ничтожество. Он себя не предал, а значит, и меня. Я его любила таким, как он есть, не требовала от него стать другим, но и сама другой не становилась. Я знала, куда и зачем он уходит, и я его не удерживала. Это был его долг. Это была его судьба. А твоя судьба в чем? Сидеть под деревом и рыдать о несбывшемся?! И кто ты после этого?! Скажи мне, кто?! А, что с тобой говорить, – она махнула рукой, – ты не только не маг, ты даже и на человека-то не тянешь. Так, существо без костей... Прощай.

Она повернулась и пошла, почти побежала среди цветущих кустов. Он молча смотрел на качающиеся ветви, сомкнувшиеся за ее спиной, а потом вскочил и бросился следом.

2870 год от В.И.

Ночь с 10-го на 11-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Анри Мальвани разбудил далекий детский плач. Младенцев в доме не было уже лет восемь, и маршалу сначала подумалось, что ему все приснилось, однако плач продолжался, захлебывающийся и безнадежный. Анри приподнялся на локте, пытаясь понять, какая ора. Камин уж не светился, дрова прогорели до конца. Стояла какая-то особо вязкая тьма, дом спал, спали люди и вещи, рядом тихо дышала Миранда, а со стороны окна неслись и неслись приглушенные двойными зимними рамами прерывистые судорожные звуки. Неужели кому-то пришло в голову в такой холод бросить ребенка прямо на площади Ратуши?! Анри, чтоб не тревожить жену, перескочил через спинку кровати и стремительно, но совершенно бесшумно оделся. Пытаться что-то разглядеть сквозь замерзшее стекло не имело смысла, и маршал, накинув подбитый мехом плащ, вышел на улицу. Лицо обожгло холодом. Вечером шел снег, но теперь облака разошлись. Полнолуние было всего два дня назад, и пустынную площадь заливали потоки серебряного света. Похоже, с той поры, как прекратился снегопад, по пушистому белому ковру не прошел ни один человек.

Анри глядел на окружившее его белое безлюдье и вдруг почувствовал себя бессмертным и бесконечно, невероятно одиноким. Захотелось поднять голову к черному небу и завывать протяжно, по-волчьи, призывая навеки ушедшее, утопая в волнах лунного света, как в омуте. Он не понимал, что с ним происходит, просто сердце, которое так часто называли тигриным, рвалось от дикой, древней боли, не доступной ни людям, ни зверям. На грешную землю маршала вернул новый отчаянный вопль. Не смягченный хаонгскими стеклами, он уже не казался детским криком. Где-то поблизости плакала кошка. Анри облегченно вздохнул, но на звук все же пошел. Нельзя сказать, чтоб маршал Арции был в восторге от мелких родичей своего геральдического покровителя, но, если просят о помощи, спаси, даже если это кошка или воробей, тем паче он все равно проснулся и вышел на мороз.

Мальвани перешел через площадь, обогнул ратушу и оказался на улице Святого Мишеля, дальним концом упиравшейся в Замок Святого Духа, а ближним во дворец Анхеля. Здесь был главный вход в Ратушу, перед которым высилась колонна, увенчанная гербом славного города Мунта⁹⁹. В вышине расправляли заиндедеввшие крылья Орел и Ворон, а у подножия колонны сидело несколько кошек – темные хищные тени на белом снегу. Вскинув острые морды к черному, как и они сами, небу, твари тянули свою извечную песню, похожую то на плач, то на издевательства.

Анри с удивлением смотрел на столь неестественное по зиме сборище. Кошачьими

⁹⁹ Орел и ворон – герб Мунта. Щит разделен на две половины. На черном – золотой орел, на золотом – ворон.

песнями в месяце Агнца никого не удивишь, но зимой, да еще после снегопада, когда с ходу промочишь нежные лапки... Внезапно одна морда обернулась к маркизу, затем другая, третья. Звери оставили Коронный Столб и двинулись к гостю, а из их глоток вновь вырвался душераздирающий вопль. Сам не понимая, что делает, маршал Арции присел на корточки и протянул руку, под которой тут же оказалась лоснящаяся спинка, кошки с воплями кружили возле него, задирали морды к луне, припадали передними лапами к снегу и орали что-то безнадежное. Словно оплакивают кого, подумал Анри, не отрывая взгляда от загадочных хищников. Он не заметил, сколько просидел с ними, но луна теперь висела прямо над колонной, и каменный ворон на ее фоне казался живым. Внезапно кошки замолкли, прижав уши, и стремительно кинулись в тень. Кто-то шел к ним, Анри явственно услышал скрип снега. Странное дело, его самого звери не испугались. Мальвани легко поднялся, положив руку на эфес меча, и как раз вовремя, из-за колонны вышла высокая тень в остроконечном капюшоне. Клирик! Или одет как клирик. Но, похоже, один. Что ж, посмотрим, кому еще не спится.

Маршал шагнул вперед, фигура в капюшоне остановилась, словно приглядываясь, а потом двинулась к нему. Проклятый! Не может быть! Епископ Илларион. В такую ночь, один, здесь? Хотя почему бы Его Преподобию не прийти туда же, куда принесло маршала Арции.

– Монсигнор Мальвани... – Так, он его тоже узнал. – Вы? Здесь? В такую пору?

– Так же как и вы, Ваше Преподобие, – поклонился маршал, – впрочем, моему появлению есть весьма прозаическое объяснение. Мне показалось, что я слышу детский плач. Я решил, что к Ратуше подбросили младенца, но, видимо, ошибся. – Анри сам не понял, почему не сказал про кошек. Сейчас Илларион увидит их следы и, смеясь, заметит, что младенец, видимо, был с хвостом и о четырех ногах. Анри глянул вниз и не поверил своим глазам. На снегу были только человеческие следы. Его и епископа.

2870 год от В.И.

11-й день месяца Венря.

Арция. Эльта

Их заперли отдельно от других. Наверное, потому, что они были самой ценной добычей. Эдмон граф Рунский, второй сын герцога Тагэре, старый Этьен ре Фло, его старший сын Леон, несчастный габладор с белым творожистым лицом, глава мунтского ополчения мэтр Жарвье, так и не расставшийся со своим шлемом, и двое нобилей, внук и наследник графа Койлы виконт Иданский и барон Валлок, огромный и грузный, как чинтский бык. Они молчали, частично от усталости и отчаянья, частично потому, что в подвале пригородной харчевни, куда их втолкнули, расположилось полдюжины эскотцев.

Старый Медведь в иссеченных доспехах кое-как пристроил разболевшуюся ногу на кипу веревок и, насупясь, смотрел в угол, где не было ничего, кроме крысиной норы, обитатели которой, похоже, не спешили познакомиться с захватчиками их вотчины. Леон сидел рядом с отцом, и на его резковатом лице не читалось ничего, кроме бесконечной усталости. Габладор пытался молиться, Жарвье Эдмон не видел, его загораживали какие-то бочонки, Иданнэ и Валлок сидели, откинув головы назад, то ли спали, то ли делали вид.

Время шло медленно, пламя стоящих перед стражниками свечей словно бы замерло, Эдмон бездумно следил за желтеньким слабым огоньком. О смерти отца он уже знал, но не верил. Нет, умом он понимал все, но в шестнадцать лет больше доверяют сердцу, а сердце отчаянно противилось самой мысли о том, что герцог мог умереть. В подвале было сыро и холодно, сваленные в кучу вещи в полутьме казались скарбом какого-то сумасшедшего колдуна. В углах пряталась темнота, Эдмон никогда не боялся ночи, но сейчас ему было не по себе, да и холод давал себя знать все сильнее и сильнее.

Если так пойдет и дальше, утром они все будут стучать зубами, пусть и не от страха. Так вот какие они, плен и поражение! Холод, пыль и пустота в душе. Ни отчаянья, ни ярости, ничего, даже страха и того нет. Если так просидеть всю ночь, к утру перестанешь понимать,

на каком ты свете. Сколько же времени прошло? Свечка сгорела едва ли на треть. Эскотец в полосатом плаще с ненавистью посмотрел на Эдмона, наверное, тоже замерз. Но сторожей через ору-другую сменяют. Может быть, если закрыть глаза, время пойдет быстрее? Эдмон попробовал. Лучше не стало, но он стоически боролся с желанием посмотреть, сколько же осталось от проклятой свечки. Вроде бы такой хватает на ору с четвертью.

Потом раздался какой-то шум, дверь с треском распахнулась, вошли эскотцы и с ними длинный и тощий клирик-никодимианец, похожий со своей тонзурой, обрамленной длинными сероватыми космами, на облетевший одуванчик. Полосатики¹⁰⁰ принялись деловито сгребать к стенке всяческое старье, освобождая место. Затем втащили плетенный из ивняка стул. Клирик немедленно уселся, торопливо раскрыл потрепанную Книгу Книг и уткнулся в нее унылым грушевидным носом. Вряд ли в скачущей полутьме он мог разобрать хоть слово, скорее всего просто прятал взгляд. Один из стражников, рыжий румяный детина лет тридцати, случайно попавшийся на глаза Эдмону, торопливо отвернулся. Наверное, это что-то значило, но странная летаргия, охватившая юношу после боя, помешала ему задуматься и о том, что тут делает клирик, и зачем разгребли вековой хлам. На лестнице опять зашумели, и Эдмон почти с раздражением посмотрел на входящих.

Это были эскотские латники, тащившие чье-то неподвижное тело, которое они почти бросили на грязный пол и тут же вернулись за вторым. Так вот зачем понадобился клирик, невиданная роскошь после учиненной бойни! Эскотцы, освободившись от своей ноши, торопливо вышли. Последний обернулся, воткнул в грудку мусора факел и захлопнул тяжелую дверь. Клирик, не поднимая глаз, шевелил губами. Молился. Стражники, словно съезжившиеся, совсем вжались в стену. Было так тихо, что шевельнулись обитатели крысиной норы.

Эдмон понимал, что нужно встать и подойти к убитым, но продолжал неподвижно сидеть на своем бочонке, и, похоже, не он один. Первым опомнился Иданный. Стройный и гибкий, как все в этом роду, он, несмотря на мучившую его рану, грациозно поднялся со своего непрезентабельного сидения и подошел к распростертым на полу телам. Эдмон видел, как виконт молча встал на колени и попытался положить руки мертвеца вдоль тела, как того требовал обряд. Словно проснувшийся, клирик вскочил и принялся бестолково помогать.

– Эдмон, – голос Старого Медведя доносился словно бы издалека, – это они?

Юноша покорно встал и подошел. Иданный и клирик отодвинулись, освобождая место. Первым лежал Рауль, чуть дальше – отец. На его лице застыло то непроницаемое выражение, которое чужому показалось бы высокомерным. Убийцы наверняка видели в нем гордость и вызов. Что ж, это хорошо, пусть запомнят его непобежденным, но Эдмон прекрасно знал, что это маска. Маска, которая надевалась, когда отец узнавал что-то особенно неприятное. Конечно, он не боялся, хоть и понимал, что его ждет, что их всех ждет...

Эдмон не мог отвести взгляда от слегка нахмуренных темных бровей, от золотистых прядок, падавших на лоб. Ран и синяков на лице не было, единственная рана от меча барона Эжа была в груди. Эдмон слышал, что говорили эскотцы. Он вырос на севере и понимал их грубое наречие. Никто из них не верил, что барончик победил Тагэре в честном бою. Суеверные по натуре, полосатики предполагали какую-то колдовскую каверзу, возможно, так оно и было.

Юноша вздохнул. Как бы то ни было, отец уже мертв, и погиб он сражаясь. Им же еще предстоит умереть. Агнеса озаботилась предупредить их о завтрашней казни. Видимо, чтобы сломать. Для того же сюда принесли и тела отца и Рауля, рядом с которыми сейчас сидят Этьен и Леон. Таков обычай. Ночь рядом с покойным проводят лишь самые близкие, правда, проводить их самих, похоже, будет некому. Казнь и плен – самое страшное, что может произойти с человеком. Эдмону хотелось верить, что он выдержит, но ему было страшно.

¹⁰⁰ Презрительная кличка эскотцев.

Очень страшно. В бою, когда рядом, словно призраки, мелькают люди и лошади, кто-то кричит, кто-то ругается, кто-то и вовсе орет какую-то дикую песню, все иначе. Но пройти со связанными руками сквозь строй торжествующих врагов, выслушать то, что они называют приговором, присутствовать при собственном отпевании, а затем ждать, когда дойдет очередь и до тебя... Только бы не сломаться!

Чем же их убьют, мечом или топором? Свяжут? Как же это унижительно! А если нет? Хватит ли у него мужества ждать смерти с открытыми глазами и свободными руками и не уподобиться пойманному кролику или петуху, который бьется в руках у кухарки. Спаситься нельзя. Броситься на палача, вырвать оружие, попробовать убить Батара? Не выйдет.

Отец или Рауль, те еще могли бы попытаться, а его остановит первый воин, и будет это выглядеть просто жалко и смешно. Не отвагой, а трусостью. Если бы еще дед, Леон и виконт не были ранены. А так только он, из-за которого все и произошло, не получил ни одной царапины. Как в насмешку. В носу подозрительно защипало. Этого еще не хватало! Только бы не завтра! Выдержать несколько ор. А потом все. Конец. Он не знал, что такое смерть, но умирать не хотел. Отчаянно, по-детски, хоть и понимал, что это неизбежно.

Раньше, в своих мечтах он иногда пытался представить себя на месте отца. Как он говорит «нет» на эшафоте, как скачет в бой с мечом, как отбивается один от десятка на узкой лесной тропе. Но он не хотел, чтобы мечты воплотились таким страшным образом! Не хотел и не хочет! Неужели все? Дед спокоен, и Леон тоже. Зато габладор буквально повис на бедном клирике. Этот точно будет кричать и просить помилования. Он уже обвинил во всем деда, словно его кто-то заставлял ехать во Фло. Эдмон вновь посмотрел на отца. Если бы тот не погиб, он бы что-нибудь придумал. Но герцог Тагэре уже никого и никогда не спасет.

Хорошо, что Филипп не поехал с ними, Филипп и Рауль в Гаэльзе, там их не достанут, да и матушка, будем надеяться, в безопасности. И Жоффруа с Сандером. Братишке теперь будет еще хуже, он плохо сходится с людьми, но они дружили, хоть он и старше на восемь лет. Если есть какая-то справедливость, пусть те годы, которые не дожил он, доживет Сандер. Если бы еще он мог отдать ему свое здоровье и избавить от горба! Почему мы, уходя, не можем оставить то, чем владеем, самым дорогим? И все же как это, умирать? Что чувствовал отец? Дед сказал, что и он, и Рауль умерли сразу и что от таких ран не мучаются. Похоже, он считает, что герцог бросился на меч врага сам, понимая, что спасения нет, и не желая сдаваться, но Эдмон отчего-то думает, что Старый Медведь ошибается.

Юноша продолжал смотреть перед собой, постепенно проваливаясь в серебристый туман. Юность и усталость брали свое. Эдмон не думал, что заснет, но все-таки заснул.

2870 год от В.И.

Ночь с 11-го на 12-й день месяца Венря.

Эр-Атэв. Эр-Гидал

Последние полтора года это могло случиться в любое мгновение, Иоанн знал о болезни владыки больше, чем кто бы то ни было, и все равно почувствовал себя ужасно одиноким. Смерть Никодима окончательно отделяла его от всех остальных. С настоятелем он мог говорить о доверенной ему тайне, теперь он остался один. Потом он, так же, как некогда покойный владыка, присмотрит кого-то более молодого и сильного, кто будет в состоянии нести это знание. Если только встречать предсказанные времена не выпадет именно ему, Иоанну, с нынешней ночи настоятелю обители Святого Эрасти Гидалского.

Завтра владыку Никодима с должными почестями упокоят на монастырском кладбище, а ему предстоит путешествие в Эр-Иссар. Так уж повелось, что наследники калифа Майхуба и святого Иоахиммиуса обмениваются клятвами. Если умрет Усман, его преемник прискачет в пустыню Гидал, дабы преклонить колени перед Вечноцветущим Посохом, когда же смерть посещает обитель, новый настоятель именем святого Эрасти клянется соблюдать договор потомку Майхуба Великого, держа в руках его саблю.

Общая тайна связала закоренелых язычников и эрастианских клириков, тайна, важнее которой нет и не может быть в Благодатных землях, ибо он, Иоанн, почитает таковыми все

земли, населенные людьми.

Гидалская обитель не подчинилась решению Великого конклава, когда Архипастырь Марциал отлучил и проклял всех, не принадлежащих Церкви Единой и Единственной. Тогда в Эр-Гидал прибыл легат Архипастыря и потребовал у братии покинуть пустыню и вернуть реликвию Иоахиммиуса в Кантиску, но владыка Арсений ответил, что воля и клятва святого Иоахиммиуса для обители превыше решения князей Церкви. Арсению пригрозили отлучением, но настоятель выстоял, и посланец Марциала уехал ни с чем, если не считать полудюжины монахов, побоявшихся покинуть лоно Церкви Единой и Единственной. Кто знает, привел бы Архипастырь угрозу в жизнь или же нет, но вмешался калиф. Владыка атэвов недвусмысленно дал понять хансирским¹⁰¹ властителям, что любые враждебные действия против обители калифат воспримет как объявление войны.

Ни Ифрана, ни Оргонда, ни Арция не стремились к схватке с атэвами, и обитель оставили в покое. Трижды предпринимали попытки вернуть реликвию в Кантиску, и трижды настоятели отвечали отказом. Паломники по-прежнему пересекают море, дабы узреть Вечноцветущий Посох и облобызать икону святого Эрасти Гидалского, столь непохожую на прочие его изображения. Возможно, придется говорить с легатом Архипастыря и ему. И он тоже скажет «нет», так как знает: Посох не единственная реликвия, доверенная обители, и то, что хранится в заветном тайнике, не должно вернуться в Арцию раньше назначенного времени.

Иоанн вздохнул. Он не хотел и не искал такой судьбы, когда в поисках истинной веры пришел сюда, но он пронесет свою ношу столько, сколько сможет. Никодим не исключал, что предсказанное Эриком случится уже на его, Иоанна, веку, значит, нужно быть готовым, знать бы еще к чему. Владыка распахнул окно, и прохладный влажный ветер освежил разгоряченное лицо. Зима в Атэве, как ранняя осень в его родной Пантане. Увидит ли он ее хоть когда-нибудь? Вряд ли, разве что ему выпадет все же встречать Вернувшихся. Подумать только, ведь когда-то и он считал Эстель Оскору опасностью, а Рене Сгинувшего распутником и еретиком. Правда, святой Цiale он не молился никогда, а святые сестры... Именно благодаря одной из них в душу Иоанна и заползло сомнение, в конце концов приведшее его сюда.

Владыка Иоанн, настоятель обители Святого Эрасти Гидалского, стоял у окна и слушал влажный зимний ветер. Он не хотел битвы, но и не боялся ее.

Песня гор

Огромная луна касалась вершин заснеженных елей. Таких высоких он не видел даже в эскотских горах. Далеко внизу бесновался не смиренный зимой поток, а дальше виднелась череда гор. Неужели он все-таки уснул?! Уснул в свою последнюю ночь у гроба отца?! Или, наоборот, кошмарным сном были проигранная битва, плен, гибель близких, а явью эти невозмутимые горы, несущаяся среди ледяных наплывов река, синие тени на опаловом снегу... Он был жив и свободен, и он был совершенно один. Где-то далеко завыл волк, качнулась ветка, в лунных лучах бриллиантовой пылью взметнулось и опало снежное облачко. Эдмон зачем-то коснулся шершавого холодного ствола, затем поднес пальцы к глазам. Он не понимал, как оказался здесь, но ему было удивительно спокойно.

Прямо по краю заснеженного обрыва вилась тропинка, и юноша медленно пошел по ней, вдыхая пьянящий морозный воздух. Волки продолжали свою песню, под ногами поскрипывал снег, шумела река, и эти звуки складывались в мелодию, отрешенную и прекрасную, как сама зима. Песня гор становилась все громче и отчетливей, словно за стеной заиндевеливших стволов кто-то перебирал серебряные струны. Это было бы похоже на гитару, но вряд ли родился менестрель, способный так сыграть.

Теперь Эдмон не сомневался, что спит, и мучительно не хотел просыпаться. Тропинка

¹⁰¹ Хансир – атэвское наименование всех северян.

резко свернула в сторону, уводя от пропасти, и юноша вышел на поляну, посреди которой плясал костер. Оранжевое пламя лизало сухие еловые ветви, бросая теплые отблески на человека с гитарой. Тагэре затаил дыхание, опасаясь прервать песню, но тот, у костра, его все-таки услышал и прижал струны ладонью, обрывая мелодию.

– Я рад, что ты пришел, Эдмон, подходи и садись.

Голос незнакомца негромкий, но звонкий, казалось, вбирал в себя все мелодии этой безумной ночи. Юноша не мог ни удивляться, ни противиться обаянию странного гитариста, знавшего его имя. А тот ждал, глядя прямо в душу огромными синими глазами. Эдмон видел подобные лица на старых фресках, изображавших святых и вестников¹⁰², но ночной гитарист не походил ни на первых, ни на вторых. Он был одет как арцийский воин, но у его пояса висел легкий меч, подобного которому не создали бы даже атэвы. Эдмон молча сел напротив, не решаясь заговорить.

– Ты хочешь спросить о многом, – улыбнулся незнакомец, – и в первую очередь, кто я, снюсь я тебе или нет и откуда я тебя знаю.

– И еще, что с нами случилось на самом деле.

– А разве ты не помнишь?

– Значит, все правда. Отец мертв, утром меня казнят, а это мой последний сон.

– Это так и не так. – Тонкие пальцы коснулись руки Эдмона, и тот почувствовал их живое тепло. – Смерти нет, это просто злая выдумка, дружок. Есть Вечность, есть миры, по которым мы блуждаем, выполняя предназначенное. Завтра ты покинешь один из них, только и всего. Для тех, кто останется, ты уйдешь навсегда. Они это назовут смертью, но ты о них даже не вспомнишь...

– Но это не так, – Эдмон умоляюще взглянул в совершенное лицо, – это не может быть так. Я люблю Тарру, я... Отец не мог все и всех забыть и уйти. И я не смогу. И что будет без него с Арцией и с Сандером...

– Вот ты какой, Эдмон Тагэре, – гитарист вздохнул, – жаль, что мы ошиблись, решив, что старик имел в виду тебя. Что ж, если любишь, то вечно пребудешь с этим миром и в этом мире. Обещаю тебе, что я не оставлю твоего брата, а мы не оставим Арцию.

– Мы?

– Да, мы. Твой отец сделал то, что мог, и большего бы не сделал никто. А теперь начинается наша песня. Не оплакивай его, у него была красивая жизнь, а смерть его искупила чужое зло.

– Я не понимаю, монсигнор.

– Называй меня Рамиэрль.

– Ты... Ты не святой, но ты и не человек.

– Да, не человек, но в тебе есть капля той же крови, что и во мне. Потому я и говорю с тобой в этом месте. Ничего не бойся. Ты выдержишь.

– Рамиэрль, во имя Эрасти, о каком зле ты говоришь? Что с отцом? Могу я с ним хотя бы проститься? Он умер или нет? И откуда ты знаешь, что я выдержу? Я... Я не хочу умирать... Я боюсь испугаться.

– Ты выдержишь, Эдмон. – Рамиэрль отложил гитару и гибким движением опустил у ног юноши, взяв его ладони в свои и глядя ему в глаза. – Я помогу тебе, но ты и так бы выдержал. Я чувствую это. Ты догонишь отца, вы еще вернетесь в Арцию. Иными, в иное время и тогда, когда это будет нужнее всего. А теперь должны спеть другие. Те, кто останется.

Верь мне, и все будет хорошо. Все встретятся и будут счастливы. Клянусь Звездным Лебедем. Завтра я буду с тобой, ты этого не почувствуешь, наш разговор для тебя станет сном, но я буду рядом. И не будет ни боли, ни страха. В наших жилах течет Кровь Звезд, я не

¹⁰² Вестник – посланец Творца, ангел. Изображался в виде прекрасного юноши в светлых одеждах и венке из плюща.

могу тебе солгать. Ты мне веришь, Эдмон Тагэре?

– Верю.

2870 год от В.И.

12-й день месяца Вепря.

Арция. Эльта

Навязчивый рев труб ворвался в предутренний сон, к счастью, не самый приятный. Люсьен Крэсси предпочел бы его не видеть, хоть и пробуждение было довольно мерзким. И не потому, что левый бок, по которому вчера кто-то здорово врезал, припух и посинел, а выпитая фронтерская царка явно была не из лучших. Похмелье и боль воин переживает. Не было чувства победы. Отомстив Тагэре таким образом, они оказались ничем не лучше покойного герцога, хладнокровно перебившего пленных. Даже хуже, так как Тагэре не нарушал освященного Церковью перемирия.

Святой Эрасти, как же они вчера дрались! Если б не численный перевес и растерянность и отчаянье, вызванные гибелью вождей, Агнеса вряд ли бы победила. Интересно, что она затеяла? Эскотцы болтали, что она собирается казнить пленников, ну да это вряд ли. Старик и мальчишка без Шарля ничего не решают, тем паче старший сын герцога жив и свободен, равно как и внук Старого Медведя, да и деньги, чтобы расплатиться с эскотцами, где-то нужно брать, а за Этьена и Рауля заплатят немало.

Проклятый бок! И проклятые фронтерцы со своим зельем, вот уж воистину дурной народишко, только и умеют, что продавать да продаваться, а как речь доходит до чего дельного, так и нет их. Эскотцы, те хоть свои деньги отрабатывают честно, а «усатые» хороши только вшестером сзади на одного. Как вчера. Крэсси поморщился. Вот что не давало ему покоя. Вчерашний бой не был боем! Это было убийство. За братьев он, может, и отплатил, но сам замарался. Те же самые Фло и Тагэре теперь имеют право мстить ему. Как убийце, не как воину. Выходит, арцийские нобили так и будут истреблять друг друга из-за угла, на радость Жозефу и Джакомо?

Люсьен кое-как прицарапал всклокоченную шевелюру и провел рукой по щеке. Бриться или ну его? Все равно вечером в поход. Чем скорее взять Мунт, тем лучше. А еще Мальвани с Тарве... Этих со счетов не сбросишь, тут драться придется всерьез. Последнее немного подняло настроение, вчера они отплатили за Кер-Оноре, но чья возьмет, все же решится в честном бою. Барон вздохнул во всю свою немалую грудь и поморщился от боли, да, панцирь надевать и думать нечего. Дай бог стеганую нижнюю куртку натянуть. Ну да до свадьбы заживет.

Хлопнула дверь. Кого это принесло, хоть бы не от маршала! Батар не на шутку бесил Крэсси. Его ночное появление у Агнесы, перешептывания, значительное холеное лицо... Говорят, он начинал с Тагэре и ре Фло, а Тагэре его попросил из маршалов, вот он и переметнулся. Пошлятина какая...

– Люсьен...

Слава Эрасти, это Эжен. Граф мог бы и поменьше щеголять своими тряпками и манерами, но в целом был очень славным парнем. По крайней мере, вел себя с Люсьеном и другими подчиненными ему нобилями не как начальник, а как почти приятель. Впрочем, vedi он себя иначе, и его, и Агнесу послали бы к Проклятому. Они пришли отомстить убийце, а не сажать на трон кошачьего сына.

Эжен Гартаж, как всегда, был одет с иголочки и чисто выбрит, но что-то в его бледном и бесстрастном лице настораживало. Что-то было не так! Гартаж посмотрел на Люсьена невидящими глазами, а потом, не поздоровавшись, что было немислимо, выпалил:

– Крэсси, вы вчера пили царку с фронтерцами...

– Да.

– Вы выпили все?

– Нет, – удивился Крэсси, – ее много не выпьешь.

– Я буду вам весьма признателен за угощение.

– Да, пожалуйста, – пожал плечами Люсьен, – наливайте да пейте. Только я не припомню, чтобы вы с утра пили, тем более такую похабень.

– А я не припомню такого похабного утра, дорогой барон, – попытался изобразить улыбку Гартаж. – Я только что пытался говорить с маршалом, но он не пожелал меня принять.

– Вы имели в виду поход на Мунт? Надо бы поторопиться...

– Нет, Люсьен, я имел в виду казнь...

2870 год от В.И.

12-й день месяца Вепря.

Арция. Эльта

Эдмон старался смотреть только вперед и слегка вверх, хотя мучительно хотелось оглянуться и рассмотреть тех, кто сзади. Спереди мир загораживала спина Старого Медведя, по бокам шли эскотцы в полосатых плащах и глупых плоских шапочках.

Страшно Эдмону не было, куда-то делись и боль, и отчаянье. Как ни странно, он даже выпался. Юноше было стыдно, что он умудрился уснуть у тела отца, он не помнил, как это случилось, но он уснул и, кажется, видел во сне что-то очень хорошее. По крайней мере, он пришел в себя со странным ощущением покоя и уверенности в себе и в том, что он выдержит. Он сын Шарля Тагэре, и он покажет, что это значит. А вот о товарищах по несчастью он беспокоился.

Дед и Леон едва держались на ногах, а по тому, с каким шумом Старый Медведь выдыхал воздух, юноша понял, что тот на грани срыва. Габладор озирался безумными глазами и трясся всем телом, пытаясь объяснить облезлому клирику, что ни в чем не виноват и хочет говорить с Ее Величеством. Нобили молчали, но смешной толстый мэтр Жанвье не выдержал и велел трусу заткнуться, пригрозив рассказать, что из всех пленных именно габладор больше всех кричал и о «Святом Духе», и об «ифранской дыне». Габладор перестал выть. Ору или две не происходило ничего, если не считать принесенного эскотцами завтрака, к которому никто не притронулся. Потом кто-то из сторожей, переглянувшись со своими товарищами, поставил на перевернутый бочонок флягу, барон Валлок выпил прямо из горлышка и протянул мэтру Жанвье. Они молча передавали флягу по кругу, последним был он, Эдмон, принявший ее из рук Старого Медведя. Юноша отхлебнул пахнущего можжевельником напитка, у него перехватило дыхание, но он все же проглотил, даже не закашлявшись, и вернул флягу владельцу, который поклонился ему и тоже выпил.

Наверное, нужно было что-то сказать, но тут распахнулась дверь, и вошел младший брат Жана Фарбье и с ним еще один клирик, похожий на испуганного хомяка. Им предложили подготовиться к исповеди, но Иданный сказал, что святой Эрасти его поймет без посредников. Дед и Леон угрюмо кивнули, а потом Эдмон услышал свой голос, говоривший, что убитых в спину не исповедуют. И все равно пришлось ждать, пока оба священника, толстый и тонкий, выслушают Жарвье и габладора и прочитают молитвы. Эдмон не сразу понял, что их заставили присутствовать на собственной панихиде, но отчего-то это его не испугало и даже не взволновало. Юноша, не отрываясь, смотрел на лицо отца и словно бы слышал его голос. «Что бы ни случилось, не опускай головы. Ты сам себе самый строгий судья. Если ты себя не осуждаешь, тебя не осудит никто». Потом наступило время причащаться, Эдмон получил свой глоток красного атэвского, и их наконец вывели на улицу.

Отчего-то ему казалось, что все еще ночь, но уже давно рассвело, хотя день и был серый. Заревели трубы, и ударил барабан, пленников провели через лагерь к площадке между кое-как обитым красным сукном возвышением, где толпились люди в нарядных плащах и доспехах, и эшафотом, отличавшимся от почетного помоста лишь отсутствием обивки и плахой, у которой стояли два человека в масках. Габладор жалко хрюкнул, и Жарвье усталым голосом вновь посоветовал ему заткнуться. Эскотцы отступили к краю площадки, и Эдмон встал в первом ряду, плечом к плечу с дедом и Леоном. Смотреть в пол или оглядываться он не собирался, оставалось смотреть вперед. И Эдмон Тагэре посмотрел.

Перед ним стоял разряженный в красное и желтое мальчик. Малышу было лет восемь, он был худенький и нескладный, как кузнечик, и ему было очень страшно. Эдмон, сам не понимая, что делает, ободряюще улыбнулся, вызвав в ответ робкую, удивленную улыбку. Мальчик даже чуть подался вперед, но потом вздрогнул и оглянулся. Эдмон невольно проследил за ним взглядом и увидел носатую даму в красном. Агнеса! А мальчишка, стало быть, принц Гаэльзский! Ифранка что-то шепнула сыну, тот скривился, собираясь заплакать, но сдержался и только часто-часто захлопал ресницами. Эдмон вспомнил, что сын Агнесы всего на полгода младше Сандера, но того в последний раз видели плачущим года четыре назад, у принца же глаза, похоже, вечно на мокром месте. Королева властно, хоть и несильно подтолкнула мальчика вперед. Тот послушно прошел шага три и остановился, вытянув руки по бокам и набирая в грудь воздуха, словно собираясь прочитать сонет о Звездном Древе¹⁰³. Затем угловатым заученным жестом выставил вперед руку, срывающимся голосом произнес «в-вы,,, остановился, еще раз прошептал «вы» и внезапно залился воющим, истеричным плачем.

2870 год от В.И.

12-й день месяца Вепря.

Арция. Эльта

Зачем, ну зачем она это творит! Маршал Батар с тоской глядел в спину королеве. Агнеса пыталась заставить воющего сына произнести приговор. Дура! Причем дура безнадежная! Воистину, нет ничего хуже короны на бабьей голове. Место бабы куриное. Как только начнет смотреть орлицей, нужно сворачивать шею без всякой жалости, иначе всем худо станет. Он выиграл для нее сражение, уничтожил самого главного и самого страшного врага, теперь следовало развить и закрепить успех, а она что удумала! Мечь – это, конечно, хорошо, но в свое время. Завтра с ними не будет половины союзников-арцийцев, а северяне, и так обожавшие своего герцога, сделают из него второго Эрасти. Народу можно показывать лишь сломленного врага, жалкого, мерзкого, униженного и унижающегося. Только тогда казнь пойдет на пользу победителям, а кто скажет, что Старый Медведь или этот белокрысый мальчишка сломлены?!

И потом, потерять три дня? Да какое там три, четыре. После казни все налижутя и завтра раньше полудня глаз не разлепят. Он и сам бы дорого дал, чтобы ничего не видеть, а подлая ифранка вытащила его вперед. Теперь в глазах армии он такой же убийца и клятвопреступник, как и эта волосатая баба, с которой еще придется провести ночь. Без этого нельзя, иначе она вовсе от рук отобьется. Придется напиться, потому что дотронуться до нее на трезвую голову он теперь не сможет...

То есть выступят они не раньше послезавтрашнего утра, время в любом случае будет упущено. И еще вопрос, отважится ли Жозеф зимой ударить по Арции. Мальвани не поехал с Шарлем, как он, Батар, на это надеялся. Удар был хорош, но Анри и сын Леона уцелели. И Филипп Тагэре, из которого начнут лепить короля сразу же, как узнают об эльтской резне.

Ведь говорил же он этой, прости господи, королеве, что нужно немедленно идти на Мунт. Пока там пьют и празднуют и не ждут подвоха. Город нельзя защищать, его даже Анри не оборонит, а если одновременно двинутся Джакомо и Жозеф, победа обеспечена. Другое дело, что за помощь придется платить, но Арция все еще велика, куда больше, чем нужно для спокойной жизни. Пускай Жозеф и фронтерцы возьмется с бунтовщиками из Эстре, а Джакомо с северянами, Лумэнихе и ее маршалу хватит и Средней Арции. Проклятый, только бы не показать, как она ему противна с этими своими красными тряпками! А мальчишка опять ревет... Похоже, это надолго. Она еще и смешной себя выставляет.

¹⁰³ Звездное Древо – неперенный атрибут празднования Нового года – молодое хвойное дерево, увенчанное звездой и украшенное специальными символами и значками. Украшается в канун Нового года, а следующим утром выносятся вон из дома и вывозятся за пределы населенного пункта. Считается, что за ним уходят все беды и напасти минувшего года.

Что же теперь делать? Остановиться нельзя. Слабость. Продолжать? Да, и быстрее! Без приговоров и барабанного боя по законам военного времени, как он и предлагал, когда понял, что отговорить жаждущую крови ведьму от казни не удастся. Он язык сломал, убеждая ее оставить в живых хотя бы Эдмона и старика Фло. Как заложников. В такой войне никогда нельзя забывать о собственной безопасности, особенно если придется схлестнуться с Мальвани. Джакомо и фронтерцы обещали подмогу, если им удастся задуманное. Оно удалось, хоть и не совсем. Что ж, будем искать в плохом хорошее. Неожданности скорее всего не будет, но, может быть, Анри и Рауль потеряют голову, узнав, что произошло. Когда погиб маршал Сезар, его сын с пятью сотнями бросился на целую армию, если б не Тагэре, Анри бы уже не было. Сейчас Мальвани старше на двадцать лет, но люди с годами меняются меньше, чем кажется. Анри нужно вывести из себя, чтобы он наделал глупостей, так что эта ведьма, возможно, не так уж и не права со своей местью. Остается утешаться этим, так как унять ифранскую дурищу невозможно.

2870 год от В.И.

12-й день месяца Вепря.

Арция. Эльта

Агнеса в первый раз была довольна, что Пьер остался в Мунте. Окажись этот дурак здесь, он бросился бы со всеми обниматься, а Эдмон в придачу так похож на отца, да и сам герцог... Можно было только догадываться, что устроит король, увидев голову своего драгоценного Шарло. После этого изображать, что все сделано по приказу и во имя спасения Его Величества, было бы невозможно. Ей казалось, что она все продумала. Филипп всегда был таким послушным. Она давно заставляла его заучивать нужные слова и произносить по ее знаку. Конечно, он еще ни разу не бывал на поле битвы и не видел убитых. Тут она не рассчитала, сын боялся крови, порезав руку, он падал в обморок. И еще этот Тагэре... Надо же такому случиться! Проклятая семейка, они всех с ума сводят.

Когда Эдмон улыбнулся Филиппу, тот чуть не бросился к нему, она едва успела его удержать. Как бы Филипп ни был мал, он все же понимал, что должен сказать что-то нехорошее тем людям, которые стоят перед ним. И он не хотел этого делать. Агнеса это поняла совершенно четко, и это повергло ее в ту самую дикую ярость, которая однажды так испугала Жана Фарбье. Королева чувствовала, что еще немного, и она сорвется при всех этих вооруженных мужчинах, которые должны добыть корону для ее сына, а вернее, для нее.

Чем она хуже королевы Гортензии, к слову сказать, ее соотечественницы, избавившейся от своего никчемного супруга? Правда, золотоволосую Тену называли не ифранской дыней, а оргондской иволгой, ей сочувствовали, за ней шел цвет рыцарства, но не в этом суть. Двенадцать лет трон Арции занимала чужеземка, правящая от имени малолетнего сына. Значит, сможет и она! Она не повторит прежних ошибок, ей не нужны ни друзья, ни возлюбленные, а только подданные. Ей не нужна армия, набранная из арцийцев, во главе с очередным Мальвани или Фло, куда удобнее наемники, а чем с ними расплатиться, найдется. После сегодняшней казни многие земли останутся без хозяев, а их семьи, как семьи изменников, по коронному праву лишаются наследства. Она подарит эти земли тем, кто ей верен, и эскотским вождям и, опираясь на них, приведет страну к покорности, но сначала нужно покончить с этим.

Святая Циала, но что же такое творится с Филиппом?!

2870 год от В.И.

12-й день месяца Вепря.

Арция. Эльта

Мальчонка продолжал реветь, несмотря на все угрозы матери. Совсем хлюпик, не знай Старый Медведь, чей он сын, можно было б согласиться, что это Пьерово отродье, только хомяка в кармане недостает. Этьен судорожно сжал кулаки за спиной. Главное, не подать виду, как ему плохо и, Проклятый побери, страшно, потому что всегда страшно умирать

побежденным. Зачем, ну зачем его понесло во Фло, да и других за собой потянул! Если б не его фанаберия, все бы были в Мунте и были живы. Он, как медведь, ухнул с головой в вырытую для него яму и утянул туда же самых дорогих. Оба сына, Шарло и Эдмон...

Прости, святая Циала, но он любит второго сына Шарло сильнее, чем старшего, потому и настоял на его поездке. А малыш держится молодцом. Сам-то он чуть в голос не взвыл, увидев Шарло и Рауля, но те хотя бы погибли в бою, их уже не опозоришь. Проклятье, как же нога болит. Не хватало, чтоб его, Этьена ре Фло, волокли на эшафот, как какого-то кабана, а самому ему, похоже, не взобраться, да еще со связанными руками.

Только бы Анри после всего не потерял голову, тогда он справится и с Батаром, и с Жозефом, и с этой сукой. Эста с малышами в безопасности, она не покинет замок, а его не возьмешь и за год, да и нету у ифранки этого года. Филипп с Раулем... Будем надеяться на лучшее, у старшего внука голова на плечах есть, а вот у него скоро не будет. Вообще-то семь десятков не так уж и мало, да и жизнь, в общем-то, удалась, но умирать от руки этих уродов, почти добившись заветной цели...

Проклятая нога, как бы рана не открылась. Этого еще не хватало, а стерва-то своего хомячонка вроде успокоила. Неужто она его и дальше будет трясти! Увела бы, право слово, и так всем ясно, что он, как папагалло заморский, чужие слова повторяет. Да и то не по делу. Нет, не уводит.

С закипающей яростью Этьен ре Фло воззрился на худенького, разодетого в пух и прах мальчонку, в диадеме из золотых нарциссов на тоненьких мышинового цвета волосиках. Лицо мальчика покрывали красные пятна, нос и глаза распухли, он судорожно, по-лягушачьи раскрывал рот, силясь что-то сказать. Это было бы смешно, если бы после его слов пять десятков человек не должны были расстаться с жизнью.

Принц Гаэльзский наконец собрался с силами и пискнул: «Тагэре – это бешедые с... пс... Тагэре – это бешедые... СПЫ!» – и замолчал, озираясь, как затравленный крольчонок. И тут Старый Медведь не выдержал и голосом, от которого по-прежнему приседали кони, рывкнул: «Не вали свои грехи на ребенка... ифранская». На плечо старику легла чья-то рука. Эдмон! Выходит, он освободился?! Внук что-то прошептал, похоже, просил успокоиться, но Этьен уже не владел собой. К ним уже бежали воины в полосатом, и Старый Медведь с ревом: «Смотрите, черти, как умирают ре Фло» – рванулся вперед.

2870 год от В.И.

12-й день месяца Вепря.

Арция. Эльта

Эдмон не мог видеть лица деда, так как стоял сзади, но хорошо себе его представлял. Старый Медведь, даже связанный, даже безоружный, все равно был страшен. Когда дед злился, выдержать его взгляд могли лишь отец и Рауль. Агнесе и Батару это явно было не дано. Королева опустила глаза, Батар отвернулся. На мгновение все стихло, над эльтской долиной повисла жуткая тишина. Затем ифранка сжала кулаки и провизжала какой-то приказ. Арцийцы замешкались, но с десятков эскотцев рванулись к деду. И тут Эдмона словно бы что-то толкнуло в спину. Он прыгнул вперед, и «полосатые» растерянно остановились, чуть не налетев на юношу, не зная, кого хватать первым. А Эдмон обернулся к деду и коснулся его плеча: «Прости, но право Тагэре умирать первыми!»

Дед шумно втянул в себя воздух, и в его глазах, Эдмон мог поклясться, сверкнула неистовая гордость и благодарность, а второй сын Шарля Тагэре пошел прямо на эскотцев, и те расступились, давая дорогу. Юноша так и не понял, когда и каким образом он освободил руки, но веревок не было. Отступили и боль, и усталость. Его захватила и понесла какая-то странная сила. Это было дико, невероятно, нелепо, но он словно бы командовал собственной казнью. С гордо поднятой головой Эдмон шел мимо угрюмых арцийцев и оторопелых эскотцев, даже не глядя на них, шел так, словно бы их и вовсе не было.

Он не заметил, как дед тяжело бухнулся на большое колено, как рыцарь, приветствующий своего сюзерена, и как его примеру последовали все пленные, держащиеся

на ногах, и даже кое-кто из лумэновцев. Преклонение перед кровью истинных Волингов было сильнее и вражды, и боязни. То, что Эдмон Тагэре, граф Рунский сейчас умрет, знали все, но никому бы сейчас не пришло в голову назвать его пленником или побежденным. Да и сам он об этом не думал. Эдмон не замечал ни палачей в масках, ни Батара, ни королевы, разве что ее несчастного сына, а на высокий эшафот поднялся легко и грациозно, как на крыльях, даже ни разу не поскользнувшись на узких влажных ступенях. Ему не было страшно, наоборот, все его существо затопили радость и уверенность в будущей победе, которая вырастет из поражения, и в том, что смерти, собственно говоря, и нет, а есть лишь дверь в иные миры, сверкающие и великолепные. Но войти в нее можно лишь с чистой совестью и высоко поднятой головой. Он не понимал, откуда к нему пришло это знание. Он просто знал, и все.

На самом верху Эдмон Тагэре оглянулся. Ставшее вдруг небывало острым зрение выхватило из череды пленных деда и дядю Леона. Как же им объяснить то, что знает он?!

Бледный как полотно клирик забормотал какие-то слова и осекся, пораженный восторгом, бьющим из глаз юноши, а Эдмон быстро приложился губами к Знаку служителя и обернулся к толпе.

– Люди! Смерти нет! Если не боишься, если веришь в то, за чем шел, если на тебе нет грязи, ты свободен от Смерти! – Звонкий юношеский голос разнесся над замолкшим белоснежным полем, рванулся к низким облакам, полностью заполнив огромное продрогшее пространство. Такого просто не могло быть, но Эдмона Тагэре слышала замершая Эльта, и в отчаявшихся сердцах вспыхивала надежда, его слова звенели и на дальнем конце альбинского луга, где стонали и метались в горячке раненые, и у окраины Груокского леса. Все другие звуки словно бы померкли и растаяли, уступив небо и землю сыну Шарля Тагэре. – Мы уходим туда, где нас ждут, не надо о нас жалеть! Жалейте Арцию! Жалейте себя! Вы ошиблись тропой и идете в трясины. Уходите! Уходите, пока не поздно. Тем, кто ошибся, не мстят. Агнеса и Батар лгали и лгут. На них кровь и грязь! Они не любят Арцию! Они никого не любят. И они проиграют! Зло всегда проигрывает. Не прощайте злу! Не оплакивайте добро! И не мстите ради мести! Мы еще встретимся после боя великого и вечного. А сейчас у каждого своя битва. Арде!

Эдмон дерзко улыбнулся вздрогнувшему палачу и шагнул к плахе.

2870 год от В.И.

12-й день месяца Вепря.

Арция. Эльта

Барон Люсьен Крэсси не хотел смотреть и все же не мог оторвать взгляд от сколоченного наспех эшафота. Не было ни радости, ни хотя бы удовлетворения. Да, он отомстил за братьев, но как и кому?! И, главное, кто воспользуется плодами победы?! Странное дело, чем дольше Люсьен смотрел, как умирали Тагэре и ре Фло, тем больше верил, что тогда, в Кер-Оноре, произошло чудовищное недоразумение. Такие враги не бьют в спину. А этот мальчик! Как святой со старинной иконы! Крэсси успел повидать всякое, но про такое только в Книге Книг найти можно! Да и старик ре Фло... Люсьен представил на его месте сначала себя, а потом тех, вместе с кем он оказался. Половина, если не больше, ползали бы по земле, прося пощады. Но разве Тагэре кого-то казнил? Крэсси лихорадочно вспоминал и не мог вспомнить ничего подобного!

Покушения на Шарля давно перестали считать, но герцог эльтский по обвинению в государственной измене и покушении на персону регента не наказал никого, хотя мог бы! Никого! А у Тон Ноарж всех, положивших оружие, и вовсе отпустили на все четыре стороны. Фарбье, конечно, тряханули, не без этого, но ведь то, что эта семейка обожрала Арцию не хуже саранчи, знали все!

Вся жизнь Люсьена прошла в баронском замке на границе с Фронтерой. Он остался с матерью, когда старшие братья решили попытать счастья в войне, уже тогда прозванной войной нарциссов, и откликнулись на призыв королевы. Потом они погибли. Все трое. Были

убиты, и виновен в этом был Шарль Тагэре. Так говорили, и он поверил и верил до этого проклятого дня. А теперь не верит, хотя за утраченную убежденность в своей правоте готов отдать душу Проклятому. Не верит, что у убийцы может быть такой сын. Не верит, что маршал Батар и чужеземная королева хотят добра Арции. Не верит, что братья погибли по вине покойного герцога. Но во имя святого Эрасти, по чьей же?! По чьей?! Не будь убийства в Кер-Оноре, здесь, под Эльтой не было бы ни одного арцийца, не считать же арцийцами живоглоотов, жрущих ифранские отруби!

Барон Крэсси смотрел и словно впервые видел носатую королеву, полосатых эскотцев, уцелевших Фарбье, а перед глазами вновь и вновь вставали старик в изломанных доспехах и золотоволосый мальчишка, похожий на божьего вестника.

Палачи продолжали делать свое дело, но как-то лихорадочно и торопливо. Небо словно бы стало еще ниже. Неужели кто-то сейчас смотрит ОТТУДА на происходящее?! Люсьен редко задумывался о жизни и смерти, а церковные обряды соблюдал только потому, что его приучили еще в детстве, но сегодня из головы не выходило «да не откроет никто дверь клятвоступнику, не подаст ему воды, не преломит с ним хлеб». Выходит, он, Люсьен Крэсси, теперь изгой, предатель, ударивший в спину тех, кто, будучи в силе, дал передышку тем, кого считал слабее. Передышку во имя святой Циалы. В Войну Оленя святая вмешалась и покарала нечестивцев. Неужели она промолчит, когда оскорбили ее самое?! Или то, что говорят про Войну Оленя клирики, – ложь, победу добыли мечи, а капустницы потом ее украли?!

Сзади кто-то не то простонал, не то выругался. Крэсси обернулся. Граф Гартаж! Видать, и ему невесело. Проклятый! Когда же конец?! Дождаться, уйти и выпить. Какое выпить?! Напиться. До потери сознания! И пусть ему завтра что-то посмеют сказать. Но что это?! Неужели еще не все? Даже Батар недоволен... Проклятый!

– Барон...

Крэсси вздрогнул и обернулся, столкнувшись взглядом с Гартажем. Граф был бледен, как жаба брюхо, но по-прежнему вежлив.

– Дорогой барон, – повторил он, сглотнув, и с трудом закончил: – Я не ослышался? Она действительно это сказала?

Крэсси угрюмо кивнул. Эскотцы в двусине-серо-зеленых плащах двинулись от эшафота. Их пики украшали человеческие головы, и первой была голова Шарля Тагэре, отрубленная уже после смерти и увенчанная шутовской короной из соломы. Крэсси молча смотрел на жуткую процессию, двигавшуюся к воротам Эльты. Королеве было мало убить, она хотела большего. Люсьен молча следил, как головы Шарля, его родичей и сторонников были прибиты к воротам родного города герцога. Видать, это дело для эскотцев было новым и не самым приятным, потому что голова Леона ре Фло дважды выпадала из рук молодого воина, чье лицо отдавало той же сероватой зеленью, что и полосы его плаща. Два клирика, толстый и тощий, суетливо творили молитву, но никому из них и в голову не пришло возопить, что сотворить подобное впору лишь язычникам. Когда дело было сделано, исполнившие приказ эскотцы, по своему обычаю, плюнули на ладони и отерли их о свои проклятые плащи. Крэсси трясло как в лихорадке, а потом, потом он услышал Гартажа. Голос графа был по-прежнему хриплым, но звучал отдельно и властно, отнюдь не как у придворного шаркуна.

– Шарлю Тагэре слава в вечности!

Люсьен даже не понял, как в руке его оказался меч. Отдавая последние почести тому, кого еще утром он считал смертельным врагом, барон не колебался. Он просто не мог иначе, и еще больше не мог оставаться с Агнесой и Батаром.

2870 год от В.И.

Ночь с 12-го на 13-й день месяца Звездного Вихря.

Тагэре

Это был странный костер. Языки пламени старательно обходили тянущиеся к ним

молодые можжевельные ветки, а дым отчего-то тянуло не вверх, а вбок, в глубину леса, где он рассеивался мутноватым горьким облаком. У огня грелись двое. Один, повыше, что-то помешал в висащем над огнем котелке, плеснул из него в оплетенную корой кружку, которую и протянул товарищу, очень бледному молодому человеку с невероятно красивым лицом и страдальчески изломанными бровями. Тот взял, но неудачно, едва не расплескав горячую жидкость.

– Осторожней!

– И почему мы вечно призываем к осторожности задним числом!

– Не злись. Ты и так сделал, что мог, и даже больше.

– Прости. – Красавец отпил из кружки и поставил ее на слежавшуюся хвою. – Проклятье, руки до сих пор дрожат.

– Хорошо, что ты вообще жив. – Первый поворошил поленья, его грубоватое лицо и неопрятная одежда странным образом контрастировали с негромким мелодичным голосом и аристократическими руками. – Сначала эта ночная затея, без которой можно было обойтись, потом дневное представление.

– Ты же сам не веришь в то, что говоришь, – укоризненно покачал золотой головой первый, – как я мог оставить мальчика наедине со смертью? Я же обещал... Я не мог их спасти, но хоть что-то сделать был должен.

– Ничего себе «хоть что-то». Ты превратил разгром почти в победу, а мальчик умер счастливым и чуть ли не святым, да и другие...

– Да, но умер, а я ему лгал. Клялся Звездным Лебедем... Тебе ли не знать, что смерть есть, и никто не знает, что за ее чертой. Единожды ушедшие не встречаются, как бы они ни любили... Я еще заплачу за эту ложь, брат!

– Если на то пошло, ты уже за нее заплатил. Так, значит, мы ошибались и «Последний» – это не Эдмон?

– Гороскоп говорил, что он МОГ стать «Последним из Королей», так же как и его отец, но возможность не всегда становится реальностью. Я говорил с ним только раз, да и то не совсем с ним. Это страшная потеря... Он даже на грани смерти думал не о себе, а об Арции, об отце, о брате-калеке.

– И ты, разумеется, ему обещал все, что можно и нельзя.

– Обещал, – золотоволосый гордо вскинул голову, – и, клянусь Кровью Звезд, исполню все, что можно исполнить по эту сторону бытия. Но сначала мы едем в Гаэльзу.

– Когда?

– Думаю, через ору или две.

– Ты сошел с ума!

– Разве? – Красавец удивленно поднял брови. – Впрочем, даже если и так, это ничего не меняет. Нужно спешить.

– После того, что ты натворил, ты и в седло-то не сядешь, – коренастый с сомнением посмотрел на собеседника.

– Сяду. Как сказал наш общий друг, мы сами не знаем, что можем выдержать, а ему, как ты понимаешь, виднее.

– Да, – эхом ответил тот, – виднее. Что ж, каждый из нас тянет свою беду и при этом улыбается, но я о другом. Разумно ли ехать прямо сейчас? Пару дней время терпит, а ты сейчас даже маску удержать не можешь.

– Нет, – упрямо покачал золотой головой первый, – не терпит. Поедем лесом, завтра к вечеру я уже буду в порядке. Ты разве не понял, что пошло в ход?

– С трудом. Вернее, я понял, ЧТО, но не понял, КАК и ОТКУДА.

– И я тоже. Эта Сила должна быть спеленута в Вархе, а она начала просачиваться и через старые преграды, и через новые. Пока это капли, но не ждать же, когда капли станут рекой. Поэтому со здешними делами нужно кончать немедленно. Весной мы должны быть в Корбуте.

– И все равно это не повод убивать себя.

– Не повод. Но это повод поторопиться.

2870 год от В.И.

15-й день месяца Вепря.

Арция. Северный тракт

Габриэль наскоро перекусил и выпил вина в харчевне с дурацкой вывеской, изображавшей какого-то зеленого зверя с крыльями. Впрочем, прознатчику сейчас показалось бы уродливым даже творение Суона эль Триго¹⁰⁴. Ждать, пока конь отдохнет, было некогда, и Габриэль пятый раз с приплатой менял замороженных лошадей на отдохнувших. Возможно, торопиться и не стоило. Он и так опередил всех, кого можно и нельзя. Барон Обен всяко узнает об эльтской резне первым, но бывшему вору нужно было залатать образовавшуюся в душе прореху, и он дрался с судьбой за каждую ору, вытесняя усталостью и возней с лошадьми все другие мысли.

Прошло два дня, но перед глазами Габриэля все еще стояла тоненькая юношеская фигурка, облитая внезапно хлынувшим сквозь прореху в облаках солнечным светом. Те, кто стоял ближе, клялись, что, когда палач опустил топор, в небо взмыл лебедь. В это прознатчик барона Обена не верил. Какие лебеди в месяце Вепря?! Просто мальчик умер так, что из этой смерти не могла не родиться песня. И песня эта будет оружием в войне, которая по-настоящему начнется только сейчас, в войне, где пленных не берут и в плен не сдаются.

Проклятый, если бы он приехал на две оры раньше, он успел бы остановить Шарля Тагэре, но в жизни нет ничего гаже пресловутого «бы»! Он опоздал тогда, когда промедление было смерти подобно, и, словно в отместку, загоняет лошадей и себя, когда можно и не спешить. Хотя что это с ним?! Как можно не спешить, когда на весы брошена судьба Мунта и Арции! Со смертью Шарля и Эдмона ни жизнь, ни война не кончаются. А потому, Габриэль, поторопись. Ты везешь дурные вести, но лучше их привезешь ты, чем эскотские головорезы.

– Ваша лошадь оседлана, сударь, – похожий на барсука трактирщик угодливо поклонился, – с вас двенадцать аргов.

– Я хорошо разбираюсь в лошадях, мошенник. – Габриэль вытащил кошелек и отсчитал деньги. – Вот тебе девять, и благодари судьбу за выгодную сделку. Мой чалый куда лучше твоего гнедого.

– Но!..

– Бери, я сказал, – сверкнул глазами мириец, и трактирщик уступил, тем более проезжий был прав.

Оседланный гнедой взял с места сильной рысью, и вскоре городишко со своими домами, заборами и зеленой вывеской остался позади. Вновь замелькали перелески, косогоры, деревеньки, бело-серые унылые поля. Переезжая какую-то речушку, Габриэль, неожиданно для самого себя, свернул к проруби, где жители ближайшей деревеньки поили скотину. Сунув руку в карман, плут, игрок и циник вытащил кошелек, данный ему Агнесой. Там еще оставались деньги, но прознатчик, сморщившись, словно держал в руке не просто дохлую, но полуразложившуюся крысу, зашвырнул его вместе с аурами в темную зимнюю воду, следом полетела золотая рыцарская цепь.

Было пасмурно, над придорожными тополями кружили вороны, из-за леса доносился звон колокола, и тянуло дымом. До Мунта оставалось не больше шести диа.

2870 год от В.И.

Вечер 18-го дня месяца Вепря.

Фей-Вэйя

¹⁰⁴ Суон эль Триго – знаменитый арцийский живописец, расписавший главный храм Кантиски и зал Конклава.

День окончания празднеств святой равноапостольной Циалы был самым хлопотным в году. В эту пору в Фей-Вэйю съезжались все значительные лица ордена, их нужно было принять, разместить, узнать, что знают они, и скрыть от них собственные знания. Агриппина, похоже, начинала готовиться к новому празднику на следующий день после разъезда гостей, но зато, по крайней мере на памяти Сола, ни разу не допустила промаха. Вот и на этот раз обитель прямо-таки сияла, а сама бланкиссима в новом белом платье и покрывале дружелюбно приветствовала сестер, невольно вызывая у них ответную улыбку. Впрочем, Соланж было не до наблюдений. Как и всегда, на нее свалилась Виргиния. Утром бланкиссима подчинила тело Ее Иносенсии сознанию Сола. Это уже не вызывало у сестры Анастасии, третий год носившей звание необланкиссимы, такого трепета, как раньше. Да и само заклятие теперь казалось весьма простым. Она вообще быстро училась, на лету схватывая то, что ей показывала наставница. Мозг Сола был готов на все, лишь бы не вспоминать пережитое и не видеть по ночам Шарля, который сейчас где-то воевал. Неуемные родичи все же заставили герцога подняться против Лумэнов, впрочем, к этому дело шло давно. Агриппина не была удивлена, она явно была на стороне Тагэре, и ее длинные рассуждения на сей счет всякий раз наполняли сердце Сола неизбывной болью.

Герцог со своей войной о ней, конечно же, давно позабыл, а вот она не могла. Она помнила каждую проведенную с ним минуту, каждое слово, каждый поцелуй. И, чтобы заставить проклятую память отступить, училась тому, что ей было ненужно и неинтересно. Училась магии, порой доводя себя до истощения. Бланкиссима частенько бранила ее, а иногда отбирала свитки с магическими текстами, но дело все равно подвигалось. Уже теперь Сола знала и умела не меньше пресловутой Дианы, которая мнила себя первой заклинательницей ордена. Более того, Анастасия с легкостью распутала ее заклятие, та даже и не заметила. Причем распутала, одновременно удерживая тело Виргинии, которая сегодня была какой-то особенно отяжелевшей.

Агриппина хорошо ухаживала за Предстоятельницей. Но в понимании «хорошо ухаживать» у толстой бланкиссимы на первом месте стояло вкусно и обильно кормить, а чревоугодие, похоже, осталось единственным грехом, на который была способна потерявшая разум Предстоятельница. Неудивительно, что Виргиния догнала и перегнала Агриппину, впрочем, она по-прежнему оставалась красивой и молодой. Сола заставила Ее Иносенсию слегка приподнять края платья, чтобы не мешали подниматься по лестнице. Сама она, как и всегда, следовала сзади. К этому уже привыкли. Сола тоже привыкла видеть непроницаемые лица и лицемерные улыбки. Привыкла выслушивать завуалированные доносы друг на друга и спрятанное под показное благочестие злословие. Хотя эскотская бланкиссима, похоже, искренне верует, да и настоятельница Лорийской обители тоже.

А вот в Тагэре нет никого из сестер. После того как Аквилину, пойманную с поличным за составлением письма о количестве воинов и состоянии укреплений замка, с позором выдворили, герцогиня отказалась принять у себя новую наперсницу, и Архипастырь с этим смирился. Видимо, с подачи кардинала Евгения, ведущего с Дианой войну не на жизнь, а на смерть. Старый эрастианец на пути орденов прямо стеной стоит, пока он жив, Арция останется государством светским, а циалианки и антонианцы будут не более чем смиренными слугами божьими, но никак ни светскими владыками.

Соле нравился Евгений, которого она видела во время не столь уж давней поездки в Мунт. Сухонький, желчный, седой, он буквально лучился энергией и, несмотря на донимавший его, особенно зимой, кашель, давал фору многим сорокалетним. С ней, может быть потому, что она не думала о возвышении ордена, у старика сложились добрые отношения. С Агриппиной он тоже частенько говорил, а вот Генриетту и Диану откровенно ненавидел. Увы, Фей-Вэйю глава арцийской Церкви не жалуется, Сола была бы рада видеть его почаще. Хотя вряд ли ей пришлось бы общаться со стариком. Ее наверняка опять заставили бы водить на поводке растолстевшую Виргинию.

Теперь было самое трудное. Трапеза. Довольно равнодушная ко всему, при виде и запахе еды Ее Иносенсия преображалась. Соле приходилось тратить немало усилий, чтобы

гости не увидели, как Предстоятельница, чавкая, пожирает изысканные блюда. Нет, обошлось! Похоже, есть Предстоятельница не хотела, наверное, Агриппина загодя накормила ее до отвала. Сола даже пришлось принудить Виргинию пригубить рубинового вина и отломить и изящно отправить в рот кусочек рогалика.

После трапезы следовал большой прием. Предстоятельница грузно опустилась в кресло. Сола стала сзади. Теперь несколько ор можно будет отдохнуть. Сытая Виргиния обычно спокойно сидела в кресле, глядя прямо перед собой. Нужно было лишь не позволить ей уснуть. Хуже было с собственными ногами, но Соланж уже давно с разрешения бланкиссимы использовала магию для снятия усталости. Другое дело, что исцелить себя самое считалось невозможным, у нее же это выходило легче легкого.

Соланж стояла, пытаясь понять, что же рассказывает мирийская бланкиссима о правящем доме этого островного государства. Кажется, герцогиня дала обет посвятить дочь Церкви. Сола помнила, как бланкиссима что-то говорила о крови Кэрна, но это ее не очень интересовало. Жаркая Мирия далеко за Жасминным проливом, ей не увидеть. Зато во дворе что-то происходило. Кажется, кто-то приехал. Но кто, вроде бы все в сборе?

Сола со своего возвышения видела, как Агриппина торопливо вышла, может быть, барон Обен опять прислал сестре гонца. Хотя от него вроде бы уже приезжали прошлой ночью. Матушка говорила, что в Мунте тревожно, как бы не начались беспорядки...

Странное, ни на что не похожее ощущение чуть не свалило Солу с ног. Иногда человек, облитый водой, не сразу понимает, горячая ли она или очень холодная, так и она застыла, пронзенная острой болью, которая почти сразу же отпустила. Осталось только непонимание происходящего, словно бы она видела со стороны и зал, заполненный сестрами и стоящими у стен рыцарями, держащими свои шлемы с белым плюмажем на согнутых руках, и высокое белое кресло, в котором сидела очень полная и очень красивая женщина в белом с распущенными волосами, увенчанная сияющими Рубинами. Видела она и другую женщину, тоненькую, в белом покрывале, стоящую за креслом. Потом в глаза Сола словно бы бросился сноп ярких, как от шутовского хаонгского огня, искр, и все встало на свои места. Она стояла за креслом Предстоятельница, но больше не чувствовала ее. Мирийская бланкиссима, широкая и плоская, с маленькими рыбьими глазками и рыбьим же ртом, уже сказала все, что хотела, и ждала вопросов. Сола попробовала ответить, но словно бы наткнулась на холодную, упругую стену, отшвырнувшую ее назад.

Это было ужасно неприятно, к тому же сразу же затылок сдавила тяжелая, ноющая боль. Сола сцепила зубы и снова потянулась к Виргинии. То же самое! Почему у нее не получается, ведь это не первый раз? И тут в нависшей тишине раздался показавшийся очень громким голос Генриетты:

– Ее Иносенсии плохо!

Сола бросилась вперед и успела первой коснуться теплой безвольной руки. Виргиния была мертва. Вернее, мертвым было ее тело, потому что сама Ее Иносенсия прекратила брэнное существование много лет назад. Сола испуганно отступила и безвольно опустила руки, когда сестры высшей степени посвящения заняли положенные им испокон века места вокруг мертвой Предстоятельница.

Вернулась Агриппина, и Солу поразило ее расстроенное лицо. Наверное, ей уже сказали, хотя она не видела, чтоб кто-то успел покинуть зал Оленя. Матушка сразу же прошла к креслу, ее появление приняли с облегчением. Еще бы, именно ей придется заниматься брэнным телом мертвой Предстоятельница, пока остальные будут делить Рубины. Однако, отдав появившимся словно из ниоткуда сестрам Цецилии и Леокадии распоряжения, бланкиссима Агриппина отошла от этикета. Подняв короткопалую пухлую ладонь, она призвала к тишине, и все замолчали. Агриппину ценили, а столь вопиющее нарушение ритуала могло быть связано лишь с чем-то весьма значительным.

– Возлюбленные сестры, – грудной голос бланкиссимы был, пожалуй, единственной красотой этой женщины, – мы понесли тяжелую утрату. Никогда еще не случалось, чтобы Ее Иносенсия отходила в дни именин святой равноапостольной Циалы при всех нас. Видимо,

Виргиния, как никто, была любезна нашей небесной покровительнице. Теперь по уставу ордена мы должны назвать имя ее преемницы¹⁰⁵, благо святой было угодно в этот день собрать нас всех в Фей-Вэйе. Но сначала, как мне кажется, вам следует узнать новости, которые касаются всех и, соответственно, ордена. Спасать заблудшие души нам приходится на земле, а на земле идет война.

Проклятый

Нет сна, который не кончается либо смертью, либо пробуждением, нет похмелья, которое не проходит... Он действительно чуть не загубил все, чуть не зачеркнул и свою собственную жизнь, и жизнь Ларэна, и жизни тысяч и тысяч живых существ, оказавшихся заложниками его проклятой любви. И о чем он только думал раньше?! О чем, о чем... О Циале, о себе, о чем угодно, только не о том, о чем должен. «Четыре шага до Последнего Греха, и первый сделал ты...» Как же они не поняли, ведь разгадка лежала на поверхности! Ну, хорошо, для него тогда все было слишком близким, он не мог думать об Анхеле спокойно и старался вообще о нем не думать, но Залиэль и Ларэн?! Они должны были догадаться! Или эльфы все же слишком далеки от людей... Впрочем, теперь это неважно. Главное, остановить Герику, она не должна вырваться из башни, еще не время! Как он мог дать ей уйти! Хотя после того, что она ему наговорила...

На правду не обижаются, так, кажется, говорят нудные умники. «Слово правды возносит праведных и ниспровергает грешных», написано в Книге Книг. Вранье все это, куда ближе к истине атэвы: «Большая правда один раз великая радость и девять раз по девять великая боль». Но великая боль может разбудить даже мертвого. Или почти мертвого. Он еще не скоро забудет, если забудет, но он проснулся.

Лунный Волк! Что же случилось с Геро, если она так на него набросилась, она, жалевшая и понимавшая его лучше, чем он сам себя понимал. Женщина что-то почувствовала. Магический удар? Проклятье? Призыв? Смерть любимого существа? Только не это! Если ее возлюбленный... Он даже не удосужился запомнить его имя! Как же, это у него любовь, а у других так... Хотя она во имя любви сделала куда больше, чем он. Только бы ее друг не погиб, пока он купался в своей беде, это было бы слишком страшно. Нет, не похоже... Конечно же, нет! Почувствуй она его смерть, она бы не стала рваться назад, горе навалилось бы, как глыба, лишило бы сил, света, воздуха. Но он-то не почувствовал смерти Ции! Впрочем, это-то как раз объяснимо. Циа не любила, а значит, вряд ли в свой последний миг вспомнила о нем. Нет, друг Геро жив, не могут же на их головы свалиться все беды, что-то да можно обойти стороной, отвести, предотвратить. Тем паче, он теперь знает, что именно.

Только бы догнать Геро, неужели она его настолько опередила?!

2870 год от В.И.

Вечер 18-го дня месяца Вепря.

Фей-Вэйя

«...а весной их головы выставят на Новом мосту...» Агриппина рассказывала что-то еще, но Сола уже не слышала. Жизнь потеряла последний смысл. Шарля нет и не будет, его все-таки добились... Руками были Лумэны, но толкнули его в огонь амбиции ре Фло и злоба Елены и Дианы. Циалианская сестра не молилась, не плакала, не кричала. Она не упала в обморок и никого не прокляла, просто для нее все было кончено. Оружие воробы на подоконнике, сверкающие морозные узоры, лица сестер и рыцарей, ничего этого не было,

¹⁰⁵ Циалианки назначают новую Предстоятельницу прямым тайным голосованием сестер высшей степени посвящения за закрытыми дверями в малом зале Оленя в Фей-Вэйе. Это должно быть сделано как можно быстрее, поэтому избрание новой Предстоятельницы происходит, как только представительница самой отдаленной обители из числа значительных прибывает в Фей-Вэйю. В данном случае избрание новой Предстоятельницы должно было произойти немедленно.

все стало тленом, прахом, небылью. Только одна неизбывная боль. Шарль... Шарло, ее герцог, первая и последняя любовь. Они его убили, а она жива... Вернее, все наоборот, он наконец-то обрел счастье и покой, а умерла она. Она мертва и находится среди мертвецов, которые изображают из себя живых – суеются, пыжятся, куда-то лезут, чего-то добиваются... Кому все это нужно, если Шарля больше нет и никогда не будет?!

Сола смотрела и не видела ни как ушли в Тайную комнату Высшие сестры, ни как стекал песок в часах. С падением последней песчинки громко ударил колокол, и пронзительный звон словно бы втолкнул женщину в реальный мир. Соланж-Анастасия, вздрогнув, заняла причитающееся ей место во втором ряду. Распахнулись двери, и Избирающие чередой потянулись в зал Оленя. Последней вернулась Агриппина. Она была спокойна. Конечно, она расстроена, но не более того. Да, бланкиссима нравился Шарло, очень нравился, но она не любила его. И не знала. Разве кто-нибудь из них, в том числе и жена, понимал его? Разве он рассказывал им о своих снах, о своих страхах, разве он им пел, разве он их любил?! А они окружили его, как волка, и погнали на красные лоскутки, через которые он не смог прыгнуть! И только она одна знает, как он не хотел, как ему было одиноко и больно...

Агриппина пожалеет о нем какое-то время, покудахчет, не зная, что будет ходить в зимних подкованных сапогах по обнаженному чужому сердцу. А потом вздохнет и предложит поужинать и заговорит о какой-то ерунде вроде того, чем они займутся при новой Предстоятельнице... Нет, Сола не перенесет такого. Зачем ей жизнь без Шарля? Раньше она хотя бы знала, что он есть. Что он иногда смотрит на те же звезды, что и она, а она пусть и не может его коснуться, но может видеть его во сне... Она думала, самое страшное – это разлука. И это так, Смерть тоже разлука... Что ж, завтра сестра Анастасия тайно покинет Фей-Вэйю. Агриппина наверняка примет свою настойку и будет спать, а у ворот она скажет... Найдет, чего сказать, пусть ее ложь выплывает, это не будет иметь никакого значения. Она увидит Новый мост и простится с Шарло, а потом... Потом она убьет Диану и Агнесу, а если удастся, и Фарбье. Убьет их и умрет сама. И все будет кончено. Пусть Генриетта с Агриппиной спасают Арцию от Проклятого, она здесь больше ни при чем. Если этот мир допустил гибель Шарля, пусть он летит в тартарары, это только справедливо, он не заслуживает снисхождения и защиты, по крайней мере от нее. Анастасия, да какая, к Проклятому, Анастасия, Соланж Ноар, Сола прокликает Тарру и всех живущих. Будь он проклят, этот мир!

Святая Циала! Что они все от нее хотят?!

С трудом сдержав себя (надо дотерпеть до ночи, еще не хватало, чтоб ее сочли больной и приставили к ней ночную сиделку), Сола подняла глаза на обращавшуюся к ней сестру. Это была Корнелия, бланкиссима Оргонды, маленькая и бледная, как моль, но с неожиданно низким, почти мужским голосом. Корнелия была самой старшей из собравшихся, и по традиции именно она должна была приветствовать новую Предстоятельницу, но при чем здесь она, Сола?!

– Волею девяти из собравшихся здесь тринадцати старших дочерей равноапостольной Циалы Предстоятельницей ордена нашего избрана сестра Анастасия, многие годы с кротостью и любовью ухаживавшая за Ее Иносенсией, ныне принявшей чашу родниковой воды из рук Пресветлой Циалы. Две сестры возжелали отдать Рубины сестре Генриетте, одна – нашей арцийской сестре, и еще одна бланкиссима Елене. Призываю в свидетели духовную мать нашу, что все сделано и сказано от сердца. Арде!

– Арде, – склонили головы сестры.

В первое мгновение Сола поняла лишь одно. Ее теперь не оставят одну, и она не сможет уйти и проститься с Шарлем. Она молча смотрела на знакомые, но ненужные ей лица. Зачем?! Во имя Проклятого, зачем они это сделали?! Ей не нужны эти проклятые камни, ей вообще ничего не нужно. Как же она их всех ненавидит. Именно их игры довели Шарля до гибели, их и его жены, да еще злоба Агнесы и ее любовников. Агриппина смотрит сочувственно, но что она может понять?! Ничегошеньки, она просто боится, что ей будет

тяжело... Но почему? Почему именно она и именно сегодня?! Генриетта, Диана и Елена готовы ее убить... Нет, не ее, а друг друга. Им она не соперница... Выбрать Предстоятельницей сиделку безумной Виргинии!

Бланкиссима Раулина из Дарнии и бланкиссима Килина из Фронтеры подошли к ней с двух сторон и, взяв под руки, вывели в центр зала Оленя. Агриппина сняла с Сола покрывало, и иссиня-черные волосы с двумя белоснежными прядями у висков рассыпались по плечам. Седые пряди были единственным напоминанием о том, что сестре Анастазии уже тридцать пять... Вошла дрожащая от ярости Генриетта, перед которой рыцарь Оленя нес раскрытый ларец из белого корбутского дубца. Как же на этот раз все было просто. Драгоценности были на умершей, и не нужно было совершать сложнейших ритуалов, чтобы открыть ларец.

Теперь покойную Предстоятельницу украсит точное подобие главной циалянкой реликвии, только вместо Рубинов будут темно-лиловые траурные аметисты. Придет время, и такие же лиловые камни украсят и Солу, но сейчас ей придется надеть Рубины Цялы, Рубины, о которых мечтали все собравшиеся здесь женщины, отказавшиеся от дома и любви. Кроме нее и, быть может, Агриппины.

Не дойдя шага до новой Предстоятельницы, Белый рыцарь опустился на колени. Сола стояла как изваяние, когда настоятельница Фей-Вэйи надевала на нее драгоценности, показавшиеся ей тяжелыми и холодными, как сосульки. Она не мешала бланкиссима, но и не помогала. Генриетта была выше Сола, и, чтобы вдеть ей в уши серьги и возложить на голову диадему, ей пришлось склониться. Сола мимоходом пожалела Агриппину, вложившую всю душу в избрание Генриетты, ну да ничего, после ее смерти они своего добьются, а она не собирается жить без Шарля. Ей не нужны ни камни Цялы, ни орден. Ей вообще ничего не нужно. Разве что... разве что сначала она покончит с убийцами! Теперь у нее есть возможность!

2870 год от В.И.

Вечер 18-го дня месяца Вепря.

Арция. Гаэльза

Ветер к ночи прямо-таки с цепи сорвался. Рауль Тарве подошел к окну и вгляделся в беснующуюся белую муть. Ничего. Только вьюга и ветер... Виконт вздохнул и вернулся к нещадно дымящему камину. Спать не хотелось... Говорят, ночное ненастье отнимает мужество у самых стойких, раньше ему это казалось ерундой. Рауль никогда не был суеверным, никогда не забивал себе голову тем, что не в силах понять, а к тому, что не в его власти изменить, относился воистину философски. Он был готов всю жизнь воевать с Лумэнами, но бурю, сколько бы она ни длилась, следует переждать, по возможности используя передышку для отдыха. В свои тридцать три виконт не боялся ни Творца, ни Антипода, не говоря уж о людях, но последние два дня ему было не по себе. Рауль со злостью уселся за стол и принялся просматривать лежащие грудой свитки, время от времени делая пометки остро отточенным пером. Ничего срочного и важного там не было, но не смотреть же всю ночь в огонь или в снежное месиво... Ему все же удалось отвлечься, он всегда мог взнудать самого себя, возможно, поэтому за ним шли другие, а сам он шел за Тагэре. И не потому, что, победив, муж Эстелы не забудет тех, кто ему помогал, а потому, что верил Шарлю и верил в Шарля. У Арции должен наконец появиться достойный король, который найдет управу и на Жозефа с Джакомо, и на капустниц... Но для этого нужно выиграть войну.

Рауль как раз прикидывал, сколько и каких стрел следует заказать в Аэне, когда в дверь постучали и заспанный (уж этому-то буря не мешала) оруженосец сообщил, что прибыл гонец. Виконт кивнул и, подойдя к камину, плеснул в кубок вина. Человеку, преодолевшему в такую погоду даже несколько вес, обязательно нужно выпить, какие бы новости он ни привез. Рауль сам не понимал почему, но появление гонца его не удивило. Он подспудно ждал вестей, и вестей черных.

Дверь распахнулось, навязчиво скрипнув, и в комнату шагнул хрупкий большеглазый юноша с обожженным ледяным ветром лицом. Рауль знал его – Луи ре Тин, аюдант и приятель Эдмона, пишущий странные вирши о всяческих заоблачных высях и златокудрых девах. Кузен вечно защищал поэта от насмешек более приземленных товарищей. Странно, юный Луи меньше всего подходил к роли гонца.

– Заходи, дружок. – Что бы тот ни привез, он заслуживает благодарности. – Садись у огня и выпей.

– Сигнор...

– Пей, я сказал. Расскажешь потом.

Юноша сморгнул длинными ресницами и послушно осушил кружку вина, которое отчего-то на него не подействовало.

– Поставь на каминную полку. Ну, что случилось, я тебя слушаю.

– Сигнор. – Карие глаза смотрели печально и строго, так в шестнадцать лет не смотрят, если только... Если только не взглянуть в глаза чему-то запредельно страшному. – Сигнор... На нас напали люди Лумэнов. У самой Эльты... Они были в наших цветах, мы ничего не заподозрили до последнего. Монсигнор погиб. И сигнор Рауль тоже, – Луи говорил тихо, четко и бесстрастно, словно читал похоронную молитву, – сигнор Этьен был взят в плен и казнен сразу после битвы. Вместе с ним убили вашего батюшку и Эдмона Тагэре.

– Когда это было? – Неужели у него, Рауля Тарве дрожат руки? Да, действительно, значит, за спину их! И спокойно!

– Восемь дней назад...

– Что с ними сделали?

– Отрубили головы. И живым, и мертвым... Агнеса велела надеть на голову монсигнора корону из соломы и прибить над воротами Эльты вместе с головами Эдмона и сигнора Этьена.

– Ты видел это?

– Нет, сигнор.... Только казнь. Я не стал дожидаться. Они перекрывали дороги, а я должен был успеть...

– Ты правильно сделал, – ответил Рауль.

А ведь он знал! Знал все те дни, которые отважный мальчишка пробирался сквозь заносы.... И как ему только удалось проехать, да еще так быстро?! Что ж, Рауль Тарве, придется тебе теперь жить без Шарля Тагэре. Герцога больше нет. Нет и твоих отца, деда, дяди Рауля, в честь которого тебя назвали, и еще многих и многих... Больше никто не будет шутить, что не знает, который из сыновей Шарля лучше, Филипп или Эдмон, и что Ифрану следует завоевать хотя бы потому, что оба должны стать королями... Жоффруа и Сандер мальчишки, так что у Арции остался лишь Филипп. И он, Рауль Тарве, вернее Рауль ре Фло, граф и владетельный сигнор, потерявший в один миг и отца, и деда, и обожаемого старшего друга.

– Ты правильно сделал, – повторил граф ре Фло, – а теперь иди и отдохни. Я хочу остаться один.

Юноша вновь взглянул на него познавшими Вечность глазами и вышел. Ре Фло схватил пергаменты, которые только что просматривал, и зашвырнул в камин. Надо что-то делать! Их не вернешь, но Агнеса свое получит. Агнеса и ее ублюдок! Филипп будет править Арцией назло всем! Он, Рауль, сделает парня королем, или его собственную голову прибьют рядом с головой Шарло. Нет! Никаких «или»! Он победит и вот тогда оплачет погибших, а сейчас за дело!

Граф поправил на шее рыцарскую цепь и задумался. Пригласить Филиппа к себе или пройти к нему? Пожалуй, так будет лучше. Однако решение оказалось ошибочным. Кузен был не один. Старший сын Шарля Тагэре в полной мере унаследовал отцовскую красоту и обаяние и использовал их весьма старательно. Вот и сейчас у него оказалась какая-то девица, о чем Филипп жизнерадостно сообщил из-за закрытой двери. Вот уж кого не тревожили всякие предчувствия! Раулю стало жаль мальчишку, для которого отец погибнет только

сейчас, но щадить его он не собирался. Король должен быть королем, а не обложенным ватой заморским молочным орехом.

– Филипп, – голос графа ре Фло был спокоен, – немедленно выпроваживай свою подружку. Я сейчас спущусь к лейтенантам, отдам распоряжения и вернусь. И чтоб тут никого не было.

– Ладно, – не стал спорить кузен, – никого не будет.

Паршивец сдержал слово, он не только выставил свою красотку, но и успел одеться и даже пригладить буйные золотые кудри. На безмятежной физиономии застыло радостное любопытство, и у Рауля сжалось сердце.

– Ты сядь.

– Зачем?

– Не спорь, а садись. Твой отец погиб. Мой тоже. И дед, и Эдмон...

– Как? Я не... Этого не может быть! Не может... – Филипп, вскочив, бросился к двери, но Рауль легко удержал его за плечо, хоть и был ниже почти на полголовы.

– «Как»? – Ре Фло скрипнул зубами. – Разумеется, их ударили в спину.... Но я теперь граф ре Фло, а ты герцог Тагэре и будущий король. Так что без глупостей!

– Хорошо, – Филипп Тагэре сверкнул голубыми глазами, – глупостей не будет. Я готов. Что я должен делать? И... Рауль, где их похоронили?

– Их не похоронили, это сделаем мы.

– Ты не договариваешь...

– А ты хочешь знать все? Что ж, твое право... Им отрубили головы, Филипп, отрубили и прибили над воротами Эльты.

– Я понял. – Больше кузен не сказал ничего, но Раулю стало ясно, что тот не остановится, пока по земле ходит хотя бы один Лумэн.

2870 год от В.И.

21-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Барон Обен, кряхтя, слез с коня. В последние годы подобные упражнения давались ему все с большим трудом, но остатки дворянской гордости мешали толстяку перебраться в портшез. Во дворе особняка Мальвани, как всегда, было многолюдно и шумно. Трюэль отер платком вспотевшие лицо и шею и велел подбежавшему аюданту немедленно проводить его к маршалу.

Анри сидел на подоконнике и что-то чертил в большой переплетенной в сафьян тетради, которую держал прямо на коленях. В комнате были и немалых размеров круглый стол, и конторка красного дерева, но Мальвани отчего-то предпочел согнуться в три погибели на неудобной узкой доске. Этого Обен понять не мог, равно как и то, как Анри, вопреки годам и непоседливой и бурной жизни, умудрялся оставаться молодым... Нет, барон не завидовал, он вполне был доволен и своим положением, и своим уютным домом, в котором служили лучшие повара Арции, но маркиз его удивлял. Впрочем, толстый командор всегда симпатизировал этой фамилии, которую уже несколько веков называли полукоролями.

Анри оторвался от своей тетрадки и выжидательно взглянул на капитана городской стражи большими светлыми глазами.

– Чем обязан, барон?

– А вам не пришло в голову, что я заглянул просто так, по дружбе?

– Что по дружбе, допускаю. – Мальвани прыгнул с подоконника, подошел к двери и, крикнув дежурному аюданту, чтобы тот принес вина и «чего-нибудь еще», от души потрянул красную лапищу Обена. – Давайте сядем. Судя по всему, разговор будет не из простых. «Просто так» вы никогда не появляетесь...

– Угадал, – кивнул барон, – Анри, пришли вести, гаже не придумаешь. Не представлял, что такое может случиться, но оно случилось.

Анри Мальвани молчал, ждал продолжения. На точеном лице не дрогнул ни один мускул, только глаза стали словно бы темнее.

– Короче. Батару и Агнесе удалось застать врасплох Тагэре. Все погибли.

– Все? – в ставшем вдруг хрипловатым голосе не было недоверия, маршал просто уточнял.

– Когда я говорю «все», я подразумеваю вождей. Шарль Тагэре и Рауль-старший погибли в бою. Старый Медведь, Леон и Эдмон были захвачены в плен и казнены, а вернее убиты после битвы. Их головы Агнеса велела для начала прибить на стенах Эльты, но потом выставит на Новом мосту через Льюферу. Если, конечно, сюда доберется. Еще казнены сорок два рыцаря, если желаете, могу назвать всех.

– Нет, это ждет. – За что Трюэль любил Мальвани, так это за его способность мгновенно оценить положение. Маркиз не пытался найти виноватого, он искал выход. – Раз вы пришли ко мне, Обен, значит, вы что-то хотите мне предложить. Я не верю, что вы ограничитесь лишь тем, что сообщили о поражении.

– Вы правы, – кивнул Обен, – мне очень неприятно, но...

– Не продолжайте, – узкая ладонь накрыла руку барона. – Вы хотите, чтоб я ушел из города и увел своих людей до того, как сюда войдут наемники Агнесы. Будьте спокойны, мы уйдем этой же ночью. Я не собираюсь превращать Мунт в поле боя и давать эскотцам и фронтерцам повод к грабежам. Если они начнут буянить, сами или с попустительства этой змеи, мы не виноваты. Да и силы дробить нельзя. Шарль и Эдмон погибли. Что ж, значит, корону получит Филипп. Я иду к нему.

– Одно удовольствие иметь с вами дело. – Аюдант наконец принес вино, и барон подождал, пока Анри наполнит кубки. – Что ж, вечная память.... Жаль, что я принес такую весть.

– Было б много хуже, если б ее принесли Лумэны. Мне нужно говорить, как я ценю вашу помощь?

– Благодарность Мальвани стоит дорого, сигнор, – толстяк церемонно наклонил голову, – но любезности могут и подождать. Я постараюсь сообщать вам самые свежие новости и впредь. Надеюсь, они будут не столь плачевны. С Филиппом сейчас виконт Тарве, которого теперь, видимо, следует называть графом ре Фло?

– Да, – наклонил голову Анри, – это счастье, что Шарль отправил их в Гаэльзу. Не хотел вас спрашивать, но как вышло, что они попали в ловушку? Это ведь была ловушка, не правда ли?

– Разумеется. – Барон сердито оттолкнул недопитый кубок, что для него было делом немыслимым, особенно с учетом того, что в доме Мальвани подавали лишь старое атэвское. – Якобы мародеры напали на отряд фуражиров. Разъезд, которым командовал Эдмон, погнался за ними и попал в засаду. Шарль с Раулем, разумеется, бросились на выручку, и тут им в спину ударили люди в их же ливреях. Маскарад придумала Агнеса, но взялись за него дети погибших в Кер-Оноре. Затем сообщили Старому Медведю, тот к ним проломился, и тут Агнеса с Батаром и эскотцами замкнули кольцо. Шарль и Рауль к этому времени были уже мертвы.

– Можно подумать, вы при этом присутствовали.

– Не я, другой. Но этому человеку можно верить. Увы, маршал, даже ваш предок в таком положении и тот бы не смог ничего поделать.

– Где сейчас Агнеса? – Имя Конрада Батара Мальвани не произнес, видимо, не таким уж он был железным.

– Пока не знаю, но узнаю. Может быть, даже этой ночью. К вам придет человек. Его зовут Габриэль. Можете ему доверять так же, как мне. Нет, больше! У него особый счет к Лумэнам...

– Странно, барон... – Мальвани внимательно посмотрел в заплывшие глазки Обена. – Вы всегда старались остаться в стороне, выжидая, чья возьмет. Не спорю, у вас были свои пристрастия, и нам вы несколько раз очень помогли. Но вы всегда делали все, чтобы вас

никоим образом не связывали с Тагэре. А сейчас, когда мы почти проиграли, вы чуть ли не открыто встаете на нашу сторону. Почему?

– Вам, маркиз, я отвечу, – вскинул голову Обен, – но, умоляю вас, никому не передавайте мои слова, иначе моя репутация погибла. Я любил Шарля Тагэре, и, можете смеяться, я люблю Арцию, и мне не безразлично, как и при ком будут жить мои внуки. Я ответил на ваш вопрос?

– Да, – просто сказал Мальвани, – я так и думал. У меня будет к вам просьба, барон. Раньше я с ней обращался к Шарло или Раулю, но теперь.... Если я не вернусь, если мы проиграем, приглядите за Мирандой и Сезаром. На ЭТУ войну ему еще рано.

– Благодарю за доверие, – Обен сглотнул и, деланно хохотнув, взялся за свой кубок, – можете быть спокойны. Обещаю, что меня они, как минимум, переживут. Но не злоупотребляйте моим терпением, видеть ифранку и ее свору в Мунте мне не хочется, так что вам следует поспешить. И, если позволите, один совет... Их убили предательски, так что с этими, как бы выразились наши атэвские друзья, детьми шакала церемониться не стоит. Против них все средства хороши.

– Не спорю, – кивнул Сезар, – судя по всему, какое-то средство у вас есть?

– Да, – веско сказал Обен, – если вы возьмете грех на душу.

– Возьму.

2870 год от В.И.

Вечер 29-го дня месяца Вепря.

Фей-Вэйя

Ее Иносенсия молча сидела в малом кабинете Виргинии. У нее не было сил ни раздеться, ни лечь, ни даже налить себе воды, но дикая усталость не притупила боли, напротив. Уж лучше бы Шарль умер в ее объятьях, а она бы ушла вслед за ним, чем эта ужасная смерть... Она не видела, еще не видела насаженных на пики голов, но проклятое воображение рисовало грязные воды Льюферы, вопящих торговцев на мосту, ободренных городских ворон.... Если бы она тогда дождалась, Шарль был бы жив, а их первенцу шел бы восьмой год, а теперь даже месть и та будет запоздалой.

Тонкие пальцы Сола бездумно шарили по мозаичному орнаменту на крышке бюро, повторяя очертания прихотливых растений и птиц. Один лепесток оказался чуть вдавленным, наверное, перламутровая раковина, из которой он был сделан, оказалась тоньше других. Сола равнодушно провела пальцем по выбоинке и вздрогнула от неожиданности, когда панель, щелкнув, отскочила в сторону, открыв потайной ящик, в котором оказались изящный флакончик и оправленная в сиреневый сафьян тетрадка. Видимо, когда-то эти вещи принадлежали Виргинии. Что ж, хороший тайник. Жаль, у Соланж Ноар нет ни писем, ни медальонов с портретами, ни пряди волос, которые она могла бы иногда вынимать из укрытия и рассматривать, оплакивая прошлое. От ее любви не осталось ничего, кроме памяти и боли, но память и боль не запрещь в потайной ящик, они всегда с тобой...

Сола вздохнула. Что же делать с этим наследством? Сжечь? Виргиния своим безумием давным-давно искупила былые грехи, сколько бы их у нее ни было. Лучше смерть, какой бы страшной она ни была, чем такая жизнь. Наверное, не стоит тревожить покойную, вдруг там ее дневник, ее сокровенные мысли и чувства, которыми она не могла ни с кем поделиться, но которые требовалось выплеснуть? И что в этом изящном флаконе? Благовония? Лекарство? Яд? Если яд, то он может пригодиться и Соле.... Когда она сделает то, что должна, лучше принять смерть от Агва Закта или лицерриниума¹⁰⁶. Может быть, Виргиния что-то об этом пишет, а заснуть она все равно не заснет...

Сола открыла тетрадь. Слава святой Цiale, это не дневник, по крайней мере в том

¹⁰⁶ Лицерриниум – сильный наркотик, добываемый из так называемого «плешивого гриба» (лицеррии). В значительных дозах смертелен.

смысле, в каком она боялась. Это было что-то вроде рабочих записей, возможно, именно их так долго искала и не нашла Агриппина. И то сказать, пальцы наставницы были слишком грубыми и толстыми, чтобы даже случайно обнаружить тайник.

Почерк у Виргинии был разборчивый, и Соланж быстро пролистывала страницу за страницей. Безусловно, там попадались любопытнейшие наблюдения и заветы, но Сола не собиралась ни заниматься магией, ни разбираться со старинными артефактами. Ей нужно было лишь узнать о содержимом флакончика, иначе придется подвергнуть опасности одну из бесчисленных монастырских кошек, вертящихся около кухни.

Женщина пропустила пару заметок, в которых шла речь о какой-то утраченной Вещи, а потом ее глаза резанули знакомые слова. Заклятие Нежизни! То самое! Да, Виргиния его знала. Агриппина как-то рассказала, что Ее Иносенсия когда-то согрешила и замела следы таким страшным образом... Сола, сама не зная почему, стала слово за словом разбирать записи Виргинии, словно разговаривая с подругой по несчастью.

Сначала Предстоятельница подробно описала известный Соланж обряд, но затем... Зря Сола решила, что ее больше ничего не может потрясти. 26-го дня месяца Лебеда 2859 года Предстоятельница писала:

«...похоже, это единственный способ для женщины, не обладающей изначально магическим даром, обрести его подобие или же многократно увеличить уже имеющийся. Причем каждое новое подобное заветие заметно усиливает предыдущее. Лучше всего его применять, когда плоду около пяти месяцев. Думаю, женщине одаренной достаточно одного раза, но я лишь на четвертый смогла добиться нужного результата. Вызывает удивление и побочный эффект продления молодости. Я до конца не поняла, в чем суть этого феномена, но, похоже, он сказывается на обоих партнерах. Во всяком случае, мой неподражаемый Лионель тому живое доказательство, он уже сейчас выглядит моложе своего младшего брата... Впрочем, я не намерена, подобно Диане, делать нашу связь достоянием всех и каждого. К счастью, Агриппине можно доверять, хотя она не одобряет того, что я делаю. Впрочем, с ее внешностью довольно трудно вообразить себя на моем месте, не прельщать же рыцарей обещанием вечной молодости, для этого им пришлось бы слишком много рассказать...»

Буквы прыгали и расплывались перед глазами, Соле казалось, что они кривляются и корчат рожи, словно маленькие зловредные демоны. Святая Циала! Как же так?! За что?! Сотворенное ею в склепе заветие не превращало ее в ядовитое чудовище! Напротив, оно продлевало ее молодость и продолжило бы молодость Шарля. Виргиния четырежды убивала своих нерожденных детей и в пятьдесят четыре выглядела тридцатилетней. Ей самой сейчас тридцать пять, но она выглядит младше сестры Георгии, хотя той всего лишь двадцать семь! Она оттолкнула Шарля, а их любовь им ничем не грозила! И Агриппина об этом знала! Но почему, почему бланкиссима солгала ей? Зачем она сказала, что заветие превращает решившуюся на него женщину в орудие смерти? Хотя это-то как раз объяснимо. Глупая толстуха боялась, что ее девочка может попасться с каким-нибудь рыцарем и погубить свою душу, и соврала, как любящая бабушка врет внуку, что, полезь он купаться в реку, его утащит водяной. А она поверила. Какая же она была дура, и как часто благие намерения оборачиваются бедой...

2865 год от В.И.

1-й день месяца Сирены.

Арция. Гаэльзский тракт

Очередной приступ кашля вывел кардинала Евгения из себя. Как не вовремя! Не хватало только простудиться! Ему с его легкими сейчас не трястись бы в возке среди пурги, а сидеть в своем дворце и пить настойку алтеи да держать ноги над паром. Но нельзя. Кардинал отбросил испачканный платок, тут же подобострастно подобранный Жаном Тонро. Отчего-то старик терпеть не мог этого молодого, но уже полного и плешивого клирика со сладким лицом и умильными умными глазками. Его бы воля, он бы сплавил Жана, несмотря

на его очевидные достоинства, в отдаленную обитель. Таких нельзя принимать в лоно Церкви, хитрые, липкие, как след улитки, они не мытьем, так катаньем пролезают наверх. Им и на Творца и его святых, и на земные страдания наплевать, предадут и продадут, и все с улыбками да с изречениями из Книги Книг. Евгений ненавидел таких, но отделаться от Жана не мог – тот каким-то образом умудрился расположить к себе Архипастыря, который, по мнению Евгения, хоть и был немногим старше его самого, явно обнаруживал все признаки старческого слабоумия.

В свою безумную поездку кардинал Арцийский взял Тонро по одной-единственной причине. Уж если тебе навязали сволочь, то пусть эта сволочь будет на глазах. Теперь, глядя на скукожившегося, несмотря на добротную шерстяную одежду, дебелого монаха, Евгений мстительно подумал, что так ему и надо. Пускай потрясется от холода и страха, ему полезно. Но где, Проклятый их побери, эти мальчишки?! В этой воющей круговерти скорее волки найдут тебя, чем ты отыщешь хоть кого-то. И все равно старик был уверен в своей правоте, даже если это его последняя поездка. Евгений и так ждал слишком долго, но теперь промедление для Арции было бы смерти подобно.

Возок резко остановился. Его Высокопреосвященство успел ухватиться за край скамьи, но Жан изо всех сил впечатался своей противной физиономией в ребро дорожного сундука, изрядно порадовав кардинальскую душу, тем паче других поводов для радости не было. Возница сбился с дороги и зацепился за спрятавшийся под снегом изрядный пень, окованное медью дерево не выдержало, и теперь нужно было или оставлять стоивший немалых денег и, главное, очень удобный возок в поле, или попытаться его починить, а это требовало времени.

Высказав недотепе вознице, а также сидевшему рядом с ним несчастному секретарю с покрасневшим носом все, что он думает о различных пнях, как древесных, так и двуногих, кардинал задумался. Вьюга и не думала затихать, холод постепенно начинал пробираться до костей, говорить можно было, только крича в ухо собеседнику. Остаться здесь было безумием, двигаться куда-то – тем более. Положение казалось безвыходным, но Творец, которого Евгений никогда не обременял пустячными просьбами, полагая, что служение Ему предусматривает умение выпутываться из неприятностей собственными силами, на сей раз помог.

Из слегка притихшей метели появились двое всадников. Они были запорошены снегом, от лошадей валил пар, но у них можно было узнать дорогу. Впрочем, удачи, как и неудачи, не любят ходить в одиночку. Всадники, разузнав, кто перед ними, представились. Это были гонцы маршала Мальвани, направляющиеся в распоряжение Рауля ре Фло. Оказалось, что до Кер-Оноре, где расположились Тагэре, не более трех вес.

То, что случилось дальше, повергло сопровождающих Его Преосвященство клириков в ужас. Один из всадников, повыше ростом и со шрамом на щеке, предложил взять с собой кого-то из путников, дабы потом те могли привести подмогу, так как они сами, к сожалению, будут вынуждены немедленно вернуться к маршалу. Это было разумное предложение, но то, что отмочил кардинал Арцийский, не лезло ни в какие ворота. Старик решительно заявил, что отправляется сам, а вторым может быть кто угодно, хоть бы и дурак возница. Воин кивнул и протянул руку. Старый клирик с неожиданной ловкостью пристроился позади всадника, обхватив его за пояс, тот тронул поводья, и путники скрылись в ревящем буране.

Как ни странно, дорога оказалась не столь уж и тяжелой. Конь шел на удивление плавно, лицо кардинала было защищено спиной всадника, чья сигна – странный белый цветок в скрещении солнечных лучей – ничего тому не говорила, Впрочем, знать всех дворян Арции Евгений не мог, тем паче вряд ли представитель заметной фамилии станет гонцом, хоть бы и у маршала. Его Высокопреосвященству было тепло и уютно, много уютнее, чем в обитом простеганными атласными одеялами и обогреваемом жаровнями возке, даже кашель отпустил. Кардинал попытался запоминать дорогу, но, не видя ничего, кроме мерцающей белой стены (то ли вьюга еще больше освиrepела, то ли кони бежали куда быстрее, чем казалось), невольно задумался о том, что с позволения Творца творится в Арции.

Проклятая ифранка! Евгению никогда не доводилось сталкиваться ни с

последователями Баадука, ни с таянскими, прости господи, еретиками и сквернавцами, но жестокости Агнесы, величавшей себя праведной дочерью Церкви Единой и Единственной, хватило бы на сотню язычников. Додуматься отдавать собственные деревни на разграбление наемникам. Нет бы вытряхнуть из своих закромов и закромов своих драгоценных Фарбье хотя бы часть украденного или потребовать у папы или дядюшки Жозефа оплатить ее долги. А те вполне бы могли раскошелиться, как-никак арцийская королева для процветания Ифраны сделала немало, уж куда больше, чем для подобравшей такое сокровище Арции. Дура так и не поняла, что могла стать великой королевой великой страны, и стала жадным и глупым вассалом коронованного ифранского неряхи. Ею же детей скоро пугать начнут.

Евгений понимал, что Агнеса на эскотских пиках долго не усидит, а ее сынок, с которого она сдувает пылинки и который, похоже, до сих пор не знает, с какой стороны на лошадь садятся, тем паче. Он – бастард. Это знают все, а на троне Волингов бастардам не сиживать, так как это предвещает возвращение Проклятого и конец света. Люди хорошо помнят пророчество времен Циалы: «Стены Мунта возопят, когда коснется их кошачья лапа, камни дворца обличат ублюдка, из грязи он поднимется, оставшись грязью, и скроется в грязи, оставив след кровавый и зловонный, но по следу его пройдет Проклятый».

Через пророчество Лумэнихе не прыгнуть. Наследником безумного Пьера все равно станет семя Тагэре или, если Агнеса добьется своего и все сыновья Шарля погибнут, Мальвани или Бэрроты. На худой конец, королем назовут кого-то из иностранных принцев, но не бастарда. Иначе в городе вспыхнет бунт, причем самый страшный из всех возможных, где религиозный фанатизм смешается со страхом перед пророчеством и ненавистью к чужакам. Это нужно предотвратить. И потому он, кардинал Евгений, в свои семьдесят три трясется за спиной какого-то третьеразрядного дворянчика, разыскивая Филиппа Тагэре.

2870 год от В.И.

1-й день месяца Сирены.

Арция. Кер-Оноре

Рауль задумчиво покрутил графское кольцо, пальцы у него были заметно тоньше, чем у деда, но отдать перстень Старого Медведя в переделку казалось недавнему виконту кошунством. Он так и не поблагодарил мальчишку-пажа за то, что тот каким-то чудом вызволил у палачей дедово кольцо и графскую цепь Эдмона. Луи исчез, оставив спасенные им вещи на пороге комнаты Рауля, и никто из воинов и слуг не видел, как он уезжал.

Ладно, хватит сидеть и вспоминать то, что лучше до поры до времени выбросить из головы, хоть это и кажется невозможным. Граф встал, накинул подбитый медведем плащ и вышел из уютного эркардского домика прямо в метель. На дворе, несмотря на непогоду, былолюдно. Суетились возчики, пробегали аюданты, а во двор как раз въезжало двое всадников. Нет, приехавших было четверо. Первый легко спрыгнул с коня и помог сойти сидящему за ним сухонькому старику в зеленом. Ре Фло не поверил своим глазам, а старик, наскоро благословив присутствующих, мелким, но быстрым шагом подошел к нему и спросил, есть ли в этом доме чем промочить горло.

Больше сомнений не было. О пристрастии Его Высокопреосвященства к подогретому вину знала вся Арция. Спутник кардинала, жилистый пожилой монах, с неодобрением глядя на Евгения, пробормотал что-то о горячей ванне для ног, но был остановлен взглядом, от которого даже закоренелый еретик и тот провалился бы сквозь землю, а Его Преосвященство, подобрав полы одеяния, с достоинством проследовал в дом.

Прибежал взволнованный эркард, на лице которого читалось неподдельное облегчение. Он симпатизировал Тагэре, но карты разложились не в их пользу, и добряк изрядно побаивался за себя, свое семейство и свое барахлишко. Одно дело оказывать покровительство сыновьям проигравших, и совсем другое – первому клирику Арции. Евгений смерил эркарда цепким колючим взглядом, но благословил, плохо скрыв усмешку, а затем сразу же перешел к делу.

– Как вы думаете, зачем я, прости святой Эрасти, как очумелый бросился в эдакие

погоды за вами?

Ре Фло промолчал. Едва увидев старика, он сразу же принялся гадать, что означает его появление, но ничего путного в голову так и не пришло. Евгений это увидел, и во все еще ясных глазах мелькнула озорная улыбка, впрочем, тут же погасшая.

– Я все знаю и, святой Эрасти свидетель, оплакиваю потерю не меньше вас. Но сначала нужно спасти земное, а потом предаваться печалю. Вы, вижу, это понимаете. Где сын Тагэре?

– За ним уже послали.

– Пошлите заодно за моими монахами, они застряли в нескольких весах...

– Уже сделано, Ваше Преосвященство.

– Да, я мог бы и сам догадаться. О, вот и Филипп. Иди сюда, благословлю. Вылитый отец, надеюсь, и душой тоже. Хорошим королем будет, если научится сам себя на цепи держать. Шарло-то умел. Ладно, чадо, – кардинал словно бы свысока глядел на вспыхнувшего Филиппа, хотя тот мог бы поднять старика одной рукой, – что-нибудь красное у тебя найдется?

– Красное?

– Не могу же я произвести миропомазание Волинга, одетого во что попало...

– Так...

– Да, – жестко отчеканил старик, – время шуток миновало. Властью, данной мне Святым Престолом, я, кардинал Арции Евгений, намерен не позднее чем через ору помазать на царствование сына и наследника герцога Тагэре. Пьер в присутствии многих свидетелей, среди которых был и я, отрекся в пользу Шарля, а отречение обратной силы не имеет...

2871 год от В.И.

1-й день месяца Сирены.

Эр-Атэв. Эр-Иссар

Пышнотелый человек с гладкими щеками, вызвавший у Иоанна смутное отвращение, распахнул узорчатую дверцу, и настоятель оказался в райских кущах. К небесам взлетали жемчужные фонтаны, а цветы, несмотря на то, что здесь называли зимой, соперничали яркостью с птицами, висящими в невесомых позолоченных клетках на ветвях деревьев. Иоанн с неожиданной робостью ступил на усыпанную белой мраморной крошкой тропинку. Он не был ни трусом, ни завистником, ни сребролюбцем, но эта прихотливая роскошь слишком отличалась от суровой выжженной пустыни, к которой привыкли его глаза.

Почему-то калиф Усман решил принять его именно в саду. Уж не собирается ли хитрый язычник поделиться с ним какой-нибудь из своих бесчисленных жен? Никодим говорил, что Усман отличается склонностью к философии и своеобразным шуткам. Клирик неспешно шел среди прохладных гротов и ажурных беседок, мысленно готовясь к встрече. Иоанн знал, что владыке атэвов около сорока и он нарушил неписанный обычай майхубитов, оставив своему брату Али не только жизнь, но и мужественность. Это говорило в его пользу, впрочем, и Али в долгу не остался, его верность царственному родичу не поколебали даже воинские удачи. «Копье Атэва» – вот как прозвали полководца хаонгские императоры. Сам же Усман, похоже, предпочитал коню и сабле старинные свитки. Некоторые почитали это слабостью, но Никодим полагал, что Эр-Атэв сейчас в такой силе, что его властелин может позволить себе некоторые чудачества, которые скорее всего не более чем парчевый халат на стальном панцире.

Белая дорожка резко свернула в заросли выющихся золотистых роз и вывела к бассейну с проточной водой. Там Иоанн и нашел калифа. Усман развалился на диване, поигрывая кистями синего пояса. Рядом лежали раскрытая книга и серебряная корзинка с кормом для рыб. Неподалеку по изумрудной лужайке взапуски с белым жеребенком бегали двое мальчиков. Старшему было лет десять, младшему не больше шести.

Увидев гостя, калиф жестом указал Иоанну на второе ложе. Клирик присел на самый краешек, вызвав на губах повелителя еретиков тонкую улыбку.

– Итак, – голос у Усмана был приятный, а язык арцийцев он знал отменно, так же, впрочем, как и хаонгский, – тот, кто был до тебя, ушел к своему богу, и теперь страж Истины ты, именуемый Иоанном. Готов ли ты к тому, что должен?

Иоанн замешкался, но калиф, похоже, ответа не ждал.

– Сейчас сюда придут мои сыновья. В Эр-Гидале живут дольше, чем в Эр-Иссаре. Когда я обниму луноволосую девственницу, ты еще будешь стоять на коленях перед разрисованными досками. Я хочу, чтоб мои сыновья запомнили тебя, а ты – их.

Калиф что-то крикнул, и невидимый доселе служитель тенью скользнул к играющим мальчиком.

– Вижу, ты полагаешь их слишком юными, но душа входит в тело с первым криком. Они еще не мужчины, но я вижу, кто есть кто, и, когда придет время, назову имя наследника. Узнай же и ты того, кто исполнит клятву. Вот они, пастырь хансиров. Принц Наджед, сын моей первой жены, и принц Яфе, чью мать я нашел среди роз.

Наджед был не просто красивым мальчиком, он был истинным принцем. Похоже, его воспитатели не зря ели свой хлеб. Иоанн с изумлением слушал слова десятилетнего ребенка, более приличествующие пожилому вельможе.

– Мои зрачки – цветы, по которым ступают ноги твоего гостя, о мой отец и повелитель. Этот хансир драгоценен, о Лев Атэва, потому что на него упал твой алмазный взор, обращающий все в золото.

Усман, ничего не ответив, повернулся ко второму сыну. Яфе, смуглый и кудрявый, с любопытством воззрился на клирика, а потом коснулся своей кажущейся игрушечной сабли: «Мой клинок – твой клинок по слову Майхуба!»

Что-то еле осязаемое дрогнуло в уголках темных глаз калифа, когда он отпускал сыновей.

– Атэвы не забудут своей клятвы.

2870 год от В.И.

Вечер 1-го дня месяца Сирены.

Арция. Кер-Оноре

– Кузен...

Знакомый голос вывел Рауля из задумчивости, и граф встал с кресла, приветствуя новоиспеченного монарха. Правду сказать, он мог этого не делать, но ему захотелось поддразнить Филиппа и заодно проверить, как он относится к своему новому титулу. Оказалось, правильно относится.

– Рауль, – в голубых глазах юноши взметнулась злость, смешанная со смехом, – прекрати издеваться!

– Я не издеваюсь, – улыбнулся ре Фло, – а приветствую короля...

– В таком случае я приветствую короля над королем, и хватит об этом. Что будем делать, а, кузен?

– Что? – Рауль тронул темную бровь. – Вообще-то у нас выбор небогатый. Или идти им наперерез, или ждать, когда они соизволят до нас добраться, одновременно укрепляя все, что можно укрепить. Большинство, наверное, так и поступило, но не твой отец...

– Но их больше.

– Больше, – не стал спорить Рауль, – поэтому они и не будут нас ждать. И к тому же не забывай, что в войске Агнесы половина наемников, да и она сама Арцию терпеть не может.

– Не понял... – Король улыбнулся, словно бы извиняясь за свою глупость.

– И неудивительно, ты еще не видел настоящих мародеров. Наемников еще может сдержать сильный человек, преданный своей стране, а для Агнесы арцийские крестьяне – грязь, она и пальцем не пошевелит, чтобы их защитить. Значит, те бросятся за помощью к местным нобилям, причем не к тем, кто идет с Лумэнами.

– И они нас поддержат?

– Очень даже может быть. И уж точно они не поддержат ифранку. Даже если их силком

погонят, толку никакого не будет. Мальвани тоже так считает.

– Анри?!

– Да, пока ты готовился к обряду, я поговорил с его гонцом, который и привез Евгения. Он должен был немедленно возвращаться. Вот письмо. Я не вскрывал.

– Рауль!

– Ты король, Филипп. Анри – маршал Арции. Я всего лишь граф ре Фло, ты должен к этому привыкнуть. Промедление часто смерти подобно, но на сей раз ора или две ни нас, ни Арцию не погубят. Ломай печать!

Король рывком сорвал печати с арцийскими нарциссами и великим тигром Мальвани, и две головы, темная и золотистая, склонились над посланием. Маршал был верен себе, вглядываясь в четкие строки, Рауль, как наяву, видел правильное лицо маркиза и слышал его спокойный сильный голос.

«Ваше Величество! Надеюсь, что таинство миропомазания уже свершилось, и я могу и должен обращаться к вам именно так. Примите мои соболезнования в связи с гибелью вашего отца и засвидетельствуйте мое сочувствие графу ре Фло, который, я надеюсь, находится рядом с вами. Видит святой Эрасти, погибшие были для меня больше чем друзьями. Я оплакиваю их вместе с вами, но их кровь и Арция требуют не слез, но действий. Узурпаторы, запятнавшие себя святотатством, не вправе победить, это погрело бы само понятие справедливости.

Ваше Величество! Узнав о несчастье из достоверного источника, я счел правильным оставить Мунт, так как город не приспособлен для обороны, а его жители слишком драгоценны, чтобы делать их заложниками гражданской войны. Я вывел вверенный мне гарнизон, оставив столицу на попечении городской стражи, возглавляемой бароном Трюэлем. Первоначально в мои планы входило идти на соединение с вами, но я узнал, что в направлении Мунта движется шеститысячная армия Поля Фарбье, и я счел правильным пойти ей навстречу. Я знаю Фарбье, он смелее своего покойного брата, но, если не произойдет ничего непредвиденного, я надеюсь разбить его, обезопасив тем самым Мунт от сторонников Лумэнов, по крайней мере, до генерального сражения, каковое неизбежно.

Полагаю, битва между мной и Фарбье состоится возле замка Ирми, где я надеюсь их остановить. Если удача будет на моей стороне, я двинусь наперерез армии Агнесы, которая, и по имеющимся сведениям, и по логике развития событий, должна пойти на соединение с Фарбье, после чего либо овладеет столицей, либо, что было бы правильнее с военной точки зрения, повернет на Газльзу, дабы покончить с возглавляемой вами армией. Я не намерен позволить ифранской клятвопреступнице исполнить задуманное и думаю перехватить ее у деревни Беток, что в Доадских холмах. Я надеюсь быть там раньше ифранки, дабы должным образом подготовить встречу. После эльтского предательства нет средства, которое было бы предосудительным по отношению к этой женщине и ее сторонникам.

Если Вашему Величеству будет угодно принять мой совет, то неожиданное появление вашей армии вблизи Беток значительно улучшит наше положение. Однако такое перемещение имеет и свои трудности. Вам после переправы через Вигму придется идти по следам армии Лумэнов. Мы будем разделены сорокатысячной армией противника, и нам будет трудно координировать свои действия. Тем не менее ваше появление в нужное время в нужном месте могло бы стать решающим.

Вот то, что я имел сообщить вам. Еще раз примите мои заверения в преданности и соболезнования по поводу постигшей всех нас утраты.

Жизнь – Арции, душу – другу, честь – никому.

Маркиз Анри-Мишель-Аннибал ре Мальвани».

– Вот все и прояснилось, кузен. Мы пойдем к Бетоку, и пусть Антипод хранит ифранку и ее гаденьша.

– Да, – кивнул Рауль, – Мальвани принял решение, и оно единственно верное.

– Хотел бы я знать, – задумчиво пробормотал король, – кто сообщил о беде. Его Высокопреосвященство все узнал от маршала, а маршал откуда? Похоже, у него оказался

свой Луи...

– Скорее у Обена, иначе Мальвани не упомянул бы его имени, а толстяк, – Рауль вздохнул, – толстяк всегда любил Шарля. Дважды он его спасал, третий раз не получилось...

– Агнеса заплатит за все, – молодой король говорил спокойно, но от этого его слова казались лишь более вескими, – но сначала нам нужно победить.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Jus talionis¹⁰⁷

*И когда рядом рухнет израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его – не тебя!
Ты поймешь, что узнал, отличил, отыскал
По оскалу забрал – это смерти оскал!
Ложь и зло – посмотри, как их лица грубы.
И всегда позади воронье и гробы.*

В. Высоцкий

2870 год от В.И.

11-й день месяца Сирены.

Арция. Доада

Маршал Мальвани предпочитал ехать в середине войска, то ли желал находиться среди своих людей, то ли беспокоился о нескольких закрытых белым полотном телегах, которые везли мохноногие приземистые лошадки. Иногда Анри все же выезжал вперед, тогда его место занимал младший брат, такой же невозмутимо-красивый, но в зеленом эрастианском облачении. Что подвигло блестящего гвардейца Жоржа Мальвани десять лет назад принять постриг, не знал никто, но он это сделал и, похоже, отнюдь не раскаивался. Сан, впрочем, не мешал красавцу клирику лихо управляться с атэвским скакуном, а из-под облачения выглядывали рыцарские латы.

Кардинал Евгений, спешно собираясь в Гаэльзу, неожиданно для всех возвел Жоржа в сан епископа, поручив ему сопровождать воинство Анри. Присутствующие при этом клирики сразу же прониклись подобоострастным вниманием к брату маршала. Было известно, что Евгений долгие годы не может выбрать себе преемника, и тут в самый неожиданный момент ему на глаза попался Жорж. Если победят Тагэре и новый епископ останется жив, возможно, в один прекрасный момент он станет кардиналом. Это следовало учесть, и свидетели возвышения Мальвани-младшего рассыпались в благословениях и напутствиях. О чем думал сам Жорж, оставалось неясным, он проявлял обычную для своего семейства доброжелательную сдержанность, становясь по мере необходимости в большей степени рыцарем, нежели монахом.

Братья часто о чем-то разговаривали, поглядывая на странные телеги, но о чем – не слышал никто. Армия шла быстро, пусть она не была столь уж большой, но Анри был уверен в каждом человеке, пошедшем за ним. Мальвани ничего не скрыл, рассказав и о гибели Шарля, и о том, как это произошло. Потом маршал предложил всем, кто хочет уйти, уйти немедленно, получив свои деньги. Деньги, к слову сказать, были из Малве, и солдаты это знали. Ушли немногие, остальные проводили их угрюмым взглядом, а потом какой-то молодой нобиль вдруг взял да и стянул волосы на затылке синей лентой. Оказалось, в Мирии так поступают родственники убитых, объявляя кровную месть. Вскоре вся молодежь щеголяла конскими хвостами. Ветераны были более сдержанны, но и их мысли и намерения

¹⁰⁷ Право на равное возмездие, око за око (лат.) .

были очевидны. Армия шла мстить, и мстить жестоко. Даже неизбежные бивуачные шутки и то вертелись вокруг того, что и как сделают с «лумэновскими ублюдками». Когда же разведчики доложили, что армия Фарбье находится в полутора дна пути, люди и вовсе замолчали, но по нехорошему блеску в их глазах было ясно, что, если Мальвани понадобятся пленные, маршалу придется очень постараться, чтобы заполучить кого-нибудь живьем.

2870 год от В.И.

11-й день месяца Сирены.

Арция. Доада

Разведчики были не нужны. Путь Агнесы и ее наемников можно было проследить по сожженным деревням. Ифранские родственнички не спешили помочь воинствующей королеве аурами, и она расплачивалась с эскотцами и фронтерцами натурой. На землях сторонников Тагэре грабили явно, если же приходилось идти по местам, почитающимся лумэновскими, иноземные вояки творили то же самое, но под покровом ночи. Королева же никаких бесчинств, разумеется, «не замечала».

Один из мелкопоместных нобилей, успевший увести людей и скотину в овраги, так что все остались живы, хоть и без крова над головой, видел войско Агнесы совсем близко, оно было сыто, хорошо вооружено и весело. Арцийцев не так уж и много, все больше наемники, но, видать, умелые. Парень прикинул, что их никак не меньше сорока тысяч.

Впрочем, лучшего вербовщика, чем Агнеса, у Тагэре не было и быть не могло. Ненависть к чужеземке захлестывала Арцию, и людей у молодого короля прибавлялось не по дням, а по часам.

Филипп Тагэре ехал впереди своего войска под королевской консигной, но рядом вздымались орифламма Тагэре и личная сигна молодого монарха – белый сокол в кольце, образованном путами для лошади. Рядом горделиво выступал рыжий иноходец Рауля ре Фло.

Когда армия подошла к Доадским холмам, она насчитывала около двенадцати тысяч человек, из которых к бывалым воинам можно было отнести едва ли половину. Именно здесь Филиппа разыскали посланцы Мальвани. Их было двое – коренастый неразговорчивый крепыш с неожиданно красивыми аристократическими руками и молодой светловолосый нобиль со звонким голосом и шрамом через все лицо. Письмо, запечатанное личной печатью маркиза, лаконично сообщало о победе и о том, что податель сего проведет их через холмы в обход армии Агнесы. Меченый, представившийся Раймоном ре Феррье, охотно, хоть и лаконично, рассказал о том, что маршал сотворил с Фарбье.

Мальвани славился умением выбирать позиции, не подкачал он и теперь. Центр армии прикрыл дорогу на Мунт, левый фланг защищал Яблочный тракт, а правый – дорогу к замку Ирми в том месте, где она пересекала обрывистую речонку Масту. Дальше все было просто. Фарбье следовало бы двадцать раз подумать, прежде чем связываться с Мальвани, но тот каким-то непостижимым образом уверовал, что у маршала не более трех тысяч человек, остальные же, узнав о гибели Тагэре, разбежались. Братец канцлера поверил и бросился вперед, атаковав центр и правый фланг, где командовал епископ Доадский.

Мальвани-младший ловко разыграл отступление, заманив лумэновцев к обрыву, стремительно перестроился, охватив нападавших с двух сторон, и спихнул вниз, после чего лучники буквально расстреляли корячившихся на льду вояк. Разделавшись со своей частью работы, Жорж развернулся и ударил с фланга по самому Фарбье, пытающемуся прорвать центр армии Мальвани. Фарбье слишком поздно понял, что оказался в положении собаки, гнавшейся за котом, а нарвавшейся на рысь. Правда, держался подлец стойко и до последнего, а вот граф Орельен Тартю, подвизавшейся на левом фланге, решил удрать, и Мальвани счел уместным его выпустить, хоть и изрядно потрепав. Маршал полагал, что было бы неплохо с тех, кто потрусливее, сбить спесь, а тех, кто понаглее, разозлить.

В этом смысле Тартю, за которым числился один-единственный подвиг, а именно женитьба на дочке могущественного Жана Фарбье, был незаменим. Трус милостью божьей,

причем склонный превозносить свои заслуги и винить в неудачах всех, кроме себя, несомненно, добавит в медовое настроение Лумэнихи изрядную толику дегтя. Поэтому Анри скрепя сердце его отпустил – отпустил, несмотря на то что Тартю присутствовал при убийстве Эдмона и Этьена ре Фло, отпустил, как отпустил бы бешеную собаку, которая бежит в сторону вражеского лагеря. Собаку, укус которой несет страх и неуверенность в себе. Зато остальные ответили за все. Солдаты Мальвани пленных не брали, разве что тех, кто познатнее. Этих, в том числе и Поля Фарбье, Мальвани взял с собой.

– Хорошее начало, – на лице молодого короля мелькнула тень его прежней улыбки, – надеюсь, продолжение будет не хуже. Вы говорите, через холмы есть проход?

– Да, если двинуться сейчас, мы выйдем туда, куда Агнеса подойдет только к вечеру второго дня. Маршал уже там.

– А она не может свернуть на другую дорогу?

– Исключено, монсигнор, – поклонился меченый – здесь только одна дорога, а по лесу ей не пройти.

– Но почему бы ей не воспользоваться той дорогой, о которой говорите вы?

– Да кто ей ее покажет, от ифранки все как от чумы бегут. А тропа эта лесная, старая, ее только старики и помнят. Но пройти можно.

И они прошли. Дорога оказалась достаточно удобной и должна была вывести к широкому полю между деревушками Беток и Кру. Рауль попробовал мысленно нарисовать тропу на карте, но у него ничего не вышло. Похоже, клирики, составлявшие описание здешних земель, на деле сидели на каком-нибудь постоялом дворе, довольствуясь лишь тем, что им рассказывали. Как бы то ни было, тропа существовала, и двенадцатитысячная армия решительно ступила под сплетенные ветви.

К ночи повалил снег. Идущей вкруговую по пустым полям армии Агнесы пришлось тяжело, но армию Филиппа прикрывали то стволы деревьев, то склоны холмов. Лошади шли весело и бойко, ветер был настолько любезен, что дул идущим в спину, и Рауль решил, что это, равно как и отыскавшийся в лесистых холмах проход, хорошее предзнаменование. Их проводник молча ехал на своей короткохвостой лошади рядом с предводителями. На расспросы он отвечал быстро, но коротко, и вскоре ре Фло оставил его в покое. Свое дело делает, и отлично, а лезть в чужую душу... Шрам на лице совсем свежий, кто знает, что заставляет парня отмалчиваться.

2871 год от В.И.

Утро 8-го дня месяца Агнца.

Деревня Беток

Всю ночь рядом выла собака, воины пытались ее подстрелить или хотя бы прогнать, но в снежной замети можно было потерять отряд солдат, а не то что свихнувшуюся псину. А может, никакой собаки и не было, и это были привидения, выпущенные из преисподней, чтобы напомнить клятвопреступникам об их грехе. Принц Гаэльзский до утра пролежал с открытыми глазами, закрывшись с головой одеялом. В той же комнате на другой кровати должна была спать матушка, но в эту ночь она не пришла.

Филипп знал, что за дверью стоят вооруженные мужчины, но все равно ему было очень страшно. Принц понимал, что врагов-людей можно не бояться, но вот то, что выло и плакало за окном, заставляло дрожать от ужаса. Кормилица рассказывала ему о Хозяине Тьмы, который уносит к Проклятому детей, которые не слушаются или чьи родители согрешили. Филипп всегда слушал матушку, но вот она сама... Принц слышал, как воины говорили, что грех нарушать освященное Церковью перемирие, а матушка сказала, что это ее дело и что она скорее отдаст всю Арцию Проклятому, чем корону – Тагэре.

Филипп старательно заучил то, что ему велели, а потом, хотя ему было очень страшно, не закрыл глаза и смотрел, как одни люди вели других со связанными за спиной руками. Двое пытались вырваться, один упал на колени, но все остальные... Мальчик чувствовал, что они презирают и ненавидят и матушку, и сгнора маршала, и его самого. Только высокий

золотоволосый юноша в синем улыбнулся ему, и принцу ужасно захотелось с ним познакомиться. Но матушка его не пустила. Она сказала, что это враг, и приказала выйти вперед и сказать то, чему его научили, но он запутался.

А улыбавшегося ему юношу убили, хотя сигнор маршал просил этого не делать. И он тоже пробовал просить, но матушка велела сказать, что «Тагэре – это бешеные псы, и всех их нужно уничтожить». Он и сказал, только у него отчего-то не вышло слово «псы», а получилось «спы».

А потом огромный старик в грязных доспехах и без плаща крикнул что-то, что Филипп не понял, а лицо мамы стало красным, как ее платье. Воины бросились вперед, юноша в синем попытался заслонить старика, но тот вырвался. «Смотри, сука, как умирают ре Фло» – вот что он крикнул. И мама очень рассердилась, когда он потом спросил ее, что это значит. Старик, который был страшным, хотя у него были связаны руки, вышел вперед, а светловолосый тронул его за плечо и сказал, что... Что Тагэре даже умирают первыми. А страшный вдруг ему поклонился. И не только он, но и другие пленники, и даже некоторые из воинов.

И тут толстый сигнор, который стоял рядом с маршалом, вдруг плюнул под ноги и ушел, и за ним ушли и другие нобили, и вместо них встали эскотцы в полосатых плащах. Кто-то из связанных крикнул, что не поймешь, кто чей матрас, и мама закричала, чтобы скорей кончали. Люди в масках стояли и ждали. А он так хотел, чтобы пленников развязали и отпустили домой. Но матушка сжала его руку так, что потом долго болело, и он сказал, как его научили: «Смерть изменникам», а потом закрыл глаза и вдруг услышал, как с ними говорит божий вестник. А когда открыл, увидел тело и окровавленную голову, которую держал человек в маске. И тогда ему стало плохо. Он не помнил, как его унесли. Вечером матушка пришла сказать, что она недовольна. А он спросил ее, они теперь клятвопреступники или нет. Она рассердилась еще больше, и он понял, что клятвопреступники. Значит, за ним придет Хозяин Тьмы и заберет к Проклятому... Он, наверное, уже тут.

Скрипнула дверь, и мальчик сжался в комок под одеялом, но это была матушка. Филипп не хотел, чтобы она поняла, что он не спит, и старательно закрыл глаза. Но матушка не стала поднимать одеяло, а постояла на пороге и вышла. А тот, за окном, все еще выл...

2871 год от В.И.

Утро 8-го дня месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Погода была отвратительная. Буран, возможно, последний в этом году, смешал серое небо с промерзшей землей. Недавняя оттепель, когда стоял почти весь снег, сменилась сначала заморозком, а теперь вот этим снегопадом. Рауль ре Фло, то и дело стряхивая с плаща снег, старательно вглядывался в воющее месиво. Хорошо хоть ветер в спину. Если так и дальше пойдет, лучники Тагэре получают заметное преимущество. Интересно, хватит ли у Агнесы и Батара ума переждать ненастье, или они с ходу бросятся в бой. Лично он, Рауль, готов воевать хоть с кем, лишь бы не с ветром, но Агнеса ослеплена яростью, она полагает, что возьмет несмышлениша Филиппа и его строптивого кузена чуть ли не голыми руками. Правду сказать, у змеищи есть основания для самоуверенности. Лумэнов больше раза в два, они уничтожили главного соперника, осталось лишь добить потрясенного врага. Правда, Анри у Масты показал, что Тагэре так просто не сломать, но потеря шести тысяч для пятидесятитысячного войска не смертельна.

Ну да ничего. У Кантиски в свое время было еще хуже. И лично он, Рауль ре Фло, не верит, что все решилось вмешательством святой Циалы и крылатых вестников, это потом наплели, чтобы не благодарить Рене Сгинувшего. Интересно, кстати, чего клирики так на него взъелись и как было все на самом деле... Проклятый, ну и мысли лезут в голову! Нет бы о деле думать.

Только бы выдержал Филипп. За Мальвани можно быть спокойным. Маршал

обороняет центральный лагерь, ему самому достался правый фланг, а Филиппу – левый. Вообще-то, будущему королю следовало стоять в центре, но осуществить план Мальвани может только он сам. Маркиз взял на себя самое трудное, хотя в этом бою трудным будет, похоже, все.

Странно, Мальвани со слов какого-то Габриэля рассказал, что Луи ре Тин был убит при неуклюжей попытке защитить своего друга и господина. Граф прекрасно знал, как во время боя видят то, чего на самом деле нет, и, наоборот, не замечают действительно случившегося. Да и кто мог так походить на Луи, чтобы он, Рауль, так обозначился? Нет, это был ре Тин, и спасибо ему за то, что он сделал. Как бы то ни было, в том, что они пришли вовремя, есть и заслуга мальчишки пажа...

Особо злобный порыв ветра забрался-таки под плащ, и Рауль сквозь зубы выругался. Дурак! Не ругаться надо, а благословлять хоть Творца, хоть Проклятого за эту метель.

Анри Мальвани, неожиданно появившийся из снежных хлопьев, словно бы сошел с парадного портрета. Он был озабочен, но не более того. Что же он все-таки задумал? Даже им с Филиппом не сказал, видно, что-то вовсе немыслимое, с Мальвани станется. Они пожали друг другу руки.

– Я все помню, маршал, – Рауль со скрытой надеждой глянул на друга отца и Шарля, – мы не подведем.

– Этого мало. – Маркиз помолчал, видимо, подбирая слова. – Второй частью сражения придется командовать тебе.

– Мне?

– Тебе, Рауль. – Анри внимательно рассматривал свою латную перчатку. – Если мне удастся сделать то, что задумано, мы наверняка победим. Другое дело, что мне этого не увидеть. Молчи. Молчи и слушай. Они постараются прорвать центр...

2871 год от В.И.

Утро 8-го дня месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Доспехи при всей их красоте оказались тяжелыми и неудобными, но Агнеса терпела. Королева-воительница должна напутствовать свою армию в бой, а потом встречать победителей. Придется потерпеть, тем паче доспехи ей шли куда больше придворных платьев. Правда, мастер, взявшийся их делать, поставил вопрос ребром: это нужно для сражения или для красоты? Сражаться Агнеса не собиралась, не умела, учиться было уже поздно, да и не хотелось ей. Бой – это для мужчин, дело женщин заставить их воевать за нужное дело, а не из глупых фанаберий. Поняв, что от него требуется, оружейник изготовил доспехи, выгодно подчеркнувшие все, что в Агнесе было красивым. Теперь, верхом на белом коне, в алом, расшитом золотом плаще и в шлеме с алым же плюмажем, королева казалась почти красавицей. Глянув на себя утром в зеркало, она даже пожалела, что сегодня все кончится. Ей понравилось воевать, это было отнюдь не столь сложно и страшно, как пытался убедить Жан Фарбье. Он и до сих пор бегал бы от Шарля Тагэре, а вот они с Батаром придумали, как одним махом избавиться и от соперника, и от его прихвостней.

И, между прочим, крови пролилось не так уж и много. В сражениях ее было бы куда больше. А вот как расплатиться с эскотцами и фронтерцами, пришло в голову именно ей. Конрад талдычит, что это возмутит крестьян, ну и что?! Пускай возмущаются хоть до посинения. В Ифране о том, что скажут крестьяне, думать не принято. Крестьянин должен копаться на своих грядках и платить положенное сигнору, чтобы тот, в свою очередь, платил королю. И все. Может, еще прикажете спрашивать мнение коровы, хочет ли она давать молоко и кому?

Агнеса поправила на груди золотую королевскую цепь с нарциссами и повернулась к сыну. Мальчик, наряженный в такие же красивые доспехи, как и она сама, явно боялся, глаза у него были на мокром месте, и только страх перед матерью мешал ему разрыдаться в голос.

– Ваше Величество, – вошедший маршал учтиво поклонился. Об их отношениях знали

все, но Конрад продолжал на людях разыгрывать почтительность. – Погода, к сожалению, нам не благоприятствует. Очень сильный ветер, и к тому же снегопад. Думаю, стоит отложить наступление до его окончания.

– Ну, нет, – вскинула подбородок королева. – Мы не намерены ждать. Победа всегда на стороне нападающих.

– Не всегда, Ваше Величество, – маршал старался говорить спокойно, но на его скулах заиграли желваки, – один раз нам повезло, не спорю, но Тагэре не ждал нападения, ведь было перемирие. А у Масты...

– Маста – это недоразумение, – нахмурилась Агнеса, – никто не ожидал, что Мальвани собрал столько людей. Но сегодня перевес на нашей стороне.

– Анри при всем своем преимуществе не нападал, а ждал нападения...

– А что об этом думают эскотцы?

– Эскотцы получают свою плату, и...

– Хватит! Мы не желаем больше слышать ни про изменника Мальвани, ни про проволоочки. Начинайте.

– Как скажете. Вы намерены следить за сражением?

– Разумеется.

– Тогда я посоветовал бы вам сменить плащ. Слишком сильный ветер, а принцу вообще не стоит выходить на улицу.

Агнеса хотела было возразить, но передумала. Здравый смысл у нее был, причем истинно женский. Она понимала, что с покрасневшим носом, потекшей краской и намокшими от снега перьями на шлеме не произведет нужного впечатления, что до принца, то Филипп и так простужен...

– Хорошо, – королева наклонила голову, – мы останемся в палатке. Каждую десятинку мы ждем доклада. Сколько времени займет сражение?

– Трудно сказать, Ваше Величество. Мальвани...

– Мы сказали, что не желаем слышать об этом изменнике! Разве что когда нам доложат, что он взят в плен или убит.

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Анри Мальвани ничего и никогда не боялся, в том числе и смерти, но умирать ему не хотелось. Впрочем, маршалу казалось, что их безумная затея увенчается успехом, а за это можно и жизнью заплатить. В конце концов, из пятерых аюдантов отца уцелели лишь он и невидимый за снежной стеной Батар. Отчего-то это обстоятельство наполняло душу Анри уверенностью в том, что ему удастся отплатить за Шарло и братьев Фло. Когда же у самого лагеря из व्यюги вынырнула армия молодого короля, Анри и вовсе уверовал в победу. Мальчишки (хотя какой Рауль, к Проклятому, мальчишка, они с Шарлем в тридцать три давно командовали армиями) не потеряли голову ни от страха, ни от ярости. Другое дело, что все-гда теплые голубые глаза Филиппа словно бы подернулись льдом, а над высоким лбом Рауля появилась белая прядь. Их боль – это их боль, но она не должна мешать воевать.

Мальвани вздохнул и прикрыл глаза, старательно припоминая каждый бугорок поля, на котором решится все. Случись еще одно поражение, и Тагэре не подняться, по крайней мере в ближайшие лет пять. Но они победят, ведь даже ветер, возмущенный предательством, на их стороне. Анри прикрыл глаза, мысленно представляя себе всю свою армию.

Небольшие отряды стрелков и спешенных рыцарей за укреплениями в центре, конные стрелки в авангарде, два кавалерийских отряда на флангах, половина стрелков и конницы до поры до времени укрыта в лесу. Отряд элитских стрелков Дени Гретье ночью перешел через все еще замерзшую речку и развернулся в тылу левого фланга противника, который, похоже, излишними умствованиями себя не утруждал, да и зачем им при таком-то перевесе? Построились в три линии, и всего делов-то. Впереди стрелки и спешенные рыцари, потом

силком согнанное ополчение, в котором лично он, Анри Мальвани, на месте Агнесы не был бы уверен, и сзади королевские рыцари, пешие и конные стрелки и отряд тяжеловооруженной наемной пехоты. На флангах, разумеется, конные баронские дружины. Просто и незатейливо, как дубина. И так же опасно. Они же оказались в положении Алана, схватившегося с Губером¹⁰⁸. Что ж, поскольку лоб в лоб шансов нет, придется потанцевать...

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Снегопад прекратился неожиданно, и ветер, неистовый и по-прежнему «играющий» на стороне Тагэре, отогнал тяжеленные серые тучи на северо-запад. Яркий весенний свет залил поле между деревушками Беток и Кру, на котором восемьдесят тысяч человек собрались убивать друг друга.

Рауль ре Фло вздохнул с облегчением. Вьюга сослужила хорошую службу, когда они пробирались между холмами на встречу с Мальвани и когда выстраивались в боевой порядок, но умирать под ясным небом все же приятнее. Лучники и арбалетчики, начавшие свою дуэль с самого утра, продолжали осыпать вражеские войска стрелами, но ветер сводил все усилия лумэновцев на нет. Что ж, стрелки потрудились достаточно, пора пустить кавалерию. Рауль предпочел бы, чтоб командование боем взял на себя маршал, но тот в не терпящих возражения словах сказал, что он лишь начнет, а середина и конец боя – дело Рауля. Что же задумал Анри? Неужели придется оплакивать еще и его?!

– Сигнор... – Рауль порадовался, что гонцом, принесшим приказ об атаке, оказался их проводник. – Маршал говорит: пора.

– А Филипп?

– Там начнут одновременно с нами.

– Хорошо, пора так пора. – Рауль привстал на стременах и оглядел своих людей. – Арцийцы, – внук Старого Медведя и не ожидал, что звук его голоса разнесется в морозном воздухе так далеко, – говорить долго я не стану. Мы сейчас пойдем вперед. Многие не вернутся, но к вечеру ни одного лумэновского ублюдка здесь быть не должно. Всем следовать за мной и делать, как я. Пока я впереди – наступаем, если я сверну в сторону или отступлю, значит, так надо. Арция и Тагэре! Смерть ифранке!

Ответный рев свидетельствовал, что воины его поняли. Рауль оглянулся и столкнулся глазами с меченым.

– Раймон, вы остаетесь с нами?

– Да, я знаю тот лес, а вы – нет.

– Это хорошо. Я могу доверить вам сигну? Она должна следовать за мной, где бы я ни был.

– Конечно, монсигнор, – меченый кивнул, – я не отстану от вас, можете быть спокойны. – Раймон намотал на запястье поводья и неожиданно грациозно принял у вспыхнувшего пажа сигну ре Фло со вставшим на дыбы медведем.

Рауль одобрительно кивнул и бросил: «Вперед!»

Лавина всадников понеслась, словно бы гонимая летящим вместе с ними ветром. Если бы не это обстоятельство, многие не достигли бы вражеских позиций, но, к счастью для Тагэре, ветер проявлял редкостное постоянство, старательно отбрасывая стрелы противника. Рауль вел своих людей по широкой дуге, целясь лумэновцам во фланг, но те успели развернуться. Навстречу галопом летело вражеское войско. Эскотцы! Эскотцы, и с ними Эдвар Фарбье, еще один братец «Святого Духа»! Проклятый, помоги нам хоть ты, если

¹⁰⁸ Алан – герой многих героических баллад, в частности, благодаря своей ловкости и превосходному владению оружием победил сильного, но тупого великана людоеда Губера.

Творец отступился от этой земли!

В ушах бился конный топот и многоголосый клич: «Арция и Тагэре!» Голос Рауля сливался с воем его людей. «Арция и Тагэре», – выбивали копыта по промерзшей земле, «Арция и Тагэре», – свистел ветер.

Стук копыт усиливался по мере сближения. Рауль уже разбирал возгласы людей Фарбье: «Свет и сила!» – и клич эскотцев: «Победа! Победа!» Всадники столкнулись с такой силой, что, ошеломленные, на мгновение замерли, но лишь на мгновение. Завязалась ожесточенная рубка. Все, и люди, и встающие на дыбы и крушащие противников подкованными копытами кони, словно бы обезумели. Рауль заметил на земле распростертого человека, но не успел даже понять, жив он или мертв, друг или враг. Отражая щитом нацеленное на него копьё, граф отвлекся, а его конь в прыжке ударил лежащего и понесся вперед. Раймон следовал за вождем как пришитый, успевая одновременно отражать атаки, и алый стяг с медведем гордо реял над головой хозяина.

Сквозь адский грохот иногда прорывался чей-то одинокий клич или залиvistое ржанье, тенями пролетали всадники, ноги лошадей топтали живых и мертвых. Кто-то с безумной силой размахивал мечом, под кем-то упала лошадь, всадник, успевший вскочить на ноги, попытался схватить лошадь Рауля за узду, но ре Фло, наклонясь вперед, полоснул лумэновца мечом и, не оглядываясь, схватился с двумя эскотцами. Что-то рухнуло за его плечом, но знамя продолжало развеиваться на ветру. Видимо, это Раймон свалил какого-то рыцаря.

Лумэновцев было больше, много больше, но чья возьмет, было не ясно. Рауль заметил знатного эскотца в ярком плаще. Цвета серый, синий, снова синий и зеленый – цвета¹⁰⁹ убийц! Этот будет последним! Граф бросил жеребца вперед и вбок, и тот, сбив плечом подвернувшегося недотепа, вынес Рауля к намеченной жертве. Эскотец с кем-то рубился, но с предавшими кодекс Розы¹¹⁰ особый разговор. Удар пришелся в спину, и наемник, даже не поняв, что умирает, припал к шее коня. Рауль обернулся, чтобы убедиться: Раймон следует за ним, и крикнул:

– Прорываемся к лесу!

Меченый кивнул, его конь извернулся с кошачьей ловкостью, заодно расчистив место жеребцу ре Фло, Рауль выхватил рог и затрубил.

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Хвала святому Эрасти, эта ведьма засела в палатке, не хватало еще, чтоб она околачивалась тут вместе со своим крольчонком и лезла не в свое дело. Спору нет, одним махом отделаться от основных врагов всегда заманчиво, а победителей не судят. Тагэре давно было пора поставить на место, но вот Крэсси взял да и ушел, и если бы только он...

Если ничего не предпринять, из убитого герцога скоро сделают мученика и святого почище Эрасти. Будь у ифранской ведьмы на плечах голова, она бы вела себя иначе, а она захмелела от крови, как бракованная гончая. Натравить на Тагэре молодых ослов, жаждущих мести, было хорошей идеей, но затем... Прилюдно убивать старика и мальчишку не стоило. А те еще умерли, как герои баллад, наверняка менестрели уже настрочили всяческой слезливой дури, которую потом из крестьянских голов вилами не выцарапаешь... Проклятый, да что ж там происходит-то?!

Батар с детства завидовал многому и многим, в том числе и тем, кто хорошо видит. Неглупый человек, опытный военачальник и умелый боец, он был близорук. Это было

¹⁰⁹ Каждый эскотский клан имел свою расцветку плащей, как правило, это были полосы разной ширины, обычно трех или четырех цветов.

¹¹⁰ Кодекс Розы – кодекс чести, обязательный для каждого дворянина Благодатных земель.

неудобно и унижительно, особенно в юности, когда Шарло и Анри, видящие не хуже морских орлов, по доброте душевной подсказывали приятелю, что и где происходит. Шарло вообще мог бы поменьше лезть ко всем со своей помощью, глядишь, жив бы остался и других с собой не утянул...

Маршал (да уж, дожили, на одну страну два короля, два маршала, две правды...) поплотнее закутался в плащ и собрался было наорать на аюданта. Просто так, чтоб сорвать настроение, но из кипящего котла вынырнула фигура в шлеме с обрубленными перьями и тяжелым галопом направилась к командному пункту.

– Мессир Фарбье, – вполголоса, словно бы про себя пробормотал аюданта, получив в ответ ожидаемое «без тебя вижу».

Командующий левым флангом, на ходу поднимая забрало, подскакал к маршалу и с ходу потребовал вина.

– Что там? – нетерпеливо бросил Батар, пока герцог пил.

– Сам Проклятый ногу сломит. Одно точно. Против нас Рауль ре Фло.

– Внучек? Не может такого быть, ему здесь взяться неоткуда. Просто консигну¹¹¹ его взяли.

– Я его видел сам, – бросил Фарбье, – правда, издали, и что-то не хотелось мне после всего сходить с ним поближе... Шарло его слишком хорошо обучил.

– Как он сюда попал?!

– Чего об этом думать. Ре Фло здесь, значит, маленький Тагэре тоже. Так что все в сборе...

– Ты его тоже видел?

– Нет, пока... И желанием не горю. Мы сейчас на опушке леса крутимся. Что дальше?

– А какого беса вас туда занесло?

– Какого? Они хотели нас обойти, я не дал, столкнулись лоб в лоб. Рауль дрался как демон, да оно и понятно после такого... Нас больше раза в три, но еще вопрос был кто кого, да еще при эдаком ветре... Вот ведь зараза...

– Дальше.

– Они вдруг отошли. Да диковинно как-то, к лесу. Хотя к лагерю-то, пожалуй, им не пробиться было, а по собственным следам идти дело тухлое... Мы за ними, но куда там, они, видать, эти леса вдоль и поперек облазили, нашли какой-то проход в буреломе. Видел бы ты эту опушку, прямо форт какой-то! Рауль не дурак, лучников поставил, его оттуда не выкурить...

– Потери у тебя большие?

– Терпимые.

– Тогда вот что! Оставь стрелков приглядывать за Раулем, а сам попробуй зайти в тыл их лагеря.

– Понял, не дурак... Но и Мальвани не дурак.

– Я тебе помогу.

Фарбье спорить не стал, выпил еще вина, взял у оруженосца шлем и поскакал к своим. Конрад Батар посмотрел ему вслед. Что ж, пока слева все не так уж плохо. Правый фланг беспокоил маршала куда сильнее. Там баронская конница попала под удар всадников Мальвани, который умудрился посадить сзади латников лучников. Вдобавок Тагэре каким-то образом провели своих стрелков в тыл развесившим уши баронам. Те шарахнулись вбок и при этом смяли ополченцев, готовящихся наступать в центре. Впрочем, эти ослы с удовольствием смялись, умирать за Лумэнов их явно не тянет. Пока они перестраивались, конные стрелки Тагэре, прикрытые щитом ветра, бросились вперед по всему центру. Это было дьявольски похоже на разведку боем, но Батар был вынужден двинуть им навстречу

¹¹¹ Консигна – личный (в отличие от родовой сигны) герб, который дворянин носит на плаще и оружейной перевязи. Консигна также наносится на седло и на знамена. Ношение чужой консигны или самовольное присвоение ее недворянином считается одним из самых тяжких преступлений.

рыцарей первой линии. Противники боя не приняли, отступив за вогнутую дугу укреплений. Нужно быть сумасшедшим, чтобы так укрепить свой центр, или они в этой буре перепутали стороны света, а потом было некогда исправлять ошибку? Очень даже может быть...

Похоже, центр Тагэре уязвимее флангов, значит, нужно бить туда. Надо захватить лагерь, а оттуда ударить в стороны, по лесу их никак не обойти. Снег, бурелом.... Только прорыв! Рассечь надвое и добивать поодиночке. Людей хватит и на это, и на то, чтоб сковывать Рауля и... кто у них там слева? Ко-гда Батар двинул туда подкрепление, Тагэре отошли, заманив преследующих на рогатки, за которыми насмерть встали спешившиеся рыцари. Там видели королевскую сигну, значит, Филипп... Разумеется, если Фарбье и вправду видел Рауля, хотя кошкин сын обычно отвечает за свои слова.

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Отходить не хотелось, но пришлось. Король понимал, что пока ему и до Анри и до Рауля ой как далеко. Значит, нужно слушаться. А приказ гласил: бить баронскую конницу, пока к ней не пришло подкрепление, а затем отступать за рогатки и держаться, держаться, держаться... И Филипп подчинился, хотя душа его рвалась вперед, туда, где за живой стеной прятались убийцы отца и брата. Месть пьянила, как хорошее вино, но Тагэре сдержал себя и первым подал пример, повернув коня. Бароны, изрядно получившие по ушам, затоптались на месте, но подкрепление из королевских рыцарей и наемников, не мудрствуя лукаво, бросилось за отступающими. К счастью, ветер помог сидящим за спинами конников лучникам держать лумэновцев на расстоянии. Филипп отступал за предусмотрительно поднятые оставшимися в тылу воинами пики с вымпелами, указывающие проходы между рогатками, слева же их прикрывал лес, угрюмый и неприступный со своими колючими спутанными кустами и вывороченными и переломанными во время недавней бури деревьями.

Тагэре как раз успел спешиться и поручить своего коня мальчишке пажу, когда преследователи налетели на первую линию рогаток. И время для короля остановилось. Он знал лишь одно: справа идет бой, все решается там, ему же нужно продержаться, не дав лумэновцам прорваться к центральным укреплениям в обход. Пусть лезут в лоб. Он прикрывает Мальвани и, прикрывая его, защищает всю Арцию. Это сейчас главное, ни месть, ни собственная жизнь не имеют значения. Выстоять, а потом посмотрим.

Они словно бы выросли в эти пригорки у кромки сумрачного леса. Земля была пропитана кровью, перед рогатками громоздились валы из убитых людей и коней. Первые атакующие отошли, видимо, конница понадобилась Батару в другом месте, теперь на них гнали ополченцев. Если бы Филипп Тагэре имел время остановиться, задуматься, посмотреть в глаза тем, кого он убивал, возможно, он бы и дрогнул. Потому что эти люди не были врагами, они не хотели умирать за Лумэнов. Но уйти с вербовщиком было меньшим злом в сравнении с сожженным домом и убитыми детьми. Война еще могла пощадить, Агнеса и ее наемники – никогда. И арцийские крестьяне и ремесленники перли на рогатки, на мечи и копья бывалых воинов, для которых убить врага не значило стать убийцей, а было всего лишь привычной работой.

Пламя гасят песком. Отряд Тагэре гасили ополченцами, но Филипп и его люди стояли. Меч становился все тяжелее и тяжелее, он поднимался и падал, потом снова поднимался, затем Филипп переложил его в левую, благословляя отца, выучившего его драться обеими руками. Он ни о чем не думал, не вспоминал, не молил о помощи молчащее небо. Просто выбирал из лезущей на него толпы того, кого проще всего убить именно ему, и, убивая, намечал следующего. Это было как во сне, как во время тренировки на выносливость. Жертвы были неумелыми, но их было слишком много... Слишком!

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Мальвани не сомневался, кто командует войсками Агнесы. Конрад Батар, сосед по владениям, приятель и соперник детских игр, а теперь враг не на жизнь, а на смерть. Конрад всегда был умен, смел и бешено горд. Ему, Анри Мальвани, не было зазорным признать первенство Шарло, а вот для Батара Тагэре, выбивший его из седла на турнире да еще на глазах Миранды, превратился в злейшего врага. Миранда стала женой Анри, но, странное дело, Батар винил в этом не девушку и не бывшего приятеля, а Шарля. Эта ненависть росла и доросла до подлости.

Анри понимал, что битва будет страшной. Лумэны сильнее, они опьянены победами, Тагэре меньше, но их ведет месть, а что ведет его, маршала Мальвани, полукороля, как его все чаще и чаще называют? Почему он не только не раздумывая согласился на предложение толстяка Обена, но и взял на себя исполнение всей безумной затеи? Он был в безопасности, когда Шарло, Рауль и Леон умирали под низким зимним небом, сражаясь, как простые воины. Теперь же он словно становился с ними спина к спине в этом последнем бою, словно бы искупал слабость и вину, которой не было, как говорил ум, но которая рвала на куски его сердце. Внешне маршал был спокоен, как ледяная глыба. Из своего укрытия он видел укрепленный лагерь, по-особому укрепленный, но об этом пока никто не знал. Видел он и себя, сидящего на известном всем воинам Арции белом Веверлее. Как все же хорошо иметь брата, похожего на тебя как две капли воды, хоть и ударившегося в эрастианство! Жорж в маршальских доспехах с геральдическим тигром на щите был великолепен.

Ветер продолжал относить стрелы лумэновцев, и всадник на белом коне мог гарцевать прямо на виду у противника. Батар не усомнится в том, кто перед ним, ему в голову не придет. Так.... Кончили стрелять, и правильно, толку от их стрел чуть. Пошли вперед по всей дуге. Ну, братишка, давай! Вперед, отражай атаку, яростно, неистово, оголяя при этом фланги. Ты потерял голову после смерти друзей, тебе море по колено, ты думаешь только о мести, каждый латник, прущий на тебя, – убийца Шарло. Ты забыл, что ты маршал, ты – мститель, который хочет убивать... Молодец, Жоржи! Молодец! Дерись как безумный, не смотри на тех, что слева и справа! Ты не можешь заметить ловушку, потому что тебе слишком больно! Батар знает, не может не знать, что сейчас испытывает маршал Арции, он поверит.

Поверил!!! Проклятый побери, поверил!!! Бросил в бой резервы. Правильно, если можно прорвать центр, зачем возиться с обходами, тем паче Рауля и Филиппа он ценит меньше, чем его. Он уже в том возрасте, когда молодежь кажется глупой. Батару нужна голова маршала, тогда он сможет называться первым воином Арции. Но сначала нужно прорвать оборону. Замечательно, Конрад! Bravo! Ты сделал то, что нужно! Бросил свою кавалерию двумя клиньями в центр, чтобы ворваться в лагерь сразу с двух сторон. А твой одуревший от горя соперник снял с флангов почти всех.... Но те, кто строил лагерь, оказались поумнее маршала, под углом к первой расположена вторая линия укреплений. Плохоньких, конечно. Разве по такой-то погоде да на скорую руку что-то соорудишь, но все ж таки.... Так, замечательно. И всего замечательнее, что среди атакующих люди Фарбье и Тартю. Повезло! Вот это повезло!

Ну, Конрад, что ты медлишь, ведь вторая линия тоже почти не защищена. Этот Мальвани точно с ума сошел! Пользуйся, возьми его в оборот, и ты останешься единственным из «тигриной пятерки»¹¹², а значит, будешь первым. Так, атака по всему фронту, чего и следовало ожидать... Но ты опоздал, Батар. До маршала начинает доходить, что клинья за его спиной вот-вот сомкнутся. Тигра так просто не поймать. Он перестраивается, он это всегда умел, и рвется из ставшего ловушкой собственного лагеря, а на его плечах туда врываются люди Батара. Соппротивление Мальвани сломлено, Тагэре

¹¹² Так некогда называли аюдантов маршала Сезара, отца Анри.

бегут. Бегут от Лумэнов в прямом смысле этого слова. В брошенный лагерь с трех сторон стремительно вливаются красно-золотые волны... Центр рассечен, остается перестроиться и добить фланги, которые вместо того, чтобы отступить, вцепились в свои пригорки насмерть. Молодость, отсутствие опыта, непонимание, что красиво умереть – это все же умереть, а полчаса трусости может спасти и жизнь, и войну... Батар, ты ведь не юнец, тебе жизнь давно дороже чести, а цель оправдывает любые средства. Так добей же сыновей Шарло и Леона. Добей в спину со стороны бывшего лагеря, и ты будешь спокоен, мстить будет некому. А Мальвани ты еще догонишь... Да, да, именно так! Стягивай в центр, кого можешь, нужно разделить кузенов понадежнее. Сейчас тут соберется тьма лумэновцев, и, надо полагать, в лицо они друг друга не знают. Счет идет на тысячи. Четырьмя сотнями больше, четырьмя меньше...

Четыреста мечей. Как раз столько, сколько нужно. Подлость, конечно, но о благородстве на этой войне, похоже, придется забыть. Благородство привело Шарля Тагэре на ворота его родного города... Анри никогда не был мстительным человеком, но за Эльту он напоит змею ее собственным ядом. Маркиз накинул на плечи алый плащ с ненавистными золотыми нарциссами и взял щит, на котором стараниями барона Обена была довольно удачно изображена сигна младшего Фарбье.

Левифланговая конница баронов, которые не ушли от Агнесы после убийства, входила в лагерь. Что ж, они свое получают. Сначала псы, потом хозяева. Анри тронул коня.

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Орельен Тартю не блистал ни умом, ни храбростью. Единственным его достижением была женитьба на Анжелике Фарбье, не отличавшейся особой красотой, но принесшей Орельену немалое приданое. Воевать Тартю не любил, но к походу присоединился, потому что с проигрышем Агнесы терял все, кроме нелюбимой властной жены. Ему обещали, что устранение Тагэре не его забота, а не пнуть мертвого льва значило выказать себя перед всемогущими родичами в невыгодном свете. И граф, скрепя сердце, поехал воевать. В стычке у Эльты он и его люди участия, к вящей радости Орельена, не принимали. Батар считал Тартю левреткой, а чтоб затравить Тагэре, были нужны волкодавы.

Муж Анжелики с удовольствием отсиделся за чужими спинами. Дело сладилось, когда же дошло до поздравлений Ее Величеству и насмешек над убитыми, Тартю явил прыть необычайную, после чего несколько нобилей, впрочем, ночью исчезнувших из лагеря, перестали подавать ему руку. Сам же Орельен получил милость, к которой совершенно не стремился, а именно – ему поручили командовать отрядом фронтерских наемников, чей вожак был убит Старым Медведем. Увы, граф Гартаж, приглядывавший за фронтерцами от имени королевы, увел своих людей, на прощание отдав салют мертвой голове Шарля Тагэре. Его не останавливали, это было чревато дракой в стане победителей на глазах жителей Эльты, а добычей Гартаж был опасной.

Орельен с готовностью занял место графа, благо оно было всего через две сигны от короля, но за все приходится расплачиваться. Фронтерцев отправили на Мунт вместе с Фарбье. Чертов родственник потащил Тартю с собой, и в результате он лишь чудом вырвался из ловушки. Потом пришлось долго врать и изворачиваться, превознося собственную храбрость, мощь и хитрость Мальвани и отмечая ошибки шурина, теперь, надо полагать, уже покойного. И опять он перестарался и получил под начало еще тысячу воинов, с которыми нужно было что-то делать. Орельен ужасно не хотел складывать голову за что бы то ни было, но при этом понимал, что в поднявшейся кутерьме отсидеться не удастся. Самым разумным казалось придерживаться середины. По крайней мере, в сражениях. Лезть вперед – себе дороже, прятаться в кустах – тоже нельзя: когда будут делить все вкусное, это припомнят, да и мерзавец Мальвани славится умением обходить противника, а ну как стоящие сзади окажутся передовыми?! В центре же проще всего, к тому же можно надеяться, что противник

изрядно уменьшит количество тех, что спереди. А над теми, кто сзади, всегда можно посмеяться. И Тартю постарался устроиться во второй линии.

Сначала ему везло. Фронтерцы не принимали участия в атаке, взламывавшей в лоб оборону Мальвани, Батар бросил их в бой, лишь убедившись, что маршал непростительно оголил фланги своей и без того невыгодной позиции. Все шло хорошо, фронтерцы, люди графа и переданные им конники легко прошли обе линии бестолково сработанных укреплений и ворвались в лагерь. Там уже распоряжались люди Эдвара Фарбье. Орельен перевел дух и как раз прикидывал, как будет сетовать на опередившего его родича, не давшего поквитаться с «этим глупцом Мальвани», когда латник в красном плаще неожиданно ударил одного из фронтерцев. Орельен было решил, что вышла какая-то ошибка, но рядом с графом упал, пронзенный стрелой, еще один конник. И еще, и еще...

Люди Фарбье били наверняка, и Тартю стало страшно. Сзади напирали лезущие через первый вал солдаты, развернуться было негде, и, диким голосом проорав «Измена!», Орельен дал шпоры коню. Тот отчаянно прыгнул вперед, сбив своего же, а за графом с тем же криком бросились другие. Внутри лагеря хозяйничали люди с теми же сигналами, что и напавшие на Тартю между укреплениями. Какой-то дюжий фронтерец с воплем «Зрайдник»¹¹³ рубанул сзади высокого нобиля в красном и упал, пронзенный копьем его оруженосца. Два приятеля убитого, взревев, бросились на убийцу, завопив: «Фронтерцы изменили!», «Смерть усатым!»¹¹⁴. Завязалась всеобщая свалка.

Тартю вертелся как уж на сковородке, изо всех сил оберегая свою драгоценную голову. Он уже не понимал, ни на каком он свете, ни кто с кем дерется. Все рубили всех, слышались проклятия и вопли. В двойном загоне оказалось слишком много людей, а нелепые укрепления мешали развернуться и понять, что происходит. Вопль «измена» катился все дальше. Орельен совсем обезумел, когда под копыта его коня свалился нобиль, сочинивший презабавные вирши, посвященные смерти Тагэре. Зарубивший его рыцарь с золотыми нарциссами уже бился с другим воином, с удивительной ловкостью орудуя тяжелым мечом, Тартю попробовал было ретироваться от опасного всадника, но тот покончил со своим противником и заметил Орельена.

– Тварь! – Этот голос граф узнал даже в горячке боя, он и раньше-то порядком боялся Анри Мальвани, но встретиться с маршалом вот так, среди кровавой круговерти... Тартю попробовал увернуться, но куда там! Удар Мальвани был точен. Будь Орельен воином, он бы избрал себе именно такую смерть. Мгновенную и от руки человека, ставшего после смерти Шарля Тагэре первым мечом Арции. Но Орельен умер, как жил, – труся, хоть судьбе и было угодно подарить ему смерть рыцаря.

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

С той самой минуты, как Анри изо всей силы ударил копьем мчащегося на него коня и тот упал, судорожно вытянув голову с окровавленными раздутыми ноздрями, в маркиза, казалось, вселился демон. Он поспевал всюду. Несколько раз его узнавали, но нобили, понявшие, кто перед ними, уже никому не могли рассказать о своем открытии. Мальвани дрался, как тигр со своего герба, вкладывая в каждый удар все отчаянье и горечь, которые грызли его два последних проклятых месяца. При этом маршал тщательно оберегал свою красивую голову. Затея с лжеизменой была хороша, но это было только началом дьявольского плана, придуманного старым лисом Обеном, плана, который предстояло

¹¹³ Предатель (фронтерск.).

¹¹⁴ В описываемые времена в Арции мужчины гладко брили лица, в то время как во Фронтере были в моде длинные висячие усы.

осуществить полукоролю Мальвани и бывшему вору Габриэлю.

Гнедой встал на дыбы перед спешившимся рыцарем с секирой, казавшимся скалой меж бушующих волн. Маршал дернул за повод, направляя коня в сторону, и нанес удар мечом. Кровь плеснула на конский бок, а Мальвани уже пробивался вперед, к месту, у которого ему предстояло упасть. Какой-то фронтерец замахнулся мечом, и Анри упредил удар. Фронтерцы носят кирасы и шлемы, но руки их защищают лишь кожаные доспехи. Отсеченная рука, все еще сжимающая оружие, свалилась под ноги обезумевшей лошади, а маркиз уже схватился со здоровенным эскотским вождем. Анри был весь перепачкан конским потом и кровью противников, шлем был помят, но пока ему отчаянно везло, да и как же иначе, ведь он не имел права умирать, прежде чем не свершится задуманное.

Батар наконец понял, что в лагере творится что-то не то. Поддельные плащи и сигны были хороши для первого случая, но, похоже, лумэновцы догадались, что им дали сожрать то же блюдо, что они приготовили для Шарля Тагэре. Следовавший за Мальвани как пришитый оруженосец поднес к губам рог и протрубил сигнал. Люди маркиза, услышав его, резко развернулись. Дело сделано, теперь оставшиеся в живых могут прорываться к своим. Возможно, с полсотни из четырехсот и уцелеет. Пусть им повезет...

Мальвани не стал срывать чужой плащ, он все еще был ему нужен. Послав коня вбок в каком-то кошачьем прыжке, он очутился в месте, где сходились две изгороди, и, картинно схватившись за грудь, изображая несуществующую рану, скатился на землю и укрылся между двух сходявшихся здесь плетней. Бой продолжался, в трех шагах от затаившегося маршала умирали его люди, а он лежал на ледяной земле, жадно ловя доносящиеся звуки. Так... Все стихло. Те, кто мог вырваться, вырвались. Кто не смог, погибли, хотя каждый унес с собой, самое малое, четырех врагов, не считая тех, кто в общей свалке перебил друг друга. Теперь победители немного передохнут, перестроятся, подождут резервов, а они не могут не подойти на такой-то шум...

Анри ждал. Постепенно его начинал донимать холод, отогнанный горячкой боя. Маркиз пытался шевелить плечами и руками, но это помогало мало. Звуки, доносившиеся из лагеря, отчетливо давали понять, что наступила короткая передышка. Может быть, сейчас? Проклятый холод. Нет! Что-то подсказывало Анри, что еще не время. Если он выживет, хотя этого просто быть не может, то всю последующую жизнь будет ходить в меховом плаще и пить горячее вино. Сколько он тут лежит? День? Месяц? Год? Наконец-то!

Сигнал «готовность» к атаке означал, что в лагере собрались все, кто мог, и сейчас спешно строятся в боевой порядок, чтобы ринуться на левое крыло, обороняемое Раулем. Что ж, пора. Анри Мальвани вытащил огненный камень и приложил его к промасленной веревке, протянутой в специальном желобке и тщательно укрытой от снега и ветра. Теперь ждать... Ждать, пока адское зелье, уцелевшее с незапамятных времен и найденное бароном Обеном, превратит лагерь в преисподнюю. Четыреста лет Арция не слышала взрывов, порох проклят, и все, кто прикасается к нему, тоже. Ну и что! Если такова цена справедливости, маркиз Мальвани ее заплатит. Вечное проклятие для него – это победа сына Шарло. Анри не считал грехом то, что он делает. Против предателей и убийц, нарушивших перемирие, заключенное именем святой, хороши любые средства, а запрет на «адское зелье»... Мальвани сильно подозревал, что Церкви были не нужны сильные армии в руках светских. Вот и все.

Скорбящие как-то научились взрывать порох на расстоянии и этим вышибли его из рук всех остальных. Творец тут был ни при чем, Анри вообще сомневался, интересуется ли Небо, что происходит на грешной земле, иначе как оно допустило то, что случилось с Шарло и Эдмоном, как оно допускает «черную» болезнь или засухи, убивающие голодной смертью целые провинции... Проклятый! Почему так тихо? Неужели они сделали что-то не так? Или зелье за века растеряло свои свойства? И ведь не проверишь. Только ждать. Ждать и, если ничего не получится, сделать то, на чем он настаивал с самого начала, проползти по узкой, изогнутой под прямым углом канаве и поджечь порох вручную. Это смерть, но мгновенная, а дело будет сделано! Маршал понимал, что уцелеть в сердце разбуженного им ада удастся

вряд ли. Анри и Габриэль вдвоем начинали наспех обшитые досками старые подвалы порохом и железным ломом, который разлетится от взрыва, калеча тех, кого помилует огонь. Тайну знали трое. Это и так было слишком много. Узнай антонианцы о том, что задумано, проклятья не избежать всей армии Тагэре до последней лошади. Впрочем, победителей судят редко. Если они победят, Обен придумает, что говорить.

Маршал усмехнулся, вспомнив о своем товарище, точно так же лежащем в кое-как сооруженном убежище в сотне шагов отсюда. Два забитых адским зельем подвала, по подвалу на человека. Чтобы посеять панику среди лумэновцев, хватит и одного взрыва, но Анрио отчего-то казалось, что повезет или обоим, или же никому. Хотя «повезет» означало лишь успешное исполнение их безумного замысла. В то, что им с Габриэлем удастся уцелеть, верилось с трудом.

Мальвани принадлежал к тем, кто любит определенность. Быстрая смерть лучше медленной и мучительной, и уж тем более быть мертвым проще, чем жить калеккой. Но Обен заставил их обоих поклясться, что сначала они подожгут эту дурацкую веревку, а слово Мальвани есть слово Мальвани. Вербка, разумеется, погасла, но нужно подождать еще немного. Что сейчас делает мириец? Ждет? Или ползет по узкому переходу навстречу смерти? Анри заставил себя успокоиться и начал считать до трехсот.

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

«Могло быть и хуже, могло быть и хуже», – повторял про себя Батар, прикидывая, стоит ли ему лично принимать участие в бою. Пожалуй, что и нет. Фарбье куда больше годится для того, чтоб греметь железом, а его дело – думать.

Если б не убийство Шарля и Рауля, Анрио вряд ли позволил бы себя втянуть в идиотскую фронтную схватку, он бы извернулся и ушел или учинил какую-то каверзу... Хотя... Неужели Тагэре пошли на то, чтобы переодеться в лумэновцев и, ударив им в спину, спровоцировать драку своих со своими? Нет, на такое они не способны. Скорее всего уроды фронтерцы ошиблись и налетели на людей Фарбье или, вернее, на эскотцев, которые с большого ума могли вырядиться и в синее. Есть у них такой клан, а уж упрямства у них, как у мулов. После боя надо провести расследование и виновных повесить.

В армии, особенно когда она побеждает, должна быть дисциплина. Агнеса не понимает, что она завоевывает не чужую страну, а собственную, а в своей стране долго на копьях не усидишь, людей нужно приручить. Решено, с завтрашнего дня наемники перестанут грабить. Хватит с них сегодняшней добычи. Сейчас Фарбье развернет своих и ударит по Тагэре. Ре Фло, тот наверняка отойдет лесом и соединится с остатками людей Мальвани. Сколько их там? Тысяч шесть-семь от силы. Это не армия, а вот с Филиппом надо кончать.

Что-то долго с ним возятся. С ополченцами все ясно, они должны были только измотать противника и не дать повернуть на помощь центру, но теперь за дело взялись королевские солдаты и те баронские дружинники, которые начинали это дело. Не новички, а толку – чуть. Тагэре стоит, как стоял. Говорят, людьми, потерявшими близких, порой овладевает безумие. Может, Филипп из таких? Но он ведь там не один, его люди тоже дерутся как бешеные. Ну, ничего, сейчас и на них управа найдется. Фарбье наверняка уже перестроился и выводит войска из лагеря.

– Сигнор маршал! – Молоденький аюдант был явно взволнован.

– Что случилось? Кто тебя послал?

– Сигнор Дворга. В нашем тылу Тагэре. Ударили в спину тем, кто штурмует рогатки.

– Проклятый! – Батар топнул ногой в железном сапоге обо все еще мерзлую, несмотря на слепящее солнце, землю. Этого еще не хватало.

Похоже, отряд Тагэре во время утренней атаки проскочил так далеко, что не смог вернуться к своим, а сейчас, воспользовавшись ситуацией, ударил в спину. Что ж, они свое получают. И Батар бросил в бой конников графа р'Изье. Это был последний кавалерийский

резерв, но дело того стоило.

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Вихрь огня взметнулся над лагерем, и в то же мгновение рывкнул гром. Рауль вздрогнул, хотя в глубине души ожидал чего-то подобного. Так вот, значит, что поберег для лумэновцев маршал! И вот почему он передал командование ему. Проклятое зелье! Что ж, спасибо, Анри Мальвани, ты ушел последним из четверых друзей, отомстив за отцов и дав сыновьям возможность победить. Вечная тебе память! Ре Фло судорожно сглотнул, заставляя отступить неуместные слезы, и в то же мгновение справа расцвел еще один багровый цветок. Кто ж был вторым?! Сейчас это неважно.

Услужливое воображение нарисовало, что сейчас творится в лагере. Конечно, погибли не все, но столпившиеся между пылающих загоронок и плетней в кучу люди на обезумевших лошадях охвачены паникой, и этим нужно воспользоваться. Рауль коротко протрубил и, кивнув Раймону, все еще сжимавшему медвежью сигну, бросился вперед. Этот бой будет настоящим, до победного конца. Они или погибнут, или победят, но лучше все-таки победить. Они победят, Проклятый побереи! Иначе просто быть не может.

Конница вылетела из леса, Раулю показалось, что деревья сами раздвинули ветви, пропуская всадников. И тех, кто укрылись в лесу после боя, и тех, кто с утра изнывали в ожидании своей очереди. Зазвенела под копытами промерзшая земля, дрогнули прихваченные морозом прошлогодние травы, окрашенные весенним солнцем в золото и бронзу.

Атака была яростной, неожиданной и молчаливой. Только грохот копыт да свист ветра нарушали тишину. Ни криков, ни рева труб. Сначала доскакать до цели. Тем, в лагере, не до того, чтобы оглядываться по сторонам, да и близко он, этот лагерь, но все равно... Рядом с Раулем, отставая на полкорпуса, неся Раймон, трепетала над головой дедовская сигна. Прежде времени свалилась на плечи хозяина ноша главы дома, но он понесет ее с той же честью, что отец, дед, дядя... Впереди вырос частокол. В нем есть несколько проходов. Где же они? Не нужно! Колья, перевитые гибкими ивовыми прутьями, странным образом валились на землю на пути отряда, в заграждении возникла огромная прореха. Откуда? Как? Некогда об этом думать! Вперед!

Конь Рауля перелетел через узкую траншею, рядом мелькнула другая тень. Раймон! Молодец, нельзя его потом отпускать. Анри погиб, у парня теперь нет хозяина... Если выживет, если они оба выживут...

Проклятый, какой дым... Что-то продолжает гореть. Боевой конь отпрянул, оскользнувшись на том, что еще недавно было всадником. Пожар в доме для сумасшедших меньшее зло в сравнении со взрывом среди готовых к атаке воинов. А, вы уже оправились, схватились за мечи? Тем лучше!

Рауль и его люди шли вперед, вырубая все, что попадалось им по пути. Здесь не было места ни жалости, ни сомнениям. Врагов, пусть растерянных, пусть изрядно потрепанных, все равно было много, куда больше, чем людей Рауля, но ре Фло, развернув своих полукругом, уверенно теснил лумэновцев все дальше и дальше от их исходных позиций.

Вот оно! Звон трубы и крик «Арция и Тагэре!». Люди Мальвани, те, кто участвовал в маскарадной атаке, и свежие конные стрелки. Все, как договаривались. Теперь Фарбье не вырваться. Ты получишь свое, мерзавец... Жаль, с ними нет Батара и ифранки, но придет и их черед. Рауль рвался к Фарбье, который, надо отдать ему справедливость, головы не потерял. Кошачий герцог как бешеный крутился на своем коне, отбиваясь от наседавших на него воинов. Вырваться он не мог, за его спиной все явственней слышался клич людей Мальвани.

Он ищет смерти, вдруг осенило Рауля, смерти, потому что боится плена. Правильно, что боится. И громко заорал своим: «Взять живым! Слышите, Проклятый вас побереи! Только

живым!»

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Они дрались по щиколотку в грязи, причем грязь эта, несмотря на то, что солнце к полудню стало припекать изрядно и немного отогрело промерзшую землю, была замешана не столько на воде, сколько на крови. Доспехи и мечи стали тяжелее в несколько раз, чем были утром, но Филипп Тагэре не отступил ни на шаг. На смену нелепым ополченцам пришли матерые воины, но и им не удалось сломить молодого короля. Отправляясь в бой, Филипп приказал закрепить на своем шлеме корону – тоненький золотой обруч. И он сражался, как истый король и как настоящий Тагэре. Впрочем, ему было не до того, как он выглядит, что о нем подумают и будут ли петь о его подвигах менестрели. Он должен был выстоять, все остальное не имело значения.

Филипп слышал донесшийся со стороны лагеря грохот, но словно бы в полусне. Он не только не испугался, но даже не задумался, что бы это могло быть. Ему было не до этого. До безумия уставший, подчиненный одной-единственной цели – продержаться, король и не заметил, что наступление лумэновцев начало захлебываться. Давление ослабевало, правда, рывками. Противник то пер вперед с прежней яростью, то начинал топтаться на месте, но Тагэре был так измотан, что использовал передышки, чтобы перевести дух, думать о том, почему так случилось, было некогда. Он сорвал голос и оглох от грохота и воплей, к тому же один из противников таки умудрился рубануть его по шлему. Стальной гребень выдержал, но в ушах все равно звенело, и Тагэре не сразу удалось понять, чего от него хочет граф Шада, размахивающий руками с проворством ветряной мельницы. Губы графа двигались, похоже, он не просто говорил, но орал, однако король ничего не слышал. Испугавшись, что оглох, Филипп сдернул спасший его шлем... Нет, похоже, все в порядке. Проклятый! Неужели!

Спереди, прорываясь сквозь лязг и грохот, несло «Арция и Тагэре!». Так вот почему ослаб натиск! Впрочем, ненадолго. Эскотцы и фронтерцы снова двинулись на рогатки, но не нужно было быть семи пядей во лбу, чтоб понять: их к этому вынудили. Теперь перед Филиппом были не уверенные в себе бойцы, добывающие победу, а солдаты разбитой армии, прорывающиеся из окружения в ужасе от того, что их ждет. Король кивнул подскочившему оруженосцу, торопливо отпил из протянутой кем-то фляги то ли воды, то ли чего покрепче, и, опустив забрало, тяжело ступая, пошел к тем, кто уже схватился с очумевшими лумэновцами. И вновь опускались и поднимались мечи, кричали люди и кони, чавкала под ногами раскисшая от талой воды и крови земля, а с неба смотрело равнодушное и великое солнце, даруя свет и тепло и победителям, и побежденным.

Филипп не понял, сколько продолжалась последняя схватка, но вряд ли долго. Он отбивал чужие удары и наносил свои. Рядом падали люди, их место заступали другие, но враги умирали чаще. Наконец, высокий эскотец в красно-зелено-черном плаще внезапно отступил на шаг и, бросив меч на землю, скрестил руки на груди. Это словно бы послужило сигналом, лумэновцы один за другим опускали оружие.

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Это было поражение. Даже не поражение, а разгром. Конрад Батар это видел совершенно ясно, хотя на левом фланге и в бывшем лагере еще продолжался бой, а справа осталось несколько полков, сохранивших относительный порядок. Маршал понимал, что нужно бежать, уводя с собой тех, кто может сидеть в седле. И лучше всего на северо-восток, к эскотской границе. Тем, кто сейчас дерется в окружении, не помочь. Если кто и вырвется, то догонит. Но уходить нужно, пока бой еще идет, пока та часть конницы ре Фло с

лучниками за спиной (надо же такое удумать!), что вышла в тыл бедолагам, штурмовавшим рогатки, связана сопротивлением эскотцев, иначе...

Батару даже думать не хотелось о том, что будет, если он попадет в плен к Анри. Проклятый, с собой еще придется тащить ифранскую ослицу с ее слюнявым отпрыском. А без нее никак! Он поставил не на ту карту и потерял все. Его земли рядом с землями Мальвани, туда не вернуться, равно как и в Мунт. До Ифраны далеко, а Агнеса дружна с эскотскими вожаками, ее примут, а с ней и ее свиту, и ее любовника. Главное, уйти.

На длинном лице маршала не было ни тени неуверенности или сомнения. Он подозревал аюданта и велел всем, кто может сидеть верхом и держать оружие, собираться у командного пункта. В последний раз глянув налево, где все еще шел бой, Конрад махнул рукой и направился к королевской палатке.

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Склонившееся над ним лицо было неимоверно прекрасно. Тонкие черты, огромные скорбные глаза, золотые локоны. Анри и не представлял, что человек может быть столь совершенен, или над ним склонился вестник божий? Но тогда почему он в разорванной боевой тунике, из-под которой виднеется кольчуга? Маршал попробовал что-то сказать, но ему не удалось даже разжать губ. Впрочем, склонившийся над ним все понял, и маркиз почувствовал у своих губ фляжку. Вкуса он не ощутил, однако дикий, спеленавший его тело холод стал отступать, а потом перед глазами Анри поплыли окрашенные закатом облака, похожие на играющих коней... Летние облака, ранней весной, которую и весной-то еще не назовешь, таких не бывает. Облачные кони неслись все быстрее и быстрее, их сходство с бегущими лошадьми становилось все заметнее... Нет, это действительно мчит по малахитовому лугу вольный табун, ветер рвет серебристые и черные гривы, дикие жеребцы от избытка бушующей в них жизни вскидываются на дыбы, оглашая воздух радостным ржаньем... Ржанье... Веверлей! Где Веверлей?!

– Ваш конь жив, монсигнор.

Чей это голос, он вроде бы его уже слышал.

– Ваш конь жив, и ваш брат тоже.... Все в порядке.

Анри с усилием открыл глаза. Над ним склонился кто-то знакомый. Русые волосы, уродливый шрам на щеке, серые глаза в светлых же, хоть и длинных ресницах. Обычные глаза северянина...

– Вы? Я забыл имя...

– Раймон, монсигнор... Раймон де Феррье...

– Что с Филиппом? И что со мной?

– Его Величество цел и невредим, граф де Фло тоже. А вы ранены. Нога.

– Что там? – Анри попытался поднять голову, но ему удалось увидеть лишь меховой плащ, а пошевелить рукой он не мог.

– Я остановил кровь, было плохо, но... Вы скоро сядете в седло, монсигнор...

– Ты умеешь утешать, – глаза маршала встретились с глазами Раймона, – сяду в седло... Ходить, стало быть, мне не придется. Что там, говори. Кричать не стану...

– Вам оторвало ногу, монсигнор, ниже колена. Но рана чистая, заживет скоро...

– Это у нас семейное, – Анри сумел улыбнуться бескровными губами, – мой предок потерял ногу у Кантиски, его тоже звали Анри, хорошо, я назвал сына Сезаром... – Наверное, он представлял собой жалкое зрелище, потому что губы Раймона как-то подозрительно дрогнули, но он быстро, хоть и натянуто улыбнулся.

– Чудо, что вы вообще уцелели в этом пекле...

– Наверное. Что ж, я соглашался платить и дороже. Но как тебе удалось остановить кровь?

– Не знаю. – Меченый виновато улыбнулся. – У нас в роду иногда получались странные

вещи... Я очень испугался, когда вас увидел, не знал, что делать, захотел помочь... А потом у меня в глазах потемнело, а кровь остановилась.

– Ты мне дал что-то выпить?

– Да, – удивился воин, – царку, у какого-то дохлого фронтерца нашел, уж больно вы замерзли. Почему вы спрашиваете?

– Хотел понять, когда бредил, а когда нет... Странно, я ни боли не чувствую, ни холода. Неужели от царки?

2871 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Арция. Поле у деревни Беток

Светлые кудри молодого короля потемнели и прилипли к высокому лбу, губы запеклись и потрескались, а глаза, раньше веселые и ласковые, обжигали зимним холодом. Рауль шел справа от кузена чуть сзади, но Филипп Тагэре о нем не думал. Его занимали пленники, сгрудившиеся на краю поля под охраной эльтских стрелков. Филипп молча обошел понурых сигноров, подолгу задерживая взгляд на каждом, и мало у кого хватало сил выдержать этот взгляд. Некоторые порывались что-то сказать, но Тагэре останавливал их презрительным жестом и шел дальше. За владетельными сигнорами стояли командиры наемников и прочая мелкая сошка, но она победителя не интересовала. Такие всегда были и всегда будут.... Пусть выкупают себя из плена или... переходят на службу к тому, кто сильнее. Наемники – они и есть наемники, а пришедшие под знамена своего сигнора крестьяне и вовсе ни при чем, кроме доверенных слуг, разумеется, но с блюдолизами мы еще разберемся.

– Гастон... – Румяный нобиль подбежал немедленно. – Этих возмешь на себя.

Гастон согласно кивнул.

– Разберешься с ними, но не сегодня. А сейчас мне нужен палач. А лучше три...

– Здесь? – в небольших глазках нового виконта Иданны мелькнуло недоумение.

– Здесь, – ледяным тоном подтвердил Филипп, – и немедленно. Тарж большой город, там должна быть и стража, и палачи.

– Но...

– Тебя не спрашивают. Исполни...

Гастон убежал, а Филипп молча подошел к стволу не пережившего зимние бури дуба и, так и не сказав ни слова, сел, глядя прямо перед собой. Месяц Агнца известен непостоянством. Еще ночью бушевала метель, а сейчас солнце печет совсем по-весеннему, небо синее до неистовства, а на блестящих красных прутьях, которыми поросли берега ручья, где воины поят коней, чуть ли не на глазах раскрываются серебристые пушистые шарики.

Филипп ждал. Рауль немного подумал и присел рядом с королем. Граф ре Фло понимал, что задумал кузен. Око за око. Голову за голову. Зимой плакали женщины Тагэре, весна принесла слезы женам Лумэнов. Все правильно, но ни Шарля с Эдмоном, ни отца это не вернет. А Агнеса со своим щенком, которого она искупала в крови, удрала. Батар ушел умело, заплатив за свою жизнь чужими. Зимой слишком многие решили, что с Тагэре покончено, и бросились в объятия Лумэнов. Не повезло, но не его, Рауля ре Фло, дело жалеть тех, кто спутался с убийцами, против которых любые средства хороши. Это же он повторял себе, когда после битвы смотрел на развороченный лагерь, в первый раз в жизни соглашаясь с тем, что объявившие порох адским зельем клирики были не так уж и не правы. Разорванные на куски, обезображенные, обожженные трупы людей и лошадей, умирающие, которым не помог бы и святой Эрасти, удушливая, кислая вонь, исходящая из двух обугленных ям... Отчего-то больше всего запомнился мертвый фронтерец в ярко-желтых шароварах. То, что было выше пояса, куда-то делось, вытекшая кровь уже начинала густеть, а на дорогом солнечном сукне сидела, расправив крылышки, первая весенняя бабочка. Он долго этого не забудет, но такова цена победы. Если бы не Анри Мальвани и его

безымянный помощник, они с Филиппом вряд ли сидели бы здесь и ждали, пока из соседнего городка привезут палачей... Мазилы рисуют победу в виде прекрасной девы, венчающей победителей гвоздиками, а на деле она ходит в маске палача и оставляет кровавые следы...

Когда все закончится, нужно навестить Эстелу, может быть, она придет в себя. Филипп – король, как она и хотела... Он не видел Эсту почти год, неужели она даже теперь не простила? Или, наоборот, обвиняет себя во всем, ведь Шарло не хотел короны. Она так и не поняла, что Шарль Тагэре заявил о своих правах не потому, что на него надели жена и тесть с племянником, а потому, что Пьер, вернее те, кто правил его именем, губили Арцию. Это был его выбор, и герцог отнюдь не искал смерти, как болтали некоторые. Он ее не боялся, но и не искал, просто выполнял то, что считал своим долгом.

Но разве это объяснишь женщине, которая сначала казнила других, а теперь себя, да если б только себя! Хорошо бы увезти Эсту с детьми во Фло, но там Делия, а этим двоим под одной кровлей не жить... Что ж, он попробует забрать мальчишек. Жоффруа нужна мужская рука, а Сандеру... Бедняге где угодно будет лучше, чем дома. Рауль обычно не задумывался над тем, что его не касалось, но то, как в общем-то добрая и справедливая Эстела относилась к сыну-калеке, пугало. Ладно, Изо и Жаклин девочки славные, сына Шарло они не обидят. Даже если Эста будет против, он малыша все равно увезет... Малыша? Забавно, он думает об Эстеле как о сестре, а о ее младших детях как о племянниках, а на деле-то они ему кузены...

– Рауль, – король внимательно вглядывался вдаль, – похоже, едут!

Гастон Иданный не оплошал. В Тарже действительно был палач, правда один. Зато у него имелся ученик и помощник, намеревавшийся после Светлого Рассвета отправиться в соседний городок Фортальзу и зажить своим мастерством. Заплечных дел мастера, узнав о предстоящей работе, для порядка посетовали на то, что не знали заранее, но собрались спорить. Рауль с невольной дрожью (что поделать, страх перед змеями и палачами ведом даже воинам) оглядел две закутанных в красное фигуры, сидевшие на передке чистенькой тележки, запряженной жизнерадостным пегим меринком.

Король молча смотрел на подъезжающих, и Рауль в который раз подивился сходству отца и сына. Только никогда в глазах Шарло Тагэре не было такого холода. Впрочем, ему не довелось в один день потерять отца и брата, не считая других родичей и друзей. Повозка остановилась в трех десятках ланов, и люди в красном, довольно ловко спрыгнув на землю, замерли в почтительном ожидании. Король махнул рукой, и палачи подошли поближе.

– Вам доводилось казнить топором? – Голубые и холодные, как вечерний лед, глаза остановились на том, кто был пониже, но пошире в плечах, угадав в нем мастера.

– Мне – да, – согласно наклонил голову палач, – хоть и нечасто. А ему, – кивок в сторону помощника, – нет. Головы ведь нобиям рубят, а у нас все больше простолюдины.

– Справитесь.

Король не спрашивал, но палач счел своим долгом ответить:

– Должны. За себя я ручаюсь, а его я сам на бойне учил.

– За работу вам заплатят, а то, что найдете, – ваше. Тот холмик сгодится?

– Почему нет, – пожал плечищами палач, – нам сгодится, а им и подавно.

– Тогда готовьтесь. Время уже позднее, нужно успеть до темноты.

Люди в красном не стали мешкать, и мерин, весело потряхивая гривкой, потрусил в направлении холма.

– Филипп, – Рауль тронул кузена за плечо, – я так понимаю, что Фарбье?

– Все, – коротко бросил король.

– Все? – Графу показалось, что он ослышался.

– Все, начиная с баронов, – уточнил Филипп, – остальные подождут...

Рауль не стал спорить. По большому счету кузен был прав. Великодушные Шарля не спасло, наоборот! Те, кто стоит тут, первыми пролили кровь, первыми нарушили мир, ударили в спину, преступив все законы рыцарской чести, и еще поглумились над противниками. Как погибшими, так и живыми. Все правильно. Их не оправдывает ни

безумие короля, ни бегство Агнесы.

А что же он сам, Рауль ре Фло, который сейчас, надо смотреть правде в глаза, пока куда больший король, чем сын Шарло? Лумэны еще долго не оправятся, Филипп же слишком молод и знает это. Он послушает кузена, и это не от слабости. Просто Анри Мальвани сейчас не в счет, и он, Рауль, стал первым. До эльтского побоища он сам слушал Шарля и деда, а Эдмон и Филипп – его. Сейчас в Арции нет более значимого человека, и захоти он... Нет! На троне Волингов может быть только Волинг, а настоящих Волингов в Арции лишь трое. Филипп, Жоффруа и Александр. Ре Фло мог надеть корону на Тагэре, но не на себя, но сейчас он является королем короля. Так, может, остановить казнь? Спасти хотя бы часть тех людей, которые перешучивались или отводили глаза, когда палачи рубили голову его отцу и деду? Возможно, кто-то из них тоже думал, не остановить ли казнь. Хотя какие глупости! Это могла сделать лишь Агнеса, а королева была бы более счастлива, лишь заполучив Шарло живым, но этого, слава Эрасти, не случилось. А остальные что? Могли либо бежать, либо умереть рядом с Эдмоном Тагэре. Конечно, после казни можно было уйти. Некоторые действительно ушли, а те, кто остались, сами выбрали свою судьбу, и пусть им. И все же... Все же, останься Шарло жив, он бы помиловал. Да, но будь отец жив, сын вряд ли смотрел бы таким холодным темным взглядом...

2871 год от В.И.

10-й день месяца Агнца.

Арция. Дервня Беток

Сквозь сон он услышал шум. Кто-то возился у его изголовья, Анри открыл глаза и столкнулся взглядом с королем.

– Ваше Величество... – Маршал был старше на тридцать лет и в свое время катал маленьких Филиппа и Эдмона на отце Веверлея, но Мальвани не был бы Мальвани, поведи он себя иначе.

– Сигнор Анри, зачем вы так? – Филипп присел рядом с маршалом. – Не надо... Только не вы.

– Хорошо, Филипп, – согласился Анри, – что там?

– Там? – Король словно бы не понял, но потом изобразил улыбку и заговорил ровным голосом: – Мы потеряли девять тысяч, они – двадцать, если не больше. Армии Лумэнов не существует. Но Агнеса бежала.

– А мальчик?

– Разумеется, она его прихватила. С ней Батар и тысячи три эскотцев.

– Если ей не помогут Жозеф с Джакомо, то это действительно все. Батар и сынок Фарбье согласятся сдаться, если им дадут гарантии...

– А вот этого не будет, – глаза Филиппа вспыхнули, – я не дам клятву, потому что я не клятвопреступник. А прощенья им не будет.

– Что ты собираешься делать?

– Вернусь в Мунт. Рауль говорит, так надо.

– Он прав, – подтвердил Анри, – ты пока просто победитель, но король – нечто большее. Ифранка подождет, она сейчас не опасна, а ты должен собрать Генеральные Штаты...

– Да. Я уже послал за матушкой и братьями. Жоффруа теперь герцог Ларрэн и мой наследник.

– А Александр?

– Герцог ре Эстре, но он посвятит себя Церкви.

– Ты уверен? – Соболиные брови маршала поднялись вверх.

– Но он же калека...

– Я тоже теперь калека, но я не буду искать утешения у клириков. Я знаю, что думает Эстела, но Шарло был другого мнения. Пусть мальчик сам решит, кем ему быть. Ему и так тяжело, не отбирай у него еще и право выбора.

– Отец думал иначе? Но он ничего такого не говорил.

– Он вообще мало говорил, Филипп, но я знаю. Да, Александр родился не таким, как все, но он Тагэре, а Тагэре сами решают, как им жить.

– Я понял, – молодой король был серьезен, – Рауль хочет забрать братьев во Фло, я думал отпустить только Жоффруа, поедут оба. А я завтра возвращаюсь в Мунт и хочу взять вас с собой.

– Спасибо.

– Вам можно?

– Да, медикусы ничего не понимают, но я почти здоров. Только, – Анри попытался улыбнуться, – без ноги, но, как сказал нашедший меня воин, скоро сяду на коня. Мне бы хотелось чем-то отплатить ему за спасение.

– Я бы тоже хотел его видеть, – вздохнул король, – он заслуживает награды, но он исчез...

– Его право.

– Конечно. Так вы едете?

– Да... Филипп, ты ведь пришел ко мне не только из вежливости или чтобы узнать, выдержу ли я дорогу?

– Да. Я пришел сказать... Сказать, что вы отныне герцог, а звание маршала Арции ваше пожизненно.

– Спасибо, но маршал Арции прежде всего воин.

– Тогда вы сами назовете своего преемника. Когда вам станет тяжело сидеть в седле.

– Скорее всего это будет Рауль ре Фло. Но ты думал не об этом.

– Монсигнор Анри... Я... – Король посмотрел в светлые глаза маршала и отчеканил: – Я приказал казнить всех знатных пленников, в том числе и тех, которых захватили вы. Я должен был это сделать! Должен!

– А я, – Анри накрыл руку короля своей, – переоделся в тряпки Лумэнов и ударил им в спину.

– Их головы будут выставлены там же, где были головы отца, Эдмона, деда... Анри, я... – Филипп вдруг вздрогнул всем телом и разрыдался, совсем по-детски закрыв лицо руками.

Анри, несмотря на пронзившую все его тело боль, рывком сел и прижал сына Шарло к себе. В конце концов, тому было всего девятнадцать, и он еще мог плакать. Именно сейчас, когда сделано то, что должно, он на краткие мгновения может стать мальчишкой, оплакивающим отца и брата... Не пройдет и оры, и он с каменным лицом прикажет седлать коней, а сейчас на руках отцовского друга прощается и с прошлой жизнью, и с юностью, которая для короля Арции Филиппа Тагэре закончилась в тот миг, когда в его дверь постучался кузен ре Фло.

– Все пройдет, Филипп, – тихо повторял герцог Мальвани, глядя золотистые волосы юноши. – Все проходит, и это пройдет...

Эстель Оскора

Сад закончился, и я бежала по высокой зеленой траве, окропленной золотом одуванчиков. Впереди маячила белая стена, в которой была калитка. Сколько же времени потрачено впустую! Мне было страшно даже подумать, что успели натворить в Арции циалянки и эти сине-скорбящие! Зря меня сюда понесло, я вытянула такую же пустышку, как и Роман, и, как и он, потеряла время... Стена была совсем рядом, когда кто-то крикнул мне «остановись», и я остановилась, с удивлением обернувшись. Это был Эрасти, и вместе с тем это был кто-то совсем другой. Изменилось все – и выражение лица, и голос, и осанка. ЭТОТ имел право приказывать.

«Остановись», – повторил Эрасти. У меня не было ни малейшего желания послушаться, но и оставаться в саду я не собиралась. Если он собрался идти со мной, а похоже на то, наши шансы резко возрастут, а если он решит остаться, что ж... Его выбор.

– Геро, – он положил мне руки на плечи, – я должен тебе очень многое рассказать. Нет, – он кривовато улыбнулся, – не о ней. С этим не то чтобы покончено, но заперто, и ключ выброшен. Тебе нельзя сейчас возвращаться. И мне нельзя, если мы действительно хотим спасти Тарру...

2871 год от В.И.

9-й день месяца Иноходца.

Арция. Тагэре

Клирик с красивым и строгим лицом в последний раз провозгласил: «Да не коснется ушедших в садах горних, в садах пышных скорбь земная и тоска человеческая» – и замковый иглещий наполнили звуки органа. Маленький лысый брат Валериан был музыкантом от бога, и он очень любил Шарля и Эдмона. Говорят, есть боль, которую не выразить словами. Валериану повезло, он мог излить свои чувства в звуках. Маленький смешной эрастианец, узнав о беде, заперся у себя. Его никто не видел почти два месяца. Когда монах вновь появился, он был бледен, будто побеленная стенка, одежда болталась на нем, как на вешалке, но на лице застыло выражение отрешенного покоя. Свою боль ему удалось излить в реквиеме.

Эстеле Тагэре казалось, что музыкант подслушал то, что творилось в ее собственной душе, подслушал и выплеснул в переполненный иглещий. Здание было немалым, но оно не вместило и сотой доли тех, кто пришел проститься с Шарлем и Эдмоном. Дворы замка и все подходы к нему были запружены людьми. Воины, оборонявшие Тагэре, воины, пришедшие с Бетокского поля с Филиппом и Раулем, нобили с севера, жители Эльты, окрестные крестьяне... Мало кого провожают столько и таких несхожих людей, и уж совсем немного тех, кого оплакивают искренне.

Вдовствующая герцогиня стояла вместе с уцелевшими детьми. Сегодня она хоронила мужа и сына, через кварту бросит серебряные монеты в открытые могилы отца и братьев. Тагэре и ре Фло все-таки победили. Ее старший сын – король Арции, как она когда-то хотела. Как же она мечтала об этом! Направлять красавца Филиппа, подыскать ему достойную жену, стать истинной хозяйкой Мунта, вытравив саму память об ифранской мерзавке. Сколько раз она представляла, что Шарля смертельно ранят в битве, он перед смертью во всем признается, просит прощения, и она прощает. И начинается новая жизнь, жизнь королевы-матери...

Святой Эрасти! Как часто то, о чем мы мечтаем, на поверку оказывается кошмаром. Ей казалось, что она ненавидит и презирает Шарля, терпит его лишь из долга и ради детей, а их примирение было обусловлено политической необходимостью и просьбой отца. Она думала, что это договор – она забывает о Делии, он соглашается принять корону. Как же она была глупа. Шарль думал не о ней, а об Арции. Она не знала, любил ли он ее хоть когда-нибудь, а вот она больше лгать себе не могла. Она любила мужа и всегда будет любить, потому-то сначала не видела его измен, а потом не смогла простить. А теперь прощать некого. Там, куда он ушел, земные голоса не слышны.

Завтра она с детьми выедет во Фло и увидит Делию. Ей придется стоять в иглещии рядом с ней, ведь в глазах других они – женщины клана Тагэре – Фло, потерявшие мужей. Но почему, почему ее ненависть не умерла вместе с Шарлем?! Да потому, что она ВИДЕЛА и СЛЫШАЛА, каким он был с другой. Это была именно любовь, а не приступ похоти, как она пыталась себе внушить. Для Шарля она была лишь хорошенькой влюбленной в него девочкой, которая скорее всего станет его женой, потому что так нужно. Он ничего не имел против, тем паче властители не могут себе позволить брака по любви. Только по расчету. А для души и тела всегда будут фаворитки. Она же так хотела большего, что убедила себя самое в его любви, а Шарль... По-своему он был привязан к ней, она ему нравилась, но никогда он не был с ней таким, как с Делией. И это особенно оскорбляло. Что он в ней нашел? Пустышка, кокетка, не красивее и не моложе ее и к тому же жена родича и лучшего друга!

Если Шарль решился нанести оскорбление Раулю, значит, эта любовь была не просто «сильна, как смерть», как поют менестрели, а сильнее чувства дружбы и чести, что Шарло ценил много дороже собственной жизни... Если бы его избранница была достойна его, если б только Эстела могла понять, что в ней было такого, чего не было в ней самой, она бы еще могла простить. Оплакать кровавыми слезами, но простить, так как в глубине души всегда была справедливой, но, отдав свою душу пустынной вертлявой Делии, Шарль оскорбил саму Любовь. Любовь, которая пережила его самого, так же, как и ненависть. И поэтому Эстела ре Фло не поедет завтра во Фло, сказавшись больной. Филипп и Рауль справятся сами, а видеть Делию выше ее сил. Пусть она предает отца и братьев, это лучше, чем не совладать с собой на глазах у тысяч людей.

Вдовствующая герцогиня Тагэре вздрогнула от внезапно наступившей пронзительной тишины. Служба кончилась, и все смотрели только на нее. Эста медленно, словно во сне, прошла к стоящим у возвышения гробам, накрытым синими знаменами. Магики постарались, Шарль и Эдмон казались спящими. Высокие воротники скрывали раны на шее. Эстела медленно коснулась губами ледяных губ мужа, поцеловала сына в лоб и кивнула стоящим наготове воинам, сноровисто поднявшим гробы на плечи.

Процессия медленно поползла в подземный иглечий, где покоились останки прежних властителей Тагэре и ее умершие дети. Шестеро из двенадцати. Но все они умерли в младенчестве, только Эдмон, красивый, добрый, веселый, никогда ничем не болевший, принял смерть под топором палача. А его горбатый брат жив и здоров. Монах сказал, что его жизнь – это чужая смерть, что он проклят еще в материнском чреве. И это так и было. Этот ребенок – несчастье их рода, который переживет их всех. Она должна была от него избавиться, но не сделала этого, потому что хотела привязать к себе Шарля. Его рождение – это смерть, именно так сказал монах, а его жизнь – это смерть за смертью. Святая Циала, неужели это правда?! Неужели она родила пособника Проклятого?!

Нет, не может быть! Просто она не любит младшего сына, не любит, потому что, пока она, беременная, лежала в своих покоях, Делия увела у нее Шарло. Потому что, видя Александра, она вспоминает весь тот ужас, который пережила... Все осуждают ее, считают дурной матерью, но разве они знают?! Шарль велел прогнать клирика, не поверил ему. А она, Эстела Тагэре, урожденная ре Фло, разве она не верит?! И не потому ли их спасла та женщина-кошка, что они были избраны зачать Пособника? Теперь только она знает тайну. Шарль и Рауль мертвы, а о Геро никто не слышал. Она исчезла. Шарль сказал, что ей принадлежит его жизнь и кровь, понимал ли он сам, ЧТО говорит и кто она была? Ведьма? Или нечто большее... Темная Звезда с колоды сестры, которую та потом так и не смогла отыскать.

– Матушка, осторожнее, – Филипп почтительно протягивал ей руку, – здесь слишком круто. – Эстела сжала губы и, старательно отогнав неуместные в храме мысли, ступила на узкую ступеньку.

2871 год от В.И.

9-й день месяца Иноходца.

Ифрана. Авира

Короля Жозефа мало кто любил, и бланкиссима Елена не была исключением. Видимых причин у нее для этого вроде бы не было, но Елена, хоть и отказавшаяся ради неба (или не неба) от того, что составляет смысл существования любой женщины, не перестала быть таковой. Ей была неприятна скупость Жозефа, его заношенные рубашки, стоптанные сапоги, сальные волосы, сухой неприятный голос. Король Ифраны был отменным союзником, но удивительно неприятным человеком, и Елена всякий раз удивлялась, до какой степени второе перечеркивает первое. Жозеф ни разу ее не подвел, правда, это было ему невыгодно, но это на небе ценят мысли и чувства, а на грешной земле пока главенствуют поступки. Жозеф делал то, что было нужно Елене, но после встреч с ним циалианку всегда тянуло искупаться.

Женщина вздохнула и взяла надушенный носовой платок, единственное спасение при длительной беседе со скопидомом-королем, экономящим даже на мыле и воде для собственной персоны. Впрочем, новости, которые сообщил Жозеф, пахли куда хуже его самого. О том, что старший сын убитого герцога Тагэре при живом Пьере Лумэне был миропомазан, Елена уже знала, но она была уверена, что Агнеса с Батаром пусть не сразу, но справятся с девятнадцатилетним щенком, у которого нет ни войск, ни денег. Оказалось, она или переоценила Агнесу, или недооценила Тагэре и его проклятого кузена, к несчастью, избежавшего судьбы родичей. А кардинал Евгений, похоже, вообразил себя бессмертным. Пойти при живом монархе на помазание его соперника!

Четыреста лет кардиналы ничего не предпринимали без решения конклава, приказания Его Святейшества и совета с бланкиссимой, а Евгений с ходу переступил все границы. Или он все же советовался с Дианой или Генриеттой, а ее прознатчики это проглядели. Вполне может быть...

Да и с Мальвани мерзко получилось, маршал, конечно, отличный полководец, но он не бог. Кто бы мог представить, что он справится с войском, вдвое превышающим его собственное, а он справился. Агнеса с Батаром наголову разбиты. Хорошо хоть дуре вместе с сыном и, скажем, маршалом, удалось бежать во Фронтеру и дальше в Эскоту, но большинство ее сторонников или убиты, или казнены после сражения. Агнеса оказалась столь недаленовидна, что расплачивалась с фронтерскими и эскотскими наемниками, отдавая им на разграбление деревни, по которым проходила ее армия. Арция поставляла фураж Лумэнам и ополченцев Тагэре, от одной разоренной деревни к другой пополнявшему свои силы. Казнь знатных пленников и вождей наемников, захваченных на поле боя, арцийцы восприняли как справедливое возмездие, а все еще сильные на севере Арции эрастианцы во главе с Евгением объявили это богоугодным делом.

Войска нового короля, не встречая никакого сопротивления, заняли Эльту. Филипп снял со стен головы своего отца, брата и дяди и заменил их головами казненных лумэновцев, а мерзавка Диана торжественно объявила, что наконец-то на троне настоящий арциец и настоящий воин. Молодой Тагэре хорош как бог, его обожает вся страна, и что с этим делать, никому неизвестно.

– О чем вы задумались, голубица? – скрипучий тенор мог принадлежать только Жозефу, что подтвердил и нос бланкиссимы. Женщина улыбнулась одними губами.

– Разумеется, Ваше Величество, я думаю об Арции.

– О ней сейчас думают все. – Жозеф уселся в кресло и протянул руку к лежащим на столе фруктам. Скупой до неприличия, король никогда не упускал случая подкрепиться за чужой счет, даже если это была такая мелочь, как фрукты или орешки.

– И что же о ней думает Его Величество? – Елена была вежлива и доброжелательна, хотя к горлу подползала тошнота.

– Племянница – дура, – изрек король, бросая на стол черенок от яблока, – я не дам ей денег.

– Она вам написала?

– Разумеется. Джакомо, вернее, его нобили готовы спутаться с ней еще раз, но за деньги. У границы земли дружественных лордов, грабить их нельзя, а ждать они не хотят. И правильно делают, живыми выйдет едва ли треть...

– Вы отказали?

– Я не сказал ни «да», ни «нет», – хмыкнул Жозеф, – но она должна понять...

– Агнеса не всегда бывает понятлива, – возразила Елена, умолчав, что в данном случае королева скорее всего поймет, так как знает, что у ее дядюшки в наводнение воды не допросишься.

– Это ее дело. И Джакомо, если он готов раскошелиться, но я бы на его месте притих.

– То есть?

– Я не намерен сейчас лезть в Арцию, – изрек Его Величество, ковыряя в зубах. – Филиппу дел и дома хватит, он, хоть и Тагэре, вряд ли захочет сразу же отвоевывать Сарриж,

а там посмотрим... Бросать деньги на ветер я не намерен. Если они имели глупость продуть при таком преимуществе, то теперь и подавно в лужу сядут. Да и Мальвани, говорят, вот-вот в армию вернется, а я с ним дела иметь не желаю! Странно он как-то Батара уделал, нужно разобраться. А пока я не пойму что и как, будет мир.

– Мир? – Елене показалось, что она ослышалась.

– Мир, – буркнул король, – если Филипп подпишет нотацию, я ему даже отступного дам, а там поглядим...

– А Агнеса?

– Если у нее что-то получится, я согласен с ней разговаривать, но не раньше, чем она будет в Мунте, а Тагэре на плахе. Я воевать не намерен, значит, будет мир, даже если за него придется платить золотом.

– Возможно, вы и правы, – пожала плечиками Елена. Лично ее мир не устраивал, потому что в Арции заправляла Диана, хотя... Нужно посмотреть, поладит ли красавчик король с этой кошкой. Если да, то Тагэре на троне делать нечего. Нет – она поддержит Жозефа в его небывалом миролюбии, знать бы еще, откуда оно у него...

2871 год от В.И.

Ночь с 16-го на 17-й день месяца Иноходца.

Арция. Тагэре

Валериану не в первый раз снились мелодии, вот и теперь щемящий напев подхватил и понес его, как поток подхватывает сломанную ветку. Черда рыдающих звуков рвалась к высокому безлунному небу, сливаясь с зовом возвращающихся птичьих стай. Когда растаял последний дрожащий аккорд, музыкант вздрогнул и проснулся. Это нужно было записать, и немедленно! Валериан вскочил и, не одеваясь, бросился к высокой конторке, подаренной ему покойным герцогом. Лихорадочно выводя нотные знаки, музыкант продолжал слышать разлитую в воздухе музыку, словно бы рожденную древним замком. То, что выходило из-под пера Валериана, отнюдь не походило на зауспокойную службу, полную смирения и надежд на награду, ожидавшую ушедшего в Вечности. Это был плач земного по навеки утраченному. Наверное, собраты осудили бы лысого органиста за кощунство и нарушение канонов, но он не думал об этом. Всею душой преданный музыке и Тагэре, Валериан старательно ловил бушующую внутри него мелодию. «Плач весенней ночи» – так он это назовет. Ее никто не услышит, кроме тех, кто достоин и кто сможет понять! Лихорадочно засыпая песком лист хаонгской бумаги (еще одна память о монсигноре), Валериан уже понимал, что не удержится и немедленно отправится в иглеций. И хорошо, что стоит глубокая ночь, его никто не потревожит, разве что стражники на башнях, ну да они вряд ли станут прислушиваться.

Маленький музыкант, кое-как натянув шерстяное одеяние, выскочил на улицу и посеменил к иглецию, не замечая ни холода, ни луж, оставшихся после недавнего дождя. Храм встретил запахом курений и белых траурных гиацинтов, которые, чудо из чудес, до сих пор не увяли. У икон слабо мерцали лампадки. Валериан вытащил ключ, намереваясь отомкнуть маленькую резную дверцу, чтобы по узкой витой лесенке подняться на хоры к органу, но замер, не донеся ключ до скважины. В иглеции кто-то был, чуткий слух музыканта уловил легкий шорох на пределе человеческого слуха, да и это странное ощущение, возникающее в темных помещениях, когда в них присутствует кто-то невидимый! Эрастианец с досадой поморщился: надо же, как не вовремя! Кто бы это мог быть? Шорох повторился, но как будто не с той стороны, где раньше. Валериан старательно пригляделся и различил неподвижный силуэт в дальней части храма. Вот оно что! Младший сын погибшего герцога. Надо думать, пришел проведать отца и брата.

Клирик всегда жалел маленького калеку, в свое время он сам немало претерпел от сверстников за свой смешной рост и нашел успокоение только в музыке. Кстати, Александр, даром что ему девять лет, чувствует гармонию куда лучше старших братьев и сестер. Надо предложить Ее Светлости свои услуги, он даст мальчику несколько уроков, может быть, он тоже сможет топить свое несчастье в звуках органа. В любом случае Сандер не помешает, а

он и виду не покажет, что заметил маленького герцога. Захочет – подойдет, не захочет – выскользнет из иглеция и отправится к себе.

Музыкант решительно повернул ключ и поднялся к органу, а через мгновение забыл обо всем, кроме родившейся во сне мелодии. Он сыграл ее четырежды, всякий раз что-то меняя, и понял, что она не нуждается в исправлении. Только откинувшись на спинку высокого резного стула, Валериан понял, что рядом с ним кто-то стоит, и обернулся. Так и есть. Горевшие на нотоносце свечи осветили серьезное детское лицо.

– Монсигнору не спится? – улыбнулся Валериан.

– Нет, – просто сказал Сандер, – я уже был здесь, когда вы вошли, но не хотел вам мешать.

– Тебе понравилось?

– Очень, – опустил темные ресницы мальчик, – мне кажется, что я всегда знал эту песню...

– Странно, у меня такое же чувство.

– Святой отец, вы не можете сыграть ее еще раз?

Разумеется, он мог, что и проделал с видимым наслаждением.

– Александр, что вы делаете здесь в такое позднее время? – Герцогиня подошла совсем тихо, и они, захваченные музыкой, ее не услышали.

– Моя сигнора, – Валериан неуклюже и торопливо вскочил, зацепив рукавом ноты, – простите, я вас не заметил!

– Ничего страшного, святой отец, можете продолжать ваши занятия. Александр, разве вы не видите, что мешаете отцу Валериану. Немедленно возвращайтесь к себе, я поговорю с вами завтра.

– Но, – запротестовал музыкант, – уверяю вас, Ваша Светлость, монсигнор мне не мешает, напротив, он очень тонко чувствует музыку.

– В любом случае ему никто не разрешал по ночам выходить из спальни, – холодно прервала герцогиня. – Александр, вы слышали? Немедленно идите домой. Отец Валериан, всем очень понравился написанный вами реквием. Разумеется, я и мой сын поблагодарим вас особо, но я с удовольствием говорю вам об этом сейчас. А теперь можете возвращаться к своим занятиям.

– Благодарю сигнору, – маленький эрастианец поднялся, – но я уже закончил. С разрешения сигноры я могу проводить монсигнора Александра.

– Если пожелаете, – обронила Эстела Тагэре и, придерживая тяжелую юбку, первой спустилась вниз.

Герцогиня пожелала остаться в храме, а клирик и мальчик вышли на улицу. В лицо пахло мокрой землей, в свете звезд блеснули огромные лужи. Они уже заворачивали за угол, когда Валериану показалось, что сзади мелькнула и рванулась куда-то вбок и вверх огромная, похожая на гигантского коня тень. Музыкант резко обернулся и столкнулся взглядом с сыном герцога.

– Святой отец, вы видели?

– Не знаю, может быть, мне показалось...

– Это был отец. Он приходил попрощаться, и он был в иглеции, когда я пришел.

Валериан промолчал. Церковь учила, что такого не может быть, но маленький клирик, хоть и боялся признаться в этом даже себе, был согласен с Александром. Во время заупокойной службы ему самому несколько раз казалось, что в иглеции находится кто-то одновременно близкий и далекий, не такой, как остальные. Встав от органа, он даже посмотрел вниз, пытаясь с помощью глаз остудить расхолодившееся воображение. Ничего особенного он, разумеется, не заметил, если не считать обернувшегося на его взгляд стройного седого нобиля в темно-синем плаще. Валериану стало стыдно своего любопытства, и он поспешно отступил к органу, а теперь вот и мальчик почуял что-то необычное... Сегодня новолуние, с похорон минула ровно кварта. Неужели ночную песню ему подарил покойный герцог?

2871 год от В.И.

Вечер 19-го дня месяца Иноходца.

Фей-Вэйя

Шарля похоронили. В Тагэре, в фамильном склепе. Его провожали жена и половина Арции, а она была здесь, в Фей-Вэйе. Она могла бы поехать, ее бы не выгнали, и не только потому, что Филипп теперь король и ему нужна поддержка сестринства или хотя бы лояльность. Девять лет назад сестра Анастазия стала в старинном замке своей, ее полюбили, никого не удивил бы ее приезд. Напротив! О них с Шарлем так никто и не узнал, а она не проводила его в последний путь, не взглянула... Неужели она боится себя выдать? Сколько лет прошло, она теперь совсем другая.

Соланж подошла к зеркалу, откуда на нее смотрело отрешенное бледное лицо, лицо мученицы, пророчицы, но не живой женщины. Странно, ей совсем не нужны эти камни, от которых все сходит с ума, может, поэтому они ей и достались. Судьба любит дарить одним то, за что другие готовы отдать душу, и отбирать то, за что и жизни не жаль... Нет, она правильно сделала, что не поехала, она не вынесла бы.

Филипп, говорят, одно лицо с отцом, как и погибший Эдмон. А самый младший? Тот, который живет потому, что она, Соланж Ноар, в припадке безумия убила своего ребенка. Младший Тагэре даже больше ее сын, чем Эстелы, почему же она не хочет его узнать?

Ее Иносенсия вздохнула и отошла от зеркала к окну, за которым буйствовал яблоневый сад. Когда она в последний раз видела Шарло, стояла поздняя осень, они обнимались среди искореженных черных стволов, ее ноги насквозь промокли, но она не чувствовала холода, а сейчас на дворе раннее лето, отчего же так зябко? Ведь все в прошлом, а ей в этой жизни осталось лишь несколько дел, которые она должна сделать.

Предстоятельница улыбнулась, и хорошо, что этого никто не видел, так как вид улыбающейся статуи вызовет ужас в сердце самого отважного человека. Сола, сестра Анастазия, Ее Иносенсия расчесала волосы, заколола на затылке¹¹⁵ и еще раз взглянула в зеркало. Вспоминал ли о ней Шарло в свои последние мгновенья? Вряд ли. В бою воинам не до воспоминаний, а погиб он сражаясь. Валентин сказал, что они с Раулем ре Фло отбивались спина к спине. С ними долго, очень долго ничего не могли сделать, а потом герцог, наверное, устал и оступился. Его убили сразу. Одним ударом. Рауль продержался еще немного, но один он был обречен.

Сола вспомнила Рауля ре Фло, мужа красотки Делии, единственного из этой семейки, кто ей по-настоящему нравился. Они с Шарлем ушли вместе, как уходят настоящие соратники и друзья или счастливые возлюбленные. А она осталась. Но почему, почему Шарло ошибся?! Что-то ей было непонятно. Оступиться могут все. Герцог уже не был юношей, он мог устать, поскользнуться в крови, просто промахнуться и пропустить удар. То, что он был непревзойденным бойцом, не означало, что он был бессмертным, и зачем ей знать, как он умирал, если ничего нельзя изменить.

Женщина вскинула тонкие руки к вискам, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Что-то здесь не так, что-то она должна понять. Поговорить с Валентином? Стоп, при чем здесь старик?! Он давно не покидал Фей-Вэйю, откуда же он знает, что Шарло споткнулся? Ее Иносенсия, больше не владея собой, вышла, почти выбежала из комнаты и, скользнув лунным лучом по прохладным коридорам, спустилась к старому рыцарю. Валентин сидел в глубоком кресле. Перед ним на столе стоял кубок, куча каких-то баночек с настойками и декоктами, валялись несколько книг, бумага и перо. При виде Предстоятельницы он попробовал встать, но Сола, положив ему руку на плечо, велела оставаться в кресле, а сама села рядом.

¹¹⁵ В отличие от других сестер глава ордена ходила с непокрытой головой, лишь в праздники украшая распущенные волосы Рубинами Циялы.

– Мне нужно поговорить с вами, сударь.

– Ваша Иносенсия...

– Я знаю, что вы скажете, но не будем терять времени. Откуда вы узнали, как убили герцога Тагэре?

– Откуда? – В глазах рыцаря мелькнуло недоумение. – Мулан рассказал. Он был там вместе с Дорже.

– Как они там оказались? – Сола почувствовала, что сейчас упадет, и торопливо присела на кровать Валентина, напрочь забыв об этикете.

– Дорже выполнял приказ бланкиссимы Генриетты, Мулан его сопровождал.

– А теперь, сигнор Валентин, – услышь Сола себя со стороны, она бы не узнала собственного голоса, – скажите, как могло случиться, что Шарля Тагэре убили раньше, чем Рауля ре Фло? Ведь он был сильнее.

– Меня это самого удивило. – Старик закашлялся, и Соле пришлось ждать целую бесконечность, пока он пил воду, пока обтирал губы чистым полотенцем. – Ре Фло был прекрасным воином, но с Тагэре не мог сравниться никто. Может быть, лет через десять герцог и начал бы сдавать, но не раньше.

– И все-таки он упал...

– И все-таки он упал, – эхом откликнулся Валентин. – Вы полагаете, что Мулан лжет? Я знаю, что вы его не любите.

– Скажите, сигнор, – Сола ответила вопросом на вопрос, – можно ли победить заведомо сильнейшего соперника иначе, чем задавив его числом, вымотав или ударив в спину? Я не воин, но я хочу знать.

Валентин вздохнул и задумался. Видно было, что ему неприятен этот разговор, но старый рыцарь всегда был честен.

– Я не могу быть ни в чем уверен, но, говорят, Алан Аламский, первый из рыцарей Оленя, вместе с титулом Белого Паладина получил у Ее Иносенсии талисман, который помогал ему в поединках. Именно так он победил мирийского герцога, после чего Мирия стала вернейшим оплотом ордена.

– Что это за талисман?

– Помилуйте, Ваша Иносенсия, я даже не знаю, существует ли он.

– Вы воин, вы должны знать.

– Я знаю только то, что Белый Паладин никогда не проигрывает поединков. Но я в юности часто тренировался с Арманом Гулимским, которого теперь сменил Лионэль Дорже. Он не был великим бойцом, хоть и побеждал великих. В открытых поединках, при свидетелях. Как? Почему его противники начинали ошибаться? Рядовые рыцари шепчутся о талисмане Ролана, но никто ничего не знает, а многие, в том числе и я, не хотим знать. Кому понравится, что святое дело отстаивают нечестно. – Старик замолчал, думая о чем-то своем, но Сола и так узнала все, что хотела.

Она помнила Мулана, тот был красив и честлюбив. В свое время он ее испугал, и Агриппина спланировала рыцаря к Генриетте. В Кантиске он стал правой рукой Дорже, но, насколько понимала Сола, быть чьей-то рукой Мулану не слишком-то и хотелось. В свое время этот рыцарь поступил с ней подло, но он свое получил, и потом... Если б не его письмо, в ее жизни не было бы Шарля. Соланж Ноар не держала на рыцаря зла, а Ее Иносенсия собиралась использовать его в своих целях.

Предстоятельница тепло попрощалась с Валентином, на прощанье поцеловав его в лоб: пусть забудет этот разговор. У Сола не хватило бы сил выбить у человека память о каком-то важном событии, но заставлять забыть то, что в глубине души человек и сам рад не знать, она научилась. Теперь Валентин никому ничего не расскажет, если его не спросят. А кому придет на ум расспрашивать старика, которому, Сола ясно видела, осталось не больше полугода...

Сначала я не поняла его. Остаться? Почему?! Любоваться на цветущую сирень, когда каждый день здесь – это несколько лет горя во внешнем мире. Каюсь, я согласилась выслушать Эрасти только потому, что надеялась увести его с собой, но прав оказался он, а не я. Меня извиняло лишь то, что я была куда менее умелым магом, чем он, да и знала намного меньше, Залиэль не пожелала нас просветить, а возможно, и сама не все понимала. Эрасти о многом догадался, лишь поговорив со мной. Что ж, хотя бы на это я сгодились.

Мы сидели на золотой от одуванчиков траве под ясным весенним солнцем и говорили о гибели миров, проклятиях и грехах. Это было дико, нелепо и неестественно, как нелепы и неестественны ночные страхи, вытасканные на яркий свет. Но все, что говорил Проклятый, к несчастью, было правдой. У нас не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться обстоятельствам. Мы с Эрасти оказались эдаким «засадным полком», удар которого в нужном месте и в нужное время решает исход битвы, и мы не имели права на ошибку.

То, что мы оба в Башне, для наших врагов секретом не являлось. Распутав «кокон», внутри которого ройгианцы упрятали Проклятого, я расписалась в своем присутствии. Надо полагать, «бледные» почуяли исчезновение своего заклęcia и ждут нас снаружи. Если б Эрасти сразу же пошел за мной, у нас еще был бы шанс опередить их, да и то вряд ли. Время внутри и снаружи Сада Адены текло с разной скоростью. Во внешнем мире прошло тысяча пятьсот тридцать два года, а здесь всего лишь год. Не нужно обладать великим умом, чтобы сообразить, что здешний день примерно равен четырем внешним годам, а здешняя ора, соответственно, вмещает два месяца. Мы в любом случае имели шансы на «теплую» встречу у порога Башни. Да, скорее всего Эстель Оскора и Проклятый справились бы с «бледными», сколько бы их ни собралось, но при этом подняли бы на уши всех магов Тарры, а на это мы пойти не могли.

Нашей целью был не Ройгу и его прихвостни, а сидевшая в Сером море тварь. Кстати говоря, Эрасти полагал, что она давным-давно перебралась поближе и обозначила свое высокое присутствие в Арции исправлением пророчества Эрика, усилением циалианок и Скорбящих и прочими прелестями. Если Эрасти правильно сложил «два» и «два», то нам предстояло ни много ни мало, как для начала остановить пришествие Антипода (разумеется, несколько не в том виде, в каком его обещали клирики), а затем и последующий конец света. Мы не имели права на ошибку.

2871 год от В.И.

6-й день месяца Медведя.

Святой город Кантиска

Кардинал Евгений спокойно выдержал взгляд присутствующих. Он знал их всех как облупленных. Величавая внешность и показное благочестие не могли обмануть старого эрастианца. Здесь все лгали всем и все боялись всех. Он знал, о чем его спросят. Можно было ограничиться письмом и сослаться на болезни, но Евгений не хотел подчеркивать свои немощи. К тому же для клирика он далеко не стар. Архипастырю без малого восемьдесят, а мирийцу Эпоминонду и вовсе девяносто шесть. К тому же важно, чтобы о бетокском деле рассказал именно он. Евгения немного беспокоил Илларион, приехавший вместе с ним. С одной стороны, проклятое зелье к антонианцам не имело никакого отношения, те ловили другую дичь, с другой же... Евгений не понимал Иллариона, а потому недолго любил, хотя между ними никогда не было ссор. Антонианец не лез ни в политику, ни в дела церковные, самозабвенно преследуя даже тень недозволенного колдовства. В Арции, надо полагать, не осталось не то что беспечатных¹¹⁶ волшебников, но даже ни одной деревенской ведьмы или знахарки. Евгений в глубине души полагал, что это чересчур. Не все могут заплатить члену гильдии, а жить и не болеть хочется всем, но Илларион намеков не понимал, а воевать еще и с ним у Евгения не было ни сил, ни желания. Ну и Проклятый с этим магоборцем, но сюда-то

¹¹⁶ Не имеющих скрепленного печатью патента, разрешающего занятия бытовой магией.

его зачем принесло?

Конклав собрался, чтобы разобраться с взорвавшимся во время сражения порохом. Такого не было уже почти триста лет, и отцам Церкви хотелось знать, откуда появилось адское зелье и кто его применил. Впрочем, барон Обен, проговоривший с Его Преосвященством три оры, ответил на все вопросы, которые могут и не могут быть заданы. Возможно, перед ликом святителя Эрасти Евгений и не рискнул бы повторять слова барона, но его братья во храме святыми не являлись, и Евгений не колебался. Он слишком любил Арцию и ненавидел Лумэнов.

– Ваше Святейшество, – кардинал говорил тихо, но конклав был наслышан о болезни Евгения, – почтеннейшие братья! Мне больно говорить о том, что воля Церкви нашей Единой и Единственной нарушена именно в Арции, но, к счастью, виновны в этом не арцийцы. Ибо Агнеса не является арцийкой ни по рождению, ни душой. Моя вина, моя тяжкая вина, что я не настоял на разводе королевской четы. Есть неопровержимые доказательства, что ребенок, именуемый принцем Гаэльзским, рожден от прелюбодейной связи Агнесы и первого из ее любовников герцога Фарбье. Агнеса также повинна в покушениях на герцога Тагэре и его родных и в конечном счете в его убийстве. Однако все это – дела мирские, и говорю я об этом лишь потому, что взрывы у деревни Беток – еще одно звено в цепи преступлений Агнесы.

– Каковы же тому имеются доказательства? – с достоинством произнес Архипастырь.

Ну, уж доказательства у Евгения было в избытке.

– Известно, что перед убийством герцога Тагэре Агнеса Саррижская прилюдно посвятила в рыцари некоего Габриэля, долгое время бывшего ее лазутчиком. Этот Габриэль, мириец по происхождению, до того как поступил на службу Агнесе, был вором, контрабандистом и шулером. Достойные доверия свидетели, а именно граф Эжен Гартаж и барон Люсьен Кресси, покинувшие стан Лумэнов после казни, а вернее убийства, подтверждают, что Габриэль был полностью предан Агнесе и к тому же щедро ею награжден. После казни мириец исчез и был найден мертвым в лагере у деревни Беток, причем не вызывает сомнения, что порох взорвал именно он. То, что Мальвани выберет именно эти холмы для обороны, можно было предположить заранее, тем более что армией Лумэнов командовал Конрад Батар, знавший маршала с юности. Видимо, Габриэль получил приказ уничтожить Тагэре, но просчитался во времени. Когда он подорвал порох, лагерь был захвачен войсками Лумэнов. Ибо недаром сказано о роющих ямы на дорогах ближних своих.

– Я бы хотел узнать мнение нашего достойного собрата Иллариона, – подал голос кардинал Оргондский.

Илларион коснулся губами наперсного знака и спокойно сказал:

– Я не вижу ничего, что противоречило бы словам Его Высокопреосвященства. Без сомнения, порох взорвал упомянутый Габриэль, который долгие годы состоял на службе у Агнесы Саррижской. Этот прискорбный случай говорит о том, что нет такого зла, которое можно почитать избытком.

2871 год от В.И.

17-й день месяца Медведя.

Арция. Фей-Вэйя

Граф Мулан волновался, хоть и не подавал виду. В свое время ему очень нравилась синеглазая сестра, но она его оттолкнула. Более того, Анастасия предпочла пуститься в путь в одиночестве, отвергнув его помощь, хотя он никогда бы не решился поднять руку на любимицу бланкиссимы Агриппины. Мулан, как никто другой, понимал, у кого реальная власть над орденом, и как бы ни была хороша Анастасия, он не стал бы рисковать. А теперь недоступная красавица стала Предстоятельницей и хочет его видеть. Зачем?

Мулан всю жизнь хотел быть первым, но судьба играла против него. Для начала он не родился старшим сыном, потом ему не удалось жениться на дочке Жана Фарбье (последнее, впрочем, не беда, Фарбье проиграли, и что б он стал делать с честолюбивой коротконогой

Анжеликой?). В ордене его дела сначала пошли хорошо, но потом эта история с письмом, из-за которой он оказался на обочине. Только-только ему удалось приблизиться к Генриетте и Дорже, как Предстоятельницей стала его врагиня. Неужели придется расстаться с орденом? Но куда он пойдет? Ему тридцать три, и он умеет только воевать. Даже не воевать, а сражаться в поединках и задирает других. Домой? Только не это! В Ифрану? Тоже не сахар...

— Вас ждут, дорогой брат, — молоденькая послушница, смущаясь, открыла дверь. Вот эта точно не ледышка, ну да сейчас не до нее... А Анастасия стала еще красивее. Неужели она всю жизнь будет мстить ему даже не за поступки, а за мысли?

— Садитесь, сигнор, — в мелодичном голосе Ее Иносенсии не было ни гнева, ни приветия, только равнодушие. Она выждала, пока Мулан сядет, придерживав ножны и расправив короткий белый плащ. — Что вы знаете об убийстве рыцарем Дорже герцога Тагэре?

Сказать, что она его удивила, значило ничего не сказать. Она не могла этого знать, но знает же! Говорить? Дорже не простит, да и показать, что ему известна тайна Паладина, нельзя. От всего отказаться? Но Анастасия, похоже, знает все и поймает его на лжи. Она жила у Тагэре, похоже, там ее любили. Скорее всего она сожалеет о герцоге. И Мулан рискнул.

— Ваша Иносенсия, я ничего не знаю и могу лишь догадываться.

— Догадки такого человека, как вы, равносильны доказательствам. Я слушаю.

— Ваша Иносенсия! — Неужели он нашел верный тон? — Я уверен, что Шарль Тагэре погиб, потому что против него использовали талисман, который... — Как же назвать покойную Предстоятельницу? — Который... сгнора Виргиния передала Дорже, назвав его своим Паладином.

— Что это за талисман? — Сола говорила по-прежнему спокойно. — Ее Иносенсия умерла слишком внезапно и многие тайны унесла с собой.

— Я не знаю точно. Говорят, только Ее Иносенсия может его надеть на шею избранному ею рыцарю, и при этом она должна быть в Рубинах Циалы...

— Об этом потом. Сперва я хочу услышать, как погиб Тагэре.

— Сначала я должен рассказать о том, что было раньше. Однажды, когда было очень жарко, сигнор Дорже расстегнул ворот рубахи, и я увидел там вместо Знака¹¹⁷ или Звезды¹¹⁸ белый камень размером с голубиное яйцо на цепочке из светлого металла. Думаю, что это не серебро и не сталь.

— Что вы еще знаете?

— Догадываюсь.

— Хорошо, догадываетесь.

— Я был рядом с сигнором Дорже.

— Кстати, как вы там оказались?

— Сигнор Дорже вызвал меня и велел отправляться с ним. Он ничего не объяснял, но перед этим он побывал у бланкиссимы Генриетты.

— И вы поехали?

— Да. Мы приехали утром и укрылись в лесу. На дороге еще никого не было. Потом подошли люди Лумэнов и встали так, что я понял, они кого-то ждут.

— Вы к ним не подъезжали?

— Нет, Ваша Иносенсия, мы прятались. Затем появились первые всадники Тагэре, рассказывать подробности?

¹¹⁷ Знак — медальон с изображением святого, покровителя того или иного церковного ордена, который получали при вступлении в него и носили вместо Звезды. Те же, кто вступал в орден, но не принимал постриг, могли выбирать, носить ли им Знак или Звезду.

¹¹⁸ Звезда — восьмилучевая звезда, посередине которой изображен символ Церкви Единой и Единственной, надевается ребенку при именовании.

– Не нужно. Только про герцога.

– Мы подождали, пока бой не превратился в бойню. Видит святая Циала, если б я был один, я бы... – Мулан запнулся, словно подбирая слова, впрочем, он действительно их подбирал. От того, угадает ли он, зависит все его будущее. – Ваша Иносенсия! – Голос графа обрел твердость. – Даже если б я был вынужден покинуть орден, я бы постарался пробиться на помощь Тагэре... Я подумал, что Дорже думает так же, потому что он велел прикрывать ему спину и сказал, что мы идем искать герцога. И мы пошли, рубя и Лумэнов и Тагэре, если они нам мешали. Тагэре не были легкой добычей. За одного они брали троих. Но, похоже, Агнеса была готова положить половину своих, лишь бы уничтожить герцога. Наверное, она была по-своему права...

– Вы отвлеклись, граф.

– Простите. Мы нашли его в самой гуще. Он дрался спина к спине с Раулем ре Фло, на них напирала целая толпа, но они могли сражаться и сражаться. Я не понимал, чего ждет Дорже, вчетвером мы могли бы попробовать пробиться. Потом я услышал трубу. Это был сигнал Тагэре. Рыцари во главе со стариком ре Фло прорывались на помощь герцогу. Тогда казалось, что они смогут... Я случайно взглянул на Дорже, у него было такое лицо, словно он или молится, или, простите меня, творит заклинание... И тут Тагэре пошатнулся и упал на одно колено, выронив меч. Его убили сразу. Дорже улыбнулся и сказал, что нам больше нечего здесь делать. Я шел за ним, как пьяный, и только потом понял, что меня тоже зацепила волшба...

– Вам ведь не понравилось, что сделал Дорже?

– Нет!

– Что ж, значит, если с Дорже что-то случится, вы жалеть не станете?

– Ваша Иносенсия...

– Я подумала, что из вас был бы куда лучший Белый Паладин, – заметила Ее Иносенсия, задумчиво коснувшись рубинового кольца.

2871 год от В.И.

24-й день месяца Влюбленных.

Арция. Мунт

Дверь наконец приоткрылась. Рыжая собака с длинными висячими ушами, пролежавшая на пороге целое утро, немедленно воспользовалась ситуацией, змеей скользнув мимо слуги с подносом, и с радостным повизгиваньем ткнула мокрым носом в хозяйские колени. Анри Мальвани рассеянно погладил Сигнора. Пес в полном восторге перевернулся на спину, скорчив умильную физиономию, и маршал, засмеявшись, почесал любимцу пузо.

– Не стоит закрывать двери, Селестин, – он все равно своего дождетс...

– Но сигнора...

– Сигнору я беру на себя. А друзей держать на пороге негоже.

– Воистину. – Громкий голос мог принадлежать только Раулю ре Фло. Сын Леона был в запыленной дорожной одежде, глаза его запали, а брился он никак не позже, чем два дня назад, но Мальвани сразу понял. Победа. Полная и окончательная.

– Селестин, приготовь графу все, что нужно, – ты ведь так и не обзавелся домом в Мунте?

– Нет, – покачал головой Рауль. – Некогда было.

– Вижу, сначала ко мне, а во дворец – потом. Спасибо.

– Должен же я где-то переодеться, – улыбнулся ре Фло. – Во дворец я успею, а оруженосца с донесением я отправил.

– Тогда пей и рассказывай. Они успели объединиться?

– Нет. Жиль Фарбье наскреб тысячу пять эскотцев и лумэновского отребья. Он собирался соединиться с Агнесой и Батаром, я перехватил его у Кер-Мари. Я повторил ваш с Тагэре трюк, помните, при осаде Маэллы, когда туда шли подкрепления?

– Давно было, – улыбнулся Анри, – мы с Шарло были младше тебя. Это было нашим

первым делом. Значит, ты помнил, а Фарбье забыл?

– Или не знал, – хмыкнул Рауль. – Кошачье отродье не любит вспоминать про чужие победы, Жиль не был исключением.

– Не был? – переспросил Мальвани. – Он погиб в бою или позже?

– В бою. Я убил его своей рукой. Мог взять в плен, но не взял.

– Атэвы говорят, смерть в бою возносит воина на небо.

– Воина, но не предателя.

– Да, – маршал подлил себе вина, – у атэвов есть страшный обычай. Вернее, он казался мне страшным. Раньше. Предателей там разрывают на куски. Лошадьми. Даже калиф и тот не вправе помиловать или простить. Только тот, кто был предан.

– А если тот убит?

– Тогда никто не вправе, ни сыновья, ни братья, ни отец. Ну, а про мать и говорить нечего, женщины там ничто...

– Значит, Фарбье и иже с ним должны благодарить судьбу, что они не в Атэве родились.

– Пожалуй. А что ты сделал с Батаром?

– Мы его прижали к реке.

– К Фоде? Или Мансу?

– К Фоде, недалеко от Геммской излучины.

– Тяжелая позиция, трудно вывернуться.

– Он и не вывернулся. Мы пошли на них вниз по склону холма.

– Им не пришлось в голову расступиться и попробовать скинуть вас в реку?

– Нет. Похоже, у них в головах мало что осталось. Центр мы уничтожили сразу, а фланги как-то сами рассеялись.

– А Батар и Агнеса?

– В трех дия от Мунта. С причитающейся их положению охраной.

– Ты их взял на поле битвы?

– Нет, они, как всегда, удрали. Болтались какое-то время по Геммской долине, пытались пробраться в Эскоту. А потом один из эскотских нобилей решил проявить лояльность. Их привезли ночью и, надо ж такому случиться, именно тогда, когда я наконец решил выспаться.

– Как они?

– А как ты думаешь? Ифранка задирает голову, но с отчаянья, мальчишка ревет, Батар молчит. А как и что тут?

– Тут? Готовимся к коронации.

– Пьер будет?

– С Пьером плохо. Бедняга не понимает, что Шарло мертв, все время просится к нему. Филипп был в Речном Замке...

– И там что-то случилось?

– Пьер обознался. Принял Филиппа за Шарля, бросился к нему, а потом как завопит: «Не тот! Не тот!», в угол забился... Плачет, просит его не убивать, Филипп едва ноги оттуда унес. Куда уж такого на люди пускать. Если честно, всем не по себе стало.

– А как Духов Замок?

– Как всегда.

– Неужели Иллариону и вправду нет ни до чего дела?

– Проклятый его знает, – сверкнул глазами маршал, напомнив себя прежнего, – молчит, как камбала на сковородке. А что у него в душе, и есть ли она, душа эта.... Давай лучше о другом, хоть о погоде, что ли.

– Вы-то сами как?

– Я? А что мне теперь делается, – маршал махнул рукой, – как сказал Раймон, так и вышло. Верхом уже езжу, на земле пока хуже, но тоже ничего.

– Где этот Меченый, кстати? Я бы хотел взять его к себе, если вы не возражаете.

– Думаешь, я не искал? – Мальвани махнул рукой. – Как сквозь землю провалился. Не знаю, кто он, и не хочу знать. Он меня спас, мне этого достаточно...

2871 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Когда-то арцийских императоров короновали в Кантиске, но империя распалась. Церковь Единая и Единственная признала новые королевства, так как в противном случае свежеиспеченные монархи могли уверовать в Баадуга или, того хуже, пойти на поводу у ереси, как это сделала Таяна, отринувшая Святой Престол и заявившая, что у святых не может быть земных безгрешных наместников. Подобное много хуже откровенного язычества, и Кантиска благословляла всех еще не заблудших королей, как бы они ни относились друг к другу. Правда, венчали монархов на царство теперь в их собственных столицах, Авире, Мунте, Гайве, Лиаре. Главным в церемонии был кардинал, но ему помогали видные лица наиболее уважаемых орденов.

Ее Иносенсия могла не ехать в Мунт, предоставив участвовать в коронации Филиппа Четвертого Диане, но она поехала. В первый раз в жизни одна, без Агриппины, у которой было слишком много дел в Фей-Вэе. Толстуха не хотела оставлять сестер без присмотра и была права, но Анастасия на сей раз чувствовала себя уверенно и в отсутствие наставницы. Кардинал Евгений, сухонький, седенький, но с умным колючим взглядом, ее прекрасно помнил и принял с распростертыми объятьями. Старик знал, что Анастасия о земном думает мало, а значит, интриговать и играть свою игру не станет. Ее Иносенсия чуть было не поделилась с кардиналом своими подозрениями, но удержалась. Тот вряд ли бы одобрил задуманное ею, а ждать, пока зло пожрет самое себя, Соланж не могла.

Несмотря на свое горе, Предстоятельница вполне владела собой. Она, хоть и казалась отрешенной от мирской суеты, замечала многое и видела, что сестер побаиваются и недолюбливают. В ней же, тихой, красивой, равнодушной к земному, видят надежду на то, что отныне женщины в Церкви будут оплакивать несовершенство мироздания, а не рваться к власти. Ну и хорошо, ей еще многое предстоит сделать, прежде чем она сможет уйти.

Мулан свое дело уже сделал, и сделал хорошо, Филипп и Рауль тоже, они обрубili побеги, но не избыли корни. Хотя один из корней и был семейством ре Фло, втянувшим Шарло в эту проклятую войну. Впрочем, Старый Медведь и оба его сына мертвы, они погибли вместе с Шарлем, пытаясь его спасти, и пусть покоятся с миром. Остались лишь Эстела и ее горбатый сын, высосавший жизнь ее собственного ребенка. Ее Иносенсия испытывала болезненный интерес к этому мальчику, но Филиппа отчего-то короновали в отсутствие младших братьев, которые, правда, получили герцогские титулы. Жоффруа стал монсигнором Ларрэном, а Александра теперь следовало называть герцогом ре Эстре.

А вот вдовствующую герцогиню Анастасия видела. Все еще красивая, в роскошном траурном одеянии, Эстела Тагэре шла рядом с красавцем сыном. Сола чуть не закричала в голос, увидев Филиппа, превратившегося из ангелоподобного золотоволосого ребенка в мощного воина с очаровательной, ласковой улыбкой. Таким в его годы был и Шарло, ныне лежащий под обсидиановой плитой в дальнем замке. Только глаза нового короля, умные и живые, были не серыми, а темно-голубыми, лишенными отцовской загадочной глубины. И слава святой Цiale, потому что полного сходства Сола не выдержала бы.

...Они проговорили около оры. Об Эльте, об общих знакомых, о Шарле, на которого Филипп молился. То ли у молодого короля было особенное чутье, то ли за этим что-то стояло, но он почти не говорил ни о матери, ни о брате-калеке. Сола погрузилась в воспоминания о Тагэре и с трудом заставила себя вернуться на землю. Затягивать аудиенцию было бы неприлично.

– Я всегда буду рада видеть вас, Ваше Величество, – узкая рука коснулась золотых волос, таких же, как у отца, – я всего лишь смиренная служительница Творца нашего, но я с радостью помогу вам, если это будет в моих силах, и я буду молиться за вашего отца и брата.

– Благодарю Ее Иносенсию, – молодой король смотрел на нее с искренней признательностью.

Что ж, сын Шарля станет хорошим королем, если она ему поможет... Воистину, в этом мире немало дел, которых, кроме нее, никто не сделает. Она слишком много думает о мертвых, а Шарль наверняка бы попросил ее позаботиться о живых. Но сначала она покончит с неотложным.

2871 год от В.И.

Ночь с 1-го на 2-й день месяца Лебеда.

Арция. Мунт

После битвы с Лумэнами и то он не чувствовал себя таким уставшим и опустошенным. Тогда все было просто: впереди враг, а спину прикрывают друзья, а тут сам Проклятый ногу сломит...

Филипп не понимал, пьян он или просто безумно устал. Первый день месяца Лебеда, и без того самый длинный в году, оказался прямо-таки бесконечным. Коронация, Генеральные Штаты, пир, на котором нельзя было ни веселиться, ни печалиться, бесконечные разговоры с разными важными и нужными (упаси святой Эрасти обойти кого-то вниманием), затем ужин с самыми близкими, которые отчего-то стали похожи на чужих... А на завтра весь день уже расписан, и на послезавтра, и на целую кварту вперед. Воистину, быть королем дело нудное и хлопотное! Недаром и отец, и дурачок Пьер отбивались от этой чести, как могли. А ему еще придется всю жизнь слышать и в глаза и в спину, что, по мнению того или иного сановника или обывателя, сделал бы на его месте Шарль Тагэре. И доказать или опровергнуть это мнение невозможно.

Король Арции вздохнул и распахнул окно, впустив в комнату отдаленный собачий лай, шум ветвей и плеск фонтана. Нужно привыкать и к этим звукам, и к этой комнате, и к этому городу. Впрочем, жителям Мунта он нравится, особенно женщинам. По крайней мере, коронационная процессия всю дорогу от Ратуши до эрастианского храма шла по цветам, которые бросали ему под ноги горожанки. Это было приятно, приятны были и слова о его сходстве с отцом. И вместе с тем они странно царапали душу, словно бы его втягивали в какое-то дикое соревнование с мертвым, соревнование, которое ему никогда не выиграть, потому что живой король всегда хуже усопшего... Да и какой он король! Рауль, Анри, Евгений, Обен – все они куда больше его понимают в том, чем ему придется заниматься. А еще матушка со своими советами, более похожими на требования, а он даже не знает, права она или нет! Они победили, посадили его на трон, а дальше-то что? Конечно, проще всего плыть по течению, тем паче ему повезло с друзьями и советниками, но ведь он не Пьер! Он Тагэре, а у Тагэре должна быть своя голова на плечах.

Пьер... Филипп от нелепой и непрошеной обиды стиснул зубы. Ну что возьмешь с дурачка, который всю жизнь всех боялся, кроме отца и своих хомяков?! Просто так сумасшедшим никого не объявят, тем паче правящего короля, так почему же его слова никак не идут из головы!

Тагэре устался в окно, стараясь отогнать неприятные воспоминания. Не получилось. Он словно бы опять вошел в большую и светлую комнату с видом на реку, где среди хомяков и подносов со сладостями обитал низложенный монарх. Филипп не видел Пьера около полугода, внешне тот не очень изменился. Все та же одутловатая физиономия со слабым подбородком и носом-пуговкой, все то же настороженно-удивленное выражение, словно у грызуна, который и орех хочет схватить, и от норы отходить боится. После истерики, которую закатил бывший король по их вступлении в Мунт, Филипп обходил Речной Замок десятой дорогой, но Обен и Рауль считали, что присутствие Пьера на коронации весьма желательно, пришлось навестить безумца еще один раз. Лучше бы они этого не делали! Пьер хитро устался на гостей и заявил, что его не проведешь и перед ним никакой не Шарло! Его опять хотят обмануть, не выйдет! Он никуда не пойдет, пока не придет большой кузен! А когда Рауль попробовал что-то объяснить, муж Агнесы замахал руками и полез под

кровать, крича, что его сейчас убьют. Это было глупо, нелепо и ужасно неприятно.

Впрочем, глупого и неприятного в этот день хватало. Одни поздравления от Жозефа чего стоили! Но пришлось принимать подношения и благодарить, целовать кольца целой толпе высоких клириков, расточать любезности людям, которые из всех сил пытались доказать свою верность победителям и одновременно наябедничать на своих врагов. Завтра придется решать, кому отойдут земли Батаров и что делать с имуществом Фарбье и иже с ними. На каждое поместье нацелилась целая стая стервятников. Рауль советует оставить земли главных лумэновцев в казне, а доход с них пустить на армию и другие неотложные нужды. Наверное, он так и поступит, но воплей при этом поднимется... Проклятый, как же это противно. Как вообще все противно!

Филипп вздохнул и, взяв свечу, прошелся по своей опочивальне. На столике у кровати, на которой когда-то трясся со страху Пьер Шестой, поблескивала камнями корона Волингов, помнящая еще Анхеля. Дурацкий обычай на ночь класть корону возле постели, как будто кто-то ее может украсть... Утром золотой, усыпанный драгоценными камнями обруч торжественно заберет Хранитель Coronы и в сопровождении шести гвардейцев унесет в тронный зал. Та корона будет до вечера красоваться на бархатной подушке, а потом снова окажется у изголовья Его Величества. И так каждый день. Бред! Даже одеваться и раздеваться теперь положено в присутствии толпы придворных, но уж этого-то они не дождутся! Есть же предел любой глупости и любой зависимости.

Отец бы никогда не позволил, чтоб ему прилюдно натягивали чулки и застегивали башмаки. И он не позволит. Завтра же все эти одевальщики и подавальщики узнают, что Его Величество намерен одеваться, причесываться и доносить ложку до рта самостоятельно. Когда шла война, к нему никто не лез со всякими церемониями, и он не собирается портить себе жизнь больше, чем необходимо. Проклятый, а это еще что такое?!

Филипп Тагэре в изумлении уставился на огромного наглого котяру, взиравшего на молодого короля с видом академика, экзаменующего нерадивого студизуса. Очевидно, нахал с веток здоровенного каштана, торчавшего под окнами, перепрыгнул на карниз, а оттуда сиганул в комнату. Похоже, именно этот кот или же его родич послужил причиной пресловутого безумия Пьера. Неудивительно, что бедняга спятил, увидав среди ночи эдакое страшилище. Филипп был не из робких, но под изучающим взглядом горящих желтых глаз ему стало не по себе.

– Эй, ты, – прикрикнул на кота Его Величество, злясь на самого себя и свой почти страх, – а ну-ка проваливай, откуда пришел!

Тварь сморщила нос и, презрительно дернув лапой, медленно подалась вперед, демонстративно принюхиваясь. Эта наглость переполнила чашу королевского терпения, и Филипп вскочил с явным намерением вышвырнуть котяру через то самое окно, в которое тот залез. Но король опоздал, зверь, еще раз неодобрительно дернув лапой, спрыгнул на пол и исчез то ли под кроватью, то ли за резным палисандровым бюро. Взбешенный Филипп не поленился заглянуть и туда и туда, но ночной гость, видимо, знал эту комнату лучше ее законного владельца, он как в воду канул. Видимо, пока король ползал на коленях, пытаясь что-то рассмотреть в угольной черноте, кот успел перескочить через подоконник и раствориться в ночи.

Проклятый

Ему удалось убедить Геро, хоть и не сразу, к счастью, она умела и слушать, и думать. Сначала Эстель Оскора стала ему другом, а теперь они еще и союзники, такого в его жизни еще не было. Вернее, было, но давно, в той жизни, о которой он почти забыл. В ту пору он и представить не мог, что спустя тысячелетие люди станут ему молиться и его же проклинать, хотя он не заслужил ни того, ни другого. Хотя не разыщи его Герику, он бы так и не вспомнил о том, ради чего ему была дарована новая жизнь. Вот тогда его бы стоило проклясть. Эрасти не заблуждался ни на свой счет, ни в отношении происходящего. Скоро и его силы и умение, и то, на что способна Эстель Оскора, понадобятся в полной мере, и

никому не известно, чья возьмет. «Четыре шага до Последнего Греха, и первый сделал ты», – сказал умирающий Анхелю. Ларэн говорил, что незадолго до их встречи он и Залиэль почувствовали какое-то смутное беспокойство, которое, собственно говоря, и погнало Ларэна в дорогу. Эльфа словно бы тянуло к себе Кольцо Анхеля, хоть Ларэн и понятия не имел, что же он ищет.

Лунный король стал невольным свидетелем сначала предательства, затем казни. Церну эльф спас, поддавшись чувству сострадания, не представляя, что в израненном резистанте обретает того, кого искал так долго. О Кольце Анхеля, которое он, как мог, оценил, наблюдая за палачами, Ларэн мог сказать лишь то, что сама вещь оказалась на удивление обыкновенной, хоть и несла на себе странный и неприятный отпечаток. Тогда Лунный не счел нужным добыть запятнанный перстень, да и Эрасти постарался забыть о «подарке» друга, и это ему почти удалось. Потом судьба несколько раз забрасывала Церну в Мунт, но у него не было ни малейшего желания рассматривать в иглециях собственное лицо, подправленное клириками, а главный храм, в котором верующие имели возможность созерцать его руки, и подавно вызывал отвращение. Если бы не очередная ссора с Циалой, он бы туда и не пошел.

Это был их первый разрыв. Циа обрушила на него множество упреков, половины которых он просто не понял. Тогда ему и в голову не приходило, что она может лгать, изворачиваться, просить прощения, снова оскорблять, требовать, уходить и возвращаться. Он решил, что это конец. Она его бросила, ему же остается лишь завершить начатое дело и, если он при этом уцелеет, подумать, как оборвать ставшую ненужной жизнь. Остаться поблизости от Циалы, но не с ней, он не мог. Гордость не позволяла ползть перед ней на коленях, умоляя вернуться, тем более ее возвращение после всего, что она выплеснула ему в лицо, казалось невозможным. И он решил отправиться к Месту Силы, о котором говорил Ларэн.

Путь шел мимо Кантиски, и Эрасти Церна решил зайти в храм Великомученика Эрасти. Подобное мрачноватое развлечение вполне совпадало с его настроением. Никем не признанный, он смотрел на предавшее его Кольцо, до сих пор украшавшее отсеченную руку, сохраненную магами Анхеля от тления. Именно тогда он заметил странное сходство перстня Анхеля и талисмана Ларэна. Казалось, неведомый таянский ювелир взял за образец Кольцо Ангеса и в меру человеческих сил повторил замысел бога. Мысль поменять кольца и оставить завешание будущему преемнику пришла неожиданно. Несчастливые влюбленные часто думают о смерти, воображая собственную гибель и запоздало раскаивающихся возлюбленных.

Ночью он сделал все, что задумал. Никогда в спокойном состоянии ему бы не удалось создать и сотворить подряд несколько заклятий такой силы и сложности. Он оставил послание неведомому наследнику, защитил талисман от посягательств кого бы то ни было и в порыве вдохновения добавил туда исцеляющее заклинание, завязанное на магию перстня Ангеса. У него еще оставалось Кольцо Адены и собственная сила. Дар Анхеля он хотел было выбросить или уничтожить, но состояние великой жалости к себе, захватившее Эрасти после ссоры с Циа, не позволило ему этого сделать. Страдать так страдать! И он надел на руку Кольцо, напоминающее ему о подлости друга и страшных днях в отрогах Варты. Он не догадывался, что простенький морион не только несет на себе отпечаток предательства Анхеля, ставшего первым шагом к Последнему Греху, но и почувствует, когда свершатся остальные.

2871 год от В.И.

Вечер 3-го дня месяца Собаки.

Эр-Атэв. Эр-Гидал

Закатные лучи окрасили белые стены обители нежно-розовым, как цветы эстрийского шиповника. Владыка Иоанн вспоминал родные края редко, но порой тоска до него все-таки добиралась, со страшной силой сжимая горло. Потом все проходило, он с головой окунался в

неотложные дела, каких в обители всегда хватало. Лучший способ о чем-то забыть – это чем-то заняться, а все-таки жаль, что он никогда больше не увидит стремительных ледяных ручьев, над которыми склоняются цветущие ветви, не услышит звона стрекоз и щебета иволги...

– Владыко! – Высокий инок с родимым пятном на щеке явно стыдился отрываться от настоятеля от размышлений, кои, без сомнения, почитал благочестивыми. – Владыко, прибыл посланец царя языческого.

– Примите его как должно. Я сейчас спущусь, – спокойно промолвил Иоанн. Вот и конец тоске. Но что же случилось такого, что потребовалось присылать гонца? Смерть калифа? Вряд ли. Он видел Усмана совсем недавно, он здоров и слишком силен, а сыновья его слишком малы, чтоб кто-то посмел приблизить его смерть.

Иоанн не спеша переоделся в темно-зеленую рясу и, опираясь на усыпанный белыми цветами Посох, немислимый в царстве жары и песка, спустился в монастырскую приемную, где настоятели обители имели обыкновение беседовать с гостями-иноверцами.

Иоанн никогда не видел этого высокого воина лет тридцати, со сросшимися бровями и смуглым узким лицом, но догадался, кто перед ним. Гость был выше калифа, а его черты грубее, но родовое сходство сомнений не вызывало.

– Мы рады приветствовать в нашей смиренной обители брата великого Усмана. Что привело Меч Атэва в мирную пустыню и сколь неотложно это дело? Быть может, доблестный Али сначала отдохнет с дороги?

– Я с радостью приму гостеприимство пастыря хансиров, – наклонил голову атэв, – но прежде передам тебе послание великого Усмана, да продлит Баадук его сверкающие дни. – Али вынул из-за пазухи зашитый в кожу свиток, и по спине Иоанна побежали мурашки. Дело, ради которого калиф погнал в путь единственного человека, которому доверял безоглядно, несомненно, было тайным, важным и скорее всего весьма неприятным.

Препоручив гостя заботам брата-эконома, Иоанн вскрыл послание.

«Приветствия пастырю хансиров и Стражу Потаенного от Льва Атэва, – писал Усман. – Известно мне, что ваш бог не велит читать истину по звездам, костям и знакам, но, если заткнуть уши, не услышишь рычание зверя, а не услышав рычание зверя, не успеешь взять в руки копье. Знай же, пастырь хансиров, что звезды сулят беду крови Арраджа. Пройдет два раза по двенадцать лет, и две звезды встанут против пяти, напомнив о небесах, под которыми нареченный Арраджем поразил презренного Маджеда, возомнившего себя деом Севера. И еще говорят знающие люди, что взойдет хвостатая звезда, предвещающая исполнение предсказанного, днем померкнет Солнце, а ночью Луна и звезды начнут падать не только в месяце Лебеда. Так было, когда явился тот, кого хансиры зовут Проклятым. Так было, когда кровь Арраджа впервые восстала на кровь Арраджа. Так было, когда море поглотило Иджакону. Но еще не было, чтобы все стрелы взлетели в одно лето.

Я предупреждаю тебя именем Великого Майхуба и взываю к твоему уму и сердцу именем того, чей Посох в твоих руках. Готовься исполнить свой долг, как готовлюсь я».

2871 год от В.И.

Вечер 3-го дня месяца Собаки.

Эльтова скала

Мальчик смотрел на бросающиеся на берег и разбивающиеся в клочья волны. Было ясно и ветрено. Вечерело, в еще синем небе загорались первые звезды, а на горизонте буйствовали все оттенки от лилового до золотого. Даже резкие закатные крики птиц тонули в грохоте прибоя, что уж говорить о звуке шагов. Неудивительно, что мальчик, скорчившийся на гранитном обломке, не услышал вышедшего из-за скалы незнакомца, тем более на ногах у того были мягкие «лесные» сапоги и шел он по-кошачьи тихо.

– Здравствуй, друг, – сильная рука легла на худенькое плечо, – как тебя занесло в такое место, да еще под вечер?

Мальчик вздрогнул и резко обернулся. У него было бледное, не по-детски серьезное

лицо, влажные темные волосы липли к высокому лбу, серые глаза смотрели настороженно.

– Странное место, – повторил незнакомец, пытаясь перекричать море, – и не совсем уютное; если ты не возражаешь, давай отойдем вон за те белые камни. Там можно разжечь огонь и поговорить.

Мальчик кивнул и неуклюже поднялся. Теперь стало ясно, чем была обусловлена его странная поза. Бедняжка был горбат. Впрочем, горб был не таким уж и большим, наметанный глаз пришельца отметил, что паренек вырастет достаточно высоким и сильным. Маленький горбун молча последовал за своим провожатым в укрытие и, скорчившись, вероятно, в обычной для себя позе, безучастно наблюдал, как незнакомец возится с костром. Работал он быстро и сноровисто, и вскоре веселые огоньки отогнали сгущающуюся тьму.

Охотник свистнул, и из-за камней вышел изумительной красоты конь. Широкая грудь, сторожкие уши, сильные сухие ноги сделали бы честь лучшему скакуну королевской конюшни. Пришелец привычным жестом отцепил притороченный вьюк, бросил на землю, а затем расседлал красавца, который тут же удалился в темноту, где его ждала все еще мягкая трава кабалки. Его хозяин, все так же молча, вытащил и нарезал хлеб и мясо, затем достал плоскую металлическую флягу и протянул своему случайному товарищу:

– Выпей.

Тот послушно отхлебнул.

– Что это?

– Тут такого не делают. Хорошо помогает от холода, как внешнего, так и внутреннего.

– Внутреннего?

– Бывает, мерзнет не тело, а душа, если ты понимаешь, о чем я говорю.

– Понимаю, – серьезно кивнул мальчик.

– Ну, вот и хорошо, главное, чтобы люди друг друга понимали, не правда ли? Вот мясо, судя по всему, ты не обедал.

Горбун внимательно и строго взглянул в глаза своему собеседнику, а потом вдруг улыбнулся. Улыбка эта словно осветила лицо, сделав его необыкновенно красивым.

– Вот и хорошо, – еще раз повторил пришелец, – меня зовут Роман, я издалека.

– Меня зовут Александр, я живу здесь. То есть жил...

– А что случилось сегодня?

Мальчик молчал, словно бы размышляя, стоит ли отвечать. Внешность Романа располагала к откровенности. Никогда за всю свою девятилетнюю и не очень веселую жизнь маленький горбун не видел такого красивого человека. Даже Филипп, прозванный «пять ланов»¹¹⁹ мужской красоты, и тот не годился ему в подметки. Высокоскулое лицо ночного гостя из-за своей правильности могло бы показаться высеченным из мрамора, если бы не огромные синие глаза и небрежно подстриженные, слегка вьющиеся волосы цвета старого золота. Пришелец был стройным, но в нем чувствовались сила и ловкость, которым позавидовали бы плечистые неповоротливые рыцари. Потрепанная в дороге одежда Романа была очень дорогой – повидавший всяких сигноров мальчик в этом разбирался, а кинжал, меч и несколько неброских украшений стоили целого состояния. О коне и говорить не приходилось.

– Вы не боитесь путешествовать в одиночку, вас может убить и ограбить любой барон, а потом свалить на разбойников.

– Нет, – усмехнулся глазами Роман, – этого я не боюсь. Те, кто пытаются это сделать, как правило, больше никого не тревожат, так что не беспокойся за меня. Давай поговорим о тебе, Александр. Почему ты здесь, ведь тебя наверняка ищут? Ты не похож на маленького бродягу, я вижу, что ты привык спать в доме, причем в доме богатом.

– Я не вернусь домой.

– И куда же ты пойдешь?

¹¹⁹ Лан – мера длины, равная приблизительно 38 см.

– Никуда, – прошептал горбун. – Когда вы появились, я собирался броситься вниз, но до заката солнца это грех.

– Это вообще грех. Даже не грех, а глупость.

– Это так для тех, кто как все, – потупился мальчик.

Роман привлек маленького горбуна к себе ласково, но сильно.

– Рассказывай, все рассказывай...

И мальчик заговорил. Впервые в жизни он ничего не скрывал. Он захлебывался в словах, перебивал сам себя, то возвращаясь на десять лет назад, то забегая вперед. Роман слушал, но слушал так, что его собеседнику с каждым словом становилось все легче.

2871 год от В.И.

Ночь с 3-го на 4-й день месяца Собаки.

Арция. Фей-Вэйя

Ее Иносенсия пригласила к себе бланкиссиму Агриппину. Анастасия ничего не понимала и не могла понимать в политических хитросплетениях, да и дела сестер были от нее, занятой своим горем и заботами о Виргинии, далеки. Без советов толстухи она вряд ли смогла бы сделать хоть что-то, это знала вся Фей-Вэйя, это знал весь орден. Сестры понимали, что хрупкая синеглазая Предстоятельница проживет ровно столько, сколько понадобится теперь уже трем тигрицам, чтобы выяснить, кто же станет единственной. Анастасию не ненавидели и ей не завидовали, ее жалели, как жалеют угодивших между молотом и наковальней. Она по-прежнему прилежно молилась, оры, ранее занятые уходом за Виргинией, проводила, разбирая ее бумаги, читая священные книги или глядя из окна на яблоневый сад. В Фей-Вэе же заправляла Агриппина, и всех это устраивало.

Толстуху, никогда не пытавшуюся прыгнуть выше собственной головы и готовую с пониманием отнестись к чужим неудачам, не то чтобы любили, в ордене такое было не принято, но считали нужной и достойной. Они с Солой, похоже, были единственными сестрами, у которых не было врагов. Да и кто бы позарился на нынешнее место Анастасии-Соланж, место смертницы, или на место Агриппины, тянувшей всю черную и неприятную работу и не узнавшей ни радости власти, ни радости запретной любви. Ну а к тому, что Анастасия на все смотрит глазами толстухи, давно привыкли. Вот и сегодня, когда в Фей-Вэйю из Кантиски прибыла бланкиссима Генриетта, Сола, как и положено, приняла ее в присутствии всех необланкисс в зале Оленя. Аудиенция вышла короткой. Ее Иносенсия явно не понимала, о чем рассказывала вошедшая наконец в малый конклав красавица бланкиссима, рядом с которой Анастасия со своими огромными и словно бы потерянными глазами казалась совсем юной. Ее Иносенсия спросила лишь о здоровье Его Святейшества и, с благодарностью приняв кантисские фрукты и целебные травы, отпустила гостью.

Сестры были лишь рады, что церемония не затянулась, то же, что Предстоятельница потом пожелала уединиться с бланкиссимой Агриппиной, было понятно. Девочка должна хоть что-то ответить Его Святейшеству...

А Сола об Архипастыре и не думала. Она сидела и слушала наставницу как во сне. Это и было сном, еще одним кошмаром, на которые была так богата ее искореженная жизнь. А ведь день начинался как обычно, это потом все пошло кувырком. Приехала Генриетта, которую нужно было принять, и принять ласково, а как она могла быть ласкова с убийцей Шарло?! Как?!

Белый рыцарь заплатил жизнью лишь за то, что исполнил приказ бланкиссымы, которую давно почитали фактической главой ордена. А сама Генриетта, красивая и величественная, заседала в конклаве, говорила громким уверенным голосом и с каждым разом становилась все влиятельнее. Сола не сомневалась, что она уже почитает Рубины Циалы своими. То, что она сегодня приняла Генриетту в полном облачении, было ее маленькой мстью и вызовом, но та, похоже, увидела в этом лишь дань уважения. А с каким вожделением смотрела она на камни! Воистину, если бы у нее была душа, она бы ее отдала за них, не задумываясь. Агриппина продолжала обсуждать письмо, которое они напишут Его

Святейшеству, а мысли Сола продолжали брести по своей невеселой тропинке. Она никак не могла придумать, как отомстить Генриетте, чтобы та не просто умерла, а испытала на себе хотя бы часть того, что она сделала с Шарлем.

– Девочка моя, ты меня не слушаешь, уж не заболела ли ты?

– Нет-нет, матушка, все в порядке. – Вечно она со своей заботой, словно другие ни на что не годятся. Но придется слушать...

– Думаю, нам лучше всего применить способ, открытый моим обжорой братцем много лет тому назад. Я напишу письмо своим почерком, на своей бумаге и со своей печатью, но так, чтобы при необходимости можно было доказать, что это подделка. Что-то такое, что хорошо меня знающие всегда отличат, это может...

Дальше Соланж не слушала. С ее глаз словно бы спала пелена. В том, что произошло с ней, виноваты не Генриетта и не Дорже, а Агриппина! Наставница, за которую она была готова дважды умереть.

Она все рассчитала, все! С первого же их разговора в доме Дианы! Нет, не тогда... Площадь в Мунте. Несостоявшаяся казнь Шарля Тагэре, когда ей стало страшно. Как сверкнули тогда глаза бланкиссимы! Она забрала ее в Фей-Вэйю и сделала так, чтобы она общалась лишь с ней. Именно она задала ей Вопросы, и именно она убедила ее в собственной бездарности... Да, но Агриппина отговаривала ее от вступления в орден. Отговаривала и сама же постригла! А сон? Что значил тот сон?! И видения в склепе? Не могла же Агриппина предусмотреть и их. Хотя это было не нужно. То, как ее встретили на родине, так или иначе возвращало ее в монастырь. Она смотрела на мир глазами Агриппины. Та ее не отпускала от себя ни на шаг, а потом взяла да и отправила в Тагэре!

Бланкиссима видела герцога, она знала гороскопы их обоих и понимала, что их швырнет друг к другу! А перед отъездом якобы случайно и с возмущением рассказала о заклании. И никакой не Мулан, а она сама написала письмо герцогу. Агриппина знала мужчин и понимала, что герцог не упустит подвернувшейся возможности, а Сола не сможет ему отказать. И беременность можно было предсказать, с ее-то неопытностью иначе быть просто не могло... Агриппина выждала, сколько нужно, и послала за ней так напугавшего ее Мулана. Единственно, чего Агриппина не предусмотрела, так это силы их с Шарло любви и того, что герцог был готов бросить ради нее все. Но тут вмешалась случайность, он не смог прийти. А она от страха и одиночества сотворила то, чего от нее и добивались!

Агриппина знала! Она не по простоте душевной, а намеренно ее мучила, рассказав о письме Шарля, а потом дав им свидеться наедине. После такого что ей оставалось, как не ухаживать за выжившей из ума Виргинией, оплакивая несбывшееся и не глядя по сторонам! А Шарль, потерявший сразу любовь и семью, так как Эстела не простила... Он позволил себя уговорить на восстание, как и хотела бланкиссима, прочившая его на престол. Но и это еще не все... Агриппина играла не только ею, она окрутила всех!

– Вы правы, матушка, но вы сегодня и так слишком долго говорили. Налить вам лимонной воды?

– Спасибо, девочка, это то, что нужно. Ты теперь такая запасливая.

– Не я, Цецилия. Она с утра приносит столько всего, что не знаю, что с этим делать.... Так что, вы говорите, следует сказать Генриетте?

Генриетте сегодня говорить ничего не придется, не пройдет и оры, как убийца Шарля свое получит. И как только Сола раньше не догадалась, что следует делать! Век живи, век учись... хорошо хоть она наконец прозрела. Через двадцать с лишним лет! Впрочем, Агриппина окрутила не только ее, а всех сестер. Она ведь давно, чуть ли не с первого дня их знакомства шла к своей цели. Смерть Виргинии застала всех врасплох, сторонники Елены не хотели Диану и наоборот, а Генриетту ненавидели все. Нужно было кого-то избрать, и тут подворачивается девочка не от мира сего, ухаживающая за умирающей Предстоятельницей! Так просто!

И вот Рубины получает вернейшая ученица Агриппины, своими руками убившая любовь, прошедшая магическую инициацию и готовая во всем слушать свою наставницу.

Именно это и нужно толстухе! Агриппина считает, что она знает, КАК встретить Проклятого, но она бездарна, а у Солы есть Сила! И поэтому ее загоняют в монастырь, заставляют убить собственного ребенка и отказаться от Шарля. Ради выдуманной угрозы, в которую никто не верит.

А Шарль погиб, и впереди только пустота... Потому что даже благодарность и доверие, которые в ней еще жили, благодарность и доверие к доброй и мудрой наставнице сегодня убиты. Агриппина умерла, так же как и Шарло... Нет! Шарло для нее все еще жив, он просто ушел далеко-далеко, а вот наставница мертва.

– Матушка, можно мне задать несколько вопросов?

– Конечно, девочка.

– Матушка, вы ведь знали про нас с Шарлем?

– Знала, – поколебавшись, ответила бланкиссима, – мне жаль, что так получилось, но неужели ты жалеешь о том, что в твоей жизни была любовь?

Нет, об этом она как раз не жалела. В ее жизни, собственно говоря, кроме этой любви, ничего не было, нет и не будет. Она жила ровно столько, сколько любила, но Агриппине об этом знать незачем.

– Почему вы меня отозвали? Или вы узнали позже?

– Я читала твои письма. Ты очень умно выгораживала Тагэре, но я знала о том, что происходит, не только от тебя, но и от брата. Ты лгала мне, хотя меня любила, и могла это делать только ради того, кого любишь еще сильнее. То есть герцога Шарля. Вы могли зайти слишком далеко...

– То есть дальше, чем нам позволили бы вы?

– Девочка моя, – вздохнула Агриппина. – Вы оба не принадлежали себе. Так уж вышло, что Шарль родился дважды Арроем, а в тебе есть, теперь я уже могу это признать, природная магическая Сила, сопоставимая с Силой героинь легенд. А времена вам достались страшные. Времена, которые предвещают возвращение Проклятого, восход Звезды Тьмы и, в конце концов, если Свет не победит Тьму, конец света и гибель всеобщую. Ты должна стать новой Циалой, как Шарль должен был явить собой нового Анхеля. Если бы вы остались вместе, для Благодатных земель вы были бы потеряны.

– Шарль погиб, – голос Солы прозвучал глухо, – погиб, и в этом виновата Генриетта.

– Так ты и это узнала? – Агриппина внимательно посмотрела на воспитанницу. – А я думала, ты никогда не повзрослеешь. Я так боялась, что смерть Шарля тебя убьет, но, к счастью, она тебя разбудила!

– Вы ведь мне солгали про заклятие.

– Солгала, – не стала спорить бланкиссима, – один раз ты должна была пройти через это, чтобы разбудить свою силу и стать восприимчивой к магии ордена. Ведь несмотря на твой природный дар, к циалианской магии у тебя было какое-то внутреннее отторжение, я это проверяла. Ты могла бы стать очень сильной печатной волшебницей, но мне...

– Вам, матушка?

– Мне – это значит Арции, потому что только я понимаю, что нас ждет, если не остановить Проклятого и его предтечу! Но для этого ты должна была познать Белую магию, об этом же говорил и твой сон, а ты ее отвергала. Я несколько раз пыталась тебе помочь, бесполезно. Только ты сама, причем оказавшись в отчаянном положении, могла прорвать свою странную самозащиту.

– И вы отправили меня к Тагэре.

– Да. Ты должна была все же познать немного запретной радости, а потом стать тем, кем должна. Так и вышло.

Да, радость она с Тагэре познала, такую, ради которой не жаль пожертвовать всеми мирами... Но радость эта обернулась адом по милости этой толстой, довольной собой женщины, которая продолжает что-то говорить.

– ...хорошо, что ты оказала покровительство Филиппу Тагэре, он обещает быть сильным королем, хотя до отца ему далеко. Я смотрела его гороскоп, там есть два очень

сомнительных аспекта и очень слабо стоит Ангеза. В сочетании с пораженным седьмым Домом это обещает властную жену, которая сможет разорвать кажущиеся незыблемыми связи. За ним придется присматривать. Конечно, я предпочла бы видеть на троне Шарля, а в Кантиске – тебя, но даже то, что мы имеем сейчас, дарит нашему миру надежду. Ты должна...

– Я никому и ничего не должна, – Анастасия говорила, словно диктовала, – никому и ничего, особенно вам. Потому что свой долг я оплатила. Только что.

Агриппина с испугом и недоумением взглянула на Солу. Огромные синие глаза были холодны как лед.

– Да, – Ее Иносенсия кивнула бывшей наставнице, – все правильно. Вы убили меня, а я убила вас. Сейчас вы умрете, но сначала скажете мне, что будет...

Соланж говорила еще что-то, но Агриппина перестала ее слышать, в ушах у циалянки звучала какая-то навязчивая мелодия, сердце то замирало, то начинало биться быстрыми неровными толчками. Она еще видела лицо Соланж, сквозь которое проступало другое, более прекрасное и жестокое, но черные волосы, на которых горела рубиновая диадема, остались прежними. Агриппина хотела что-то сказать, объяснить, предостеречь, но голос ей отказал, она видела лишь женщину в рубинах, а потом исчезла и она. Только стремительно оборачивающееся звездное небо и жуткая рыдающая мелодия, из которой постепенно стали проступать голоса, отдаленно похожие на человеческие...

Губы Агриппины шевельнулись, повторяя чужие слова. Сама она уже ничего не понимала, родной язык для нее значил не больше лопотания черных людей Сура. Собственно говоря, Агриппины уже и не было, хотя сердце еще билось, гоня отравленную кровь по умирающему телу.

«Они уже в пути, – говорила Агриппина, глядя словно бы сквозь свою убийцу. – Они вновь собираются... Властелин, Брат и Дева... А вслед за ними придет или Спаситель, или Проклятый. Двое предали одного, но предаст ли один всех?»

...Сестра Цецилия услышала душераздирающий крик, донесшийся из апартаментов Ее Иносенсии. Вбежавшие сестры обнаружили смертельно бледную Предстоятельницу, застывшую рядом со сведенным в последней судороге телом Агриппины. Анастасия судорожно вцепилась в руки Цецилии, и из ее глаз хлынули слезы. Сквозь бессвязное бормотание и всхлипы прорывались отдельные слова, но их было вполне достаточно, чтобы понять, что же произошло.

Анастасия угостила бланкиссиму фруктами, которые привезла ей Генриетта. Сама не ела, так как был канун дня святой Жаклин, а новая Предстоятельница уже давно дала обет перед праздниками не есть ничего, кроме хлеба и воды. Агриппина же прельстилась винными ягодами... Все было хорошо, они написали уже половину письма, а потом толстуха вдруг с силой сбросила вазу со стола и упала в страшных судорогах... Она силилась что-то сказать, но Анастасия лишь поняла, что та зовет Генриетту...

Цецилия была не столь наивна, как Предстоятельница. Она сразу поняла, что возвращение фей-вэйской бланкиссимы было неслучайным. Генриетта вообразила, что, став членом малого конклава, она может протянуть руку к Рубинам Циалы, и стала действовать нагло и стремительно, как, впрочем, и всегда. Неожиданная смерть Ее Иносенсии, как раз тогда, когда Елена и Диана заняты Арцией, давала Генриетте беспроегрышный шанс. Она не рассчитала, что Анастасия вздумает угостить Агриппину и что та, догадавшись обо всем, назовет имя убийцы, даже умирая. Поручив дрожащую Предстоятельницу заботам вбежавших сестер, Цецилия бросилась к двери. Она ненавидела Генриетту долго и упорно, и вот наконец настал ее час! В сопровождении двух Белых рыцарей и стосковавшегося по любимой работе Скорбящего сестры направилась в апартаменты фей-вэйской бланкиссимы. Цецилия, недолго думая, решила сослаться на приказ Ее Иносенсии. Та еще не скоро придет в себя, а действовать надо незамедлительно. Убийца должна понести наказание, а... место Агриппины вполне подойдет бдительной и верной Цецилии, благо Анастасии нужна новая советчица. Эта дурочка царя небесного без посторонней помощи шагу не сделает. Именно

такая Предстоятельница и нужна Цецилии. Да она волосу с головки Ее Иносенсии не даст упасть, пусть молится да прикладывает печать ордена к пергаментам, которые будет готовить Цецилия.

...Соланж сквозь прикрытые в притворном обмороке ресницы смотрела на застывшую в кресле наставницу и суесящихся рядом женщин. Жалости она не чувствовала, но и ненависти тоже. Просто мертвая старуха в монашеском балахоне. Когда-то она ей верила и любила ее, потом та предала ее и обманула. Теперь она наказана.

То, что она сказала перед смертью, смутно и непонятно, но так всегда бывает с пророчествами. И все же надо постараться понять, о чем бормотала Агриппина перед смертью. Властелин, Брат и Дева, кто они? И какое отношение имеют к ней, Анастазии, Предстоятельнице ордена святой равноапостольной Циалы?

Повелитель? Филипп Тагэре? Тогда Брат – это Жоффруа или... или горбун Александр, а Деву ему еще предстоит встретить... Что ж, эта загадка требует времени, а оно у нее есть, даже в избытке. Шарль почти отмщен, ифранку с ее детенышем можно предоставить Раулю и Филиппу, а ей еще предстоит покончить с Генриеттой.

2871 год от В.И.

Утро 4-го дня месяца Собаки.

Эльтова скала

Дени Гретье кипел от ярости, в первую очередь на самого себя. И как он еще с вечера не понял, что что-то случилось, уж больно рано убрались спать Жоффруа и Эдвар, а беднягу Александра никто не видел с самого обеда. И вот сегодня выяснилось, что малыш не ночевал дома. По тому, как прятали глаза его братец и кузен, Дени сразу сообразил: поганцы что-то знают, но не хотят говорить. Сигнора Эстела увела их к себе, вскоре оба с красными физиономиями под присмотром старого Симона отправились в темный подвал, а герцогиня изволила сообщить, что Александр был обижен братом и кузеном и, видимо, убежал. И все. Сердца нет у этой женщины... Ведет себя так, словно не ее сын пропал, а щенок потерялся, впрочем, к щенкам здесь, похоже, проявляют куда больше участия!

Дени появился в Тагэре совсем недавно. Когда Шарль после долгих колебаний все же заявил о своих претензиях на корону, среди безоговорочно поддержавших его был и барон Гуго Валлок. Увы, герцог погиб. В тот несчастливый день был убит и барон Валлок, а его молочный брат Дени Гретье, прозванный Левшой, получил тяжелейший удар по голове. Шлем выдержал, но лумэновское отребье приняло его за мертвого, а иссеченные в бою доспехи никого из мародеров не привлекли. Ночью, придя в себя, Дени выбрался из-под придавивших его тел и дополз до ближайшей деревушки, где его приютила сердобольная крестьянка. Когда Гретье пришел в себя, ему рассказали и о предательстве, и о казни. Он мог вернуться домой, но пошел в Гаэльзу к виконту Тарве. Ему повезло дважды. Во-первых, он встретил, кого искал, на полпути, и, во-вторых, его узнал Рауль, запомнивший Дени еще по Кер-Оноре. После Бетока и похорон Шарля Тагэре граф ре Фло определил понравившегося ему капитана временным начальником эльтского гарнизона. Что бы там ни было, но вдова герцога и его уцелевшие дети должны быть в безопасности, тем паче Эстела наотрез отказалась и от Мунта, и от переезда во Фло.

Дени взялся за дело с тем же тщанием и умением, что в Валлоке, крепость была готова к любым неожиданностям, провожавший после коронации герцогиню Рауль ре Фло прилюдно заявил, что теперь он спокоен и за тетушку, и за кузенов, и отправился к ифранской границе добивать уцелевших лумэновцев и приводить в чувство обнаглевших эскотцев.

Душа Дени рвалась вслед за уехавшими, но он знал слово «надо» и понимал, что ему доверено самое ценное. Герцогиня Эстела приглашала капитана стражи к своему столу, а младшие Тагэре и их кузен Эдвар Орат часами пропадали на арсенальном дворе, наблюдая за тренировками воинов. Правду сказать, Жоффруа Тагэре, носящий титул герцога Ларрэнского, Гретье не нравился. Громкоголосый, нахальный двенадцатилетний мальчишка,

он, несмотря на юный возраст, уже принадлежал к той категории, которую Гретье ненавидел, а именно молодцов среди овец. Капитан подозревал, что третий сын великого Шарля в отличие от Эдмона и Филиппа не храбр, не умен и не добр. Эдвар, двоюродный племянник герцогини, был на полтора года младше Жоффруа и во всем шел у него на поводу, а любимейшим занятием обалдуев было дразнить младшего, к несчастью, уродившегося горбатым.

Дени было искренне жаль мальчишку, переносившего свое увечье без единой жалобы, и он, дивясь на самого себя, втайне негодовал на герцогиню, которая Сандера словно бы и не замечала. Конечно, женщина, в один день потерявшая мужа, отца, сына и братьев, имеет право на некоторые странности, но и уцелевшие дети имеют право хоть на какую-то ласку. Однако вся нежность сигноры сосредоточилась на Филиппе. Споры нет, молодой король красив, умен, смел и как две капли воды похож на своего отца, но Филипп – воин, и с ним непобедимый Рауль, а вот младшие... С девочками проще: выйдут замуж, и поминай как звали. Одна уже сейчас замечательно красива, да и другая явно будет хорошенькой, а вот Жоффруа и Александр... Первому, на взгляд Дени, не хватало твердой руки, а второму – тепла. Отнюдь не сентиментальный, Гретье не раз ловил себя на мысли, что ему безумно жаль младшего сына убитого герцога, чужого в собственной семье.

Капитан с радостью бы предложил сигноре заняться с Александром воинской наукой, но все в замке знали, что младший сын герцога, если доживет до семнадцати (в Эльте бытовало мнение, что уроды часто умирают на пороге этого возраста), отправится в один из эрастианских монастырей. Госпожа озаботилась пригласить к сыну монаха, вколачивающего в голову своего питомца азы богословия и древних языков. Александр покорно выносил придиричивость учителя, схватывая на лету то, что тот говорил, но радости наука ему, похоже, не приносила. Да и что хорошего в том, чтоб долбить изгрызенные мышами трактаты и знать, что настоящая жизнь не для тебя? Александр казался таким спокойным и послушным. Слишком спокойным и послушным... Это должно было насторожить, но обитателям Эльты было не до него, а теперь мальчишка пропал. Похоже, его крепко обидели эти оболтусы. Но куда же он делся?

До полудня надеялись, что Сандер отыщется, потом взялись за поиски всерьез. Слуги, обшарив весь замок, взялись за окрестности. Далеко маленький горбун уйти не мог, все лошади были на конюшне, да и ездить верхом мальчик не умел. Однако никто: ни горожане, ни крестьяне, с утра торчащие на полях, его не видели. Когда очередной слуга вернулся с южного тракта и сказал, что проделал три весы, расспрашивая каждое встречное дерево, и не нашел и следа, Дени не выдержал и велел седлать Парда. Уже на крепостном мосту капитану пришла в голову мысль, показавшаяся ему слишком страшной, чтоб высказать ее вслух. А что, если Александр, доведенный до крайности издевательствами брата, равнодушием матери и осознанием собственного уродства, решил покончить со всем раз и навсегда? Если так, искать надо у моря, вернее, у той скалы, ходить на которую здесь почему-то побаиваются. Что ж, он поедет туда, там еще никто не был. Капитан уверенно повернул на узкую тропинку.

Солнце припекало вовсю, в пожелтевшей траве стрекотали кузнечики, узкая полоска воды на горизонте ослепительно сверкала. Дени Гретье чертыхнулся. Если Жоффруа довел братишку до самоубийства, то, что бы там ни думала герцогиня, он задаст паршивцу такую трепку, что он или станет человеком, или... Или распишется в том, что не достоин имени Тагэре.

Сверкающая полоска становилась все шире, копыта Парда зацокали по гальке. До Эльтовой скалы оставалось не более полувесы, когда Левша увидел неуклюжую фигурку, ковыляющую ему навстречу. Он сам не ожидал, что испытает такое облегчение.

– Александр!

– Капитан Гретье? – Мальчик выглядел усталым, но серые глаза светились странным восторгом.

– Где ты был? – Капитан спрыгнул с лошади и бросился к маленькому горбуну. – Мы

чуть не рехнулись тут.

– И матушка тоже? – В голосе Александра прозвучала такая взрослая горечь, что Дени вздрогнул.

– Ну, сигнора...

– Она была бы рада, если б я не вернулся, но я решил вернуться.

– Где ты был? – повторил Дени, потому что нужно было что-то сказать.

– На Эльтовой скале. Я хотел с заходом солнца броситься вниз, но передумал, потому что это трусость. Судьба сделала меня уродом, если я покончу с собой, значит, она победила.

Дени слушал мальчика раскрыв рот. Даже клирик и тот вряд ли мог говорить так умно, а Александр поднял глаза на высокого сидящего воина и спросил:

– Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Понимаю, – кивнул тот. – Ваш отец говорил, что бой проигран только тогда, когда сердце твое сдается.

– Он так говорил?

– Да, я сам слышал.

– Дени?

– Да?

– Ты не будешь надо мной смеяться?

– Нет! – воскликнул ветеран и с несвойственным ему жаром добавил: – Клянусь!

– Ты можешь научить меня драться и ездить верхом? Но так, чтоб пока никто не знал? Ведь бывало, что и калеки были воинами. Я читал. Правда, они были не с рождения, но ведь это неважно, правда? Я не такой, как другие, но ведь можно же что-то придумать! Я не могу как все, но, может, я смогу как-то иначе?

– погоди, – лицо Гретье просветлело, – дай подумать... А почему бы и нет?! Точно! Я выучу тебя драться левой. Если ты научишься отбивать первый удар, твоему противнику будет ой как паршиво. С левшами драться не любят. А потом, ты уж извини, но твой горб... Если ты будешь на коне, он тебе не помешает. Наоборот! Я знал нескольких горбунов, и все они были куда сильнее обычных воинов, почему ты должен от них отличаться?! Да я тебя и на земле драться научу. Тут главное – придумать что-то такое, что можешь только ты... Решено! Завтра и начнем, но учти, спуску не дам!

– И не надо, – счастливо засмеялся Александр, – не жалею меня, никогда не жалею!

2871 год от В.И.

Ночь с 10-го на 11-й день месяца Зеркала.

Фей-Вэйя

Сола сама не понимала, как она выдержала эти безумные дни, с криками, причитаниями, молитвами и чудовищной злобой. То, что копилось годами, вдруг выплеснулось и затопило обитель от глубоких подвалов до шпилей с оленями. Но теперь все позади. Генриетта признана виновной и скоро умрет, если уже не умерла. Анастасия видела, как за бывшей настоятельницей Фей-Вэйи и тремя ее приближенными опустилась белая плита, отрезая их от жизни. Сколько они проживут в тесном склепе под Колонной Оленя, не ведомо никому, но смерть их будет долгой... Когда их уводили, Мария и Леокадия молили о пощаде, Теодора проклинала, только Генриетта шла с высоко поднятой головой. Она до конца отрицала свою вину, но улики были неопровержимы. В ее вещах нашли и яд и тетрадь Виргинии с записями о его свойствах, да и Мария и Теодора, надеясь вымолить прощение, рассказали даже то, чего не знали и знать не могли. Сола не ожидала, что Цецилия втянет в дело еще и их, но та, похоже, решила одним ударом избавиться от нескольких соперниц.

Когда-то Леокадия была добра к Соле, и та даже была к ней немного привязана, но какое это имеет значение теперь, после смерти Шарля и предательства Агриппины. Ее Иносенсия задернула занавески, сняла нагар со свечи, затем задула огонь и легла. Было тихо и прохладно. Лето незаметно сменилось осенью, и первые золотые листья тихо падали на отмытые до блеска мраморные плиты двора. Обитель спала или делала вид, что спит, и

только где-то глубоко под землей умирали приговоренные.

Та, которую когда-то звали Соланж Ноар, лежала в кромешной темноте, она безумно устала, но спать не хотелось. Она отомстила, и у нее впереди осталась бесконечная вереница дней, которые нужно чем-то заполнить. Ветер слегка шевелил занавесками, донося запах доцветавших ночных фиалок, навеки потерянный для тех, под колонной, но ненужный и ей. Что она станет делать завтра? И послезавтра? А ведь нужно будет ходить, есть, пить, говорить... Зачем все это?

– Сола!

Она вздрогнула от звука этого голоса. Не может быть!

– Сола, ну зачем ты...

Женщина вскочила и оказалась в объятиях Шарля. Она не могла его видеть в темноте, но это было и не важно. Это был он! Она не могла не узнать его губы, руки, голос. Герцог прижимал ее к себе, что-то нашептывая, но она задышалась от счастья и не понимала слов. А потом тишину разорвало призывное конское ржание.

– Мне пора, Сола, – в его голосе слышалась та же бесконечная нежность, что и раньше.

– Ты... Ты уходишь?

– Я должен идти, Сола. Или, если хочешь, идем со мной. Я буду ждать тебя, сколько смогу... У тебя есть время подумать. Если ты пойдешь со мной, то больше не вернешься. Я не знаю, куда я иду... Решай... – Кольцо его рук разжалось.

Она очнулась в своей постели, слушая, как бьет колокол Большого иглеция. Два и три четверти. Это был сон, но какой правильный! Теперь она знала, что делать. Она уйдет за Шарлем, как и собиралась с самого начала. Они потеряли друг друга здесь, но они встретятся в иных мирах. Пусть в преисподней, но она будет рядом с ним! Ее Иносенсия торопливо зажгла свечу. Зачем ждать столько лет, если со всем можно покончить немедленно?! Филипп обойдется без нее, а Арция и Благодатные земли тем более!

У нее больше не было Агва Закта, а если б и был, она не могла пустить яд в ход, это могло оправдать Генриетту! Но вот настой белой амаполы, если его выпить много, это то, что нужно. И пусть думают, что после всех переживаний она просто захотела успокоиться. Агриппина говорила, что для того, чтоб на время отрешиться от всех бед, довольно пятнадцати капель, чтобы уснуть – двадцати. Для крепкого сна, когда не чувствуешь ни боли, ни шума, нужно двадцать пять, а пятьдесят – это тихая, спокойная смерть. Соланж плеснула себе не меньше ста. Выпила. Теперь нужно ждать. С пол-оры или что-то вроде того. Чем же их занять? Она застелила постель, затворила окно, переоделась во все чистое, распустила и расчесала волосы, как это нравилось Шарлю. Свечи медленно оплывали. Колокола отзвонили три оры ночи. Сола все еще не чувствовала истомы, предшествующей смертному сну, наоборот, ее охватило странное возбуждение, желание что-то делать и куда-то идти. Но куда? Взгляд женщины упал на шкатулку с реликвией, она откинула крышку ларца и залюбовалась игрой света и красных камней. Какие они все же красивые. Тонкая рука коснулась диадемы... Почему бы ей не умереть в полном облачении?

По рождению мелкая эстрийская ноблеска, Соланж Ноар стояла намного ниже герцога Тагэре, но перед смертью они уравниются. Предстоятельница ордена святой равноапостольной Циалы может стоять рядом с дважды Волингом! Сола надела драгоценности, и их мерцание словно бы окружило ее таинственным ореолом. А теперь в зал Оленя! Она уже решила, что умрет в кресле Предстоятельницы. Хорошо, что теперь все ключи у нее. Анастасия еще раз глянула на себя в зеркало. Если Шарль и в самом деле ждет ее у порога и если он еще способен различать земную красоту, он не останется равнодушным...

Ее Иносенсия стремительно прошла, почти пробежала сумрачным коридором, отперла дверь в зал Оленя и, дрожа как в лихорадке, принялась зажигать свечи. Вскоре зал был залит светом, и тут силы оставили женщину. Кое-как на заплетаящихся ногах она добралась до кресла и рухнула в него. Пламя свечей превратилось в рой маленьких огненных мотыльков, закружившихся в странном танце, раздался звон, словно от разбившейся хрустальной чаши,

в лицо пахнуло осенней дымной горечью. Сола стояла на узкой тропке, вьющейся среди полуоблетенных кустов барбариса, усыпанных гроздьями ягод, светящихся рубиновым светом. Рубины? В Тагэре? Откуда?

Ветер пошевелил ветви. Ей на щеку упала водяная капля, потом другая, третья. Дождь? Или просто роса? Но надо спешить, у нее очень мало времени... Очень! Сола торопливо пошла вперед, уже зная, что тропа выведет к подвесному мосту без перил через глубокую и быструю, хоть и узкую Арту. Она всегда боялась этого места, а Шарло над ней смеялся, а однажды взял да и перенес на руках через качающийся мостик. Она зажмурила глаза от страха, а герцог не придумал ничего лучше, чем приняться ее целовать, остановившись над самой стремниной. Святая Циала, неужели он ждет ее у переправы?! Только не там. Ну, пожалуйста, не там!

Сола пробежала мимо зарослей лещины, в которых таился шалаш, где они не раз любили друг друга. Вот и старая рябина с обломанной верхушкой. Святая Циала, сколько же на ней ягод! И какие они странные. Рябиновые гроздья всегда отливают добрым золотом, а эти – нет. Эти словно вино из черного винограда или атэвские рубины... И дрожащий от страха и боли осинник горит на солнце тревожным рубиновым светом... Какое все красное! Вот и берег. Сжатое поле, затянутый дымкой лес на горизонте, сгоревшая сосна у переправы. Мост совсем сгнил, наверное, по нему никто не ходит, да и кому ходить, если Шарля давно нет ни в Эльте, нигде. Но ведь она идет к нему!

«Сола!» Герцог махал ей с той стороны. Он был в доспехах, словно перед боем, только без шлема, и ветер играл золотистыми волосами. Рядом нетерпеливо рыл копытами землю Пепел. Значит, конь тоже жив, а Мулан сказал, что Шарло дрался пешим... При чем тут Мулан, все это было страшным сном, но теперь она проснулась. Он протянул к ней руки, но не двинулся с места.

– Сола!

Да, конечно, он в тяжелых доспехах не может ступить на разваливающиеся доски, связанные перепревшей веревкой. Она легче. Она может пройти. Поток внизу глухо шумел, возникали и исчезали водовороты, ослепительно блестела белая пена на казавшейся черной воде. Черной? Или темно-темно красной? Шарль стоял на том берегу и смотрел на нее. И она решилась. Доска предательски скрипнула, но она, дрожа от страха, перепрыгнула на следующую. Шаг, второй, третий, четвертый... Мост раскачивался и скрипел, словно жалуясь на свою несчастную долю и предупреждая, что, если разорвется веревка, он не виноват. Страх буквально душил ее, она чувствовала его ледяные пальцы на горле, на висках... Анастасия знала, что ни в коем случае нельзя смотреть вниз, на несущуюся воду, только вперед и вверх, но облака отчего-то начали отливать красным.

– Брось это, – крик Шарля вырвал ее из рубинового марева, – брось и беги! Скорее!

– Бросить? Что бросить?! – Она покачнулась, выпрямилась, что-то тяжелое и холодное сжало ее руку. Браслет! Бросить его?

– Бросай их, – в голосе Шарля звенело отчаянье, – бросай...

Она остановилась, лихорадочно срывая драгоценности. Первым полетел в багровую воду браслет, затем диадема, серьги... Сола лихорадочно расстегивала ожерелье, но замок не поддавался. Ноги ее словно приросли к качающемуся мосту. Как же он дрожит! В застёжке запутались волосы, она рвала их, на глазах выступали слезы. Не получается! Мост трясся, как загнанная лошадь. Не в силах сделать даже шага, Сола с тоской глянула на тот берег. Лес и дальние стога скрылись в вечернем тумане. Пепел уже не бил копытами, а стоял, понурив голову, и в боку у него торчал арбалетный болт. Темная кровь ручьем стекала по лоснящейся шерсти, но жеребец, казалось, этого не замечал. Доспехи Шарля тоже были иссечены и залиты кровью, но чужой, уж это она знала точно. У его ног валялись чьи-то тела, но он смотрел не на них, а на нее, смотрел с ужасом и отчаяньем, близкий и невозможно далекий, как отражение звезды в озере.

– Сола, – его голос дрогнул, – зачем?! Ну зачем?!

Она не поняла, пытаясь поймать его взгляд, но он смотрел не на нее, а на что-то за ее

спиной, любимое лицо, и без того бледное и измученное, стало еще бледнее. Что же там такое?

– Во имя Эрасти, не оглядывайся! Скорее! Ну, скорее же!

Но ее ноги словно приросли к месту. Она не видела, что там, сзади, но чувствовала спиной, как оно приближается. Она все-таки оглянулась и столкнулась взглядом с Леокадией. Сестра в одной лишь холщовой рубашке стояла в шаге от нее.

– Пусти меня, – раздраженно бросила Леокадия, – я спешу.

Пустить ее к Шарлю? Чтобы он все узнал? Да и как она может это сделать? Разойтись невозможно.

– Уходи, – прошипела Сола, с ненавистью глядя на циалянку, – уходи, или я...

– Что ты? – засмеялась та. – Ты не посмеешь убить меня еще раз!

Сама не понимая, что делает, Сола изо всей силы толкнула женщину в грудь, та зашаталась, хватая скрюченными пальцами воздух, и исчезла.

– Сола! – Голос Шарля, донесшийся словно издалека, вернул ее к действительности. – Скорее! Ради всего святого.

Он уже сидел в седле. Святая Циаля! Как же Пепел понесет их двоих, он же ранен?! Туман уже почти затопил луг, оставив свободной лишь узкую полосу у ревущей воды. Герцог из последних сил сдерживал перепуганного коня.

– Сола! Умоляю!

Мост содрогнулся. Леокадия все же умудрилась зацепиться за него одной рукой и теперь висела над бездной, не в силах подняться. Ее судорожные усилия все сильнее расшатывали и без того истлевшее сооружение, а на том берегу за агонией с усмешкой следили Генриетта и полуобнаженная Виргиния, обнимающая Лионэля Дорже.

– Девочка моя! Тебе пора возвращаться!

Из клубов тумана появилась невысокая плотная фигура. Отчего-то Агриппина была в синем бархатном платье, том самом, что было на герцогине Тагэре в тот день, когда Шарль пришел к Соле в первый раз. Толстуха легкой, почти танцующей походкой ступила на мост. Она шла совершенно уверенно, словно он был сложен из каменных глыб.

– Девочка моя, ты мне нужна!

– Сола! Сола!!!

Генриетта, Лионэль, Леокадия, Мария... Лица, то смеющиеся, то искаженные смертной мукой, сведенные судорогой руки, крики, красная вода внизу, туман, тянущий щупальца к золотоволосому всаднику, все еще ждущему ее...

– Святая равноапостольная Циаля, ну помоги же мне! «За мойрэ дека не каллон гобьердо...»

Нежное прекрасное лицо, окруженное алым сияньем. Величие, красота и сила. И нет больше жалкого качающегося мостка, страшных фигур на дальнем берегу, kloкочущей бездны под ногами...

– Сола! Сола...

Затишающий топот копыт... Кто-то ее звал? Нет, показалось.

– Тебе и вправду пора возвращаться, дочь моя! Я прощаю тебе твои сомнения и ропот. Но запомни, я прощаю лишь единожды. Возьми же то, что принадлежит тебе по праву...

Принадлежит ей? Что? Как горят и переливаются камни, алые, как кровь, как закат... Но кто же ее звал?

– Никто и никогда не посмеет тебя больше тревожить, дочь моя. Ступай же и исполняй свой долг! Дека не каллон гобьердо за мойрэ и каллада да орис вэйнте!

...Зал Оленя, залитый странным молочным сиянием, столь несхожим с обычным желтым светом восковых свечей. Над ней склонилось озабоченное лицо Цецилии.

– Ваша Иносенсия! Вам плохо?

– Отнюдь нет, – отрезала Сола, и это было чистой правдой. Она чувствовала себя великолепно. Правда, ей снилось что-то необычное, но ее внезапно разбудили, и сон улетел. – Я намерена провести эту ночь здесь, – холодно сказала Ее Иносенсия, поднимаясь с

кресла и расправляя свои одежды, – благодарю вас за заботу, сестра, но впредь не пытайтесь оказывать услуг, о которых вас не просят.

Эстель Оскора

Я не могла отвести взгляда от своей руки, на которой красовался перстень Анхеля, некогда погубивший Эрасти. Не носи я веками Кольцо Ангеса и суди о вещах, доверяя лишь глазам, я могла бы их перепутать. Черные камни похожей формы, гладкие оправы из светлого металла... Но если Кольцо Проклятого казалось сгустком темного огня, то его двойник скорее был ледяным. На первый взгляд в нем не чувствовалось никакой магии, оно не прикрыло бы своего владельца от ройгианцев, не указало бы дорогу и не отворило бы дверь в обитель древних богов, но оно помнило о чудовищном предательстве, навеки сковавшем несчастный морион смертным холодом. Эрасти сказал, что кварталы за полторы до моего появления его камень полыхнул кровью, превратившись в кусочек сгоравшего в закате неба. Потом пламя погасло, и камень вновь обрел прежний вид. Полторы кварталы... Если мы правильно все рассчитали, это было лет за сорок до моего появления в Арции. То есть тогда, когда первый из Лумэнов сверг и скорее всего прикончил своего племянника. Даже сквозь возведенные Аденой и ройгианцами преграды оскверненный перстень почуял, как кровь Рене восстала сама на себя, как и предсказала старая Зенобия. Измена Лумэна, похоже, стала вторым шагом к смертному греху, если считать первым предательство Анхеля. Обладая Кольцом императора, мы узнаем и о третьем шаге, и о четвертом, после чего следует ожидать Последнего Греха и появления в мире пресловутого Антипода, каковым Эрасти полагал нашего заморского знакомого. Тот наконец раскроет себя, и мы сможем нанести удар, как только магические бури, которые начнут сотрясать Тарру, позволят нам выбраться незамеченными.

Не скрою, наш план был далек от совершенства, но лучшего не было. Когда я представляла, сколько горя и смертей мы смогли бы предотвратить, вместо того чтобы нюхать цветочки, мне хотелось взвыть в голос. Я провела в саду пять с половиной дней. Двадцать два года! Шарло сейчас около пятидесяти. Если он, конечно, жив. Интересно, вышло ли у него что-то с Эстой, или жизнь разбросала их в разные стороны? Мы с Эрасти долго обсуждали откровения старого Эрика и гадали, что значит «Последний из Королей». Последний в роду? Последний король Арции? Вообще последний земной владыка? Если бы это был Шарль, я была бы спокойна, он сражался бы на нашей стороне, и сражался отменно.

Церна был уверен, что после четырех предательств начнется война или восстание, причем не будет жестокости или подлости, от которой во имя победы откажется, по крайней мере, одна из сторон. Тогда-то и будет свершен последний грех, затем в ход пойдет магия, от простых заклятий до чудовищных ритуалов, после чего Тарра вновь получит сомнительное счастье лицезреть Ройгу, а затем и Антипода. Разумеется, он не будет пахнуть серой и нечистотами и стучать копытами. Скорее всего он примет образ чего-то вполне благолепного, а то и богоугодного. Эта чертова кукла Циала стала Архипастырем, почему бы нашему злыдню не взять с нее пример? Очень удобно...

Насколько было бы лучше и для нас, и для Тарры, если бы мы могли наблюдать за происходящим. Только бы выбраться отсюда незамеченными, а там мы бы не растерялись. И я, и Эрасти владели эльфийской магией и умели путать следы. Нас ждал Гиб, я очень надеялась и на встречу с Эмзаром и Романом, и на наших милых болотников, но пока это были лишь мечты и вздохи. Если в Тарре не поднимется такой же магический шум, как во время моего бегства или схватки с Оленем, незамеченными нам выбраться. Конечно, существовал ничтожный шанс, что нам откроют дорогу снаружи, но надеяться на это вряд ли стоило. Нам оставалось только ждать и, чтобы не сойти с ума от тревоги за оставшихся, думать над пророчествами. Я еще раз повернула перстень Анхеля, вглядываясь в черную глубину, слегка отливающую красным. Эрасти отдал мне это кольцо, когда я вернула ему оба талисмана. Кто же и когда свершит два оставшихся греха?

Я тайком глянула на Эрасти, сидящего у воды, он почувствовал мой взгляд, оглянулся

и махнул рукой. Хорошо, что он вновь стал самим собой и готов к бою. Я все-таки сделала это!

2871 год от В.И.

22-й день месяца Волка.

Тагэре

Рауль ре Фло подъехал к Тагэре на исходе ветреного дня, который никак не мог решить, зимний он или осенний. Под конскими ногами похрустывали смерзшиеся листья, иней покрывал берега Арты, но темная быстрая вода и не думала о ледяном смирении. Рауль поднял глаза на главную башню. Знамени не было, да и не могло быть. Хозяин замка в Мунте, а здесь лишь вдовствующая герцогиня с младшими детьми. Однако караул нес службу исправно. Их заметили. Ветер услужливо донес голос сигнальной трубы. Дени молодец, сделал все как надо, может оставить Тагэре с чистой совестью и спокойным сердцем. Надо полагать, капитан приглядел кого-то, кому можно поручить замок, а сам Гретье нужен во Фло. Эста вольна поступать так, как ей хочется, коль она решила похоронить себя в северном замке, это ее право, но жизнь продолжается, и дел впереди даже не гора, а горный хребет!

Граф радостно приветствовал знакомых, которые, в свою очередь, весело прокричали здравицу владетелю Фло. Можно не сомневаться, что северянам найдется о чем поговорить с его воинами, пока он будет объясняться с Эстой. Филипп поручил ему забрать братьев во Фло. Граф не знал, как король объяснил свое решение матери, но истинной причиной была потребность мальчишек в мужской руке и обществе сверстников, а Эста не желала видеть в Тагэре никого. Она проводила целые дни или за вышиванием, или в иглечии у надгробий мужа и сына, словно бы не замечая уцелевших детей. Замок оказался на плечах у старшей дочери Шарло, но Марта останется здесь недолго. Весной Филипп выдаст сестру за герцога Оргонды. Это разумное решение. Тридцатилетний Марк не слишком-то твердый и умный человек, хоть и велит называть себя Отважным. Марта с ее красотой и умом наверняка сделает мужа хорошим союзником, тем паче Оргонда с Ифраной как кошка с собакой... Эстела же, если не передумает и не уедет к сыну или матери, останется лишь с двенадцатилетней Лаурой.

Странное дело, и он, и Филипп не то что побаиваются Эсту, но в ее присутствии становится как-то холодно и тяжело. Король, похоже, даже рад, что мать не вмешивается в его дела, хотя это странно. Старшая дочь покойного Этьена всегда была властолюбивой, не то что «колдунья» Марион...

– Я рада тебя видеть, Рауль. – В лиловом с белой каймой покрывале Эстела Тагэре напоминала какую-то из древних королей, но какую именно, граф забыл.

– Прекрасно выглядишь, – покривил душой ре Фло.

– Благодарю, – кивнула она, хотя раньше комплименты вызывали ее на длинный шуточный разговор. – Ты приехал как граф ре Фло или как посланец Филиппа?

– И то и другое. Я привез письмо, это правда, но я и так собирался всех вас повидать и заодно забрать Дени. Он мне нужен, а войны на севере пока не предвидится.

– Что ж, тебе виднее. Гарнизон в полном порядке, он может ехать.

– Так ты не против?

– Не против. Я думаю, тебе следует отдохнуть с дороги.

Она была права, но отдыха не получилось. Слишком много оказалось дел, которые следовало уладить. Задерживаться в Тагэре ре Фло не мог. Не «не хотел», а именно не мог, потому что без Шарля замок казался мертвым. Даже знакомые комнаты, в которых он жил юношей, насквозь пропитались горьковатым запахом атэвской смолы¹²⁰, напоминая то, о чем хотелось забыть. Рауля бросало из крайности в крайность. То ему казалось, что он

¹²⁰ Смола пирамидальной сосны, растущей на побережье Атэва, используется во время траурных служб.

приехал на похороны, то (когда горящие в каминах поленья и ароматы кухни перебивали атэвские благовония) его заносило в прошлое. Казалось, что вот-вот по мосту процокают копыта Пепла, Шарло спрыгнет с коня, на ходу сбрасывая промокший плащ, взлетит по лестнице, засмеется, протянет ладони к огню... Проклятый! До какой же степени память берет над нами власть!

Граф ре Фло, сжав зубы, занялся неотложным. Вместе с Дени Гретье, которого грядущий отъезд сначала чуть ли не огорчил, а потом, наоборот, несказанно обрадовал, Рауль обошел замок, лишний раз убедившись в уме и прилежности своего капитана. Поговорил с четырьмя младшими офицерами потолковее и назначил преемником Гретье Арсена Лагара. Поговорил о нем с Эстелой, которая равнодушно согласилась на замену. Точно так же, не поднимая глаз от вышивки, вдова Шарло заметила, что, раз Филипп считает, что братьям будет лучше во Фло, она не возражает. Только кузен должен помнить, что Александр посвятит себя церкви, и поэтому она хотела бы, чтобы с ним поехал и его учитель. Рауль вздохнул с облегчением. Он предполагал, что Эстела будет сопротивляться, но она, похоже, была даже рада отъезду сыновей.

Через три дня герцоги Ларрэн и Эстре в сопровождении своего старшего кузена, капитана Гретье и двух сотен воинов покинули Тагэре. Накануне выпал снег, утро было морозным и ясным, из лошадиных ноздрей выбивались нежные струйки пара, над высокими серым башнями кружили вороны. Кавалькада рысью шла вдоль торопливой реки, эльтские подковы оставляли на нетронutom снегу четкие отпечатки. На повороте дороги Рауль в последний раз оглянулся на замок без флага и столкнулся взглядом с младшим кузеном. Александр ехал вместе с Гретье. Мальчик не захотел путешествовать в карете вместе с братом Евтихием, и Рауль его прекрасно понимал, лично он с этой тощей крысой не смог бы провести и десятички. Ре Фло немного волновало, не простудится ли мальчишка, хотя, похоже, разговоры о хрупком здоровье Сандера несколько преувеличены. Как бы то ни было, Дени с ним ладит, а это добрый знак. Шарло отнюдь не собирался загонять младшего в монастырь, и он, Рауль, постарается исполнить волю друга. Граф придержал коня и, поравнявшись с Дени и Сандером, заметил:

– Эскотцы говорят, что нет лучше приметы, чем выехать по первому снегу да еще при солнце. Это твоя первая дальняя дорога, Сандер. Загадай три желания, они исполнятся.

Мальчик немного подумал и тряхнул головой.

– Я загадал, только они не могут сбыться.

– Никогда не говори слова «не могут». Если захочешь по-настоящему, сбудутся как миленькие. Над смертью мы не властны, это так, но наша жизнь в наших руках и больше ни в чьих.

Проклятый, у парнишки не только глаза Шарля, но и его улыбка! Жить ему, конечно, будет непросто, ну да горб на душе куда хуже, чем на спине. Будет и на его улице праздник. Ре Фло подмигнул кузену и вновь занял место во главе отряда.

ЭПИЛОГ

– *А он изрядно изменился.*

– *Вот уж нет. Он набрался сил и, похоже, научился кое-чему не только на своей ошибке, а и на множестве чужих, но никоим образом не изменился. По-прежнему его основное оружие – предательства и соблазны, а его сила в слабостях и противников, и союзников.*

– *В последнее время его союзники становятся все мельче и омерзительнее, если, разумеется, исключить нашего странствующего собеседника.*

– *Я бы не назвал Странника его союзником. Скорее наследником или, вернее, охотником, который ждет, когда собака пригонит ему дичь, которую он сам ни учуять не в силах, ни догнать...*

– *Низко же ты ставишь того, кто берется учить всех, даже тебя, хотя ты и отдал*

право действовать за право знать.

– Я отдаю ему должное, брат. Его намерения чисты, он уверен в своей правоте.

– Настолько уверен, что ради нее предал сам себя и тех, кто шел за ним, надеясь на одно и получая иное.

– Он, насколько мне помнится, называет это не предательством, а жертвой и оплакивает ее. Но хватит о нем. Его время еще не пришло.

– И не придет, если ты не ошибся в своем знании, а я в своем доверии... Хотя меня беспокоит порожденная нашим знакомцем гниль. Слишком много предательства и обмана... Ты прав, он многому научился, выпустив вместо десяти драконов тысячу змей.

– Брат, ты противоречишь сам себе. Не ты ли всегда превозносил сердца и души тех, кого почитающие себя великими не принимают в расчет.

– Есть предел боли, который не по силам даже смертным. И все же ты прав. Будем верить, что они продержатся, ведь осталось совсем недолго...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛЮДИ

Абуна Джаббу – атэвский ученый и астролог.

Али – брат калифа Усмана, полководец.

Альда – знатная мирийская фамилия. Сигна – морской змей.

Аквилена – циаалианка, сменившая Анастасию в замке Тагэре.

Анастасия (в миру Соланж Ноар) – циаалианка.

Андроник – кардинал Оргондский.

Антоний – епископ Эстрийский.

Анхель Светлый (1244—1310) – легендарный император Арции, символ доброго и мудрого правителя.

Аррои – династия, правящая в Арции с 2230 года.

Аррой Руис (1113—1167) – мятежный арцийский принц, родоначальник Арроев Эландских. Сигна – три белых нарцисса.

Аррой Рене-Аларик-Руис, герцог и-Рьего сигнор че Вьяхе (2180—2231?) – Первый Паладин Зеленого храма Осейны, великий герцог Эланда (2228—2231?), король Таяны, господарь Тарски, император Арции Рене Первый (2230). Сигна – белый волк, воющий на луну.

Аррой Стефан-Рене-Аларик, сигнор че Ри (2212—2274) – император Арции Рене Второй Смелый (2231—2274), сын Рене Первого.

Артур – клирик в замке Тагэре.

Аугуста – жена капитана замка Тагэре.

Баадук (1201—1256) – почитается в Эр-Атэве пророком, основатель религии.

Бартоломей – кардинал Фронтерский.

Батары – знатная арцийская фамилия. Сигна – крылатый змей.

Батар Конрад – маршал Арции при королеве Агнесе.

Бэррот – знатная арцийская фамилия. Сигна – черный лис в короне.

Бэррот Луи – канцлер Арции.

Валериан – органист в замке Тагэре.

Валлок – барон, соратник Тагэре. Сигна – стрела, пронзающая облако.

Вернон – воин в Тагэре.

Виргиния – Предстоятельница циаалианского ордена.

Гардани – таянская королевская династия. Сигна – изогнутый меч на фоне трехглавой горы, из-за которой поднимается солнце.

Гардани Белинда-Лара-Эттина (2215—2256) – дочь Шандера Гардани, императрица

Арции (2233—2256), жена Рене Второго.

Гардани Шандер (2195—2264) – Великий Герцог Таяны (2230—2264).

Гарро Жиль – начальник Тайной Канцелярии Арции.

Гартажи – знатная арцийская фамилия. Сигна – орлиная лапа.

Гартаж Артур – сторонник Лумэнов.

Гартаж Эжен – младший брат Артура, участник битвы при Эльте.

Генриетта – бланкиссима, настоятельница Фей-Вэйи.

Герары – арцийская дворянская фамилия. Сигна – Альбатрос.

Герар Амбруаз – нобиль из Тагэре.

Гийом – сигурант Агнесы.

Гог Флоримон – капитан эскотских наемников.

Годой Монтайе Михай-Эсейб-Удад (2172—2230) – господарь Тарски, герцог, самозванный регент Таяны и император Арции.

Годой Мария-Герика (2209—2231?) – единственная дочь Михая Годоя, наследница Тарски, впоследствии королева Таяны и госпожа Тарски.

Гретье Дени – капитан Рауля ре Фло, учитель Александра.

Дафна – наперсница мирийской герцогини Эвфразии.

Диана – бланкиссима в Мунте и Арции.

Доминик – антонианский епископ в Мунте.

Дорже Лионэль – Белый Паладин.

Евгений – кардинал Арции.

Евтихий – клирик, учитель Александра Тагэре.

Елена – бланкиссима Авиры и Ифраны.

Жак – воин ре Фло.

Жерве – белый рыцарь из Фей-Вэйи.

Жарвье – глава мунтского ополчения, старейшина цеха краснодеревщиков и гобеленщиков.

Жозеф по прозвищу Паук – король Ифраны.

Зенон – господарь Фронтерский.

Иданнэ Ренат – виконт, наследник графа Койла.

Илларион (Изье Жорес) – антонианский епископ в Мунте, сменивший Доминика.

Инта (гоблинская транскрипция имени Линета) – легендарная возлюбленная сына Омма.

Иоакиммиус Рэггский (2169—2254) – сподвижник Филиппа и Феликса, один из самых влиятельных кардиналов, впоследствии настоятель монастыря Святого Эрасти Гидалского в Эр-Атэве, причислен к лику святых.

Иоанн – настоятель обители Святого Эрасти Гидалского, преемник владыки Никодима.

Иоакимф – Архипастырь (2823—2864).

Карне – Белый рыцарь.

Килина – бланкиссима Фронтеры.

Катто – дворянская семья. Сигна – летучая мышь и роза.

Козима – сестра-наставница в Мунте.

Койла – знатная арцийская фамилия. Сигна – два скрещенных копыя и бычья голова.

Койла Гастон – приближенный Филиппа Четвертого.

Корнелиус – медикус и астролог-самоучка в замке Тагэре.

Корнелия – бланкиссима Оргонды.

Кроасс Антуан – молочный брат Обена Трюэля, воин.

Крэсси Люсьен – барон, сторонник Лумэнов. Сигна – три звезды на голубом поле, отделенные алой волнистой чертой от силуэта замка.

Кэрна (ранее произносилось как Церна) – фамилия, правящая в Мирии с 1814 года. Сигна – пылающее сердце.

Кэрна (Церна) Эрасти-Рафаэль (1245—1282) – сподвижник императора Анхеля,

причислен к лику святых.

Энрике – *Янтарные глаза* – герцог Мирии.

Эвфразия – супруга герцога Энрике.

Рафаэль (Рито) – старший сын герцога Энрике.

Антонио (Тието) – младший сын герцога Энрике.

Дариоло (Даро) – дочь герцога Энрике.

Лагары – дворянская фамилия. Сигна – сердце на фоне морской волны.

Лагар Арсен – капитан Тагэре.

Ландеи – арцийская аристократическая фамилия. Сигна – атакующий вепрь.

Леокадия – циапианка.

Лиффо – бароны, сторонники Лумэнов. Сигна – золотое дерево на зеленом поле.

Ллуэве Рената – графиня, фаворитка Энрике мирийского.

Лумэны (Лумэн-Аррои) – ветвь Арроев, ведущая начало от третьего сына императора Шарля Третьего. Сигна – три золотых нарцисса на алом фоне.

Лумэн Пьер – король, правящий под именем Пьера Шестого.

Агнеса – супруга Пьера Шестого.

Филипп – принц Гаэльзский, сын Агнесы.

Майхуб (2189—2266) – знаменитый калиф Эр-Атэва.

Малик – евнух, доверенное лицо калифа Усмана.

Мальвани – арцийская аристократическая фамилия. Сигна – лежащий тигр.

Мальвани Сезар (2184—2278) – маршал Арции, герой Войны Оленя.

Мальвани Сезар (2292—2845) – отец Анри, маршал Арции.

Мальвани Анри – маршал Арции, друг Шарля Тагэре.

Мальвани Миранда – супруга Анри Мальвани.

Мальвани Жорж – брат Анри, эрастианец.

Мальвани Сезар, виконт Малве – сын Анри Мальвани. Сигна – нападающий ястреб.

Мария – циапианка.

Марк ре Ги – герцог Оргонды.

Матей – арцийская аристократическая фамилия. Сигна – воткнутый в срубленный дуб топор.

Максимилиан (2194—2288) – сначала кардинал Вриона, затем Таяны, Тарски и Эланда, а с 2237 года Архипастырь.

Мулан Аугуст-Анри – граф, Белый рыцарь.

Наджед – старший сын калифа Усмана.

Никодим – настоятель обители Святого Эрасти Гидалского.

Одуа р'Изье – знатная арцийская фамилия. Сигна – целящийся лучник.

Ораты – знатная арцийская фамилия, родственники ре Фло. Сигна – золотой барсук, пронзенный черным копьем.

Орат Эдвар – двоюродный кузен по матери братьев Тагэре.

Орест – Предстоятель ордена антонианцев.

Пепита – куртизанка в Мунте.

Раулина – бланкиссима Дарнии.

Рузо Валентин – Белый рыцарь.

Сарриж Эркюль, ифранский герцог – двоюродный брат по матери короля Жозефа и отец Агнесы, королевы Арции. Сигна – два перекрещенных павлиньих пера на малиновом поле.

Стэнье – знатная арцийская фамилия. Сигна – белый олень.

Тагэре – ветвь Арроев, ведущая род от четвертого сына короля Шарля Третьего. Сигна – три серебряных нарцисса на синем фоне.

Тагэре Шарль – герцог Эльты, правнук короля Филиппа Третьего. Сигна – вставший на дыбы серебряный конь на синем фоне.

Тагэре Филипп, граф Марцийский – старший сын Шарля Тагэре. Сигна – белый сокол в

кольце, образованном путами для лошади.

Тагэре Эдмон, граф Рунский – второй сын Шарля Тагэре.

Тагэре Жоффруа – третий сын герцога Тагэре Арроя.

Тагэре Шарль-Руис-Александр – младший сын герцога Шарля.

Тагэре Марта – старшая дочь Шарля Тагэре.

Тагэре Лаура – младшая дочь Шарля Тагэре.

Тартю – знатная арцийская фамилия. Сигна – белая борзая на алом фоне.

Тартю Орельен – муж Анжелики Фарбье.

Теодора – циапианка.

Тин Луи – аюдант Эдмона Тагэре.

Тома – хозяин трактира «Щедрый нобиль» в Мунте.

Тонро Жан – клирик.

Трюэли – знатная арцийская фамилия. Сигна – лежащий бык и ветка яблони.

Трюэль Арман – в 1218—1230 гг. возглавлял тайную канцелярию Арции.

Трюэль Обен – барон, начальник городской стражи Мунта.

Трюэль Одетта, в циапианстве бланкиссима Агриппина, – его сестра.

Усман – калиф атэвов.

Фарбье – потомки Жана Лумэна от Катрин Одуа, его постоянной любовницы. Сигна – слон на алом поле, по которому идут кошачьи следы (с 2847 по 2862 г. и с месяца Дракона 2895 по месяц Влюбленных 2897 г. не изображались), с башней на спине, полной воинов.

Жан Фарбье Первый – сын Жана Лумэна и Катрин Одуа, после узурпации власти Лумэнами был легитимизирован.

Жан Фарбье Второй – двоюродный дядя короля Генриха Шестого, в царствование которого являлся фактическим правителем Арции.

Поль Фарбье – младший брат и доверенное лицо Жана.

Эдвар Фарбье – брат Жана Фарбье Второго.

Анжелика Фарбье – дочь Жана Фарбье Второго.

Жиль Фарбье – сын Жана Фарбье Второго.

Феликс I – Архипастырь (2227—2236), герой Войны Оленя.

Филипп XI – Архипастырь Церкви Единой и Единственной (2204—2227).

Фло – аристократическая арцийская фамилия. Сигна – медведь.

Этьен ре Фло, прозванный Старый Медведь, – глава рода ре Фло, отец Леона, Рауля и Эстелы.

Леон ре Фло – старший сын графа Этьена ре Фло.

Рауль ре Фло – младший сын графа Этьена, друг и соратник Шарля Тагэре.

Фло Рауль, виконт Тарве – старший сын графа Леона ре Фло. Сигна – белое изломанное стропило на красном фоне.

Фло Магда, урожденная графиня Ландей, – его жена.

Фло Изабель – его старшая дочь.

Фло Жаклин – его младшая дочь.

Фло Делия – жена Рауля ре Фло-старшего.

Фло Эстела – старшая дочь графа Этьена ре Фло, жена Шарля Тагэре.

Фло Марион, в замужестве Койла, – младшая дочь графа Этьена.

Цецилия – циапианка.

Циала Тарская, Циала Благословенная, равноапостольная Циала (1291—1373) – дочь Тарского господаря, единственная в истории Церкви Архипастырь-женщина (1316—1373), сокрушившая Проклятого. Причислена к лику святых.

Шада – арцийские графы, сторонники Тагэре. Сигна – мужская рука с мечом, вздымающаяся из облака.

Эдгар – воин ре Фло.

Эвгле Иаков – судебный маг.

Эж – бароны, сторонники Лумэнов. Сигна – две гончие, бегущие по алому полю.
Эпоминонд – пастырь Мирии.
Яфе – младший сын калифа Усмана.

ЭЛЬФЫ

Астен Кленовая Ветвь – сын Ларэна и Залиэли, глава дома Розы, отец Рамиэрля. Убежденный сторонник того, что эльфы должны быть защитниками и хранителями Тарры. Погиб в 2228 году от руки собственной дочери.

Залиэль Ночная Фиалка – мать Эмзара и Астена, последняя из Лебединых королей, тайно покинувшая свой клан во имя любви к Ларэну Лунному. Погибла в Сером море в 2231 году.

Ларэн Лунный Свет – последний из королев клана Полной Луны. Исчез в Сером море во время попытки достичь Места Силы в 1407 году.

Нэо Рамиэрль (Нэо Звездный Дым), он же Роман Ясный (Роман-Александр ч'Вэла-и-Пантана) – сын Астена, разведчик в мире людей. Сигна – белая роза в скрещении солнечных лучей.

Клэр Утренний Ветер – рыцарь Осени. Сигна – золотой кленовый лист.

Эмзар Снежное Крыло – старший брат Астена по матери, король «Лебедей». Сигна – взлетающий лебедь.

СВЕТОЗАРНЫЕ

Адена (Дева) – одна из Семи Светлых Богов Тарры. Покровительница искусств, удовольствий и любви ради любви. Знак – Лебедь.

Ангес (Воин) – один из Семи Светлых Богов Тарры, Бог Войны, железа и прощения. Знак – Волк.

Арцей (Владыка) – глава Семи Светлых Богов Тарры, Бог Солнца, Молний и Пламени. Знак – Кондор и Лев.

ПРЕЖНИЕ БОГИ ТАРРЫ

Омм – Отец Богов. Часто принимал обличье гигантской рыси.

Ройгу – повелитель тумана, лжи и снов. Часто принимал обличье белого оленя.

ИНЫЕ СИЛЫ

Великие Братья – легендарные покровители затонувшего в 2585 году Эланда, принимавшие облик огромного орла и золотого Дракона.

Проклятый – маг, заточенный святой Циалой в Месте Силы за Последними горами.

Эстель Оскора (Темная Звезда), Герики Годойя – возлюбленная счастливчика Рене.

МАГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

Андриаманзака Ракатуманга Жан-Флорентин – философский жаб.

Гиб – водяной конь.

Loyaulte me lie¹²¹ – девиз Ричарда Йорка.

¹²¹ «Верность делает меня твердым» (старофр.)

